

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

На правах рукописи

Русланов Евгений Владимирович

**БЕРЕГОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН В СИСТЕМЕ
ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА**

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН
Горбунов В.С.

Уфа – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ	12
1.1. История изучения археологических микрорайонов. Генезис идеи и методы исследования.....	12
1.2. Методика изучения археологических микрорайонов.....	20
1.3. Археологические микрорайоны Южного Урала.....	26
ГЛАВА 2. БЕРЕГОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	44
2.1. История изучения памятников Береговского АМР.....	44
2.2. Современные природно-географические условия.....	47
2.3. Палеоэкология и палеогеография микрорайона.....	50
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	63
3.1. Береговский АМР в эпоху энеолита и бронзы.....	64
3.1.1. Хронология памятников эпохи бронзы.....	75
3.1.2. Аспекты хозяйственной адаптации населения Береговского АМР в эпоху бронзы.....	108
3.3. Береговский археологический микрорайон в раннем железном веке.....	139
3.4. Береговский АМР в эпоху средневековья.....	146
3.5. Палеодемографическая оценка численности населения Береговского археологического микрорайона.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	174
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	234
1. ТАБЛИЦЫ.....	236
2. ПАМЯТНИКИ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА.....	244
3. СЛЕДЫ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ.....	297
4. ТЕХНИКО – ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА.....	305
5. ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	310

ВВЕДЕНИЕ

Южный Урал – самая широкая часть Уральских гор – остатков бывшей горной системы, который охватывает основную часть Башкортостана, всю площадь современной Челябинской области и территории, располагающиеся к востоку от данного региона. Рельеф Южного Урала сложный: многочисленные разновысотные хребты юго-западного и меридионального направлений расчленены глубокими продольными и поперечными понижениями и долинами. Исторически и экономически с Южным Уралом тесно связаны Приуралье и Зауралье – территории, прилегающие к нему с запада и востока, а вдоль восточного подножия Уральских гор обычно проводят границу между Европой и Азией.

Приуралье, в свою очередь, подразделяется на две подобласти: платформенную (степную или лесостепную), приуроченную к восточной окраине русской платформы (равнины), и предгорную (или бельскую) депрессию, которая вытянулась вдоль западного склона Башкирского Урала по реке Белой. Территория традиционно считается зоной интенсивных контактов между различными археологическими культурами, чему способствовала разветвленная речная система (главной речной артерией Приуралья является р. Белая и ее притоки Уфа, Уршак, Нугуш, Дема, Быстрый Танып и др.) и пограничность региона, обусловленная стыком нескольких природных зон: лесной, лесостепной и степной. Совокупность этих факторов сыграла решающую роль в инфильтрации, ассимиляции и других межкультурных процессах, связанных с передвижением населения во все исторические эпохи. В свою очередь, эти трансформации оставили свой след в виде археологических памятников, равномерно рассредоточенных на этой территории. Многие из них сконцентрированы в регионе в своеобразные территориальные группы, находящиеся в особых природных условиях. Где-то эти памятники, вне зависимости от их хронологической и культурной принадлежности, создают группы, уловимые при картографировании, в иных

случаях они расположены дисперсно (рис. 1-5). Однако существуют участки местности с удивительно плотным и компактным расположением археологических объектов на довольно ограниченной по площади территории. Пристальное изучение и картографирование подобных участков привело к пониманию необходимости поиска их географических границ (естественные преграды, т.е. горы, реки, сеть крупных озер и т.д.), за которыми распространение археологических памятников либо прерывалось, либо их число значительно сокращалось.

Такие области включали в себя большое количество археологических объектов, раскрывающих историческую изменчивость археологического пространства Южного Урала с эпохи камня до позднего средневековья, тем самым, создавая как бы особую территорию с абсолютно индивидуальной спецификой, отражающей проходившие здесь исторические процессы. Они крайне актуальны и перспективны для изучения и оперирования имеющейся информацией, благодаря наличию сквозных хронологических колонок.

Данные археологические области обозначены нами понятием «археологический микрорайон» (*далее* — АМР). Термин, включающий различные трактовки, достаточно давно и широко используется в археологической науке (Горбунов В.С., Матющенко В.И., Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Тихонов С.С., Татауров С.Ф. и др.).

Из выделенных к этому времени на территории Южного Урала археологических микрорайонов, наиболее полно всем выдвинутым критериям отвечает Береговский археологический микрорайон (*далее* — БАМР), расположенный в предгорной части западного склона Уральской горной страны. Для него характерна плотная концентрация археологических памятников на довольно компактной, жестко ограниченной территории правобережья среднего течения р. Белая. Территория БАМР занимает часть широкой (до 12 км) поймы, изрезанной многочисленными старицами. Протяженность микрорайона 15-17 км, общая площадь 204 кв.км. В границах микрорайона известен 31 объект археологического наследия (рис. 1, 6, 7). Для

Южного Урала это уникальный случай такой плотной концентрации памятников на локальной территории.

Таким образом, **актуальность работы** заключается в необходимости выработки универсального определения термина «археологический микрорайон», реконструкции историко-культурных процессов путем введения в научный оборот всех имеющихся материалов для расширения хронологических границ Береговского археологического микрорайона, выделенного В.С. Горбуновым, и установления места БАМР в системе древностей Южного Урала.

Объект исследования – материалы поселенческих и погребальных памятников энеолитического времени, эпохи бронзы, раннего железного века, раннего и позднего средневековья, расположенные в границах БАМР.

Предметом исследования является динамика развития археологических культур Южного Урала эпохи энеолита – средневековья в границах Береговского археологического микрорайона, принципы адаптации населения к изменяющимся условиям окружающей среды.

Географические рамки исследования охватывают часть предгорной (или бельской) депрессии, которая вытянулась вдоль западного склона Уральской горной системы в пределах Южного Приуралья. Микрорайон расположен в Мелеузовском районе Республики Башкортостан в междуречье рек Белая и Нугуш.

Хронологические рамки исследования охватывают период с III тыс. до н.э. – по XIV вв. н.э. и обусловлены временем функционирования обнаруженных объектов археологии. Для эпохи энеолита и бронзы применяются калиброванные радиоуглеродные даты. Для памятников РЖВ и средневековья используются современные общепринятые датировки.

Степень разработанности темы исследования. Начальный этап в изучении памятников микрорайона связан с деятельностью Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета под руководством К.В. Сальникова, В.П. Викторова, В.Д. Викторовой, Е.М. Берс, в 1950-х гг.

активно изучавших памятники этой территории (Береговские поселения, Береговские I курганы). Наиболее плодотворный этап связан с деятельностью В.С. Горбунова, экспедициями которого с 1970-х по конец 1980-х гг. открыто и изучено большое количество памятников в пределах микрорайона (Береговские поселения, Юмаковские поселения, Береговский, Красногорский, Юмаковские курганные могильники). Совместно с ним в изучении памятников микрорайона принимали участие М.Ф. Обыденнов (Красногорский I курганный могильник); А.Д. Пряхин (Береговские I, II поселения, Береговский I могильник); А.Х. Пшеничнюк (Дербеневский могильник), В.А. Иванов (Канбулатовский курганный могильник).

С 2013 по 2016 гг. микрорайон исследует экспедиция под руководством автора диссертационного исследования. За это время открыто 8 новых памятников эпохи бронзы. Осмотрены все известные ранее памятники, сняты новые инструментальные планы. Автором проведены раскопки и последующее комплексное исследование материалов стоянки эпохи бронзы Озерки I.

Разведочные работы автора подтвердили тенденцию к расположению памятников эпохи бронзы по берегам озер- стариц и их отсутствия вдоль современных русел рек Белой и Нугуша, предложенную В.С. Горбуновым [Горбунов, 1989]. В ходе сплошных разведочных работ также не было выявлено поселенческих памятников эпохи РЖВ и раннего средневековья, что говорит об использовании кочевниками территории микрорайона лишь для кратковременного пребывания.

Материал, полученный в ходе полевых работ на БАМР, послужил как основой, так и дополнительной источниковой базой при создании обобщающих трудов по археологии Южного Приуралья [Горбунов, 1992] и описанию различных категорий материальной и духовной культуры населения [Мухаметдинов, Русланов, 2018].

Однако до настоящего времени не было проведено комплексного анализа всех выявленных объектов БАМР – не был создан каталог

памятников, нет оценки хозяйственно-культурных, хронологических, палеодемографических аспектов жизни населения, осваивавших микрорайон в древности и средневековье, не определена его значимость в общем комплексе АМР Южного Урала. Не разработана типология археологических микрорайонов Южного Урала.

Целью настоящего исследования является характеристика культурно-исторических процессов, протекавших на территории микрорайона в энеолите - средневековье в контексте взаимодействия населения и природной среды, и установление места Береговского археологического микрорайона в системе древностей Южного Урала.

Исходя из поставленной цели, определяются следующие **задачи исследовательской работы:**

1. Уточнение методики современного исследования археологических микрорайонов на основе рассмотрения генезиса идеи, истории и методов их изучения. Апробация разработанных методов при описании и создании типологии археологических микрорайонов Южного Урала.

2. Систематизация и комплексная характеристика всей имеющейся источниковой базы памятников микрорайона.

3. Построение сквозной хронологической шкалы древностей микрорайона, существовавшего в виде дискретной территориальной целостности с энеолита до позднего средневековья, сквозь призму культурно-исторических процессов, происходивших в древности и средневековье на территории Южного Урала.

4. Установление этапов и причин заселения исследуемой территории в разные исторические периоды путем определения общих и индивидуальных принципов адаптации населения к конкретным ландшафтно-климатическим условиям, выявленным на основании комплексного анализа данных естественнонаучных дисциплин.

Источниковая база диссертационной работы включает в себя материалы 31 археологического объекта, исследованных В.П. Викторовым,

К.В. Сальниковым, В.С. Горбуновым, А.Д. Пряхиным, А.Х. Пшеничнюков, В.А. Ивановым и Е.В. Руслановым. Среди них 25 памятников (79,4%) относятся к эпохе бронзы; ранний железный век представлен 3 памятниками (10,3%); 3 (10,3%) – это тафокомплексы и селище эпохи средневековья. С эпохой энеолита связаны материалы суртандинской культуры, найденные в небольшом количестве в нижних слоях Береговского I, Юмаковского II и IV поселений и Береговского 4 селища.

Стационарными раскопками на территории микрорайона изучено 7 поселенческих объектов эпохи бронзы: 6 крупных поселений и 1 стоянка, содержащие материалы суртандинской, абашевской, синташтинской, срубной, алакульской, межовской археологических культур. Вскрыто 12620 кв.м, изучено 15 построек.

На территории микрорайона исследовано 9 курганных могильников, в которых раскопано 67 курганов из 174 выявленных. Под ними изучено 100 погребений от эпохи бронзы до позднего средневековья. Эпоха раннего железного века представлена впускным раннесарматским погребением в кургане 3 Береговского I могильника, находками клинкового оружия прохоровского и среднесарматского времени, крупными курганными некрополями позднесарматского времени: Дербеневским и Камбулатовским.

Эпоха раннего средневековья характеризуется тремя погребениями кушаренковской культуры под насыпями Красногорского II могильника и Береговского II одиночного кургана.

С эпохой позднего средневековья связаны материалы Береговского III селища, а также погребение под насыпью кургана 26 Дербеневского курганного могильника. Оба объекта относятся к золотоордынскому времени и датируются XIV в.

Методология и методика исследования. Методология предполагает комплексный подход к изучению археологических микрорайонов, подразумевающий использование наряду с традиционными археологическими методами также результатов естественнонаучных исследований. Она

базируется на общей теории познания, включающей принципы системного анализа, предполагающего подход к объектам исследования как к системной целостности, и изучению их и элементов во всей полноте взаимосвязей. Экологический подход позволяет анализировать развитие микрорайона в древности и средневековье: рассматривается взаимодействие человеческих коллективов (социума) с природной средой, адаптация общества к особенностям природной среды. При этом в процессе исследования современные экологические и географические данные изучаются во взаимосвязи с данными палеоэкологических и палеогеографических реконструкций. При анализе особенностей расположения и концентрации археологических памятников используется ландшафтный подход.

В ходе сбора материала и подготовки работы использовались традиционные методы полевых археологических исследований (разведочные работы и раскопки).

Применялся метод сравнительно-типологического анализа, позволяющий произвести корректное сопоставление основных категорий материальной культуры.

Картографический и геоморфологический методы позволили определить специфику расположения археологических памятников и их интеграцию в окружающий ландшафт.

Примененный метод комплексного исследования археологического источника основан на сочетании археологических методов с методами естественных наук в области экологии, геологии и географии, палеозоологии, палеодемографии и анализа погребального обряда. Данный фактор (комплексное исследование объектов БАМР) обусловил некоторую диспропорцию в объемах глав работы.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в работе автором уточнены критерии выделения АМР, предложенные В.С. Горбуновым [Горбунов, 1989] и разработана типология археологических микрорайонов Южного Урала.

Проведена оценка информативных возможностей одного из самых исследованных археологических микрорайонов Южного Урала – Береговского. Рассмотрены особенности данного АМР на фоне других микрорайонов Южного Урала.

Приводится наиболее полная характеристика БАМР – вводятся в научный оборот материалы по целому ряду новых археологических памятников, исследованных автором, позволяющие уточнить характер культурно-исторических процессов, проходивших на территории археологического микрорайона в древности и средневековье. В работе представлен не только обширный археологический материал, но и данные по геологии, экологии, палеогеографии, палеодемографии изучаемой территории.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Определено, что *археологический микрорайон* – это ограниченная по площади территория с определенными природными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности, (как синхронными, так и диахронными), многообразие и особенности которых непосредственно связаны с условиями конкретной экологической ниши.

2. Установлено, что для выделения АМР необходимо наличие следующих характеристик: комплекса природно-географических условий, различных ландшафтных типов, наличие естественных (природных) границ, а также разнообразных по типу и хронологии археологических памятников, отражающих использование территории АМР сообществом людей на протяжении продолжительного времени.

3. Разработанная автором методика изучения микрорайонов, предполагающая использование: 1) картографии и геоморфологии; 2) полевых археологических исследований; 3) метода сравнительно-типологического анализа; 4) мультидисциплинарного подхода; 5) методов демографического моделирования позволяет получить историческую картину жизни населения, оставившего памятники АМР.

4. Анализ АМР Южного Урала позволил структурировать имеющиеся скопления археологических памятников в качестве первичной исследовательской процедуры в несколько типов: речной, озерный, горно-долинный, водораздельный и производственный. В дальнейшем приведенные типы микрорайонов будут способствовать поиску объяснительных моделей возникновения того или иного археологического микрорайона.

5. Примером сущностного микрорайона (объективно и комплексно обладающего всеми необходимыми для АМР параметрами) является Береговский археологический микрорайон. Археологические памятники, плотно концентрирующиеся на его территории, фиксируют практически все историко-культурные процессы, проходившие на исследуемой территории с эпохи энеолита до золотоордынского времени, а его культурно-хронологическая шкала древностей отражает общерегиональную изменчивость.

6. Установлено, что БАМР занимает центральное место в системе древностей Южного Урала, обусловленное наличием именно на этой территории всех условий (благоприятные природно-климатические условия для ведения комплексного хозяйства, наличие рудопроявлений меди, выходы каменного сырья, развитая речная сеть), позволяющих адаптироваться населению древности и средневековья, оставивших большое количество изученных памятников.

7. Зафиксирована динамика освоения территории БАМР, по археологическим, палеогеографическим и палеодемографическим данным в ней выделяется два пика приходящиеся на эпоху поздней бронзы, срубная культура (XVIII-XV вв. до н.э.) и позднесарматское время (II-III – середина V вв. н.э.).

8. Сформирована рабочая модель локального дискретного культурогенеза, детерминированного конкретными природными условиями и границами в эпоху энеолита, бронзового века, эпохи раннего железного века и

средневековья. Полученные данные позволяют экстраполировать эту модель для локализации и изучения АМР на более обширных территориях.

Практическая ценность. Данное исследование имеет не только сугубо научное (методы исследования применимы при изучении других АМР), но и практическое значение. Результаты работы могут быть использованы при создании обобщающих работ по этнокультурной истории Южного Урала, написанию общих и специальных курсов по археологии, составлению археологической карты и свода памятников. В работе наиболее полно и детально отражено современное состояние одного из самых исследованных микрорайонов Южного Урала. Учитывая, что район находится в зоне повышенной антропогенной нагрузки, материалы работы могут являться основой для археологического мониторинга и проведения мероприятий, направленных на сохранение историко-культурного наследия.

Апробация результатов исследования. Основные выводы работы опубликованы в 24 научных статьях, 6 из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Различные аспекты исследования были озвучены на международных (Актобе, 2012; Казань, Болгар, 2014; Санкт-Петербург, 2016), всероссийских (Сыктывкар, 2013; Казань, 2014; Челябинск, 2015; Ижевск, 2016; Барнаул, 2017; Самара, 2018) и региональных (Ижевск, 2013; Сыктывкар, 2014; Ульяновск, 2014; Сибай, 2011; Стерлитамак, 2014; Уфа, 2011, 2013, 2015; 2016) научно-практических конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения в виде таблиц и карт. Иллюстративный материал демонстрирует весь репрезентативный источниковый комплекс: планы археологических объектов, прорисовки погребального и поселенческого инвентаря.

ГЛАВА 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ

1.1. История изучения археологических микрорайонов. Генезис идеи и методы исследования

За последние 30 лет в археологической литературе все чаще стал фигурировать термин «археологический микрорайон». Это связано со все возрастающим интересом к археологическому изучению локальных территорий, требующих применения новых методов и решений.

Историограф этой проблемы А.В. Жук с соавторами в ряде статей и монографии предприняли попытку усмотреть зарождение микрорайонной темы начиная с середины XIX в. в трудах А.Н. Доршкевича, В.Н. Берха, Ф.Н. Глинки и работавших чуть позже И.С. Полякова, А.А. Иностранцева, Б.Э. Петри и др. [Жук, 1994. С. 29-33; 1997. С. 43-75; Большаник, Жук, Матющенко и др., 2001]. Однако при детальном знакомстве с работами А.В. Жук становится ясно, что никаких микрорайонов в трудах этих ученых и их последователей, вплоть до Е.Е. Кузьминой, нет [Русланов, 2015].

Омские исследователи традиционно связывают начало возникновения метода исследования АМР с деятельностью С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова [Теплоухов, 1929. С. 41-62; Грязнов, 1952; Матющенко, Татауров, Татаурова, Тихонов, 1992. С. 104-139; Бобров, 1994. С. 17-19; 1994б. С. 69-79; Жук, 1994. С. 29-33; Большаник, Жук, Матющенко и др., 2001. С. 45; Татауров, Татаурова, Тихонов и др., 2011. С. 15-16]. Однако исследователями отмечено, что ни тот, ни другой так и не увидели в исследуемой территории археологические микрорайоны [Жук, 1994. С. 33; Татауров, Татаурова, Тихонов и др., 2001. С. 17]. Так, по их мнению, С.А. Теплоухов не увидел в материалах у с. Батени археологический микрорайон, так как он по большей части занимался типологией, классификацией материалов, выделением археологических культур или их локальных вариантов [Татауров, Татаурова, Тихонов и др., 2011. С. 17]. Это и не удивительно, перед ученым такого уровня как С.А. Теплоухов, стояли

совсем иные цели. Однако использование некоторых на данный момент общепринятых методов изучения АМР, таких как построение хронологических шкал, применение классификации и типологии при изучении материалов, полученных со сравнительно ограниченной территории, заставляют в некоторой степени видеть в работах С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова зачинателей идеи археологического микрорайоноведения.

Впервые термин «микрорайон» без приставки «археологический», но применительно именно к группе памятников эпохи неолита в своих работах использовал И.М. Гайдук [Гайдук, 1963. С. 49-51; 1965. С. 185-191]. Им не приводится никаких критериев выделения микрорайонов и причин включения определенных памятников в их состав. По всей видимости, стоит согласиться с С.С. Тихоновым, что И.М. Гайдук этот термин лишь впервые ввел в оборот [Тихонов, 2005. С. 125-128].

Дальнейшее развитие микрорайонной проблемы связано с ярким периодом, связанным с изучением древностей Еленовского микрорайона в научном творчестве выдающегося исследователя древностей эпохи бронзы Евразийских степей Е.Е. Кузьминой. На наш взгляд, именно в ее работах стоит усматривать зачатки этого направления. Прийти к этой тематике можно было лишь в процессе общенаучного осознания конкретной цели – исследовании локальных участков, археологических микрорайонов. На пороге этого понимания стоят работы Елены Ефимовны у Еленовки и Ушкатов в конце второй половины XX века [Кузьмина, 1964. С. 121-140; 1965. С. 40-51].

Важно отметить, что еще до начала работ перед Еленой Ефимовной стояла четкая исследовательская задача – максимально подробно изучить именно микрорайон памятников андроновской культуры. Следуя этому вектору, она осознанно выделяет Еленовский микрорайон, расположенный в восточной части Оренбургской области. Для этого была проведена тщательная разведка, составлена подробная карта, а на некоторых памятниках микрорайона были проведены рекогносцировочные раскопки. Благодаря этим раскопкам и используя метод статистической обработки керамического материала удалось

выстроить эталонную относительную хронологическую шкалу древностей эпохи поздней бронзы для этой территории [Кузьмина, 1965. С. 40-51].

Еще один важный сюжет связан с постановкой вопроса о причинах такой плотной концентрации памятников на этой территории в древности. Этим вопросом Е.Е. Кузьмина задается в конце одной из своих статей [Кузьмина, 1965. С. 40-51]. И находит ответ в находках многочисленных медных шлаков, отработанной породе, капельках меди и т.д. Это позволило ей предположить, что район Еленовки в древности был крупным металлургическим центром на базе Еленовского и Ушкаттинского рудников [Кузьмина, 1962. С. 88-92; 1965. С. 40-51]. Этот, имеющий принципиальное значение вопрос о причинах оседания человеческих коллективов на той или иной территории, был рассмотрен Е.Е. Кузьминой сквозь призму микрорайоноведения более полувека назад. Ею также изучены погребальные памятники, входящие в микрорайон [Кузьмина, 1964. С. 121-140]. Следовательно, впервые наиболее последовательно и осознанно проблему АМР попыталась решить в своих работах Е.Е. Кузьмина, используя практически весь набор методического инструментария, применяющегося ныне при исследовании археологических микрорайонов.

В 1990 г. в г. Воронеж прошла первая конференция, посвященная археологическим микрорайонам. Это дало толчок к всестороннему развитию тематики археологических микрорайонов, а археологическое сообщество, знакомое с этой тематикой, разделилось на два лагеря «за» и «против» выделения микрорайонов [Археологическое изучение..., 1990]. Далее платформой для проведения конференций, посвященных археологическим микрорайонам, стал г. Омск, где апробировались различные методики в их изучении, вырабатывался понятийный аппарат и смысловая нагрузка [АМР..., 1994, 1997, 1998, 2004, 2009].

В.И. Матющенко стоял у истоков теоретических аспектов изучения АМР [Матющенко, 1993. С. 32-34; 1994. С. 64-66; 1996. С. 23-25; 1997. С. 29-43; 1998. С. 40-42; Матющенко, Шерстобитова, 2004. С. 62-67]. Его многолетние раскопки у деревень Самусь и Еловка в Томской области, материалы которых стали

базовыми для эпохи бронзы западносибирского региона, также не привели к появлению концепции археологический микрорайон и к его трактовке. Взамен, возможно в роли синонима, Владимир Иванович использовал термин «комплекс памятников» [Тихонов, 2009. С. 7-10].

На современном этапе осмысления идеи археологического микрорайона ведущую роль играют несколько сибирских центров, расположенных в Тюмени, Новосибирске и Омске.

В первых двух городах усилиями А.В. и Н.П. Матвеевых создана археологическая школа, одним из направлений работы которой являются микрорайонные исследования. За последние годы ими было выпущено несколько комплексных монографических трудов [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003; Матвеева, Ларина, Берлина и др., 2005; Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008] где, так или иначе, затрагивается тема археологических микрорайонов. Е.Н. Волковым защищена кандидатская диссертация, а позже издана монография, в которой комплексно анализируются материалы эпохи камня – средневековья Ингальской долины, расположенной в Тоболо – Исетском междуречье [Волков, 2005; 2007]. Еще одна кандидатская диссертация, напрямую посвященная микрорайонам, была защищена в 2006 г. В.А. Суминым. В ней автор анализирует памятники эпохи камня – позднего средневековья в границах Крохалевского археологического микрорайона в Верхнем Приобье [Сумин, 2006].

Довольно активно разработку идеи АМР ведет научный коллектив, руководимый В.И. Молодиным, результатом чего являются несколько монографий, посвященных публикации памятника Сопка-2 [Молодин, 2001; Молодин, Соловьёв, 2004] и защита кандидатской диссертации Ж.В. Марченко, в которой анализируются материалы эпохи камня – бронзового века Среднетарского археологического микрорайона на р. Тара [Марченко, 2009].

Интереснейший археологический объект, урочище Барсова гора, расположен недалеко от г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Долгие годы изучения превратили это место в своего рода эталонный

археологический микрорайон [Чемякин, Зыков, 2004; Барсова Гора, 2008; Чемякин, 2009. С. 100-118]. Фактически археологические памятники Барсовой горы представляют собой «слоеный пирог», содержащий многообразную информацию по заселению среднего Приобья на протяжении семи тысячелетий. По мнению исследователей, дальнейшее изучение микрорайона поможет лучше осветить в хронологическом и культурном отношении практически весь период обитания человека на севере Западной Сибири.

Свой вклад в конкретизацию термина АМР внесли и барнаульские коллеги. В их коллективной монографии нет ответа на природу образования АМР, однако, на основе микрорайона в долине р. Бийке, авторами была выстроена культурно-хронологическая схема развития кочевых обществ Алтая от раннескифского до монгольского времени [Тишкин, Горбунов, 2005].

Огромную работу проделал коллектив омских археологов во главе с В.И. Матющенко. Коллективом проведены специальные семинары, конференции, посвященные проблеме археологических микрорайонов [Зотов, 2014. С. 69-71]. Организаторская способность В.И. Матющенко и его учеников (С.С. Тихонова, С.Ф. Татаурова, Л.В. Татауровой, А.В. Жука и др.) способствовала распространению идеи археологического микрорайоноведения среди широкого круга археологов.

Использование термина «археологический микрорайон» и оперирование методами микрорайоноведения в работе с узлокальными территориями на данном этапе являются распротранным явлением. Эта тенденция хорошо прослеживается по целому ряду публикаций, посвященных описаниям как уже известных, так и новым выделяемым АМР (Усть-Каменогорского; Шуулдакского, Каменный Амбар и др.) [Ткачев А., Ткачева, 1999. С. 136-145; Ткачев В., 2005. С. 220-230; Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011. С. 41-43].

Изучение археологических микрорайонов на данный момент довольно перспективное и динамично развивающееся направление. Новые технологические приемы в обработке и анализе полученного материала позволяют взглянуть на проблему формирования и развития АМР более

пристально. Результатом целенаправленного изучения АМР явилась выработка понятийного аппарата, методики и методов изучения микрорайонов и т.д. Сложилась определенная картина, раскрывающая саму сущность понятия АМР, переставшего быть абстрактной таксономической единицей.

Исследователями отмечаются следующие признаки выделения АМР:

1. Наличие местности с какими-либо естественными геоморфологическими границами. Здесь стоит согласиться с новосибирскими археологами, полагающими, что в само понятие «микрорайон» уже изначально заложена идея весьма ограниченного пространства.

2. Наличие различных ландшафтных типов в пределах микрорайона (пойма, лес, высокогорная тундра, альпийские луга, холмистый склон), способствующих развитию и ведению комплексного хозяйства. Данное обстоятельство, возможно, являлось основополагающим элементом при выборе населением территории АМР.

3. Наличие в микрорайоне памятников различных видов (погребальных, поселенческих, ритуально-культовых, памятников специфического вида: кладов, случайных находок, затопленных городов и др.) различной культурной и хронологической принадлежности, отражающих все исторические этапы развития и существования АМР.

Однако ряд методических вопросов в изучении микрорайонов ещё требуют дальнейшего изучения [Данченко, 2007. С. 96-99]. Исходя из этого, можно наметить круг проблем, требующих первоочередного разрешения.

Во-первых, на сегодняшний день отсутствует четкое определение понятия «археологический микрорайон». В своем понимании этого термина ученые далеки от единства, что было показано выше, и вкладывают в него различный смысл. При этом в большинстве случаев речь идет лишь об определённой географической привязке, что, на наш взгляд, в корне неверно, так как происходит замена понятия «группа памятников» термином «археологический микрорайон» имеющим развернутую трактовку.

Во-вторых, единство отсутствует в определении компонентов археологического микрорайона. На сегодняшний день нет унифицированных признаков для его выделения. Культурные и географические границы данных объектов, как правило, носят крайне условный характер.

В-третьих, существует явственная проблема в определении границ АМР. Нет четкого понятия, что собой представляет эта граница. Стоит ли ее выделять, опираясь на естественно-географические объекты (речные системы, горные массивы и т.д.), либо это условная граница распространения локального (эндемичного, туземного) варианта археологической культуры. Выделяются два направления. Часть исследователей считает, что это территория с достаточно четкими геоморфологическими и микроландшафтными границами, насыщенная памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности, как синхронными, так и разновременными, сложившимися на базе благоприятной экологической ситуации [Зубков, 1994. С. 36; Татаурова, 1994. С. 86; Полеводов, Плешкова, 1998. С. 48-53; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003. С. 13; Косинцев, 2004. С. 51-54; Матющенко, Шерстобитова, 2004. С. 64-67; Сумин, 2006. С. 3; Волков, 2007. С. 117; Бородовская, 2009. С. 15-19; Шутова, Капитонов, Кириллова, 2009. С. 7]. Другие, наоборот, видят в АМР не ограниченную какими-либо рамками поверхность суши, считая, что площадь археологических микрорайонов может быть достаточно большой [Матющенко, 1997. С. 29-43; Илюшин, 2004. С. 40-44; Татауров, Татаурова, Тихонов, 2011. С. 42].

В-четвертых, перспектива изучения пространственных связей между археологическими объектами в рамках археологических микрорайонов выглядит сомнительной без синхронизации их отдельных компонентов.

Таким образом, *археологический микрорайон* – это ограниченная по площади территория с определенными природными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности, (как синхронными, так и диахронными), многообразие и особенности которых непосредственно связаны с условиями конкретной экологической ниши.

Модель формирования археологического микрорайона, исходя из определения, предполагает следующие этапы. Наличие оптимальной территории – миграция¹ человеческого коллектива – хозяйственная деятельность мигрантов, направленная на освоение АМР – сакрализация пространства – устройство погребальных и меморативных (поминальных) комплексов – уход (вымирание, уничтожение) первичного коллектива – начало археологизации объектов АМР – вторичное заселение территории АМР – частичное либо полное повторение стадий освоения АМР – археологизация объектов АМР и т.д. – завершение формирования АМР с началом археологизации самого позднего в хронологическом отношении объекта [Русланов, 2013. С. 110-113].

Следовательно, при рассмотрении АМР не только как территории, включающей археологические памятники, а как хозяйственной основы развития жизни древнего населения, открываются возможности комплексного изучения специфики развития археологических культур, как в границах микрорайона, так и за его пределами.

1.2. Методика изучения археологических микрорайонов

Археология – одна из немногих наук, функционирование которой как научной системы обусловлено наличием конкретно установленных фактов. Способы получения этих фактов называются методами научного исследования. Как и любой другой вид умственной деятельности, научное исследование имеет свою структуру и методологию.

«Методология – философское учение о методах познания и преобразования действительности: применение принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному обществу вообще и к практике...» [Генинг,

---

¹ Миграция – один из наиболее важных факторов формирования АМР. В ходе миграций происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» человеческих коллективов, формирующие новые черты материальной культуры, что зачастую отражают памятники АМР.

1983. С. 9] Иначе говоря, это «учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности», или «системе принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе». Таким образом, методология – это учение о способах организации научной деятельности [Новиков А., Новиков Д., 2007. С. 11].

Выделяют четыре уровня методологии в научном исследовании. Первый – это философский уровень методологии. Второй – общенаучные методы исследования. Третий – конкретно-научные методы познания. Четвертый – технологические методы научного исследования [Рузавин, 1999. С. 67]. Как правило, научное исследование начинается со второго уровня, с общенаучных методов.

К числу общенаучных методов, принципов и подходов относятся системный и структурно-функциональный, а также моделирование, реконструкция и математико-статистические методы. На следующем этапе археологи пользуются конкретно-научными методами, такими как стратиграфические, датировочные, историко-культурные, типологические и т.д. На последнем этапе исследования применяются технологические методы. В археологической науке они чаще всего связываются с лабораторными физико-химическими исследованиями.

Л.С. Клейн, рассматривая методологическую основу археологии, пишет о её источниковедческом, прикладном характере, но допускает возможность «...за сохранившимися вещами, остатками и следами увидеть древние явления, события и процессы» [Клейн, 1992. С. 93-95; 2004. С. 162]. Он считает, что археология является «...особой методологически самостоятельной частной общественно-исторической дисциплиной», за пределами компетенции которой находится объяснение причин реконструируемых исторических явлений и выявление законов общественного развития [Клейн, 2004. С. 76].

На интерпретационном уровне методологию составляют философские учения и концепции, которые существовали, существуют и будут существовать. Источниковедение не самоцель археологической науки, а этап, результаты и

данные которого нуждаются в интерпретации. Восстановление истории и есть предмет археологии [Бобров, 2013. С. 14-17].

Методологической базой данного исследования является концепция археологического источника, разработанная Л.С. Клейном. Под археологическим источником подразумевается источник информации о фактах прошлого, обладающий своей спецификой, которая заключается в том, что он является одновременно вещью и древностью. Обращаясь к вещественным древностям, ученый наталкивается на двойной разрыв: в традициях и в объективизации, то есть в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). Этот двойной разрыв — главная специфика археологического источника. Двойной разрыв создает особую, качественно новую трудность. Перед исследователем возникают фрагменты прошлого, не связанные с жизнью и зачастую друг с другом. Об их назначении можно только догадываться. Работа с ними требует особых приемов исследования.

Оба разрыва вместе приводят к изоляции исследователя от прошлой действительности, иногда к полной утрате смысла информации. Для его восстановления нужны внешние опоры — возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила прояснить суть:

1. Знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее;
2. Иные, не археологические источники о той же самой прошлой действительности;
3. Общие сведения о структуре объектов;
4. Знание законов, по которым происходят и происходили воплощения идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки.

Нужна строгая и надежная методика использования этих знаний для восстановления утраченного смысла [Клейн, 2004. С. 131-134].

Таким образом, методами исследования археологических микрорайонов являются: типологический; ретроспективный; стратиграфический; планиграфический; метод графической фиксации визуально идентифицируемых остатков на местности; картографический; метод аналогий; метод графической реконструкции; метод натурной реконструкции; археологическое микрорайонирование.

Применительно к археологическим микрорайонам некоторые методологические вопросы уже рассматривались [Нижнетарский ..., 2001. С. 38]. Так, в частности, авторами определяется гносеологическое и онтологическое в исследовании АМР. Онтология решает вопрос об объективности существования изучаемого нами мира, в данном случае АМР, и других выявляемых в его составе объективно существующих реалий. Гносеология изучает пути познания этого реально существующего мира, используя все имеющиеся в распоряжение археологии методы и приемы. Культурно-хронологические комплексы и хозяйственно-культурные типы представляют собой онтологическую сторону. Археологический микрорайон является онтологическим там, где АМР отражает взаимодействие людей и природы, что выражается в оформлении определенного хозяйственно-культурного типа. Гносеологическая составляющая проявляется, прежде всего, в использовании специальных археологических методов типологии, классификации [Захарук, 1978. С. 49-54; Каменецкий, 1978. С. 18-36; Генинг, 1987. С. 6-35; Клейн, 1991. С. 180-183], направленных на датирование, выделение специфических черт различных АМР, ХКТ и т.д.

Впервые методика изучения была сформулирована А.Т. Синюком. В самых общих чертах она сводится к использованию космических съемок, метода пунктирного зондирования, геофизического и геохимического методов определения параметров объектов и состояния почвенных структур. По его мнению, каждый археологический объект, в структуре АМР, помимо топографической и функциональной оценки, должен получить четкую позицию в системе природно-географических реконструкций (на базе методов

палинологии). Только с учетом данных остеологии, спектрального анализа, технологического моделирования и методов точных датировок можно надеяться на осуществление познания АМР [Синюк, 1990. С. 5-7]. Предложенная схема изучения самому исследователю казалась мало выполнимой ввиду отсутствия необходимой на тот момент методической базы. На современном этапе схема изучения АМР, предложенная А.Т. Синюком, ввиду общего развития археологии и естественнонаучных дисциплин, вполне осуществима [см. напр.: Волков, 2007].

Является ли избранный для изучения комплекс памятников археологическим микрорайоном или нет? С этого вопроса начинается первоначальное изучение территории микрорайона. В ответе на него помогут методы картографирования, необходимые для создания максимально подробной и точной археологической карты территории, для определения территориальных рамок явления, геоморфологической, ландшафтной нагрузки, возможно, некоторых других природных показателей. И если эти показатели совпадают с принятыми исследователем критериями, то группу памятников можно считать археологическим микрорайоном.

Первый этап в изучении связан с анализом существующей документации, паспортов памятников, их планов и описания, картографических материалов. Эта процедура применяется в целях устранения неточности в нумерации и привязках памятников, описаниях отдельных объектов, системе выделения памятников.

Второй этап – это полевое изучение памятников. Первостепенную роль приобретает археологический поиск, в том числе с использованием космических снимков территории АМР.

Следующий, третий, этап заключается в топографической съемке видимых на местности археологических объектов, фотофиксация и подробное описание памятников, определение их приуроченности к ландшафту и формам рельефа.

Четвертый, заключительный этап – это раскопки памятников разных типов и периодов, шурфовка площади микрорайона для выявления скрытых объектов, построения хронологической, культурной колонки комплексов, а также сбор данных, необходимых при реконструкции климата и условий обитания человека в пределах АМР либо поиск опубликованных материалов, освещающих эту проблему.

Все эти методы можно отнести к первичному исследованию. Более глубокое изучение связано с анализом исторической общности людей, оставивших памятники микрорайона. Эту стадию исследования правомерно связывать с проблемами особенностей освоения территории локальными группами населения, их экономикой и взаимодействиями, миграциями, применяя методы палеоэкономики, палеоэкологии, геологии, точного датирования, палеодемографии, палеозоологии, почвоведения, территориально-хозяйственного районирования, изучения особенностей зон проживания, освоения «культурных территорий» [Нижнетарский..., 2001. С. 49].

Таким образом, алгоритм изучения АМР видится следующим образом:

- 1) использование методов картографии и геоморфологии, позволяющих определить специфику расположения археологических памятников и их вписанности в окружающий ландшафт;
- 2) сбор материала и подготовка работы, использование традиционных археологических методов полевых археологических исследований;
- 3) использование метода сравнительно-типологического анализа, позволяющий произвести корректное сопоставление керамики и инвентаря изучаемых памятников;
- 4) применение методов комплексного изучения археологического источника, основанных на сочетании археологических методов с мультидисциплинарными исследованиями;
- 5) использование методов демографического моделирования количества населения в разные периоды функционирования микрорайона. В результате исследователь может получить историческую картину жизни населения, оставившего памятники, входящие в АМР.

1.3. Археологические микрорайоны Южного Урала

Уральская горная система, протянувшаяся меридионально между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами, разделяет Евразию на две части света Европу и Азию. Урал делят на зоны: Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный. Различны не только природа каждой из этих зон, но и в пределах одной зоны природные особенности могут заметно отличаться. Например, природа в Предуралье и Зауралье. Уральские горы являются своеобразным барьером при распространении некоторых видов растений и животных. Заметно и своеобразие климата (например, на западном склоне Урала осадков выпадает больше, чем на восточном). Таким образом, в пределах Уральской горной страны изменение климатических условий подчинено закону широтной зональности и лишь несколько осложнено высотной поясностью. Здесь наблюдается смена климата от тундрового до степного (рис. 1).

Большое количество рудных запасов, вместимость ландшафта, многообразие богатой флоры и фауны всегда привлекало человека в эти места. С этим, в первую очередь, связана плотная концентрация археологических памятников эпохи бронзы – средневековья по обе стороны от Уральского хребта, которые, безусловно, в большинстве случаев составляли археологические микрорайоны, выделяемые в регионе.

Еще одним аспектом, повлиявшим на наш выбор именно этой территории в качестве объекта изучения, является близкая, в широком смысле этого слова, историческая картина развития лесных и лесостепных/степных археологических культур, начиная с эпохи энеолита вплоть до средневековья, связанная преимущественно со схожими процессами аккумуляции.

Немаловажно также развитие микрорайонной тематики непосредственно в границах описываемой территории Урала. Зачастую именно археологами этого региона термин «микрорайон» употребляется чаще всего, и, как правило, работы теоретико-методологического характера издаются также ими.

Первый этап в истории выделения археологических микрорайонов на территории Южного Урала относится к 80-м гг. XX в. и связан с интуитивным выделением археологических микрорайонов, когда исследователи подменяли словом микрорайон группу одновременных памятников, компактно расположенных на определенной местности.

Со вторым этапом – конец 90-х гг. и по настоящее время – связано методически выверенное выделение АМР, поиск причин оседания человеческих коллективов на определенной территории и их связь с ландшафтом и природными условиями.

К исследованиям первого этапа относятся работы В.С. Горбунова в среднем течении р. Белой. Им в Мелеузовском районе Республики Башкортостан выделены Береговский и Тюбякский микрорайоны [Горбунов, 1989. С. 30-54]. Их выделение, как уже говорилось, в большей степени обусловлено использованием термина «археологический микрорайон» в качестве синонима «группа памятников». Это обстоятельство объясняется отсутствием на то время методики изучения и выделения АМР. Исследователями памятники группировались в удобные дидактические единицы, использовавшиеся в дальнейшем при разработке хронологии и периодизации, отдельных археологических культур, без поиска объяснительной модели появления плотных групп памятников на ограниченных по площади территориях. При этом стоит заметить, что в работах В.С. Горбунова прослеживаются принципы, которые в дальнейшем лягут в основу методики выделения АМР. Исследователь описывает экологическую обстановку, геологию и природные богатства изучаемой территории, вписывая микрорайон в жесткие географические границы, ищет возможную связь между заселением Береговского и Тюбякского АМР и близостью медьсодержащих рудных выходов [Горбунов, 1989. С. 30; Обыденнов, Горбунов, Муравкина и др., 2001. С. 12].

Дальнейшее развитие археологических исследований, накопление материалов и постепенный отход от изучения больших по площади территорий

вкупе с внедрением междисциплинарных методов, в конечном итоге привело к формированию термина АМР в том виде, которое известно на данный момент.

Все это напрямую связано со вторым этапом в истории выделения микрорайонов. В это время археологи активно включились в процесс разработки методики изучения археологических микрорайонов. Так в конце 90-х-начале 2000-х гг. в Зауралье вела работы Ирендыкская экспедиция (Н.С. Савельев, А.Ф. Яминов, И.М. Минеева). Ими был выделен и описан Баишевский АМР. На его территории исследователями было выявлено более 200 объектов археологии с эпохи камня до позднего средневековья, а также объекты этнографического, архитектурного, индустриального наследия нового времени. Исследователями намечены некоторые причины заселения Баишевского АМР в древности, такие как близость к южной оконечности «Яшмового пояса» Урала с многочисленными выходами различных яшм и яшмоидов [Яминов, Савельев, Псянчин, 1997. С. 182-185; Савельев, Яминов, 1997. С. 278-279; Савельев, 2004; Минеева, 2007. С. 126-132]. Результатом всех этих работ явилась организация Историко-археологического и ландшафтного музея-заповедника «Ирендык». Несмотря на это, все же нет оснований видеть в памятниках Баишевского микрорайона классический АМР – скорее это археологический район, единица большего таксона, включающая в себя несколько отдельных АМР.

Позднее проблемами выделения, изучения и взаимосвязи АМР в Зауралье занимался И.И. Бахшиев. В его работах прослеживается использование методов микрорайоноведения, таких как ранжирование, выделение археологических районов, выстраивание пространственных связей между поселениями, применение методов палеодемографии [Бахшиев И., Бахшиев Р., 2013. С. 168-172].

Группировка АМР Южного Урала обусловлена установлением причин выделения тех или иных территорий в рамках микрорайонов, принципами включения памятников в границы микрорайонов. Всего нами учтено 37 археологических микрорайонов, среди которых как ранее установленные, так и выделенные нами (таблица 1).

В ходе работы с опубликованными данными нами выделены 12 археологических микрорайонов на территории Южного Урала: Миловско-Романовский АМР, Ябалаклинский АМР, АМР оз. Кандрыкуль, АМР оз. Аслыкуль, АМР оз. Банное-Сабакты-Карабалыкты, АМР Саузовский Шихан, Каргалинский АМР, АМР горы Чека, АМР озера Аргази, АМР озера Тургояк (остров Веры), АМР Сакияз-Тамакского пещерного комплекса, АМР Аркаимской долины, Синташтинский АМР, АМР Уфимского полуострова. Микрорайоны выделены по главному признаку – плотной концентрации археологических памятников, привязанных исследователями к ограниченной территории (долинам рек, берегам озер, возвышенным участкам гор/шиханов, пещерным полостям). Некоторые АМР (оз. Кандрыкуль, Аслыкуль) выделены как перспективные территории для дальнейшего исследования, по аналогии с существующими микрорайонами озерного типа. Это лишь предварительные данные, для уточнения которых необходимо проведение специальных исследовательских процедур в рамках каждого выделенного микрорайона, что не входит в рамки нашей работы.

Остальные 25 археологических микрорайонов выделены исследователями в ходе собственных научных изысканий: Тюбьякский и Береговский АМР (все В.С. Горбунов), Мурадымовский АМР (Г.Т. Обыденнова, Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева), Казбуруновский АМР (Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева), Юмаковский АМР (Н.С. Савельев), АМР горы Курмантау (С.Л. Воробьева), Охлебнинский, Шиповский, Нагаевский (А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, В.В. Овсянников, М.Ф. Обыденнов), Бирский АМР (Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, И.М. Акбулатов), Загребаловский АМР (С.В. Сиротин, Н.С. Савельев), Баишевский АМР (Н.С. Савельев, А.Ф. Яминов и др.), Ишкинский, Шаншарский АМР (все В.В. Ткачев), АМР р. Свистунка (А.В. Фомичев), Еленовский, Ушкаттинский (все Е.Е. Кузьмина), АМР Каменный Амбар, АМР Солнце (Л.Н. Корякова, А.В. Епимахов и др.), АМР Кривое Озеро, АМР Кулевчи (все Н.Б. Виноградов), АМР Устье (Н.Б. Виноградов, А.В. Епимахов и др.), Ивановский АМР (Н.Л. Моргунова).

По территориальному признаку археологические микрорайоны Южного Урала можно разделить на расположенные в Приуралье и Зауралье.

К Приуральским АМР относятся: Тюбьякский, Мурадымовский, Казбуруновский, Юмаковский, Ивановский, Каргалинский микрорайоны, АМР г. Курмантау, Загребаловский, АМР Заузовский Шихан.

К Зауральской группе микрорайонов относятся: Ишкинский, Шаншарский, Шуулдакский, Еленовский микрорайоны, АМР р. Свистунка, АМР горы Чека, АМР оз. Аргазы, АМР оз. Тургояк, АМР Сакияз-Тамакского пещерного комплекса, АМР Аркаимской долины, микрорайон Каменный Амбар, Кулевчи, Устье, Кривое Озеро.

Тюбьякский АМР протянулся неширокой полосой вдоль западных отрогов Уральских гор, памятники микрорайона в основном расположены на правом берегу р.Белой, за исключением Ялчинской группы (поселение и могильник) находящейся на левом берегу реки². В состав микрорайона входит крупный объект Тюбьякское поселение – опорный памятник эпохи бронзы для описываемой местности. В результате многолетних работ были получены материалы, относящиеся к поздней и финальной стадиям бронзового века [Обыденнов, 1984. С. 167; Гарустович, Обыденнов, 1988. С. 166; Обыденнов, Горбунов, Муравкина и др., 2001. С. 9-12].

В 1995 - 2010 гг. экспедицией БГПУ им. М. Акмуллы под руководством В.С. Горбунова и Г.Т. Обыденновой было практически полностью изучено Мурадымовское поселение эпохи бронзы, расположенное на правом берегу р. Уршак крупного левого притока р. Белой. Это поселение и ряд синхронных с ним памятников, такие например как Усмановские I – II поселения, Казбуруновские I – III курганные могильники в работах Г.Т. Обыденновой, Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой были включены в состав *Мурадымовского АМР* [Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2006, Т. I. С. 439-441].

---

² Размеры микрорайонов (границы и площадь) и количество входящих в них памятников приводятся исходя из опубликованных данных.

Последнее время активные работы в этом микрорайоне развернули Н.Б. Щербаков совместно с И.А. Шутелевой – основной упор сделали на изучение Казбуруновского I курганного могильника, попутно открыв рядом с ним еще несколько разнотипных памятников эпохи бронзы. Все это позволило им выделить *Казбуруновский археологический микрорайон* эпохи бронзы в бассейне в среднем течении р. Уршак, включающий в себя и памятники Мурадымовского АМР. Авторы фиксируют в микрорайоне группу из 6 поселений, 8 курганных могильников (в общей сложности 72 курганных насыпи) и 3 одиночных кургана, расположенных на протяжении 12 км на площади 23,4 кв. км [Шутелева, Щербаков, Гольева и др., 2017. С. 261-280; Щербаков, Шутелева, Гольева и др., 2017].

Интерес вызывает использование авторами при изучении обоих микрорайонов междисциплинарных методов, радиоуглеродного датирования, данных палинологии. Таким образом, на довольно компактной территории мы имеем два микрорайона, включающих в себя зачастую одни и те же памятники. Однако, на наш взгляд, остается нерешенным вопрос о взаимосвязи как отдельных памятников в составе АМР, так и двух АМР в целом. Также не понятно выделение двух микрорайонов на довольно компактной территории, памятники которой в основном относятся к эпохе поздней бронзы и вполне могли составлять один микрорайон либо археологический район. Не ясны границы обоих АМР, не раскрыта роль Мурадымовского поселения, входящего в состав эпонимного Мурадымовского АМР и Казбуруновского микрорайона [Обыденнова, Щербаков, Шутелева, 2008б. С. 321-322].

В среднем течении р. Белой стоит отметить работы Н.С. Савельева. Им в пределах Береговского микрорайона выделен *Юмаковский АМР*, объединяющий поселенческие объекты эпохи поздней бронзы [Савельев, 2003]. На данный момент под Юмаковским АМР все же правильнее рассматривать группу памятников в границах Береговского АМР. Несогласие с выделенным Н.С. Савельевым микрорайоном обуславливается и наличием культурно-хронологической монолитности памятников, входящих в Береговский АМР, его

единой природной составляющей, не распадающейся в пределах микрорайона на принципиально отличные подзоны, которые могли бы повлиять на его дробление.

В предгорной части среднего течения р. Белой С.Л. Воробьевой в результате разведочных работ и стационарных раскопок был выделен археологический *микрорайон горы Курмантау*, включающий в себя комплекс из 9 памятников эпохи раннего железного века, расположенных на территории в 6 кв. км (городище Курмантау (Курмантау-1), стоянка им. М.И. Касьянова (Курмантау-2), Михайловское городище (Курмантау-3), селище Курмантау (Курмантау-5), Касьяновское городище (Курмантау-6), Михайловское поселение (Курмантау-10), местонахождение Курмантау-7, поселения Курмантау-8 и Курмантау-9). При выделении АМР исследователь использовал природно-географические особенности местности, рассматривал хозяйственную специализацию памятников. Ею были намечены возможные причины сложения микрорайона в виде близости железных руд и скопления железообрабатывающих мастерских на территории, примыкающей к горе Курмантау. Это, по мнению автора, позволило образовать крупное специализированное производство в пределах сравнительно ограниченного пространства (экологической ниши), памятники которого отличаются единым культурно-хронологическим комплексом [Воробьева, 2013. С. 52-60; 2014. С. 26-33].

Загребаловский АМР выделен С.В. Сиротинным. Ландшафтная зона в пределах микрорайона сильно пересечена, овраги и увалы сменяются равнинными участками, что характерно для водораздельных участков крупных рек, в частности Урала и Белой. Например, в указанной местности берут начало реки, питающие как Белую (Мелеуз, Куксыр, Карагайка), так и Урал (Терекла, Куюргаза, Гумбет). Входящие в микрорайон памятники привязаны к верховьям водотоков и расположены на господствующих высотах в различных частях микрорайона на стыке Куюргазинского, Мелеузовского и Федоровского районов [Сиротин, 2002. С. 365-366; 2005. С. 368-370; 2009. С. 489-490; Савельев, 2003.

С. 64]. В состав микрорайона входят более 20 курганов и курганных могильников.

АМР Саузовский Шихан расположен в 7 км к ЗЮЗ от д. Саузово Краснокамского района и 0,3 км от русла Белой. Одиноким холм – шихан, среди местных жителей известный как «чертов палец», имеет вытянутую с СВ на ЮЗ овальную форму, размерами 420x100 м, с крутыми, заросшими лесом, склонами. Верхняя площадка холма довольно ровная, слегка приподнятая в центре, шириной 40-50 м. Выделяемая территория невелика, охватывает небольшой участок левобережной камско-бельской поймы, занятой заливными лугами, старичными озерами и пойменными дубравами. Доминирующей высотой является Саузовский Шихан. На самом шихане и вблизи него расположено до десятка разновременных объектов, среди них поселения Сауз I – III, стоянка Сауз VI эпохи неолита – бронзы, Саузовское (Бельский Шихан) городище и Саузовский (Бельский Шихан) клад, датирующиеся РЖВ, и Саузовский могильник XIII – XIV вв. (Бельский Шихан) [Голдина, Черных, 2011. С. 18, 76, 92, 95, 102].

В степном Приуралье наиболее масштабные работы, связанные с открытием и изучением АМР эпохи бронзы, за последние годы были проведены В.В. Ткачевым. Используя микрорайонные методы и теоретические построения, им было выделено несколько археологических микрорайонов (Ишкинский, Шандарский, Шуулдакский и др.), расположенных в пределах Урало-Мугоджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы.

Ишкинский микрорайон расположен в Восточном Оренбуржье. Основу микрорайона составляли геоархеологические производственные объекты, представленные группой горных выработок, локализующихся на левобережье ручья Аулган – левого притока р. Сухая Губерля. На противоположном берегу ручья на ровной площадке, окаймленной с трех сторон горами, располагалось поселение Ишкиновка, составлявшее, вероятно, с древними карьерами единый производственный комплекс. В непосредственной близости от этих памятников обнаружена серия местонахождений керамики эпохи поздней бронзы, не

образующих культурного слоя. Результатом изучения этого локального участка явилось открытие группы компактно расположенных синхронных памятников различного характера, относимых к синташтинской культуре, развитому этапу алакульской культуры (кожумбердынская культурная группа) [Ткачев, 2005. С. 182-198]. По мнению исследователя, они представляли собой единый комплекс, функционировавший как локальный хозяйственно-культурный центр, основанный на сочетании горно-металлургического производства и отгонного скотоводства [Ткачев, 2011. С. 220-230; 2012. С. 37-46; Умрихин, Ткачев, Фомичев, 2013. С. 241]. Исследования в пределах Ишкинского АМР показали, что дальнейшее комплексное изучение микрорайонов открывает перспективы реконструкции механизмов функционирования Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра в эпоху поздней бронзы.

Шаншарский археологический микрорайон также расположен в Урало-Мугоджарском регионе. Центральное место в компактном микрорайоне занимает древний медный рудник Шаншар. Вокруг него расположено несколько погребальных памятников Шаншар, Каргала II, Каргалинский I, Домбра II, составляющих в основном единых хронологический пласт отражающий смешение алакульских и федоровских черт, прослеженных в погребальном обряде и инвентаре. В.В. Такачев, опираясь на полученные результаты, делает вывод о том, что хозяйственно-культурная система в пределах микрорайона функционировала как единый механизм, основанный на хозяйственной специализации и обмене [Ткачев, 2009. С. 72-83].

Памятники *Шуулдакского археологического микрорайона* занимают южный фланг Мугоджарского горно-металлургического центра (расположенного вблизи Мугоджарского горного массива) эпохи поздней бронзы в верховьях р. Шуулдак, где, по всей видимости, локализовался самостоятельный центр металлопроизводства носителей кожумбердынского культурного комплекса. В западной части Шуулдакского микрорайона главное место занимает выработка на медь (рудник) Шуулдак. В окрестностях рудника выявлена представительная группа археологических памятников. Основу горно-

металлургического комплекса, как и в большинстве других подобных случаев, составляли рудник, стационарное поселение и связанный с ним могильник [Ткачев, 2012а. С. 181-192; 2012б. С. 37-46].

АМР р. Свистунка расположен на востоке Оренбургской области в 3 км к западу от п. Гранитный, у подошвы водораздельной возвышенности на правом берегу р. Свистунка. Состоит из могильника Свистунка I, местонахождения Свистунка, поселения Мусогатское и Баузда. АМР относится к археологическим микрорайонам, в которых сосредотачиваются памятники кожумбердынской группы алакульской культуры. Они приурочены к бассейнам рек Сухая Губерля, Джарлы, Ушкатты, Киимбай, являющихся притоками второго порядка главной водной артерии региона р. Урал [Фомичев, 2017. С. 136-141].

Подводя итог, стоит отметить, что В.В. Ткачев рассматривает выделенные им АМР в контексте археометаллургической проблематики, в данном случае АМР выступают в качестве исходной единицы. На уровне историко-культурных реконструкций они рассматриваются в двух важнейших ракурсах: социокультурном и хозяйственно-территориальном. Такая постановка вопроса предполагает относительную синхронность памятников, демонстрирующих компактную локализацию. С учетом производственной специализации населения, оставившего компактные группы взаимосвязанных археологических памятников и геоархеологических производственных объектов, В.В. Ткачевым было предложено рассматривать их в качестве горно-металлургических комплексов, выступавших в роли историко-металлургических таксонов первого порядка [Ткачев, 2009].

Ивановский АМР находится в северо-западной части Оренбургской области и изучен археологической экспедицией ОГПУ. Памятники микрорайона расположены в долине Турганика, в месте впадения ее в реку Ток. Долины обеих рек широкие, изрезаны руслами рек. По обе стороны от р. Турганик и далее по всему правобережью Тока долина закрыта сырцовыми возвышениями. Микрорайон включает в себя 7 разновременных археологических объектов от эпохи мезолита до РЖВ (Турганикское поселение, I и II Токские поселения,

Ивановская дюна, II Ивановское поселение, Старо-Токская стоянка, I Ивановский курганный могильник), расположенные на площади в 4 кв. км [Турганикское поселение..., 2017. С. 6, 9, 10. Рис. 2].

Каргалинский АМР также располагается в Оренбургской области вблизи с. Уранбаш Октябрьского района и представляет собой уникальный гигантский комплекс.

Площадь рудного поля Каргалинского комплекса составляет около 500 кв. км и имеет форму овала. Южный край рудного поля Каргалинских рудников начинается в 50 километрах от г. Оренбурга. Комплекс представляет собой обширное меднорудное поле с многочисленными меднорудными линзами и гнездами малахита и азурита в качестве основных медных минералов; вторичные и первичные сульфиды меди очень редки. На этой площади намечены 11 крупных и 11 более мелких участков скоплений богатых проявлений (общая площадь скоплений ~ 140 кв. км.), до 35 тыс. следов поверхностных выработок — шахт, штолен, карьеров. Суммарная оценка перемещенной горной породы может превышать 250 млн. тонн. Извлечено до 10 млн. тонн медной руды, из которой выплавлено примерно 200 - 250 тыс. тонн меди. До половины этого производства может быть датировано эпохой бронзы. Ландшафт представляет собой типичную оренбургскую степь, встречаются глубокие овраги, небольшие возвышенности и островки леса. Основной водной артерией является река Верхняя Каргалка, которая и дала название рудникам. На территории Каргалинского АМР известно 20 поселений и 5 курганных могильников эпохи бронзы [Черных, Лебедева, Луньков и др., 2002. С. 34, 60].

Стоит упомянуть об одном из самых известных микрорайонов степного Приуралья — *Еленовском*, расположенном в Оренбургской области. Изучение микрорайона связано с концом 50-началом 70-х годов XX столетия. На территории микрорайона было открыто более 30 археологических объектов в т.ч. поселения (Байту, Капухта, I-II Ушкатты, Турсумбай, Шандаша), камнеобрабатывающая мастерская, медные рудники и могильники (Атакен-Сай, Байту, Капухта, I-III Ушкатты, I Турсумбай, Шандаша и др.). Проведенные

исследования, кроме осознанного использования понятия археологический микрорайон, примечательны еще и с сугубо практической точки зрения. Был получен репрезентативный материал, позволяющий оперировать полной хронологической колонкой андроновских древностей, полученных с узколокальной территории. Это, в свою очередь, обеспечивало возможность установления эволюционных связей, прослеженных Еленой Ефимовной при статистическом анализе керамического материала. Этот микрорайон надолго стал эталонным, что в итоге отразилось в использовании его материалов в фундаментальной монографии исследователя, посвященной андроновской проблематике, а также в выделении кожумбердынского типа керамики, сочетающего в себе как алакульские, так и федоровские черты, с преобладанием первых [Кузьмина, 1994. С. 46, 110; 2008б. С. 250].

Следующей зоной локализации выделенных и исследованных микрорайонов является Южное Зауралье.

Археологический микрорайон горы Чека расположен в Кизильском районе Челябинской области. Гора является самой доминирующей высотой на прилегающей местности (высота 557.7 м) и включает в себя 18 археологических объектов от эпохи камня (неолит) до позднего средневековья (курганные могильники, гроты, одиночные курганы и местонахождения) расположенные как на вершине самой горы, так и у подножья, на площади в 36 кв. км. На вершине горы Чека преобладают памятники культового характера – сооружения, связанные с погребальными обрядами [Петров, 2002. С. 86-87; Петров, Полякова, 2002. С. 80-98].

Археологический микрорайон озера Аргази расположен в Челябинской области по берегу самого крупного проточного водохранилища (площадь более 100 кв.км) в системе озер восточного склона Уральских гор. Через него протекает р. Миасс. Западный берег озера каменистый с невысокими хребтами, скалистыми грядами, покрыт типичной горно-таежной растительностью. На востоке мягкие очертания отдельных возвышенностей покрыты березовыми

колками и степными участками (зона Зауральского пенеблена) [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 4-5].

До активного археологического изучения экспедицией Уральского университета на озере Аргази была известна только одна стоянка на острове Большой Липовый, открытая Л.Я. Крижевской в 1968 г.. В 1972, 1975-1980 гг. берега озера изучались археологическими экспедициями под руководством Н.А. Алексашенко, В.Т. Петрина, А.Ф. Шорина. Ими открыты и частично изучены 140 памятников различных археологических эпох от позднего палеолита до XVII-XVIII вв., расположенных на площади около 180 кв.км. Объекты представлены кратковременными стоянками, долговременными поселениями, могильниками и одиночными погребениями, наскальными рисунками. Ряд этих памятников (стоянка эпохи позднего палеолита М. Липовый XIV, пос. эпохи энеолита Аргази VII, Березки I, пос. эпохи бронзового и раннего железного веков Березки V, Перевозный I, М. Липовый IX, М. Вишневая I, могильники эпохи бронз: Березки VIГ, Перевозный I А, одиночные погребения эпохи энеолита могильника Березки VIГ (ограда 23), эпохи бронзы могильника Березки VB (ограда 4), могильника Березки VE (погребение 1)) являются опорными в системе культурно-хронологической классификации археологических памятников и культур Урала [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 4-5].

Археологический микрорайон озера Тургояк (остров Веры) расположен в Челябинской области на острове Веры, площадью 7,6 га. За время археологического изучения на острове выявлено три мегалитических конструкции, старообрядческий скит, молельня, кладбище, два менгира и четыре поселения эпохи неолита, энеолита и гамаюнской культуры эпохи РЖВ (в общей сложности обнаружено 42 объекта). Все культовые объекты острова приурочены к гребню основного увала. По мнению исследователей, остров является культовым центром большого региона [Григорьев, Васина, Савельев и др., 2009. С. 444-447].

Археологический микрорайон Сикияз – Тамакского пещерного комплекса находится в Челябинской области, на границе с Башкортостаном, в долине р. Ай, на правом берегу, недалеко от деревни Сикияз-Тамак. Был открыт в августе 1995 г. группой челябинских спелеологов-археологов (С.М. Баранов, В.И. Юрин). Он представляет собой компактно расположенный пещерный ансамбль, вместивший в себя 43 различные по размерам и формам карстовые полости. Среди них пещеры и гроты, скальные навесы, карстовые арки и мосты, погребенные и полупогребенные пещеры. Каждая скала или несколько расположенных рядом скал составляют пещерный комплекс. В результате археологических исследований рыхлых отложений пещер и гротов выявлены культурные слои, относящиеся к верхнему палеолиту, мезолиту, неолиту, энеолиту, эпохе бронзы, РЖВ, средневековья [Юрин, 2006. С. 116-121; 2008. С. 238-239].

Археологический микрорайон Аркаимской долины находится в Челябинской области вблизи п. Аркаим, памятники преимущественно расположены по берегам р. Большая Караганка и ее левому притоку р. Утяганка. В этот перспективный участок, по данным Ф.Н. Петрова и Е.В. Куприяновой, входит 25 поселений эпохи бронзы, расположенных на площади в 400 кв. км [Петров, Куприянова, 2016. С. 17. Рис. 1].

Микрорайон Каменный Амбар локализуется в урочище Каменный Амбар на реке Карагайлы – Аят Карталинского района Челябинской области. В состав микрорайона входят несколько разнотипных памятников: поселение Коноплянка, Журумбай, Каменный Амбар (Ольгино) и могильник Каменный Амбар-5 [Корякова, Берсенева, Епимахов и др., 2007. С. 145-147; Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011. С. 61-74] Детальные исследования в микрорайоне позволили сопоставить на локальном уровне модели культурной вариативности. Исследовательским коллективом акцент был сделан на выделении культурных традиций разного времени, отраженных в различных археологических комплексах поселений синташтинской, петровской и срубно-алакульской культур.

Археологический микрорайон памятников у с. Кулевчи Варненского района Челябинской области начал планомерно изучаться в конце 70-х - начале 80-х г. XX в. В его границах было изучено первое поселение петровского типа позднего бронзового века в Южном Зауралье Кулевчи III и могильник Кулевчи VI [Виноградов, 1982. С. 94-99; 1984. С. 136-153]. По итогам исследования этого могильника была выделена кулевчинская (позднепетровская) фаза алакульской культуры [Виноградов, 2011].

Археологический микрорайон Устье расположен на стыке Варненского, Карталинского и Чесменского районов Челябинской области. Он включает в себя целый ряд разновременных памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневекового периода. Известность ему принесло изучение в 1983 - 1993 гг. укрепленного поселения Устье I и относящегося к нему курганного могильника Солнце II. Исследование Устья I позволило доказать хронологическую последовательность синташтинских и петровских памятников [Древнее Устье, 2013].

Микрорайон Кривое Озеро находится на крайнем западе Троицкого района Челябинской области, у с. Черноречье на р. Уй при впадении в нее р. Черной. Микрорайон исследовался археологами ЧГПИ с 1983 по 1990 гг. Здесь был открыт и изучен ряд ярких памятников эпохи бронзы – укрепленное поселение Чернореченское III и относящийся к нему могильник Кривое Озеро. Исследование последнего значительно обогатило представления об особенностях погребальных обрядов синташтинского и петровского населения, их материальной и духовной культуре [Виноградов, 2003].

Резюмируя обзор, отметим, что к общей проблеме исследователей, занимающихся изучением памятников, входящих в структуру археологических микрорайонов, расположенных в Приуралье и Зауралье, можно отнести слабую доказательную базу при выделении микрорайонов и включении тех или иных памятников в их состав; отсутствие у ряда АМР четких границ, а также неразработанность вопроса, касающегося причин освоения и заселения АМР в древности. К этой проблеме можно добавить проблему двойственного

восприятия в использовании термина «археологический микрорайон», когда под археологическим микрорайоном видится «группа памятников», без обоснования выделения АМР, что в корне противоречит установленным в микрорайоноведении методам. В остальном же объединение памятников в рамках микрорайона способствует лишь группировке объектов.

Дальнейшая работа с микрорайонами и их выделение даст возможность выстраивать схемы локального культурогенеза. Научное сопоставление их в рамках соседствующих АМР при правильном подходе позволит скорректировать либо пересмотреть существующие модели развития археологических культур в масштабах различных природных зон.

Таким образом, археологические микрорайоны, выделенные на территории Южного Урала, разделяются на две четкие группы – у первой группы при выделении присутствует отработанная методическая основа, подкрепленная теоретико-методологической базой, наработанной в ходе многолетних изучений природы АМР. Во второй группе микрорайонов при их выделении присутствует дидактическое восприятие в использовании термина «археологический микрорайон». Это, на наш взгляд, связано с неотработанной до конца методикой их выделения.

Анализ территориального расположения памятников позволил создать типологию археологических микрорайонов:

Тип 1. Речной. Наиболее распространенным является речной тип расположения археологических памятников, который включает в себя три подтипа 1) речной долинного типа, 2) речной старичного типа и 3) речной меандрового типа.

Подтип речной долинный. Памятники долинного типа расположены в удобных долинах рек, по берегу. Как правило, у таких микрорайонов не выделяется четких территориальных границ: Казбуруновский, Мурадымовский, Охлебининский, Аркаимская долина и т.д.

Подтип речной старичный. Еще один вид речных микрорайонов отличается тем, что памятники расположены, как правило, вдоль стариц реки и

имеют видимые границы, обусловленные протяженностью стариц: Береговский археологический микрорайон.

Подтип речной меандровый. Археологические памятники микрорайонов меандрового типа расположены в излучинах рек или на участках меандрирования. Здесь памятники, как правило, привязаны к участкам между двумя смежными точками перегиба по осевой линии реки: Ивановский, Тюбякский, Миловско – Романовский микрорайоны, микрорайон Уфимского полуострова.

Тип 2. Озерный. Тип микрорайона характерен в первую очередь для Южного Зауралья, где широко представлена озерная сеть, протянувшаяся вдоль по восточному склону Уральской горной страны. Памятники этого типа занимают озерную береговую зону, располагаясь на удобных террасах и гривах. В Зауралье к микрорайонам озерного типа относятся АМР озер Банное – Сабакты – Карабалыкты, ярким примером является микрорайон озера Аргази. В Приуралье перспективным объектом для дальнейших исследований могут стать АМР оз. Аслыкуль и Кандрыкуль.

Тип 3. Горно – долинный. Выделение этого типа обусловлено расположением археологических памятников на участках горных долин, вдоль небольших водотоков. Наибольшая концентрация памятников отмечается в местах выхода рек из горных долин: Баишевский микрорайон.

Тип 4. Водораздельные микрорайоны. Памятники, расположенные на вершинах водоразделов, в местах, где находятся истоки рек, выделяются в отдельный тип: Загребаловский АМР, микрорайон г. Чека.

Тип 5. Производственный. Один из признаков в типологии археологических микрорайонов связан с нахождением на площадках памятников большого количества следов металлургического производства, что в свою очередь обусловлено близким расположением от поселений микрорайонов выходов медных или железных руд.

Микрорайоны могут относиться как к чистым группам, так и иметь черты, свойственные различным типам. Например, признак производственной

направленности (связанный с добычей и обработкой руды) в появлении АМР может быть общим для всех типов выделенных нами микрорайонов.

Наиболее яркие микрорайоны, совмещающие в себе признаки АМР, к примеру, речного типа и производственной направленности, известны преимущественно в Оренбургской области (Каргалинский, Еленовский, Ушкаттинский, Джарлинский, Ишкинский, Шаншарский микрорайоны). В Башкортостане к таким микрорайонам относятся Береговский, Тюбякский, в памятниках которых найдено большое количество следов металлургии, а также известно довольно большое количество рудопроявлений медистых песчаников, расположенных вблизи микрорайонов.

Из этого следует, что выделенные типы археологических микрорайонов позволяют структурировать имеющиеся скопления археологических памятников в качестве первичной исследовательской процедуры. В дальнейшем, опираясь на принципы выделения микрорайонов, основанные, в первую очередь, на визуализации границ, приведенные типы микрорайонов будут способствовать поиску объяснительных моделей возникновения того или иного археологического микрорайона.

ГЛАВА 2. БЕРЕГОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

2.1. История изучения памятников Береговского АМР

Начиная с 1951 г. на территории Южного Урала плодотворные исследования проводила Южно-Уральская археологическая экспедиция Уральского университета под руководством К.В. Сальникова [Яминова, 1999]. Самостоятельные отряды этой экспедиции под руководством В.П. Викторова и В.Д. Викторовой развернули поисковую деятельность в среднем течении р. Белой в районе г. Мелеуза и г. Стерлитамака. За короткий срок отрядами была обследована значительная территория и открыто более 50 памятников эпохи бронзы, в том числе и в пределах Береговского археологического микрорайона.

С этим временем связан начальный этап изучения памятников микрорайона. В 1952 г. отрядом В.П. Викторова были открыты Юмаковский I курганный могильник и Юмаковское I поселение срубной культуры [Викторов, 1953; Викторова, 1960; 1962. С. 162]. В 1953 г. В.П. Викторовым было открыто Береговское I поселение, на площадке поселения зафиксированы следы жилищных впадин диаметром 6-7 метров. Вблизи от Береговского I поселения было обнаружено Береговское II поселение абашевской культуры.

В 2 км к северо-востоку от Береговских поселений был выявлен Береговский I курганный могильник, состоящий из 17 курганных насыпей [Викторов, 1953].

В 1954 г. В.Д. Викторовой были открыты стоянки Озерки I-III, Студеная I [Викторова, 1954. С. 20-21]. В.П. Викторовым были заложены раскопы на Береговском I и II поселениях и Береговском I курганном могильнике [Викторов, 1954. С. 4-41].

В 1955 г. К.В. Сальниковым было изучена часть площадки Береговского I поселения [Сальников, 1967. С. 149-151].

В 1972 г. В.С. Горбуновым и С.М. Васюткиным были открыты Красногорский I-III курганные могильники. На Красногорском I могильнике, состоящем из 10 курганов было вскрыто три насыпи [Васюткин, Горбунов, 1972. С. 169-170]. В 1974 г. М.Ф. Обыденновым и В.С. Горбуновым было выявлено еще 4 насыпи. Могильник датирован XI-IX вв. до н.э. [Обыденнов, 1974. С. 20-21; Горбунов, Обыденнов, 1980. С. 173-182; Васюткин, Горбунов, Калинин, Обыденнов, 1975. С. 140]. Материалы раскопанных насыпей Красногорского II и III курганных могильников относятся к абашевской и кушнаренковской культурам [Васюткин, Горбунов, Отчет. 1972; 1972. С. 169-170; Горбунов, 1974; Пряхин, Горбунов, 1979. С. 72-98; Горбунов, 1986. С. 35-46].

В 1975 г. В.С. Горбуновым и А.Д. Пряхиным изучены Береговские поселения и Береговский I курганный могильник. Материалы, полученные в ходе раскопок, относятся к абашевской, срубной и алакульской культурам [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975; Пряхин, Горбунов, 1975. С. 198-199; Пряхин, 1976. С. 88-95; Пряхин, Горбунов, 1979. С. 72-98; Горбунов, 1986. С. 35-46; 1987. С. 144-159; 1989. С. 30-32].

В 1978 г. В.С. Горбуновым и М.Ф. Обыденновым осмотрены Юмаковское I поселение, стоянки Озерки I и II, выявлены Юмаковское II поселение и стоянка Озерки IV [Горбунов, Обыденнов, 1978. С. 53-56; 1979. С. 193-194].

В 1980 г. В.С. Горбуновым изучена часть Береговского I поселения и открыто Юмаковское III поселение [Горбунов, 1980; 1981. С. 130].

В 1981 - 1983 гг. продолжено изучение Береговского I и Юмаковского III поселений, изучались Юмаковские I и II курганные могильники [Горбунов, 1982. С. 2-18; 1983; 1992. С. 67-70; 1995. С. 37-40; Обыденнов, 1998. Рис. 30,8; Иванов, 1983; Иванов, Горбунов, 1983. С. 22-23; 1985. С. 148-149; Горбунов, Иванов, 1992б. С. 206-227].

В 1987, 1988 гг. В.С. Горбуновым изучались Юмаковское II, III и IV поселения, открыты Юмаковский V одиночный курган [Горбунов, 1988. С. 3-27; Горбунов, Денисов, Муравкина, 1989. С. 124-126; Обыденнов, Обыденнова,

1992. С. 46-50; Горбунов, 2006. С. 4; Ягафарова, 1987; Муравкина, 1988; Горбунов, 1989; Муравкина, 1990; Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Обыденнов, 1991. С. 170-173].

Заключительным фразам отчета о перспективности и дальнейшем изучении памятников Береговского микрорайона [Горбунов, 1989] не суждено было сбыться. Экспедиция БГПИ, руководимая В.С. Горбуновым, полностью переключилась на изучение не менее интересных памятников Тюбякского археологического микрорайона, в частности, многослойного поселения Тюбяк. В начале 90-х политические процессы, происходившие в стране, отразились на археологической науке и на археологических работах в республике. На более чем двадцатилетний период территория микрорайона оказалась вне научных интересов археологов республики. Новый современный этап в изучении памятников западных склонов Южного Урала связан с концом первого десятилетия XXI в.

В 2009 г. выявлен курган № 4 в Юмаковском I курганом могильнике, осмотрены стоянки Озерки I, II [Румянцев, 2010].

В 2013 - 2016 гг. Е.В. Руслановым вблизи дд. Юмаково, Береговка и хут. Красногорский обнаружены памятники эпохи бронзы: Юмаково-6, поселение; стоянки Юмаково-5, Юмаково-7, Юмаково-8, Озерки-5, Красногорка-1, местонахождение Юмаково-9 и селище Береговка-4. Практически на всех памятниках найдены следы металлургии в виде кусочков шлака. Были обнаружены новые курганные насыпи в Береговском I и Красногорском I могильниках. Установлены места ближайших выходов медьсодержащих горных пород, расположенных в радиусе 5-10 км от поселений микрорайона. Проведены раскопки стоянки Озерки-I. Полученные материалы относятся к срубной культуре и отражают процесс распространения носителей этой культурной традиции в пределах микрорайона [Русланов, 2013. С. 41-43; Русланов и др., 2014. С. 39-42].

Итак, не смотря на крайнюю неравномерность в истории изучения микрорайона, стоит отметить, что, его уникальность заключается в практически

полном исследовании его территории разведками. Большинство памятников изучено раскопками, благодаря чему удалось определить основные компоненты и состав археологического наследия, которое отличается большим культурно-типологическим и хронологическим разнообразием памятников (рис. 6, 7).

2.2. Современные природно-географические условия

Природные процессы и развитие общества разновременны. Природа живет своими циклами, связанными с солнечной активностью, сменой климатических режимов (потеплениями и похолоданиями), геологическими эпохами, эрами. Жизнь общества определяется иными ритмами, которые лишь опосредованно связаны природными долями суток (секундами, минутами, часами), годами, тысячелетиями. Интервалы времени природы более протяженны, чем общества [Кульпин, 2012. С. 35-46].

Идея взаимозависимости человеческого общества и окружающей его природы пронизывает всю письменную историю. Многие мыслители, начиная с Геродота, считали, что люди ведут такой образ жизни, какой указала им природа данной местности, и ход исторических событий во многом определяется природными условиями. В таком контексте культура и природа не противопоставлялись друг другу, а рассматривались во взаимодействии и единстве, которое обозначалось терминами «месторазвитие» и «вмещающий ландшафт» [Мосин, 2010. С. 4-12]. Рассмотрение вопросов, связанных с палеоэкологией, невозможно представить без описания современного состояния климата и ландшафта территории Береговского микрорайона.

В геоморфологическом отношении территория микрорайона относится к Бельской предгорной равнине, по схеме тектонического районирования – к внешней зоне Предуральяского краевого прогиба [Рождественский, 1971; Абдрахманов, Мартин, Попов и др., 2002; Абдрахманов, Чалов, Абдрахманова, 2007. С. 2-30. Рис. 2-4]. Местность,

занимаемая микрорайоном, относится к передовым предгорьям западных склонов Южного Урала с абсолютными отметками высот до 200 м. Более спокойным холмисто-увалистым рельефом отличается юго-западная часть микрорайона, входящая в Бельскую предгорную равнину со средними высотами до 150–280 м. Отдельные положительные формы рельефа, являющиеся восточной гарницей микрорайона (гряды, останцы и др.), местами достигают и превышают 350–400 м.

В ландшафтном отношении территория БАМР относится к наветренным предгорным равнинам Михайловско-Воскресенского района широколиственных, липовых, кленово-ильмово-липовых, дубовых лесов и типчаковых степей. Общий ландшафт относится к сплошным широколиственным лесам, более крутые и каменистые инсолируемые склоны внизу заняты темно-серыми и несколько выше серыми лесными почвами. На таких склонах произрастают липово-дубовые и кленово-ильмово-дубовые леса. На пониженной половине рельеф сравнительно более спокойный и сглаженный. Здесь ландшафт представляет собой северную лесостепь с крупнотравно-вейниковыми лугами и типчаковыми степями, а в юго-западной части Михайловско-Воскресенского района – также и обыкновенноковыльными степями [Богомолов, 1954, С. 241-248. Рис. 29; 30; 34; Жудова, 1964. С. 94-95].

Территорию БАМР дренируют Белая с притоками Нугуш, Зирганка [Балков, 1978. С. 83; Абдрахманов, 2005. С. 8; Гареев, 2001. С. 65-74].

Эволюция и периодическое смещения руслового рельефа оставили сеть больших и малых старичных озер, раскинутых по всей территории микрорайона, наиболее крупные из них Тукмаккуль, Муллиное, Сеицкое, Лопушистое. Все известные поселения эпохи бронзы расположены в непосредственной близости от воды и приурочены обычно к первым надпойменным старичным террасам.

Среднегодовое количество осадков в северной части достигает 626 мм, в южной 516-544 мм. Среднегодовая температура с 2°С повышается к

югу до 2, 6°C, а продолжительность безморозного периода, соответственно, от 117 до 151 дней [Богомолов, 1954].

Животный мир богат и разнообразен, представлен на данный момент редкими и исчезающими видами животных и растений. Из птиц к промыслово-охотничьим видам относятся: серая цапля, большая выпь, лебедь шипун, серый гусь, кряква, серая утка [Маматов, 1995. С. 46-148]. Все эти виды до сих пор гнездятся также на особо крупных старичных озерах микрорайона Тукманкуле, Бауркуле, Сеицком, Лопушистом, Муллином.

Семейство млекопитающих представлено зайцем, бобром, бурым медведем, волком, лисицей. Парнокопытные представлены в фауне несколькими видами: кабан, лось, косуля [Животный мир..., 1995. С. 207-305; Кучеров, Ильичев, 1961. С. 18-40; Маматов, 1995. С. 46-148].

Имеющаяся информация по составу охотничье-промысловых животных горнолесного Южного Урала и южной части западного и южного лесного Приуралья до промышленных и аграрных преобразований XIX-XX вв. содержится в монографии С.В. Кирикова, основанной на сведениях XVI-XVII вв. Эта работа дает представление о богатстве животного мира западных склонов Южного Урала. Так летописные записи, а также охотничьи «сказки» позволили обозначить большое количество видов животных, составляющих охотничью карту «башкирцев».

В реках Белая и Нугуш с более мелкими притоками представлено широкое разнообразие пресноводной рыбы, среди которой присутствуют белуга, русский осетр, стерлядь, каспийский лосось, форель, белорыбица [Кириков, 1966. С. 256-308].

Реликтовые останцы ковыльных степей на территории микрорайона представлены ковылем перистым, узколистым, типчаком. Пестроту травяному покрою предгорной полосы Береговского микрорайона придают виды не только степного разнотравья – адонис весенний, прозанник крапчатый, василек шероховатый, но и лугового разнотравья – нивяник

обыкновенный, кровохлебка лекарственная, горошек мышиный, клевер луговой и др. [Наумова, Миркин, Мулдашев и др. 2011. С. 101].

Как видно из приведенного краткого очерка, современные природно-географические условия вполне благоприятны для постоянного проживания в границах микрорайона.

2.3. Палеоэкология и палеогеография микрорайона

Причину появления большого количества поселенческих памятников на ограниченной территории микрорайона также следует искать в палеоэкологической обстановке эпохи энеолита/бронзы – позднего средневековья.

Эпоха энеолита в Уральском регионе синхронна атлантической, первой и второй фазам суббореального периодов по схеме Блитта-Сернандера [Хотинский, 1977].

Атлантический период (VI-III тыс. до н.э.) характеризуется постепенным похолоданием климата. В лесной зоне происходит постепенная деградация широколиственных пород леса. Этому периоду свойственны леса с преобладанием сосны, с участием ели и широколиственных пород. Наряду с похолоданием, шел процесс заболачивания и подъема вод в озерах [Хотинский, 1977. С. 53; Спиридонова, Алешинская, 1997. С. 50-51; 1999. С. 29-30].

На начальную фазу суббореального периода (вторая половина III тыс. до н.э.) приходится этап глобального потепления. В это время происходит деградация аридных территорий, смещение к югу областей занятых широколиственным лесом, степью. Устанавливается граница таежной зоны на севере смешанных лесов [Хотинский, 1977. С. 152; Спиридонова, 1999. С. 30].

В конце атлантического – начала суббореального периодов на Южном Урале палеогеографическая ситуация выглядит следующим образом: граница

между лесом и степью достигла в атлантическом периоде положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась относительно стабильной. В лесах отмечено присутствие широколиственных пород – вяза, дуба, липы, а также лещины. В конце атлантического периода происходит расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны. На начальном этапе суббореального периода – происходит глобальное похолодание климата, длившееся около 500 лет. Похолодание вызвало серьезные изменения в структуре палеоландшафтов, сформировавшихся в атлантический период. На юге Уральского региона в ландшафтах выявлено определенное участие лесных сообществ с сосной и елью, а также лугового разнотравья и злаков [Смирнов, Кузьмина, 2005. С. 23-32; Дерягин и др., 2010. С. 46-50; Мосин, 2014. С. 44-57].

В Башкирском Приуралье, по данным В.К. Немковой, в бассейне р. Белой в атлантический период произрастали сосновые леса с участием березы, липы, вяза. С севера на юг фиксируется уменьшение доли ели в пыльцевом спектре. В бассейне Нижней Белой появляются безлесные ландшафты. В суббореальный период на этой же территории фиксируются сосново-березовые леса с участием ели. Присутствуют безлесные ландшафты с ксерофитами. Южнее отмечено распространение березовых лесов с содержанием популяций липы, дуба, вяза, лещины с участием хвойных пород. Отмечены, также степные пространства [Немкова, 1976. С. 268; 1978. С. 13-37].

Таким образом, споро-пыльцевые анализы, полученные с геологических разрезов на территории Башкирского Приуралья, не противоречат общей схеме изменения климата в конце атлантического-суббореального периодов, охватывающих эпоху энеолита на этой территории.

Согласно многочисленным исследованиям, природные условия в эпоху энеолита были близки современным, что подтверждается и данными с

сопредельных территорий Среднего Поволжья [Шаландина, 1995. С. 172-174; Шалапинин, 2011. С. 9-14], Сурско-Мокшанского междуречья [Нейштадт, 1957. С. 161-162, 361], Самарского бассейна [Лаврушин, Спиридонова, 1995. С. 186], Южного Зауралья [Хотинский, Немкова, Сурова, 1982. С. 145-153; Лаврушин, Спиридонова, 1995. С. 165-170; 1999. С. 66-103; Мосин, 2005. С. 28-35], Среднего Зауралья [Панова, 2001. С. 48-59].

Изменения климатической обстановки в эпоху энеолита-бронзового века в пределах микрорайона можно проследить по данным опорных геологических разрезов №№I-III надпойменной террасы левого берега р. Белой у д. Климовка в Мелеузовском районе (в 5,4 км югу-юго-западу от д. Береговка и в 2,7 км к западу от д. Юмаково). Местонахождения расположены примерно в 300 м ниже по течению от д. Климовка и являются стратотипическими для климовского горизонта среднего неоплейстоцена региональной схемы квартера. Отложения описаны Г.А. Данукаловой и А.Г. Яковлевым в 2000 г. [Данукалова, Яковлев, 2004; Yakovlev, Danukalova, 2004; Данукалова, 2005а,б]. Терраса заливается водами р. Белой во время половодий, ее высота до 3,93 м [Данукалова, Яковлев, Алимбекова и др., 2006. С. 53-65]. Выявленные спорово-пыльцевые спектры разреза I характеризуются преобладанием пыльцы древесных растений, преимущественно за счет пыльцы сосны. Лишь в одном образце (обр. 7) отмечено преобладание пыльцы трав.

На основании различия в компонентах спектров на спорово-пыльцевой диаграмме (диаграмма 1) можно выделить ряд палинологических зон (а-ж), от верхней границы разреза:

а) 3,6–3,0 м (обр. 17–19). В спектрах данной палинологической зоны преобладает пыльца древесных пород: ольхи, березы, липы, ели, но главную роль играет сосна.

б) 2,0–1,2 м (обр. 8–11). По сравнению с предыдущим, в спектре до минимума (до 3%) сокращается доля травянистых, в то время как количество сосны достигает своих максимальных значений в изученном разрезе (78%).

в) 1,2–1,0 м (обр. 7). Зона охарактеризована одним образцом, в спектре которого преобладает пыльца трав (60%), главным образом за счет ксерофитов: полыней, маревых, астровых.

г) 1,0–0,8 м (обр. 6). В составе спектра снова преобладает пыльца древесных. Количество травянистых резко снижается до 15%.

д) 0,8–0,3 м (обр. 3–5). Общее соотношение древесных и травянистых выравнивается. Пыльца мезофитов и ксерофитов находится в равных количествах, затем доля мезофитов несколько увеличивается. Среди деревьев по-прежнему преобладает сосна.

е) 0,3–0,1 м (обр. 2). В спектре среди древесных пород значительных изменений не происходит, в то время как в группе травянистых доминирует пыльца (род *Polygonum* — горец); снижается количество пыльцы полыней, а маревых — увеличивается.

ж) 0,1–0 м (обр. 1). Спектр получен из пробы с поверхности почвы. В составе спектра доминируют древесные, главным образом за счет сосны и березы; среди травянистых преобладают гречишные (род *Polygonum*) и маревые [Еремеев, 2003. С. 76-78].

На основании споро-пыльцевого анализа можно сделать вывод, что во время образования отложений верхнего и среднего голоцена, к которому относится эпоха энеолита (палинологические зоны а и б), на территории Береговского археологического микрорайона были распространены лесные растительные сообщества, состоявшие из сосен, елей, лип и берез. Отложения, сопоставленные с палинологическими зонами в–ж, сформировались в условиях лесостепей и редколесий (эпоха бронзы). Исходя из этих данных, в позднем голоцене были распространены лесостепи и редколесья. В эпоху энеолита на прилегающей территории также были распространены лесные фитоценозы, состоящие в основном из елей с небольшой примесью сосен.

В эпоху бронзы на прилегающей территории распространены лесостепные и степные разнотравно-полынно-маревые ландшафты

[Данукалова, Яковлев, Алимбекова и др., 2006. С. 53-65]. Нахождение раковин моллюсков, предпочитающих обитать в застойных или слабо текущих водоемах (рода *Succinea oblonga* Drap. (морфа А), *Lymnaea*, *Planorbis*, *Anisus*, *Gyraulus*) в этих горизонтах, указывает на теплые климатические условия этого времени [Осипова, 2009. С. 224].

Эпоха бронзы Приуралья и Зауралья, как правило, соотносится с суббореальным периодом голоцена. Материалы палеогеографических исследований, полученные в последние десятилетия, указывают на сложность и неоднозначность ландшафтно-климатических явлений, происходивших в это время [Иванов, Васильев, 1995. С. 146-192].

В эпоху бронзы на территории Башкирского Приуралья доминирующим типом растительности стали сосновые леса с небольшой примесью елей, берез, ольхи, липы и широколиственных. В них встречались единичные группы дуба черешчатого, вяза и лещины. О широком распространении сосны свидетельствует использование этой породы дерева при сооружении надмогильных перекрытий Лабазовского курганного могильника срубной культуры [Лабазовский ..., 2009. С. 52-59]. Липа являлась почти постоянной примесью к хвойным лесам. Местами леса прерывались открытыми степными пространствами разнотравья [Немкова, 1976, С. 259-276; 1978. С.4-46].

Природно-климатическая ситуация в эпоху бронзы на территории Южного Урала связана со среднесуббореальным потеплением (2200-1400 гг. до н.э.). В эти хронологические рамки входит абашевская, синташтинская культуры, развитый этап срубной культуры. Континентальность климата была ниже чем сейчас, что выражалось в уменьшении контраста летних и ранне-осенних температур в течение дня. Количество осадков было близко современным [Хотинский, 1977. С. 163-165; Лабазовский ..., 2009. С. 52-59]. В это время граница между лесом и лесостепью проходила севернее широты г. Стерлитамака [Немкова, 1985. С.113. Рис. 1], достигая положения, близкого к современному [Сухов, Хисматов, 1990. С. 36. Рис. 7] при

отсутствии резкого смещения ландшафтных зон [Немкова, 1978. С. 9; Хотинский, 1981. С. 49].

Во время существования срубной культуры климат, по данным палинологического анализа двух курганов у д. Каранаево и д. Услы Стерлитамакского и Стерлибашевского районов Республики Башкортостан (в 70 км западнее Береговского микрорайона), был влажнее, чем в настоящее время. Об этом свидетельствует палеорастительный покров, представленный более мезофитными злаково-разнотравными степями с меньшим участием ксерофитов, чем сейчас, и небольшими лесами из березы и сосны, реже – липы. Теплообеспеченность была близка современной или несколько меньшей, на что указывает меньшее содержание пыльцы широколиственных пород в ископаемых спектрах, что подтверждает данные палинологии о благоприятных климатических условиях [Чаплыгин, Приходько, Rogozin и др., 2016. С. 245-248].

В суббореальное время вблизи от границ микрорайона, по данным разреза у д. Климовка, местами сохранялось обилие сосен, большое распространение получают степные пространства с ксерофитами [Еремеев, 2003. С. 76-78]. Таким образом, можно предполагать, что в эпоху бронзы природно-климатические условия были близки современным либо несколько благоприятней.

Это подтверждается и новейшими палеоэкологическими исследованиями, доказывающими схожесть природного окружения памятников в эпоху поздней бронзы с современным состоянием, проведенными как в Башкирском Приуралье (Мурадымовское, Ново-Байрамгуловское (Бакшай) поселение, Николаевский, Старо-Ябалаклинский-1, Каранаево-1, Верхние Услы-2 курганные могильники), так и в прилегающей Оренбургской области (Лабазовский, Скворцовский, Илекский, Шумаевский, Мустаевский курганные могильники). Этот период охарактеризован как климатический оптимум (оптимальное соотношение тепла и влаги обеспечивающее максимальную продуктивность экосистем),

что подтверждается появлением множества поселений и переходом населения срубной КИО к оседлости [Морозов, Мукатанов, 1983; Рысков, Демкин, 1997; Сулейманов, Обыденнова, 2006. С. 914-920; Сулейманов, 2007. С. 189-194; Хохлова, Кузнецова, Хохлов и др., 2008. С. 481-490; Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2008в. С. 76-83; Плеханова, 2009. С. 56-68; Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009; Скворцовский ..., 2010. С. 94; Sherbakov, Shuteleva, Obydenнова et. all, 2010. P. 29-36; Хохлова, Хохлов, Моргунова и др., 2010. С. 1038-1050; Лаптева, Корона, 2011. С. 55-58; Приходько, Рогозин, Чаплыгин и др., 2016. С. 1052-1067].

Палеоклиматические данные о характере природно-климатических условий на Южном Урале в первой половине I тыс. до н. э. носят спорный характер [Таиров, 2003. С. 36-42]. Однако, общепринятым является мнение о более благоприятной природно-климатической обстановке, сложившейся на юге Восточной Европы к середине I тыс. до н. э. [Таиров, 2003. С. 38-41; Гуцалов, 2011. С. 11-14].

В степном Зауралье на протяжении сарматского времени (IV в. до н.э. – IV–V вв. н.э.) для относительно дренированных ландшафтов выделяют чередующиеся кратковременные влажные и засушливые климатические периоды. Как считают исследователи, в лесостепи 2000–1700 лет назад наблюдалось кратковременное увеличение засушливости. Около 1000 лет назад также существовали аридные условия, сменившиеся затем максимально гумидными «малого ледникового периода» 800–100 лет назад. Самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на середину I тыс. до н. э., включая первую половину V в. до н. э. В первой половине V и I вв. до н. э. фиксировались наиболее низкие температуры (за период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э.), а в IV в. н. э. и на рубеже III–II вв. н. э. – наиболее высокие температуры за этот же период. Эти данные свидетельствуют о смене в этом регионе аридных климатических условий более влажными на протяжении раннего железного века [Плеханова, Дёмкин, 2008. С. 357-365; Плеханова, 2009. С. 27-34].

В начале субатлантического периода на локальной территории в пределах современной южной лесостепи Южного Урала климатические условия были благоприятны для степного почвообразования. Возможно, по сравнению с современными условиями климат был несколько теплее и характеризовался умеренным увлажнением [Учаев, Некрасова, Дергачева и др., 2015. С. 57-67]. Это подтверждается анализом свойств палеопочв могильников Акоба II и Филипповка I, отнесенных ко второй половине V в. до н.э. Почвоведомы сделан вывод о повышенной континентальности климата в VI – первой половине V в. до н. э. Во время функционирования могильников Филипповка I и Акоба II (во второй половине V – IV в. до н. э.) климат менялся в направлении усиления увлажнения и смягчения степени континентальности [Хохлова, Хохлов, Юстус и др., 2007. С. 393-396; Хохлова, Гольева, 2010. С. 95-101].

В суббореальный период (2500–500 гг. до н.э.) для территории Южного Приуралья было характерно возрастание роли сосен в лесах. В бассейне нижнего течения р. Белой в это время установлено широкое развитие липовых лесов, южнее сменяющихся березовыми лесами с заметной примесью широколиственных. В субатлантике (500 г. до н.э. – современность) распространение типов растительности не отличалось от современного: елово-сосновые леса на севере, южнее в лесах увеличилась примесь липы, дубов и вязов. В самом конце субатлантика на юге Башкирского Приуралья отмечено увеличение безлесных пространств [Немкова, 1976; 1978].

В совместной работе В.К. Немковой и В.А. Климанова была сделана попытка восстановления абсолютных характеристик климата для отдельных фаз голоцена Предуралья [Немкова, Климанов, 1988]. На протяжении суббореала ими выявлены три эпохи заметного потепления: в первую, датированную в 3980±180 лет назад, средние температуры были на 0,5–1°C выше современных; второе потепление было более заметным — на 1–2°C выше современных средних температур; в третьем — климат был близким

современному. В субатлантическое время сначала похолодало, а затем также выявлены три фазы потепления, однако, по количественным характеристикам были менее заметными, чем суббореальные. После этих потеплений, позднее 1000 лет назад, заметно похолодало, климат приближался к современному [Немкова, 1992. С. 11-33].

Для реконструкции палеоклиматических условий интересующего нас микрорайона возможно использование данных по разрезам у д. Климовка (разрез II). В суббореальное время на этой территории местами сохранялось обилие сосен, большое распространение получают степные пространства с ксерофитами [Еремеев, 2003. С. 76-78]. Похожие данные получены и по другим разрезам в пределах Башкирского Приуралья. По составу спорово-пыльцевых спектров голоценовых отложений, вскрытых у с. Кармаскалы (Кармаскалинский район РБ, карьер, скважины №№1, 18), в скважине № 36 у д. Старо-Султангулово (Балтачевский район РБ) растительность голоценовых отложений восстанавливается в виде сосновых лесов с примесью ели, пихты и незначительным содержанием берез, лип, под пологом которых росли папоротникообразные семейства кочедыжниковых, ужовниковых и мхи. Открытые пространства были покрыты разнотравьем, маревыми, полынями, изредка – злаковыми, количество которых увеличивалось к концу этого времени и одновременно уменьшалась роль елей. В водоемах и около них росли водные и прибрежноводные растения [Яхимович, Данукалова, Попова-Львова и др., 2000. С. 47, 68; Данукалова, 2006. С. 66-71]. По всей видимости, на территории микрорайона современный растительный покров близок по составу к тому, что был и в VI-V вв. до н.э. и в II –III вв.н.э. А экологическая обстановка оставалась благоприятной для жизнедеятельности древнего человека [Таиров, 2003. С. 36].

Таким образом, палеоклиматическую обстановку савромато-сарматского времени можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных и микроаридных периодов продолжительностью до 150 – 200 лет. Савроматский гумидный период (VI–V вв. до н. э.) сменился

раннесарматским аридным (IV–III вв. до н. э.) со снижением среднегодовой нормы атмосферных осадков не менее чем на 50–70 мм [Савельев, 2015. С. 62-84; Савельев, Овсяников, Курманов, 2017. С. 900-901]. Относительно влажными климатическими условиями как в Волго-Донском междуречье, так и в Заволжье характеризовались I в. до н. э., I и IV вв. н. э. (380–400 и 300 – 350 мм/год соответственно), а наиболее засушливыми– 2-я пол. II – 1-я пол. III вв. н. э. (330–350 и 250– 280 мм/год). Промежуточная и близкая ситуация по степени увлажненности имела место в 1-й пол. II в. н. э. и во 2-й пол. III в. н. э. (350–380 и ~300 мм/год) [Демкин, Ельцов, Демкина и др., 2013. С. 966-970; Демкин, Демкина, Хомутова и др., 2013. С. 126-142]. С этим хронологическим периодом на территории микрорайона связаны единичные и случайные находки железных наконечников стрел, и холодного оружия, а также впускное прохоровское погребение в Береговском I курганном могильнике (рис. 144-146; 211). К этому же времени относится не исследованный и, по-видимому, ограбленный в древности одиночный курган Юмаково V.

На середину субатлантической фазы по шкале Блитта-Сернандера приходятся климатические изменения развитого и позднего средневековья, которые связаны с раннесредневековой аридизацией IV-XII вв. и малым ледниковым периодом XIII-XIX вв. [Моргунова, Гольева и др., 2003. С. 196].

Данные с археологических памятников эпохи средневековья Южного Зауралья (заповедник Аркаим), Оренбургской области (Каргалинские рудники, Покровские, Мустаевские, Шумаевские курганы), Самарской Луки, Мордовии (Лядинский могильник X–XII вв.), в Нижнем Поволжье (курганные могильники Ольховка, Гусевка, Племхоз, Недоступов, Петрунинский, Костарево, Авиловский, Абганеровский, Аксай, Маляевка, Колобовка и др.) [Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014. С. 20-21], Казахстана, в междуречье Ишима и Нуры (городище Бозок) [Гаврилов, Дергачева, Хабдулина, 2011. С. 7-15] показывают, что резких климатических и ландшафтных изменений не происходило [Тезикова, 1975; Хохлова, 1996.

С. 66; Батанина, 2004. С. 155; Демкин, Демкина, Борисов и др., 2004; Мартинес-Наваретте, Висент-Гарсия, Лопес-Гарсия и др., 2005. С. 91; Хохлова, Хохлов, 2005. С. 58; Воронина, 2007. Приложение 2; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010].

Так, по результатам анализа почв с памятников хазарского периода Волго-Донского междуречья сделан вывод о том, что в VIII–IX вв. рассматриваемая территория характеризовалась засушливым климатом, близким к современному [Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010. С. 57]. Для периода развитого средневековья (XI–XIV вв.) почвоведы отмечают смену засушливых условий почвообразования более гумидными. По их данным, в это время наблюдалось увлажнение климата. Среднегодовая норма атмосферных осадков была на 70–100 мм выше современной. Наступает период «средневекового климатического оптимума», пик которого приходится на XIII в., и который уже в конце XIV в. сменяется периодом очередной аридизации климата, длящимся и по сей день [Демкин, Дергачева, Борисов и др., 1998. С. 148-157; Якимов, 2004; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010. С. 83].

В период с X в. в степях Южного Урала процесс увлажнения ослабевает и далее на восток, в Зауралье и Северном Казахстане не фиксируется [Демкин, Демкина, 1999; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014. С. 20-21].

Субатлантический этап в Башкирском Приуралье начинается с заметного похолодания, когда среднегодовая температура стала ниже современной на 1,5°C, а количество осадков увеличилось на 25 мм. Похолодание сменилось раннесубатлантическим потеплением, в максимум которого среднегодовые температуры были выше современных на 0,5-1°C, количество осадков достигло современного уровня. В субатлантический период отмечаются два заметных повышения температуры, сменяющиеся похолоданиями, когда среднегодовая температура была ниже настоящей на 1,5°C, а количество осадков несколько превышало современные показатели.

Во время потепления, максимум которого отмечается около 1000 лет назад, температуры превышали современные на $0,5^{\circ}\text{C}$, осадков выпадало больше.

Позднее этого времени климат стал холоднее, что связано с наступлением так называемого «малого ледникового периода». Среднегодовая температура стала ниже на 2°C , количество осадков увеличилось на 50 мм больше современного уровня. Возрастание роли широколиственных древесных пород в сосново-еловых лесах во время потеплений, сменялось увеличением количества берез при похолоданиях. Потепление с максимумом около 1000 лет назад привело к увеличению в составе смешанных лесов роли широколиственных пород, главным образом липы. Последнее заметное похолодание, отмечаемое около 500 лет назад, существенно не повлияло на характер растительности, хотя в это время отмечается некоторое расширение лесостепных пространств и возрастание роли ксерофитной растительности [Немкова, Климанов, 1988. С. 65-71].

Развитие ландшафтных зон было обусловлено, прежде всего, изменениями климата. Теплый сухой период конца XIII – начала XIV вв. сменился промежуточным периодом – относительно теплым и сухим с признаками нестабильности (чередованием в отдельные десятилетия аномально холодных и влажных годов с засушливыми и сухими годами) в XIV – середине XV вв. Затем прохладно-влажная эпоха межвекового характера началась со второй половины XV в. и продолжалась вплоть до 80-х годов XIX в. («малый ледниковый период»). Внутри нее фиксируются несколько внутривековых периодов (фаз) резких похолоданий и потеплений [Аськеев, Аськеев, Галимова, 2009. С. 29-113]. По всей видимости, эти общие глобальные процессы трансформации климата, а вместе с ним и окружающей среды затронули и территорию микрорайона. Результаты геотермического изучения сверхглубокой скважины Леузинская-1 (Кигинский район РБ), дают возможность оценить изменение температуры поверхности Южного Приуралья в максимуме средневекового теплого периода. Так в 1100-1200 гг. температура примерно соответствовала современной, а в минимуме малого

ледникового периода примерно в 1720 г. была на 1,2 - 3°С ниже современной [Голованова, Сальманова, Демежко, 2012. С. 1776-1785].

Таким образом, климатические условия и природное окружение микрорайона в энеолите, бронзовом веке, раннем железе и средневековье можно считать близкими к современным, с известными температурными колебаниями в ту или иную сторону. Все это позволяет напрямую экстраполировать природное окружение и климатическую ситуацию, наблюдаемую в пределах микрорайона в наши дни на рассматриваемые исторические эпохи.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Наиболее выраженным с точки зрения границ и изученным микрорайоном на южном Урале является Береговский археологический микрорайон. Для общего представления о количестве археологических памятников вблизи этого АМР были составлены карты, включающие объекты археологии с эпохи энеолита и до позднего средневековья, расположенные в пределах Бельско-Уршакского междуречья (рис. 2-5). Размеры этой территории около 15400 кв. км (110x140 км).

На карте обозначены все левые и правые крупные притоки р. Белая. Картографирование позволило отразить геоморфологическую ситуацию, свойственную для типично лесостепной подзоны, которая распространяется на сильно расчлененную часть Бугульминско-Белебеевской и Стерлибашевско-Федоровской возвышенности, в междуречьях Ашкадара и Демы, Демы и Усени. Отдельным массивом этой подзоны представлено Бельско-Уршакское междуречье от г. Стерлитамака до устья реки Демы.

Данная территория является платообразной возвышенностью с четко выраженной ступенчатостью водораздельных пространств. В равнинную и остепненную поверхность Уршакско-Бельского района врезаны долины рек Белая, Уршак, Ашкадар, Сухайля, Стерля, Кугунак и Кундряк с комплексом террас.

Территория правобережья р. Белая низко- и среднегорная, для нее характерно наличие светлохвойной тайги и широколиственных лесов. Рельеф хребтово-увалистый, с глубокими речными долинами и скальными обрывами по берегам рек высотой до 150-200 метров, широкими возвышенными плато с останцовыми холмами, скальными гребнями, хребтами и отдельными горами.

На этой территории выявлено 247 объектов археологии, синхронных памятникам Береговского микрорайона, из которых к эпохе энеолита относятся

11, 133 памятника датируются эпохой бронзы, 65 – ранним железным веком и 38 эпохой раннего и позднего средневековья.

БАМР включает в себя 31 археологический памятник, 25 (79,4%) из которых памятники эпохи бронзы представлены поселениями и могильниками абашевской, срубной, алакульской, черкакульской и межовской культур. К эпохе РЖВ относятся 3 памятника (10,3%). Оставшиеся 3 памятника (10,3%) представлены тафокомплексами и поселенческим объектом эпохи средневековья (рис. 6, 7).

В связи с полнотой исследования объектов эпохи бронзы и многочисленностью коллекций, в работе представлены развернутые сведения о них, опирающиеся на современные данные анализа керамического материала и следов металлургии, скотоводства и камнеобработки, что позволило раскрыть потенциал БАМР в этот период. Современные тенденции в области датирования памятников эпохи бронзы Южного Урала, обусловили выделение отдельного блока в настоящем исследовании для хронологической градации поселенческих и погребальных комплексов на территории БАМР.

3.1. Береговский АМР в эпоху энеолита и бронзы

Эпоха энеолита представлена в микрорайоне немногочисленным керамическим материалом, происходящим с нижних горизонтов *Береговского I, II, Юмаковского II и IV поселений*, а также с *селища Береговка-4*. Керамика светло и темно-коричневого цвета, в тесте примесь дресвы, шамот. Венчики срезаны вовнутрь. Орнамент простой, гребенчатый, на одном фрагменте прослежены «гусенички» (рис. 9, 1-7; 136, 1).

Наибольшее сходство энеолитические комплексы микрорайона находят в древностях суртандинской культуры, территорию компактного расположения памятников которой исследователи увязывают с Зауральем (район озер Карабалыкты, Банное (Якты-Куль), Суртанды) [Мосин, 2005. С. 379-380. Рис. 65, 2-3, 6, 15; 66, 7, 17]. В Зауралье аналогичная посуда присутствует в материалах

эпонимных памятников Суртанды VII, VIII [Матюшин, 1982. С. 117-119, 121, 133. Табл. 3а, 4, 10; 3б, 1; 4а, 2-3, 6-7, 11; 5, 6, 18, 20; 19, 3], поселения Мурат [Матюшин, 1982. С. 141. Табл. 28б, 6], Ново-Байрамгулово-1 (святилище Бакшай) [Рафикова, Федоров, 2013. С. 10-27. Рис. 2; Мухаметдинов, 2014. С. 219-228]. В степном Приуралье подобная керамика выявлена на Турганикском поселении в Оренбургской области. Абсолютная датировка хронологической группы, включающей керамику суртандинской культуры, укладывается в диапазон от 4237 до 3790 гг. до н.э. [Турганикское поселение..., 2017. С. 121. Рис. 39. С. 229]. Суртандинские комплексы с Ново-Байрамгуловского поселения датируются в калиброванном значении (68,2 %) 3350-2750 - 3330-2910 гг. до н.э. [Мосин, Епимахов, Выборнов и др., 2014. С. 30-42; Епимахов, Мосин, 2015. С. 27-37].

В это время территория к западу от микрорайона была абсолютно не заселенной, можно лишь отметить единичный погребальный памятник ямной культуры Ново-Калкашевский II курганный могильник, находящийся в лесостепной зоне Бельско – Демского междуречья в 50 км к северо-западу от микрорайона (рис. 2).

Иная ситуация сложилась к востоку от микрорайона, где в горно-лесной зоне по рекам Белой и Нугуш выявлена довольно представительная группа памятников, содержащая в культурном слое суртандинскую керамику (рис. 2) [Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 28-31].

Таким образом, можно предположить, что зауральское население эпохи энеолита (носители суртандинской культуры) проникало в Приуралье включая территорию Береговского археологического микрорайона, используя для этого крупные водные артерии – реки Белую и Нугуш.

В этой связи важно отметить находки суртандинской керамики, а также кладов каменных орудий из зауральской яшмы и кремня, выявленных на р. Уршак в Приуралье на Чишминской и Кара-Якуповской стоянках, на Затонском селище вблизи г. Уфы в 220 км к западу и северо-западу от стоянок Башкирского Зауралья (Ташбулатово I, Сабакты III, Мысовая, Суртанды III, Мурат), откуда

происходят ближайшие, аналогичные выявленным в Приуралье, изделия [Морозов, 1982б. С. 214-215; 1984. С. 43-58] и в 180 км к западу от энеолитических памятников микрорайона.

Все это может свидетельствовать в пользу того, что территория микрорайона могла играть роль своеобразного накопителя для энеолитического населения, спорадически осваивавшего в III тыс. до н.э. левобережье Белой, вплоть до ее крупных лесостепных притоков (рр. Уршак и Дема).

Немногочисленность энеолитических материалов, с одной стороны, может объясняться слабой изученностью памятников эпохи энеолита, однако, по всей видимости, объяснение этому лежит в адаптационной модели, связанной с сезонностью появления энеолитического населения в пределах микрорайона. Это может быть обусловлено циклическими передвижениями из одной природно-ландшафтной зоны в другую с соответствующим изменением промысловой деятельности. В предгорьях это могла быть добыча крупной копытной дичи (лось, северный олень, косули и т.д.), а также медведя, бобра, соболя, рыбная ловля и охота на водоплавающую дичь. В лесостепной зоне — это охота на копытных (лошадь, дикого быка (тура), косулю).

Таким образом, в эпоху энеолита модель освоения была направлена на успешную адаптацию населения в пределах обжитого вмещающего ландшафта БАМР посредством комплексного сезонного охотничье-рыболовного хозяйства.

Наиболее многочисленны в пределах микрорайона памятники эпохи бронзы, большинство из них сконцентрировано вблизи дд. Юмаково и Береговка. Памятники в основном расположены на первых надпойменных террасах старичных озер, густой сетью покрывающих территорию БАМР. Погребальные памятники в основном расположены на высоких участках коренных террас р. Белой.

Из выявленных 19 поселенческих памятников эпохи бронзы в пределах микрорайона стационарными раскопами изучено 7 поселенческих объектов, в которых вскрыто 15 построек, очаги, хозяйственные ямы и иные остатки, связанные с хозяйственной деятельностью человека. Раскопками исследовано 5

курганных могильников, в которых раскопано 33 кургана, под ними выявлено 64 погребения.

Материалы *Береговского I поселения* представлены многочисленными обломками костей животных, фрагментами глиняных сосудов абашевской, синташтинской, срубной и алакульской культур, отдельными предметами из кости и камня, металлическими изделиями (рис. 16-20; 22-32; 38-57, 4, 5; 59-65). Кроме них из раскопов получено значительное количество свидетельств металлургии и металлообработки. В частности, слитки металла, кусочки окислов (в ряде случаев содержащих включения чистого металла), шлак, плавильные чаши, литейные формы (рис. 20, 5; 22, 2; 47, 4, 9, 10; 48, 1, 5; 50, 7; 52, 4, 8, 12-14, 17-19; 65, 1).

По наблюдениям за концентрацией керамики в слоях, жилище и на межземляночном пространстве (за два полевых сезона вскрыто около 500 кв.м), К.В. Сальниковым было выдвинуто предположение о том, что первоначально площадка памятника была заселена абашевскими племенами, площадь поселения при этом оставалась достаточно скромной, позднее на месте абашевского селища возник «срубный» поселок. «Срубные» землянки прорезали «абашевский» слой, а также были возведены вне пределов абашевского селища. Константин Владимирович склонялся к мысли об оставлении абашевцами своего поселка по неизвестным причинам, не связанным с проникновением срубных групп населения. К этому выводу он пришел, видимо, в процессе планиграфического наблюдения за залеганием керамики, абашевский слой не содержал раздавленных сосудов, что, по мнению К.В. Сальникова, могло указывать на катастрофические последствия одноактного оставления селища. Таким образом, поселение было оставлено абашевцами в спокойной обстановке, как предположил Константин Владимирович в результате изменения русла реки.

К.В. Сальниковым и В.П. Викторовым отмечены следы пожара, выявленные в виде обугленных плашек, угля, очажных плах, золистого прослойки на полу постройки II. Оставленные в целостности срубные сосуды, каменные очаги, большое количество крупных фрагментов и развалов сосудов на

производственной площадке жилища, недвусмысленно намекают на поспешное оставление поселения. Следы металлообработки были представлены медной рудой, шлаком, медной проволокой, глиняной «шишкой», служившей для образования втулки кельта или топора при их отливке в формах. Кроме того был найден каменный наконечник стрелы [Сальников, 1955].

Керамика *Береговского II поселения* преимущественно абашевская. Набор посуды состоял из различных типов горшков, банок и чаш. Срубная керамика с территории раскопа представлена неорнаментированными обломками стенок и одним венчиком (рис. 69; 71, 1, 2, 4, 5; 72, 1-4; 73; 75). Из находок стоит выделить медную руду-конгломерат, гальки-отбойники, черенок бронзового копья, медную окисленную подвеску, массивное четырехгранное шило, при разборе бровки траншеи №2 выявлен каменный пестик из гальки со сработанными краями на одном конце, бронзовый нож лавролистной формы с обломанным концом, каменные молотки (рис. 70, 1-16; 71, 3, 6). Изделия из кости представлены пятью предметами: обломком полой костяной ручки, 2 ложилами, костяно проколкой, обломком «скобеля» (рис. 70, 3-7). Изделия из камня включают 9 изделий: 2 обломка молотов, 2 точильных бруска, галька - курант, 2 каменные наковальни, пест и плоское каменные изделия (рис. 70, 14-15; 71, 3, 6; 76, 1, 2).

Вероятно, одновременно с *Береговским II поселением* начинает функционировать и абашевский поселок *Юмаковского IV поселения* (рис. 117-122).

В 2016 г. вблизи от описанных поселений найден новый археологический объект *Береговка-4, селище*, на поверхности которого собрано около 30 фрагментов керамики, содержащих в тесте тальк- суртандинской и алакульской культур (рис. 136).

В 3-4 км к северу от *Береговских поселений* выявлено четыре поселения, селище и несколько стоянок, находящихся недалеко от д. Юмаково, на надпойменных террасах правого берега р. Белой. Памятники располагаются компактно и связаны с древними руслами-старницами р. Белой.

Из культурного слоя *Юмаковского I поселения* получена коллекция находок из керамики, камней, а также остеологических материалов. Обнаружено 644 фрагмента керамики абашевской (193 фрагмента или 30%), срубной (419 фрагментов или 65%) и алакульской (32 фрагмента или 5%) культур. Более половины всей керамики сосредоточено на третьем горизонте (рис. 78-82).

Из других материалов необходимо отметить находки обломков каменных плит типа наковален, терочников, ударных инструментов. Вещевой инвентарь представлен тремя обломками плавильных чаш абашевского типа, происходящих из нижних горизонтов раскопа, тремя гальками-курантами, каменным молотком, имеющим в средней части желобок для крепления ремня, грузилом (рис. 83, 1-3). Кроме того, найдены две каменные прямоугольные плитки с заполированной поверхностью, три слитка меди или бронзы и кусочек шлака с медистыми включениями, а также фрагмент глиняного маховичка, створка речной раковины и несколько обломков заполированных костей животных и более 20 камней со следами использования [Горбунов, 1989. С. 43-46].

Керамика *Юмаковского II поселения* представлена срубной, алакульской, межовской и курмантауской посудой (рис. 85-92). Найдено также большое количество изделий из камня (рис. 94; 95; 96, 4, 7, 8, 11, 12, 14-18), бронзы (рис. 93, 1, 2; 96, 2, 5, 6, 19, 21) и кости (рис. 96, 1, 3, 9, 10, 13, 20). Кроме того, выделена группа находок, связанная с металлургическим производством – в нее входят небольшая серия технологической керамики, представленная обломками плавильных чаш и тиглей, а также кусочки металла, руда, бронзовая капля, два бронзовых слитка и обломок створки литейной формы.

Материалы *Юмаковского III поселения* представлены абашевской (рис. 99; 100; 103, 3; 108; 115, 3, 6), покровской (рис. 115, 1, 2, 4, 5, 7, 8) срубной (рис. 101-103; 109, 114), алакульской (рис. 113, 116), курмантауской (рис. 104) керамикой, пластинчатым бронзовым орудием (рис. 63, 6), подвеской абашевского типа (рис. 105, 4), каменным пестом (рис. 105, 1; 106; 107), обломками плавильных чаш (рис. 105, 3; 110, 1, 2, 4), костяными (рис. 111),

каменными (рис. 112), глиняными (рис. 105, 2; 110, 3, 5) изделиями и кусочками руды [Горбунов, 1981а; Горбунов, 1981б, С. 130; Горбунов, 1982. С. 2-18; 1983. С. 143; Горбунов, 1983. С. 5-37; Горбунов, 1988. С. 3-27; Горбунов, Денисов, Муравкина, 1989. С. 124-126; Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 46-50; Горбунов, 2006. С. 4; Горбунов, 1992. С. 68-69].

Керамика *Юмаковского IV поселения* представлена абашевской и срубной посудой, найдены пластинчатый серп и шило (рис. 122, 1, 2), обломки массивной каменной плиты (рис. 120), два песта и крупный фрагмент плавильной чаши со следами ошлаковки, каменные орудия (рис. 121, 122, 5), бронзовая бусина (рис. 122, 4), раковинная подвеска (рис. 122, 3) [Горбунов, 1989. С. 30-32].

Вблизи от Юмаковских I-IV поселений Е.В. Руслановым в 2013-2016 гг. выявлено несколько новых археологических памятников.

С поверхности *Юмаково-5, стоянки* собраны фрагменты керамики срубной культуры серого цвета с примесью шамота и дресвы в тесте, куски шлака, а также большое количество костей животных [Русланов, Сахипов, 2013. С. 48-51; Русланов, Сахипов, Шамсутдинов, Мухамедьяров, 2014. С. 39-42]. Площадка памятника *Юмаково-6, поселения* представлена находками большого количества (около 80) фрагментов керамики срубной культуры (рис. 138). Цвет поверхности черепков от темно-серого до светло-коричневого, в тесте фиксируется примесь шамота. На некоторых фрагментах зафиксирован орнамент в виде прочерченных полос, вдавлений гребенчатого штампа и расчесов. С поверхности также собраны колотые кости животных, шлак и обработанная каменная плиточка. На *Юмаково-7, стоянки* собрано 12 фрагментов керамики срубной культуры, 8 неорнаментированных стенок, 4 стенки с орнаментом в виде прочерченных линий. Цвет найденных фрагментов от темно-серого до светло-коричневого в тесте фиксируется примесь шамота (рис. 139, 3-16). На площадке памятника *Юмаково-8, стоянка* собрано 15 фрагментов керамики срубной культуры, 10 неорнаментированных стенок, 3 стенки с орнаментом в виде прочерченных линий, и один венчик от небольшого баночного сосуда. Цвет найденных фрагментов от темно-серого до светло-коричневого в тесте

фиксируется примесь шамота (рис. 137, 1-3). *Юмаково-9, местонахождение керамики* зафиксировано благодаря находкам 2 фрагментов керамики срубной культуры светло-серого цвета, с примесью шамота в тесте и 1 кусочка шлака (рис. 139, 1, 2) [Русланов, 2016. С. 83-89].

В 4,5 км к югу от Юмаковских поселенческих памятников, у д.Береговка расположена компактная группа стоянок эпохи бронзы *Озерки I-V*, материалы которых относятся в основном к срубной культуре с небольшим количеством алакульской керамики, выявленной на стоянке Озерки I (рис. 124-127; 130-134). Памятники приурочены к системе Лопушистых озер, древней старицы р. Белой. Стоянки относятся к срубной культуре [Викторова, 1954. С. 20-21; Горбунов, Обыденнов, 1979. С. 193-194; Русланов, 2013. С. 41-43; Русланов, Обыденнов, 2015. С. 321-324; Мухаметдинов, Русланов, 2016. С. 9-16; Русланов, 2016. С. 301-303].

В топографическом отношении стоянки находятся на первой двухметровой надпойменной террасе, вытянувшись вдоль берега озера с запада на восток. Памятники находятся на расстоянии не более 200–250 м друг от друга в зоне прямой видимости от Береговского I поселения – крупнейшего синхронного памятника микрорайона. Данное обстоятельство наводит на мысль о существовании некой поселенческой агломерации, объединяющей стоянки вокруг Береговского I поселения в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными и культурными связями.

Подобный тип расположения поселений свойственен очаговой форме расселения, для которой характерны существование компактных населенных пунктов, а также распространенность дополнительных сезоннообитаемых пунктов. Именно таким очагом является Береговско-Озерковский, включающий 8 объектов (Береговские I-II поселения, стоянки Озерки I-V). Границами этого очага служат старичные озера, на берегах которых расположены памятники.

Вблизи хутора Красногорский выявлено два поселенческих объекта. *Студеная I и Красногорская-1, стоянки*, относимые по материалу к срубной культуре [Викторова, 1954; Археологическая карта..., 1976. №1441. С. 163;

Румянцев, 2010. С. 38-39; Русланов, Сахипов, 2013. С. 48-51; Русланов, Сахипов, Шамсутдинов, Мухамедьяров, 2014. С. 39-42, рис. 1].

Исследованиями разных лет *Береговского I курганного могильника* изучены погребения абашевской культуры и впускные захоронения алакульской, срубной и раннего этапа прохоровской культуры (рис. 141-152). Особенностью их является наличие значительных надмогильных сооружений. В трех случаях – это круговые столбовые оградки, в одном – сочетание кольцевой канавки и кольцевой столбовой оградки, в другом – трехстенная прямоугольная каменная оградка. С внешней стороны от столбовой оградки одного из курганов прослеживался примыкавший к ней с юго-западной стороны, неглубокий прерывающийся ров.

Вокруг значительной части абашевских могил выявлены небольшие столбовые ямки, очерчивающие прямоугольные оградки, по кругу основного кольца надмогильных сооружений. Стоит отметить, что в курганах с зафиксированными столбовыми ямками практически всегда отсутствуют погребенные. По нашему мнению, это может говорить о том, что мертвые не погребались сразу, а оставлялись под шатром (следы от которого сохранились в виде столбовых ямок), по-видимому, до разложения мягких тканей. После чего происходили какие-то постпогребальные процедуры, связанные со вторичным захоронением, по всей видимости с полной выемкой костей скелета.

Особенностью погребального обряда здесь является отсутствие проявлений культа огня. Курганы чаще всего содержали по одному абашевскому захоронению. Основная ориентировка могил юго-восток-северо-запад. Костяки, как правило, отсутствуют. Материал представлен металлическими гривнами, браслетами, многовитковыми колечками, сосудами, костями животных [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 56; Пряхин, Горбунов, 1975. С. 198-199; Пряхин, 1977; Пряхин, Горбунов, 1979. С.72-98; Горбунов, 1986. С. 35-46; Горбунов, Иванов, 1992а. С. 99-109].

В ходе раскопок *Красногорского I курганного могильника* были обнаружены прорезной наконечник копья, нож-кинжал «киммерийского типа» и

бронзовая бляшка с ушком, керамика межовской культуры (рис. 162 – 199). По совокупности встреченного металлического инвентаря и керамики, могильник отнесен к кругу древностей межовской культуры и датирован XI-IX вв. до н.э. [Обыденнов, 1974а; Обыденнов, 1974б. С. 20-21; Васюткин, Горбунов, Калинин, Обыденнов, 1975. С. 140; Горбунов, Обыденнов, 1980. С. 173-182].

На основании материалов, происходящих из курганов *Красногорского III курганного могильника*, памятник был отнесен к абашевским древностям. Курганы интересны тем, что под насыпями №№5, 7, 9 были обнаружены следы деревянных оградок, аналогичных абашевским оградкам могильников Среднего Поволжья (рис. 154 – 160). [Васюткин, Горбунов, 1972а; Васюткин, Горбунов, 1972б. С. 169-170; Горбунов, 1974; Горбунов, 1976; Пряхин, Горбунов, 1979, С. 72-98; Горбунов, 1986, С. 35-46].

Под курганной насыпью *Юмаковского I курганного могильника* было выявлено два погребения, которые по находкам керамики, бронзового ножа-кинжала абашевского типа, бронзового кольца в три оборота, трех височных подвесок и нескольких сильно деформированных спиралевидных украшений отнесенных авторами раскопок к числу памятников уральской абашевской культуры (рис. 202-205) [Иванов, Горбунов, 1983. С.22-23; Иванов, Горбунов, 1985. С. 148-149; Горбунов, Иванов, 1992б, С. 206-227; Иванов, 1983].

Погребения *Юмаковского II курганного могильника*, В.С. Горбунов отнес к черкаскульской культуре и датировал последней четвертью II тыс. до н.э. [Горбунов, 1983. С. 5-37; Обыденнов, 1998. Рис. 30, 8; Горбунов, 1992. С. 67-70; Горбунов, 1995. С. 37-40] (рис. 207-209). Ближайшие аналогии им можно найти в материалах Красногорского I курганного могильника, расположенного в 10 км к ЮЮВ от памятника. Каменное кольцо, опоясывающее погребальную яму, близко по конструкции с кольцом из кургана №3 Красногорского I курганного могильника, также выложенное вокруг центрального погребения. Нами курган №3 отнесен к самому раннему этапу формирования Красногорского могильника, отражающего изживание культурных стереотипов погребального обряда черкаскульской культуры, верхняя дата которых определена концом XI вв. до

н.э. [Матвеев, 2007. С.34; Епимахов, 2010б. С. 137-145]. Таким образом, возможная датировка Юмаковского II курганного могильника может укладываться в пределах конца XI-начала X вв. до н.э.

Носители абашевских культурных традиций, исходя из материала вышеперечисленных памятников, могли появиться на территории микрорайона на классическом этапе, с чем связаны такие памятники как Береговское II поселение, некоторые погребения Береговского и Красногорского III могильников. Возможно, к этому времени относятся исследованные частично постройки Юмаковского IV поселения.

Как считают А.В. и М.Г. Епимаховы [Епимахов, Епимахова, 2006. С. 53-65], металлургическая подоснова (поиск меднорудных залежей и их разработка) явилась стимулом к появлению абашевских памятников с ярко выраженными проявлениями металлургии меди (Баланбаш [Сальников, 1967], Береговское I-II [Горбунов, 1986], Азануй [Морозов, 2003б. С. 113-114], Тюбяк [Обыденнов, Горбунов, Муравкина и др., 2001]).

К поздним абашевским памятникам относятся Береговское I поселение и некоторые погребения Береговского I и Красногорского III курганных могильников. К этому же времени можно отнести и начало синташтинско-абашевских взаимодействий, маркерами которых, кроме поселенческой посуды с синташтинскими элементами, являются погребения Юмаковского I могильника, впускное погребение №4 с кубковидным сосудом из к.1. Береговского I курганного могильника [Мочалов, 2004. С. 123-135].

Вероятно, именно с поиском и разработкой меднорудных месторождений медистых песчаников в районе Береговского микрорайона следует связывать появление абашевских памятников. Складывается впечатление, что вслед за абашевскими группами на территории микрорайона появились группы раннесрубного и возможно раннеалакульского населения. Причем, судя по занятию одних и тех же мысовых площадок, временной интервал между сменой населения был минимален.

К наиболее ранним погребальным памятниками финала бронзового времени в границах Береговского микрорайона могут быть отнесены: погребение Юмаковского II курганного могильника и погребение под насыпью кургана №3 Красногорского II курганного могильника.

3.1.1. Хронология памятников эпохи бронзы

Вся сложность хронологических построений и интерпретаций полученного поселенческого и погребального материала упирается в отсутствие, прямых стратиграфических наблюдений и надежных хронологических реперов среди найденных изделий и немногочисленного хозяйственного инвентаря. Тем самым усложняется установление хронологической последовательности в смене культурных отложений отдельных поселений и синхронизации всех бытовых и погребальных памятников микрорайона между собой.

Материалы поселений. К.В. Сальников, проанализировав материал абашевских памятников Приуралья, в том числе и стратиграфические наблюдения за залеганием абашевской и срубной керамики на Береговском I поселении, обосновал хронологические рамки абашевских древностей в рамках первой половины II тыс. до н.э. и до XIII в. до н.э., выделив три этапа. При этом Береговское II поселение, по отсутствию меандра в орнаментике абашевской керамики, он отнес к раннему этапу, датируемому концом первой половины II тыс. до н.э. Береговское I поселение включено в число памятников среднего этапа (XV-XIV вв. до н.э.) [Сальников, 1959; 1960; 1964; 1967. С. 109].

Иную позицию на этот счет имеет А.Д. Пряхин. Рассматривая абашевские материалы Береговских I и II поселений и опираясь на анализ залегания колоколовидных чаш и горшков с расположенным прямо или отогнутым венчиком (поздние признаки) в культурном слое, он пришел к выводу о том, что поселение Береговское II в целом более позднее и относится к началу сейминского хронологического горизонта, т.е. к позднеабашевскому этапу. В свою очередь, Береговское I поселение, содержащее в керамическом комплексе

отдельные образцы, соответствующие канонам доно-волжской абашевской культуры (а именно наличие значительного количества банок с массивным закругленным верхом, колоколовидных горшков с довольно высоким верхом, присутствие орнаментации в виде горизонтальных прочерченных линий, ограниченных боковыми вдавлениями), признано им более ранним памятником раннеабашевского этапа, относящимся к досейминскому горизонту (середина II тыс. до н.э.) [Пряхин, 1976. С. 98-99; 1980. С. 7-32]

В.С. Горбуновым, на основании синхронизации датирующих вещей и стратиграфических данных, первоначально была разработана дробная хронологическая шкала для абашевских памятников. К первой хронологической группе (конец досейминского хронологического горизонта) было отнесено Береговское I поселение, время существования которого определялось в рамках XV-первой половины XIV вв. до н.э., ко второй и третьей группам отнесено Береговское II поселение [Горбунов 1977а; 1977б. С. 51-63].

В.С. Горбунов и А.Д. Пряхин считают, что Береговское II поселение, судя по полученному материалу, появилось позднее Береговского I поселения [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 28]. Однако, на наш взгляд, наличие обломков более 50 плавильных чаш, большого количества всплесков и капель металла, шлака, готовых орудий, а также присутствие костеносных слоев в северной части поселения, сближает этот памятник по характеру найденных остатков, с селищем Баланбаш, производственный характер которого надежно установлен [Дмитриев, Сальников, 1941. С. 131-145]. Кроме того, в керамической коллекции селища Баланбаш находятся сосуды, орнаментальные мотивы которых находят аналогии в посуде погребальных памятников микрорайона. Так, например, сечковидные фигуры на керамике известны в материалах Береговского могильника (к.2) [Пряхин, Горбунов, 1979]. Сосуды с меандром в орнаменте встречены в III Красногорском могильнике (к.2, п. 1; к.1, п.1) [Пряхин, Горбунов, 1979. Рис. 2, 1, 4]; в Береговском могильнике (к.6, к.2, п.3) [Пряхин, Горбунов, 1979. Рис. 10, 4,5]. О.В. Кузьмина, опираясь на анализ основного керамического комплекса, в частности на наличие лесенок и узких

треугольников с горизонтальной штриховкой, которые отсутствуют на поздней керамике, относит Баланбашское селище к классическому этапу абашевской культуры Южного Приуралья [Кузьмина, 1999. С. 181-190]. Данные орнаментальные мотивы присутствуют и на керамике Береговского II поселения (рис. 69, 1; 72, 1, 2) [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 25, 1, 2; 28, 1, 2], которое, по всей видимости, также следует датировать классическим этапом. В связи с этим Береговское II поселение является наиболее ранним памятником абашевской культуры на территории микрорайона.

Возможное наличие хронологического разрыва между Береговским II (при отнесении его, по аналогии с керамикой баланбашской серии, к классическому этапу абашевской культуры) и Береговским I поселением может документироваться и находками псалиев: архаичного массивного правого псалия с селища Баланбаш [Усачук, 2002. С. 90-96; Малов, 2003. С. 128-132] и более позднего щиткового псалия из нижних слоев Береговского I поселения. Присутствие примеси талька в тесте некоторых абашевских сосудов с Береговского II поселения, находит аналогии в материалах Мало-Кизильского селища [Епимахов, Епимахова, 2006. С. 53-65], форма и орнамент керамики которого схожи с коллекцией селища Баланбаш [Сальников, 1954. С. 52-95].

Что касается памятников микрорайона, содержащих керамику срубной культуры (Береговские I-II и Юмаковские I и III поселения, стоянка Озерки I), то М.Ф. и Г.Т. Обыденновы относят их к I этапу развития срубной культуры (XVI-начало XV вв. до н.э.), выделяя следующие характерные признаки: наличие на поселениях в одном слое повсеместно срубной и абашевской керамики, наличие раннеалакульской керамики. Также к этим признакам относятся веревочная и кружковая орнаментация керамики [Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 136-137].

Изучение стратиграфии позволило В.С. Горбунову и его соавторам отнести срубные поселения микрорайона к развитому этапу срубной культуры, куда, к слову, были отнесены и покровские материалы [Горбунов, Морозов, 1985. С. 95-118; Горбунов, Яминова, 1998. С. 26]

И.Б. Васильев срубные материалы Береговского I поселения относил ко второму этапу формирования срубной культуры на территории Приуралья, который может быть датирован XV-XIV вв. до н.э. По словам исследователя, «...в это время поселения приобрели более стационарный характер, их площадь увеличилась. Поселенческая керамика характеризуется широким распространением сосудов баночной формы. Горшки приобрели «классические» срубные пропорции, появилось довольно большое количество острореберных сосудов. Керамика стала более тонкостенной и плотной. Более тщательно изготовлены острореберные сосуды, поверхность их иногда подлощена. В орнаментации царил геометризм: заштрихованные треугольники, ромбы, зигзаги, горизонтальные линии. Часто встречаются ряды насечек и параллельных наклонных отпечатков штампа. Менее распространенными элементами орнамента являются елочка, сетка, кресты, ряды уголковых вдавлений. При нанесении орнамента использовались преимущественно крупные и среднезубчатые штампы». Жилища приобрели более крупные размеры и прямоугольную форму. Большинство из них имели небольшие выходы-тамбуры, вдоль стен и по оси в центральной части располагались ямки от столбов. Кроме того, в жилищах обнаружены открытые грунтовые очаги, иногда обложенные камнем, хозяйственные ямы, колодцы, следы подсобных помещений [Васильев, 2010. С. 64-86].

В конце 80-х гг. В.С. Горбунов, на основе новых данных по эпохе бронзы Уральского региона (открытие и изучение памятников новокумакского, петровского, синташтинского типов), проанализировал коллекции 14 археологических памятников, в том числе и материалы поселений Береговского микрорайона. В результате чего, наряду с чисто абашевскими и срубными древностями, в материалах поселенческих памятников микрорайона (Береговское I, Юмаковские I и III поселения) была выделена небольшая серия посуды, которую можно связать с синташтинской и петровской керамикой. Эта посуда, имеющая важное хронологическое значение, залегает над абашевским и под срубным слоем, т.е. на уровне третьего горизонта. В.С. Горбуновым она

датируется XVI-XV вв. до н.э. [Горбунов, 1985. С. 3-21]. Далее, им была пересмотрена хронологическая позиция баланбашской (уральской абашевской) культуры – произошло ее смещение в сторону удревнения в рамках XVII-XVI вв. до н.э. Вместе с этим сместились и даты абашевских древностей микрорайона.

В 1992 г. вышла в свет монография, основанная на докторской диссертации В.С. Горбунова, в которой автор в качестве культурно-хронологического репера-индикатора выделяет пластинчатые орудия, ножи без перекрестия, найденные на Береговских поселениях, Юмаковском III и IV поселениях, в п.1.к.8 Красногорского III могильника [Горбунов, 1992. С. 119]. Он установил, что появление пластинчатых серповидных орудий совпадает с формированием уральской абашевской культуры. В абсолютных цифрах этот период относится к XVIII-XVII вв. до н.э. [Горбунов, 1992. С. 138].

Таким образом, рамки бытования абашевских древностей на территории микрорайона с момента их обнаружения значительно изменились в ходе хронологических корректировок, от XV-XIV вв. до н.э. до XVIII-XVII вв. до н.э.

Раннесрубные и раннеалакульские материалы поселений, относящиеся к раннему этапу позднего бронзового века (ПБВ-I), синхронизированы и датируются XVII-XVI вв. до н.э. [Горбунов, 1992. С. 117. Рис. 11; С. 140]

Материалы развитой срубной культуры и синхронные им андроновские древности микрорайона датированы в диапазоне XV-XIV вв. до н.э. [Горбунов, 1992. С. 117. Рис. 11; С. 140].

Внимательное изучение коллекций поселенческих памятников микрорайона позволило выделить еще несколько важных хронологических реперов, дающих представление о времени функционирования памятников.

Так, к таким опорным датирующим вещам можно отнести поясную пряжку, найденную на Береговском I поселении [Горбунов В.С. 1989. С. 36. Рис. 7, б]. Пряжка найдена в кв. 34/шт.4. Диаметр 5 см. В центре имеется сквозное отверстие. Изделие имеет выпуклую сферическую форму. Толщина в средней части не превышает 0,7 см. Со стороны выпуклой части пряжка хорошо отполирована. На обратной стороне нанесен ряд пересекающихся тонких линий

(рис. 49, б). Р.А. Мимоход отмечает, что это изделие полностью аналогично лолинским образцам поясных подвесок типа Э-К (Элиста-Калиновский) не только по параметрам, но и по морфологии, т.к. имеет изогнутое сечение [Мимоход, 2013. С.131. Илл. 61, 22]. Исследователь синхронизирует уральскую абашевскую культуру с первым и вторым этапом развития лолинской культуры, с оговоркой, что позднейшие абашевские комплексы могут заходить в горизонт щитковых псалиев, т.е. быть синхронны третьему этапу лолинской культуры [Мимоход, 2013. С. 270, 280]. В абсолютных цифрах это в XXII-XVIII вв. до н.э. [Мимоход, 2007. С. 143-154].

Видимо, с этим временем стоит связывать и обломок костяной пряжки, который был обнаружен в кв. 5/шт.2 Береговского I поселения – кольцо пряжки частично разрушено, щиток овальный с закругленным концом (рис. 49, 8).

Мысль о синхронизации позднейших абашевских комплексов с горизонтом щитковых псалиев подтверждается находкой щиткового псалия в ходе раскопок Береговского I поселения, фотография которого обнаружена в архиве К.В. Сальникова, хранящемся в Научном архиве УФИЦ РАН (рис. 20, 9). На фотографии, совместно с псалием, присутствуют фрагменты керамики синташтинской, петровской и раннесрубной (покровской) культур. Изделие в отчете описано как «основание гребешка с отломанными зубьями» [Викторов, 1955. С. 12]. Однако это щитковый псалий с монолитными шипами. Выделенная планка с боковыми выступами обломана, щиток частично поврежден в нижней части, дополнительные отверстия на планке утрачены. Сохранилось трензельное отверстие. На планке, по всей видимости, обломы находятся в местах расположения круглых отверстий. Эти отверстия не характерны для поздних псалиев синташтинских форм, абашевско-покровских и петровских псалий. И.В. Чечушков относит их к псалиям подвида 1.1.3 [Чечушков, 2013. Т.1. С. 87].

В доно-волжском регионе, подобные изделия относятся к псалиям потаповского культурного типа [Чечушков, 2013. Т.1. С. 95]. По мнению В.А. Подобеда, А.Н. Усачука и В.В. Цимиданова этот довольно изящный псалий

едва ли использовался в колесничной запряжке [Подобед, Усачук, Цимиданов. 2013. С. 23-44].

Благодаря наличию серии калиброванных радиоуглеродных дат, время бытования этих псалиев может быть определено как XXI-XVIII/XVII вв. до н.э. [Епимахов, Чечушков, 2008. С. 480-500; Епимахов, 2010а; Чечушков, 2013. Т.1. С. 100].

Аналогии «береговский» псалий находит в материалах Синташтинского могильника, погр. 11, 30; могильника Каменный Амбар, к.2, я.8, к.4, м.я.8, к.4, находка в насыпи, к.2, м.я.6; могильник Кривое Озеро к.9, я.1, к.1, я.1, к.9, я.2; могильник Утевка VI к.6, п.6, к.6, п.4. [Чечушков, 2013. Т.2. С. 352-353, 356-357, 360. Рис. 22-23, 26-27, 30, 33]. М.А. Широкова, в качестве аналогии подобным псалиям, отнесенным ею к типу II щитковых псалиев, приводит материалы Большекараганского могильника, курган №24, погребения 1, 2 [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 64-88], курганного могильника Солнце II, курган №4 [Епимахов, 1996. С. 22-42], псалия с поселения Аркаим [Усачук, 2007; Широкова, 2013. С. 142-149].

Также на наш взгляд, хронологическим репером, отсылающим как к долинским, так и к синташтинским образцам, является находка подвески из створки морской раковины в постройке №2 Юмаковского IV поселения (квадрат 3 горизонт 3). На поверхности раковины просверлено 16 небольших отверстий диаметром от 1 до 2 мм, семь отверстий расположено по краю. На внутренней стороне раковины прочерчен треугольник, в центре которого находится отверстие (рис. 122, 3). Подобные створки с отверстиями связаны с кругом восточнокавказских культур СБВ, где представлены их точные аналогии [Мимоход, 2013. С.16]. Но присутствуют они, что важно, с учетом наличия синташтинской керамики на ряде поселений микрорайона, в украшениях синташтинской культуры [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Рис.105, 2; Епимахов, 2005. Илл. 25, 3,4; 36, 1-3; 74, 1; Ткачев В.В., 2007. С. 201. Рис. 59, IX]. Отверстия в раковинах с памятников синташтинской культуры расположены также в верхней части, как и на юмаковском экземпляре.

Еще на один хронологический репер обратил внимание Ю.А. Морозов – этим репером является тонкая медная листовидная пластинка-подвеска от наконечника. Изделие, длиной 6,5 см с отверстием на одном конце, найдено в раскопе III в ходе изучения Береговского I поселения (рис. 20, 4) [Сальников, 1959. Рис. 7, 3; 1967. С. 188. Рис. 22, 8]. Ю.А. Морозов, вслед за К.Ф. Смирновым и Е.Е. Кузьминой, датирует наконечники XVI-XV вв. до н.э. с опорой на полные аналогии с декором многочисленных золотых блях и пластин из микенских шахтных гробниц [Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 40-50; Морозов, 1982а. С. 3-19].

Кроме перечисленных выше, выделяется группа вещей, синхронизирующих между собой памятники микрорайона.

В качестве таких категорий выступают очевидные подвески абашевского типа, найденные на Юмаковском III поселении (рис. 105, 4) (кв. 1/шт.2) и в раскопе VII Береговского I поселения (рис. 50, 20) (кв. 79/шт.2; кв. 68/шт.3) [Горбунов, 1981. С. 11], а также черешковые кремневые наконечники стрел, найденные в слоях Береговского I поселения (рис. 20, 2, 3) (Р. I. кв. 5/1 на глубине 4 горизонта) и кургане, изученном В.П. Викторным в Береговском I курганном могильнике (рис. 141, б) [Викторов, 1954. С. 25; Сальников, 1967. С. 70. Рис. 5, б].

В контексте отсутствия четких стратиграфических данных с поселений микрорайона, важной, на наш взгляд, является стратиграфическая ситуация на Чишминском поселении в Аургазинском районе РБ. Там, так же как и на Береговском I поселении, присутствует абашевская и срубная керамика, однако два культурно-хронологических горизонта разделены стерильной прослойкой толщиной около 15 см, образовавшейся между зольным слоем и костровым прокалом. В настоящее время намечается еще несколько памятников (поселения Якупово, Усманово, Аитово), где абашевские комплексы отделяются стратиграфически от срубных [Морозов, Рутто, 1989. С. 72-84; Морозов, 2003а. С. 209-211; 2017].

Вполне вероятно, что аналогичная ситуация могла иметь место и на Береговском I поселении, первоначально заселенном абашевцами, оставившими

свой поселок по неизвестной причине. В дальнейшем территорию вновь освоили уже срубные племена. Однако в ходе активной хозяйственной деятельности стерильная прослойка могла быть скрыта.

В ином случае, при условии непрерывного развития и трансформации по В.С. Горбунову абашевских традиций в раннесрубные, покровский (срубно-абашевский) керамический комплекс был бы представлен ярче. Но на данный момент выделяется не более 30 сосудов. По всей видимости, это говорит о заселении территории памятника иной, не связанной с предшествующим населением, группой раннесрубного/или покровского (абашевско-срубного) населения, пришедшего на территорию микрорайона извне.

Еще одной хронологической опорой является наличие синташтинских проявлений в материалах как поселенческих, так и погребальных памятников микрорайона (к примеру, керамика из Береговского I (рис. 28, 1, 2, 8), Юмаковского III поселений (рис. 82, 2, 15), Береговского I (курган, исследованный В.П. Викторовым) (рис. 141), Юмаковского I (рис. 202-205), Красногорского III (рис. 160, 3, 8) могильников [Виноградов, 2011. С. 28. Рис. 1]. Преимущественно, на Юмаковском III поселении керамика синташтинского облика (с ребристым профилем, налепными шишечками и геометрическим узором) залегала между абашевским и срубным слоем [Горбунов, 1986. С. 65-66], на Береговском I поселении она зафиксирована в одном слое или несколько ниже абашевской керамики [Отрощенко, 2000. С. 68], в могильниках, синташтинские комплексы органично включены в могильное пространство абашевских тафокомплексов.

Не противоречит мнению о проживании синташтинского населения в границах микрорайона и найденные шлаки с Юмаковского I поселения, чья форма и микроструктура, по мнению С.А. Григорьева, по ряду параметров близка синташтинским [Григорьев, 2013. С. 268]. Наличие этих фактов документирует мысль о возможной синхронизации двух культурных явлений (абашевского и синташтинского) в пределах Южного Приуралья [Григорьев, 1999; 2015. С. 111-125; Епимахов, Епимахова, 2006. С. 53-65; Черных, 2008. С. 36-53; Епимахов,

Чуев, 2011. С. 47-56; Бахшиев, 2012. С. 44-46]. Последнее особенно актуально для абашевской культуры, не располагающей значительным количеством радиоуглеродных дат [Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 39-44].

Ввиду этого, комплексы, связываемые с синташтинским кругом древностей, позволяют наметить хронологические рамки бытования тех археологических объектов микрорайона, в которых они встречены. В данном случае речь идет об использовании синташтинских материалов в качестве репера, имеющего установленные рамки существования (в радиоуглеродных калиброванных значениях это 2030–1740 (2300–1400) гг. до н.э. [Епимахов, 2010б. С. 84]).

Единственным бытовым памятником, содержащим комплексы финальной бронзы, является Юмаковское II поселение.

К этому времени относятся 13 сосудов межовской культуры, а также несколько фрагментов от одного сосуда курмантауской культуры (рис. 91, 92). Керамика межовской культуры хорошо заглажена, в тесте фиксируется примесь талька цвет сосудов светло-коричневый с тальковым блеском. Факт нахождения в одном слое оталькованной керамики межовской культуры и единичных фрагментов курмантауской посуды с разреженной насечковой орнаментацией в виде поясков горизонтальной елочки весьма примечателен. Схожая картина прослежена в горно-лесной зоне Южного Урала (Максютовская II стоянка, поселение Азануй) [Гарустович, Савельев, 2004. С. 93-118; Обыденнов, 1997. Рис. 4; 5, 5; 55, 6,7; Морозов, 2004. С. 120. Рис. 2, 2]. Вместе с тем, подобный случай совместного залегания межовской посуды и керамики культуры курмантау был выявлен при исследовании поселения Ново-Байрамгулово – 1в Южном Зауралье (Учалинский район РБ, 230 км к северо-востоку от микрорайона), где эта керамика находилась совместно в частично исследованном котловане постройки. Из постройки получена конвекционная радиоуглеродная дата по древесному углю 1293-1111 (1323-1020) гг. до н.э. [Рафикова, Фёдоров, 2017. С.15, 16. Рис. 10]

В нашем случае это может служить относительным хронологическим маркером, по которому время бытования таких комплексов можно отнести к VIII-VII вв. до н.э. по относительной шкале датировок в промежутке между концом межовско-березовского этапа и появлением носителей иткульской культурной традиции [Косарев, 1983. С. 189; Морозов, 2004. С. 126]. Абсолютная датировка дает нам еще один репер, указывающий на рубеж XI-X вв. до н.э.

Как видно из вышесказанного, хронологические рамки существования поселений эпохи бронзы БАМР охватывают практически целое тысячелетие с XXI по VIII-VII вв. до н.э. – от эпохи средней бронзы до ее финальной стадии. К эпохе средней бронзы относятся материалы абашевской и синташтинской культур, присутствующие в некоторых поселенческих и погребальных объектах и комплексах. Данное обстоятельство может указывать на уже отмеченный фактор синхронизации двух культурных типов (абашевского и синташтинского) [Епимахов, 1993. С. 57-58; Епимахов, Чуев, 2011. С. 47-56]. Абашевско-синташтинское время датируется 2200-1800 (2500–1600) гг. до н.э. [Черных, Орловская, 2013. С. 8-15]. Эпоха поздней бронзы в границах микрорайона открывается комплексами срубной и алакульской культур (в минимальном значении от общей выборки). Срубная керамика присутствует на всех поселениях микрорайона, погребальные же комплексы представлены единичными находками, происходящими с Береговского I курганного могильника. В абсолютных значениях это период в истории микрорайона датируется 1900–1450 (2600–1400) гг. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 136-167]. Следующая культурно-хронологическая стадия, финал бронзового века, представлена погребальными комплексами Красногорского I и Юмаковского II курганных могильников и керамикой Юмаковского II поселения. Эти находки могут быть датированы X-IX-VIII-VII вв. до н.э. [Русланов, 2015. С. 181-186].

Материалы погребальных памятников. Изученные в границах микрорайона погребальные памятники эпохи бронзы подробно описаны В.С. Горбуновым и М.Ф. Обыденновым, ими же приведена типология и

классификация надмогильных сооружений и погребального обряда [Горбунов, Обыденнов, 1980. С.173-182; Горбунов, 1986. С. 35-46; 1995. С. 37-40]. Тем не менее, некоторые взгляды на хронологию эпохи бронзы Южного Урала с течением времени претерпели значительные изменения. С учетом этих изменений, в первую очередь касающихся абашевских и межовских материалов, уместна попытка хронологической корректировки погребальных памятников микрорайона.

Изначально В.С. Горбунов считал наиболее архаичным Красногорский III могильник, так как наличие каменных оградок и чашевидных сосудов в погребениях Береговского I могильника, по его мнению, характерно поздним проявлениям погребального обряда абашевских племен Приуралья [Горбунов, 1976. С. 54-56]

В дальнейшем, опираясь, в первую очередь, на процентное соотношение изделий из металла групп ТК и МП, найденных в слоях Береговских I-II поселений и в могильниках, к ранним абашевским памятникам он уже относит Береговский I могильник, синхронизируя его с Береговским I поселением. Красногорский III могильник и Береговское II поселения, по его мнению, являются взаимосвязанными и более поздними памятниками [Горбунов, 1977. С. 51-62].

В совместной с А.Д. Пряхиным развернутой публикации материалов обоих тафокомплексов, авторы статьи, на основе сопоставления инвентаря могильников и материалов двух Береговских поселений, обнаруживают, что инвентарь, найденный в погребениях Береговского I могильника, в целом близок материалам с Береговского II поселения. В тоже время инвентарь из Красногорского III могильника сопоставим с материалом Береговского I поселения. Опираясь на выводы А.Д. Пряхина о более позднем облике Береговского II поселения [Пряхин, 1976. С. 97-99], авторы статьи также поздними считают вскрытые погребения Береговского I могильника. В свою очередь Красногорский III могильник и Береговское I поселение, по их мнению, являются хронологически ранними абашевскими памятниками микрорайона

[Пряхин, Горбунов, 1979. С. 72-98]. Сложилась ситуация, когда в различных публикациях (близких по времени), рассматриваемые памятники хронологически комбинировались по-разному:

1. 1976 г.: ранний памятник – Красногорский III могильник, поздний – Береговский I могильник.

2. 1977 г.: ранние памятники – Береговский I могильник и Береговское I поселение, поздние памятники – Красногорский III могильник и Береговское II поселение.

3. 1979 г.: ранние памятники – Красногорский III могильник и Береговское I поселение, поздние памятники – Береговский I могильник и Береговское II поселение.

О.В. Кузьмина, так же посвятившая ряд своих работ разработке хронологии абашевских древностей, по сопровождающему металлическому и керамическому инвентарю относит Береговский I и Красногорский III могильники к кругу поздних абашевских памятников Приуралья, формирование которых проходило под сильным влиянием турбинской культуры [Кузьмина, 1999. С. 154-205; 2000. С. 65-134; 2002. С. 157-174].

Сечковидные фигуры на абшевской керамике, по мнению О.В. Кузьминой, очень специфический орнамент, характерный только для приуральского варианта абашевской культуры. В Приуралье он известен в керамической коллекции селища Баланбаш, а также в интересующих нас материалах Береговского I могильника (к.2). Меандры также встречены на баланбашской посуде, известны они и в Береговском микрорайоне (Красногорский III могильник, к. 2, п. 1; к. 1, п. 1); Береговский I могильник, к. 6, к. 2, п. 3 [Пряхин, Горбунов, 1979. Рис. 2, 1-4; 10, 4, 5]. О.В.Кузьмина относит Баланбашское селище к классическому этапу абашевской культуры Южного Приуралья [Кузьмина, 2011. С. 92-118].

Возможно население, оставившее этот памятник, связано с появлением абашевских популяций на правом берегу реки Белой в пределах Береговского микрорайона, куда они могли проникнуть в поисках новых рудных источников, с

разработкой которых, видимо, и связано функционирование таких поселений как Баланбаш, Береговка и Тюбьяк.

Одним из последних исследователей, проанализировавшим материалы обоих некрополей является О.Д. Мочалов. Он считает, что форма острореберного кубка с внутренним ребром из впускного п. 1, к. 4, Береговского I могильника не чисто абашевская, а возможно позднеабашевская или синкретичная, на формирование которой оказала влияние синташтинская керамическая традиция изготовления кубковидных сосудов [Мочалов, 2004. С. 123-135]. К таким же синкретичным материалам, в которых наиболее рельефно проявляется влияние синташтинско-потаповских керамических стандартов, он относит посуду из погребений Красногорского III могильника [Мочалов, 2008. С. 120], ярким примером тому служит сосуд со следами ремонта металлической скобкой из к.9, Красногорского III могильника, что само по себе является характерной чертой синташтинско-потаповской керамики. К инокультурным чертам он также относит орнаментацию шишечками на максимальном расширении тулова сосудов [Мочалов, 2008. С. 126]. По мнению О.Д. Мочалова, некоторые синкретичные сосуды вполне можно было бы назвать не абашевскими, если бы они не находились в этих комплексах. К керамическим комплексам, испытавшим на себе влияние других культур, но в целом сохранившим традиции абашевской культуры, он относит материалы Береговского I и Юмаковского I могильников.

В итоге, хронологическое размежевание материалов абашевских могильников Береговского микрорайона возможно только при рассмотрении и анализе каждого отдельного кургана, без привязки к определенному некрополю. При этом стоит учитывать такие признаки, присущие классическим (ранним в нашем случае) абашевским памятникам Приуралья, как земляные насыпи с кольцевыми канавками и со следами от деревянных ограждений; наличие двух и более погребенных под одной насыпью, ориентированных головой на восток с отклонением к юго-востоку, северо-востоку, что согласуется с данными могильников Среднего Поволжья [Горбунов, 1992. С. 146-147], ориентация

могильных ям по линии В-З и ЮВ-СЗ, которые составляют в Среднем Поволжье более 70% [Большов, 2003. С. 37]. Важным архаичным признаком является также подсыпка дна мелом, охрой, следы бересты, и угольки [Кузьмина, 1992. С. 9].

Поздним погребальным памятникам присуще наличие каменных конструкции под насыпью; отсутствие кольцевых канавок и деревянных ограждений; наличие одиночных погребений под насыпью, ориентированных с отклонением от восточного сектора, в СЗ, СВ и З сектора, кроме обычной абашевской ориентировки могильных ям по линии СВ-ЮЗ, появляется новая по линии СВ-ЮЗ [Кузьмина, 1992. С. 9; Большов, 2003. С. 35-37]. В абашевских погребениях поздним признаком является синкретичная посуда с ребристым профилем, появляются кубки, изменяется стилистика орнаментации, в которой большую роль играют рельефные орнаменты, в том числе наклепные шишечки и валики [Ткачев, 2003. С. 212-225]. Эта керамика связана с памятниками синташтинско-потаповского круга. Большие размеры и глубина могильных ям, по мнению С.В. Большова, также является характерной чертой погребального обряда «абашевцев» Приуралья, отличающегося от могильников Среднего Поволжья, в которых размеры и глубина могильных ям незначительны [Большов, 2003. С. 38].

Через призму культурных стереотипов памятников синташтинского типа, материалы Красногорского III и Юмаковского I курганных могильников воспринимает и Н.Б. Виноградов [Виноградов, 2011. С. 28. Рис. 1].

В Береговском микрорайоне изучено три в основе своей абашевских некрополя, где вскрыто 18 курганов (Береговский I могильник – 8; Красногорский III могильник – 9; Юмаковский I могильник – 1). Под насыпями изучено 34 погребения. Вещи обнаружены лишь в 4 погребениях Береговского I могильника из 13 исследованных могил. Иная ситуация наблюдается в Красногорском III могильнике, где вещи выявлены в 11 погребениях из 17 исследованных. В Юмаковском I могильнике вещи обнаружены в обеих могильных ямах (таблица 8). По комплексу признаков 33 захоронения датированы эпохой бронзы, из которых два погребения отнесены к срубной

культуре (рис. 142) (Береговский I КМ к.1, п.2, 5) и одно к алакульской (рис. 143) (Береговский I КМ к.2, п.2) исследованных при раскопках Береговского I могильника [Пряхин, Горбунов, 1979. С. 86-87; Чаплыгин, 2013. С. 40-62]. К собственно абашевским относятся 30 погребений.

Таким образом, к поздним погребениям будут отнесены те, в которых содержатся материалы «...отражающие процесс абашевско-синташтинского взаимодействия, итогом которого стала энергичная интеграция южноуральских абашевских групп в состав синташтинских общин» [Виноградов, 2011. С. 28]. По всей видимости, этот процесс проходил и в обратном направлении, когда уже сложившиеся группы синташтинского населения могли проникать в Приуралье, где вступали в контакт с позднеабашевским населением (что документируется данными с памятников Береговского микрорайона). Это касается отдельных погребений с синташтинскими проявлениями в керамике, размером могильных ям и в корпусе сопровождающего инвентаря.

К ранним погребениям могут быть отнесены те, в которых выявлена ранняя абашевская керамика, к которой, по мнению С.В. Большова и О.В.Кузьминой, относятся круглодонные колоколовидные сосуды, появившиеся раньше плоскодонных колоколовидных [Большов, Кузьмина, 1995. С. 112-113], а также следы столбовых конструкций и кольцевых канавок.

Так, исходя из имеющихся данных, ранним являются п. 3 к.3, п. 2 к.7 Береговского I могильника (рис. 144; 150), в которых выявлены горшковидные сосуды с округлым дном (рис. 152, 3, 4). К группе ранних погребений может быть отнесено детское погребение п. 3 к. 2 (рис. 143), содержащее обломки колоколовидной чаши (рис. 152, 12). Поверхность ее тщательно заглажена и подлощена. Орнамент состоит из каннелюров с прерывающимися рядами боковых вдавлений внутри них, горизонтальных зигзагов, удлинённых треугольников, ограниченных снизу прерывающимся рядом вдавлений.

Крупный закрытый баночный сосуд из к.6 п.1 Береговского I могильника (рис. 152, 9), близок посуде выявленной в позднеабашевских погребениях Подклетенского могильника [Пряхин, Беседин, 1996. С. 45-47]. В тоже время

такой посуды нет в средневожских погребениях [Большов, 2006. С. 73]. Курган б может быть отнесен к поздним. С поздним погребением, имеющим аналогии в типологических рядах керамики синташтинской культуры, можно связать п.4 к.1 Береговского I могильника (рис. 142). Найденный в нем сосуд относится к кубкообразным сосудам подтипа IV.3.2, представленным в погребениях синташтинской культуры [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 29. Рис. 4] (рис. 152, 8). К поздним относится и погребение собаки под насыпью к.8, исследованное В.П. Викторовым в 1955 г. (рис. 141). Ближайшие аналогии погребальному обряду, конструкции могильной ямы и инвентарю можно обнаружить в материалах синташтинской культуры (Большекараганский м-к, к. 20, п.3, 7; Могильник Кривое Озеро к. 9, п.1; Синташтинский мог., яма 15, 16, 18, 39; Могильник Солнце II, к.3, п.1, к.11, п.1; Танабергнен II, к.7 п. 22 [Епимахов, 2002. С. 118-123; Ткачев, 2007. С. 99].

Оставшиеся безинвентарные абашевские погребения Береговского I могильника могут быть отнесены к ранним на основании наличия таких признаков погребального обряда, характерных для абашевских племен Среднего Поволжья, как столбовые конструкции (к.1 п.1; к.2 п.1; к.4 п.1; к.5 п.1; к.7 п.1), и кольцевые канавки (к.5 п.1).

Таким образом, к ранней группе погребений Береговского I курганного могильника относятся труположения под курганами №№1 (п.1); к.2 (п.1, 3); к.3 (п.3); к.4 (п.1); к.5 (п.1); к.7 (п.1, 2). К поздним погребениям Береговского I курганного могильника относятся материалы под насыпями б (п.1); 1 (п.4); 8 (п.1).

В Красногорском III могильнике к ранним можно отнести п.1. к.5, п.1 к.7 и п.1 к.8 (рис. 160, 2, 18) в них найдены сосуды, имеющие аналогии в позднеабашевской керамике, ранним признаком также выступает наличие столбовых ямок под насыпями всех трех курганов. Таким образом, Красногорский I могильник является синкретичным тафокомплексом, сочетающим в себе черты как позднеабашевской, так и синташтинской

материальной культуры, особенно рельефно синкретизм проявляется в керамическом комплексе.

Поздними в этом могильнике являются п.2, к.2, п.2, к.9 (рис. 157, 158), керамика из этих погребений находит аналогии с кубкообразными сосудами синташтинской культуры Подтипа IV.1.1. [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 29. Рис. 4]. Плавнопрофилированный сосуд из п. 1 к. 9 (рис. 160, 3) находит аналогии в керамике Подтипа III. 1.1 [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 29. Рис. 4. С. 158. Рис. 54, 13]. Погребение 1 к. 2 также относится к поздним, аналогии сосуду из этого захоронения (рис. 160, 5) можно найти в Подтипе I.1.1. синташтинского керамического комплекса [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 28. Рис. 3]. Керамика из к. 6 и 9 (рис. 160, 1, 3, 7, 8) относится к Подтипу VI.1.1. закрытых банок. Кроме того, сосуд из насыпи к. 9 (рис. 160, 8) имеет следы ремонта металлической скобкой, что само по себе является характерной чертой синташтинской керамики. Похожий сосуд найден в п.5 Никифоровского могильника [Мочалов, 2003. С. 52-77].

Посуда п.1. к.4 (рис. 160, 12) профилировкой и орнаментом перекликается с горшечно-баночными сосудами подтипа V.1.1. [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 168. Рис. 64. С. 28-29. Рис. 3-4]. Погребение 2 к. 8 (рис. 156), хоть и имело кольцевую деревянную оградку и сосуд, не имеющий аналогии в синташтинском керамическом комплексе, однако было ориентировано по линии СЗ-ЮВ (поздний признак) и в нем найден двулезвийный нож с прямой широкой рукоятью и клинком листовидной формы (рис. 159, 3), который имеет аналогии в синташтинских могильниках Кривое Озеро (п.6 к.10), Каменный Амбар 5 (к.3), Танаберген (п.30 к.7). Производство подобных ножей приходится на заключительную фазу ПБВ [Дегтярева, 2010. С. 101-102]. Все эти факты заставляют относить это погребение к переходному этапу, возможно связанному с началом установления контактов с синташтинским населением.

Оба погребения, исследованные в Юмаковском I курганном могильнике, на наш взгляд, относятся к синташтинской культуре (рис. 202 – 204). Так, один из сосудов погребения 1 (рис. 208, 8) находит аналогии в подтипе I.2.3.

острорезных синташтинских горшков [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 151. Рис. 47, 1, 5]. В тоже время второй сосуд, сохранившийся во фрагментах, по примесям, орнаментике и профилировке аналогичен позднеабашевской посуде (рис. 208, 9). В этом же погребении найдено более 10 альчиков/астроголов, наличие которых характерно для детских и подростковых синташтинских погребений, но не характерно для абашевского времени [Куприянова, 2001. С. 321-327; Сотникова, 2014а. С. 26-34; 2014б. С. 60-68; 2015. С. 20-30]

Найденные металлические предметы в погребении 2 также находят аналогии в материалах синташтинской культуры. Нож с ромбической пяткой черенка, перекрестьем и перехватом (рис. 208, 1) аналогичен синташтинским ножам типа 8 по А.Д. Дегтяревой. Эти изделия известны в могильниках Танаберген 2 (к. 7 п.16-18, 20-23, 25, 29, 33), Жаман-Каргала 1 (к.1. п.5), Каменный Амбар 5 (п.6, 14, 15 к. 2), Синташтинский большой (п.2, 5, 6, 11, 16, 27, 39) [Дегтярева, 2010. С. 108. Рис. 51-52]. Шило, бронзовое кольцо в 3 оборота, 3 височных подвески и несколько сильно деформированных спиралевидных украшений (рис. 208, 2 – 7), также находят аналогии в материалах синташтинской культуры [Дегтярева, 2010. С. 118. Рис. 58. С. 130. Рис. 65]. Поздним признаком, является размер могильной ямы (2,5х3 м) и ориентировка (СЗ-ЮВ), что соответствует погребальным канонам синташтинской культуры [Епимахов, 2002. С. 41. Табл. 4. С. 42-43. Табл. 6, 7]

Все это говорит в пользу синхронизации двух культурных явлений (абашевской и синташтинской культур) в пределах микрорайона на позднем этапе существования абашевских популяций. Таким образом, ранними, и, по всей видимости, синхронными памятниками являлись Береговский I курганный могильник и Береговское II поселение. Позднее абашевское население освоило площадки других синхронных памятников – Береговского I поселения и Красногорского III курганного могильника.

Можно отметить, что, согласно современным исследованиям, абашевцы появились в Приуралье под ударом сейминцев, выдавивших их из Среднего Поволжья. Этот процесс иллюстрируют материалы Пепкинского кургана (27

погребений) [Marchenko et al., 2017. P. 1-17]. Видимо, с этим трагическим отрезком времени, связанным с уходом части абашевцев под влиянием военной экспансии сейминцев, связаны групповые погребения под насыпями кургана Юкалекулевского I курганного могильника (13 погребений), II Ахмеровского могильника (3 погребения) [Збруева, 1958. С. 28-36; Горбунов, 1986. С. 46].

По всей видимости, после кратковременного нашествия сейминско-турбинских популяций, абашевское население, закрепившись в Приуралье, начало осваивать меднорудные месторождения, продвигаясь с запада на восток, сначала заселив левобережье р. Белой с притоками. После этого группы металлургов переправились на правый берег реки, осваивая новые хозяйственные зоны в предгорной части Уральских гор, постепенно проникая вглубь горно-лесной зоны (эти культурные трассеры маркируются находками абашевской керамики на городище Серный Ключ в верховьях р.Уфа в горно-лесном Зауралье и в пещере Неолитовая на Южном Урале (рис. 123) [Борзунов, 1998. С. 16-21; Борзунов, Бельтикова, 1999. С. 43-52; Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 34. Рис. 1. 24, 3]. Осваивая новую для них экологическую нишу, абашевцы в какой-то момент могли оказаться в зауральских степях, перевалив горы, и столкнуться с местным населением – позднеэнеолитическим, катакомбным или синташтинским.

К эпохе финальной бронзы на территории микрорайона относятся материалы, полученные в ходе изучения Красногорского I курганного могильника. По совокупности археологического материала авторами раскопок памятник отнесен к межовской археологической культуре и датирован XI-IX вв. до н.э. [Горбунов, Обыденнов, 1980. С. 173-182] (рис. 161). В виду того, что это один из самых крупных погребальных памятников межовского времени в Приуралье, подробнее остановимся на описании и анализе наиболее интересных черт данного тафокомплекса.

Интересной особенностью погребального обряда являются песчаные площадки над могильными ямами, которые насыпались поверх бревен, либо внутри сруба. Такие площадки зафиксированы шесть раз. Во всех случаях

песчаные насыпи сооружались над могилами взрослых мужчин и женщины старше 20 лет, и как правило не сопровождался вещевым инвентарем. Подобные площадки зафиксированы в к.1 Сосновского могильника [Обыденнов, Шорин, 2005. С.48], к.13 могильника Приплодный Лог I [Малютина, 1984. С.58-79], срубы, но без песчаной насыпи отмечены в сооружении 2 и 3 к.5 могильника Дачный-2 в Курганской области [Шилов, Маслюженко, 2006. С. 66-68]. Исходя из материалов Красногорского I могильника (к.14) (рис. 192-198) подобные площадки имели следующий вид. После помещения умершего в могильную яму по ее периметру сооружался бревенчатый сруб в 1-2 венца, внутрь которого засыпался чистый светлый песок или гравий, образывавший песчаную площадку с вертикально установленным бревном, по краям эта конструкция отсыпалась темным гумусом вперемешку с мелкой галькой, таким образом, получался оконтуренный песчаный курган. По всей видимости, какое-то время над такими конструкциями не сооружалась сплошная курганная насыпь, может быть до «заполнения» кургана.

Обряд сожжения, упомянутый авторами раскопа в публикации материалов могильника [Горбунов, Обыденнов, 1980. С. 173-182], не получил детального описания [Обыденнов, 1998. С.12], и требует ввиду его единичного использования максимального освещения. Данный обряд зафиксирован в ходе исследования кургана №11 (рис. 182), при снятии насыпи с глубины 0,34 м зафиксирована сажистая прослойка мощностью 0,15 и размером 1,05x0,6 м, с включением угольков, мелко раздробленных обожженных косточек, в том числе двух маленьких обломков черепа человека. Похожий обряд зафиксирован Е.П.Казаковым в Подгорно-Байларском курганном могильнике. Под насыпью им было изучено несколько кострищ, два из которых размерами от 0,9 до 1 м и мощностью до 20 см содержали в большом количестве уголь, золу, мелкие фрагменты обожженных и сырых костей животных и человека [Казаков, 1978. С. 121-126]. Кострище найдено также в погребении № 2 на площадке Кокшаровского поселения, размеры его составляли 1,5x1,15 м при мощности прокала 10-28 см, в ходе разборки кострища были обнаружены фрагменты

керамики межовской культуры и кальцинированные косточки [Старков, 1970. С. 106-107]. По мнению М.Ф. Обыденнова данные кострища, можно рассматривать в качестве открытого «крематория» [Обыденнов, 1998. С. 12], где огню придавались, прежде всего, наиболее почетные члены рода, заслужившие право на бессмертие [Обыденнов, Шорин, 2005. С. 60]. Находки угольков на дне могильных ям, также связанные с культом огня могли помещаться туда с целью «очищения» могилы до и после похорон [Старков, 1970. С. 107].

Использование камня в погребальном обряде Красногорского могильника характеризуется наличием песчаной плиты, каменного кольца (к.3) (рис. 166), и крупной гальки уложенной на дне могильной ямы №3 к.5 (рис. 171). Традиционно использование камня в погребальном обряде были свойственно носителям черкаскульских культурных традиций [Матвеев, 2007. С. 14]. Курган №3 с этой точки зрения единственный в курганной группе, который сочетает в себе такие черкаскульские черты (хотя и не в таком ярком виде как в могильниках Зауралья) как сооружение округлых каменных оградок, и помещение в могилу каменной плиты, ближайшей аналогией является к.2 Юмаковского II курганного могильника [Горбунов, 1995. С. 37-39].

Кроме ингумации в могильнике присутствуют вторичные погребения, совершенные на погребенной почве, связанные очевидно с обрядом оставления покойника на открытом воздухе. После перегнивания мягких тканей, кости либо помещались в могилу компактной кучей, либо оставлялись на поверхности, после чего насыпался курган. Однако некоторые факты в частности п.2 к.1, п.3 к.14 (рис. 162, 195) заставляют интерпретировать их как потревоженные погребения. К таким погребениям относятся костяки с преднамеренно нарушенной, до их захоронения, анатомической целостностью, либо со следами манипуляции с головой (черепом) погребенного. Подобные способы обращения с умершим приводят к появлению археологически фиксируемых вторичных, расчлененных и парциальных погребений. Обряд вторичного погребения в понимании, принятом в западной культурной антропологии, предполагает

периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков всех умерших членов сообщества [Hertz, 2001. P. 77-93].

Под вторичными погребениями понимаются результаты захоронения останков с разложившимися или полуразложившимися мягкими тканями [Зайцева, 2001. С. 96-98]. Основанием для отнесения погребений к вторичным служат: отсутствие признаков нарушения могилы человеком или мелкими хищниками при наличии нарушения целостности костяка. Среди вторичных погребений на могильнике выделяются два вида: полностью экскарнированные и частично экскарнированные. В первом случае перезахоронению подлежал полностью скелетированный труп, распавшийся на отдельные элементы. Во втором - производилось перезахоронение останков, находящихся на разных стадиях разложения, сохраняющих отдельные связки. На могильнике среди частично экскарнированных погребений преобладали захоронения с неполным костяком, с небольшим нарушением анатомического порядка. В погребении б к.12 кости располагались компактной кучей (рис. 190).

На некрополе отмечено несколько парциальных погребений, представленных отдельными захоронениями черепов на дневной поверхности.

Керамический материал памятника представлен фрагментами разбитых сосудов. Все они горшковидной формы с плоским дном, имеющим слабую закраину. Венчик одного из сосудов оформлен в виде «воротничка» и слегка отогнуты наружу. Сосуды вылеплены из глины с обильной примесью мелкотолченых раковин. Наружная поверхность некоторых сосудов заглажена, на внутренней фиксируются полосы от использования шероховатого предмета. Все сосуды орнаментированы в верхней части гладкими отпечатками короткого мелкогребенчатого штампа. Сосуд из п.2 к.6 имел высоту около 16,5 см диаметр устья 16, дна-8 см, венчик закруглен без «воротничка» (рис. 173). В верхней части сосуд орнаментирован тремя рядами наклонных отпечатков, ограниченных по плечу двойным зигзагом из коротких резных линий. Сосуд к.7 имел высоту около 34 см, диаметр устья 34, дна 18 см (рис. 179). По «валику» сосуд орнаментирован оттисками штампа в виде ленты из

ромбической сетки, по шейке сосуда нанесены два орнаментальных пояска: верхний из треугольников, выполненных косыми насечками, нижний из ромбов. На плечико сосуда опускаются равнобедренные треугольники из двойных нарезок вершинами вниз, окаймленных бахромой. Треугольники заштрихованы рядами наклонных лент с поперечной штриховкой. Третий сосуд из к.8 имел высоту около 21 см, диаметр устья 22 см, дна 12 см. По «воротничку» сосуд также орнаментирован ромбической сеткой, по шейке одним рядом горизонтальной елочки из коротких нарезок (рис. 180). На плечики сосуда опускается зигзаг из двойных прочерченных линий, образующих треугольники, обрамленных с обеих сторон мелкими овальными насечками. Один из треугольников заполнен оттисками горизонтальной елочки. Найденные отдельные фрагменты как по составу глиняного теста, так и по орнаментике не отличаются от описанных сосудов.

Наиболее близкие аналогии описанной посуде встречаются в коллекциях синхронных памятников межовской культуры на территории лесостепного Приуралья. Общим является горшковидная форма сосудов, примесь в тесте толченых раковин и элементы орнамента. Красногорская серия сосудов близка по форме и орнаментации «межовской» керамике из п.2 к.1 Подгорно-Байларского могильника [Казаков, 1978. С. 121-126. Рис. 4, 4; Казаков, 1979. С. 145-161. Рис. 10], Батраковского поселения [Обыденнов, Обыденнова, 1983. С. 169; Обыденнов, 1986. С. 148; Обыденнов, 1991. С. 51. Рис. 42, 5], Бирского поселения [Васильев, Горбунов, 1975. С. 149-157. Рис. 1, 4; Обыденнов, 1997. Рис. 75, 14], Максютковского II поселения [Исмагилов, Латыпов, Обыденнов, Рутто, 1978. С. 178; Обыденнов, 1997. Рис. 68, 4], Мамбетовского IV, Юрматинского могильников [Обыденнов, 1986. С. 18], Киргизовского IV поселения [Овсянников, 2004. С. 85. Рис. 3, 5, 9]. М.Ф. Обыденновым эта группа памятников была отнесена к ахметовскому этапу приуральского варианта межовской культуры XI-IX вв. до н.э. [Обыденнов, 1986. С. 55-56; 1997. С. 44]. В материалах этих памятников почти не прослеживается влияние черкаскульской культуры (за исключением использования камня, и ритуальных сожжений,

видимо пережитков черкаскульских традиций в погребальном обряде). На ахметовском этапе в Красногорском I курганном могильнике и Подгорно-Байларском преобладают костяки с вытянутыми конечностями и с западной и северо-западной ориентировкой.

Скудная металлоносность могильника компенсируется яркостью находок, среди которых наиболее интересны прорезной наконечник копья, нож с кольцевым упором (так называемого «киммерийского» типа), бляшка с ушком, позволили исследователям датировать могильник в пределах XI-IX вв. н.э. Кроме того, металлокомплекс состоит из бронзовой подвески в 1,5 оборота найденной в к.13 под черепом человека с правой стороны (рис. 199, 6). Подвеска изготовлена из одного листа бронзы с завернутыми в трубочку боковыми сторонами рядом с подвеской найдена миниатюрная бронзовая трубочка из свернутого листочка бронзы, видимо часть какого-то украшения. Так же в насыпи к.14 найдена тонкая с пробитым четырехугольным отверстием размером 0,5x0,5 см. Размеры пластины 4,5x2,8 см, толщина 0,1 см (рис. 199, 8). На сегодняшний день в коллекции могильника присутствует только четырехугольная пластина, остальные изделия утеряны.

Прорезной наконечник копья, бронза (рис. 199, 1). Копье найдено в насыпи к.4 на глубине 0,22 м от нулевой отметки. Длина наконечника 12,5 см, на перо приходится 9,5 см. Перо имеет две полукруглые прорези. Копье втульчатое, длина втулки 6,5 см, длина 2,5 см. с боковых сторон втулки имеются отверстия диаметром 0,6 см для крепления копья к древку. По центру копья проходит круглый укрепляющий стержень, переходящий во втулку. Поверхность копья зеленоватого цвета.

Подобные наконечники имеют довольно широкий ареал распространения, авторами исследования были приведены аналогии в основном среди случайных находок с территории Зауралья (копье из Челябинской обл.; копье с оз. Куяш Огневское) [Тихонов, 1960. Табл. VIII, 4, 5; Сальников, 1967. С. 361. Рис. 58, 9]. Сюда же можно добавить копье с Ирбитского озера Свердловской губернии [там же, табл. VIII. 8], это находка так же является

случайной. К этому списку можно добавить наконечники с Юмаковского-2, курганного могильника [Горбунов, 1995. С. 37-40. Рис. 1, 2] и с Каменогорского городища [Косарев, 1981. С. 187. Рис. 72, 8]. Приведенные памятники с которых происходят наконечники копий подобных «красногорскому» датируются в широком интервале с конца XII-по конец и началом около VIII— VII вв. до н. э. (концом межовско-березовского этапа (в понимании М.Ф. Косарева). В современной литературе аналогии «красногорскому» наконечнику можно найти в материалах алексеевско-саргаринского горизонта поселения Кент [Ткачев, 2009. С. 35-44. Рис. 3, 17], подобные наконечники копий датируется от XII до VIII в. до н. э. [Варфоломеев, 1987. С. 62, 66; Черных, 1983. С. 95]. Стоит отметить, что оба найденных на территории БАМР копия (Юмаково и Красногорск) относятся к Сабанчеевскому типу. Наконечники этого типа получили распространение в течение двух последних периодов эпохи поздней бронзы или в XII—X вв. до н. э. [Бочкарев, Тутаяева, 2019. С. 182. Рис. 24, 127; 26, 159].

Нож с кольцевым упором т.н. «кimmerийского» типа (рис. 199, 2). Бронза. Изделие найдено в п.2 к., поверх ребер барана. Длина 16 см, длина черенка-насада 4 см, длина лезвия-12 см. Ширина 2,5 см. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. относят подобные ножи, где края клинка образуют близ упора резкий излом под углом около 120-140°, а часть клинка ниже излома имеет форму вытянутого треугольника к III группе ножей с кольцевым упором [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2009. С. 3-16].

Вслед за ними мы считаем, что подобные изделия правильнее именовать не кинжалами, как было принято [Тихонов, 1960. С. 76], а ножами, исходя из того, что функционально они более пригодны для нанесения рубяще-режущих, чем колющих ударов [Клочко, 2006. С. 185]. Полифункциональность их подтверждается использованием в качестве ножа [Шамшин, Папин, Мерц, 2000. С. 5-20. Рис. 3, 1], и в качестве черешкового наконечника копья [Дегтярева, Костомарова, 2011. С. 30-45].

Ареал распространения кинжалов достаточно широк - от Нижнего Дуная и Трансильвании на западе до Семипалатинской области на востоке в очагах III фазы Евразийской металлургической провинции с наибольшей концентрацией в Поднепровье в очагах ингуло-красноямацкого, заводо-лобойковского, кардашинского очагов металлообработки [Черных, 1976. С. 120-121]. В восточной зоне культур валиковой керамики аналогичные изделия обнаружены в комплексах саргаринско-алексеевской культуры (поселения Алексеевское, Саргары, Бес-Тюбе, Челкар, Елизаветинский прииск, Сталинский рудник, Атасу, могильник Боровое), черкаскульском поселении Палатки 1, Степняк [Аванесова, 1991. Рис. 27-28; Кадырбаев, Курманкулов, 1992. Рис. 20, 3; Викторова, 2001. С. 95-108. Рис. 5, 1; Генинг, Стефанова, 1994. Рис. 10-61, 1]; Моисеевка [Мерц, 2000. С. 138-140]; Синташта [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]; Преображенка III [Молодин, 1985]; Пилява [Клюшко, 1995. S. 81-163]; Бишево [Халиков, 1980]; Рублево VI, поселение [Шамшин, Папин, Мерц, 2000. С. 5-20. Рис. 3, 1; Папин, Дураков, Федорук, 2006. С. 107-116]; поселения Хрипуновское 1, Щетково 2 [Костомарова, Костомаров, Зевайкина, 2011. С. 4-33; Матвеев, Костомаров, Костомарова, 2009. С. 3-14.; Матвеев, Аношко, 2009. С. 102. Рис. 41, 7]; нож-кинжал из п. Нижнекизильский [Епимахов, Епимахова, 2005. С. 75-83. Рис. 1, 2].

Датировка самих изделий и памятников где они выявлены существенно не менялась варьируя в пределах конца II – начала I тыс. до н.э. [Папин, Федорук, Шамшин, 2006. С. 88], XIII-IX вв. до н.э. [Мерц, 2000. С.140], XII-VIII вв. до н.э. [Папин, Ченских, Шамшин, 2000. С. 154], IX-VIII вв. до н.э. [Итина, Яблонский, 2001. С. 97], XII-IX (VIII) вв. до н.э. [Грушин, Мерц, Папин, Пересветов, 2006. С. 4], XII-X вв. до н.э. [Мерц, 2006. С. 77], XIII-X вв. до н.э. [Кузьмина, 2008. С. 99], XII-X вв. до н.э. [Грушин, Мерц, Папин, Пересветов, 2006. С. 4; Отрощенко, 2001. С. 193]. В целом не выходя за пределы VIII до н.э.

Бляшка круглая, со слегка загнутыми вовнутрь краями, литой петелькой (рис. 199, 4). Бронза. Бляшка найдена в п.3 к.5, на дне могильной ямы перед лицом погребенного. Диаметр изделия 2,6 см. Подобные бляшки обнаружены в слое черкаскульского поселения Хрипуновское 1, пахомовских древностей XII-

IX вв. до н.э. поселения Оськино Болото [Костомарова, Костомаров, Зевайкина, 2011. С. 4–33. Рис. 12, 8; Ткачев, Ткачева, 2006. С. 241–248. Рис. 2, 10; Ткачев А, Ткачев Ал., 2009. С.81–89. Рис. 3, 4; Матвеев, Костомаров, 2011. С. 46–55. Рис. 3, б]. В алексеевско-саргаринских материалах поселения Петровка-3 [Зданович, 1988. С. 171. Табл. 10, Г, б], могильника Буйен-1 [Карабаспакова, 2011. Табл. 53, 4], некрополя Бестамак [Логвин, Шевнина, 2012. С. 146–158. Рис. 3, 1]. Древности алексеевско-саргаринского круга прямо датировать в пределах последней четверти II начала I тыс. до н. э. [Кузьмина, 2008; Евдокимов, Варфоломеев, 2002], доводя верхнюю границу до IX вв. до н.э. [Потемкина, 1985]. Материалы могильника Буен-1, отнесены К.М. Карабаспаковой к X–IX (VIII) вв. до н.э. [Карабаспакова, 2011. С. 140]. В комплексе поселения Большой Имбиряй 10 обнаружена каменная литейная форма для отливки бляшек [Матвеев, Костомаров, Костомарова, 2009. С. 3–14. Рис. 2, 1], похожие формы встречены в материалах Жуковской стоянки и Дуванейского поселения [Калинин, Обыденнов, 1975. С. 179–189; Васильев, 1975. С. 149–157]. Бляшки с петельками характерны для культурных комплексов III фазы Евразийской металлургической провинции на обширной территории Евразии от Западной Европы до Западной Сибири включительно, на юге до Ирана. Аналогичные предметы были найдены при исследовании памятников черкаскульской культуры на территории Приуралья, в комплексах межовского и бархатовского времени (поселения Ново-Кизгановское II (2 экз.), Ибрагимовское I, Заводоуковское 10, Ново-Шадрино 2, Палатки 2) [Обыденнов, Шорин, 1995. Рис. 52, 19; Обыденнов, 1991. С. 59–60. Рис. 46, 19; Сергеев, 1991. С. 55–58; Панина, 2003. С. 97–98]. Идентичные бляшки приводятся А.Д. Дегтяревой и Ю.В. Костомаровой [Дегтярева, Костомарова, 2011. С. 30–45], среди комплексов черноозерского типа в могильниках Черноозерье I, Еловской II, Томский 1 [Матющенко, 2004. Рис. 18, 2; Комарова, 1952. С. 7–50. Рис. 8, 4, 21; 17, 4, 6; Генинг, Стефанова, 1994. Рис. 2, 5, 3; 10–61, 2; 17–96, 1]. Известны они и в комплексах алексеевско-саргаринской культуры (могильник Петровка III, Елизаветинский прииск, поселения Рублево VI, Явленка 1 (литейная форма),

Шамшинский клад) [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980. С. 140-153; Папин, Дураков, Федорук, 2006. С. 107-116. Рис. 2, 5]. Бляшки с петелькой использовались в погребальном обряде носителями ирменской культурной традиции, могильник Журавлевка 4 [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993. Рис. 11, 13; 25, 9; 26, 1, 10]. Известны аналогии и в материалах могильника Чекановский лог [Ситников, 2000. С.75-78. Рис. 1, 4], единственное отличие бляшки с Красногорского могильника заключается в диаметре изделия. Чекановсколожская бляшка значительно больше, диаметр ее около 9 см. В материалах отражающих начальный этап формирования большереченской культуры VIII–VI вв. до н. э., переходного времени от эпохи финальной бронзы к раннему железу в погребение 14 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 встречена крупная бляха, находившаяся в районе правого плеча [Кунгуров, Папин, 2001. С. 79-85. Рис. 5, 1]. Она слегка выпукла, с петелькой на обороте, диаметром 7 см. Подобные находки известны в могильниках Милованово I (располагалась под нижней челюстью, с остатками косы) [Новикова, 1995. Рис. 4, 20], Журавлево-4 (в районе поясницы) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993. Рис. 25, 9], Сапогово (под нижней челюстью, около ключицы) (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, рис. 16), Еловском могильнике-II [Матющенко, 1974. Рис. 74]. Таким образом, круглые бляшки со слегка загнутыми вовнутрь краями и литой петелькой, датируются в достаточно широком хронологическом интервале охватывающим последнюю четверть II тыс. до.н.э. вплоть до VIII–VI вв. до н. э. Однако судя по размерным показателям «красногорская» бляшка все же ближе изделиям X–VIII до н.э. Это предположение основано на находках бляшек с петелькой у степного и лесостепного населения в финальнобронзовое время [Кунгуров, Папин, 2001. С. 83. Рис. 5; Членова, 1972. С. 203. Табл. 37, 50, 54] на широкой территории по обе стороны от Уральского хребта.

На данный момент Красногорский I курганный могильник наряду с Тартышевским могильником, один из немногих некрополей Южного Урала, межовского времени имеющий серию антропологических определений.

Исследования, проведенные А.В. Шевченко и М.С. Акимовой продемонстрировали некоторую близость краниологического материала обоих тафокомплексов по ряду показателей. Так из работ М.С. Акимовой известно, что череп из Тартышево отличается от средних величин андроновской серии более узким и высоким лицом [Акимова, 1968. С. 14]. Схожесть же его с черепами из Красногорского I могильника объясняется А.В. Шевченко тем, что они являются как бы морфологическими аналогами южносибирской расы на ранних стадиях ее формирования [Шевченко, 1976. С. 84-86; 1977. С. 35-37]. Ближайшие аналогии красногорской серии черепов исследователь видит в материалах РЖВ, относящихся к сакам Приуралья (VII-V вв до н.э.) и среди носителей карасукской культурной традиции. Эту же близость красногорских черепов карасукским материалам отмечает и Г.В. Рыкушина [Рыкушина, 1979. С. 9]. Большую восточную примесь у населения, оставившего Красногорский могильник, отметила Н.М. Рудь [Рудь, 1981, С. 91]. Таким образом, в работах антропологов подчеркивается возможная восточная связь коллектива оставившего погребения Красногорского могильника. Появление межовского населения на территории Береговского археологического микрорайона, по всей видимости, связано с миграционными процессами, побудившими носителей этой культурной традиции продвинуться западнее основного ареала распространения памятников межовской культуры, а именно Зауральского региона, где расположена большая часть памятников этой культуры. Возможность таких передвижек из восточных областей (Зауралье, Западная Сибирь) М.Ф.Обыденнов объяснял наличием разветвленной речной сети, включающей водотоки, которые берут свое начало в Уральских горах, и по которым за довольно короткое время можно было переправиться из Зауралья на Приуральскую равнину [Обыденнов, 1991. С. 92]. На возможность таких контактов указывают находки тальковой керамики на ряде межовских поселений Приуралья (Старо-Кабановское II, Ахметовское I, Чесноковская I стоянка, Инзелгинская, Жуковская стоянки) [Обыденнов, 1991. С. 93], а также

использование дерева в погребальном обряде в виде срубов могильника Дачный-2 в Курганской области [Шилов, Маслюженко, 2006. С. 66-68].

Исследования последних лет памятников финальной бронзы-раннего железного века в горно-лесной зоне Южного Урала в незначительном удалении от территории Береговского АМР (в пределах Мелеузовского и Кугурчинского районов РБ) показали наличие керамики схожей с сосудами из Красногорского могильника. Данная керамика зафиксирована при раскопках поселения Азануй [Гарустович, Савельев, 2004. С. 93-118. Рис. 12, 6; 13, 4], Ташмуруновский грот [Котов, Савельев, 2003. С. 124-147], Максютювской II стоянки, Юмагузинской I поселения [Обыденнов, 1997. Рис. 4; 5, 5; 55, 6, 7], не смотря на отмеченные авторами отличия межовской керамики горной местности от межовских памятников предгорных районов Башкортостана [Котов, Савельев, 2003. С. 124-147], именно горно-лесную зону Южного Урала (районы верхнего течения Нугуша и Белой) можно рассматривать в роли своеобразного моста, позволяющего населению переваливать горные массивы Уральского хребта и спускаться в предгорные равнины, к которым относится территория Бельско-Нугушского междуречья включающая в себя Береговский АМР, а также совершать обратное движение из приуральских лесостепей, углубляясь в горные массивы, продвигаясь по разветвленной речной сети.

Что же касается датировки могильника, то уже высказывалось мнение об отнесении его к XI-IX вв. до н.э. На наш взгляд, материалы могильника (в первую очередь металлический инвентарь) позволяют говорить о более поздней дате, в пределах конца X- IX вв. до н.э., а возможно и начала VIII вв до н.э. На это указывает и шаблонность погребального обряда, его однородность, что, видимо, связано с довольно небольшим периодом функционирования древнего кладбища. По всей видимости, наиболее ранним может считаться погребение под к.3, имеющее кольцевую каменную выкладку и камень в интерьере погребальной ямы, что отсылает нас к культурным стереотипам черкаскульского времени. Однако ориентировка, и далекое от черкаскульских погребальных канонов исполнение каменной выкладки, наводит на мысль об

изживание черкаскульских погребальных обычаев, верхняя дата которых определена концом XI вв. до н.э. [(Матвеев, 2007. С. 34; Епимахов, 2010б. С. 137-145)]. Полное отсутствие радиоуглеродных дат межовских памятников, препятствует установлению более корректных временных интервалов для времени функционирования некрополя. Однако утверждение о сходстве бархатовской и межовской культур, входящих в одну ирменско-бархатовско-межовско-луговскую культурно-хозяйственную область, сложившуюся на андронидной основе [Обыденнов, 1997. С. 59, 62], позволяет привлекать для этого полученные в последние годы датировки бархатовской культуры [Матвеев, Орищенко, Зах, Панфилов, Петренко, 1991. С.28-31; Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006. С. 24-37; Зими́на, Волков, Рябогина, Иванов, 2009. С. 20-34; Зах, Зими́на, Рябогина, 2011. С. 219-233].

Таким образом, датировка могильника соответствует развитому «красногорскому» этапу бархатовской культуры относимый исследователями к X-IX вв. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009. С. 340], либо в абсолютных датах к 980-820 гг. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009. С. 338], или к 980-780 гг до н.э. [Епимахов, 2010б. С. 139].

На территории Южного Зауралья среди материалов финальной бронзы [Епимахов, 2010а. С. 17], разделенных А.В. Епимаховым на два этапа [Епимахов, 2010в. С. 39-45], наиболее близки «красногорским» в своих значениях данные полученные для переходного к раннему железному веку этапу (980-840 гг. до н.э.) [Епимахов, 2010б. С. 137; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 136-167]. Частично синхронными являются материалы, выделенные на серии радиоуглеродных дат [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 92-102; Епимахов, Епимахова, 2005. С. 75-83].

Еще один памятник финальной бронзы, Юмаковский II курганный могильник, В.С. Горбуновым, по погребальному обряду (наличие оградки, трупоположение на спине вытянуто, головой на северо-запад, лицом на северо-восток) и сопроводительному инвентарю (копье, браслет), отнесено к

черкаскульской культуре последней четверти II тыс. до н.э. [Горбунов, 1983. С. 5-37; Обыденнов, 1998. Рис. 30, 8; Горбунов, 1992. С. 67-70; 1995. С. 37-40].

Ближайшие аналогии погребальному обряду и сопроводительному инвентарю Юмаковского II курганного могильника можно найти в материалах Красногорского I курганного могильника, расположенному в 10 км к ЮЮВ от памятника. Каменное кольцо, опоясывающее погребальную яму близко по конструкции с кольцом из кургана №3 Красногорского I курганного могильника, также выложенное вокруг центрального погребения. Нами курган №3 отнесен к самому раннему этапу формирования Красногорского могильника, отражающего изживание культурных стереотипов погребального обряда черкаскульской культуры, верхняя дата которых определена концом XI вв. до н.э. [Матвеев, 2007. С. 34; Епимахов, 2010б. С. 137-145].

Таким образом, возможная датировка Юмаковского II курганного могильника может укладываться в пределах конца XI-начала X вв. до н.э. В связи с этим, к наиболее ранним погребальным памятникам финальнобронзового времени в границах Береговского АМР могут быть отнесены погребение Юмаковского II курганного могильника и погребение под насыпью кургана №3 Красногорского I курганного могильника.

Что же касается находок костей человека на уровне погребенной почвы Юмаковского II курганного могильника, то, на наш взгляд, подобный сюжет находит параллели во вторичных погребениях Красногорского I курганного могильника, так же совершенных на погребенной почве, что может быть связано с обрядом оставления покойника на открытом воздухе. После перегнивания мягких тканей кости либо помещались в могилу компактной кучей, либо оставлялись на поверхности, после чего насыпался курган. В случае с погребенным в Юмаковском II могильнике, кости после отслоения мягких тканей могли быть выложены в правильном анатомическом порядке. По крайней мере, на это указывает некомплектность верхнего отдела скелета. Кости таза и конечностей могли быть помещены в погребальную яму еще с не отошедшими сухожилиями, сохраняя правильную анатомическую выкладку.

Резюмируя, отметим, что погребальные памятники микрорайона преимущественно оставлены абашевским, синташтинским и межовским населением. Погребений поздней бронзы крайне мало. Все это может указывать на три причины: во-первых, в результате агрохозяйственного освоения большая часть курганных насыпей могла быть сnivelирована. По сведениям местных жителей, курганная цепочка Береговского I могильника тянулась до д. Юмаково (порядка 3 км). Во-вторых, в эпоху поздней бронзы у населения микрорайона могла существовать иная погребальная практика, связанная, к примеру, с интрамуральным обрядом погребения. И, в-третьих, в эпоху поздней бронзы микрорайон мог заселяться сезонно, например, в зимний период. С наступлением тепла часть населения могла уходить на левобережье р. Белой, где зафиксировано большое количество погребальных памятников, контрастирующее с небольшим количеством поселений (рис. 3).

3.1.2. Аспекты хозяйственной адаптации населения Береговского АМР в эпоху бронзы

Понятие «адаптация» отражает процесс взаимодействия общества и среды – фундаментального свойства самоорганизующихся систем. Суть обозначаемых процессов состоит в способности системы приводить себя в соответствие с меняющимися условиями среды путём самокоррекции по принципу обратной связи. Общество в целом рассматривается как адаптивная система [Маркарян, 1986. С. 71-80].

Существование различного в культурном отношении населения в границах Береговского археологического микрорайона, зафиксированное в археологическом материале, дает возможность обратиться к проблемам реконструкции некоторых аспектов хозяйственной адаптации к условиям природной и культурной среды. Бесспорно, что основой хозяйства населения эпохи бронзы являлось скотоводство, культурные различия отмечаются в составе стада и в соотношении домашних и диких видов.

Кроме данных палеозоологии, различия в хозяйственной деятельности фиксируются по результатам комплексного анализа орудий труда. В коллекциях инвентаря с поселенческих памятников микрорайона высок процент керамической посуды, следов металлургической деятельности и ее результатов в виде готовых изделий, разнообразен корпус каменных орудий, представленный различными изделиями, связанными с металлургической и бытовой сторонами жизни. Немаловажными являются данные палеодемографии дающие представление о гипотетической численности населения микрорайона в различные исторические периоды.

Керамические комплексы поселенческих памятников. Керамика как самый массовый и требующий постоянного воспроизводства источник, является важным фактором для реконструкции культурно-исторических процессов и уточнения трансформации различных культур. Поселения микрорайона являются многослойными, керамические комплексы представлены разнокультурными материалами от начального этапа поздней бронзы до финала эпохи. Самыми ранними являются материалы абашевской и синташтинской культур, комплекс керамики позднего бронзового века представлен посудой срубной и алакульской культур, к финальному этапу относятся материалы межовской и курмантауской культур.

В коллекции керамики выделяется также небольшое количество срубно-алакульской керамики. К ней отнесены фрагменты с «...нарушением алакульской технологии изготовления сосудов (перегиб вместо уступа, нарушение орнаментальных зон, малочисленность разделителей зон (некоторые признаки срубной культуры, такие как скудный набор элементов орнамента, значительная доля рядов вдавлений, использование крупногребенчатого штампа)...» [Алаева, 2015. С. 83].

За время изучения Береговского I поселения с 10 раскопов (I-X) получена керамическая коллекция, насчитывающая 12433 фрагментов [Пряхин, 1976. С. 88-95; Горбунов, 1986. С. 24-29; 1989. С. 31-32].

К срубной культуре всех периодов отнесено 8700 фрагментов, к уральской абашевской 3685 (рис. 23, 3 – 6; 25; 27; 28, 3, 4, 6, 7; 29, 4 – 8; 30, 1, 2, 5; 31, 1 – 4; 39; 40; 54, 1 - 8, 10, 11) с алакульской культурой связано 58 фрагментов, к культуре курмантау можно отнести 3 фрагмента. В процентном соотношении к срубной керамике относится 70% коллекции, к абашевской 29,6%, самая малочисленная посуда принадлежит алакульской культуре – 0,5%. Культура курмантау представлена в материале поселения 0,02%. Ниже приведена характеристика фрагментами посуды абашевской, синташтинской, срубной, алакульской культур и синкретичной срубно-алакульской посуды выявленной в ходе раскопок памятника.

Абашевская керамика орнаментирована рядами желобков, прямых и волнистых, которые чередуются с рядами наклонных оттисков или зигзагов, сделанных зубчатым штампом. Единичные экземпляры фрагментов принадлежат крупным нарядным, часто лощеным сосудам, орнамент на которых состоит из заштрихованных ромбов, из горизонтально заштрихованных вертикальных полос, круглых и подтреугольных ямок, вертикальной «елочки», рядов горизонтального прямого и волнистого каннелюров. Для абашевской керамики характерно наличие примесей толченой раковины в тесте, единичные фрагменты содержат примесь шамота и растительных остатков. По форме посуда представлена горшками и банками, значительная часть которых имеет выраженную колоколовидность. Орнамент состоит, заштрихованных ромбов.

Кроме того, при знакомстве с материалами раскопок выделяется как минимум два синташтинских сосуда с острым внутренним ребром и желобком на внутренней стороне венчика. Орнамент состоит из горизонтальных желобков, сочетающихся с насечками, заштрихованными треугольниками и наlepными шишечками [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 60. Рис. 12, 1,2; 13, 4; 18, 1-2; Горбунов, 1986. С.65, 81. Табл. VI, 9, 12-13]. В.С. Горбунов уже отмечал, что схожесть некоторых сосудов Береговского курганного могильника и Береговского I и Юмаковского III поселений с керамикой петровско-синташтинских памятников [Горбунов, 1985. С. 7]. Ряд исследователей также

считают эту группу горшковидных сосудов синташтинскими или синташтинкопетровскими [Епимахов, Чуев, 2011. С. 47-65; Бахшиев, 2012. С. 44-46].

Синташтинский комплекс, по всей видимости, немногочислен, и «растворен» среди абашевской керамики. Тем не менее, синташтинский материал наглядно представлен и зафиксирован.

Срубная керамика представлена сосудами баночной, горшечно-баночной и горшечной форм. Срез края у сосудов двух типов: горизонтальный или округлый, независимо от форм сосудов. Дно большинства сосудов (48 и 69 экземпляров днищ) имеет переход к стенкам под тупым углом. Размеры сосудов различны, от чашек емкостью от 0,1 л, до корчаг вместимостью 10 и более литров. Баночные сосуды, зачастую имеют прямые стенки, иногда край их значительно вогнут. Большинство из этих сосудов лишены орнамента, в редких случаях орнамент выполнен прочерчиванием узкой полосы вдоль края. В глине встречена примесь песка, дресвы, гальки. В изломе черепок черный. Поверхность сосудов темно-серая или темно-коричневая, черного, желтого или коричневого цвета, узоры нанесены гребенчатым и гладким штампом, резьбой острием и оттисками веревочки. Орнамент состоит из горизонтальных поясков, зигзагов, заштрихованных треугольников, ромбической сетки или перекрещивающихся линий, рядов насечек и разнородных вдавлений-ямоч: овальных, полукруглых, уголков, ногтевых вдавлений. Изредка встречаются меандры, оттиски округлой поллой трубочкой или костью. Днища сосудов массивные, часто имеющие сглаженные закраины (рис. 41 – 43; 51).

По подсчетам Н.Г. Рутто керамики с алакульскими чертами в коллекции Береговского I поселения всего 0,72%, причем около 2/3 от этой посуды составляют сосуды с очень слабо выраженными алакульскими чертами и только 0,23% - срубно-алакульская посуда, сочетающая в форме и орнаменте в равной мере черты гончарных традиций обеих культур (рис. 16, 3 – 9; 19, 9; 24, 4, 5; 59, 3, 7) [Рутто, 1987. С. 43-52. Рис. 4, 15-19, 21].

К классической алакульской культуре стоит относить керамику с содержанием талька в тесте, учитывая признаки, выделенные Н.Г. Рутто:

симметричность форм, тщательная обработка, лощение поверхности сосуда, уступчик при переходе от шейки у тулову, использование мелкозубого штампа, зональность в расположение декора, преобладание в декоре заштрихованных равнобедренных или косых треугольников вершинами вверх, так и вниз, многорядового зигзага, различного рода меандров [Рутто, 2003. С.32-33]. Тальк встречен в тесте одного сосуда из постройки VII, из раскопа К.В. Сальникова посуда содержащая тальк составляет 9% [Рутто, 2003. С. 38].

Алакульская керамика представлена баночными и горшечными формами, некоторые из них имеют характерный для алакульской керамики уступчик по тулову. В качестве примеси в тесте присутствует шамот и тальк. Поверхность некоторых сосудов имеет лощение. Днища алакульских сосудов массивные, некоторые имеют закраины. Керамика орнаментирована композициями из зубчатого штампа (треугольники, волнистые, зигзагообразные и прямые меандры), прочерченными горизонтальными и волнистыми линиями, двойным зигзагом, выполненным вытянутыми широкими вдавлениями, композициями из косых линий мелкого треугольного штампа, представлен также геометрический узор, где выделяется характерный для алакульской орнаментики мотив – «меандр». Цвет фрагментов светло-серый. Судя по фрагментам, в коллекции представлены в основном сосуды горшечных форм, реже встречаются емкости баночной формы. В ходе раскопок найдены обломки блюда, характерного для андроновского керамического комплекса. Обломки выглядят как неширокие ленты, две прямые, две с изгибом (рис. 19, 9).

Кроме алакульской посуды выявлено 3 фрагмента от 1 сосуда: обломки представляют собой часть края прямоугольной чашки с примесью толченого талька. Вдоль края сосуда нанесен орнамент в виде двух рядов наклонных оттисков мелких «гусеничек». На валики, образующиеся между двумя желобками, иногда нанесены группы насечек. Культурное определение этого сосуда затруднительно, однако наличие талька предполагает его зауральское происхождение. Возможно они связаны с посудой валикового горизонта (саргаринские древности ?).

К синкретично срубно-алакульской посуде в материалах Береговского I поселения, по данным Н.Г. Рутто, относится 71 сосуд (6,28% от общего количества выделенных 1129 сосудов) (рис. 18, 1, 2, 8; 55; 56, 2-17; 59, 1, 2, 4, 5). Наибольшее количество этой керамики выявлено при изучении построек 1 и 2 (раскопки 1955 г. К.В. Сальникова), построек V и VII (раскопы VII и VIII В.С. Горбунова). Срубно-алакульская керамика имеет горшечную форму, некоторые имеют характерный для алакульской посуды уступ, поверхность отдельных сосудов залощена. Орнаментация исполнена мелкозубчатым штампом, проташенной гребенкой. Орнамент состоит из меандровых фигур, многорядовых горизонтальных линий, заштрихованных треугольников вершинами вверх и вниз, многорядового зигзага. Иногда орнамент покрывает всю поверхность. У единичных экземпляров есть свободная зона на венчике [Рутто, 2003. С.37-38]. Исследователь приходит к мысли, что алакульские группы появились на территории памятника, занятого носителями срубной культуры, на раннем этапе заселения. Приток нового андроновского, в широком смысле слова, населения периодически возобновлялся в более позднее время, о чем свидетельствуют, по данным Н.Г. Рутто, обломки сосудов кожумбердынского облика (рис. 56, 1; 60, 8), а также фрагменты четырех блюд, с характерным изгибом аналогичным блюдам федоровского типа (рис. 55, 7; 60, 10) [Рутто, 2003. С. 38].

Обобщенно в материалах Юмаковских I-III поселений срубно-алакульская посуда представлена от 9 до 15 % от общего количества выделенных сосудов. Посуда отличается тонкостенностью, наличием уступов, орнамент нанесен мелкозубой, «слепой», иногда проташенной, гребенкой (рис. 81, 2; 103, 1; 116) [Рутто, 2003. С. 39]

На Юмаковском I поселении абашевских фрагментов найдено 179 от общего числа. Большая часть (114 фрагментов, 63,7%) происходит с 3 горизонта. По венчикам выделено 17 сосудов. Цвет посуды пепельно-серый, в глиняном тесте примесь толченой раковины. Орнамент состоит из прямых горизонтальных каннелюров (рис. 79, 1; 80, 1-3, 5).

От срубной посуды происходит 480 фрагментов, из них выделено 27 сосудов. Большая ее часть также сосредоточена на 3 горизонте. Орнамент состоит из наклонных ямок, заштрихованных треугольников, прямых и ломаных линий, выполненных зубчатым и гладким штампом (рис. 78; 79, 2, 5; 80, 4, 6-9; 81, 1, 3-14; 82).

Алакульский компонент представлен 5 фрагментами, из которых имеется 4 венчика и 1 стенка. Орнамент состоит из вертикальных наклонных оттисков гладкого штампа (рис. 116).

Следовательно, общее количество найденной керамики равно 664 фрагментам, в процентах это выглядит следующим образом: абашевская культура – 27%, срубная – 72%, алакульская – 0,75%.

Керамика из раскопа Юмаковского II поселения представлена 4087 фрагментами сосудов, из них в постройке найдено 704 фрагмента (17,2%), вне постройки – 3383 фрагмента (82,8%). Наиболее насыщенным является 3 горизонт, где было сосредоточено до 50% всей керамики. По венчикам выделяется 491 сосуд.

В подавляющем большинстве в раскопе встречена срубная керамика, орнамент на этой посуде нанесен в основном в верхней части сосуда зубчатым или гладким штампом. В глиняном тесте встречается примесь песка, шамота, и шамота с растительными остатками. Днища сосудов плоские. На втором горизонте выделена группа керамики, фрагментов острореберных горшков, с отогнутым венчиком, выраженной шейкой и ребром, орнамент по шейке и тулову представлен каплевидными вдавлениями, мелкозубчатым штампом, рядами прямых линий и заштрихованных треугольников. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов хорошо заглажена, в тесте примесь шамота. Типологически эти сосуды связаны с раннесрубной керамикой (рис. 86, 1, 3-11, 14, 16; 87; 89, 1-12, 14-17; 90, 1, 3-11; 92, 8-10).

Кроме срубной на Юмаковском II поселении обнаружена алакульская и межовская керамики. По венчикам выделено около 30 алакульских сосудов (6,9%) от общего числа фрагментов. Среди них встречены в основном сосуды

горшечной формы, орнаментированные отпечатками проташенной гребенки (рис. 91, 2 – 4; 6 – 12, 14, 15). Алакульская керамика преимущественно залегала на третьем горизонте и в постройке вместе со срубной керамикой. Абашевская (рис. 86, 18; 89, 13) и синташтинская (рис. 86, 2, 15; 90, 2) посуда немногочисленна, залегала совместно на уровне 2 и 3 горизонтов.

Межовская керамика еще малочисленнее. Выделено 13 сосудов. Практически вся она обнаружена в постройке (рис. 91, 1, 5, 13; 92). Хронологически с ней связаны несколько фрагментов от одного сосуда курмантаусской культуры (рис. 92, 5).

В целом, можно говорить о культурной «гомогенности» керамического материала, полученного с поселения – из 491 выделенного сосуда к срубной культуре относится 448, что составляет 91%, 30 сосудов алакульской культуры (6%), 13 межовской (2,8%) и 1 сосуд курмантаусской культуры (0,2%) являются незначительным инокультурным компонентом. Следовательно, Юмаковское II поселение можно считать в целом однослойным срубным памятником, с которым, по всей видимости, связан незначительный алакульский керамический комплекс. Межовские и курмантаусские материалы, на наш взгляд, стоит рассматривать совместно.

В ходе изучения Юмаковского III поселения за четыре полевых сезона (1980-1983, 1987 гг.) получена представительная коллекция керамики, состоящая из 2598 фрагментов. К уральской абашевской культуре относится 967 фрагментов, к срубной 1585 обломков, алакульская культура представлена 43 фрагментами, к курмантаусской культуре относится 3 фрагмента. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: срубная – 61%, абашевская культура – 37,2%, алакульская – 1,7%, курмантаусская – 0,1%. В общих чертах это соотношение соответствует данным с других поселений эпохи бронзы БАМР. Наличие небольшого количества раннесрубной – покровской посуды может говорить о заселении площадки памятника в это время малочисленной общиной.

Абашевская посуда представлена сосудами горшечных и баночных форм с выраженной колоколовидностью. Чашевидных сосудов мало. В глиняном тесте обильная примесь толченой раковины. Орнамент состоит из горизонтальных рядов прямого и волнистого каннелюра, овальных наклонных ямок, коротких вертикальных оттисков мелкозубчатого штампа, многорядных зигзагообразных линий, фестонов (рис. 99; 100; 108; 115, 3, 6).

Срубная керамика составляет более половины всей коллекции. По венчикам выделен 51 сосуд. По форме различаются горшки и банки, в тесте примесь шамота с включением растительных остатков. Орнамент состоит из рядов овальных ямок, зигзага, заштрихованных треугольников, выполненных зубчатым и гладким штампом (рис. 24, 2; 101; 102; 103, 4-9; 109; 114).

На поселении выделена небольшая коллекция керамики алакульского облика. По венчикам выделено 10 сосудов. Они представляют собой слабопрофилированные горшки, переход шейки к плечу плавный. Орнамент нанесен гладким или зубчатым штампом в виде вертикальной «елочки» и заштрихованных треугольников по верхней части венчика. В глине примесь шамота с включением растительных остатков (рис. 103, 1; 113).

В коллекции выделяется группа керамики, имеющая покровские черты, выраженное острое ребро расположенное ниже шейки, с резко отогнутым наружу венчиком и профилированным туловом. Значительная часть этой посуды не орнаментирована, поверхность покрыта грубыми вертикальными расчесами. Орнамент состоит из групп ямок различной формы и геометрических фигур (рис. 115, 1, 2, 4, 5, 7, 8).

Кроме перечисленных типов, найдено несколько фрагментов от сосуда курмантауской культуры (рис. 104).

При исследовании потревоженной строительством дороги части Юмаковское IV поселения найдено 146 фрагментов срубной и абашевской керамики. Основную массу подъемного материала составляет абашевская керамика 108 фрагментов (выделено 20 сосудов), от срубной посуды происходит 38 фрагментов (3 сосуда).

Из двух раскопов, заложенных на месте котлованов построек №№1 и 2, получена коллекция из 345 фрагментов. Здесь также большая часть (272 фрагмента) относится к абашевской культуре. По венчикам выделено 37 сосудов. Почти вся керамика серого цвета, в тесте примесь мелкотолченой раковины, ракушки с органикой, ракушки с песком. Орнаментальная композиция на посуде абашевской культуры состоит из рядов прямого или волнистого каннелюра, геометрических фигур, ромбов, насечек, зигзага, овальных ямок.

К срубной культуре относится незначительное количество фрагментов – 73. Из них по венчикам выделяется 6 сосудов баночной формы, и 1 горшечной. Орнаментальная композиция состоит из рядов прочерченных линий. В тесте примесь песка и органики. Цвет светло-коричневый.

Следовательно, суммарный объем полученной керамики с двух раскопов и сборов равен 491 фрагменту, к абашевской культуре относится 380 фрагментов (77,4%) к срубной 111 или 22,6%. Еще рельефнее преобладание абашевского компонента иллюстрирует процентное соотношение по выделенным сосудам: абашевские – 67 сосудов (85%), срубные – 10 (15%). В данном случае, можно говорить об отнесении поселения, а вместе с ним и изученных построек, в целом к уральской абашевской культуре. Рассматривая срубный культурный компонент как незначительное инокультурное включение, в этом отношении с материалами Юмаковского IV поселения сопоставимы данные полученные в ходе изучения Береговского II поселения, где так же основным культуuroопределяющим компонентом была абашевская керамика.

Комплексно изучена коллекция керамики, состоящая из 119 фрагментов, полученная в ходе раскопок стоянки Озерки I [Русланов, 2016. С. 301-303; Мухаметдинов, Русланов, 2018. С. 562-571]. Керамический материал представлен фрагментами лепных сосудов. Орнамент на ряде из них представлен резными линиями, ногтевыми вдавлениями, оттисками гребенчатого штампа.

Полученная в ходе раскопок керамика не имеет раннесрубных признаков (орнамента нанесенного среднезубчатым штампом, прочерчиванием, округлых, овальных, подквадратных, крупных треугольных вдавлений и оттиска шнура),

характерных для памятников этого периода [Мочалов, 2003. С. 52-76.; Мочалов, 2008. С. 187-188] и, по всей видимости, относится к развитому этапу, который датируется XVIII-XVI вв. до н.э. в калиброванных радиоуглеродных датах [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 92-102.; Kuznetsov, 2006. P. 638-645; Hanks et al., 2007. P. 496; Черных, 2008. С. 36-53; Бахшиев, 2010. С. 6; Епимахов, 2010а; Купцова, 2016. С. 4]. Благодаря этому, время функционирования памятника может быть отнесено к позднему бронзовому веку.

Резюмируя отметим, что керамическая коллекция поселенческих памятников эпохи бронзы с территории БАМР демонстрирует всю пестроту культурных образований свойственных для эпохи бронзы Южного Урала. Здесь представлены «привычные» лесостепные культуры – абашевская, срубная, керамика которых является доминирующей в культурных слоях поселений микрорайона. Также выявлен небольшой процент явно зауральского культурного компонента, заключающийся в первую очередь в яркой посуде синташтинской культуры, которая, по всей видимости, маркирует начальный этап проникновения зауральского населения в лесостепную зону Приуралья, занятую в это время абашевским населением. В эпоху поздней бронзы те же культурные связи фиксируются на уровне срубной и алакульской культур, что ярко проявляется как в чистом виде (алакульская керамика селища Береговка – 4), так и в синкретичном виде по материалам Береговского I поселения и ряда других памятников. Керамический комплекс позволил зафиксировать и финальную стадию эпохи бронзы, связанную с хозяйственной деятельностью, в пределах микрорайона, межовского и курмантауского населения.

Металлургия. Археологический микрорайон, как и любая объективно существовавшая реальность, имеет под собой определенное количество факторов, участвовавших в его сложении. Среди них можно выделить благоприятную экологическую нишу, комплексную безопасность территории и близость ресурсной базы. При изучении АМР эпохи бронзы часто наблюдается некая закономерность в расположении археологических объектов вблизи

рудников [Бровендер, 2008. С. 184-203; Ткачев, 2010. С. 268-271; Горно-металлургические центры..., 2013. С. 174-195].

По всей видимости, возникновение и функционирование Береговского археологического микрорайона в эпоху бронзы также стоит связывать с близостью выходов медьсодержащей породы.

Материалы бытовых памятников микрорайона иллюстрируют весь цикл металлопроизводственной деятельности от горного дела (добыча руды), выплавки металла из руды, до металлообработки [Черных, 1978. С. 53-83]. Особенно рельефно это проявляется на материалах Береговского I поселения [Горбунов, 1989. С. 29-42]. На остальных поселениях, вскрытых меньшей площадью, остатки металлопроизводственной деятельности зафиксированы на Юмаковских I-IV, Береговском II поселениях (рис. 7, таблица 2).

На Береговском I поселении найдено 5 слитков металла, 22 кусочка окислов, 5 кусочков шлака, 4 обломка плавильных чаш абашевского облика, мелкие фрагменты двух литейных форм, плиты-терочки, плиты-наковальни, песты, гальки-куранты. На Береговском II поселении обнаружены: слиток меди, часть литейной формы для отливки вислообушного топора, каменная наковальня и несколько галек-молотков. Следы металлургии на Юмаковском I поселении представлены обломками каменных наковален, терочников, ударных инструментов, 3 обломками плавильных чаш абашевского типа, гальками-курантами, каменным молотком, 3 слитками меди. В культурном слое Юмаковского II поселения найдены куски медного колчедана, несколько обломков плавильной чаши (лячки?), кусок чаши-тигля. При раскопках Юмаковского III поселения выявлен каменный пест и большое количество обломков от плавильных чаш и кусочков руды. Работы, проведенные на Юмаковском IV поселении, дали каменную плиту-наковальню, два песта, крупный фрагмент плавильной чаши, фрагменты двух тиглей, несколько галек-курантов или молотковидных орудий [Пряхин, 1976. С. 95-98; Горбунов, 1986. С. 29-34; 1989. С. 43-47; 1992. С. 68-70; Горбунов Ю., 2008a]. Небольшое

количество шлака зафиксировано на стоянке Озерки I [Русланов, Обыденнов, 2015. С. 321-324].

Разведочные сборы 2013 г. позволили выявить новые памятники со следами металлургической деятельности это стоянки Юмаково V, Озерки V, Студеная I, Озерки II, Озерки 6, Юмаково-6, поселение (таблица 1).

В материалах Береговского I поселения представлены все составляющие процесса металлургии меди. Это подтверждает мысли К.В. Сальникова о плавке руды не на месте добычи, а на поселениях, на которых повсеместно возникают стационарные мастерские [Сальников, 1962. С. 66]. Вероятно, это, в свою очередь, могло привести к появлению крупных мастерских, способных обеспечить несколько общин или домовладений [Бочкарев, 1981. С. 22-27]. Для рассматриваемого микрорайона такими центром могло стать Береговское I поселение, на котором могли изготавливаться как орудия (к примеру, пластинчатые серпы), так могла идти и плавка слитков меди, которые в дальнейшем распространялись среди населения микрорайона.

На территории Приуралья выделяются около 770 рудников, условно объединяемых в пять групп месторождений: Сараево-Рудничную (проявления: Бакыр-Тау, Рудничное, Малиновка и др.), Миякинско-Стерлибашевскую (Большекаркаралинское, Стерлибашевское, Дмитриевское), Кузьминовскую (Столяровское, Кабакушевское, Тихвинские рудники I и II и др.), Мелеузовско-Куюргазинскую (Уральское, Куксырский рудник, Мелеузовский рудник и др.) и Куюргазы – Белореченскую (Красный Яр, Александровское и др.) [Рахимов, 2013. С. 216-218].

Вблизи Береговского микрорайона на данный момент известно о семи рудопроявлениях и пунктах минерализации меди, относящихся к Куюргазы – Белореченскому району рудопроявлений (рудопроявления у деревень Красный Яр, Александровка, Красногорка (урочище «Мазарный дол»), рудопроявление «Кордон» на г. Зиргантау; пункты минерализации: Михайловское II; Воскресенское; Красноярское). Эти рудопроявления, месторождения и пункты минерализации относятся к формации медистых песчаников и сланцев,

распространённых в Камско-Илекской и Южно-Предуральской меднорудных гипсоносно-соленосной минералогических зонах Предуральского краевого прогиба и прилегающих районах восточной части Русской плиты. Они залегают в красноцветных и пестроцветных верхнепермских отложениях казанского яруса³. [Горбунов Ю., 2008а. С. 503; 2008б. С. 14; Геологическая карта..., 2001. С. 390, 535] (рис. 3, 7).

Анализ шлака, проведенный С.А. Григорьевым, дает возможность представить, какие именно медьсодержащие породы использовались населением микрорайона в эпоху средней и поздней бронзы. С абашевским периодом связан шлак с Береговского I и Юмаковских I, III поселений. С.А. Григорьевым он отнесен к I-II и V минералогическим группам. Медь в шлаках I группы найдена в виде мелких корольков куприта и ее содержание не превышает 1-2%. В шлаке II минералогической группы рудовмещающей породой был кварц. Встречаются корольки меди, куприта и медного сульфида, сформировавшегося, вероятно, из ковеллина. Содержание корольков меди не превышает 2%. Шлаковые лепешки V группы говорят в пользу того, что оруденение было явно связано с силикатными породами. Зерна кварца встречаются, но небольшие и достаточно редко. В одном зерне кварца обнаружены включения сульфида и хризоколлы. Изредка внутри кварцевых частиц фиксируются мелкие частицы восстановленной меди. Многие зерна кварца состоят из окатанных мелких гранул, располагающихся прямыми рядами. Не исключено, что это отражает песчаниковый характер исходной руды. Включений окисленной медной руды (малахита и хризоколлы) довольно много. В шлаке этой группы выявлены и единичные зерна халькопирита и куприта. С.А. Григорьев делает вывод о том, что для образования шлаковых лепешек этой группы в плавку должны были поступать окисленные руды, в меньшей степени

---

³ Окисленные руды этих месторождений разрабатывались с XIX в., данные о запасах и количестве добытой тогда руды отсутствуют. Рудные залежи в среднем имели длину 60–200 м при ширине 10–80 м и мощности 0,1–0,4 м, изредка до 6 м. Залегание пологое, близкое к горизонтальному. Содержания меди в среднем составляют 0,2%, достигая местами 2–3,3% и 12% (в конгломератах). Высокое содержание меди отмечается также в мергелях (до 2–4%) и известняках (до 1,5%). Рудные минералы представлены малахитом, азуритом, халькопиритом, реже – купритом и самородной медью. Встречается также самородная сера. Известные объекты в настоящее время промышленного значения не имеют. Геологоразведочные работы на них не ведутся.

вторичные сульфиды из кварцевых пород. Очень вероятно использование руд из медистых песчаников [Григорьев, 2013. С. 269-274]. Исследователь также выдвигает предположение о том, что абашевские металлурги не вывозили руду из синташтинской зоны (Ишкинское, Дергамышское, Ивановское месторождения), а использовали месторождения сходного типа в Приуралье. Скорее всего, «абашевцами» намеренно отбиралась комплексная окисленная и сульфидная руда.

Информация по металлургии населения микрорайона в срубное время получена благодаря анализу шлака с поселения Юмаково II [Григорьев, 2013. С. 278]. Данные говорят о том, что часть исследованной руды происходит из кварцевых пород, серпентинитов. Несколько образцов представлены ковеллином и халькозином с включениями хризоколлы и малахита.

По определению научного сотрудника институт геологии Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР Я.Л. Шестопада, медный колчедан с Юмаковского II поселения местного происхождения и он связан с месторождениями сульфидных окисленных руд известных в районе Воскресенского завода, расположенного в 10 км к востоку от поселения (определение выполнено в 1987 г. по просьбе В.С. Горбунова).

Проведение литолого-петрографического анализа серии орудий металлообработки с Юмаковского II (литейная форма) и Юмаковского III (пест) поселений (рис. 94, 1; 105, 1; таблица 7) показал, что данные изделия изготовлены из изверженных пород: диорита и андезита [Русланов Е., Русланов В., 2014. С. 152-156]. Эти породы характерны для зоны палеовулканов в пределах территории Башкирского Зауралья, полоса распространения которой проходит по долготе городов Учалы – Сибай – Баймак. Ближайшее месторождение диорита, Сангалыкское, находится в Учалинском районе Республики Башкортостан. Выходы диорита и андезита распространены и на севере Присакмаро-Вознесенской и Западно-Магнитогорской зон, в районе гор Аратау и Акмантау (современный Учалинский район) [Раннедевонские надсубдукционные офиолиты..., 2010. С. 39-64].

Таким образом, пест и литейная форма могут выступать в качестве маркеров дальних связей с населением Башкирского Зауралья. На территорию БАМР они, по всей видимости, попали уже в виде готовых изделий и были принесены людьми, хорошо знакомыми с металлообработкой и рудным делом. Возможно, эти предметы связаны с синташтинским импульсом, повлиявшим на появление новой технологии производства, которая постепенно вытесняет местные архаичные традиции. Развитие этих металлопроизводственных традиций у населения БАМР и близость рудных источников ставят вопрос о реальности высокого спроса на металл с Каргалинского рудного поля, т.к. транспортировать медные слитки или руду за пределы рудников было экономически нерентабельно [Григорьев, 2014. С. 39-44].

От места добычи расположенных вблизи границ микрорайона руда могла доставляться по реке, но возможен и второй вариант – использование упряжной лошади. Расстояние между месторождениями меди и поселениями не превышает дистанции, покрываемой навьюченной лошастью за один дневной переход. Самым ярким подтверждением существования упряжной лошади, конечно, являются находки псалий. И чем совершеннее становятся псалии, тем более управляемой становится лошадь. Так как изобретение и дальнейшее преобразования конной упряжи характеризуют эпоху бронзы наряду с металлургией бронзы. Исследователями ставится вопрос о связи столь революционных изменений, произошедших с упряжью (появление и эволюция псалий) со все возрастающей металлопроизводственной деятельностью племен эпохи бронзы Евразийских степей [Бровендер, 2006. С. 224-234]. По мнению С.С. Березанской, слитки металла являлись одним из основных экспортных товаров в эпоху бронзы [Березанская, 1982. С. 133].

Находки псалий, остатков металлопроизводства (в особенности слитков металла) могут указывать на возможность участия жителей поселения в меновых операциях с металлом. По всей видимости, связь конь-металл могла существовать. В этой паре конь выступает средством доставки, как руды, так и готовых изделий. Имеющиеся находки остатков металлопроизводства и псалиев

на одних и тех же поселениях эпохи бронзы Приуралья позволяют отметить некоторую связь между ними. К примеру, на поселении Тюбьяк [Тюбьяк: поселение бронзового... 2001. С. 106. Рис. 60], Казангуловском I [Горбунов, Обыденнов, 1975. С. 254-257], Баланбаш [Горбунов, 1992. С. 137. Рис. 22], Таналык [Тамимдарова, 2005. С. 187]. Интересно, что и Баланбаш и Тюбьяк являются крупными производственными центрами по обработке металла. Стоит отметить, что псалии найдены и при изучении Береговского I поселения.

Из вышесказанного следует, что оседание населения в эпоху бронзы на территории Береговского микрорайона и выбор ее в качестве долговременного хозяйственно-производственного плацдарма, наряду с благоприятной экологической нишей и географической защищенностью территории, обусловлено расположением вблизи поселений микрорайона месторождений меди Куюргазы-Белореченского района рудопроявлений.

Дальнейшие геолого-археологические исследования, направленные на выявление собственно рудной базы, позволят увереннее говорить о ее роли в формировании микрорайона и ее месте на карте древних горно-металлургических центров. А также о роли населения БАМР эпохи бронзы в осуществлении меновых операций рудой (?) и/или изделиями металлообработки, в пределах Южного Урала.

Далее подробнее коснемся находок, связанных с металлургией меди, выявленных в ходе изучения бытовых и погребальных памятников микрорайона. Следы металлургического производства в виде кусочков меди, шлаков, всплесков металла зафиксированы практически на всех бытовых памятниках микрорайона. Кроме того, при раскопках поселений найдены целые орудия (пластинчатые ножи, шилья, украшения и т.д.).

Слабоизогнутые пластинчатые серпы (рис. 26, 2; 32, 4, 5; 38, 1; 50, 1-3; 63; 70, 13; 122, 1). Все найденные при раскопках поселений пластинчатые серповидные орудия относятся к серпам типа Береговка. У таких орудий сечение лезвия клиновидное, а черенка – прямоугольное. Серпы этого типа распространены на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья, где

наблюдается их наибольшая концентрация. В целом, территория их распространения соответствует ареалу приуральской абашевской культуры. Эти серпы датируются концом эпохи средней бронзы (т.е. конец III – начало II тыс. до н.э.). Использовались серпы в качестве жатвенных орудий [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 31-36]. В Береговском микрорайоне известно 8 серпов из 27 приведенных в сводке вышеуказанных авторов. Это дает основание считать Береговский микрорайон одним из центров распространения и использования данного вида орудий. Морфологически близки «береговским», серпы из абашевских и синташтинских памятников Южного Приуралья и Зауралья (могильники Староябалаклинский, Метев-Тамак, Синташта, поселения Баланбаш, Тюбьяк, Ивановское, Синташта, Аркаим, Верхнекизыльский клад) [Сальников, 1967. Рис. 4, 4; 6, 3; Пряхин, 1976. Рис. 26, 5, 8, 12; Моргунова, Порохова, 1989. Рис. 5, 2; Горбунов, 1992. Рис. 16, 14; 25, 54; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. Рис. 41, 18; 148, 20; 159, 6; Зданович, 1995. Рис. 6, 1, 28; 7; Зданович, 1997. Рис. 9, 3].

Помимо абашевских памятников, серпы типа Береговка встречены в синкретических абашевско-срубных (покровских) памятниках (могильник Новолиповка) [Памятники срубной культуры..., 1993, табл. 14, 13], синташтинских (могильники Каменный Амбар, Синташта, Потаповский, поселения Синташта и Аркаим) [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. Рис. 41, 17; 75, 6; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. Рис. 25, 2; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 30, 10; Зданович, 1997. Рис. 9, 1, 2], петровских (поселения Новоникольское 1, Петровка 2, Камышное 2, Синеглазово) [Потемкина, 1985. Рис. 33, 1; Зданович, 1988. Табл. 10А, 20, 21; Аванесова, 1991. Рис. 18] и сейминско-турбинских (Турбино 1, Заосиново 4) памятниках [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 61, 12, 14]. Эти серпы не характерны для последующих алакульского и федоровского типов памятников [Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 23-54].

Ножи (рис. 50, 5, 6, 9, 10, 13, 14; 57, 3; 62; 159, 3). Большинство найденных ножей относятся к типу с коротким плоским черешком, выраженным

перекрестьем и перехватом, клинком листовидной формы с ребром [Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 23-54].

Аналогии ножам с памятников Береговского микрорайона известны в вольско-лбищенских (Царев курган) и абашевских памятниках (Кондрашкинский курган, поселения Тюбьяк и Масловское) [Черных, Кореневский, 1976. Рис. 2, 4; Пряхин, 1971. С. 73; Пряхин, Беседин, Левых и др., 1989. Рис. 4, 3]. Большое количество морфологически близких ножей выявлено при исследовании памятников покровского типа в Поволжье (Покровский могильник, Натальино 2) [Памятники срубной культуры..., 1993, табл. 3, 2, 25; 15, 15, 17, 59; 16, 27], петровских, синташтинских погребальных комплексов Среднего Поволжья, Зауралья, Северного Казахстана (Верхняя Алабуга, Новый Кумак, Кулевчи VI, Лисаковский, Синташта, Каменный Амбар, Большекараганский, Новопетровка, Потаповский, Давыдовский II, Аркаим) [Потемкина, 1985. Рис. 80, 11, 12; Виноградов, 1984. Рис. 9, 51; Кузьмина, 1994. Рис. 30, 61; Евдокимов, Усманова, 1990. Рис. 2, 10; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. Рис. 148, 19; 152, 6; Боталов, Зданович, Григорьев, 1996. Рис. 2, 9; 6, 2; Сунгатов, Сафин, 1995. Рис. 2, 5; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. Рис. 20, 4; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 30, 2; Зудина, Кузьмина О.В., 1999. Рис. 10, 4; Зданович, 1997. Рис. 9, 11].

Кроме того из Береговского II поселения и Красногорского III курганного могильника (п.2. к.8) известно еще два двулезвийных ножа с длинной выделенной рукоятью, с ассиметрично раскованной спинкой и лезвием. Как предполагают А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых, заготовками для этих ножей могли служить пластинчатые однолезвийные слабо изогнутые серповидные орудия [Древнее Устье ..., 2013. С. 221]. Аналогичные орудия встречены в абашевских (Сокольское, Масловское 1) и петровских поселенческих комплексах (Кулевчи III, Новоникольское 1, Петровка 2, Камышное 2, Синеглазово) в сейминско-турбинских и синташтинских могильниках (Турбинский, Каменный Амбар 5), в покровских (могильник Новолиповка) и андроновидных (могильник Черноозерье I) древностях [Бадер, 1964. Рис. 77; Пряхин, 1976. Рис. 26, 16, 17; 27,

19; Виноградов, 1982. Рис. 3, 2; Потемкина, 1985. Рис. 33, 1; Зданович, 1988. Табл. 10А, 20, 21; Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 58, 12; Аванесова, 1991. Рис. 18; Памятники..., 1993. Табл. 14, 13, Генинг, Стефанова, 1994. Рис. 23, 1; 26, 1; Дегтярева и др., 2001. Рис. 2, 6; Епимахов, 2002. Рис. 7, 10].

Долота (26, 1; 50, 18; 64, 6). Узкие стржевидные долота с черенковым насадом, с незначительно расширенным узким продольным прямым лезвием с поселений Береговского АМР, характерны для абашевского, сейминско-турбинского, синташтинского, петровского производства ранней фазы Евразийской провинции [Виноградов, Дегтярева, Кузьминых, 2013. С. 4-30]. Аналогичные изделия известны в слоях поселений Синташта, Аркаим, Кулевчи Ш, Икпень 2, в погребениях могильников Бестамак, Бозенген, Репьевка, Ростовка, Сейма, Юринский, Каменный Амбар 5 [Пряхин, 1976. Рис. 29, 7, 8; Черных, 1970. Рис. 60, 44; Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 71, 9, 10; Виноградов, 1982. Рис. 3, 6; Генинг и др., 1992. Рис. 41, 13; Зданович, 1997. Рис. 9, 4, 9; Дегтярева и др., 2001. Рис. 3, 1-3; Епимахов, 2002. Рис. 7, 4; Епимахов, 2005. Рис. 58, 3; Соловьев, 2003. Рис. 2, 17; Ткачев А.А., 2002. Рис. 26, 4-5; 94, 10; Калиева, Логвин, 2008. Рис. 9, 1]. Они бытовали в течение всего позднего бронзового века, но при этом заметно уменьшалась доля орудий с желобчатым рабочим окончанием. Подобные формы встречены в материалах алакульской, срубной, атабаевской, алексеевско-саргаринской культур [Древнее Устье ..., 2013. С. 219].

Таким образом, большая часть металлокомплекса, полученного в ходе изучения памятников эпохи бронзы Береговского АМР относится к первой фазе позднего бронзового века (ПБВ 1), т.е. к XX – XVI вв. до н.э. В это время на территории микрорайона изготавливаются пластинчатые слабоизогнутые серповидные орудия, ножи двух типов с коротким плоским черешком, выраженным перекрестьем и перехватом, клинком листовидной формы с ребром и двулезвийные ножи с длинной выделенной рукоятью, с ассиметрично раскованной спинкой и лезвием. К этому же времени относятся находки абашевского гарнитура украшений (бляшки, подвески, пронизки, браслеты), а также часть головного женского убора – накосника, известного

преимущественно в андроновском мире. Стоит отметить отсутствие ножей с коротким плоским черешком, выраженным перекрестьем и перехватом, клинком листовидной формы с ребром (морфологически более поздних) в культурном слое Береговского II поселения. Что может свидетельствовать о более раннем возрасте Береговского II поселения по отношению к остальным бытовым памятникам микрорайона.

Находка металлической скобы на Береговском I поселении (рис. 20, б) (характерная черта керамики синташтинского типа) сближает его по времени с материалами Красногорского III курганного могильника (к.9) (где так же найден сосуд, отремонтированной с помощью скобы), что еще раз показывает разновременность наполнения могильных площадок погребальных памятников микрорайона.

Скотоводство. В настоящее время одним из перспективных направлений палеоэкономических построений, рассматривающих систему жизнеобеспечения, является реконструкция состава стада древних общностей. На основе анализа археозоологических данных с поселений абашевской, срубной и межовской культур эпохи бронзы Южного Приуралья (в том числе и с поселений Береговского микрорайона) предпринята попытка в установлении картины мясного потребления, приближенной к реальной с возможностью реконструкции состава стада. Основанием для выбора этой территории послужил тезис о том, что хозяйство племен эпохи бронзы, обитавших в одних природно-географических условиях, имеют общие особенности, заметно отличающиеся от степных [Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 57-58]. Отсутствие в выборке материалов с памятников сопредельных территорий, связано с отличием в типе животноводства у населения позднего бронзового века лесостепного Приуралья, Самарского Поволжья и степного Поволжья. Это может быть связано с различными экологическими условиями на обозначенных территориях в эпоху поздней бронзы [Косинцев, 2003. С. 136].

Палеозоологи отмечают ряд обстоятельств, которые затрудняют и делают необъективной реконструкцию состава стада хозяйственных видов животных. К

ним относится широко применяемый метод прямой экстраполяции процентного соотношения видов остеологической коллекции с памятника на состав древнего стада, который мог быть применен только при наличии двух факторов: полном «сохранении всех костей животных в культурном слое и уверенности в том, что все животные разводились, были забиты и съедены обитателями поселения» [Антипина, 2004. С. 17-24; 2006. С. 339]. Подобная ситуация возможна при наличии соответствующих условий археологизации костных остатков, автономности, изолированности поселка, натурального характера его хозяйства [Грушин, 2011. С. 411].

Установлено, что к началу раскопок памятника от костей, первоначально отложившихся в культурном слое, сохраняется от 20 до 80%. Подобная потеря информативности усложняет адекватную оценку состава древнего стада [Антипина, 2004. С. 17]. Учитывая приведенные выше сложности, в работе использован методический инструментарий, разработанный Е.Е. Антипиной [Антипина, 2004; 2006. С. 339-342].

Суть метода заключается в том, что отправной точкой отсчета становится остеологический спектр домашних животных, установленный по кухонным остаткам. Далее вводится переменная, которая позволяет оценить разницу весовых показателей у разных видов, составляющих стадо. За единицу принимается вес одной взрослой особи МРС (овцы/kozy) 40-50 кг. По зоотехническим оценкам КРС тяжелее овцы в 6 раз, лошади в 5,5 раз, свиньи в 1,5 раза. В отобранном для анализа материале определяем количество остатков каждого вида домашних животных. На этих данных выстраивается остеологический спектр. Полученный результат является количественным составом животных. Далее для оценки разницы весовых показателей вводится переменная, позволяющая определить долю каждого вида в объеме потребления мяса в условных единицах. Пересчет состава мясного потребления в условных единицах позволяет получить реальную картину мясного потребления и реконструкцию модели стада сельскохозяйственных животных и иерархию видов в нем [Антипина, 2004; 2006. С. 339-342].

Отсутствие палеозоологических определений с каждого памятника Береговского микрорайона и наличие только общей суммарной выборки, заставило нас обратиться к материалам синхронных поселений, имеющих необходимые для анализа данные. О несомненном наличии следов скотоводства на поселениях БАМР могут говорить материалы Береговского I поселения – использование строений в качестве жилищ, производственных площадок и овинов.

На данный момент в нашем распоряжении имеется 33 поселенческих памятника абашевской, срубной и межовской культур с остеологическими коллекциями, определенными до вида [Цалкин, 1970. С. 254; Горбунов, 1986. С. 56; 1989. С. 99; Морозов, 1987. С. 36-42; 1989. С. 41-54; 2008. С. 44-50; Обыденнов, 1991. С. 134-138; 1998. С. 95-98; Тюбяк..., 2001. С. 137-138; Косинцев, 2002. С. 73-77; Петренко, 2007. С. 58-61; Лыганов, 2011. С. 126-132].

В работе использованы памятники с выборкой костного материала в диапазоне от 300 до 500 определимых костей. Для этого применимы материалы с Мурадымовского, Аитовского и Чишминского поселений, из общей выборки только они имеют данные по возрастному составу. Так как, по мнению специалистов, именно это количество способно отразить реальное соотношение тех видов животных, которые активно использовались в хозяйстве конкретного поселения [Косинцев, Стефанов, Труфанов, 1989. С. 138-141; Антипина, 1997. С. 20-32; 1999. С. 103-116]. Памятники с меньшей выборкой представляются недостаточно достоверными для объективного отражения состава стада.

Проанализируем возрастной состав забитых домашних животных. Рассмотрим Мурадымовское поселение, т.к. показатели с двух других поселений схожи и различаются в несколько процентов. Возрастная структура КРС выглядит следующим образом. Животные до 2-х лет-16,5%, до 3,5 лет 26%, старше 4-х лет 57,5%. Довольно большой процент (57,5%) взрослых особей свидетельствует о существенной роли молочного направления. Такое количество забитых молодых особей (42,5%) говорит об устойчивом воспроизводстве вида и о мясном направлении животноводства. Следовательно, выделяется как

минимум две формы интенсивной прижизненной эксплуатации КРС – мясная и молочная. Данных, подтверждающих использования КРС в качестве тягловой силы, нет. Возрастной спектр МРС (до 1 года 40%, до 3,5 лет 20%, старше 4-х лет 40%) говорит о превалировании овчинно-шубного направления овцеводства, наличие животных старших возрастов – о мясном.

Таким образом, можно сделать вывод о мясошерстном направлении использования коз и овец в хозяйстве.

При анализе возрастной структуры лошади, выделяется 3 возрастных группы: до 2-3 лет 25%, до 5-7 лет 25%, старше 7 лет 50%. Большинство лошадей забивалось на мясо в возрасте от 5 до 7 лет и старше [Петренко, 2007. С. 35]. Наличие остатков лошадей с высотой в холке от 140-150 см (по индексу тонконогости-полутонконогих) может указывать на использование животных в качестве рабочих либо упряжных лошадей [Косинцев, 2010. С. 30-32]. Наиболее вероятны следующие формы эксплуатации лошадей – мясная, молочная и транспортная.

Свиньи разводились из-за высокой продуктивности и неприхотливости животных с целью получения мяса (57 определимых костных фрагментов или 0,4% от общего количества костей).

Полученные данные отличаются особой монолитностью. Как видно, иерархия видов выглядит следующим образом: КРС, лошадь, МРС, свинья. Эти данные несколько расходятся с мнением о составе стада у срубного населения Приуралья, приводимым А.Г. Петренко. Так она выделяет следующую иерархию видов: КРС, МРС, лошадь и свинья [Петренко, 2007. С. 36], полученную методом прямой экстраполяции процентного соотношения видов остеологической коллекции на состав древнего стада.

Обобщая полученные результаты, стоит отметить наличие у срубного населения лесостепной зоны Приуралья комплексного хозяйства с ведущей ролью скотоводства: разведение КРС для получения мяса, молока, шкур, выращивание МРС, удовлетворяющего потребности в мясе и овчине. Лошадь

применялась в транспортной сфере и как источник мяса и молока. Свинья же разводилась исключительно в целях получения мяса.

Информацию по возрастному составу стада с абашевских поселений может дать только абашевский слой поселения Тюбьяк (р.І; р.ІІІ уч.2; р.ІІІ; р.ІІІ уч.3, шт.4-7; р.ІІІ,уч.4 раскопки 1987-89 гг.) [Обыденнов, Горбунов, Муравкина и др., 2001. С. 137]. Судя по нему, возрастной состав КРС мог выглядеть следующим образом: животные до 6-ти месяцев 13%, от 6-ти месяцев до 1,5 года 14%, от 1,5 года до 2,5 лет 23%, старше 2,5 лет 50%. Возрастной состав указывает на мясомолочную направленность животноводства. Наличие костей МРС от 3 месяцев до 1 года 13,6%, от 1 года до 2 лет 45,4%, старше 2 лет 41%, говорит о мясошерстной направленности овцеводства. Говоря о лошадях нужно указать на отсутствие строгой возрастной шкалы (месяцы, года). Материалы представлены следующим образом: молодые животные – 13%, полувзрослые – 20%, взрослые – 61%, старые – 6%. Лошадь, так же как и у срубного населения, использовалась в качестве мясомолочного и тяглого животного. Свиноводство, судя по возрастному составу забитых животных, носило интенсивный мясной характер (391 кость или 10,4% от общего количества костей).

Переходя к иерархии видов в стаде абашевского населения, стоит отметить, что Береговское II и Баланбашское поселения по существу являются однослойными абашевскими памятниками [Горбунов, 1986. С. 56], на их материалах рельефно фиксируется квартет domesticiрованных видов – корова, свинья, овца, лошадь, составляющие в абашевской культуре пищевой базис и сохраняющие региональную социально-экономическую стабильность в пределах Башкирского Приуралья. Полученные выводы расходятся с мнением П.А. Косинцева, отмечающего следующий состав стада для абашевской культуры: КРС, МРС, свинья, лошадь [Косинцев, 2002. С. 74]. Это, по всей видимости, связано с использованием им данных со значительным влиянием скотоводческой модели раннесрубного населения.

Картина эволюционных трансформаций состава стада на раннем этапе абашевско-срубных взаимоотношений отчетливо видна на материалах поселений

Урняк, Тюбьяк, Береговское I где состав стада меняется, принимая в конечном итоге срубную модель (поселение Тюбьяк).

Межовских памятников, отвечающих требованиям используемой методики три: Юкаликулевское, Юмагузинское I, Казангуловское Нижнее поселения [Обыденнов, Шорин, Варов, Косинцев, 1994. С. 72-98]. Расхождения между данными с этих поселений незначительны, в качестве образца рассмотрим Юкаликулевское поселение, имеющее наибольшее количество определенных до вида костей.

Крупный рогатый скот: животных до 6 месяцев – 8%, с 6-8 месяцев – 23%, от 1,5 лет до 2,5 лет – 26%, старше 2,5 лет – 43%. Примерно одинаковое распределение забитых животных между молодыми (57%) и взрослыми особями (43%) может косвенно свидетельствовать о преобладании молочно-мясного скотоводства, не исключая преобладания мясомолочного направления на отдельных памятниках, где исходные данные несколько отличны (Казангуловское Нижнее поселение). Кости МРС представлены остатками следующих возрастных групп: 3 месяца-1 год 17%, 1-2 года 29%, более 2 лет 54%. Учитывая, что большая часть из забитых животных принадлежит взрослым особям, можно предположить шерстно-мясное применение этого вида.

Возрастной спектр лошади представлен молодыми (26%), полувзрослыми (13%), взрослыми (48%) и старыми (13%) животными. Наличие костей старых особей говорит об использовании лошадей в хозяйственной деятельности, в том числе и для получения молока. Высокая доля молодых животных указывает на мясную ориентацию коневодства.

Свиноводство носило интенсивный мясной характер, о чем свидетельствует преобладающее количество костей молодых особей от 6 месяцев до 2 лет (78%), с незначительной долей взрослых животных (22%), оставленных для воспроизведения потомства. Описанные особенности возрастного состава стада связаны, по всей видимости, с региональной особенностью расположения поселений в лесостепной зоне Приуралья.

Реконструируя иерархическую модель стада, необходимо отметить ее гибридный характер. Восстановленная последовательность (КРС, лошадь, свинья, МРС) несет в себе черты как абашевской, так и срубной моделей. По всей видимости, это связано с определенным влиянием на межовцев Приуралья срубного населения [Обыденнов, 1998. С. 46], в свою очередь имевшего контакты с позднеабашевским населением региона. Приводимая модель в целом согласуется с уже существующей: КРС, лошадь, МРС, свинья [Обыденнов, Варов, Косинцев, Шорин, 1994. С. 22].

Рассмотрим данные по памятникам со смешанным культурным слоем на примере поселения Тюбьяк, в котором костный материал стратифицирован по слоям: абашевско-срубный (р.Ш; р.Ш уч.3 шт.1, 2; р.І уч.1; р.Ш уч.2; р.Ш уч.5 раскопки 1986-1990 гг.); срубно-межовский (р.Ш уч.6; р.V; р.Ш уч.7; р.IV; р.VI раскопки 1982-1990 гг.). В абашевско-срубное время доминирует мясо-молочное направление в использовании КРС (более 71% животных забито в молодом возрасте). Постепенно в срубно-межовское время положение меняется. Разведение КРС начинает переориентироваться в молочно-мясное, увеличивается количество взрослых животных 35% в сравнении с 25% в абашевско-срубный период. Овцеводство со временем перепрофилируется с мясо-шерстного в абашевско-срубное время на шерстно-мясное в последующий срубно-межовский период. Состояние коневодства кардинально не меняется: лошадь все также остается полифункциональным животным. Свиноводство со временем становится более мясоориентированным, с увеличением доли забитых животных в молодом возрасте 71,4% в срубно-межовский отрезок времени в сравнении с 57,1% в абашевско-срубный этап. В иерархии видов для обоих периодов характерен следующий состав: КРС, лошадь, МРС, свинья. Данный факт говорит о ведущей роли срубной модели скотоводства (таблица 6).

В качестве выводов мы можем привести несколько тезисов, отражающих особенности скотоводческой модели населения эпохи бронзы БАМР:

1. В хозяйстве населения абашевской культуры лесостепного Приуралья, лошадь, так же как и у срубного населения, использовалась как мясомолочное и тягловое животное. Свиноводство, судя по возрастному составу забитых животных, носило интенсивный мясной характер. На материалах поселений рельефно фиксируется квартет domesticiрованных видов – корова, свинья, овца, лошадь (таблица 4).

2. Для срубной культуры характерно разведение КРС с целью получения мяса, молока, шкур. Выращивание МРС удовлетворяло потребности в мясе и овчине. Применение лошади осуществлялось в качестве тяглового животного и как поставщика мяса и молока. Состав стада отличается особой монолитностью: КРС, лошадь, МРС, свинья (таблица 3).

3. Возрастной состав КРС в стаде межовского населения может косвенно свидетельствовать о преобладании молочно-мясного скотоводства, не исключая преобладания мясомолочного направления на отдельных памятниках. Разведение МРС связано с шерстно-мясным применением этого вида.

Наличие костей старых особей лошади говорит об использовании этих животных в хозяйственной деятельности, в том числе и для получения молока. Высокая доля молодых животных указывает на мясную ориентацию коневодства. Реконструируя состав стада, его иерархическую модель, необходимо отметить ее гибридный характер. Восстановленная последовательность КРС, лошадь, свинья, МРС несет в себе черты как абашевской, так и срубной моделей (таблица 5).

Таким образом, стоит отметить главенствующую роль срубной модели скотоводства, начиная с абашевско-срубного этапа до срубно-межовского.

4. Исходя из состава стада, можно предположить стойлово-пастбищную систему скотоводства. В указанных условиях большую роль должны были играть древесные корма. Виды его заготовки могли быть разными. Сбор и вязка веников из веток березы, молодых осин, сухих листьев, которые сушились, перетирались в порошок и варились для скота [Белицер 1958. С. 55; Тароева, 1965. С. 28; Краснов, 1977. С. 124]. На это указывают и находки пластинчатых

серпов на поселениях микрорайона. Использование в этих целях серпов обуславливалось ведением комплексного животноводства, которое являлось основной отраслью жизнеобеспечения местного населения на протяжении всего бронзового века [Епимахов, 2012. С. 253-259].

Обработка камня. Анализируя каменные изделия с поселений Береговского микрорайона средствами геологии можно получить данные, недоступные археологам при использовании традиционных методов сравнительного анализа типологии предметов. Открываются новые возможности по установлению источников сырья, возможных путей и импульсов поступления каменного инвентаря, установлению радиуса освоенной территории, роли местных источников сырья в камнеобработке. С этой целью ведущим геологом УПП №9 В.В. Руслановым на основании литолого-петрографического анализа с использованием микроскопа с увеличением 200 крат были просмотрены образцы каменного материала с поселений эпохи бронзы БАМР, хранящихся в кабинете археологии БГПУ им. М. Акмуллы. Среди 18 образцов пест с Юмаковского-3, поселения и литейная форма с Юмаковского II поселения. Оставшиеся 16 образцов с Береговского I поселения из построек №5 и №6 следов использования не имеют, однако найдены они непосредственно в пределах жилищных котлованов и принесены были явно намерено, в силу чего не были удалены из выборки. По степени окатанности и близости к коренным выходам пород каменный материал был разделен на три группы (таблица 7).

Группа I. Изделия с явными следами использования в качестве производственных орудий, изготовленные из изверженных пород: диорита-глубинная магматическая порода, состоящая из плагиоклаза (андезина, реже олигоклаз-андезина) и одного или нескольких цветных минералов, чаще всего обыкновенной роговой обманки и андезита - эффузивного аналога диорита. Они образуют вместе с базальтом основную массу излившихся пород как в области современного, так и в области древнего вулканизма. Эти породы характерны для зоны палеовулканов в пределах территории Башкирского Зауралья, долгота городов Учалы-Сибай-Баймак. В группу входят пест и литейная форма.

Группа II. Двенадцать фрагментов речной полуокатаной гальки из речного аллювия, сложенного осадочными кварцевыми песчаниками. Весь материал представлен находками с построек №5 и №6 Береговского I поселения. Ближайшие источники добычи этой гальки каменистые пляжи р. Белой и р. Нугуш, находящиеся в 1,5 и 5 км от поселений.

Группа III. Четыре фрагмента породы, отобранных предположительно с одного обнажения. Обломки слагают единый осадочный ритм от тонкозернистых кварцевых песчаников через средне-крупнозернистых-грубозернистых до гравелитов из коренного обнажения. Ближайшие выходы расположены на расстоянии 3-4 км у отрогов гор.

Группа IV. Пять кусочков медьсодержащей руды с Юмаковского III поселения, обломки карбонатной жилы и кварцевых метасоматитов пропитанных солями меди, образовавшихся при разрушении первичных медных минералов в зоне гипергенеза (зона разрушения и преобразования горных пород). Визуальное содержание меди 2-3%. Скорее всего медь имеет зауральское происхождение.

Таким образом, материал, отнесенный к группам II и III интересен в первую очередь тем, что дает представление об установлении радиуса освоения ближайшей территории, связанной со сбором камня в хозяйственных нуждах, который в среднем составляет 3,5-4 км. Особый интерес представляют образцы групп I и IV, которые могут быть отнесены к маркерам дальних связей с населением Башкирского Зауралья. На территорию БАМР они попали видимо уже в виде готовых изделий (литейная форма и пест), то есть были принесены людьми, явно знакомыми с металлообработкой, поиском руды и обладающими первичными знаниями в поисках и добыче камня.

Изверженная порода, к которым относятся изделия группы I, менее подвержены сколам и не лопаются при нагреве. Такие камни имеют высокую огнеупорность (выдерживает до 1800°C) и высокую механическую прочность. Ближайшее Сангалыкское месторождение диорита находится в Учалинском районе Республики Башкортостан. Выходы диорита и андезита распространены

и на севере Присакмаро-Вознесенской и Западно-Магнитогорской зоне, в районе г. Аратау и г. Акмантау (современный Учалинский район) [Белова и др. 2010. С. 39-64. Рис. 7]. Есть они и в районе рудника Бакр-Тау в Баймакском районе Республики Башкортостан [Абдрахманов, 2005. С. 267].

Анализ руды с Юмаковского III поселения показал, что это хризоколла метасоматит, серицит кварцевый, пропитанный солями гидрокарбоната меди. Данная руда, по всей видимости, принесена с зоны гипергенеза медного месторождения, вероятнее всего с территории Башкирского Зауралья.

Попадание этих изделий и руды на территорию Береговского микрорайона может быть связано с инкорпорированием в местную среду группы профессиональных литейщиков (кузнецов), пришедших с Зауралья и знакомых с металлообработкой [Русланов Е., Русланов В., 2014. С. 152-156]. Возможно, импульс мог исходить и с территории Каргалинского горно-металлургического центра, который «...служил основным источником медной руды и выплавленной из нее меди для ряда групп населения бронзового века, обитавшего на Южном Урале...» [Черных, 2007]. Эти контакты, на первом этапе, могли быть связаны с абашевско-синташтинским взаимодействием [Епимахов, Чуев, 2011], а позднее импульс мог исходить из смешанной срубно-алакульской зоны.

В.С. Горбунов, рассматривая синташтинские памятники как вариант абашевской уральской культуры, указывает на то, что Тюбьяк и Береговские I и II поселения созданы «вблизи выходов рудных тел», а хозяйство их составляло «бесстойловое скотоводство и развитая металлургия» [Горбунов, 1992. С. 197].

В то же время, по мнению Н.Б. Виноградова, к участию в формировании синташтинского транскультурного феномена сообщества кланов горняков — кузнецов — металлургов — литейщиков могли быть причастны абашевские популяции [Виноградов, 2017. С. 38-47]. Таким образом, можно сделать вывод о появлении крупных абашевских поселений (центральных памятников Береговского и Тюбьякского микрорайонов) вблизи меднорудных выходов и тесном взаимоотношении между металлургическими «кланами» абашевских и формирующихся синташтинских популяций, в русле образования своеобразного

транскультурного феномена (по Н.Б. Виноградову), известного в археологии под названием памятников синташтинского типа.

Таким образом, археологические остатки жизнедеятельности населения микрорайона эпохи бронзы (костные останки животных, следы металлургии, различные каменные и металлические орудия труда) иллюстрируют процесс развитых адаптивных возможностей коллективов, которые, по всей видимости, чутко реагировали на изменение природной обстановки, что, в свою очередь, рельефно отразилось в динамике численности населения.

3.3. Береговский археологический микрорайон в раннем железном веке

Эпоха раннего железа представлена впускным погребением в к.3 Береговского I могильника, крупным Дербеневским курганным могильником позднесарматского времени и Камбулатовским курганным могильником, состоящим из двух исследованных насыпей. Также к этому временному периоду относятся случайные находки мечей и кинжалов, наконечников стрел, обнаруженных в границах микрорайона в разное время.

Береговский I курганный могильник, курган №3, погребение 2 (рис. 144 – 146). Размеры могильной ямы 2x0,65 м, глубина 0,51 м. Могила раннего железного века оказалась полностью в пределах могильной ямы основного захоронения эпохи бронзы. Западная часть ямы более широкая, чем восточная. У северной ее стены на дне лежало расколотое на части круглое бронзовое зеркало с отбитой ручкой (рис. 146, 1), положенной поверх зеркала. Рядом с зеркалом находился маленький глиняный сосудик и несколько стеклянных бусин желтого цвета (рис. 146, 3). От костяка сохранились фрагменты костей ног. Рядом с ними в самом конце могилы стоял большой орнаментированный грушевидный сосуд с трубчатым носиком-сливом и уплощенным дном, с примесью талька. Орнамент состоит из горизонтальных рядов треугольных ямок и боковых вдавлений, двух рядов «елочки» (рис. 146, 2). Сосуд и вещи из впускного погребения относятся к

раннесарматским (прохоровским) древностям [Горбунов, Иванов, 1992а. С. 99-109; Котов, Савельев, 2002. С. 124-147].

Н.С. Савельев, опираясь на материалы могильника, говорит о проникновении зауральских кочевников на рубеже V-IV вв. до н.э. в предгорья Южного Приуралья, а также о частичном освоении края горнолесной зоны [Савельев, 2006. С. 37. Прим. 41; Савельев, 2017. С. 114-129. Рис. 1].

В нескольких километрах к востоку от д. Юмаково расположен один из самых крупных некрополей позднесарматского времени на правом берегу р. Белой – *Дербеневский курганный могильник*. По мнению автора раскопок А.Х. Пшеничнюка погребальный обряд и вещевой материал позволяют датировать могильник II-III вв. н.э. и отнести к позднесарматской культуре. Однако автор отмечает некоторые отличия от классических позднесарматских погребений Урала и Поволжья. Они прослеживаются в форме глиняной посуды, некоторых деталях погребального обряда [Пшеничнюк, 1983. С. 16; 1992. С. 67-85].

Датировка могильника, предложенная Анатолием Харитоновичем, подтвердилась позднее В.Ю. Малашевым. Исходя из хронологии памятников позднесарматской культуры, основанной на сочетании фибул с другими категориями погребального инвентаря, им были выделены три группы взаимосвязанных комплексов. Первая группа датируется в рамках 2-й половины II – начала III в. н.э., вторая группа – 1-й половиной – серединой III в. н.э., третья группа – серединой – 2-й половиной III в. н.э. Материалы Дербеневского могильника рассматриваются им в рамках 2 и 3 групп. В частности к 1-й половине – середине III в. н.э. относится курган 31 (рис. 261, 262); погребальный инвентарь курганов 7, 9, 10 (рис. 221-223; 225-229) находит аналогии в материалах III в. н.э., т.е. входит в группы 2 и 3; курганы 17 и 20 (рис. 238-240; 245-247) датируются серединой – 2-й половиной III в. н.э. [Малашев, 2013. С. 98-99; 2014. С.130-140]. Как считает В.Ю. Малашев, найденные в погребениях фибулы, связаны своим происхождением с западными территориями

европейской лесостепи, точнее с ареалом распространения черняховской культуры [Малашев, 2013. С. 98-99].

Этим же временем фибулы датируются И.Э. Любчанским и Д.В. Денисовой [Любчанский, Денисова, 2014. С. 124-129]. С.А. Перевозчикова относит калачиковидные серьги Дербеневского могильника [Сунгатов, Султанова, 2017. С. 36-44] ко 2 типу и датирует его концом III в. н.э. [Перевозчикова, 2009. С. 7-12].

А.Х. Пшеничнюк считал, что позднесарматские памятники, такие как Дербеневский, Салиховский, Ахмеровский II оставлены населением, переселившимся на правобережье р.Белой из-за неблагоприятной экологической обстановки.

Для погребального обряда этих могильников характерно отсутствие огненного ритуала (за исключением кургана №32 Дербеневского могильника, исследованного В.С. Горбуновым), подбоев, предметов вооружения и конского снаряжения в погребальном инвентаре. Посуда этих могильников представлена низкими горшками с широким туловом и горлом. В погребальном инвентаре встречаются сьюльгамы, поясные накладки, гривны, бронзовые фигурки уток, браслеты.

По мнению С.А. Трибунского и Г.И. Матвеевой, население, оставившее эти могильники, отличалось от синхронных позднесарматских групп урало-казахстанских степей. Вероятно, оно было оседлым. Как считают авторы, погребальная обрядность (небольшие размеры могильников, отсутствие оружия и конского снаряжения в погребениях, редко встречающаяся деформация черепа, редко встречающиеся подбои), а также керамический комплекс этих могильников находит параллели в черняховской и вельбаркской культурах.

Исследователи приходят к выводу о том, что население, которому принадлежали эти могильники, было позднесарматским, близко контактировавшим со средой, из которой в последствии образовалась черняховская культура и которое переселилось в Башкирию в середине III в. под влиянием готов, вместе с общим потоком переселения сарматов на восток из

причерноморских и волго-донских степей [Трибунский, 2003. С. 18; Матвеева, Трибунский, 2000. С. 288-290].

На близких позициях, основанных на миграционной природе появления сарматского населения, оставившего памятники салиховского типа (Салиховский, Ахмеровский II и Дербеневский могильники), находится и В.Ю. Малашев. Сильный культурный импульс, по словам исследователя, мог исходить из Центральной Европы и Прибалтики [Малашев, 2014. С. 130-140]. Как считает автор, могильники Салихово, Ахмерово II, Дербенево оставлены частью позднесарматского населения, продвинувшегося в лесостепные районы и вступившего в контакт с местными племенами [Малашев, 2009. С. 47-52].

В дальнейшем мигранты, оставившие памятники салиховского типа, могли принять активное участие в сложении турбаслинской культуры, о чем пишет Ф.А. Сунгатов: «Установленное сходство формы очень низких и низких плоскодонных (турбаслинских) сосудов с керамикой Дербеневских, Ахмеровских и Салиховских курганов свидетельствует о ее местных корнях. Другие же типы плоскодонной и круглодонной посуды и кувшины появились в результате различных контактов и взаимодействия с населением степей Южного Урала и Нижнего Поволжья» [Сунгатов, 1998. С. 108].

К этому же хронологическому периоду можно отнести материалы *Камбулатовского курганного могильника*. Первоначально, опираясь на наличие пряжек в кургане №1, авторы раскопок датировали найденные погребения I тыс. н.э. (рис. 269, 2-5) [Иванов, Горбунов, Васильев, 1983. С. 23-25; Горбунов, Иванов, 1992а. С. 99-109]. Тем не менее, на наш взгляд, датировку могильника опираясь на современные разработки и консультацию И.О. Гавртиухина (с.н.с. ИА РАН) можно уточнить.

Так, округлая пряжка с массивным язычком, охватывающим рамку почти на всю ее высоту (рис. 269, 3), формально относится к типу 11 по В.Ю. Малашеву, датированному не ранее середины IV в., а в основном с 370/380 гг. [Малашев, 2000. С. 196, 203-205]. То, что язычок охватывает практически всю высоту рамки, сближает ее с экземплярами, датируемыми гуннским

временем, т.е. 4-й четвертью IV – серединой V в. [Малашев и др., 2015. С. 99-100; Gavritukhin, 2018. P. 49-50]. Торчащий вперед, а не прижатый к рамке, язычок напоминает т.н. хоботковые пряжки, всеми специалистами относимые к гуннскому и более позднему времени. Правда, этот признак выражен не ярко, тем не менее, даже таких экземпляров нет в Тураевских курганах, для которых всеми современными специалистами принимается дата 4-я четверть IV в. Нет их и в других памятниках Волго-Уралья, датируемых не позднее 4 в. Рамка пряжки с довольно массивным утолщением в передней части может относиться к типам П9, П10, П11 по В.Ю. Малашеву, датированным не ранее финала 3, а в основном с 4 в. [Малашев, 2000. С. 196, 201-207, 209].

Для датировки трапецевидной пряжки с волнистым краем показательно то, что она полая (рис. 269, 5). В Волго-Уральском регионе полые пряжки бытуют с постгуннского (т.н. Шиповского) времени. В Центральной Европе пряжки с полыми рамками и рифлеными В-образными рамками, напоминающие рассматриваемую, распространяются со ступени D2/D3, т.е. с 430-х гг. [Tejral, 1997. S. 341-342, 351; Abb. 29: 13-14]. Для Волго-Уралья такие пряжки необычны и этот камбулатовский образец является привозным или (менее вероятно) единичным изделием по импортным образцам.

В-образные пряжки прямоугольного сечения в бассейне р. Белой известны в поздних комплексах кара-абызской и мазунинской (раннебахмутинской) культур, но бытуют они, судя по материалам Бирского могильника, и в постгуннское время. Т.е. датировка этой пряжки (рис. 269, 2) не уточняет дату комплекса из Камбулатово по другим находкам, но и не противоречит ей. По сочетанию дат рассмотренных пряжек, комплекс из Камбулатово может быть датирован около середины V в.

Наличие оружия в погребениях, и, возможно, престижных вещей (серебряные пряжки), позволяют отнести эти погребения к родовой элите. Нахождение сосуда имендяшевского типа, при хронологическом смыкании

дербеневских и камбулатовских погребений, позволяет предположить связь между позднесарматским и имендяшевским населением, что подтверждает мысль С.М. Васюткина о синтезе пришлого сарматского и местного имендяшевского населения, что привело к появлению миксовых могильников салиховского типа [Васюткин, 1986. С. 180-197].

В.В. Овсянников считает, что взаимоотношения между пришлым и местным населением носило мирный характер и выражалось в виде ксении – типе контактов, при котором один этнос - «гость», вкрапление в теле другого, живёт изолированно, не нарушая этнической системы «хозяина» [Овсянников, 2009. С. 144-156].

Возможно, что это смешанное население, носители плоскодонной горшковидной посуды в основном не орнаментированной или с орнаментом в виде защипов по губе, с течением времени оставило памятники так называемого романовского типа. Судя по материалам Салиховского могильника [Васюткин, 1986. Рис. 8, 4, 7, 9; 9, 1-3], погребальная керамика этого некрополя находит аналогии в романовских материалах селища Романовка и городища Уфа-II [Матвеева, Никитина, 2015. С. 52-77; Никитина, 2015. С. 160-164; Русланов, Шамсутдинов, Романов, 2016. Рис. 69, 1-2; 141, 1, 7; 130, 1-6; 119, 1-15]. На городище Уфа-II романовская керамика залегает в одном слое с имендяшевской.

По всей видимости, к памятникам эпохи РЖВ стоит отнести и *Юмаковский V* одиночный курган. Диаметр кургана 20 м, высота 2,5 м, в центре грабительская воронка. Размеры кургана соответствуют насыпям эпохи раннего железа.

Кроме курганных могильников, изученных в пределах микрорайона, к раннему железному веку относятся и единичные находки в культурном слое Береговских I и II поселений.

При изучении Береговского I поселения в 1954 г. был обнаружен железный нож сарматского типа, на площадке Береговского II поселения в этом же году выявлена железная стрела позднесарматского типа с черенком и тремя шипами (оба изделия не сохранились, прорисовки в отчете отсутствуют)

[Викторов, 1954. С. 18-19, 37]. В 1983 г. у хут. Красногрский были обнаружены два железных меча: первый с навершием серповидной формы, относится к прохоровскому времени и датируется IV-II вв. до н.э. Второй клинок среднесарматского времени с кольцевым навершием датируется не ранее II в. до н.э. (рис. 211) [Обыденнов, Савельев, 1994. С. 100-115; Савельев, 2016. С. 241-253].

Таким образом, по имеющимся данным можно сделать вывод, о том, что кочевое население раннего железного века впервые появляется на территории микрорайона в IV в. до н.э. и периодически посещает его вплоть до IV в. н.э.

Что касается раннесарматского времени, то здесь стоит привести мнение Н.С. Савельева, который считает, что «...кочевники Приуралья, вероятно в качестве летовочных территорий, плотно осваивают полосу предгорий в районе выхода рек Белая и Нугуш из гор. Об этом свидетельствует большое количество находок мечей и кинжалов позднесарматских, ранне- и среднесарматских типов. Своего пика этот процесс достиг в III-II веках до н.э., когда приуральские кочевники не только максимально освоили предгорья, но и начали осваивать горные районы» [Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 201]. Этим может объясняться отсутствие большого количества памятников раннесарматского времени, т.к. для кочевников этого периода территория микрорайона могла быть кочевой волостью, для которой характерно малое количество курганов, а также находки мечей и кинжалов [Савельев, 2016. С. 241-253].

В позднесарматское время территория микрорайона осваивается плотнее, о чем говорят такие крупные могильники как Дербеневский, насчитывающий более 100 насыпей. Причины появления в Приуралье позднесарматского населения, возможно, связаны с изменением климата (засухой), что подтверждается разрезом Климовка II [Еремеев, 2003. С. 76-78; Демкин, Ельцов, Демкина и др., 2013. С. 966-970; Демкин, Демкина, Хомутова и др., 2013. С. 126-142].

Поселенческие памятники позднесарматского времени выявлены в 20-30 км к востоку от микрорайона в верховьях рек Белой и Нугуша (стоянки

Афанасьевская, Сергеевка-1 и 4, Усть-Акаваз-1, Ташмуруновский грот, селище Хлебодаровка 2 и др.), в схожих природно-географических условиях [Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 44, 64-69, 187. Рис. 1.36]. На этих памятниках выявлена керамика, аналогичная материалам из Дербеневских, Салиховских и Ахмеровских II курганов. Отсутствие поселенческих памятников, возможно, связано со слабой изученностью восточной части микрорайона (предгорий, долин небольших рек Зирганка, Алмала, Бурлук), обследование которых открывает новые перспективы в исследовании микрорайона.

3.4. Береговский АМР в эпоху средневековья

С эпохой раннего средневековья связаны кушнаренковские погребения из Береговского II одиночного кургана и Красногорского II курганного могильника [Горбунов, 1981. С. 21-23]. Среди инвентаря первого памятника обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковской культуры (рис. 274, б), бронзовые детали поясной гарнитуры: пряжки (рис. 274, 3, 4), ременные накладки (рис. 274, 1, 2), железные удила (рис. 274, 5) и нож.

В восточном секторе кургана №1 *Красногорского II курганного могильника* найден бронзовый колокольчик (рис. 275, 7), железные удила, согнутые углом и торчавшие этим углом вверх из земли (рис. 275, б). В погребении найдены развалы сосудов кушнаренковской культуры (поверх одного была положена нижняя челюсть погребенного) (рис. 275, 9), 10 бусин синего и желтого цвета, поясные бронзовые геральдические накладки (рис. 275, 2, 3), каплевидная подвеска с отверстием в верхней части (рис. 275, 5).

На основании расположения в могиле черепа и сосуда, лежащего рядом с ним, можно предположить, что умерший был погребен головой на северо-запад. В.С. Горбунов, предполагал, что могила не была ограблена в древности, а все вещи, найденные в насыпи были уложены над только что засыпанной могилой до сооружения кургана [Горбунов, 1975. С. 3-6]. Однако, характер расположения костей погребенного в хаотичном и неанатомическом порядке, нижняя челюсть,

уложенная поверх сосуда, а также наличие вещей чаще всего встречаемых внутри могилы, и, что самое важное наличие углей и обожженной гальки как внутри могилы, так и в насыпи, указывает на некий интрамуральный обряд погребения, связанный с проникновением в могильную яму, вероятно уже после разложения мягких тканей.

В кургане №2 была обнаружена бронзовая поясная накладка с двумя шпеньками с внутренней стороны (рис. 275, 1), железные удила (рис. 275, б), обломки тонкостенного сосуда серого цвета (рис. 275, 10-15), кость конечности крупного животного (лошади?) [Горбунов, 1975. С. 3-8].

Кушнаренковская керамика, подобная найденной в погребениях обоих могильников, была выявлена в частности на городище Уфа-II, поселении Бачки-Тау, Бирском и Старо-Янзигитовском могильниках [Мажитов, 1968. Табл. 26; Иванов, 1974. С. 231-234. Рис. 2; 3; Мажитов, 1977. Табл. XVII, XVIII; Русланов, Шамсутдинов, Романов, 2016. Рис. 7, 22-23; 8, 1; 27, 1-2; 28, 4; 68, 11; 100, 11]. Встречена она также в 30 – 40 км северо-восточнее Береговского микрорайона (в горно-лесной зоне Южного Урала, где, в том числе В.Д. Викторовой, было доисследовано Иткучуковское погребение на правом берегу Белой, которое также может быть отнесено к кушнаренковским древностям [Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 70-75, 186. Рис. 2.214].

Некоторые разногласия возникли в датировке памятников. В.С. Горбунов, используя разработки В.Б. Ковалевской, А.К. Амброза, В.Ф. Генинга, датировал материалы курганов (Т-образную бляшку и геральдические накладки, В-образные и прямоугольные пряжки) в пределах второй половины VI-VII вв. н.э. [Ковалевская, 1972, Рис. 8. С. 106; Генинг, 1979. С. 100-101; Амброз, 1980. С. 17; Горбунов, 1984. С. 55-60. Рис. 1, 2]. Н.А. Мажитов датировал Красногорский II могильник VIII в. н.э. [Мажитов, 1977. С. 27].

Для уточнения и корректировки хронологии вещевого инвентаря обоих могильников рассмотрим полученный материал, используя современные хронологические построения.

И.О. Гавритухин и А.М. Обломский в своей монографии относят Т-образные бляшки с рогатой пластиной с двумя сквозными отверстиями из Красногорского II могильника к типу 2, варианта 2а. Аналогии им представлены в материалах Сынтыштамакского могильника [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 26]. Авторы датируют их второй четвертью и серединой VII в. н.э. [Там же. С. 93].

Четырехлепестковая прямоугольная в поперечном сечении накладка, с 4 сквозными отверстиями, крепилась при помощи одного штифта. Аналогии – Бирский могильник (п.2, 17), Новиковские погребения [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273. Рис. 89]. На территории Среднего Поволжья подобные изделия датируются 2 половиной VI-VII в. н.э. (зиновьевский этап) [Богачев, 1992. С. 154. Рис. 28]. В Прикамье накладка синхронна вещам бартымской стадии (VI-VII вв. н.э.) неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. С. 164. Табл. LXVII; Останина, Канунникова, Степанов и др., 2011. С. 171. Рис. 4].

Схожая накладка сердцеобразной формы, с двумя сквозными отверстиями, крепившаяся при помощи одного штифта, обнаружена в п. 21 Кушнаренокского курганного могильника [Акимова, Генинг, 1959; Генинг, 1977. С. 90-135; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273].

Двурогая двухчастная накладка с округленным окончанием из Береговского II могильника имеет аналогии в Манякском (п.21), Кушнаренокском (п.17), Новиковском могильниках [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273. Рис. 89]. На территории Среднего Поволжья подобные накладки датируются 2 половиной VI-VII вв. н.э. (зиновьевский этап), в Прикамье VII в. н.э. [Богачев, 1992 С. 154. Рис. 28; Останина, Канунникова, Степанов и др., 2011. С. 173. Рис. 6].

Бесщитковая пряжка с В-образной рамкой из многогранного в поперечном сечении дрота; с ложем для язычка, далеко заходящим за внешний край рамки имеет аналогии в Кушнаренокском и Зиновьевском могильниках [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273. Рис. 89]. В Прикамье она синхронна

вещам бартымской стадии (VI-VII вв. н.э.) неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. С. 164. Табл. LXVIII].

Литая прямоугольнорамчатая пряжка с небольшим прямоугольным щитком, с прямым язычком, чуть выходящим за внешний край рамки, аналогичная пряжке, найденной в Манякском могильнике [Мажитов, 1981].

Таким образом, используя новые данные и опираясь на находку Т-образной накладки, появилась возможность скорректировать и уточнить время сооружения курганов в пределах второй четверти - середины VII в. н.э. Сопутствующий материал лишь подтверждает ранее высказанное мнение об отнесении этих памятников ко второй половине VI-VII вв. н.э., но никак не к VIII в.. Следовательно, время появления кушнаренковского населения в пределах Береговского археологического микрорайона также относится к VII в. н.э.

Резюмируя, отметим, что в эпоху раннего средневековья территория Береговского археологического микрорайона была занята носителями кушнаренковской культуры, ближайшие синхронные материалы (караякуповской и бакальской культур) выявлены в 30 – 40 км восточнее рассматриваемого микрорайона, в предгорной и горно-лесной зонах Южноуральского горного массива. Вероятно, это связано с освоением юго-западной части Уральской горной страны в эпоху раннего средневековья с двух направлений. Из приуральской лесостепи по речным долинам спорадически проникало немногочисленное население, оставившее в предгорных районах памятники кушнаренковской культуры (Береговский II курган, Красногорский II курганный могильник, Иткучуковское погребение). Из Зауралья, по долинам крупных и малых рек, проникало караякуповское и бакальское население, использовавшее эту экологическую нишу в качестве охотничьих угодий [Савельев, Котов, Овсянников и др., 2018. С. 70-73]. На территории Береговского микрорайона эти древности пока не известны.

С эпохой позднего средневековья на территории Береговского археологического микрорайона связаны материалы Береговского III селища (XIV в.) и погребение под насыпью кургана 26 Дербеневского курганного могильника.

На поверхности *Береговского III селища* встречены куски прокаленной глиняной обмазки и обломки железного котла [Викторов, 1953].

В виду отсутствия датирующего материала на селище, затруднительно определить период существования памятника. Тем не менее, вблизи от него, в окрестностях г. Стерлитамака, а также у южной излучины р.Белой, расположен ряд поселенческих памятников (селища Канькаево II, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II), культурный слой которых очень беден находками, но на них также встречена глиняная обмазка. В.Д. Викторова относит эти селища, наряду с Береговским III, к так называемому «ишкуловскому» типу памятников, отмечая их синхронность селищу Береково, которое находится в Мелеузовском районе и по поливной керамике желтого цвета датируется XIII–XIV вв. [Викторова, 1962. С. 172, 163, 166]. Ишкуловское селище, находящееся в Абзелиловском районе, определяется как место башкирской кочевки XIV–XV вв.⁴ [Викторова, 1962. С. 172]. М.Ф. Обыденнов из поселенческих памятников Мелеузовского района называет еще Басурмановское, Бельское II и III, Хасановское I, Апасевское селища и относит их, как и те, что были известны раньше, к периоду XIII–XV вв. [Обыденнов, 1997. С. 108].

По всей видимости, все перечисленные селища, в том числе и Береговское III, относятся к остаткам летовок (летних стоянок) кочевых групп в предгорных и горных районах Южного Урала. Именно в район южной излучины Белой продвигались, согласно Р.Г. Кузееву, переселявшиеся на Южный Урал в XIII–XIV вв. племена бурзян, усерган и тангаур. Их основные районы кочевок в это время находились в бассейнах рек Белой, Нугуша, Ашкадара, Касмарки, Большого Ика, Большого Юшатыря, Салмышы, Сакмары до правого берега р. Урал. В северной части этого ареала находятся синхронные им погребения Сыртлановского могильника и поселения Мелеузовского района (в том числе и Береговское III селище) [Антонов, 2015. С. 99. Карта 4].

---

⁴ На селище заметны округлые впадины глубиной 10–30 см и диаметром 3–6 м. Это следы легких жилищ типа юрт [Викторова, 1962. С. 163, 170, 172; АКБ, 1976. С. 200].

Таким образом, по аналогиям с другими памятниками Береговское III селище датируется в пределах XIII–XV вв.

К погребениям развитого средневековья, на наш взгляд, можно отнести курган №26 *Дербеневского могильника* (рис. 257, 258). Внешне насыпь его ничем не отличается от остальных курганов могильника: хорошо задернован, диаметр 6,5 м, высота 20 см. Погребение обнаружено не в центре, а восточной поле кургана. Могила очень мелкая, врезана в материк всего на 5 см, размеры могильной ямы 2,3х0,75 м. Плохо сохранившийся костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад, левая рука на крестце. Вещей не обнаружено. А.Х. Пшеничнюк предположил, что погребение относится к позднему времени [Пшеничнюк, 1983. С. 11; 1992. С. 67-85].

Общий контекст погребения (ориентировка в западный сектор, расположение костяка у поверхности, отсутствие сопроводительного инвентаря) находит аналогии среди материалов земляных курганов лесостепного Приуралья, с заметным влиянием мусульманского погребального обряда. Ближайшим памятником, содержащим аналогичное по обряду захоронение, является Сыртлановский могильник в Мелеузовском районе. Погребение 7 кургана 1 располагалось близко к поверхности. Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещевой материал отсутствовал. М.Ф. Обыденнов отнес это погребение к середине II тыс. н. э. и отметил влияние мусульманского погребального обряда [Обыденнов, 1997. С. 47, 110].

Г.Н. Гарустович, обобщая материалы археологических раскопок, пишет, что погребения XII в. не имеют мусульманских черт, а в могильниках конца XIII в. присутствуют как языческие, так и раннемусульманские захоронения. В XIV в. языческие элементы встречаются уже как пережитки, а абсолютное большинство погребений совершено по мусульманскому обряду (могильники Такталачукский, Азметьевский I, Дербешкинский, Кара-Яр, Новотроицкий, Шах-Тау). С середины XV в. мусульманские погребения, характерные для степной полосы Южно-Уральского региона, распространяются к северу и занимают лесостепные районы. По мнению Г.Н. Гарустовича, именно тогда у башкир сформировался

сохранившийся до наших дней ортодоксальный мусульманский обряд захоронения [Гарустович, 1991. С. 26-27].

Следовательно, датировать погребение кургана №26 стоит в рамках XIV-XV вв. Этому не противоречат и хронологические рамки существования Береговского III селища, определяемые в границах XIII–XV вв., так как, по всей видимости, погребенный мог быть представителем группы населения, оставившей это селище.

Материалы памятников БАМР демонстрирует, что в эпоху Золотой Орды территория микрорайона была слабозаселенной. Это может быть связано как с общим процессом начального этапа проникновения населения в непривычную для кочевников горнолесную зону Башкирского Урала и с началом освоения этой экологической ниши, так и с вековыми колебаниями климата, что напрямую влияло на адаптивные возможности человеческих коллективов.

3.5. Палеодемографическая оценка численности населения Береговского археологического микрорайона

Важную роль в восприятии археологической культуры, кроме информации, полученной в процессе исследования конкретных археологических объектов, выявления ареала распространения поселенческих и погребальных памятников, фиксирования их характерных черт, создания типологий и классификаций массового и индивидуального материала, а также определения характера общественных отношений и выявления генезиса культуры, играют сведения о численности изучаемого социума. Они не всегда исторически корректны, а скорее даже сомнительны, но количественные показатели, полученные с помощью методов палеодемографии пусть и спорные, дают возможность приблизиться к пониманию общих закономерностей развития народонаселения на ранних этапах истории общества, а также позволяют судить о динамике его численности. Результаты расчетов дают общие представления о возможностях и уровне развития производительных сил. Говоря иначе, без

данных о народонаселении и общественном устройстве палеообщества освещение вопросов хозяйства лишено всякой конкретности.

Палеодемография открывает перед исследователями заманчивые перспективы реконструкции, как численности народонаселения, так и социально-экономических процессов, происходивших на различных стадиях истории. Опираясь на данные археологии, антропологии, этнографии, сведения письменных источников, палеодемография выводит исследователя на более новый, качественно новый уровень восприятия исторических процессов, происходивших внутри микро и макроструктур древних обществ, как в замкнутых экосистемах (микрорайонах) так и на широких пространствах (ареалах КИО).

Перейдем к конкретике, характеристика функциональной принадлежности помещений с определением площади, занятой хозяйственно-бытовыми конструкциями (очаги, хозяйственные ямы и т.д.) играет немаловажную роль, так как при расчете средней площади жилого пространства, приходящейся на одного человека, необходимо использовать не всю площадь жилища, а лишь полезную площадь пола, свободную от хозяйственно-бытовых конструкций. Полезная площадь пола в постройке, свободная от очагов, хозяйственных ям, пространства занятого нарами составила 161,96 кв. м. [Русланов, 2012. С. 92-96].

Исследователи, занимающиеся вопросами палеодемографии эпохи бронзы, высказывают различные предположения относительно величины нормы площади жилища, приходящуюся на одного человека: 2,8-5 кв.м [Хлобыстин, 1976. С. 46], 2-3,5 кв.м [Пряхин, 1976. С. 46; Пряхин, 1993. С. 71], 3 кв. м [Матющенко, 1974. С. 108-112], 4 кв.м [Зах, 1995. С. 73; Обыдённов, 1997. С. 202; Сергеева, 2006. С. 15; Петров, 2009. С. 7; Матвеев, Аношко, 2009. С. 218; Обыдённов, Домрачева, 2010. С. 92], 4-5 кв.м [Матвеев, 1995. С. 25-41], 4-6 кв.м [Ковалева, Штандлер, 1989. С. 153-165 Ковалева, 1997. С. 131], 5,5 кв.м [Евдокимов, 1984. С. 17], 6,5-7 кв.м [Козынцева, 1998. С. 184-195], 8,4-9 кв.м [Березанская, 1974. С. 149], 10 кв.м [Березанская, 1990. С. 92].

Используя некоторые методы палеодемографической реконструкции, попытаемся оценить численности «абашевского» и «срубного» коллективов, оставивших Береговское I поселение. Выбор именно этого поселенческого памятника для палеодемографической реконструкции обусловлен проведенными на нем широкомасштабными раскопками с изучением всех построек, соотносимых авторами исследований с абашевской и срубной культурами, а также тем, что данное поселение является самым крупным поселенческим объектом эпохи бронзы БАМР. Абашевский поселок, имея размеры 30x80 м, занимал южную часть памятника. В результате раскопок выявлены следы 4 котлованов [Пряхин, 1976. С. 88-92; Горбунов, 1986. С. 24]. Первые три, соединяясь между собой, образуют постройку №4 (по сквозной нумерации всех строений поселения). Четвертый котлован, связанный с этой постройкой, находится чуть в стороне.

При палеодемографических расчетах по материалам Береговского I поселения уместно использовать усредненную цифру в 3 кв.м, так как в приведенных аналогиях данный показатель существенным образом не отличается как от этнографических показателей, так и от наиболее используемой археологами нормы в 4 кв.м.

Палеодемографические расчеты будут проведены по общепринятой формуле:

$$A=B/C$$

в которой А – количество одновременно проживающих людей, В – полезная площадь жилой части постройки, свободной от хозяйственных ям, колодцев, очагов и т.д. С – число кв.м жилища, приходящихся на долю одного жителя. Подставляя полученные значения в формулу, определяем $A=161,96/3=53,9$ человек.

Полученная цифра отличается от данных, приводимых А.Д. Пряхиным по Шиловскому поселению, население которого составляло 120-130 человек [Пряхин, 1976. С. 46]. Отличается она и от данных, полученных М.Ф. Обьдённовым. Им определено, что численность населения памятника в

абашевское время составляла 110-140 человек [Обыденнов, Домрачева, 2010]. Разница в полученных результатах может объясняться тем, что упомянутые авторы в своих расчетах использовали всю площадь построек без выделения жилых и хозяйственно-бытовых их частей и без установления полезной площади жилой части постройки, свободной от очагов и хозяйственных ям.

Таким образом, в абашевское время численность населения Береговского I поселения могла составлять 54 человека.

По той же схеме проведем вычисления для срубного периода существования поселка.

Из всех исследованных построек, относимых авторами раскопок к срубному времени, в работе будут учитываться только те, в пространстве которых изучены теплотехнические сооружения: открытые земляные либо каменные очажные конструкции. Остальные постройки (№ 3, 5, 8 9) изучены частично, либо не содержали очагов.

Итак, в расчетах используются постройки №№1, 2, 6, 7 (описание построек приводится далее в параграфе, посвященном эпохе бронзы на территории микрорайона).

В итоговых значения, с вычетом площади занятой очагами и хозяйственными ямами, полезная жилая площадь построек составляет: постройка №1 – 90 кв.м., постройка №2 – 73 кв.м., постройка №6 – 42 кв.м., постройка №7 – 76 кв.м.

В результате расчетов получились следующие показатели. В постройке №1 могло одновременно проживать до 30 человек, в постройке №2 – 24 человека, постройка №6 могла вместить 14 человек, постройку №7 могла населять община из 25 человек. Общее количество единовременно проживающего во всех постройках населения составляло 93 человека. Данная цифра не кажется нам завышенной, она прекрасно согласуется с данными по вмещающему ландшафту территории микрорайона.

Расположенное вблизи от Береговского I поселения, и практически полностью изученное абашевское Береговское II поселение, также является отличным плацдармом для дальнейших палеодемографических реконструкций.

Всего за время изучения Береговского II поселения исследовано 3 постройки, одна из них (№1) – частично. В остальных строениях (№№2 и 3) исследованы очажные конструкции. Таким образом, они попадают в разряд потенциально обитаемых.

Постройка №2, с вычетом пространства, занятого хозяйственными ямами и очагом, имела полезную жилую площадь равную 121 кв.м. В постройке №3 эта площадь составляла 59 кв.м. Следовательно, расчетное количество одновременно проживающих человек в постройке №2 равнялось 40 человек, в постройке №3 – 19 человек. Общее число насельников абашевского поселка могло составлять 59 человек, что практически идентично данным по гипотетическому абашевскому населению Береговского I поселения. То есть, на обоих поселениях одновременно могло проживать $54+59=113$ человек. Все это возможно определяет стабильное максимальное количество населения, проживавшего в пределах микрорайона в абашевское время.

По остальным поселениям микрорайона данных для корректной палеодемографической реконструкции недостаточно: на Юмаковском II поселении изучена лишь одна постройка, на поселении Юмаково IV вскрыто 2 строения, частично разрушенных прокладкой дороги.

Таким образом, полученные данные по палеодемографии абашевских и срубных популяций, населявших Береговские I и II поселения, несут вероятностный характер, но все же играют значимую роль для представления палеодемографической ситуации, которая, вкупе со знаниями об экологической нише, палеогеографических и палеоэкологических условиях, способствует восприятию общего уровня развития и эффективности хозяйственной деятельности населения Береговского микрорайона в эпоху бронзы.

Методы палеодемографии на данный момент, кроме оценки численности населения по квадратным метрам площади построек, предоставляют

возможность приблизительно оценить экологическую емкость ландшафта. Для этого в расчет принимаются различные факторы – от поедаемости кормовых запасов крупным рогатым скотом до необходимого количества килокалорий на взрослого человека в день. По мнению Н.Н. Крадина, люди, являясь одним из компонентов экосистемы, могут населять такую территорию, которая способна их накормить за счет имеющихся в экосистеме ресурсов [Крадин, 2001]. Подобные расчеты проведены для Кустанайского Притоболья [Евдокимов, Поваляев, 1989. С. 104-110], Верхнего Приобья [Соколов, 2005. 142-144], Саратовского Поволжья [Сергеева, 2006. С.132-140], Башкирского Зауралья [Бахшиев, 2011. С. 70-72].

Попытаемся оценить численность народонаселения Береговского АМР по критериям вмещающего ландшафта. Для этого используем наиболее часто применяемые формулы.

1. Для подсчета количественных параметров населения микрорайона применим формулу, предложенную Н.Н. Крадиным. В основе лежит моделирование энергетических процессов в экосистемах, в частности, на основе первичной биопродуктивности аридных пастбищ [Крадин, 2001. С. 71-94].

$$\text{Числ.}_{\min} = (K_c \times Y \times P_{\text{зим}}) : (K \times D)$$

$$\text{Числ.}_{\max} = (K_{\max} (K_c \times Y \times P_{\text{зим}})) : (K \times D)$$

Где Y – урожайность в килограммах кормовых единиц на 1 га, K – суточная потребность в кормах (0,91 к.е. – по Крадину), D – количество зимних дней (90), $P_{\text{зим}}$ – площадь зимних пастбищ, K_c – коэффициент поправки на социальное расслоение (0,0202 – по Крадину), $K_{\max}$ – коэффициент максимального изъятия корма.

Для Башкирского Приуралья средний коэффициент урожайности естественных травостоев определяется в пределах 8-10 ц/га [Миркин, 1990; Губайдуллин, 1991; Губайдуллин, 1997]. Продуктивность пастбищ в зимнее время составляла 35-38% от валового урожая трав [Сергеева, 2006. С.132-140]. Таким образом, естественная величина отчуждаемого травостоя с зимних пастбищ для территории микрорайона могла равняться 3,8 ц/га. Также известно,

что питательная ценность одного килограмма зимних трав составляет примерно 0,32 кг условных кормовых единиц [Крадин, 2001. С. 76]. Следовательно, величина $У = 122$ кг к.е./га.

Площадь зимних пастбищ обычно составляет 30-50% от общей площади территории пастбищ. Общая площадь зимних пастбищ на территории микрорайона составляет, при 30%, 25,2 га, при 50% – 42 га.

Окончательные расчеты количества населения, способного прокормиться на территории Береговского АМР, выглядят следующим образом:

При $P_{зим.} 30\%$:

$$\text{Числ.}_{\min} = (0,0202 \times 122 \times 25,2) : (0,91 \times 90) = 0,8 \text{ человек}$$

При $P_{зим.} 50\%$:

$$\text{Числ.}_{\max} = (0,0202 \times 122 \times 42) : (0,91 \times 90) = 1 \text{ человек}$$

В результате применения данной формулы, установлено, что территория микрорайона могла прокормить 1 человека, при соблюдении всех параметров, заложенных в расчетах. По всей видимости, эта цифра, исходя из имеющихся малочисленных материалов эпохи раннего железа и раннего средневековья, отражает нижний порог заселенности. Что, в свою очередь, связано с выраженным скотоводческим характером хозяйственной деятельности населения Южного Урала в эти исторические отрезки.

2. По другой методике оценки численности населения, предложенной рядом исследователей [Иванов, Васильев, 1995. С. 47-61; Луковская, Иванов, Васильев, 1996. С. 37-42], используется формула:

$$K = LDT/P$$

где D – плотность обнаруженных археологических памятников на 100 лет данной эпохи, L – среднее единовременное население одного археологического памятника (поселка), T – длительность существования одного памятника, P – вероятность обнаружения памятников.

Показатель $T = 30$, т.к., по имеющимся археозтнографическим данным землянки и полуземлянки, могли просуществовать без ремонта не более 20-40 лет [Ражев, Ковригин, 1999. С. 171-175]. Правильность используемого значения

подтверждается данными хозяйства. При радиально-кольцевой системе распределения пастбищ за 20-25 лет происходит их перевыпас. Это обуславливает необходимость переноса срубных поселений каждые 20-25 лет на новое место [Кузьмина, 1994. С. 205; Сергеева, 2006. С.132-140].

Коэффициент среднего единовременного населения одного археологического памятника на территории Береговского археологического микрорайона характеризуется расчетными показателями в 54 человека ($L=54$) в эпоху бронзы [Русланов, 2012. С. 92-96].

На территории микрорайона известно 18 поселенческих объектов эпохи бронзы. В первом случае в расчетах будут использованы только те, на которых достоверно зафиксированы жилищные впадины: Береговские I и II поселения, Юмаковские I и IV поселения, стоянки Озерки 2 и 3. Всего 8 памятников с суммарным числом зафиксированных впадин (изученных и нет) в количестве 45. Остальные памятники могли быть кратковременными стоянками, где останавливалось население, проживающее в стационарных поселках. Условно эпоха поздней бронзы длилась 1000 лет, следовательно, $D=0,08$.

Итак, используя в работе формулу и имеющиеся данные, получаем следующие результаты:

$$K=30 \times 0,08 \times 54 / 1 = 129 \text{ человек.}$$

Во втором случае используем в расчетах все памятники:

$$K=30 \times 0,18 \times 54 / 1 = 291 \text{ человек.}$$

Средний показатель равен 274 человека в эпоху бронзы.

3. Далее используем одну из самых популярных в палеодемографических построениях методику, предложенную Б.Ф. Железчиковым в 1984 г. [Железчиков, 1984. С. 65-68], из которой В.В. Халдеевым [Халдеев, 1987. С. 230], в виду отсутствия авторской, была выведена следующая формула:

$$N = (T \times \Pi^0 / 100 \times K / 100) / \Pi^1$$

где N – численность населения, T – размер территории, K – поедаемая часть кормов, Π^0 – относительная площадь пастбища, Π^1 – размер пастбища,

необходимого для содержания стада, служащего для поддержания жизнедеятельности одного человека.

P^1 - для эпохи бронзы равен 0,7 км [Соколов, 2005. С. 142-144],

K – поедаемая часть кормов – в летнее время составляет 40-45 кг, в осенне-зимнее 10-30 кг, среднее значение равно 37 кг [Евдокимов, Поваляев, 1989. С. 104-110].

P^0 - относительная площадь пастбищ, составляет около 38% от всей территории [Сергеева, 2006. С. 132-140]. Т.е. при площади микрорайона в 84 га, этот показатель равен 32 га.

При расчетах будем исходить из вышеуказанных данных. Следовательно, вероятная численность населения эпохи поздней бронзы на территории микрорайона составляет:

$$N=(84 \times 32 / 100 \times 37 / 100) / 0,7 = 14 \text{ человек.}$$

4. Следующая методика оценки численности населения в эпоху бронзы предложена В.В. Евдокимовым [Евдокимов, 1984. С. 24-25] по формуле:

$$R=(S \times Y \times K \times F) / (M \times B \times 100\%)$$

где S – площадь используемых пастбищ, га; Y – урожайность зеленой массы (кг/га); K – коэффициент поедаемости травы (%); M – масса травы поедаемой коровой за год (кг); B – число коров на семью; F – количество человек в семье. В нашем случае S равна 32 га, Y – 8 ц/га, M – исходя из того, что количество съедаемой травы в день равно 37 кг, за год корова в среднем съедает 13505 кг травы, K – равен 50%, B – число коров на семью по этнографическим данным составляет 20 голов, при этом семья (F) будет состоять из 5-6 человек [Евдокимов, Поваляев, 1989. С. 104-110].

Подставим полученные данные в формулу:

$$R=(32 \times 8 \times 50 \times 6) : (13505 \times 20 \times 100) = 352 \text{ человека.}$$

Таким образом, в результате использования четырех различных методик, с применением соответствующих формул, была получена следующая картина народонаселения Береговского археологического микрорайона в эпоху бронзы.

Используя формулы №1 и 3, получены минимальные значения от 1 до 14 человек, применив формулы №2 и 4, были получены максимальные значения от 129 до 352 человек. Усредненные данные по этим цифрам выглядят следующим образом: **Числ._{min}=8 человек, Числ_{max}=241 человек.** С учетом того, что население эпохи бронзы было наиболее многочисленным в пределах микрорайона и занималось стойлово-пастбищным скотоводством с заготовкой кормов [Русланов, 2015. С. 16-27], то полученное в расчетах максимальное количество населения, скорее всего, относится к эпохе бронзы.

Для установления гипотетического количества населения, проживавшего в границах Береговского археологического микрорайона, также можно использовать данные подкурганых захоронений. Однако наиболее часто используемые для этого палеодемографические формулы требуют установления точного времени существования могильника, что по понятным причинам ввиду отсутствия массового хорошо датированного металлического инвентаря, невыполнимо для погребений эпохи бронзы.

В то же время, погребения позднесарматского времени и раннего средневековья, выявленные в границах микрорайона, по имеющимся материалам дают возможность для корректного определения времени действия древних кладбищ.

Позднесарматское время представлено относительно синхронными погребениями Камбулатовского курганного могильника и Дербеневского курганного могильника, в котором изучена 31 курганная насыпь, каждая содержащая по одному погребенному. Исходя из этого, можно предположить, что неизученные 70 курганов с известной долей вероятности могут содержать еще 70 костяков. Таким образом, по совокупности данных для позднесарматского времени имеются сведения о 103 погребенных.

С эпохой раннего средневековья связаны материалы 3 погребений под насыпями полностью изученных Красногорского II курганного могильника и Береговского II одиночного кургана.

В ходе дальнейшей работы, для подсчета позднесарматских и раннесредневековых коллективов, оставивших могильники, нами будут использованы две формулы [Останина, 1997. С. 117]:

1. **(количество умерших : количество лет существования могильника) : %смертности**

2. **(количество умерших : количество лет существования могильника) x %среднюю продолжительность жизни**

По мнению М.А. Балабановой, суммарное позднесарматское население Южного Приуралья и Нижнего Поволжья характеризуется относительным долголетием. Так, средний возраст смертности у позднесарматского населения составляет от 35 до 41 года. В нижневолжской серии возраст дожития 43,7 года с учетом детей и 44,7 года без учета. Средний возраст смерти оказался для суммарной позднесарматской выборки более 40 лет [Балабанова, 2003. С. 66-88; 2009а. С. 5-12; Балабанова, Клепиков, Коробкова и др., 2015. С. 129].

В нашей работе, исходя из имеющихся суммарных данных, мы будем использовать возраст средней продолжительности жизни у позднесарматского населения, равный 42 годам [Балабанова, 2009б. С. 79-88]. Исходя из того, что установить долю младенческой смертности для позднесарматского населения затруднительно в виду малого количества детских погребений [Балабанова, 2009а. С. 5-12], в своих выкладках мы будем опираться на данные по детской смертности в традиционных культурах, которая находится в пределах 30–70% [Балабанова, 2009а. С. 8; Голикова, 2017. С. 59-64].

Итак, для установления численности коллектива, оставившего позднесарматские могильники микрорайона, по предложенным формулам проведем следующие расчеты, исходя из того, что, как было показано выше, оба могильника существовали в хронологическом диапазоне равном 100 года. Продолжительности жизни населения составляла 42 года, выявленных погребений 103 (с учетом неизученных 70 погребений Дербеневского могильника). К этому числу прибавим дополнительно 70% (возьмем

максимальный порог), которые, по всей видимости, были погребены в каком-то другом месте, и получим 175 умерших.

Коэффициент смертности древних обществ обычно определяют в 3-4% [Останина, 1997. С. 117]. Подставляя полученные данные, рассчитаем численность позднесарматского населения микрорайона по приведенным формулам. По формуле №1, численность одновременно живущих людей оказалась в пределах 43-58 человек, по формуле №2 – 73 человека. Это дает возможность предположить, что могильник существовал не более двух поколений, что подтверждается археологическим материалом.

По тем же формулам рассчитаем количество раннесредневекового населения. Продолжительность функционирования обоих некрополей равна 25 годам, количество выявленных погребений – 3, с учетом детских погребений 5. Средняя продолжительность жизни средневекового населения Северной Европы (30-40 лет) [Останина, 1997. С. 117]. По формуле №1 численность одновременно живущих людей оказалась в пределах 5-6 человек. По формуле №2 от 6 до 8 человек.

Таким образом, в позднесарматское время на территории Береговского археологического микрорайона могла проживать община численностью от 43 до 73 человек. В эпоху раннего средневековья в границах микрорайона населяла группа численностью до 8 человек, на что указывает и малочисленность обнаруженных памятников этого хронологического периода. Следовательно, в народонаселении микрорайона можно выделить два пика: первый приходится на эпоху бронзы, когда население могло приближаться к цифре в 250 одновременно живущих человек; второй пик связан с позднесарматским временем, когда количество человек, населявших микрорайон, могло варьироваться в пределах 43-73.

Береговский археологический микрорайон демонстрирует пример высокой адаптационной базы для проживания населения различных эпох. Анализ поселенческих и погребальных комплексов, оценка количественных и качественных показателей керамики, каменного инвентаря, следов металлургии

и металлообработки, палеозоологических останков фиксирует максимальное использование экосистемы региона в период бронзового века. Демографические показатели подтверждают увеличение народонаселение БАМР именно в это время. Продолжение комплексных естественнонаучных исследований (качественная методика археологических раскопок с промывкой и флотацией грунта, трассологический и технико-технологический анализ большей выборки материала) позволит вывести исследования памятников БАМР на качественно новый этап в реконструкции социальных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южный Урал – территория, насыщенная археологическими памятниками различной культурной и хронологической привязки. На данный момент здесь известны тысячи археологических объектов от эпохи камня до развитого средневековья. Изучение такого региона – длительный процесс, требующий увеличения качественно новых стационарных экспедиций для исследования памятников. Наряду с этим необходимо введение в научный оборот уже имеющихся материалов.

Археологические объекты, образующие группы памятников, концентрировались и выделялись большинством исследователей в археологические микрорайоны. Наиболее полная смысловая нагрузка термина определяется так, археологический микрорайон – это ограниченная по площади территория с определенными природными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности, (как синхронными, так и диахронными), многообразие и особенности которых непосредственно связаны с условиями конкретной экологической ниши.

Результатом целенаправленного изучения АМР явилась выработка понятийного аппарата, методики и методов изучения микрорайонов и т.д. Сложилась определенная картина, раскрывающая саму сущность понятия АМР, переставшего быть абстрактной таксономической единицей. Установлено, что для выделения АМР необходимо наличие следующих характеристик: наличие местности с какими-либо естественными (природными) геоморфологическими границами. Здесь стоит согласиться с новосибирскими археологами, полагающими, что в само понятие «микрорайон» уже изначально заложена идея ограниченного пространства; различных ландшафтных типов в пределах микрорайона (пойма, лес, высокогорная тундра, альпийские луга, холмистый склон), способствующих развитию и ведению комплексного хозяйства. Данное обстоятельство, возможно, являлось основополагающим элементом при выборе населением

территории АМР; присутствие в микрорайоне памятников различных видов (погребальных, поселенческих, ритуально-культовых, памятников специфического вида: кладов, случайных находок, затопленных городов и др.) различной культурной и хронологической принадлежности, отражающих все исторические этапы развития и существования АМР.

Методика изучения археологических микрорайонов включает несколько процедурных этапов.

Первый этап в изучении связан с анализом существующей документации, паспортов памятников, их планов и описания, картографических материалов. Эта процедура применяется в целях устранения неточности в нумерации и привязках памятников, описаниях отдельных объектов, системе выделения памятников.

Второй этап – это полевое изучение памятников. Первостепенную роль приобретает археологический поиск, в том числе с использованием космических снимков территории АМР.

Следующий, третий, этап заключается в топографической съемке, видимых на местности археологических объектов, фотофиксация и подробное описание памятников, определение их приуроченности к ландшафту и формам рельефа.

Четвертый, заключительный этап – это раскопки памятников разных типов и периодов, шурфовка площади микрорайона для выявления скрытых объектов, построения хронологической, культурной колонки комплексов, а также сбор данных, необходимых при реконструкции климата и условий обитания человека в пределах АМР либо поиск опубликованных материалов, освещающих эту проблему.

Таким образом, разработанная автором методика изучения микрорайонов, выглядит следующим образом: 1) картографии и геоморфологии; 2) полевых археологических исследований; 3) метода сравнительно-типологического анализа; 4) мультидисциплинарного подхода; 5) методов демографического моделирования позволяет получить историческую картину

жизни населения, оставившего памятники АМР. В результате исследователь может получить историческую картину жизни населения, оставившего памятники, входящие в АМР.

Выделенные на территории Южного Урала археологические микрорайоны, разделяются на две четкие группы – у первой группы при выделении присутствует отработанная методическая основа, подкрепленная теоретико-методологической базой, наработанной в ходе многолетних изучений природы АМР. Во второй группе микрорайонов при их выделении присутствует дидактическое восприятие в использовании термина «археологический микрорайон». Это, на наш взгляд, связано с неотработанной до конца методикой их выделения. Анализ АМР Южного Урала позволил структурировать имеющиеся скопления археологических памятников в качестве первичной исследовательской процедуры в несколько типов: речной, озерный, горно-долинный, водораздельный и производственный. Анализ территориального расположения памятников позволил создать типологию археологических микрорайонов: **Тип 1. Речной.** Наиболее распространенным является речной тип расположения археологических памятников, который включает в себя три подтипа 1) речной долинного типа, 2) речной старичного типа и 3) речной меандрового типа. **Подтип речной долинный.** Памятники долинного типа расположены в удобных долинах рек, по берегу. Как правило, у таких микрорайонов не выделяется четких территориальных границ: Казбуруновский, Мурадымовский, Охлебининский, Аркаимская долина и т.д. **Подтип речной старичный.** Еще один вид речных микрорайонов отличается тем, что памятники расположены, как правило, вдоль стариц реки и имеют видимые границы, обусловленные протяженностью стариц: Береговский археологический микрорайон. **Подтип речной меандровый.** Археологические памятники микрорайонов меандрового типа расположены в излучинах рек или на участках меандрирования. Здесь памятники, как правило, привязаны к участкам между двумя смежными точками перегиба по осевой линии реки: Ивановский, Тюбьякский, Миловско – Романовский микрорайоны, микрорайон Уфимского

полуострова. **Тип 2. Озерный.** Тип микрорайона характерен в первую очередь для Южного Зауралья, где широко представлена озерная сеть, протянувшаяся вдоль по восточному склону Уральской горной страны. Памятники этого типа занимают озерную береговую зону, располагаясь на удобных террасах и гривах. В Зауралье к микрорайонам озерного типа относятся АМР озер Банное – Сабакты – Карабалыкты, ярким примером является микрорайон озера Аргази. В Приуралье перспективным объектом для дальнейших исследований могут стать АМР оз. Аслыкуль и Кандрыкуль. **Тип 3. Горно – долинный.** Выделение этого типа обусловлено расположением археологических памятников на участках горных долин, вдоль небольших водотоков. Наибольшая концентрация памятников отмечается в местах выхода рек из горных долин: Баишевский микрорайон. **Тип 4. Водораздельные микрорайоны.** Памятники, расположенные на вершинах водоразделов, в местах, где находятся истоки рек, выделяются в отдельный тип: Загребаловский АМР, микрорайон г. Чека. **Тип 5. Производственный.** Один из признаков в типологии археологических микрорайонов связан с нахождением на площадках памятников большого количества следов металлургического производства, что в свою очередь обусловлено близким расположением от поселений микрорайонов выходов медных или железных руд.

Выделенные автором типы археологических микрорайонов позволяют структурировать имеющиеся скопления археологических памятников в качестве первичной исследовательской процедуры. В дальнейшем, опираясь на принципы выделения микрорайонов, основанные, в первую очередь, на визуализации границ, приведенные типы микрорайонов будут способствовать поиску объяснительных моделей возникновения того или иного археологического микрорайона.

Примером сущностного микрорайона (объективно и комплексно обладающего всеми необходимыми для АМР параметрами) может выступать Береговский археологический микрорайон, который является наиболее ярким и изученным на территории Южного Урала. Именно археологические

памятники, расположенные на его территории, отражают практически все историко-культурные процессы, проходившие на исследуемой территории, а его культурно-хронологическая шкала древностей отражает общерегиональную изменчивость.

Территория Береговского микрорайона охватывает часть предгорной (или бельской) депрессии, которая вытянулась вдоль западного склона Уральской горной страны по реке Белой. Площадь микрорайона 204 кв.км. В работе используются материалы 31 археологического объекта.

Для Южного Урала это единственный случай такой плотной концентрации памятников на локальной территории.

Освоение и заселение Береговского АМР начинается в энеолите, представленном древностями суртандинской (охватывающей восточные склоны Южного Урала и Зауралья) и агидельской культур (в основном территория бассейна р. Белая). Обнаружение этой керамики в нижних горизонтах абашевских поселений связано с ранним началом функционирования поселков, но, возможно, имели место и контакты энеолитического населения с первыми абашевскими популяциями, появившимися на территории микрорайона. Энеолитические находки этих памятников могут быть датированы в соответствии с хронологической схемой развития культур гребенчатого геометризма Урало-Казахстанского региона от второй четверти III тыс. до н.э. до рубежа III-II тыс. до н.э. [Ахметова, Савельев, Тух, 2012. С. 20-28].

Эпоха бронзы представлена 25 археологическими памятниками: поселениями, тафокомплексами, отражающими развитие микрорайона на протяжении тысячелетия – от эпохи средней бронзы до ее финальной стадии. К эпохе средней бронзы относятся материалы абашевской и синташтинской культур, представленные в ряде поселенческих и погребальных объектов и комплексов. Абашевско-синташтинское время датируется XXII-XVIII вв. до н.э.

С эпохой поздней бронзы в границах микрорайона связаны комплексы срубной и алакульской культур (в минимальном значении от общей выборки). Срубная керамика присутствует на всех поселениях микрорайона, погребальные же комплексы представлены единичными находками, происходящими с Береговского I курганного могильника. В абсолютных значениях этот период в истории микрорайона датируется XIX–XV вв. до н.э.

Заселение микрорайона в эпоху бронзы связано с металлургической подосновой (поиск меднорудных залежей и их разработка). Вероятно, именно с поиском и разработкой меднорудных месторождений медистых песчаников следует связывать появление абашевских памятников, а также ярких проявлений контактов с синташтинскими племенами (погребения Юмаковского I могильника) в эпоху средней бронзы. Складывается впечатление, что вслед за абашевскими группами на территории микрорайона появились группы раннесрубного и возможно раннеалакульского населения. Причем, судя по занятию одних и тех же мысовых площадок, временной интервал между сменой населения был минимален. В эпоху поздней бронзы фиксируется сплошное освоение территории микрорайона срубным населением. Выявлен также памятник с полным преобладанием алакульской посуды с обильной примесью талька (Береговка-4, селище). Это говорит о чересполосном проживании срубного, алакульского и смешанного срубно-алакульского населения в границах микрорайона.

Именно в эпоху средней бронзы население БАМР активно контактирует с населением Южного Зауралья. Свидетельством этому могут стать как находки зауральской керамики, так и минералов, принесенных на поселения БАМР с восточных склонов Уральских гор. Вполне вероятно, что взаимодействию способствовало и использование лошади, о чем говорят находки псалий.

Эпоха финальной бронзы представлена как поселенческими памятниками с межовской и курмантаусской керамикой (Юмаково-2,

поселение), так и довольно крупным межовским могильником (Красногорский I), а также небольшим кладбищем (Юмаково-II могильник). Это свидетельство того, что в это время территория микрорайона не была оставлена, но и заселялась не так активно как в предшествующее время.

Таким образом, начав заселяться с эпохи средней бронзы, пика в своем освоении территория микрорайона достигла в эпоху поздней бронзы с появлением срубного населения. Со временем этот пик пошел на спад, что видно по дисперсному расположению памятников финального этапа эпохи.

С эпохой раннего железного века на территории микрорайона связаны погребальные комплексы Дербневского и Камбулатовского курганных могильников, единичные находки и одно впускное погребение сарматского времени. В ходе раскопок курганной группы Береговского I могильника было исследовано погребение, впущенное в насыпь к.3 абашевского времени. Элементы погребального обряда и комплекс находок позволили исследователям датировать это захоронение раннесарматским (прохоровским) временем V-IV вв. до н.э.

При изучении Береговского I поселения в 1954 г. был обнаружен железный нож сарматского типа, на площадке Береговского II поселения выявлена железная стрела позднесарматского типа с черенком и тремя шипами. К позднесарматскому же времени II-III вв. н.э. относятся погребения в Дербневском и Камбулатовском некрополях. Хронологический анализ данных находок позволяет датировать освоение БАМР в эпоху раннего железного века в пределах V/IV - II вв. до н.э.-III в. н.э.

В эпоху раннего средневековья территория Береговского микрорайона была занята кушнаренковским населением. С ними связаны погребения Красногорского II курганного могильника и захоронение Береговского II одиночного кургана. Поясная гарнитура и другие находки датируют погребения VI-VII вв. н.э.

С эпохой позднего средневековья на территории Береговского археологического микрорайона соотносятся материалы Береговского III

селища (XIV в.) и погребение под насыпью кургана 26 Дербеневского курганного могильника этого же времени.

Специфика формирования Береговского археологического микрорайона на территории Южного Урала во многом зависела от природно-географических особенностей исследуемой территории. Особенности эти отражены, в первую очередь, в максимальной приспособленности ландшафтов, их ресурсных возможностей для ведения различных видов хозяйства. Выбор населением именно этой территории в качестве долговременного хозяйственно-производственного плацдарма, наряду с благоприятной экологической нишей и защищенностью территории, обусловлено расположением вблизи месторождений меди Куюргазы-Белореченского района рудопроявлений, благоприятной розой ветров, выходами каменного сырья, развитой речной сетью с такими крупными реками как Белая и Нугуш и их более мелких притоков. Именно хозяйственная привлекательность территории, природные ресурсы, удобные террасы и являлись основными критериями в ходе заселения микрорайона на протяжении тысячелетий. Благодаря перечисленным факторам БАМР занимает центральное место в системе древностей Южного Урала, обусловленное наличием именно на этой территории всех условий, позволяющих адаптироваться населению древности и средневековья, оставивших большое количество изученных памятников.

Накопленные к этому времени данные дают возможность выделить два пика в заселении микрорайона: первый приходится на эпоху поздней бронзы, срубная культура (XVIII-XV вв. до н.э.) и позднесарматское время (II-III – середина V вв. н.э.).

Подобная ситуация объясняется схожим хозяйственно-культурным типом ведения хозяйства, связанным с придомным скотоводством в очень близких естественно-географических условиях.

Выявление культурно-хронологических комплексов РЖВ-раннего средневековья обусловлено спорадическим появлением населения в пределах

микрорайона. Говорить что-то определенное об эпохе энеолита, за неимением представительных материалов, пока преждевременно, можно лишь отметить, что абашевское население, осевшее в границах микрорайона, могло ассимилировать либо вытеснить немногочисленные энеолитические группы (с условием их хронологического смыкания), о чем говорить на данный момент также не приходится. Благодаря проведенному анализу археологических материалов с территории БАМР сформирована рабочая модель локального дискретного культурогенеза, детерминированного конкретными природными условиями и границами в эпоху энеолита, бронзового века, эпохи раннего железного века и средневековья. Полученные данные позволяют экстраполировать эту модель для локализации и изучения АМР на более обширных территориях.

Палеогеографические и палеоклиматические данные дают возможность более детально подходить к изучению, как археологического микрорайона, так и в целом к изучению Южного Урала. В дальнейшем эти данные могут быть использованы при планировании и проведении разведочных работ на прилегающей к микрорайону территории.

Минимальное наличие современных населенных пунктов на территории Береговского АМР и слабое хозяйственное освоение района способствует сохранению археологических памятников и естественных их окружающих природных ландшафтов. Учитывая все эти факторы, а так же большую насыщенность микрорайона разновременными и разнокультурными археологическими памятниками, охватывающими крупный временной период, видно, что эта территория является одной из самых перспективных на археологической карте Южного Урала для дальнейшего археологического изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Научные отчеты:

1. Акимова М.С., Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях археологических памятников у с. Кушнаренково Башкирской АССР в 1959 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
2. Васюткин С.М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1972 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
3. Васюткин С.М., Горбунов В.С. Альбом к отчету об археологических исследованиях в БАССР за 1972 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
4. Викторов В.П. Отчет об археологических исследованиях Ишимбаевского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции в 1952 г. // Архив ИА РАН.
5. Викторов В. П. Научный отчет Нугушского разведочного отряда Южно - Уральской археологической экспедиции в 1953 г. // Архив ИА РАН.
6. Викторов В.П. Научный отчет Южно-Уральской археологической экспедиции 1954 г. // Архив ИА РАН.
7. Викторова В.Д. Научный отчет Мелеузовского разведочного отряда Южно-уральской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН.
8. Горбунов В.С. Научный отчет об археологических исследованиях в Мелеузовском районе БАССР в 1974 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
9. Горбунов В.С. Научный отчет об археологических исследованиях в Мелеузовском районе БАССР в 1974 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
10. Горбунов В.С. Отчет о раскопках в Береговском микрорайоне Башкирской АССР в 1980 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.

11. Горбунов В.С. Отчет об охранных раскопках в Береговском микрорайоне БАССР в 1981 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
12. Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР в 1982 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
13. Горбунов В.С. Отчет об археологических работах на II и III Юмаковских поселениях в 1987 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
14. Горбунов В.С. Научный отчет об археологических исследованиях в Мелеузовском районе БАССР в 1988 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
15. Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Отчет о раскопках Юкаликулевского поселения и разведочных работах на территории Башкирской АССР в 1978 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
16. Иванов В.А., Горбунов В.С. Отчет о раскопках в Илекском и Соль-Илецком районах Оренбургской области и Мелеузовском районе Башкирской АССР в 1983 г. // Архив УФИЦ РАН.
17. Иванов В.А., Горбунов В.С., Васильев В.Н. Отчет о раскопках и разведке в Оренбургской обл. и Башкирской АССР в 1983 г. // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН.
18. Муравкина Л.И. Отчет о результатах разведки в Мелеузовском и Кугарчинском районах БАССР в 1988 г. // Архив ИА РАН.
19. Муравкина Л.И. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения Юмаково-IV в Мелеузовском районе БАССР в 1990 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.
20. Обыденнов М.Ф. Отчет об археологических исследованиях II отряда экспедиции Башгосуниверситета в 1974 г. // Архив учебно-научного археологического музея БашГУ им. Н.А. Мажитова.
21. Пряхин А.Д., Горбунов В.С., Екимов Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР и Липецкой области в 1975 г.-104 л. // Архив ИА РАН.
22. Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1983 г. // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН.

23. Румянцев М.М. Научный отчет об итогах разведочных работ в Мелеузовском, Белорецком, Бурзянском, Ишимбайском и Куюргазинском районах Республики Башкортостан в 2010 г. по Открытому листу № 520 от 20.07.2010 // Архив РОО «Археологическое общество Республики Башкортостан».

24. Русланов Е.В. Научный отчет об итогах разведочных работ на территории Мелеузовского района Республики Башкортостан в 2013 году по Открытому листу №560 // Архив ИА РАН.

25. Русланов Е.В. Научный отчет о раскопках объекта археологического наследия «Озерки-1, стоянка» в Мелеузовском районе Республики Башкортостан по Открытому листу №1196 в 2014 г. // Архив ИА РАН.

26. Сальников К.В. Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции 1955 г.// Архив ИА РАН.

27. Сальников К.В. Рукописи научных трудов // Архив УФИЦ РАН.

28. Ягафарова И.М. Отчет о результатах разведки в Мелеузовском районе БАССР в 1987 г. // Архив кабинета археологии БГПУ.

Диссертации, авторефераты, рукописи:

1. Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: дисс. канд. ист. наук. — М., 2015. — 539 с.

2. Бахшиев И.И. Культурное взаимодействие населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2010. — 27с.

3. Волков Е.Н. Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 2005. — 31 с.

4. Горбунов В.С. История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М.1977. — 25 с.

5. Горбунов Ю.В. Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2008. — 14 с.
6. Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Притоболья в эпоху бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Киев, 1984. — 25 с.
7. Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономический и социальные аспекты): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2010а. — 55 с.
8. Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 1995. — 22 с.
9. Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Спб., 2016. — 21 с.
10. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II-III вв. н.э.: дисс... канд. ист. наук. — М., 2013. — 301 с.
11. Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары (эпоха неолита и бронзы): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2009. — 27 с.
12. Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2013. — 26 с.
13. Мосин В.С. Мезолит и энеолит Южного Зауралья: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — Екатеринбург, 2005. — 435 с.
14. Осипова Е.М. Моллюски плейстоцена и голоцена Южноуральского региона: дисс. ... канд. геолого-минералогических наук. — Уфа, 2009. — 241 с.
15. Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1979. — 18 с.

16. Сергеева О.В. Поселение и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2007. — 19 с.
17. Сумин В.А. Крохалевский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья: дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2006. — 127 с.
18. Сумин В.А. Крохалевский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н-к. — Новосибирск, 2006. — 23 с.
19. Тихонов С.С. Анализ структуры населения верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1993. — 22 с.
20. Толпеко И.В. Каменная индустрия поселений эпохи бронзы Окуневского археологического микрорайона: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Баранаул, 2005. — 22 с.
21. Трибунский С.А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2003. — 21 с.
22. Усачук А.Н. Древнейшие псалии эпохи бронзы лесостепи и степи Евразии (технологический и функциональный аспекты): дисс. ... канд. ист. наук. — Киев, 2007. — 438 с.
23. Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2013. — 745 с.
24. Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: дисс. ... канд. ист. наук. — Самара, 2011. — 262 с.
25. Якимов А.С. Палеопочвы и природные условия степей нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII – XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2004. — 24 с.

26. Яминова С.А. История археологической мысли по проблемам бронзового века Южного Урала (60-90 гг. XX века): дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 1999. — 214 с.

Литература:

1. Абдрахманов Р.Ф. Гидроэкология Башкортостана. — Уфа: Информреклама, 2005. — 344 с.

2. Абдрахманов Р.Ф., Мартин В.И., Попов В.Г., Рождественский А.П., Смирнов А.И., Травкин А.И. Карст Башкортостана. — Уфа: Информреклама, 2002. — 383 с.

3. Абдрахманов Р.Ф., Чалов Ю.Н., Абдрахманова Е.Р. Пресные подземные воды Башкортостана. — Уфа: Информреклама, 2007. — 184 с.

4. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. — Ташкент: ФАН, 1991. — 202 с.

5. Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В. Археологические разведки на территории города Бирск // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Бирск, 2008. — С. 120-121.

6. Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В. Разведочные работы на территории города Бирск // АО 2007 года. — М., 2010. — С. 333-336.

7. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М., Наука, 1968. — 119 с.

8. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980. — С. 3-56.

9. Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронза // РА. — 1997. — №3. — С. 20-32.

10. Антипина Е.Е. Костные остатки животных из поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА. — 1999. — №1. — С. 103-116.

11. Антипина Е.Е. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5, 7, 8 в середине I тысячелетия // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Выпуск 6). — М., 2004а. — С. 106-120.
12. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. — М.: Языки славянской культуры, 2004б. — С. 7-33.
13. Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. — Т. II. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 339-342.
14. Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. — СПб., 2015. — 248 с.
15. Археологическая карта Башкирии. — Уфа, 1976. — 264 с.
16. Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск: Омск, ун-т, 1994. — 102 с.
17. Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск: Омск, ун-т, 1997. — 208 с.
18. Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск; Омск, ун-т, 1998. — 88 с.
19. Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск: Омск, ун-т, 2004. — 116 с.
20. Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск: «Апельсин», 2009. — 168 с.
21. Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы (тезисы докладов научной конференции). — Воронеж, 1990. — 56 с.

22. Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. — Казань, 2009. — С. 29-113.
23. Ахметова Е.А., Савельев Н.С., Тух А.В. Материалы нео-энеолитической стоянки Карагай-Мурун-1 на р. Сакмара в предгорьях Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. — 2012. — Вып. 12. — С. 20-28.
24. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. — М.: Наука, 1964. — 176 с.
25. Балков В.А. Водные ресурсы Башкирии (условия формирования и хозяйственная оценка). — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. — 176 с.
26. Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. — 2003. — Вып. 6. — С. 66-88.
27. Балабанова М.А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. — 2009а. — №1 (15). — С. 5-12.
28. Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. — №3. — 2009б. — С.79-88.
29. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Возрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. — Волгоград: Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. — 272 с.
30. Барсова Гора: древности таежного Приобья. — Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. — 300 с.: ил.
31. Батанина И.М. Природные особенности «страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. — Челябинск, 2004. — С. 87-98.

32. Бахшиев И.И. Абашевско-синташтинское межкультурное взаимодействие в лесостепной зоне восточных предгорий хребта Урал-тау (краткий очерк) // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26-28 апреля 2012 г.). — Курган: Курганский гос. ун-т, 2012. — С. 44-46.

33. Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И. Изучение моделей и механизмов организации жизненного пространства древнего населения Южного Зауралья // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Т.1. — Иркутск: ИрГТУ, 2013. — С. 168-172.

34. Бахшиев Р.И. К вопросу о палеодемографической оценке численности населения Башкирского Зауралья в эпоху поздней бронзы (на материалах поселенческих памятников) // XLIII УПАСК. — Оренбург, 2011. — С. 70-72.

35. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми, XIX – начало XX в. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. — Т. 45. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 393 с.

36. Белова А.А., Рязанцев А.В., Разумовский А.А., Дегтярев К.Е. Раннедевонские надсубдукционные офиолиты в структуре Южного Урала // Геотектоника. — 2010. — №4. — С. 39-64.

37. Березанская С.С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. — Киев. 1974. — 175 с.

38. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев: Наукова думка, 1982. — 209 с.

39. Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. — Киев. 1990. — 152 с.

40. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. — М.: Наука, 1978. — 275 с.

41. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: [коллективная монография]. — Самара, 1999. — С. 5-109.

42. Бобров В.В. АМР и общие проблемы западносибирской археологии // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 17-19.
43. Бобров В.В. Некоторые методологические аспекты исторических реконструкций в сибирской археологии // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2013. — №3 (23). — С. 14-17.
44. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. — Новосибирск, 1993. — 157 с.
45. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). — Самара, 1992. — 208 с.
46. Богомолов Д.В. Почвы Башкирской АССР. — М., 1954. — 285 с.
47. Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Толпеко И.В. Нижнетарский археологический микрорайон. — Новосибирск, 2001. — 256 с.
48. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Труды Марийской археологической экспедиции. — Т. VIII. — Йошкар-Ола, МарНИИ, 2003. — 184 с.
49. Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). — Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. — 232 с.
50. Большов С.В., Кузьмина О.В. Новые исследования II Виловатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. — Самара, 1995. — С. 112-113.
51. Борзунов В.А. Исследование городища Серный Ключ на реке Уфе // Урал в прошлом и настоящем. — Ч. I. — Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. — С. 16-21.
52. Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. — Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. — Екатеринбург: УрГУ, 1999. — С. 43-52.

53. Бородовская Е.Л. Археологические микрорайоны горной долины Нижней Катуни // Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск, 2009. — С. 15-19.
54. Боталов С.Г., Зданович Д.Г., Григорьев С.А. Погребальные комплексы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. — Челябинск: ТОО «Каменный пояс», 1996. — С. 64–88.
55. Бочкарев В.С. Преемственность и инновации в развитии древних культур // Материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии. — Л., 1981. — С. 22-27.
56. Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // *Stratum Plus*. №2. 2019. С. 167-224.
57. Бровендер Ю.М. Находки деталей конской упряжи в контексте Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Восточной Украины. — Луганск, 2006. — С. 224-234.
58. Бровендер Ю.М. Итоги раскопок техногенного участка на Каргамышском рудопроявлении // Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков: НТМТ, 2008. — С. 184-203.
59. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: КарГУ, 1987. — С. 56-68.
60. Васильев И.Б. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии // СА. — 1975. — № 4. — С. 149-157.
61. Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Выпуск XV. — Самара, 2010. — С.64-86.
62. Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение // СА. — 1975. — №3. — С. 149-157.

63. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 1994. — 208 с.
64. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV-V в. в Башкирии // СА. — 1986. — №2. — С. 180-197.
65. Васюткин С.М., Горбунов В.С. Экспедиция Башкирского государственного университета // АО 1972 года. — М., 1973. — С. 169-170.
66. Васюткин С.М., Горбунов В.С., Калинин В.К., Обыденнов М.Ф. Работы в Башкирии // АО 1974 года. — М., 1975. — С.140.
67. Викторова В.Д. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы // Из истории Урала: Сборник статей. — Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. — С. 64-74.
68. Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 4. — С. 155-173.
69. Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье// КСИА. — 1982. — Вып. 169. — С. 94-100.
70. Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. — 1984. — № 3. — С. 136-153.
71. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — 362 с.
72. Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до. н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). — Челябинск, 2011. — 175 с.
73. Виноградов Н.Б. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — №2 (37). — С. 38-47.
74. Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 //

Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22) — С. 4-30.

75. Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. — Новосибирск: Наука, 2007. — 224 с.

76. Воробьева Е.Е. Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). — Йошкар-Ола, 2007. — 108 с.

77. Воробьева С.Л. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. — Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013. — С. 52-60.

78. Воробьева С.Л. Селище Курмантау - металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. — Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. — С. 26- 33.

79. Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983-1985 годов — М.: Наука, 2007. — 183 с.

80. Гаврилов Д.А., Дергачева М.И., Хабдулина М.К. Палеопочвы и природные условия функционирования средневекового городища Бозок (VIII-XIV вв.) // Вестник Томского государственного университета. Биология. — 2011. — №3(15). — С.7-15.

81. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. — Вып. 3. — М.: Новые строительные технологии, 1996. — 296 с.

82. Гайдук И.М. Выявление микрорайонов неолитических племен методом петрографического и спектрального анализа // Методы естественных и технических наук в археологии. — М., 1963. — С. 49-51.

83. Гайдук И.М. Выявление микрорайонов неолитических племен методом петрографического и спектрального анализа // МИА. — М., 1965. — №129. — С. 185-191.
84. Гареев А.М. Реки и озера Башкортостана. — Уфа, 2001. — С. 65-74.
85. Гарустович Г.Н. Распространение ислама в Южно-Уральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. — Уфа, 1991. — С. 26-27.
86. Гарустович Г.Н., Обыденнов М.Ф. Исследование памятников на р.Белой // АО 1986 года. — М., 1988. — С. 166.
87. Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы - раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. — 2004. — Вып.5. — С. 93-118.
88. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р.Белой (VI-VII вв. н.э. // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа: АН СССР, БФ ИИЯЛ, 1977. — С. 90-135.
89. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. // КСИА. — 1979. — Вып. 158. — С. 96-106.
90. Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — Киев: Наукова думка, 1983. — 226 с.
91. Генинг В.Ф. Археологическая культура – социально – исторический организм – центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально – исторических проблем в археологии. — Киев, 1987. — С. 6-35.
92. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд., 1992. — 408 с.
93. Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы среднего Прииртышья. — Екатеринбург: УрГУ, 1994. — 67 с.

94. Геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (новая серия). Лист N-40 (41). Объяснительная записка. — Уфа: Башкиргеология. — 568 с.
95. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. — Иркутск, 1990. — 176 с.
96. Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. — Т.18. — Ижевск, 2011. — 168 с.
97. Голикова С.В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала конца XVIII-начала XX века // Уральский исторический вестник. — №1 (54). — 2017. — С. 59-64.
98. Голованова И.В., Сальманова Р.Ю., Демежко Д.Ю. Реконструкции климата на Урале по геотермическим данным // Геология и геофизика. — 2012. — Т. 53. — № 12. — С. 1776-1785.
99. Горбунов В.С. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии / В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов // СА. — 1975. — №2. — С. 254-257.
100. Горбунов В.С. Могильники уральской абашевской культуры в Южной Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976. — С. 54-56.
101. Горбунов В.С. Хронологическая интерпретация абашевских памятников в бассейне реки Белой // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды. — Том 220. — Куйбышев, 1977. — С. 51-62.
102. Горбунов В.С. Энеолитические памятники Приуралья // Энеолит Восточной Европы. — Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1980. — С. 137–150.
103. Горбунов В.С. Работы экспедиции Башкирского пединститута // АО 1980 года. — М., 1981. — С. 130.
104. Горбунов В.С. Работы в Башкирии // АО 1981 года. — М., 1983. — С.143.

105. Горбунов В.С. Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. — Уфа, 1984. — С. 55-60.
106. Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. — Уфа, 1985. — С. 3-21.
107. Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья: учебное пособие к спецкурсу. — Уфа: Башкирский пединститут, 1986. — 95 с.
108. Горбунов В.С. Жилищные комплексы I Береговского поселения // Поселения срубной общности. — Воронеж: ВГУ, 1987. — С.144-159.
109. Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье: учебное пособие по спецкурсу. — Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический университет им. В.В. Куйбышева, 1989. — 134 с.
110. Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. — Уфа, 1992. — С. 67-70.
111. Горбунов В.С. Курган эпохи поздней бронзы у д. Юмаково // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. — Вып. 1. — Уфа, 1995. — С. 37-40.
112. Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. — Уфа, 2006.
113. Горбунов В.С., Денисов И.В., Муравкина Л.И. Раскопки в Южной Башкирии и Оренбуржье // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар. 1989. — С. 124-126.
114. Горбунов В.С., Иванов В.А. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. — Саратов: Изд-во: «Саратовский университет». — 1992а. — С. 99-109.
115. Горбунов В.С., Иванов В.А. Памятники эпохи бронзы из Оренбуржья и Южной Башкирии // Древняя история населения Волго-Уральских степей: межвузовский сборник научных статей. — Оренбург, 1992б. — С. 206-227.

116. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Периодизация срубных культур Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. — Куйбышев, 1985. — С. 95-118.
117. Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф. Новые материалы поселенческих памятников бронзового века Приуралья // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Ижевск, 1991. — С. 170-173.
118. Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. — №3. — 1980. — С. 173-182.
119. Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Разведочные работы в Башкирской АССР // АО 1978 года. — М., 1979. — С. 193-194.
120. Горбунов В.С., Яминова С.А. У истоков новых гипотез по проблемам эпохи бронзы Уральского региона (70-80-е гг.). — Уфа, 1998. — 44 с.
121. Горбунов Ю.В. Металлопроизводство у племен уральской абашевской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. — М. - Магнитогорск - Новосибирск, 2008. — Вып. XXI. — С. 325-331.
122. Горбунов Ю.В., Горбунов В.С. Металлургия и металлообработка племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье. — Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2016. — 166 с.
123. Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. — Челябинск: Рифей, 1999. — 444 с.
124. Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. — Челябинск: Цицеро, 2013. — 660 с.
125. Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Изд-е 2-е доп. — Челябинск: Цицеро, 2015. — 660 с.
126. Григорьев С.А. Формирование металлургического производства в Волго-Уралье в начале позднего бронзового века // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (Вопросы хронологии, периодизации, историографии. — Самара, 2014. — С. 39-44.

127. Григорьев С.А., Васина Ю.В., Савельев Н.С., Котов В.Г., Ивасько Л.В. Работы на острове Веры на озере Тургояк // АО 2006 года. — М., 2009. — С. 444-447.

128. Грушин С.П. Реконструкция состава стада поселка эпохи бронзы Костенкова Избушка в Верхнем Приобье // Маргулановские чтения-2011: материалы международной археологической конференции. — Астана: Изд-во Евразийского ун-та им Л.Н. Гумилева, 2011. — С. 411-413.

129. Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи поздней бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового век. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — С. 4-17.

130. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. — 1952. — №48. — 163 с.

131. Губайдуллин Х.Г. Система ведения агропромышленного производства в Республике Башкортостан. — Уфа: Гилем, 1997. — 414 с.

132. Губайдуллин Х.Г. Пути увеличения белковых кормов. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. — 188 с.

133. Гуцалов С.Ю. Система хозяйствования кочевников Южного Приуралья в VI-V вв. до н.э. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2011. — № 30 (247). Серия "Социально-гуманитарные науки". — Вып. 17. — С. 11-14.

134. Данукалова Г.А. Отложения неоплейстоцена Южноуральского региона // «Квартер–2005» — IV Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Материалы. — Сыктывкар: Геопринт, 2005а. — С. 108–111.

135. Данукалова Г.А. Стратиграфия квартера Южноуральского региона // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы / Международн. конф. — Ростов-на-Дону, Азов. — 2005б.

136. Данукалова Г.А. Опорные разрезы и стратиграфия четвертичных отложений Южноуральского региона // Геологический сборник 2006. — № 5. — С. 66-71.

137. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г. Новые данные по стратиграфии отложений среднего неоплейстоцена Южно-Уральского региона // Геология и минеральные ресурсы Европейского северо-востока России: Материалы / XIV Геол. съезд Республики Коми. — Сыктывкар: Изд-во: Геопринт, 2004. Т. III. — С. 232–235.

138. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Стратотип климовского горизонта в Южном Предуралье и новые местонахождения в стратотипической местности (Климовка I, II, III) // Геологический сборник. — №5. — 2006. — С. 53-65.

139. Данченко Е.М. К изучению археологических микрорайонов // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. — Тюмень: 2007. — С. 96-99.

140. Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. — Новосибирск, 2010. — 162 с.

141. Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи III) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 3. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 23-54.

142. Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 1 (14). — С.30-45.

143. Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье. — Пушино, 2010. — 120 с.

144. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. — Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 1999. — С. 343-368.

145. Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. — 2004. — №3. — С. 271-283.
146. Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н. Подкуранные палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за историческое время // Поволжская археология. — 2013. — № 2 (4). — С. 126-142.
147. Демкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. — 1998. — №2 — С. 46-57.
148. Демкин В.А., Ельцов М.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э. Палеопочвы археологических памятников степной зоны как индикатор развития природной среды в голоцене // Вестник ТГУ. — Т.18. — Вып.3. — 2013. — С. 966-970.
149. Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. — Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. — 348 с.
150. Дерягин В.В., Сапелко Т.В., Хомутова В.И. Динамика озерных систем Южного Урала в голоцене // Динамика экосистем в голоцене: Материалы Второй Российской научной конференции. — Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. — С. 46-51.
151. Дмитриев П.А., Сальников К.В. Раскопки на линии Уфа — Ишимбай // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. — М.; Л., 1941. — С. 131-145.
152. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. — Челябинск: Абрис, 2013. — 484 с.
153. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 2002. — 138 с.
154. Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам. Опыт

построения методики // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 1989. — С. 104-110.

155. Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде // Археология волго-уральских степей. — Челябинск: Челяб. ун-т, 1990. — С. 66–76.

156. Епимахов А.В. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург: Изд-во: «УрГУ». 1993. — С. 57-58.

157. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. — Челябинск: Каменный пояс, 1996. — С. 22-42.

158. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск, 2002. — 170 с.

159. Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. — Челябинск, 2005. — 192 с.

160. Епимахов А.В. Абсолютная хронология бархатовских древностей в системе культур бронзового века // Андроновский мир. — Тюмень, 2010б. —

161. С. 137-145.

162. Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. — 2010в. — №2. — С. 39-45.

163. Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. — Вып. 2. — СПб, 2012. — С. 253–259.

164. Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник ЧГПУ. — №3. — 2005. — С. 75-83.

165. Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. — С. 53-65.

166. Епимахов А.В., Мосин В.И. Хронология Зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — №4 (31). — С. 27-37.

167. Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — №4. — С. 92-102.

168. Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии и культуры. — Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008в. — XXI. — С. 480-500.

169. Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 2 (15). — С. 47-56.

170. Еремеев А.А. Палинологическая характеристика местонахождения Климовка-2 // Геологический сборник. — № 3. — Уфа, 2003. — С. 76–78.

171. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 65-68.

172. Животный мир Башкортостана. — Уфа, 1995. — 312 с.

173. Жудова П.П. Геоботаническое районирование Башкирской АССР. — Уфа, 1964. — С. 94-95.

174. Жук А.В. Батени под лопатой С.А. Теплоухова: Археологический микрорайон? // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 29-33.

175. Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1997. — С.43-75.

176. Зайцева О.В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII

Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 96-98

177. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. — Новосибирск, 1995. — 96 с.

178. Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — №1. — С. 219-233.

179. Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии. — М., 1978. — С. 49-54.

180. Збруева А.В. Могильник Метев-Тамак // КСИА. — Вып. 72. — 1958. — С. 28-36.

181. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. — 184 с.

182. Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск: ТОО «Каменный пояс», 1995. — С. 21-42.

183. Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. — 1997. — №2. — С. 47-62.

184. Зими́на О.Ю., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е., Иванов С.И. Новые материалы ранней и поздней бронзы в Тюменском Притоболье (по результатам исследования поселения Мостовое-I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2009. — №10. — С. 20-34.

185. Зотов И.А. О вкладе В.И. Матющенко в разработку концепции археологических микрорайонов // *Vita scientificus*, или археолог В.И. Матющенко. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко – археолога, ученого, педагога. — Омск: Полиграфический центр КАН, 2014. — С. 69-71.

186. Зубков В.С. Археологические микрорайоны и их роль в изучении культур палеометалла Хакасо-Минусинской котловины // Археологический микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 36.
187. Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Давыдовский курганный могильник // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 1999. — С. 115-142.
188. Иванов В.А. Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях р. Белой // СА. — №1. — 1974. — С. 231-234.
189. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В., Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. — 396 с.
190. Иванов В.А., Горбунов В.С. Раскопки в Оренбуржье и Южной Башкирии // АО 1983 года. — М.: Наука, 1985. — С. 148-149.
191. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. — М.: Интеллект, 1995. — 264 с.
192. Илюшин А.М. Урской археологический микрорайон в эпоху бронзы // Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск, 2004. — С. 40-44.
193. Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы (“Елена”) на реке Стерля в Башкортостане. — Уфа: Дизайнполиграфсервис, 2009. — 240 с.
194. Исмагилов Р.Б., Латыпов Ф.Ф., Обыденнов М.Ф., Рутто Н.Г. Исследования в зоне Иштугановского водохранилища // АО 1977 года. — М.: Наука, 1978. — С. 178.
195. История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). — Выпуск 6. — Археологические памятники Башкортостана. — Уфа: Гилем, 1996. — 280 с.
196. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. — М., 2001. — 295 с.
197. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 247 с.

198. Казаков Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Отчеты Нижнекамской АЭ ИА АН СССР, Вып. 2. Работы Татарского отряда. — Казань: Изд-во: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. — С. 121-126.
199. Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. — 1979. — №1. — С. 145-161.
200. Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак: (Предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. — №9. — С. 32-58.
201. Калинин В.К., Обыденнов М.Ф. Исследования поселений эпохи бронзы на реке Деме // Очерки истории дореволюционной России. — Уфа, 1975. — Вып. 3. — С. 179-189.
202. Каменецкий И.С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. — 1978. — №2. — С. 18-36.
203. Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. — Алматы, 2011. — 220 с.
204. Каргалы. Том I: Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследований: Археологические памятники / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. — М., 2002. — 112 с.
205. Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. — М.: Наука, 1966. — 349 с.
206. Клейн Л.С. Археологическая типология. — Л., 1991. — С. 180-183.
207. Клейн Л.С. Методологическая природа археологии // РА. — 1992. — №4. — С. 86–97.
208. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. — Кн. 1: Метаархеология. — СПб.: Бельведер, 2004. — 470 с.
209. Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.). — Київ, 2006. — 337 с.
210. Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-2. — Екатеринбург, 1997. — 132 с.

211. Ковалева В.Т., Штандлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск, 1989. — С. 153-165.
212. Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV-IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 95-118.
213. Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. — 1980. — № 4. — С. 140-153.
214. Козынцева Н.Н. Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. — 1998. — Вып.23. — С. 184-195.
215. Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. — 1952. — № 24. — С. 7-50.
216. Корякова Л.Н., Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Пантелеева С.Е., Сахарова А.О., Хэнкс Б., Чечушков И.В., Шарапова С.В. Предварительные результаты исследований в микрорайоне Каменный Амбар (эпоха бронзы) // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). — Екатеринбург-Сургут: Издательство «Магеллан», 2007. — С. 145-147.
217. Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Кайзер Э., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Носкевич В.В., Зайков В.В. Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005–2008 г. // Труды III (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. IV (дополнительный). — М.: ИА РАН, 2011. — С. 41-43.
218. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М.: Наука, 1981. — 282 с.
219. Косинцев П.А. Животноводство у населения Южного Урала в абашевское и синташтинское время // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. трудов. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. — С. 73-77.

220. Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. — Самара: Изд-во СГПУ, 2003. — С. 126-146.
221. Косинцев П.А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск, 2004. — С. 51-54.
222. Косинцев П.А. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. — Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. — С. 21-79.
223. Косинцев П.А., Стефанов В.И., Труфанов А.Я. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. — Новосибирск, 1989. — С. 138-141.
224. Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // АВ ORIGINE. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. — Вып. 3. — С. 4-33.
225. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). — Самара: Изд-во Самар. пед. ун-та, 1995. — С. 156-207.
226. Котов В.Г., Савельев Н.С. Промысловая стоянка «Ташмуратовский грот» в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. — 2003. — Вып. 4. — С. 124-147.
227. Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // АО 2005 года. — М.: Наука, 2007а. — С. 377-381.
228. Котов В.Г., Савельев Н.С. Энеолитическая стоянка Сабакты — 8 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. — Вып 6-7. — Уфа, 2007б. — С. 12-18.
229. Крадин Н.Н. Империя хунну. — М.: Логос, 2001. — 312 с.

230. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н.э. - первая половина I тысячелетия н. э.) // МИА. — 1977. — №174. — 168 с.
231. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. — Пермь, 2006. — 352 с.
232. Кузьмина Е.Е. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. — №88. — 1962. — С. 88-92.
233. Кузьмина Е.Е. Периодизация андроновских могильников Еленовского микрорайона // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М., 1964. — С. 121-140.
234. Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. — №4. — М., 1965. — С. 40-51.
235. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М., 1994. — 464 с.
236. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. — М. – СПб., 2008а. — 258 с.
237. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. — Актобе: ПринтА, 2008б. — 358 с.
238. Кузьмина Е.Е., Попов С.А. Новый микрорайон андроновских памятников на р. Джарлы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 141-147.
239. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. — Самара: Изд-во СамГПИ, 1992. — 128 с.
240. Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. — Вып. 1. — Самара, 1999. — С. 154-205.
241. Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юго-восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации. — СПб., 2000. — С. 65-134.

242. Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. — М.: ИА РАН, 2002. — С. 157-174.

243. Кузьмина О.В. Эрмитажная коллекция абашевской культуры поселения Баланбаш // Археологические памятники Оренбуржья. — 2011. — С. 92-118.

244. Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). — СПб., 2016. — С. 39–44.

245. Кульпин Э.С. К вопросу о совместимости единиц измерения времени в природе и обществе // История и современность. — №2. — 2012. — С. 35-46.

246. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 3. — 2001. — С. 79-85.

247. Куприянова Е.В. Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001. — С. 321–327.

248. Кучеров Е.В., Ильичев В.Д. Охотничье-промысловые птицы Башкирии и их охрана. — Уфа, 1961. — 57 с.

249. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. — 98 с.

250. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Результаты палеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самара // в книге: Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Оренбург: ОГПУ, 1995. — С. 177–200.

251. Лаптева Е.Г., Корона О.М. Растительность лесостепи Южного Зауралья в голоцене // Экология древних и традиционных обществ: сборник

докладов конференции. — Вып. 4. — Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2011. — С. 55-58.

252. Логвин В.Н., Шевнина И.В. Погребения финальной бронзы некрополя Бестамак // Археология и история Сарыарки. — Караганда, 2012. — С. 146-158.

253. Луковская Т.С., Иванов И.В., Васильев И.Б. Методы оценки параметров экосистемы, численности населения в различные археологические эпохи (на примере Рын-песков) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. — Самара, 1996. — С. 37-42.

254. Лыганов А.В. Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — №4. — С. 126-132.

255. Любчанский И.Э., Денисова Д.В. Фибулы позднесарматского времени из могильников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. — 2014. — Вып.14. — С. 124-129.

256. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. — М., 1968. — 161 с.

257. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. — М., 1977. — 240 с.

258. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. — М.: Наука, 1981. — 162 с.

259. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест». 2000. С. 194-232.

260. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. — 2009. — №1. — С. 47-52.

261. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Уфимский археологический вестник. — 2014. — Вып.14. — С. 130-140.

262. Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

263. Малов Н.М. Заготовка дисковидного псаля с селища Баланбаш // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. — Чебоксары, 2003. — С. 128-132.

264. Малютина Т.С. Могильник Приплодны Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. — Челябинск, 1984. — С. 58-79.

265. Маматов А.Ф. Водоплавающие птицы Южного Урала. — Уфа, 1995. — 180 с.

266. Маркарян Э.С. Принципы системного исследования культуры (опыт культурологического анализа науки) // Диалектика и системный анализ. — М.: Наука, 1986. — С. 71-80.

267. Мартинес-Наваррете М.И., Висент-Гарсия Х.М., Лопес-Гарсия П., Лопес-Саец Х.А., де Завала-Моренкос И., Диас-дель-Рио П. Металлургическое производство на Каргалах и реконструкция окружающей среды // РА. — 2005. — №4. — С. 84-91.

268. Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология, вчера, сегодня, завтра. — Новосибирск, 1995. — С. 25-41.

269. Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблема генезиса культур Сибири. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. — С. 4-41.

270. Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. — Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. — 416 с.

271. Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 1 (14). — С. 46-55.

272. Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. — 2009. — Вып. 7. — С. 3-14.

273. Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А., Панфилов А.Н., Петренко Ю.В. Радиоуглеродный возраст и проблема хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Алтайский ун-т, 1991. — С. 28-31.

274. Матвеева Г.И., Никитина А.В. Особенности памятников романовского типа эпохи Великого переселения народов на примере материалов исследования селища Романовка —II 1989 года // Вояджер: мир и человек. Теоретический и научно-методический журнал. — Самара. 2015. — № 6. — С. 52-77.

275. Матвеева Г.И., Трибунский С.А. О происхождении и хронологии памятников салиховского типа // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. — Ижевск. 2000. — С. 288-290.

276. Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. — 2006. — №2. — С. 24-37.

277. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.И. Коловское городище. Древности Ингальской долины: археолого-палеографическое исследование. — Вып. 2. — Новосибирск: Наука, 2008. — 336 с.

278. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование. — Вып.1. — Новосибирск, 2003. — 174 с.

279. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири

(проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 228 с.

280. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. — М., 1982. — 326 с.

281. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). — Ч. 4: Еловско-ирменская культура. — Томск, 1974. — 196 с.

282. Матющенко В.И. Культура, культурная общность при исследовании археологических микрорайонов // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1993. — С. 32-34.

283. Матющенко В.И. Археологический микрорайон как познавательная категория // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 64-66.

284. Матющенко В.И. Археологический микрорайон и этнографо-археологический комплекс // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Новосибирск; Омск, 1996. — Т.1. — С. 23-25.

285. Матющенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1997. — С. 29-43.

286. Матющенко В.И. Культурно-хронологические и культурно-территориальные комплексы в АМР // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1998. — С. 40-42.

287. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1: Еловский I курганный могильник. — Омск, 2001. — 62 с.

288. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. — Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. — 468 с.

289. Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Нижнетарский археологический микрорайон: (История, проблемы археологических микрорайонов и перспективы исследования) // Вопросы истории археологических исследований в Сибири. — Омск, 1992. — С. 104-139.

290. Матющенко В.И., Шерстобитова О.С. О методологических основаниях концепции археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Северной Евразии. — Омск, 2004. — С. 62-67.
291. Меркулов А.Н. Хозяйственно-производственные комплексы среднедонского населения скифского времени // КСИА. — Вып. 242. — 2016. — С. 96-112.
292. Мерц В.К. Новые находки бронзовых изделий из Павлоградского Прииртышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. — Вып. XI. — С. 138-140.
293. Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. — Барнаул: Изд. АлтГУ, 2006. — С. 73-82.
294. Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. — 2007. — № 4. — С. 143-154.
295. Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Материалы охранных археологических исследований. — Т.16. — М., 2013. — 568 с.
296. Минеева И.М. Историко-культурное наследие хребта Ирэндик на Южном Урале: опыт выявления, изучения и сохранения // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). — Вып. X. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. — С. 126-132.
297. Миркин Б.М. Экология растительности сельскохозяйственных земель Башкирии. — Уфа, 1990. — 125 с.
298. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.
299. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. — Новосибирск, 2001. — Том 1. — 128 с.
300. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и

подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История и филология. 2014. — Т. 13. — Вып. 3: Археология и этнография. — С. 136-167.

301. Молодин В.И., Соловьёв А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. — Новосибирск, 2004. — Том 2. — 184 с.

302. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. — Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2003. — 392 с.

303. Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — С. 160-172.

304. Морозов Ю.А. Срубные памятники Приуралья (вопросы периодизации и хронологии) // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. — Уфа, 1982а. — С. 3-19.

305. Морозов Ю.А. Клад каменных орудий на р. Уршак // СА. — №4. — 1982б. — С. 214-215.

306. Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди Юга Восточной Европы. — Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. — С. 43-58.

307. Морозов Ю.А. Поселения срубной культуры Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории. — Уфа: БФАН СССР, 1987. — С. 36-42.

308. Морозов Ю.А. О культурно-типологическом соотношении срубных и межовских керамических комплексов на Казангуловском поселении // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. — Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 41-54.

309. Морозов Ю.А. Материалы абашевской культуры на срубных памятниках Башкирского Приуралья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. — Чебоксары, 2003а. — С. 209-211.

310. Морозов Ю.А. Находки бронзолитейного производства на поселении Азануй в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. — Вып. 1. — Уфа, 2003б. — С. 113-114.

311. Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // Уфимский археологический вестник. — 2004. — Вып. 5. — С. 119-127.

312. Морозов Ю.А. Абдуловское поселение на р. Ик // Уфимский археологический вестник. — Вып. 8. — Уфа, 2008. — С. 44-50.

313. Морозов Ю.А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. — Уфа, 2017. — 231 с.

314. Морозов Ю.А., Мукатанов А.Х. Опыт изучения свойств погребенной почвы Староябалаклинского могильника (Башкирская АССР) для палеопочвенных реконструкций // Использование методов естественных и точных наук для изучения древней истории Западной Сибири. — Барнаул, 1983. — С. 8-9.

315. Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. Чишминское поселение срубной культуры на реке Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. — Уфа, 1989. — С. 72-84.

316. Мосин В.С. Энеолит Урало-Сибирского региона // Вестник НГУ. — Серия: история, филология. — 2014. — Том 13. — Выпуск 3: Археология и этнография. — С. 44-57.

317. Мосин В.С. Экосоциальная адаптация населения центра Северной Евразии в конце плейстоцена – начале голоцена (опыт археологического моделирования) // Уральский исторический вестник. — 2010. — Вып.2 (27). — С. 4-12.

318. Мосин В.И., Елимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. — №4 (60). — 2014. — С. 30-42.

319. Мочалов О.Д. О керамике бронзового века бассейна реки Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. — Самара, 2003. — С. 52-77.

320. Мочалов О.Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. — №2. — 2004. — С. 123-135.

321. Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Самара, 2008. — 252 с.

322. Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. — № 1 (69). — 2014. — С. 219-228.

323. Мухаметдинов В.И., Русланов Е.В. Техничко-технологический анализ керамики позднебронзовой стоянки Озерки-1 в Башкирском Приуралье // Вестник ВолГУ. — Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». — №5 (35). — 2016. — С. 9-16.

324. Мухаметдинов В.И., Русланов Е.В. Транскультурация эпохи бронзы по данным анализа гончарной технологии памятников Береговского археологического микрорайона в Башкирском Приуралье // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 160, кн. 3. — С. 562–571.

325. Наумова Л.Г., Миркин Б.М., Мулдашев А.А., Мартыненко В.Б., Ямалов С.М. Флора и растительность Башкортостана: учеб.пособие. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. — 174 с.

326. Нейштадт М.Н. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. — М.: Наука. 1957. — 404 с.

327. Немкова В.К. История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время // Актуальные вопросы современной геохронологии. — М.: Наука, 1976. — С. 259-275.

328. Немкова В.К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. — Уфа, 1978. — С. 4-45.

329. Немкова В.К. Природные условия Южного Предуралья в эпоху бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья: Межвузовский сборник научных трудов. — Уфа: Башкирский пединститут, 1985. — С. 111-115.
330. Немкова В.К. Флоры и растительность Предуралья в плиоцене, плейстоцене и голоцене // Флора и фауна кайнозоя Предуралья и некоторые аспекты магнитостратиграфии. — Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. — С. 69-77.
331. Немкова В.К., Климанов В.А. Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья. — Уфа, 1988. — С. 65-71.
332. Нестеров М.С., Ткачев А.А. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — №1. — С. 63-70.
333. Никитина А.В. Технологические особенности керамики селища Романов-ка-II эпохи великого переселения народов северо-западной Башкирии (по материалам раскопок 1989 года) // Вестник СамГУ. — 2015. — № 11 (133). — С. 160-164.
334. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. — М., 2007. — 668 с.
335. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. — Новосибирск, 1995. — С. 41–52.
336. Обыденнов М.Ф. Курганный могильник черкаскульской культуры // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. — Казань, 1974. — С. 20-21.
337. Обыденнов М.Ф. Раскопки в зоне Иштугановского водохранилища // АО 1982 года. — М.: Наука, 1984. — С. 167.
338. Обыденнов М.Ф. Изучение стоянок позднего бронзового века в Башкирии // АО 1984 года. — М.: Наука, 1986. — С. 148.
339. Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала: Учеб. пособие. — Уфа, 1986. — 79 с.

340. Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н.э. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. — 208 с.
341. Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели: отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. — Уфа: Изд-во БЭК, 1997. — 135 с.
342. Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. — Уфа, 1997. — 202 с.
343. Обыденнов М.Ф. Межовская культура. — Уфа БЭК, 1998. — 201 с.
344. Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И. и др. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. — Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2001. — 159 с.
345. Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е. Палеодемография Урало-Поволжья. Учеб. пособие. — Уфа, 2010. — 90 с.
346. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Разведки по р. Ик и раскопки поселения Сауз I // АО 1981 года. — М.: Наука, 1983. — С. 169.
347. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. — Самара: Изд-во Саратов. Ун-та, Самарский филиал, 1991. — 171 с.
348. Обыденнов М.Ф., Савельев Н.С. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. — Уфа, 1994. — С. 100-115.
349. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. — 196 с.
350. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Черкаскульская культура. Учебное пособие. — Уфа: Юридический колледж, 2005. — 139 с.
351. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. — Екатеринбург: УрО РАН, 1994. — 112 с.

352. Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологический микрорайон Мурадымовского поселения: поселенческо-погребальный комплекс бронзового века Башкирского Приуралья // Современные проблемы археологии России // Материалы Всероссийского археологического съезда. — Новосибирск, 2006. — Т. I. — С. 439-441.

353. Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Интеграция археологических и естественно-научных методик для изучения контактных зон срубных и алакульских этнокультурных общностей поздней бронзы Южного Приуралья на примере Мурадымовского поселения // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). — М., 2008а. — С. 20-23.

354. Обыденнова Г.Т., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Проблемы реализации междисциплинарного взаимодействия археологии и этнографии с гуманитарными и естественными науками для исследования разновременных археологических объектов (на примере Мурадымовского археологического микрорайона) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. — Новосибирск, Омск: Новосибирский государственный университет, 2008б. — С. 321-322.

355. Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М.Акмуллы за последние 10 лет (1998-2008 гг.) // Труды КАЭЭ. — Вып.5. — Пермь, 2008в. — С. 76-83.

356. Овсянников В.В. Новые материалы по позднему бронзовому веку Приуралья // Уфимский археологический вестник. — 2004. — Вып. 5. — С. 83-92.

357. Овсянников В.В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. — 2009. — Вып. 9. — С. 144-156.

358. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V веках. — Ижевск, 1997. — 327 с.

359. Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. — Ижевск, 2011. — 218 с.

360. Отрощенко В.В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. — Орск: Ин-т евразийских исследований, Ин-т степи УрО РАН, 2000. — С. 66-72.

361. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — Київ, 2001. — 288 с.

362. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. — Вып. VI-10. — Т. 1. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — 200 с.

363. Панина С.Н. Поселение бархатовской культуры финальной бронзы в горно-лесном Зауралье (по материалам раскопок памятника Палатки 2) // Международное XIV Уральское археологическое совещание. — Пермь, 2003. — С. 97-98.

364. Панова Н.К. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 4. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. — С. 48-59.

365. Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С. Металлообработка бронзовых изделий на поселении эпохи поздней бронзы Рублево VI // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. — С. 107-116.

366. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций: сб. науч. трудов. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — С. 83-96.

367. Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 2000. — Вып. XI. — С. 152-155.

368. Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой половине I тыс. н.э. // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 37 (175). — История. Вып. 36. — С. 7-12.

369. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. — Вып. 3. — Казань: Институт истории АН РТ, 2007. — С. 58-61.

370. Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). — Новосибирск, 1993. — 212 с.

371. Петров Ф.Н. Разведочные обследования массива горы Чека // Вестник Общества открытых исследований древности. Научный альманах. — Челябинск, 2002. — Вып. 1. — С. 86-87.

372. Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы // Приложение к альманаху «Дубненское наследие». — Дубна, 2009. — 64 с.

373. Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997 – 2015 гг. — М., 2016. — 148 с.

374. Петров Ф.Н., Полякова Е.Л. Археологические памятники массива горы Чека // Вестник Общества открытых исследований древности. Научный альманах. — Челябинск, 2002. — Вып. 1. — С. 80-98.

375. Плеханова Л.Н. Особенности выявления климатических микроплювиалов по слабо сенсорным почвам археологических памятников (на примере степного Зауралья в IV в.н.э.) // Вестник ЧелГУ. — История. — 2009. — № 28 (166). — Вып. 34. — С. 27-34.

376. Плеханова Л.Н. Палеопочвенные исследования археологического памятника «Поселение Ново-Байрамгуловское (Бакшай)», расположенное на территории Башкирского Зауралья // Вестник ВЭГУ. — 2009. — № 6. — С. 56-68.

377. Плеханова Л.Н., Дёмкин В.А. Палеопочвы комплекса Солончанка IX и климат степного Зауралья в IV в. н.э. // Экология. — 2008. — № 5. — С. 357-365.
378. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. — № 1-2 (13-14). — Горно-Алтайск, 2009. — С. 3-16.
379. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда-атрибути инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы – начала раннего железного века) // Древности Сибири и Центральной Азии. — Горно-Алтайск, 2013. — №5 (17). — С. 23-44.
380. Полеводов А.В., Плешкова Е.А. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутинских озер // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1998. — С. 48-53.
381. Попов Г.В. Леса Башкирии. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. — 144 с.
382. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М., 1985. — 376 с.
383. Приходько В.Е., Рогозин Е.П., Чаплыгин М.С. Реконструкция климата, почв и растительности срубного времени на основании исследования курганов Предуральской лесостепи Республики Башкортостан // Почвоведение. — 2016. — № 9. — С. 1052-1067.
384. Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. — 214 с.
385. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. — 171 с.
386. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. — Воронеж: Издание Воронежского университета, 1977. — 168 с.
387. Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточно-европейской лесостепи. — Воронеж, 1980. — С. 7-32.

388. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. — Воронеж, 1993. — 27 с.
389. Пряхин А.Д, Горбунов В.С. Абашевские памятники у с. Береговки в Башкирии. // АО 1975 года. — М.: Наука, 1976. — С. 198-199.
390. Пряхин А.Д., Горбунов В.С. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология Восточно-Европейской лесостепи. — Воронеж, 1979. — С. 72-98.
391. Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. — Вып. 5. — Рязань, 1996. — С. 45-47.
392. Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. — Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989. — 20 с.
393. Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. — Уфа, 1981. — С. 91-101.
394. Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. — Саратов, 1992. — С. 67-85.
395. Ражев Д.И., Епимахов А.В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — №5. — 2004. — С. 107-113.
396. Ражев Д.И., Ковригин А.А. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ. — Тюмень, 1999. — С. 171-175.
397. Рафикова Я.В., Федоров В.К. Исследование святилища эпохи энеолита Бакшай - поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1: итоги и перспективы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. — Челябинск: Рифей, 2013. — С. 10-27.

398. Рафикова Я.В., Фёдоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. — Уфа: Китап, 2017. — 244 с.

399. Рахимов И.Р. Рудные полезные ископаемые пермской системы Приуралья Республики Башкортостан // Проблемы геологии и освоения недр. — Томск, 2013. — Т. I. — С. 216-218.

400. Рождественский А.П. Новейшая тектоника и развитие рельефа Южного Приуралья. — М.: Наука, 1971. — 303 с.

401. Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. ОНКАЭ. — Казань, 1981. — Вып. 3. — С. 71-93.

402. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. — М.: ЮНИТИ, 1999. — 317 с.

403. Русланов Е.В. Опыт палеодемографического исследования Береговского I поселения эпохи бронзы лесостепного Приуралья // «Кадырбаевские чтения-2012». Материалы III Международной конференции. — Актобе, 2012. — С. 92-96.

404. Русланов Е.В. О правомерности выделения Береговского археологического микрорайона в лесостепном Приуралье // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». — Сыктывкар, 2013. — С. 41-43.

405. Русланов Е.В. Формирование археологического микрорайона как историко-культурной единицы исследования. Выделение Береговского археологического микрорайона // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. — Ульяновск, 2013. — С. 110-113.

406. Русланов Е.В. Методика изучения археологических микрорайонов // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. — Казань, Болгар, 2014. — С. 96-101.

407. Русланов Е.В. Природно-географические условия пространственной организации поселений эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань: Отечество, 2014. — Том IV.-2014. — С. 362-265.

408. Русланов Е.В. Памятники финальной бронзы Береговского археологического микрорайона // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всеросс. науч. конф. — Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей. — 2015. — С. 181-186.

409. Русланов Е.В. Структура стада домашних животных у населения лесостепного Приуралья в эпоху бронзы // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории БашГУ. — Уфа, 2015. — С. 16-27.

410. Русланов Е.В. Раскопки стоянки эпохи бронзы Озерки 1 в Республике Башкортостан // АО 2014 года. — М.: Институт археологии РАН, 2016. — С. 301-303.

411. Русланов Е.В. Результаты разведочных работ 2015-2016 гг.: к проблеме отсутствия современного свода археологических памятников Республики Башкортостан // АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: сборник научных статей. — Вып. 2. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. — С. 83-89.

412. Русланов Е.В. Русланов В.В. Геолого-минералогическая характеристика руды и орудий металлообработки с поселений эпохи бронзы западных склонов Южного Урала // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 17-ой научной конференции. — Сыктывкар, 2014. — С. 152-156.

413. Русланов Е.В., Обыденнов М.Ф. Памятник эпохи поздней бронзы «Озерки-1, стоянка» (предварительные результаты междисциплинарных исследований) // Вестник БашГУ. — 2015. — С. 321-324.

414. Русланов Е.В., Сахипов Р.Ф. Новые памятники эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона // VI Башкирская археологическая

конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции. — Уфа:, 2013. — С. 48-51.

415. Русланов Е.В., Сахипов Р.Ф., Шамсутдинов М.Г., Мухамедьяров А.Р. Разведочные работы музея-заповедника «Древняя Уфа» в полевом сезоне 2013 г. // XLVI Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых. — Ульяновск, 2014. — С. 39-43.

416. Русланов Е.В. Е.Е. Кузьмина и изучение археологических микрорайонов эпохи бронзы: становление методики // Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых. — Уфа, РИЦ БашГУ, 2015. — С. 18-23.

417. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. — Уфа: ООО «Альфа-Реклама», 2016. — 266 с.

418. Рутто Н.Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах (на материале башкирских памятников) // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. — Уфа, 1987. — С. 43-52.

419. Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. — Уфа, 2003. — 212 с.

420. Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. — Пушино, 1997. — 167 с.

421. Савельев Н.С. Северо-восточный регион Республики Башкортостан: опыт анализа государственной охраны недвижимых объектов культурного наследия. — Уфа: Информреклама, 2003. — 68 с.

422. Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. — №2. — 2006. — С. 17-48.

423. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. — Уфа: Гилем, 2007. — 257 с.

424. Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. — Вып. 15. — 2015. — С. 62-84.

425. Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящённой 100-летию со дня рождения Константина Фёдоровича Смирнова. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. — С. 241-253.

426. Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. — №1 (19). — 2017. — С. 114-129.

427. Савельев Н.С., Овсяников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акабердино – II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. — Барнаул, 2017. — С. 900-901.

428. Савельев Н.С., Яминов А.Ф. Разведочные работы в Баишевском микрорайоне // АО 1996 года. — М.: Институт археологии РАН, 1997. — С. 278 – 279.

429. Савельев Н.С., Котов В.Г., Овсянников В.В., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Ахметова Е.А. Древности Башкирского Урала: коллективная монография. — Уфа: Информреклама, 2018. — 216 с.

430. Сальников К.В. Бронзовый век южного Зауралья // МИА. — №21. — М., 1951. — 272 с.

431. Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. — 1954. — №XXI. — С. 52-95.

432. Сальников К.В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. — Уфа, 1959. — С. 30-47.

433. Сальников К.В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. — Свердловск, 1960. — С. 7-17.
434. Сальников К. В. История древней металлообработки на Южном Урале (металлургия абашевских племен) // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1962. — Т.1. — С. 62-75.
435. Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии // Археология и этнография Башкирии. — Т.2. — Уфа, 1964. — С. 3-15.
436. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967. — 408 с.
437. Сергеев А.С. Поселение Заводоуковское 10 — новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. — Уфа, 1991. — С. 55-58.
438. Сергеева О.В. Палеодемографические оценки численности населения эпохи поздней бронзы Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. — Саратов, 2006. — Вып. 4. — С. 132-140.
439. Синюк А.Т. Археологический микрорайон: концепции и методологический аспект // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. — Воронеж, 1990. — С. 5-7.
440. Сиротин С.В. Разведки в Южной Башкирии // АО 2001 года. — М., 2002. — С. 365-366.
441. Сиротин С.В. Охранные раскопки на юго-западе Башкирии // АО 2004 года. — М., 2005. — С. 368-370.
442. Сиротин С.В. Раскопки курганной группы Ялчикаево II в Республике Башкортостан // АО 2006 года. — М., 2009. — С. 489-490.
443. Ситников С.М. Могильник финальной бронзы Чекановский Лог-7 // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар, 2000. — С.75-78.

444. Скворцовский курганный могильник / коллективная монография: Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. — 160 с.

445. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977. — 83 с.

446. Смирнов Н.Г., Кузьмина Е.А. Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005. — С. 23-32.

447. Соколов П.Г. К вопросу об оценке численности населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы // Археология Южной Сибири. — Вып. 23. — Кемерово, 2005. — С. 142-144.

448. Соловьев Б.С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие. — Чебоксары: ЧГИГН, 2003. — С. 198-192.

449. Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — №2 (25) . — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. — С. 26-34.

450. Сотникова С.В. Детские погребение с наборами астрагалов как отражение половозрастной стратификации в обществах эпохи бронзы на территории евразийских степей (по материалам памятников синташтинско-петровского, потаповского, покровского типов) // Вестник Пермского университета. — Серия: История. — 2015. — № 1 (28). — С. 20-30.

451. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Палинологические исследования поселения Воймежное X // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1. — М.:ИАРАН. 1997. — С. 120-124.

452. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. — 1999. — № 1. — С. 23-33.
453. Старков В.Ф. Кокшарово I-многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. — №1, 1970. — С. 97-108.
454. Сулейманов Р.Р. Почвенные исследования археологического памятника в долине р. Стерля // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — № 9. — С. 189-194.
455. Сулейманов Р.Р., Обыденнова Г.Т. Почвенно-археологическое исследование поселения бронзового века в пойме р. Уршак (Башкирия) // Почвоведение. — 2006. — №8. — С. 914-920.
456. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). — Уфа, 1998. — 168 с.
457. Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф. Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков: Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. — Уфа: Нац. музей Республики Башкортостан, 1995. — Вып. 1. — С. 58-64.
458. Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Темясовский курганный могильник // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2017. — Т. 22. — №1 (85). — С. 36-44.
459. Сухов В.П., Хисматов М.Ф. География Башкирии: Учеб. пособие для 8-9 кл. сред. шк. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. — 152 с.
460. Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям / Рифей. — Челябинск, 2003. — 68 с.
461. Тамимдарова Р.Р. Предметы конской упряжи поселения Таналык // XXXVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. — Челябинск, 2005. — С. 187.
462. Тароева Р.Ф. Материальная культура карел: Этногр. очерк. — М., Л.: Наука, 1965. — 224 с.

463. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. и др., Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. — Омск, 2011. — 196 с.

464. Татаурова Л.В. К вопросу об изучении керамики археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 86.

465. Татаурова Л.В. Культурно-хронологические комплексы археологических микрорайонов Западной Сибири // Рыцарь сибирской археологии: Сб., посв. памяти В.И. Матющенко. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. — С. 276-288.

466. Тезикова Т.В. Самарская Лука. Краткая физико-географическая характеристика восточной части // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. — Вып. III. — Куйбышев, 1975.

467. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. — Т.4. — Вып. 2. — Л., 1929. — С. 41-62.

468. Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. — 1960. — № 90. — С. 5-115.

469. Тихонов С.С. Памятники эпохи бронзы, археологические микрорайоны, культурный слой и изучение системы расселения древних жителей Сибири // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. трудов. — Барнаул: Изд-во: Алт. ун-т, 2005. — С. 125-128.

470. Тихонов С.С. Владимир Иванович Матющенко и его исследования археологических микрорайонов западной Сибири (воспоминания о создании концепции) // Археологические микрорайоны северной Евразии. — Омск, 2009. — С. 7-10.

471. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай): Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. — 200 с.

472. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. — Ч. 1. — 289 с.
473. Ткачев А.А. Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — №10. — С. 35-44.
474. Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // ВИАЭ. — 2009. — №11. — С. 81-89.
475. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994-1998) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 2. — Тюмень, 1999. — С. 136-145.
476. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. К вопросу о демографической ситуации в степях Центрального Казахстана в эпоху средней бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень. — № 5. — 2004. — С. 114-119.
477. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. — № 7. — С. 241-248.
478. Ткачев В.В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003. — С. 212-225.
479. Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. науч. ст. — Уральск: ГККП Западно-Казахстанский обл. центр истории и археологии, 2005. — Вып.4. — С. 182-198.
480. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Актобе: АОЦИЭА, 2007. — 384 с.
481. Ткачев В.В. Шаншарский археологический микрорайон эпохи поздней бронзы в Актюбинском Приуралье // Уфимский археологический вестник. — Уфа, 2009. — Вып. 9. — С. 72-83.

482. Ткачев В.В. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — № 2. — Т. 12 (34). — С. 268-271.

483. Ткачев В.В. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // КСИА. — 2011. — Вып. 225. — С. 220-230.

484. Ткачев В.В. Шуулдакский археологический микрорайон на южном фланге Мугаджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. — Астана, 2012а. — Т. I. — С. 181-192.

485. Ткачев В.В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012б. — № 2 (50). — С. 37-46.

486. Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. — Орск-Самара, 2006. — 181 с.

487. Трисвятский Л.А., Лесик Б.В., Курдина В.Н. Хранение и технология сельскохозяйственных продукто. — М.: Агропромиздат, 1991. — 415 с.

488. Турганикское поселение в Оренбургской области: монография / под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. — Оренбург: ОГАУ, 2017. — 300 с.

489. Умрихин С.М., Ткачев В.В., Фомичев А.В. Работы в Ишкининском микрорайоне // АО 2009 года. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — С. 241.

490. Усачук А.Н. Псалий с поселения Баланбаш // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2002. — С. 90-96.

491. Учаев А.П., Некрасова О.А., Дергачева М.И., Бажина Н.Л., Калинин П.Н. Природные условия формирования палеопочв первой трети субатлантического периода в разрезе Батурино (Южный Урал) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — Красноярск, 2015. — №11. — С. 57-67.

492. Фомичев А.В. Керамика позднего бронзового века с памятников на р. Свистунка в восточном Оренбуржье // Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия. — Орск, 2017. — С. 136-141.
493. Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // СА. — 1987. — №3. — С. 230.
494. Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. — М.: Наука, 1980. — Вып. В1-24. — 129 с.
495. Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая курья в Южном Зауралье. — Л., 1976. — 62 с.
496. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. — М.: Наука, 1977. — 200 с.
497. Хотинский Н.А. Следы прошлого ведут в будущее. — М.: Мысль, 1981. — 168 с.
498. Хохлова О.С. Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. — Вып.4. — М., 1996. — С. 61-72.
499. Хохлова О.С., Гольева А.А. Палеопочвы курганного могильника раннего железного века Акоба II в Акбулакском районе Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 12. — С. 95-101.
500. Хохлова О.С., Кузнецова А.М., Хохлов А.А., Моргунова Н.Л., Чичагова О.А. Палеопочвы курганов ямной культуры степной зоны Приуралья // Почвоведение. — 2008. — № 5. — С. 481-490.
501. Хохлова О.С., Хохлов А.А. Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. VII. — Оренбург, 2005. — С. 50-69.
502. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Моргунова Н.Л., Юстус А.А. Короткие хроноряды палеопочв Скворцовского курганного могильника в долине р.

Бузулук (Оренбургская область) // Почвоведение. — 2010. — № 9. — С. 1038-1050.

503. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Юстус А.А., Гольева А.А. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганов могильника Филипповка 1 в Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — Спец. выпуск (75). — С. 393-396.

504. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. — М.: Наука, 1970. — 279 с.

505. Чаплыгин М.С. История изучения погребальных памятников срубной культуры на территории Башкирского Приуралья // Уфимский археологический вестник. — Вып. 13. — С. 40-62.

506. Чаплыгин М.С., Приходько В.Е., Rogozin E.P., Стародубцев М.В., Калинин П.И. Комплексное исследование курганов и палеоэкологические условия срубного времени лесостепного Предуралья // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене». — М., 2016. — С. 245-248.

507. Чемякин Ю.П. Археологические микрорайоны на примере Барсовой горы // Археологические микрорайоны северной Евразии. — Омск, 2009. — С. 100-118.

508. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: Археологическая карта. — Сургут-Омск, 2004. — 208 с.

509. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — 1970. — №172. — 180 с.

510. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — 1978. — № 4. — С. 53-83.

511. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: БашГУ, 1983. — С. 81-99.

512. Черных Е.М. Домостроительство древних коми-пермяков (по материалам родановской культуры Верхнего Прикамья) // Исследования по археологии и истории Урала. — Пермь, 1998. — С. 83-95.

513. Черных Е.Н. Каргалы. Том V: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. — М., 2007. — 200 с.

514. Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 3 (35). — С. 36-53.

515. Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. — Ижевск, 2010. — 160 с.

516. Черных Е.Н., Кореневский С.Н. О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М.: Наука, 1976. — С. 201-208.

517. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. — М.: Наука, 1989. — 320 с.

518. Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии «дописьменной» эпохи культур Западной Евразии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. — Вып.3. — М.: Изд-во: «ИА РАН». 2013. — С.8-15.

519. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М.: Наука, 1972. — 248 с.

520. Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. — Вып. 2. — Барнаул, 2000. — С. 5-20.

521. Шевченко А.В. Еще раз об антропологическом облике черкаскульцев // VI УАС. — М., 1977. — С. 35-37.

522. Шевченко А.В. Об антропологических особенностях носителей черкаскульской культуры // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976. — С. 84-86.

523. Шевченко А.В., Юсупов Р.М. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // В кн. Горбунова В.С., Морозова Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. — Уфа, 1991. — С. 101-115.

524. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Межовский культово-погребальный комплекс кургана №5 могильника Дачный-2 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Челяб. Гос. Ун-т, 2006. — С. 66-68.

525. Широкова М.А. Классификационная схема псалиев бронзового века юга Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2013. — Т. 12. — Вып. 7. — С. 142-149.

526. Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М. Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. — Вып. 246. — М., 2017. — С. 261-280.

527. Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. — Ижевск, 2009. — 244 с.

528. Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Орловская Л.Б., Леонова Т.А., Горшков К.А. Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественных исследований. — Уфа: Изд-во Инеш, 2017. — 164 с.

529. Юрин В.И. Пещерные комплексы Южного Урала // Природное и культурное наследие Урала: материалы IV регион. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2006. — С. 116-121.

530. Юрин В.И. Погребения в пещерах // Челябинская область: энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т.5. — С. 238-239.

531. Яминов А.Ф., Савельев Н.С., Псянчин А.В. Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всероссийского научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. — Омск-Уфа: Омский Государственный университет, 1997. — С. 182-185.

532. Яхимович В.Л., Данукалова Г.А., Попова-Львова М.Г., Алимбекова Л.И., Яковлев А.Г. Опорные стратиграфические разрезы верхнего плиоцена и плейстоцена в Башкирском Предуралье. — Уфа: Гилем, 2000. — 72 с.

533. Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P. 49-96, 217-236, 241-244, 246-247, 255, 258-259, 262, 272, 278-279, 281-283, 289, 292-294, 297-299, 301, 308, 310-314, 316-317, 321-324, 334, 340, 357-359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

534. Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew A. C. Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // *Antiquity*. — 2007. — Vol. 81. — No 312. — 496 p.

535. Hertz R. Trie collective Representation of Death // *Death and the Right Hand*. — Glencoe, 1960. — P. 75-103.

536. Kločko V. Zur Bronzezeitlichen bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17. – 10. Jhs. Chr. // *EA*. — Berlin, 1995. — B. 1. — S. 81-163.

537. Kuznetsov P. F. The Appearance of the Bronze Age Chariots in Eastern Europe // *Antiquity*. — 2006. — Vol. 80. — No. 309. — P. 638-645.

538. Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with seima-turbino type objects (bronze age) in Southwestern Siberia // *Radiocarbon*, 2017. P. 1–17 DOI:10.1017/RDC.2017.24 Selected Papers from the 8th Radiocarbon & Archaeology Symposium, Edinburg.

539. Nickolay Sherbakov, Iia Shuteleva, Gulnara Obydenovaa, Marina Balonova, Olga Khohlova, Alexandra Golyeva. Some results of the application of a complex approach to the research of the late Bronze age Muradymovo settlement in the Volgo-ural region // *Interdisciplinaria archaeological natural sciences in archaeology*. — Volume I. — Issue 1–2/2010. — P. 29-36.

540. Schroeder S. Secondary disposal of the dead: cross-cultural code // *World cultures*. — 2001. — № 12. — P. 77-93.

541. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum* / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 321-392.

542. Yakovlev A., Danukalova G. New characteristic of the Middle Neopleistocene units in the mammalian record (Southern Urals region). 32-nd IGC. — Florence, 2004. — Scientific Sessions: abstracts (part 2). — Session 252. — P. 1136.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЛ БашГУ – Археологическая лаборатория Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет»
- АЛ БГПУ – Археологическая лаборатория Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
- АМР – археологический микрорайон
- АО – Археологические открытия
- БАМР – Береговский археологический микрорайон
- БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
- ВАУ – Вопросы археологии Урала
- ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» – Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИИЯЛ БФАН – Институт истории языка и литературы Башкирский филиал академии наук
- ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН
- к. – курган
- к.е. – кормовая единица
- КИО – культурно-историческая общность
- КРС – крупный рогатый скот
- КСИА – Краткие сообщения института археологии
- МАЭ – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
- МП – медистые песчаники
- МРС – мелкий рогатый скот

НА – научный архив
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
п. – погребение
ПБВ – поздний бронзовый век
РА – Российская археология
РБ – Республика Башкортостан
РЖВ – ранний железный век
РОО – региональная общественная организация
СА – Советская археология
СБВ – средний бронзовый век
ТК – Таш - Казган
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ХКТ – хозяйственно – культурный тип
хут. – хутор
ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук

1. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Типы археологических микрорайонов Южного Урала

Археологические микрорайоны	Типы археологических микрорайонов							Границы АМР	
	Долины	Старичный	Меандровый	Озерный	Горнодолинный	Вододелный	Производственный	Объективные (природные)	Субъективные (дидактические, умозрительные)
Береговский		+					+	+	
Тюбякский			+				+	+	
Загребаловский						+		+	
Мурадымовский	+								+
Казбуруновский	+								+
АМР горы Курмантау							+		+
Охлебининский	+								+
Шиповский	+								+
Нагаевский	+								+
АМР Уфимского полуострова			+					+	
Ябалаклинский	+								+
Миловско - Романовский		+						+	
Бирский	+							+	
АМР Саузовский Шихан	+		+						+
АМР Озер Банное – Сабакты - Карабалыкты				+				+	
Баишевский					+			+	
АМР г. Чека						+		+	
АМР Аркаимской долины	+								+
Синташтинский	+								+
АМР Каменный Амбар	+								+
АМР Солнце	+								+
Кулевчинский	+								+
АМР Кривое Озеро	+								+
АМР оз. Тургояк (о. Веры)				+				+	
АМР оз. Аргази				+				+	
АМР оз. Иртяш				+				+	
АМР Скаияз – Тамакского пещерного комплекса					+				+
АМР р. Свистунка	+								+
Еленовский							+	+	
Ушкаттинский							+	+	
Джарлинский							+	+	
Ишкинский							+	+	
Шаншарский							+	+	

Каргалинский								+	+	
Ивановский	+								+	

**Таблица 2. Следы металлопроизводственной деятельности на поселениях
Береговского археологического микрорайона**

Памятник	Руда	Плавильные чаши, льячки, тигли	Сопла	Металл.печи, очаги	Шлак	Готовые изд.	Лит.формы	Орудия металлооб.	р.	Слитки металла	Спец.помещения	Иссл. S кв.м
Б-1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10000
Б-2						+	+	+	+	+		1800
Ю-1	+	+						+	+			134
Ю-2	+	+				+		+				240
Ю-3	+	+				+		+				320
Ю-4		+				+		+				106
О-1					+							20
Ю-5					+							сборы
О-2	+											сборы
О-5					+							сборы
С-1	+											сборы
О-6		+										сборы
Ю-6					+							сборы

Примечания к табл.1: Б-1-Береговское-1, поселение; Б-2-Береговское-2, пос.; Ю-1-Юмаково-1, пос.; Ю-2-Юмаково-2, пос.; Ю-3-Юмаково-3, пос.; Ю-4-Юмаково-4, пос.; Ю-5-Юмаково-5, стоянка; О-1-Озерки-1, ст.; О-2-Озерки-2, ст.; О-5-Озерки-5, ст.; С-1-Студенная-1, ст.; О-6-Озерки-6, ст.; Ю-6-Юмаково-6, поселение.

Таблица 3. Расчеты относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для поселений срубной культуры Башкирского Приуралья

Поселения	Число костей, единиц				Всего, %
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	
I. Остеологические спектры					
Чишминское	838	172	222	43	100
Мурадымовское	5857	2767	4278	57	100
Абдуловское	420	146	259	17	100
Казангуловское I	705	268	169	43	100
Аитовское	382	269	109	40	100
II. Кратность веса туш домашних животных по отношению к одной туше овцы/козы					
	6	1	5,5	1,5	
III. Объем мясных продуктов в условных единицах					
Чишминское	5028	172	1221	64,5	6485,5
Мурадымовское	35022	2767	23529	85,5	61403,5
Абдуловское	2520	146	1424,5	25,5	4116
Казангуловское I	4230	268	929,5	64,5	5492
Аитовское	2292	269	599,5	60	3220,5
IV. Соотношение объемов мясных продуктов					
Чишминское	77,5	2,6	19	0,9	100
Мурадымовское	57	4,5	38,3	0,1	100
Абдуловское	61,4	3,5	34,6	0,5	100
Казангуловское I	77	4,9	17	1,1	100
Аитовское	71,2	8,2	18,6	1,8	100
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях					
Чишминское	2	2	3	1	
Мурадымовское	2	2	3	1	
Абдуловское	-	-	-	-	

Казангуловское I	-	-	-	-	
Аитовское	2	2	3	1	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада					
Чишминское	1	3	2	4	
Мурадымовское	1	3	2	4	
Абдуловское	1	3	2	4	
Казангуловское I	1	3	2	4	
Аитовское	1	3	2	4	

Таблица 4. Расчеты относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для поселений абашевской культуры Башкирского Приуралья

Поселения	Число костей, единиц				Всего, %
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	
I. Osteологические спектры					
Баланбаш	214	46	6	32	100
Урняк	544	44	7	41	100
Береговское II	53	8	1	12	100
Тюбяк	2010	778	579	391	100
Береговское I	781	153	484	97	100
II. Кратность веса туш домашних животных по отношению к одной туше овцы/козы					
	6	1	5,5	1,5	
III. Объем мясных продуктов в условных единицах					
Баланбаш	1284	46	33	48	1411
Урняк	3264	44	181,5	72	3561,5
Береговское II	318	8	5,5	18	349,5
Тюбяк	12060	778	3184,5	586,5	16609
Береговское I	4686	153	2662	145,5	7646,5
IV. Соотношение объемов мясных продуктов					
Баланбаш	90,9	3,3	2,4	3,4	100
Урняк	91,6	1,3	5,1	2	100
Береговское II	90,9	2,3	1,6	5,2	100
Тюбяк	72,6	4,7	19,1	3,6	100
Береговское I	61,1	1,9	35	2	100
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях					
Баланбаш	-	-	-	-	
Урняк	-	-	-	-	
Береговское II	-	-	-	-	
Тюбяк	2	2	3	1	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада					
Баланбаш	1	3	4	2	
Урняк	1	4	2	3	
Береговское II	1	3	4	2	
Тюбяк	1	3	2	4	
Береговское I	1	4	2	3	

Таблица 5. Расчеты относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для поселений межовской культуры Башкирского Приуралья

Поселения	Число костей, единиц				Всего, %
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	
I. Osteологические спектры					
Юкаликулево	1880	360	2214	763	100
Инзелга	231	17	83	64	100
Дуванейское	112	2	116	60	100
Юмагузинское I	368	129	98	14	100
Казангуловское Нижнее	395	107	79	4	100
II. Кратность веса туш домашних животных по отношению к одной туше овцы/козы					
	6	1	5,5	1,5	
III. Объем мясных продуктов в условных единицах					
Юкаликулево	11280	360	12177	1144,5	24961,5
Инзелга	1386	17	456,5	96	1955,5
Дуванейское	672	2	638	90	1402
Юмагузинское I	2208	129	539	126	3002
Казангуловское Нижнее	2370	107	434,5	6	2917,5
IV. Соотношение объемов мясных продуктов					
Юкаликулево	45	1,5	48,9	4,6	100
Инзелга	70,9	0,8	23,4	4,9	100
Дуванейское	47,9	0,2	45,5	6,4	100
Юмагузинское I	73,6	4,2	17,9	4,3	100
Казангуловское Нижнее	81,2	3,6	14,9	0,3	100
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях					
Юкаликулево	2	2	3	1	
Инзелга	-	-	-	-	
Дуванейское	-	-	-	-	
Юмагузинское I	2	2	3	1	
Казангуловское Нижнее	2	2	3	1	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада					
Юкаликулево	2	4	1	3	
Инзелга	1	4	2	3	
Дуванейское	1	4	2	3	
Юмагузинское I	1	4	2	3	
Казангуловское Нижнее	1	3	2	4	

Таблица 6. Расчеты относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для многослойных поселений Башкирского Приуралья

Поселения	Число костей, единиц				Всего, %
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	
I. Osteологические спектры					
Тюбьяк (аб-ср ⁵)	1305	421	389	249	100
Тюбьяк (ср-меж)	1992	690	885	214	100
II. Кратность веса туш домашних животных по отношению к одной туше овцы/козы					
	6	1	5,5	1,5	
III. Объем мясных продуктов в условных единицах					
Тюбьяк (аб-ср)	7830	421	2139,5	373,5	10764

⁵ Здесь и далее: аб-ср – абашевско-струбный слой; ср-меж – срубно-межовский слой.

Тюбьяк (ср-меж)	11952	421	4867,5	321	17561,5
IV. Соотношение объемов мясных продуктов					
Тюбьяк (аб-ср)	72,6	4	19,9	3,5	100
Тюбьяк (ср-меж)	68	2,4	27,8	1,8	100
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях					
Тюбьяк (аб-ср)	2	2	3	1	
Тюбьяк (ср-меж)	2	2	3	1	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада					
Тюбьяк (аб-ср)	1	3	2	4	
Тюбьяк (ср-меж)	1	3	2	4	

Таблица 7. Характеристика каменного инвентаря с поселений эпохи бронзы Береговского АМР

Памятник	Группа	Характеристика	Следы обработки и использования
1. Юмаково-3, поселение Р.3, кв.1/шт. 2	1	Порода диорит, мелкозернистый амфиболовый с редкой, тонкой вкрапленностью пирита.	Пест. Ступа ручная, форма придана за счет обточки высокоабразивными кварцсодержащими породами.
2. Юмаково-2, поселение кв.26/шт.3	1	Андезит афировый массивный.	Литейная форма
3.Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	2	Гравелит, мелкая галька, состоящая из грубозернистых кварцевых песчаников сцементирована неслоистым плохо сортированным полевошпатовкварцевым (существенно кварцевым) материалом. Мог образоваться при размыве и разрушении (дезинтеграции) и последующей седиментации кварцевых песчаников. Обломок представляет собой фрагмент речной гальки .	следов обработки и использования нет.
4. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	2	Песчаник мелкозернистый, неслоистый, полевошпатовкварцевый, сортированный, цемент поровый пленочный (контактовый). Речная галька.	следов обработки и использования нет.
5. Береговское-1, поселение Р-VII, кв.14 постр. 6 (зачистка).	2	Песчаник тонкозернистый, полевошпатовкварцевый (существенно кварцевый), мелкослоистый. Речная галька.	следов обработки и использования нет.
6. Береговское-1, поселение Р-VII, кв.12,13 постр. 6 (зачистка).	2	Фрагмент полуокатанной гальки, полевошпатовкварцевый (полемиктовый). Речная галька.	следов обработки и использования нет.
7. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 кв.11.	2	Песчаник, фрагмент гальки сложен средне-крупнозернистым кварцевым (с примесью полевого шпата) материалом. Песчинки полуокатаны, цемент пленочно-базальный, порода неслоистая, средней степени сортировки.	следов обработки и использования нет.
8. Береговское-1, поселение Р-VII, кв.12,13 постр. 6 (зачистка).	2	Целая мелкая полуокатаная речная галька. Песчаник тонкозернистый кварцевый, неслоистый, относительно сортированный.	следов обработки и использования нет.
9. Береговское-1, поселение Р-VII, постр. 5.	2	Фрагмент гальки полуокатаной. Кварцит (тонкозернистый до алевропесчаника) состав кварцевый, порода хорошо сортирована, на поверхности наблюдаются признаки мелкой слоистости.	следов обработки и использования нет.
10. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 .	2	Фрагмент гальки полуокатаной без следов обработки и использования. Полевошпатовкварцевый.	следов обработки и использования нет.

11. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	2	Фрагмент гальки, песчаник тонкозернистый, существенно кварцевый с примесью гидроокислов железа.	следов обработки и использования нет.
12. Береговское-1, поселение Р-VII, постр. 5.	2	фрагмент слабо (полуокатаной гальки). Кварцевый песчаник мелко-тонкозернистый, неслоистый, цемент пленочный.	следов обработки и использования нет.
13. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6	2	фрагмент полуокатаной гальки, песчаник кварцевый, мелкозернистый, существенно кварцевый, с кварцевым цементом.	следов обработки и использования нет.
14. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6	2	фрагмент полуокатаной гальки, песчаник кварцевый, мелкозернистый, существенно кварцевый, с кварцевым цементом,	следов обработки и использования нет.
15. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 кв.11.	3	Кварцевый песчаник с примесью обломков полевого шпата, крупно-грубо-зернистый не слоистый, песчинки полуокатаны, цемент контактовый, реже пленочный, выход местных коренных осадочных пород.	следов обработки и использования нет.
16. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	3	Песчаник, фрагмент полевошпато-кварцевый, мелкозернистый.	следов обработки и использования нет.
17. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	3	Песчаник существенно кварцевый, тонкозернистый, неслоистый. Средней степени сортированности. Предположительно отобран из естественно обнажения песчаника.	следов обработки и использования нет.
18. Береговское-1, поселение Р-VII постр. 6 (зачистка).	3	Песчаник тонкозернистый, неслоистый сортированный.	следов обработки и использования нет.

Таблица 8. Характеристика погребального обряда могильников эпохи бронзы Береговского АМР

Могильники	Курган/погребение	Следы подкурганных конструкций	Форма могильной ямы	Ориентировка могильной ямы	Сопровождающий инвентарь	Размеры могильной ямы/глубина, в метрах	Ингумация	Кенотаф	Пол погребенного
Береговский I КМ	1/1	5 столбовых ямок	прямоугольная	СЗ-ЮВ	-	2,5x1,9/0,6	+		-
	1/3	-	прямоугольная	ССЗ-ЮЮВ	-	0,9x0,65/0,7		+	-
	1/4	-	прямоугольная с подбоями	СВ-ЮЗ	сосуд	0,8x0,65/0,7		+	-
	2/1	5 столбовых ямок	прямоугольная	СВ-ЮЗ	-	1,6x0,8/0,25		+	-
	2/3	2 столбовые ямы	прямоугольная	СЗ-ЮВ	2 сосуда	0,9x0,45/0,15	+		ребенок
	2/4	-	овальная	СВ-ЮЗ	-	1,7x0,6-0,8/0,4		+	-
	3/1	трехстенная каменная ограда	прямоугольная	СЗ-ЮВ	2 бронзовые гривны	2,8x1,5/0,3		+	-
	4/1	11 столбовых ямок	прямоугольная	СЗ-ЮВ	сосуд	2,2x1,3/0,3		+	-
	5/1	столбовая конструкция и канавка	прямоугольная	СЗ-ЮВ	-	2x1,2/0,3		+	-
	6/1	столбовая конструкция и канавка	овальная	СЗ-ЮВ	сосуд	1,2x0,6/0,32		+	-
	7/1	столбовые ямки	овальная	СЗ-ЮВ	-	1x0,6/0,3		+	-
	7/2	столбовые ямки	овальная	С-Ю	сосуд	0,7x0,7/0,43		+	-
	8/1	-	подовальной формы	СЗ-ЮВ	кремневый наконечник стрелы, челюсти КРС, костяк собаки	2,5x2	+	+	-
Красногорский III КМ	1/1	-	прямоугольная	СЗ-ЮВ	2 сосуда	2,8x1,55/0,56		+	-
	2/1	-	прямоугольная	СВ-ЮЗ	сосуд	1,5x1,2/0,25	+	-	-
	2/2	-	прямоугольная	СВ-ЮЗ	сосуд	0,7x1/0,2		+	-
	3/1	-	прямоугольная	СВ-ЮЗ	сосуд	0,5x0,85/0,2		+	-
	3/2	-	прямоугольная	СВ-ЮЗ	сосуд	0,4x0,6/0,12		+	-
	4/1	-	прямоугольная		Сосуд, бронзовое кольцо	1,5x2,3/0,4		+	-
	5/1	9 столбовых ямок	прямоугольная	СЗ-ЮВ	сосуд	1x1,5/0,35		+	-
	6/1	-	неправильной формы	СВ-ЮЗ	сосуд	1,5x1,7/0,34		+	-
	7/1	27 столбовых ямок	прямоугольная	СВ-ЮЗ	сосуд	1,2x1,8/0,36		+	-
	8/1	24 столбовых ямки	прямоугольная	СЗ-ЮВ	2 сосуда	1,65x2,6/0,45	+		-
	8/2		прямоугольная	ССЗ-ЮЮВ	2 сосуда,	1,2x2/0,37		+	242

			льная		нож				
	8/3		-	СЗ-ЮВ	кости КРС	-	+		-
	9/1	-	прямоуго льная	СЗ-ЮВ	Сосуд, кости КРС	2х3/0,4	+		-
	9/2	-	прямоуго льная	СВ-ЮЗ	Сосуд	1,6х2,7/0,4	+		-
Юмаковс кий I КМ	1/1	-	подпрямо угольной формы	СЗ-ЮВ	2 сосуда, астргалы	1,5х1/0,32		+	-
	1/2	-	подквадр атная форма	СЗ-ЮВ	бронзовы й нож, кольцо, три височных подвески	2,5х3/0,36	+		

2. ПАМЯТНИКИ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

1. Береговское I поселение (рис. 8-65)

Расположено на восточном берегу старичного озера правого берега р. Белой, в 0,18 км к северо-востоку от православного кладбища д. Береговка, в 0,8 км к востоку от д. Береговка, в 0,24 км к востоку от дороги д. Береговка - хут. Красногорский, на пашне. С запада площадка памятника ограничена старичным озером, с востока – пашней. Памятник выявлен и раскопан в 1953 г. В.П. Викторовым [Викторов, 1953]. В 1955 г. раскопки продолжил К.В. Сальников, в 1975, 1980, 1981, 1982 раскопки возобновились под руководством В.С. Горбунова. Общая вскрытая площадь превышает 10000 кв.м. [Сальников, 1959. С. 30-47; Горбунов, 1980. С. 137-151; 1981].

В ходе осмотра памятника Е.В. Руслановым в 2013 г. выяснилось, что в настоящее время площадка поселения подвержена сильнейшей абразии почв в результате отсутствия работ по рекультивации раскопов предыдущих лет [Русланов, 2013]. Дополнительными факторами, приводящим к разрушению памятника, являются грунтовая дорога в д. Береговка, приводящая к разрушению восточной части поселения, а так же использование местным населением не рекультивированных котлованов в качестве свалки бытовых отходов.

Разведочный шурф, заложенный в 1953 г., дал керамику срубной культуры. Также В.П. Викторовым на площадке поселения были зафиксированы следы девяти жилищных впадин диаметром 6-7 метров [Викторов, 1952; 1953]. В 1954 г. на Береговском I поселении В.П. Викторовым, В.Д. Викторовой и Е.М. Берс на двух впадинах №№1 и 2 были заложены раскопы I и II, оконтурившие площадь, занятую впадинами.

Раскоп I площадью 208 кв.м, которым руководила В.Д. Викторова, позволил полностью изучить постройку I. Раскопом II площадью 198 кв. м частично изучена постройка II. Начав процесс раскопок, участники экспедиции столкнулись с определенными трудностями. Как оказалось, нижняя часть культурного слоя залегала в необычных условиях – в плотной пылевидной глине, а керамика абашевской и срубной культур встречалась в одном слое примерно в равных количествах. Это явилось для экспедиционного отряда явлением настолько неординарным, что на общем совете было решено во время отсутствия К.В. Сальникова раскопки на этом участке прекратить, а раскоп законсервировать. Культурный слой содержал керамику абашевской и срубной культур, обломки тигля, шлак, кусочки руды, меди, стрелу черешкового типа, каменный нож, шлифованный каменный наконечник копья и два костяных шила [Викторов, 1954; Викторова, 1960. С. 64-74].

Постройка I. Раскоп I (рис. 10). Часть впадины находилась на краю обрыва, часть которого подверглась зачистке, в результате чего был получен в основном «срубный» керамический материал. Опасность полного обрушения впадины подтолкнуло В.Д. Викторovu к скорейшему изучению остатков

постройки. Площадь раскопа целиком накрыла очертания котлована. После снятия 3 штыка участникам раскопок удалось зафиксировать очертания жилищного пятна размером 9,4x6 м. Пятно ориентировано по линии север-юг с небольшим отклонением к северо-западу и юго-востоку. Очертания пятна окаймляла бурая полоса шириной 0,5-1,2 м. Тщательная зачистка позволила скорректировать и уточнить размеры постройки, принявшей четкие прямоугольные формы, равные 11,5x8 м.

Вдоль восточной стенки постройки выявлены полосы угля, угольных пятен и целых, горизонтально лежащих, обгоревших головешек, идущих параллельно стенке жилища. Эти остатки, вероятно, являются следами сгоревших вертикально стоявших столбов, горизонтальные полосы угля, идущие между остатками бревен и стенками земляночного углубления, представляют остатки сгоревших горизонтальных бревен, окаймлявших землянку и прилегавших к столбам снаружи. Возможно, имела место присыпка бревен снаружи либо укладка поверх них дерна. Угольный след в северо-западной части раскопа позволил установить угол сооружения, с остатками несущих и поддерживающих кровлю столбовых конструкций может быть связан большой зольник, выявленный также в северо-западной части, зольник тянется с северо-востока на юго-запад. В юго-восточной части также по угольному следу выявлен второй угол сооружения. Западная стенка и юго-западный угол строения обнаружен по следам угля в процессе выемки заполнения котлована. Наибольшее скопление строительных остатков (целые вертикальные столбы и горизонтальные обугленные бревна до 4-х штук, идущие рядом и параллельно друг другу с юга на север полосой, имеющей ширину от 0,8 до 1м) обнаружено в середине восточной стенки. На всем протяжении остатков бревенчатых слег встречены мелкие кусочки, похожие на охру (возможно глинистая обмазка?).

Хорошая сохранность строительных остатков в виде обгоревших бревен, прослеженных по границам жилищного котлована, дают возможность предполагать, что постройка I является руинизированными остатками прямоугольного сооружения, возможно жилища-полужемлянки.

Дальнейшее изучение жилищной впадины позволило обнаружить ряд столбовых ям, идущих вдоль стенок постройки, глубиной 10-25 см, и диаметром 20-40 см. Среди этих ям выделяется одна большая яма глубиной 22 см и диаметром 35 см, которая обнаружена в юго-западном углу землянки, четыре ямы примерно такого же размеры две в южном секторе постройки и две за пределами жилищного котлована образуют своеобразный коридор, возможно, служивший входом в сооружение. Кроме этих ямок у западной стенки через ровные промежутки обнаружено три ямки, у восточной стенки еще две ямы.

Профиль древнего пола постройки неровный: с востока и запада сооружение ограничено практически отвесными стенками, с юга и севера стенок не прослежено. К центру впадины идет постепенное понижение. С западной и восточной стороны вдоль боковых стенок прослежены ровные участки шириной 1,5-2 м, приподнятые над более глубокой центральной частью впадины и спускающиеся к центру постройки по средством нешироких (5-10 см) ступенек с

пологими стенками. Широкие и ровные участки вдоль стенок, скорее всего, связаны с нарами, этим объясняется, отсутствие следов систематического вкапывания пола, прослеженного в центральной части сооружения.

На расстоянии около трех метров от стенок обнаружены два ряда столбовых ям, расстояние между рядами столбов около 2,5-3 м. Средняя величина ямок: диаметр 30 см, глубина 20-23 см. Заполнение ям состоит из древесного тлена. Ямы в целом расположены на расстоянии 1-1,5 м друг от друга, лишь в восточной части постройки они расположены кучно, концентрируясь группой в центре северо-восточной части жилища.

В ходе раскопок в границах жилищного котлована обнаружено около 10 развалов сосудов. В кв. 4/VI-5/VI обнаружены остатки двух больших корчаг, стоящих вертикально в углублении в глине. В заполнении корчаг встречены угли, кости. В квадрате 4/VII на глубине 80-90 см обнаружено два залегающих вместе сосуда: один баночной формы типичный для срубной культуры и небольшой сосуд горшечной формы с орнаментом, нанесенном тонким гребенчатым штампом, с плечиком и уступом по краю. Орнамент и профилировка горшка сближает его с алакульской культурой.

В кв. 4/IV и 4/V прослежены очертания пятна округлой формы диаметром 2 м. Заполнение ямы – темный, плотный чернозем, с включением угля и фрагментов керамики. Глубина ямы 112 см от уровня пола землянки. Стенки ямы в устьевой части практически отвесные, ближе ко дну становятся более наклонными, ввиду чего яма сужается. Диаметр ямы по низу 0,6 м. В заполнении ямы на глубине 90 см обнаружен небольшой кусочек медного шлака. Авторы раскопок интерпретируют яму как очаг.

Изученная постройка представляет собой полуземляночное сооружение, углубленное в землю на 30-60 см, размером 11,5x8 м, ориентированное длинной осью по линии СЮ. Два ряда столбовых ям, идущих по центру постройки, и остатки столбов вдоль восточной и западной стенок, дают основание предполагать наличие двускатной крыши у этого строения. Вдоль боковых стенок располагались нары шириной около 2 м. Выход из постройки, ограниченный двумя рядами вертикальных столбов, находился в южной части сооружения. Напротив выхода находилась рабочая/производственная зона с очагами, многочисленными каменными орудиями, целыми сосудами, стоящими в углублениях со следами пищи внутри. Подавляющая часть керамики относится к срубной КИО, вместе с ней в одном слое встречены фрагменты и целый сосуд алакульской культуры. К абашевской культуре относится 1 фрагмент, найденный внутри постройки.

Данные раскопок говорят об экстраординарной ситуации, заставившей население покинуть постройку. Видимо, это связано с пожаром, на что указывают угольные прослойки, обгоревшие бревна, большое количество целых сосудов срубной культуры (25 штук), залегающих примерно на одном уровне 70-90 см от современной поверхности, оставленных на производственной площадке, на очагах или в ямках, часть сосудов содержала остатки пищи. Данное обстоятельство дает основание считать эту постройку одной из самых поздних на площадке поселения, т.к. после покидания жилища, каких-либо

следов его реконструкции или перестройки в ходе раскопок не выявлено, сооружение стоит относить к «срубному» этапу существования памятника [Викторов, 1954].

Постройка II. Раскоп II (рис. 11). Раскоп II был заложен в 1954 г. Им частично изучена постройка II, расположенная в восточной части поселения. Руководила раскопками Е.М. Берс. Общая площадь раскопа составила 162 кв.м. В 1954 г. удалось снять дерн со всей площади раскопа и практически до материка исследовать незначительный участок в пределах кв. 1-5 по линии I не затрагивая жилищную впадину, дальнейшие работы ввиду нехватки времени решено было приостановить, а раскоп рекультивировать до следующего года. Тем не менее, из находок 1954 г. следует отметить обломок тигля, небольшой, тщательно отделанный отжимной ретушью, черешковый наконечник стрелы из кв. 5/I. Из кв. 4/I происходят кремневый нож, кусочки руды и шлака. На границе кв. 2/I и 3/I обнаружен целый крупный сосуд срубной культуры, лежащий на боку. В кв. 4/I в 4 штывке обнаружены два костяных острия (шила), возможно, вязальные спицы, обломанный каменный шлифованный наконечник копья. Дальнейшие исследования постройки были возобновлены в 1955 г. Размеры котлована подпрямоугольной формы вытянутого по линии юго-запад-северо-восток равны 10,4x7,4 м. Пол постройки углубляется к центру в виде ряда уступов. В северо-восточной части жилища на полу, покрытом золистой прослойкой, найдено три развалившихся каменных очага, здесь также найдено несколько развалов сосудов. Видимо это остатки производственной зоны внутри жилища.

Центр постройки занимает очаг, представляющий собой площадку 0,9x0,7 м, сложенную из камней слоем мощностью 0,4 м. Возле очага найдено 2 сосуда. Очаг расположен на краю наиболее углубленного участка пола, в который врезаны две глубокие очажные ямы размером 1,6x1,4 м и 1x1 м, глубиной от пола 1,6 м и 0,9 м. Эти ямы находят аналогии с ямой в постройке I. Вход в жилище находился в середине юго-западной стены, возле которой обнаружено две ямки от столбов на расстоянии 1,2 м друг от друга. Еще три столбовых ямы отмечены у юго-восточной стенки (диаметр 30 см) и возле очажных ям. Возле входа вдоль земляных стен обнаружены небольшие углистые прослойки, вероятно следы деревянных конструкций. В северном углу постройки по некоторому понижению грунта в стенке раскопа намечается второй вход. К.В. Сальников предполагал, что это вход мог вести в какие-то хозяйственный постройки наземного типа. В постройке и за ее пределами характер керамической коллекции заметно не отличается от полученной в раскопе I. Так же превалирует «срубный» материал, несколько увеличился процент абашевской керамики, встречено небольшое количество алакульской посуды.

Непосредственно в землянке обнаружены: бронзовый нож, две бронзовые обоймы, каменные орудия труда, обломок костяного тупика из челюсти, костяная «лопаточка», глиняные пряслицы (одно лепное и два из керамических черепков). Весь найденный вещевой комплекс связан или с

центральными очажными ямами, или с северо-восточной площадкой в жилище, где зарегистрированы поверхностные очаги и зольный слой.

Некоторые характерные признаки, связанные со схожестью керамического комплекса срубной культуры, расстоянием между несущими столбами, расположением столбов у входа в постройку, наличием целых сосудов оставленных в постройке и вне ее, следы обугленных остатков столбов и зольные пятна на дне жилища сближают постройку II с жилищем I, изученным в 1954 г. Ввиду этого, можно предположить, что данные строения могут быть одновременны и оставлены по одной и той же причине, связанной с неизвестными нам катаклизмами, возможно, антропогенного характера [Викторов, 1954; Сальников, 1955].

В следующем, 1955 г., К.В. Сальников продолжил работы. Было заложено два раскопа общей площадью 274 кв. м. Состав культурного слоя принципиально не отличался от материалов 1954 г. Раскопами II (продолжение работ предыдущего года) и III была доисследована постройка II и частично вскрыта постройка III. При помощи многочисленных шурфов удалось оконтурить площадь поселения в 10000 кв. м с восемью жилищными впадинами [Сальников, 1955; 1967. С.149-151].

Постройка III. Раскоп III (рис. 12). Раскопом площадью 112 кв. м. изучена половина сооружения III. Раскопом захвачена часть жилища площадью около 35 кв. м. Изученной оказалась северная часть жилища и центр землянки. В центре жилища обнаружены две ямы округлой формы. Площадь ямы №1 равна 1,5x1,4 м, глубина 2,8 м от пола жилища. Книзу яма сужается. Яма №2 занимает 1 кв.м. площади пола при глубине 2,2 м. Она также сужается к низу. По всей глубине ям встречены находки мелких фрагментов керамики, косточек и угольков. С глубины 1,5 м от уровня пола заполнение было сильно пропитано водой. По всей видимости, эти ямы в древности служили в качестве колодцев.

В определении культурно-хронологической принадлежности постройки авторы раскопок опирались на факт нахождения «срубной» керамики в заполнении и на полу строения. На полу, у восточного края ямы, найден раздавленный сосуд «срубного» облика, второй такой же сосуд встречен на полу у южной стенки землянки. В ямах из 188 фрагментов керамики только 10 экземпляров относятся к «абашевской» посуде. Прочие находки из постройки состоят из кусочков медной руды и шлака, обломков каменных плиток, каменного наконечника стрелы, обломка тупика из челюсти коровы, обломка каменного песта, костяного шила и медной проволоки [Сальников, 1955].

Автор датировал абашевский слой изученного памятника XV-XIV вв. до н.э. Срубные древности были отнесены им к покровскому этапу и включены в рамки XVI-XIII вв. до н.э. [Сальников, 1955. С. 17-18]. Материалы исследованного поселения легли в основу некоторых работ К.В. Сальникова и послужили основой отнесения абашевских материалов к более раннему этапу, предшествующему приходу на площадку поселения «срубных» групп [Сальников, 1959. С. 30-47].

Новый этап изучения памятника связан с раскопками в 1975 г. совместной экспедицией Воронежского университета (А.Д. Пряхин) и

Башкирского пединститута (В.С. Горбунов). На поселении раскопами IV-VI была вскрыта площадь в 931 кв. м. Как и ранее (работы К.В. Сальникова) было прослежено предшествование абашевского поселка срубному и, скорее всего, алакульскому. Культурный слой имел мощность 0,8 метров. Абашевский материал на территории абашевского посёлка встречался преимущественно на третьем и четвертом горизонтах. Кроме разновременной керамики и костей, на поселении найдены три пластинчатых бронзовых орудия, массивный металлический клин и другие металлические предметы, многочисленные следы металлообработки, изделия из глины и кости.

На основной территории абашевского поселка в один ряд располагались большие по площади постройки, близ которых находились отдельные хозяйственные ямы (в дальнейшем эти строения, соединяющиеся переходами, были объединены в постройку IV). Строение 1 (8x11 м) представляло собой, по всей видимости, жилое помещение, строение 2 (11x15, 6 м), смыкавшееся с ним, являлось нежилым помещением. Строение 3 (13x14 м), возможно жилое, соединялось широким переходом со строением 1. Расположенное отдельно от основной постройки двухкамерное строение 4 имело размеры 8, 5x11 м. Все строения углублены в материковое основание на 0,15 м, имели столбовую конструкцию стен и двухскатное перекрытие с разным уровнем падения скатов кровли.

Также было установлено, что постройка IV представляла остатки абашевской части селища. А.Д. Пряхин и В.С. Горбунов предположили, что поселение в целом представляет собой два поселка – ранний абашевский (размерами 30x80 м), расположенный на северном конце площадки, и более поздний срубный, занимавший всю остальную часть памятника. Кроме того, срубный материал перекрыл и абашевские строения, и прилегающую к ним территорию [Горбунов, 1986. С. 31].

Строения 1-3, исследованные в 1975 г., интерпретируются авторами раскопок по-разному. А.Д. Пряхин полагает, что строения 1-3 состоят из двух котлованов, в одном из которых располагалась двухкамерная постройка, В.С. Горбунов считает, что это одно крупное сооружение, имеющее ступенчатую планировку и состоящее из трех помещений [Пряхин, 1979. С. 88-95; Горбунов, 1989. С. 144-159]. В постройке IV найдены обломки примерно от 20 абашевских сосудов, металлические орудия представлены двумя пластинчатыми орудиями, обломком бронзового шила. Костяные изделия представлены долотовидным орудием и трубочкой с обломанным концом. Также выявлено несколько очагов. В слое золы и глины между очагами 1 и 2, обнаружено 11 каменных орудий: плиты-наковальни, пест, болас, гальки-молотки, куски медного шлака, обломки плавильных чаш, фрагменты литейных форм. Все это может указывать на производственный характер помещения.

В отдельной двухкамерной постройке IV наземного каркасного найдены каменный терочник, 6 плавильных чаш и кусочки шлака [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975; Пряхин, Горбунов, 1975. С. 198-199].

Постройка IV представляет собой многокамерное сооружение площадью 405 кв.м, состоящее из трех помещений (помещения 1-3), разделенных, судя по

расположению столбовых ямок, внутренними перегородками (рис. 21). Помещение 1 имеет размеры 11x8,5 м. Мнение авторов раскопок (А.Д. Пряхина и В.С. Горбунова) в отношении функциональной принадлежности данного помещения разнятся. А.Д. Пряхин определял помещение 1 как жилое пространство постройки [Пряхин, 1976. С. 89-90], в то время как В.С. Горбунов усматривает в нем прежде всего производственное помещение, связанное с обработкой металла [Горбунов, 1986. С. 26].

В ходе раскопок зафиксированы следы прокалов от очагов кострового типа: очаг №1(1,45x1,55 м), расположен у входа в постройку, очаг №2 (2,2x2,4 м) прослежен несколько поодаль – у восточной стены помещения. По всей видимости, очаги были полифункциональны. Об использовании очагов при обработке металла свидетельствует планиграфия находок – они концентрируются вокруг очагов и в пространстве между ними. Также, очаги могли служить в качестве теплового барьера, сдерживающего потоки холодного воздуха. В зимнее время они, по всей видимости, использовались для обогрева поступающего воздуха, а в летнее время защитой от насекомых (комаров, гнуса и т.п.) [Черных, 1998. С. 86; Воробьева, 2007. С. 25]. Похожая двойственность в функциях очажных устройств отмечена для жилищ пахомовской и ташковской культур эпохи бронзы, в которых очаги, располагавшиеся у входа в жилище и предназначенные для производственных целей, могли использоваться и в качестве отопителей [Ковалева, Штандлер, 1989. С. 157; Нестеров, Ткачев, 2011. С. 63-70].

Зольное пятно, образовавшееся в процессе функционирования очагов, распространилось на площадь в 40 кв. м, что составляет около половины от общей площади самого помещения. Данное обстоятельство наводит на мысль о невозможности комфортного проживания в данной части постройки ее жителей, по причине непрерывного горения обоих очагов и выделении избыточного жара. По всей видимости, одновременно очаги могли гореть либо во время сильных холодов, либо в ходе обработки металла. Таким образом, помещение 1 может рассматриваться как производственное с дополнительным назначением – обогрев жилой части постройки.

Помещение 2 имеет размеры 10x13 м. В помещении зафиксированы две хозяйственные ямы размерами 0,95x1,2м и 1,9 x1,35м, малое количество керамики и костей. Функциональность данного помещения может быть определена как сезонно-жилая только в летнее время, так как на всей площади не встречено ни одного очага. Тепла же от очагов помещения 1 явно не хватило бы для обогрева обширного помещения 2. В этой связи В.С. Горбунов предполагает, что оно представляло собой зимний загон для скота [Горбунов, 1986. С. 26], так как развитие скотоводства потребовало выделение части жилой камеры для содержания зимой домашних животных [Крыласова, 2006. С. 107]. Это предположение косвенным образом может подтверждаться тем, что глубина этого помещения, составляющая 0,1 м, несколько меньше остальной постройки, углубленной в материк более чем на 0,15 м. Данное обстоятельство, по-видимому, объясняется интенсивным вытаптыванием жилой части постройки, вследствие чего возникла подобная разница в глубинах. На подобную ситуацию

в жилищах андроновской культуры обращала внимание Е.Е. Кузьмина [Кузьмина, 1994. С. 80].

Помещение 3 имело размеры 13x14 м. В нем расчищено два очага кострового типа. Первый очаг размерами 0,3x0,4 м, сооруженный из камней, расположен у западного угла северной стенки, второй очаг имел провал 2,5x2,5 м и находился в северном углу помещения. Выявлены шесть хозяйственных ям, различных по величине и расположенных по всему периметру и в центре помещения: яма №1 (0,6x0,7 м) зафиксирована у южной стенки помещения; №2 (0,5x0,3 м); №3 (0,4x0,5 м) и №4 (0,6x0,5 м) находились у северной стенки помещения. Хозяйственные ямы №5 (2x2,1 м) и №6 (0,8x0,6 м) были устроены в центре. По своему назначению помещение №3 бесспорно можно отнести к разряду жилых.

По мнению авторов раскопок, постройка могла быть оставлена абашевским населением, поселок которого занимал южную часть памятника [Пряхин, 1976. С. 88-92; Горбунов, 1986. С. 24].

В течение 1980-1982 гг. В.С. Горбуновым раскопами VII-IX было вскрыто 1524 кв.м [Горбунов, 1981; 1982; 1983; 1981, С. 130; 1983, С. 143].

В 1980 г. раскопом VII вскрыто 446 кв. м от неизученной части срубного поселка площадью 2000 кв. м. Толщина культурного слоя вне котлованов построек достигала 0,6-1,0 м.

Материалы раскопа представлены многочисленными обломками костей животных, фрагментами глиняных сосудов срубной и абашевской культур, отдельными предметами из кости и камня. Найдены бронзовый нож-кинжал абашевского типа, два четырехгранных шила, две цилиндрические бусины, также найдены две подвески абашевского типа, и бронзовая скоба. Кроме перечисленных находок, из раскопа получено значительное количество свидетельств металлургии и металлообработки: найдены 5 небольших слитков металла, 22 кусочка окислов (в ряде случаев содержащих вкрапления чистого металла) и 5 кусочков шлака. Основная часть этих находок сосредоточена в восточной части раскопа на уровне третьего и четвертого горизонтов, в непосредственной близости от постройки V.

Глиняные изделия представлены четырьмя обломками плавильных чаш абашевского облика, мелкими фрагментами двух литейных форм, глиняным слабо обожженным шариком. Из раскопа происходят 502 камня без следов обработки и кремневая ножевидная пластина.

На площади раскопа VII Береговского I поселения выявлены постройки V и VI, судя по конструкции и находкам они, по всей видимости, специализированного назначения.

В 1980 г. к раскопу 1975 г. был пристроен раскоп VII площадью 446 кв. м. Раскопом изучена западная и частично центральная часть памятника. На площади раскопа выявлены и полностью изучены две постройки V и VI

Постройка V, Раскоп VII (рис. 33). Визуально на площади поселения в предшествующие годы было выявлено округлое углубление, напоминавшее по очертанию заплывший котлован постройки. Следы постройки были зафиксированы в восточной части раскопа на уровне материка, в кв. 80, 81, 86,

87, 92, 93. По диагонали очертания постройки перерезались бровкой VIII. Первоначальные размеры сооружения 3,5x3,5 м. была производственным помещением подпрямоугольной формы (4,0x3,8 м).

В ходе раскопок установлено, что котлован постройки имеет подпрямоугольную форму, по краям слабо углублен в материк, ориентирован по линии северо-запад-юго-восток. Вдоль восточной и западной стенок выявлена ступенька шириной 0,8-1,6 м, углубленная в материк в среднем на 0,1 м. Небольшой подтреугольный уступ прослежен у северо-западного края. Ступенька переходит в котлован углубленный в материк до 1,3 м. С южной и западной сторон ступенька отсутствует и стенка почти отвесно обрывается ко дну углубления. Размеры их составляют 1,6x1,4 м. Плоскость дна корытообразная, с плавным переходом к стенкам ямы. Вдоль северо-восточного и юго-западного краев выявлено по две круглых столбовых ямы, расположенных в виде неправильного прямоугольника.

Яма №1. Диаметр 0,2 м, глубина 0,8 м. Дно круглое, заполнение-темный гумус.

Яма №2. Диаметр 0,28 м, глубина 0,2 м. Дно уплощенное, заполнение-темный гумус, содержащий мелкие фрагменты неорнаментированной «срубной» керамики.

Яма №3. Диаметр 0,24 м, глубина 0,35 м. Дно овальное, яма имеет наклон в сторону котлована, заполнение-темный гумус.

Яма №4. Диаметр 0,25 м, глубина 0,3 м. Дно уплощенное, заполнение - темный гумус, содержащий несколько мелких обломков костей животных.

Внутри котлована постройки V зафиксированы мелкие столбовые ямки. Диаметр их составляет 8-10 см, глубина колеблется от 6 до 15 см. Отчетливо прослеживается их расположение по северо-восточному и частично по юго-западному краям котлована. По всей видимости, эти ямки следы от перегородки разделявшей внутреннее пространство строения.

Сама постройка, судя по расположению несущих опорных столбов, могла иметь конусообразную конструкцию (шалашевидного типа), с одним или двумя скатами. Концы перекрытий, возможно, упирались под некоторым наклоном в землю.

В западной части котлована выявлено скопление сильно обугленных и покрытых сажей камней-булыжников. Камни расположены в виде овальной кладки, длина которой составляет в среднем 1,1 м, ширина 0,6 м, толщина в восточной части 0,5 м, а в противоположном конце – 0,25 м. По всей видимости, это археологизированные остатки топки. По краям её прослеживается прослойка прокаленной ярко оранжевой глины. У основания этого теплового сооружения (топки/горна?) найдено большое количество мелких угольков, кусочков шлака, кусочков охры и всплесков меди, которые встречались также, наряду с обломками костей животных в нижней части заполнения дна постройки, у самого основания. В западном конце топки имелся выступ, вероятно представлявший собой дымоход, соединенный с трубой. Выход, по всей видимости, располагался в юго-западной части и через ступеньки резко спускался внутрь постройки.

В ходе изучения постройки найдено 130 фрагментов керамики (31 фрагментов уральской абашевской культуры и 99 фрагментов срубной КИО), бронзовое пластинчатое орудие и обломок бронзового шила. Бронзовое серповидное орудие найдено на глубине 0,65 м от уровня материка. Длина предмета 18 см, ширина у рукоятки 2,2 см у лезвийной части 1,6 см. На рукоятке сохранились фрагменты сильно истлевшей костяной рукоятки. Лезвие орудия в сечении линзовидное.

Конструктивные особенности постройки V и находки внутри сооружения предполагают, ее полифункциональность. Отчетливо прослеживается металлургическая спецификация данного строения, вместе с тем оно могло использоваться для сушки и в качестве овина.

Овины представляли собой шалашевидные конструкции, внутри которых разводился огонь. По форме они напоминали ямы округлой и овальной формы со ступенями и серией столбовых ямок, расположенных по периметру конструкции [Трисвятский, Лесик, Курдина, 1991. С.142; Меркулов, 2016. С. 96-112].

Постройка могла использоваться на «срубном» этапе функционирования поселения, на это указывает преобладающее количество керамики срубной культуры как внутри постройки, так и снаружи. В пользу этого говорит и наличие фрагментов срубной керамики в засыпке столбовой ямы №2, чего не могло бы быть, при возведении постройки в абашевское время.

Постройка VI (рис. 34). Очертания сооружения выявлены в кв. 5, 5а, 6, 6а, 10, 11, 12, 13, 14, 12а, 13а, 14а, 23а, 20, 21, 22. Постройка выявлена в западной части раскопа на уровне материка. Располагалась вдоль кромки берега и была отделена от него частично сохранившимся рвом шириной 0,8-1 м, глубиной 0,2-0,9 м от современной поверхности (похожий ров исследован на поселении Тюбяк).

В плане постройка представляет собой подпрямоугольный котлован с закругленными углами размером 10,4х4,1 м. Постройка ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Котлован углублен в материк по краям на 0,2-0,25 м, дно плоское в западной части прослежено внутреннее углубление овальной формы, размером 4х2 м, повторяющее очертание жилищного основания. Глубина в этой части достигает 0,4 м от уровня материка. По периметру и внутри котлована выявлена система мелких столбовых ямок, диаметр которых составляет от 6 до 8-10 см, глубина 10-15 см от уровня пола. В южной части прослежен слабо выраженный вход внутрь сооружения. Почти у самого входа обнаружено очажное пятно кострового типа. Диаметр очажной линзы 0,5-0,6 м. Мощность прокала линзы в средней части составляет 0,1-0,15 м. Прокал внутри очага слабый. Заполнение очага состоит из черного углистого слоя.

В котловане обнаружено два скопления срубной керамики. Скопление в кв. 5 содержало обломки 5 сосудов баночного типа. В целом в постройке обнаружено 593 фрагмента керамики. К уральской абашевской культуре относится 25 фрагментов (по венчикам выделено 7 сосудов), к керамике срубной КИО В.С. Горбуновым отнесено 558 фрагментов (из них по венчикам выделено 70 сосудов). Налицо резкое преобладание «срубной» керамики, составляющей

99,5% от общего числа. Орнамент состоит из оттисков гладкого и зубчатого штампа. Композиции состоят из рядов наклонных вдавлений, треугольников, ямок, грубой штриховой зачистки. В тесте примесь шамота иногда в сочетании с растительными остатками. В постройке также обнаружено несколько обломков каменных изделий: терочников, пестов, галек.

Постройка VI связана с существованием «срубного» поселка, и, по мнению В.С. Горбунова является одной из наиболее ранних на исследованной площади Береговского I поселения.

Отсутствие следов нар, хозяйственных ям и колодцев внутри постройки вряд ли дает основание к отнесению ее в разряд жилых. Постройка могла использоваться для загонного содержания скота, овальное углубление внутри строения могло появиться в результате вытаптывания либо организации лежки для скотины. Очаг, обнаруженный несколько южнее от входа в сооружение, связан с обогревом и недопуском холодного воздуха внутрь постройки, где мог содержаться молодой скот.

Возможно, если принять во внимание версию о ранней дате сооружения постройки, по отношению к остальным то в период первичного заселения площадки памятника раннесрубным населением она могла использоваться в теплое время года (весна-осень), до возведения более капитального сооружения [Горбунов, 1980].

В 1981 г. к восточному краю раскопа VII был заложен новый Раскоп VIII площадью 600 кв.м, который оконтурил самую крупную впадину на площади поселения, размером 12x14 м. Из раскопа получена коллекция керамики, изделий из камня, кости, металла. Керамика представлена обломками абашевских, срубных и алакульских сосудов. Изделия из металла представлены 11 экземплярами: бронзовый нож-кинжал без выраженного перекрестия, нож-кинжал с выраженным перекрестием и черенком для насаживания рукояти, нож-кинжал с выраженным перекрестием и «змеевидным» навершием, обломок лезвийной части обоюдоострого ножа-кинжала, обломок бронзового тесла/или кинжала, обломок крупного шила. Найдены массивная литая бронзовая зооморфная фигура, небольшой слиток меди, подвеска в три оборота из тонкой бронзовой проволоки, а также несколько окислов.

Также в раскопе обнаружено костяное колечко, обломок лезвийной части костяного наконечника стрелы, обломок костяной пряжки, костяной маховичок, две проколки. К числу индивидуальных относится и находка фрагмента рога (лося или оленя) со следами пиления.

Изделия из глины представлены сырцовым необожженным шаром, обломком плавильной чаши и глиняным маховичком (возможно пряслице).

Общее количество всех найденных камней составляет 275 экземпляров, из них примерно на 50% имеются следы сработанности. Среди них выделяются крупные плиты-наковальни, разнообразные песты, терочники, гальки-курранты, гальки-болласы.

Раскопом изучена постройка VII и ряд ям хозяйственного назначения за ее пределами.

Постройка VII. Раскоп VIII (рис. 35; 58). В 1981 г. к восточному краю раскопа VII был просторен раскоп VIII площадью 600 кв.м. Раскопом изучена самая крупная впадина на площади поселения. Впадина представляла собой округлое углубление размерами 12x14 м.

Следы постройки VII отмечены были еще в отчетах В.П. Викторова и К.В. Сальникова как самый крупный котлован, занимавший на памятнике центральное место.

Постройка представляет собой следы углублённого материк котлована подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированного по осевой линии север-северо-восток-юго-запад. Размеры постройки: длина по западному краю - 12м, по восточному - 11 м, ширина по южному краю - 8,2 м, по северному - 9м. Общая длина по центральной оси – 13,4 м, ширина – 9м. Площадь постройки составляет не менее 110 кв. м.

С юга и севера отмечено два выхода со своеобразными тамбурами, размеры которых составляют около 1 кв. м.

Со всех сторон котлована по краям прослеживается ступенька, ширина и высота которой отличается размерами. Наибольшая ширина у западного края (1,9 м), на остальных участках от 0,25 до 0,35 м. Высота ступеньки варьирует от 0,2 до 0,3 м от края котлована. Конструкция котлована корытообразная, с заметным понижением к западному и восточному краю. Наиболее углублена в материк центральная часть.

Вдоль края котлована выявлены и зафиксированы ряды столбовых ям, интервалы между которыми составляют от 0,3 до 0,6 м. Они располагаются на краю ступеньки. Различаются три группы ям: крупные (диаметром от 30 до 35 см), средние (от 18 до 20 см) и мелкие (от 9 до 15 см). Крупные и средние ямы составляют четыре параллельных ряда и служили, по всей видимости, для поддержания кровли. Глубина в материк всех ям составляет от 20 до 35 см. Заполнение представлено слоем темного, темного гумуса. Дно ям имеет овальную (округлую или коническую) форму.

На дне в средней части постройки отмечалось большое количество следов от кольев, которые использовались для внутренней планировки. В центральной части постройки выявлено две ямы хозяйственного назначения и очаг.

Хозяйственная яма №3. Подпрямоугольной формы. Длина 2,16 м, ширина 1,44 м, глубина 0,45 м от уровня материка. Ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, т.е. строго по осевой линии постройки. Стенки ямы прямые, с некоторым наклоном ко дну. Дно плоское. Заполнение представляет собой темный гумус, у дна перемешанный с глиной. В яме найдено 46 фрагментов костей животных и 17 обломков керамики «срубного» типа – 2 венчика и 15 неорнаментированных стенок.

Хозяйственная яма №4. Имеет овальную форму. Размеры по верху: 2,64-2,1 м. Глубина в материк составляет 0,87 м. Стенки наклонно сужаются к дну. Размеры дна 1,08-0,98 м. Заполнение состоит из темного влажного гумуса. Обнаружено 34 мелких обломка костей животных и 19 фрагментов неорнаментированных стенок срубных сосудов.

К северу от хоз. ямы №1 выявлен очаг кострового типа. Диаметр очажного пятна 3,7-3,5 м. Линза прокала достигает мощности 0,7 м вглубь материка. По краям линзы выявлена полоса прокала оранжевого цвета. В заполнении очага обнаружено три развала «срубных» сосудов.

Из постройки получено 847 фр. керамики уральской абашевской (28 фр.) культуры, срубной (801 фр.) и алакульской (18 фр.) культур. По венчикам выделено 9 «абашевских» сосудов, 80 «срубных» и 15 «алакульских».

Кроме того найдена коллекция предметов из металла, кости и глины.

Металлические изделия: нож-кинжал без выраженного перекрестья небольшого размера (кв. 85/3); обломок черенковой части ножа (кв. 115/4); небольшой слиток меди или бронзы найден в кв. 113/3; кусочек окисла обнаружен в кв. 114/2.

Костяные изделия: костяная проколка найдена в кв. 125/4, длина 13,4 см, толщина 1,2 см.

Глиняные изделия: глиняный шар, сырцовый, необожжённый из глины, без примесей в глине найден в кв. 125/3. Диаметр составляет 5,5 см; обломок плавильной чаши обнаружен в кв. 114/2; пряслице найден в кв. 113.

По общему преобладанию «срубного» керамического комплекса постройку VII можно отнести к периоду освоения площадки поселения «срубным» населением. Сама постройка относится к типу сооружений наземного типа со слабо углублённым в материк основанием.

К северу от северного края жилища, напротив и вблизи входа, выявлено две хозяйственных ямы и очажное пятно, вероятно, это остатки хозяйственно-бытового комплекса за пределами жилища.

Хозяйственная яма №1. Яма овальной формы, в северной части стенка ямы прямая. Дно плоское, переход к стенкам пологий. Длина ямы 1,15 м, ширина 0,9 м, глубина 0,3 м от уровня материка. На дне ямы отмечено более 20 ямок, диаметром 4-5 см, глубиной 5-6 см от острых кольев. Заполнение ямок представлено темным гумусом, смешанным с глиной. Ямки могли остаться от навеса, сооруженного над ямой. В яме обнаружено 3 фрагмента от маленького «срубного» сосудика, 15 неорнаментированных стенок, и значительное количество мелких костей животных.

Хозяйственная яма №2. Изучена часть ямы размером 1х1 м, глубина ямы 0,15-0,2 м. Дно плоское, заполнение состоит гумуса перемешанного с глиной. В яме обнаружено 10 фрагментов «срубной» посуды, 20 обломков костей животных и 2 необработанных камня.

Очаг представляет собой часть обширного кострового прокала, уходящего под восточную стенку раскопа. Мощность зольника в центральной части составляет 0,2-0,25 м. Прокал вокруг очага ярко-оранжевого цвета.

Ближайшие аналогии постройка VII по конструктивным особенностям и расположению по линии север-юг (с небольшими отклонениями) обнаруживает среди вскрытых ранее построек I и II. Данное обстоятельство позволяет, с некоторым допущением, рассматривать их в качестве одновременных строений. Этому не противоречит и общий облик «срубного» керамического комплекса, среди которого во всех обозначенных постройках выделена небольшая группа

сосудов, своей профилировкой и орнаментальной композицией соответствующей стандартам «алакульской» культуры [Горбунов, 1982].

В 1982 г. В.С. Горбуновым было заложено два раскопа IX (424 кв.м) и X (54 кв.м). Первым раскопом изучено межжилищное пространство восточнее раскопа VII, а также исследована постройка VIII, расположенная по линии кв. В10-14 и Г10-14. Вторым раскопом вскрыт северо-западный угол постройки IX.

Раскоп IX примыкал к северной стенке раскопа IV. Раскоп заложен с целью получения дополнительной информации об участках поселения, на которых не зафиксированы впадины построек. Из культурного слоя получена обширная коллекция находок керамики, остеологического материала и камней. Обнаружено 1388 фрагментов керамики абашевской, срубной и алакульской культур. Индивидуальных находок получено значительно меньше, чем из других раскопов. Найдено одно пластинчатое бронзовое орудие, три костяные проколки.

Постройка VIII Раскоп IX (рис. 36) представляет собой слабо углубленный в материк котлован подпрямоугольной формы с закругленными углами размером 7,4x2,8 м, ориентированный по линии ЗВ. Глубина котлована составляет 0,2 м.

В котловане не обнаружено крупных столбовых ям и очагов. По дну прослежены следы многочисленных мелких столбовых ямок от кольев. Вероятно, это помещение использовалось сезонно и предназначалось для каких-то вспомогательных целей, к примеру, для летнего стойлового содержания скота. Из сооружения получено 6 «абашевских» и 5 «срубных» венчиков, и незначительное количество неорнаментированных стенок обеих культур, а также костяная проколка.

Раскоп X заложен вдоль обрыва между раскопами I-IV, по стратиграфии он практически не отличается от других. Из раскопа получено 475 фрагментов керамики, 123 обломка костей животных, 139 камней, включая крупные гальки. В подавляющем большинстве керамика срубная. Кроме того, в раскоп X попал северо-западный угол *постройки IX* наземного типа, со слабо углубленным в материк котлованом. В постройке найдено 6 венчиков, 14 орнаментированных и 69 неорнаментированных стенок, 2 фрагмента днищ от сосудов срубной культуры.

Постройка IX. Раскоп X (рис. 37) имеет подпрямоугольную форму, ориентированную по линии запад-восток. Длина 7,4 м, ширина в средней части 2,8 м. Глубина котлована в материк составляет 0,2 м. Часть вскрытой постройки представляет собой слабо углубленный в материк котлован, с плавным и слабовыраженным переходом стенок к основанию пола.

На изученном участке выявлено три крупных столбовых ямы и большое количество мелких. В постройке найдено 6 венчиков, 14 орнаментированных стенок, 69 неорнаментированных стенок и 2 днища. Вся керамика принадлежит срубной культуре [Горбунов, 1983].

Таким образом, исследованной оказалась практически вся площадка поселения.

2. Береговское II поселение (рис. 66-76)

Памятник располагается в 0,6 км к западу от Береговского I поселения, на краю пашни, на низком распаханном берегу одной из стариц р.Белой (рис. 66-68). Поселение преимущественно однослойное и содержит в основном абашевские материалы. Оно занимало наиболее высокий участок террасы (2-2,2 м над уровнем поймы). Площадь поселения 30х65 м.

Памятник был открыт разведочным отрядом В.П. Викторова в 1953 г. В следующем году на поселении был заложен раскоп, состоящий из нескольких траншей и отдельных разведочных шурфов, суммарной площадью около 100 кв.м. [Викторов, 1953; 1954]. Мощность слоя, содержащего культурные остатки, составляет 0,8-0,9 м. Из раскопа происходит в основном абашевская керамика, лишь в верхних слоях найдены единичные обломки от срубных сосудов. В траншее №2 В.П. Викторовым прослежен край слабо углубленного в материк жилого помещения, часть которого была вскрыта в 1975 г. Из находок стоит выделить медную руду-конгломерат, гальки-отбойники, черенок бронзового копья, медную окисленную подвеску, массивное четырехгранное шило. При разборе бровки траншеи №2 был найден железный наконечник стрелы сарматского типа с черенком и тремя шипами, каменный пестик из гальки со сработанными краями на одном конце, бронзовый нож лавролистной формы с обломанным концом.

В 1975 г. было заложен два раскопа (№II и III) [Пряхин, 1979. С. 95; Горбунов, 1986. С. 30]. Раскоп II площадью 336 кв.м. примыкал к раскопу 1954, мощность культурного слоя не превышает 0,5 м.

Керамика большей частью абашевская. Сервиз состоял из различных типов горшков, банок и чаш. Значительную часть горшков составляют сосуды с почти прямым или слабо отогнутым венчиком. Колоколовидные горшки представлены меньшим числом. Баночные сосуды представлены банками с массивным верхом и без него, колоколовидными банками, банками с отогнутым венчиком. Найдено несколько колоколовидных чаш. Ряд сосудов имеет характерный для абашевской керамики бортик с внутренней стороны венчика. Подавляющее число днищ плоские, с плавным переходом от основания к стенке. Некоторые из них в основании массивные. В составе теста многих сосудов прослеживается примесь ракушки, в некоторых отмечен тальк в тесте.

Почти вся посуда орнаментирована. Чаще всего орнамент нанесен на верхней части сосудов. Декор выполнен горизонтальными и волнистыми прочерченными линиями, композициями зубчатого штампа (треугольники, ромбы, насечки, редко меандр), вытянутыми вдавлениями, вертикальной лесенкой. В одном случае орнаментирован внутренний срез венчика.

Срубная керамика с территории раскопа представлена неорнаментированными обломками стенок и одним венчиком.

Изделия из кости представлены пятью предметами: обломок полый внутри костяной ручки, 2 ложила, костяная проколка, обломок «скобеля».

Изделия из камня включают 9 изделий: 2 обломка молотов, 2 точильных бруска, галька - курант, 2 каменные наковальни, пест и плоское каменное

изделия. Раскопом изучены котлованы 3-х построек (полностью вскрыты постройки 1, 3 и частично постройка 2), двух хозяйственных ям и 3 очагов.

Постройка 1 (рис. 67, 68). Углублена в материк до 0,2 м. Стенки с ЮВ и СВ стороны пологие. Восточная стенка крутая. В постройке вдоль стенок расчищено три столбовые ямки круглой формы. В заполнении котлована постройки встречены лишь отдельные стенки абашевских сосудов.

Постройка 2 (рис. 68, 74). Постройка имела прямоугольную форму со слабо закругленными углами. Длинной осью котлован ориентирован по линии СЮ. Его примерные размеры 14,2х9,5 м. Стенки котлована пологие, слабо углублены в материк (до 0,1 м). Материковое основание пола в центральной части несколько повышается. Мощность культурного слоя котлована – 0,9-1 м. Внутри котлована и вдоль его стенок расчищено 48 столбовых ямок диаметром от 0,3 до 0,7 м и глубиной от 0,1 до 0,45 м. По всей видимости, конструкция постройки была деревянной. На площади пола постройки выявлено четыре хозяйственных ямы. Ямы №№1, 2 и 4 образуют компактную группу в северной части постройки. Яма №3 располагалась ближе к южной стенке котлована.

В кв. 19 вблизи от ям №2 и 4 расчищено очажное пятно, диаметром 0,9 - 1 м. Очаг представлял собой скопление золы с обожженным основанием под ним.

В заполнении постройки 2 встречены обломки от 15 абашевских сосудов. Это колоколовидные горшки, горшки с прямым или слабо отогнутым венчиком, сужающиеся к верху банки, острорезберные сосудики и колоколовидные чаши.

Орнамент на керамике состоит из горизонтальных прямых и волнистых линий, зигзагов, оттисков зубчатого штампа, овальных и вытянутых вдавлений. Примесь в тесте – ракушка, тальк и шамот.

Постройка 3 (рис. 67, 84). Постройка двухкамерная (кв. 46-49, 67-78, 81-83 и 85). Размеры ее 6-7,2х9 м. Строение ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Глубина ее в материк достигает 0,15 м. Стенки котлована пологие.

Внутри котлована расчищено 17 столбовых ямок, 8 из них вдоль стен. Эти ямки видимо служили основой конструкции стен. Остальные 9 ямок располагались на площади постройки, и, вероятно, поддерживали перекрытие кровли. Диаметр ямок 0,3-0,5 м, глубина от 0,1 до 0,3 м.

Расчищено четыре хозяйственных ямы. Две ямы (1 и 3) располагались в северо-западной части постройки, две ямы (2, 4) в юго-восточной части.

В юго-восточной части постройки обнаружено два очаговых пятна - представляющие собой участки прокаленной глины, смешанной с золой, мощностью до 0,15 м. Размеры первого пятна 0,84х1 м. Диаметр другого – 0,8 м.

В заполнении котлована встречены обломки от 17 абашевских сосудов. Это горшки со слабо отогнутым венчиком, банки с массивным верхом, банки отогнутым венчиком, колоколовидные чаши. Днища плоские, с плавным переходом к стенкам. В качестве примесей в тесте добавлялась ракушка, тальк и битая галька. Орнамент на керамике выполнен прочерченными линиями, оттисками зубчатого штампа и различными вдавлениями.

На площади раскопа 2 между постройками 2 и 3 расчищено две отдельно расположенные хозяйственные ямы.

Также, в изученную площадь попали 3 отдельно расположенных очага.

Один из них рядом с хозяйственной ямой №2. Очаг имел округлую форму диаметром 0,9-1 м. Очажная яма глубиной 0,1 м заполнена золой. Основание под очагом прокалено.

Другой очаг вскрыт частично, длина изученной части 1 м, ширина 0,6 м. Очаг представляет собой лежавший на материке слой золы мощностью 5-7 см. Третий очаг размером 0,75x0,95 м.

Раскоп III заложен в северной части поселения. Площадь раскопа 64 кв.м. Слой имеет мощность от 0,55 до 0,9 м. Стратиграфия слоя та же, что и в раскопе II. Керамика полностью соответствует полученной посуде из раскопа II, отличие этого участка поселения в насыщенном костными остатками культурном слое и полном отсутствии находок из металла, камня и кости. На площади раскопа расчищена одна хозяйственная яма и две столбовые.

Таким образом, раскопками 1954 и 1975 гг. изучена большая часть поселения. В.С. Горбунов и А.Д. Пряхин считают, что, судя по полученному материалу, это поселение более позднее в сравнении с абашевским слоем Береговского I поселения [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 28].

3. Береговское III селище

Памятник расположен в 0,6 км к востоку от южной окраины д. Береговка, на коренном берегу р. Белой, на пашне. На площади в несколько сотен кв.м. на поверхности пашни встречено большое количество жженых и колотых костей, куски прокаленной глиняной обмазки, обломки железного котла. Керамики не обнаружено [Викторов, 1953]. Возможно, по аналогиям обмазкам с другими памятниками, Береговское III селище датируется в пределах XIII–XV вв.

4. Юмаковское I поселение (рис. 77-83)

Расположено в 70 м к юго-востоку от одноименной деревни на задернованной площадке в виде широкого, слабо выступающего мыса, образованного краем невысокой (до 3 м) террасы озера-старицы и плоской ложбиной, очерчивающей его с южной стороны. Поверхность памятника задернована. В центральной части поселения прослеживается котлован жилища овальной формы, размером 15x20 м, глубиной 0,7 м от уровня современной поверхности. Восточная часть памятника затронута пашней.

Памятник открыт В.П. Викторовым в 1952 г. [Викторов, 1953]. Осмотрен в 1978 г. и исследован в 1982 г. совместной экспедицией Башкирского пединститута и Башкирского университета [Горбунов, Обыденнов, 1978. С. 53-56; 1979. С. 193-194]. Заложены две взаимно перпендикулярные траншеи шириной в 1 метр и длиной 18 и 22 метра соответственно, для выяснения мощности культурного слоя, насыщенности его находками и выявления границ распространения материалов в южном и западном направлениях. Траншеями не затрагивался выявленный котлован постройки, изучено только межземляночное пространство. Учитывая полученные результаты, полноценный раскоп

площадью 134 кв.м был заложен в западной части памятника, наиболее насыщенной находками [Горбунов, 1982].

Стратиграфия слоя. Дерновое покрытие 0,1-0,15 м. Под дерном залегает слой темного мелкозернистого гумуса. Толщина его составляет 0,6-0,8 м. Местами под гумусом прослеживается прослойка суглинка. Материковое основание состоит из плотной глины серо-коричневого цвета.

Из культурного слоя Юмаковского I поселения получена коллекция находок керамики, камней, а также остеологических материалов. Обнаружено 644 фрагмента керамики абашевской, срубной и алакульской культур. Более половины всей керамики сосредоточено на третьем горизонте.

Из других материалов необходимо отметить находки обломки каменных плит типа наковален, терочников, ударных инструментов. Вещевой инвентарь представлен тремя обломками плавильных чаш абашевского типа, происходящих из нижних штыков раскопа, тремя гальками-курантами, каменным молотком, имеющим в средней части желобок для крепления ремня. Найдены две каменные прямоугольные плитки с заполированной поверхностью, три слитка меди или бронзы и кусочек шлака с меднистыми включениями, а также фрагмент глиняного маховичка, створка речной раковины и несколько обломков заполированных костей животных и более 20 камней со следами использования [Горбунов, 1989. С. 43-46].

5. Юмаковское II поселение (рис. 84-97)

Памятник находится в 1,5 км юго-восточнее д. Юмаково Мелеузовского района на обширном мысу первой надпойменной террасы р. Белой высотой около 6 м. С южной и юго-восточной стороны площадка ограничена руслом древней старицы р. Белой, местами сохранившейся в виде озера, которое в весенний период соединяется с рекой. Примерно в 1,5-2 км к востоку от него находится Юмаковское III поселение. Площадка Юмаковского II поселения ровная, покрыта дерном, на ней фиксируются следы 13 жилищных впадин из них 3 слабо выражены [Горбунов, 1989. Табл. 1, 5].

Памятник открыт в 1978 г. совместной экспедицией под руководством В.С. Горбунова и М.Ф. Обыденнова. В 1987 г. на поселении был заложен раскоп площадью 240 кв.м [Горбунов, Обыденнов, 1978. С. 51-53; 1979. С. 193-194].

Мощность культурного слоя составляет 0,8-1 м. Его стратиграфия вне постройки следующая: дерн-0,08-0,1 м, ниже слой темного гумуса 0,7-0,8 м, под ним местами фиксировалась прослойка суглинка толщиной 0,1-0,12 м. Материк представляет собой глину светло-коричневого цвета.

В процессе раскопок выявлены следы постройки наземного типа, подпрямоугольной формы размером 10,4x5,6 м, содержащей материалы срубной, алакульской и межовской культур.

Из культурного слоя и котлована постройки получены находки из металла, камня, кости и глины. Найдены бронзовое шило, обломок второго шила и кусочек подпрямоугольной пластины, а также несколько кусков медного колчедана. Обнаружены несколько обломков плавильной чаши или крупной

лячки, кусок чаши-тигля, крупный фрагмент изделия из глины полусферической формы со сквозным отверстием в середине.

На поселении найдено значительное количество камней, из них свыше 50 имеют следы хозяйственного использования, или представляют собой куски расколотых каменных орудий. К числу наиболее тщательно выполненных орудий относится крупный молоток из массивного булыжника. В средней части его имеются искусственно сформированные выемки — перехваты, предназначенные для крепления молотка и рукояти. Отчетливо прослеживаются следы скалывания и крупной ретуши. Боковая часть плоская и имеет характерные следы использования камня в качестве ударника. Найдены два обломка каменных плит, которые имеют следы затертости и представляют собой фрагменты нижних плит терочных плит - наковален. Обнаружено два песта. Находки кремня представлены в основном отщепами и сколами, а также орудиями на них (ножи, скребки). Из костяных изделий обнаружены наконечник стрелы.

Керамика из раскопа представлена 4087 фрагментами сосудов, из них в постройке найдено 704 фрагмента (17,2%), вне постройки – 3383 фрагмента (82,8%). Наиболее насыщенным является 3 горизонт, где было сосредоточено до 50% всей керамики. По венчикам выделяется 491 сосуд. В подавляющем большинстве в раскопе встречена срубная керамика, орнамент на которой нанесен в основном в верхней части сосуда зубчатым или гладким штампом. В глиняном тесте встречается примесь песка, шамота и шамота с растительными остатками. Днища сосудов плоские. На втором горизонте выделена группа керамики – фрагментов острореберных горшков с отогнутым венчиком, выраженной шейкой и ребром, орнамент по шейке и тулову представлен каплевидными вдавлениями, мелкозубчатым штампом, рядами прямых линий и заштрихованных треугольников. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов хорошо заглажена, в тесте фиксируется примесь шамота. Типологически и морфологически эти сосуды связаны с раннесрубной керамикой.

Кроме срубной, на Юмаковском II поселении обнаружена алакульская, межовская и курмантауская керамика. По венчикам выделено около 30 алакульских сосудов (6,9%) от общего числа фрагментов - в основном сосуды горшечной формы, орнаментированные отпечатками проташенной гребенки. Алакульская керамика преимущественно залегала на третьем горизонте и в постройке совместно с керамикой срубной культуры.

Межовская керамика еще более малочисленна. Выделено 13 сосудов. Практически вся она обнаружена в постройке. По всей видимости, хронологически с ней связаны несколько фрагментов от одного сосуда курмантаусской культуры.

Постройка 1 (рис. 85). Следы постройки показывают, что она представляет собой наземную конструкцию, в центральной части которой имелся углубленный в материк котлован подпрямоугольной формы. В северной части котлован сужается, образуя пристройку к нему. Котлован ориентирован по линии СВ-ЮВ. Общая длина его 10,4 м, наибольшая ширина 5,6 м. Площадь котлован 56,6 кв.м. Со всех сторон котлована прослеживается ступенька

шириной от 0,35 до 1,1 м и высотой от 0,2 до 0,3 м. Дно котлована овальное, фиксируется плавное понижение к центру жилища. Максимальное углубление в материк в центральной части составляет 0,6 м. При изучении постройки зафиксировано 72 столбовых ям различных размеров. В плане ямы круглые, диаметром от 0,08 до 0,12 м. Глубина в материк от 0,09 до 0,6 м. Крупные столбовые ямы в средней части постройки имеют определенную систему в своем расположении. По-видимому, ямки оконтуривают очертания камеры внутри постройки размером 14x10 м, внутри которой понижение котлована представляло собой центральную часть, содержащую очаг и хозяйственный комплекс. Самые крупные ямы вероятно от несущих каркасных столбов, поддерживавших перекрытие и кровлю.

В кв. 35 и 42 зафиксирован очаг, сложенный из крупных галек. Очаг имеет овальную форму (1,9x0,8 м). Под зольно-сажистым заполнением (толщиной до 0,12 м), фиксируется пятно круглой формы диаметром 0,8 м.

К северу от этого очага зафиксирована хозяйственная яма №4 (диаметром 0,6 м, глубиной 0,35 м), заполненная кусками медного колчедана среднего и небольшого размера, который являясь сырьем для выплавки меди, по всей видимости, был преднамеренно измельчен и оставлен впрок⁶.

Рядом с ямой №4 обнаружена еще одна хозяйственная яма №5, тех же размеров. Она была заполнена кусками обожженной спекшейся глины.

К югу от очага, почти соприкасаясь с ним, выявлена яма округлой формы. Диаметр ее в верхней части составляет 2 м, глубина 2,43 м от уровня материка. Стенки ямы постепенно сужаются, размер дна ямы составляет 0,8 м. На глубине 2,43 м в яме при расчистке проступила вода, возможно яма в древности являлась колодцем. Заполнение ямы состояло из темного гумуса, угольков и небольшого числа керамики.

Кроме описанных выше, в постройке обнаружено еще три ямы.

Хозяйственная яма №1. Овальной формы (0,6x0,8 м), глубиной 0,35 м. Дно плоское, заполнение темный гумус, в котором найдено два «срубных венчика».

Хозяйственная яма №2. Овальной формы (0,4x0,7 м), глубина 0,32 м. Дно плоское. Заполнение состоит из гумуса. Найдено – небольшое количество угольков, 11 обломков костей животных и 3 «срубных» стенки.

Хозяйственная яма №3. Округлой формы, диаметром 0,65 м, глубиной 0,68 м. Дно ямы овальное, заполнение состоит из гумуса. Найдено 5 обломков неорнаментированных «срубных» стенок и 6 костей животных.

Внутри постройки обнаружено 704 фрагмента керамики, из которых выделено 128 сосудов. Большая часть посуды принадлежит срубной культуре, лишь небольшое количество относится к алакульской и межовской культурам.

---

⁶ По определению научного сотрудника Института геологии Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР Я.Л. Шестопала, медный колчедан местного происхождения и связан с месторождениями сульфидных окисленных руд, известных в районе Воскресенского завода, расположенного в 10 км к западу от поселения (определение выполнено в 1987 г. по просьбе В.С. Горбунова).

Типологически орнаментально срубная посуда из постройки и культурного слоя достаточно близка – различаются сосуды горшечной и баночной форм. Часть горшков имеет отогнутый наружу венчик и орнамент в виде рядов ямочных вдавлений, оттисков гладкого штампа. Встречаются крупные неорнаментированные горшки. Выделены банки с прямыми стенками с венчиком, отогнутым вовнутрь сосуда (закрытые банки). Значительное число этой посуды без орнамента. На других сосудах срубной культуры орнамент состоит из отпечатков зубчатого штампа, посуда плоскодонная. Часть днищ имеют закраины.

Кроме срубной в постройке выявлено небольшое количество алакульской посуды (15 фрагментов) от 8 сосудов. Большинство из них горшечной формы, орнаментированы наклонными рядами проташенной гребенки, гладким штампом в виде «елочки». К алакульской группе можно также отнести два баночных сосуда, имеющих слабо выраженные желобки с внутренней стороны и утолщения по шейке. Орнамент на них состоит из горизонтальной елочки и заштрихованных треугольников. На фрагментах обоих сосудов имеются сквозные отверстия, вероятно для подвешивания. Цвет сосудов темно-серый, в глиняном тесте примесь песка, в единичных случаях песка с шамотом.

Третья небольшая группа керамики (8 сосудов) из постройки связана с посудой межовской культуры.

Развал межовского сосуда обнаружен в яме – колодце к югу от очага. Диаметр сосуда 17,5 см, высота 15,5 см, дно гладкое плоское. Диаметр днища 7,3 см. Внешние и внутренние стенки сосуда хорошо заглажены. Сосуд горшковидный, тонкостенный, толщина стенок 0,6 см. В тесте примесь талька. В верхней части сосуд орнаментирован зигзагом из 3-х рядов, выполненных гладким штампом. Первый ряд зигзага имеет «реснички». Цвет сосуда светло-коричневый с тальковым блеском. Фрагменты межовского сосуда баночной формы найдены при разборе столбовой ямы. Диаметр этого горшка 35 см. В тесте примесь органики с песком, цвет сосуда светло-коричневый. Орнамент состоит из двух прямых линий по венчику, выполненных гладким штампом. За поясом линий следует 4 ряда зигзага. Сосуд баночной формы.

Развал крупного горшка с валиком найден в кв. 54 на 3 горизонте. Сосуд богато орнаментирован горизонтальной «елочкой», оттисками прямых и наклонных линий, заштрихованных ромбов, обрамленных по низу мелкими насечками. В котловане постройки также найдено 6 фрагментов венчиков от 5 межовских сосудов, в глиняном тесте которых имеется примесь растительных остатков.

Индивидуальные находки из постройки представлены изделиями из металла, кости, глины и камня.

В границах постройки найдено несколько слитков бронзы в виде капель неправильной формы, один такой слиток имел сквозное отверстие. Обнаружены также бронзовая пластинка, шлак, окислы металла, большое количество руды медного колчедана. Все эти находки подтверждают мысль о развитом металлургическом производстве на площадке памятника. С ним в частности

связана находка литейной формы для отливки стержня из кв. 26 выявленная на глубине 3 штыка. Форма представляет собой каменный брусок темного цвета длиной около 10 см, шириной 5,5 см. На внутренней части створки вырезан желобок шириной 2 см, глубиной 1 см.

Кремневый инвентарь представлен отщепами, скребками, нуклеусами и четырьмя ножами, изготовленными из отщепов подтреугольной формы.

Среди каменных орудий имеются плитки, миниатюрные тесла, плоские гальки (куранты).

6. Юмаковское III поселение (рис. 98-116)

Расположено на второй надпойменной террасе (высотой 5-7 м) правого берега одной из многочисленных стариц р. Белой в 2-2,5 км к западу от одноименной деревни. Площадка, на которой находится поселение мысового типа, относительно ровная, несколько понижающаяся к югу. На ней отчетливо прослеживаются углубления пяти котлованов-построек [Горбунов, 1989. Табл. 1, 2].

Памятник открыт в 1980 г. разведочным отрядом С.В. Ульянова в составе экспедиции В.С. Горбунова. В этом же году на поселении был заложен раскоп площадью 80 кв. м. Толщина культурного слоя составляет 0,5-0,7 м. Материалы представлены керамикой абашевского и раннесрубного облика, пластинчатым бронзовым орудием [Горбунов, 1981а; 1981б, С. 130].

В 1981 г. на межжилищном пространстве поселения был заложен раскоп площадью 40 кв. м. Из слоя получена керамика абашевского, срубного и раннеалакульского типов, а также кости животных [Горбунов, 1982. С. 2-18; 1983. С. 143].

В 1982 г. поселение исследовано значительной, по сравнению с предыдущими годами, площадью в 120 кв.м. Было обнаружено 946 фрагментов абашевской, срубной, алакульской керамики, бронзовая очковидная подвеска абашевского типа, каменный пест цилиндрической формы, каменный диск-маховичек обломки плавильных чаш, кусочки руды. На площади раскопа зафиксированы многочисленные столбовые ямки, следы двух очагов кострового типа [Горбунов, 1983. С. 5-37].

В 1987 г. работы на поселении были возобновлены. Раскоп площадью 80 кв. м. был разбит на межжилищном пространстве с целью в дальнейшем изучить одну из 5 жилищных впадин. Однако полностью реализовать запланированное участники экспедиции не смогли. Из раскопа было получено 520 фрагментов керамики абашевской, срубной и алакульской культур. Индивидуальные находки представлены изделиями из камня, кости, керамики. Наиболее интересные находки представлены костяным шилом, обломками плавильных чаш, обломком каменного молотка [Горбунов, 1988. С. 3-27; Горбунов, Денисов, Муравкина, 1989. С. 124-126; Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 46-50; Горбунов, 2006. С. 4].

Таким образом, на поселении заложено четыре раскопа и несколько разведочных шурфов общей площадью 322 кв.м. Стратиграфия культурного слоя достаточно устойчивая. Под дерновым слоем 0,1-0,2 м залегал слой

темного мягкого гумуса мощностью 0,4-0,6 м. Ниже прослеживался слой светлой супеси 0,1-0,2 м, подстилающий материковое основание, которое супесчаной глины.

Из всех раскопов получено 2183 фрагмента керамики. Зафиксированы свидетельства металлургического производства в виде находок более 100 обломков от плавильных чаш и кусочков руды. Из раскопа получено 1962 обломка костей, 14 из которых имели следы обработки.

Выявлено два крупных очага кострового типа диаметром 0,7 и 1 м. Мощность зольных линз в середине составляет около 0,3 м. Вокруг очагов выявлено значительное количество столбовых ямок, которые указывают на наличие навесов или каких-либо иных сооружений над ними. В раскопе 1987 г. зафиксированы четыре мощных зольника, находящихся в непосредственной близости от одной из жилищных впадин поселения [Горбунов, 1992. С. 68-69].

7. Юмаковское IV поселение (рис. 117-122)

Памятник находится в 0,7 км к югу от д. Юмаково Мелеузовского района на первой надпойменной террасе старицы р. Белой.

Впервые поселение исследовано в 1988 г. В.С. Горбуновым [Горбунов, 1988; Муравкина, 1990; Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Обыденнов, 1991. С. 170-173]. Сведения о нем были получены от директора Юмаковской СОШ Н.Х. Юлдашева. Он сообщил, что при строительстве дороги из д. Береговка в д. Юмаково выявилось разрушение древнего памятника, впоследствии получившего название Юмаково IV поселение.

На сохранившейся части культурного слоя было заложено два раскопа. Раскоп I (40 кв.м) вскрыл сохранившуюся центральную часть постройки №1. Раскоп II (66 кв.м) заложен на сохранившейся части впадины котлована постройки №2, разрушенной в процессе строительства полотна дороги.

Постройка №1 (рис. 118). Представлена слабо углубленным в материк котлованом подпрямоугольной формы, длиной 10,5х7 м. Котлован ориентирован по линии СВ-ЮЗ. Дно плоское, ровное, следов столбовых ямок, хозяйственных ям, очагов не обнаружено.

Керамический комплекс составляют фрагменты абашевской (превалирующая часть) и срубной (в меньшей степени) керамики. Находки из металла представлены пластинчатым серповидным оружием и проколкой-шилом круглого сечения, из каменных изделий найдены обломки массивной плиты и два песта. Найден также крупный фрагмент плавильной чаши со следами ошлаковки [Горбунов, 1989. С. 30-32].

Постройка №2 (рис. 119). Ширина зафиксированного подпрямоугольного котлована составляет 6 м, длина около 9 м. По его границе с восточной стороны выявлено 5 столбовых ям, с западной - 3 столбовые ямы. Ямки круглой формы, диаметром от 0,2 до 0,35 м, от уровня материка.

Керамический материал представлен абашевской и срубной посудой. Кроме бытовой посуды, обнаружены фрагменты днищ двух тиглей из глины с примесью песка в тесте. Из каменных изделий обращает на себя внимание

обломки наковален крупных и средних размеров, а также несколько галек – курантов.

8. Береговка-4, селище (рис. 136)

Памятник находится в Мелеузовском районе, в 2,6 км к ССВ от южной окраины д. Береговка Арслановского с/с, в 1,95 км к ССВ от православного кладбища д. Береговка. Памятник расположен на берегу небольшого старичного озера, полностью пересохшего на данный момент.

Памятник выявлен Е.В. Руслановым в 2016 г.

На пашне собрано около 30 фрагментов керамики, содержащих в тесте тальк (рис. 136). Площадь распространения подъемного материала составляет 60х30 м [Русланов, 2016. С. 83-89].

9. Юмаково-5, стоянка (рис. 135)

Памятник расположен в 2 км к ЮВ от д. Юмаково и в 150 метрах к ЮВ от Юмаковского-3 поселения на распаханном поле. Стоянка находится на 2-х метровой террасе старицы р.Белой, с востока площадку памятника ограничивает полевая дорога на д. Юмаково, с юга и запада еще одна старица р.Белой, с севера памятник ограничен от Юмаковского III поселения полутораметровой промоиной, шириной 5-7 м. Площадка памятника имеет размеры 60х30 метров, вытянута вдоль берега старицы (рис. 135).

Все материалы представлены сборами Е.В. Русланова в 2013 г. С поверхности собраны фрагменты керамики срубной культуры серого цвета с примесью шамота и дресвы в тесте, куски шлака, а также большое количество костей животных [Русланов, Сахипов, 2013. С. 48-51; Русланов, Сахипов, Шамсутдинов, Мухамедьяров, 2014. С. 39-42].

10. Юмаково-6, поселение (рис. 138)

Памятник находится в Мелеузовском районе, в 2,5 км к Ю от южной окраины д. Юмаково Зирганского с/с. Памятник вплотную примыкает к полотну дороги Юмаково-Береговка. Поселение находится на берегу небольшого пересохшего старичного озера. Площадка ровная, используется под пашню. Площадь памятника, судя по распространению подъемного материала, около 100х60 м.

Памятник открыт разведочным отрядом Е.В. Русланова в 2016 г.

С поверхности собрано большое количество (около 80) фрагментов керамики срубной культуры (рис. 138). Цвет поверхности черепков от темно-серого до светло-коричневого, в тесте фиксируется примесь шамота. На некоторых фрагментах зафиксирован орнамент в виде прочерченных полос, вдавлений гребенчатого штампа и расчесов. С поверхности также собраны колотые кости животных, шлак и обработанная каменная плиточка.

11. Юмаково-7, стоянка (рис. 139, 3-16)

Памятник находится в Мелеузовском районе, в 1,9 км к ЮЮВ от южной окраины д. Юмаково Зирганского с/с и в 0,4 км к востоку от автодороги

Береговка-Юмаково. Стоянка расположена на западной оконечности пересыхающей старицы р. Белая. Территория памятника размером 30х35 м плавно понижается к урезу воды в старице. Высота ее не более 1 м. Памятник ежегодно распахивается.

Стоянка открыта разведочным отрядом Е.В. Русланова в 2016 г.

С поверхности пашни собрано 12 фрагментов керамики срубной культуры, 8 неорнаментированных стенок, 4 стенки с орнаментом в виде прочерченных линий. Цвет найденных фрагментов от темно-серого до светло-коричневого в тесте фиксируется примесь шамота (рис. 139, 3-16).

12. Юмаково-8, стоянка (рис. 137)

Памятник находится в Мелеузовском районе, в 1,9 км к ЮЮВ от южной окраины д. Юмаково в 0,56 км к востоку от автодороги Береговка-Юмаково и в 0,17 км к востоку от стоянки Юмаково-7. Стоянка расположена на восточной оконечности пересыхающей старицы р. Белая. Территория памятника размером 30х25 м плавно понижается к урезу воды в старице. Высота ее не более 1,5 м. Площадка памятника ежегодно распахивается, с поверхности пашни собрано 15 фрагментов керамики срубной культуры, 10 неорнаментированных стенок, 3 стенки с орнаментом в виде прочерченных линий, и один венчик от небольшого баночного сосуда. Цвет найденных фрагментов от темно-серого до светло-коричневого в тесте фиксируется примесь шамота (рис. 137, 1-3).

Памятник открыт разведочным отрядом Е.В. Русланова в 2016 г.

13. Юмаково-9, местонахождение керамики (рис. 139, 1, 2)

Памятник обнаружен в Мелеузовском районе, в 1,7 км к ЮЮВ от южной окраины д. Юмаково в 0,87 км к востоку от автодороги Береговка-Юмаково. Местонахождение расположено в 0,5 км к ССВ от стоянок Юмаково-7,8. Площадка находится на высокой древней коренной террасе р. Белая (высотой от 3 до 4,5 м), которая огибает крупное, пересохшее старичное озеро, на данный момент густо поросшее лесом.

Местонахождение обнаружено разведочным отрядом Е.В. Русланова в 2016 г.

На пашне найдены 2 фрагмента керамики срубной культуры светло-серого цвета, с примесью шамота в тесте и 1 кусочек шлака (рис. 139, 1, 2) [Русланов, 2016. С. 83-89].

15. Стоянка Озерки I (рис. 124-127)

Памятник выявлен в 1954 г. В.Д. Викторовой [Викторова, 1954]. В 1978 году обследован разведочным отрядом под руководством В.С. Горбунова и М.Ф. Обыденнова [Горбунов, Обыденнов, 1978]. Осмотрен в 2010 году экспедицией Румянцева М.М. [Румянцев, 2010. 157 с].

Расположен в 1,2 км к северо-востоку от д. Береговка, на трехметровой надпойменной террасе старицы левого берега р. Белой, на пашне. По площадке памятника, вдоль пашни проходит полевая дорога в д. Береговка. На площадке памятника был собран подъемный материал: 24 фрагментов

лепных сосудов пепельно-серого, темно-серого и светло-коричневого цвета с примесью мелкого песка, шамота, мелкотолчёной раковины и талька в тесте, большое количество кусков шлака. Орнамент представлен резными линиями, оттисками гребенчатого штампа, характерными для срубной культуры.

16. Стоянка Озерки II (рис. 130, 131)

Памятник выявлен в 1954 г. В.Д. Викторовой [Викторова, 1954]. В 1978 году обследован разведочным отрядом под руководством В.С. Горбунова и М.Ф. Обыденнова [Горбунов, Обыденнов, 1978]. Осмотрен в 2010 году экспедицией М.М. Румянцева [Румянцев, 2010].

Расположен в 1,7 км к востоку от д. Береговка, на трехметровой надпойменной террасе старицы левого берега р. Белой, на пашне, в 0,2 км к востоку от стоянки Озерки-1. В 1 км к северо-северо-востоку от кладбища д. Береговка. По площадке памятника, вдоль пашни проходит полевая дорога в д. Береговка. Длина площадки памятника вдоль старицы 110 м, ширина площадки вглубь пашни 25 м. Жилищные впадины, отмеченные В.Д. Викторовой, к 2013 г. сnivelированы. На распаханых участках памятника был собран подъемный материал: 4 фрагмента лепной керамики светло-серого цвета с примесью шамота в тесте. Орнамент представлен ямочными вдавлениями. Мощность культурного слоя не определена, судя по подъемному материалу и данным В.С. Горбунова и М.Ф. Обыденнова [Горбунов, Обыденнов, 1978], памятник можно отнести к срубной культуре эпохи бронзы.

17. Стоянка Озерки III (рис. 132, 133)

Памятник выявлен в 1954 г. В.Д. Викторовой [Викторова, 1954]. В 1978 году обследован разведочным отрядом под руководством В.С. Горбунова и М.Ф. Обыденнова [Горбунов, Обыденнов, 1978]. Осмотрен в 2010 году экспедицией М.М. Румянцева [Румянцев, 2010]. Расположен в 1,7 км к востоку от д. Береговка, на двухметровой надпойменной террасе старицы левого берега р. Белой, на пашне, в 0,8 км к северо-востоку от кладбища. Длина площадки памятника вдоль старицы 80 м, ширина площадки вглубь пашни 20 м. На площадке памятника были собран подъемный материал 1 неорнаментированный фрагмент лепного сосуда светло-серого цвета с примесью шамота в тесте. Керамика относится к срубной культуре эпохи бронзы. Мощность культурного слоя не определена, судя по подъемному материалу и данным В.Д. Викторовой и К.В. Сальникова, памятник можно отнести к срубной культуре эпохи бронзы.

18. Стоянка Озерки IV

Стоянка выявлена в 1978 г. совместная экспедиция БГПИ (руководитель В.С. Горбунов) и БашГУ (руководитель М.Ф. Обыденнов). Памятник был отнесен к кругу поселений срубной культурно-исторической общности. [Горбунов, Обыденнов, 1978, с.53-56; Горбунов, Обыденнов, 1979, с. 193-194]. В топографическом отношении стоянка находится на первой

двухметровой надпойменной террасе, вытянувшись вдоль берега озера с запада на восток.

19. Стоянка Озерки V (рис. 134)

Стоянка открыта Е.В. Руслановым в ходе разведочных работ в 2013 году.

Памятник расположен на 2 метровой террасе старицы р. Белой в 0,2 км к северо-востоку от Озерковской-2, стоянки в 1,5 км к юго-западу от хут. Кедровый, в 1,2 км к северо-востоку от д. Береговка. Памятник занимает площадь 30х40 метров. С поверхности собрана керамика срубной культуры светло-серого цвета с примесью шамота в тесте, куски шлака. Мощность культурного слоя не определена. Памятник относится к кругу поселений срубной культурно-исторической общности.

20. Красногорская-1, стоянка (рис. 128)

Стоянка расположена в 0,8 км к северу от северной окраины д. Красногорка, в 0,7 км к западу от шоссейной дороги Красногорка - Береговка на распаханном поле. Стоянка находится на естественном 1,5 метровом возвышении, образованном высохшей старицей-протокой р.Белой и обрывом коренного берега р.Белой (рис. 128). Стоянка занимает площадку размером 35х30 метров.

Сборами Е.В. Русланова в 2013 г. с распаханной поверхности собраны фрагменты срубной керамики серого цвета с примесью шамота и дресвы в тесте [Русланов, Сахипов, 2013. С. 48-51; Русланов, Сахипов, Шамсутдинов, Мухамедьяров, 2014. С. 39-42].

21. Студеная I стоянка (рис. 129)

Памятник расположен на западном берегу старицы р. Суханыш, на мысовидном участке, ограниченном с запада старицей, а с юга промоиной, заросшей деревьями и кустарником, в 0,5 км к юго-западу от хут. Красногорский. Южные и западные участки стоянки задернованы луговой растительностью, северный участок стоянки располагается на пашне. Размеры площадки памятника 120х20 м (рис. 129).

Выявлен в 1954 г. В.Д. Викторовой [Викторова, 1954; Археологическая карта., 1976. №1441. С. 163]. В 2010 г. М.М. Румянцевым, в обрыве берега, на западном участке, был собран подъемный материал (3 фрагмента кости) [Румянцев, 2010. С. 38-39]. Мощность культурного слоя не определена, В.Д. Викторова отнесла памятник к срубной культуре.

22. Береговский I курганный могильник (рис. 140-152)

Могильник расположен на коренной террасе правого берега р. Белой, в 2,7 км к северу от хут. Красногорский, в 3,5 км к северо-востоку от д. Береговка, в 0,6 км к юго-юго-западу от хут. Кедровый Мелеузовского района на пашне. С юга площадка памятника ограничена поймой старицы р. Белой. По площадке

памятника, вдоль пашни, проходит полевая дорога. Площадь памятника – 5000 кв. м (рис. 140).

Могильник из 17 курганных насыпей обнаружен В.П. Викторовым в 1952 г. [Викторов, 1952; 1953; 1954. С. 4-41]. Осмотрев памятник в 1954 г., он зафиксировал еще 23 курганные насыпи. Таким образом, общее их число составляло на тот момент 40 курганов. Со слов местных жителей было установлено, что эта местность носит у них название «Бугры». Как оказалось, полоса курганов, насчитывающая до полутора сотен насыпей, тянется вдоль коренного берега р. Белой на несколько километров вплоть до д. Юмаково.

В.П. Викторовым был раскопан курган №10, расположенный на пашне. Диаметр кургана 10,5 м, высота 60 см. В могильной яме обнаружен костяк собаки и кремневый наконечник стрелы [Викторов, 1954. С. 4-41].

В дальнейшем могильник исследовался совместной экспедицией Воронежского госуниверситета и БГПИ под руководством А.Д. Пряхина и В.С. Горбунова. В 1975 г. изучено 7 насыпей, давших материалы абашевской культуры, и впускных погребений алакульской, срубной и раннего этапа прохоровской культуры. Курганы диаметром 10-20 м, высотой от 0,15 до 0,7 м. Установлено, что насыпи возведены абашевским населением, в дальнейшем в курганы были впущены погребения срубной, алакульской и сарматской культур (рис. 141-152). Особенностью их является наличие значительных надмогильных сооружений. В трех случаях – это круговые столбовые оградки, в одном – сочетание кольцевой канавки и кольцевой столбовой оградки, в другом – трехстенная прямоугольная каменная оградка. С внешней стороны от столбовой оградки одного из курганов прослеживался, примыкавший к ней с юго-западной стороны, неглубокий прерывающийся ров.

Вокруг значительной части абашевских могил выявлены небольшие столбовые ямки, очерчивающие прямоугольные оградки вокруг могил, вокруг основного кольца надмогильных сооружений. Стоит отметить, что в курганах с зафиксированными столбовыми ямками практически всегда отсутствуют погребенные.

Особенностью погребального обряда здесь является отсутствие проявлений культа огня.

Курганы в основном содержали по одному абашевскому захоронению. Основная ориентировка могил ЮВ-СЗ.

Материал представлен металлическими гривнами, браслетами, многовитковыми колечками, сосудами, костями животных [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 56; Пряхин, Горбунов, 1975. С. 198-199; 1979. С.72-98; Пряхин, 1977; Горбунов, 1986. С. 35-46; Горбунов, Иванов, 1992а. С. 99-109].

К 1975 г. из более 40 зафиксированных В.П. Викторовым насыпей, сохранилось только 17 курганов без видимой системы в их расположении. Отмечается наличие насыпей разного диаметра и высоты. Экспедицией Воронежского госуниверситета и БГПИ в могильнике исследовано восемь насыпей.

Курган 1 (рис. 142). Диаметр 9 м, высота 0,25 м. Под насыпью оказалось 4 захоронения в ямах, углубленных в материк и 1 погребение в насыпи. В центре на уровне материка выявлено основное погребение №1.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 2,5x1,9 м, глубина 0,6 м. Ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Почти на материковом основании могильной ямы встречены сильно истлевшие фрагменты трубчатых костей человека. Вещей не обнаружено. Вокруг погребения зафиксировано пять столбовых ямок диаметром 0,12-0,25 м, глубиной 0,13-0,2 м от внемогильной столбовой конструкции.

Погребение №2. Размеры могильной ямы 1,3x0,8 м, глубина 0,25 м. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Яма прямоугольной формы. Следов костяка не обнаружено. На дне могилы у северной стены стояло два сосуда. Один из них банка с отогнутым венчиком, имеющим изнутри острое ребро и массивное основание (рис. 152, 6). В тесте имеется примесь растительных остатков. Второй сосуд – сужающаяся кверху банка (рис. 152, 7). Могильная яма перерезала слой выкида из основного погребения и, скорее всего, нарушала круговую столбовую конструкцию вокруг погребения №1. Погребение №2 является впускным.

Погребение №3. Размеры могильной ямы 0,9x0,65 м, глубина 0,7 м. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Яма прямоугольной формы. Следов костяка не обнаружено. Погребение впускное, выявлено вне пределов столбовой конструкции погребения №1.

Погребение №4. Размеры могильной ямы 0,85x0,65 м, глубина 0,7 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Стены ямы в верхней части отвесные. Ближе к дну, ее размеры увеличиваются, в результате чего по всем сторонам отмечены узкие подбои. На дне могилы, у западной стены, находился развал острореберного сосуда с массивным плоским дном (рис. 152, 8). Сосуд имеет обычную для уральской абашевской культуры орнаментацию, в том числе и горизонтальные линии по венчику с внутренней стороны. Погребение впускное. Следов костяка не обнаружено.

Погребение №5. С этим погребением связаны обломки срубного острореберного сосуда, встреченные примерно на уровне погребенной почвы над погребением №1 и уже в самой насыпи к востоку от этой могильной ямы.

Таким образом, впускными по отношению к основному (скорее всего абашевскому) погребению №1 в кургане являются срубные погребения №2 и 5. Также впускными являются погребения №3 и 4, из которых погребение №4 абашевское.

Курган 2 (рис. 143). Диаметр 14 м, высота 0,3 м. Насыпь правильной округлой формы, сильно уплощена. После ее снятия выявлено 4 погребения и система столбовых ямок, окружавших основное захоронение (погребение №1).

Погребение №1. Размеры могильной ямы 1,6x0,8 м. Глубина 0,25 м. Ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Захоронение совершено под центром насыпи. Могильная яма оказалась пустой. За ее пределами у ЮВ края на глубине 0,4 м от нулевой отметки обнаружено бронзовое колечко (рис. 151, 3).

С основным погребением №1 связываются 5 крупных столбовых ямок от внемогильной столбовой конструкции. Ямки округлой формы, глубиной 0,12-0,2 м.

Остальные выявленные погребения впускные.

Погребение №2. Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребение, слегка углубленное в слой погребенной почвы, находилось в 2 м к ЮВ от погребения №1. От скелета сохранились лишь отдельные, лежавшие в беспорядке, кости. Рядом с ними находился развал орнаментированного горшковидного сосуда (рис. 152, 1). Орнамент состоит из трех зон выполненного мелкозубчатым штампом многорядового зигзага, сочетающегося с линиями боковых вдавлений. В тесте примесь толченой ракушки. Погребение относится к алакульской культуре.

Погребение №3. Размеры могильной ямы 0,9x0,45 м, глубина 0,15 м. Ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Яма прямоугольной формы. В противоположных концах ямы находилось два сосуда. Один из них баночной формы. Он полностью орнаментирован. Орнамент состоит из образующих горизонтальные линии отпечатков зубчатого штампа, двух рядов треугольников, один из которых ограничен снизу круглыми ямками, и меандра между ними. Другой, сохранившийся в обломках сосуд колоколовидная чаша. Поверхность его тщательно заглажена и подложена. Орнамент состоит из каннелюров, с прерывающимися рядами боковых вдавлений внутри них, горизонтальных зигзагов, удлиненных треугольников, ограниченных снизу прерывающимся рядом вдавлений. Рядом с обломками второго сосуда, обнаружены мелкие части детского черепа и несколько позвонков. Судя по расположению фрагментов черепа, погребенный лежал головой на СЗ. Рядом с могильной ямой располагались две небольшие столбовые ямки. Погребение относится к абашевской культуре.

Погребение №4. Размеры могильной ямы 1,7x0,6-0,8 м, глубина 0,4 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Яма неправильной овальной формы, ее СВ часть шире, чем ЮЗ. Костей погребенного, а также вещей, не обнаружено.

Кроме описанных погребений, под насыпью кургана обнаружены обломки нарядно орнаментированной колоколовидной чаши (в СЗ секторе на глубине 0,6 м), проволочное колечко (в ЮВ секторе на глубине 0,76 м) и наконечник стрелы сарматского типа (в ЮВ секторе на глубине 0,8 м).

Два погребения в кургане, включая основное погребение №1, абашевские. Впускное абашевское захоронение №3 вероятно совершено в то время, когда еще сохранялась деревянная конструкция вокруг основного погребения. Среди впускных захоронений оказалось и алакульское погребение №2. Культурная принадлежность погребения №4 не определена.

Курган 3 (рис. 144). Диаметр 14x15 м, овальной формы, высота 0,4 м. Насыпь вытянута по линии С-Ю. Под центром насыпи на уровне материка выявлено неоднородное темное пятно, подпрямоугольной формы с небольшим расширением в ЮВ части. В результате его расчистки установлено, что границы могильной ямы основного погребения (погребение №1), оказалось впущенным захоронением раннего железного века (погребение №2).

Погребение №1 (рис. 145). Размеры могильной ямы 2,8x1,5 м, глубина 0,3 м. Инвентаря не выявлено. Само захоронение разрушено более поздним захоронением №2. Ко времени основного захоронения относятся встреченные в насыпи и примерно на уровне погребенной почвы две бронзовые гривны, имевшие приостренные несомкнутые концы, округлое и треугольное сечение. Погребение ограничено трехстенной прямоугольной в плане каменной оградкой, с СЗ стороны оградка отсутствовала. Конструкция сооружена из слегка углубленных в материк и поставленных на ребро каменных плит и камней. Уже за пределами оградки, у ее СВ стены, примерно на уровне погребенной почвы, обнаружен небольшой обломок абашевского сосуда.

Погребение №2 (рис. 145). Размеры могильной ямы 2x0,65 м, глубина 0,51 м. Могила раннего железного века оказалась полностью в пределах могильной ямы основного захоронения. Западная часть ямы более широкая, чем восточная. У северной ее стены, на дне, лежало, расколотое на части, круглое бронзовое зеркало с отбитой ручкой, помещенной поверх зеркала. Рядом с зеркалом находился маленький глиняный сосудик и несколько стеклянных бусин желтого цвета. От костяка сохранились фрагменты костей ног. Рядом с ними, в самом конце могилы, стоял большой орнаментированный сосуд с утолщенным венчиком, раздутым туловом и уплощенным дном. Орнамент состоит из горизонтальных рядов треугольных ямок и боковых вдавлений, двух рядов «елочки». Сосуд и вещи из впускного погребения относятся к раннесарматским (прохоровским) древностям.

Курган 4 (рис. 147). Диаметр 10 м, высота 0,2 м. После снятия насыпи на уровне материка, выявлена единственная могильная яма.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 2,2x1,3 м, глубина 0,3 м. Ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Яма прямоугольной формы. На дне обнаружены фрагменты колоколовидного баночного сосуда, украшенного горизонтальными прямыми и волнистыми линиями и одной линией зигзага (рис. 152, 8). Погребение ограничивалось двумя системами столбовых ямок от внемогильных конструкций. Внутренняя система фиксируется по располагавшимся вблизи углов могилы четырем столбовым ямкам. Внешняя система включала семь столбовых ямок значительно большего диаметра, которые образовали овал. Костей погребенного и вещей не выявлено.

Курган 5 (рис. 148). Диаметр 10 м, высоту 0,25 м. Единственная могильная яма располагалась под центром насыпи.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 2x1,2 м, глубина 0,3 м. Ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Яма прямоугольной формы. Скелета и инвентаря не обнаружено. Особенностью конструктивного оформления могилы является наличие деревянных столбов по всем углам - сохранились углубленные на 0,15 м столбовые ямки. Еще одна столбовая ямка находилась вне площади могилы на расстоянии 0,4 м от ее южного угла.

Могильную яму ограничивала кольцевая канавка незамкнутая с юго-восточной стороны. Ширина ее примерно 0,5 м, глубина в материке 0,3 м. С учетом же мощности слоя погребенной почвы глубина канавки составляет 0,5 м. Стенки канавки отвесные, дно овальное. Заполнение идентично заполнению

насыпи. Внутри от канавки есть, пять значительных по размерам, столбовых ям, в плане образывавших прямоугольник.

Под насыпью, в ее ЮЗ и ЮВ секторах на глубине 0,6-0,8 м, обнаружено три бронзовых колечка (рис. 151, 4-6). Одно из них трехвитковое литое с необрустанными следами литья, два других – многовитковые проволочные.

Курган 6 (рис. 149). Диаметр 20 м, высота 0,4 м. После снятия насыпи обнаружилось, что за пределы раскопа уходило темное пятно. Авторы раскопок с целью выяснения характера пятна, прирезали участок к основному кольцевому раскопу. Также с севера и востока от насыпи кургана было заложено две траншеи размером 1х2 м. Удалось определить, что с ЮЗ к насыпи примыкали две, не соединяющиеся между собой, канавки. Ширина канавок в среднем 1,5-1,7 м, глубина 0,4-0,7 м. Заполнение идентично заполнению насыпи. Под самым курганом оказалась целая серия столбовых ям и две большие ямы, интерпретированные как погребение (?), и жертвенник (?).

Погребение №1. Размеры могильной ямы 1,2х0,6 м, глубина 0,32 м. Погребение расположено к западу от центра насыпи. Костяка и инвентаря не обнаружено.

Неглубокая, по всей видимости, жертвенная яма находилась под ЮЗ полкой насыпи. В ней лежали челюсти и части ног лошади. Единичные кости животных встречены на уровне погребенной почвы, к востоку и югу от жертвенной ямы.

Большинство столбовых ямок находилось под центром насыпи. Они образывали прямоугольник. На уровне погребенной почвы, между этими ямками, находились обломки абашевского сосуда. Еще целая серия столбовых ямок образывала внешнее незамкнутое кольцо внемогильной столбовой конструкции. Отдельные же столбовые ямки в систему этой конструкции не вписывались. Уже за пределами внешней линии столбовых ям в СВ секторе насыпи, на глубине 0,8 м, обнаружен богато орнаментированный баночный сосуд (рис. 152, 9). Орнаментация внешней поверхности включает в себя заполненные ромбы, меандр, ряд боковых вдавлений, боковые линии. У сосуда украшен верхний срез венчика и основание днища.

Курган 7 (рис. 150). Диаметр 16 м, высота 0,2 м. После снятия насыпи фиксировалась целая серия столбовых ям, расположение которых позволяет предположить наличие здесь сложного наземного деревянного сооружения. На основе столбовых ямок реконструируются три (?) подковообразных линии столбов, имевших с западной стороны разрыв. Примыкающая к месту разрыва территория, на уровне погребенной почвы подмазана слоем глины, которая затем была обожжена. К полю кургана слой обмазки постепенно сходит на нет, а ближе к центру толщина подмазки составляет 10 см. В пределах внутренней оградки выявлены две ямы.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 1х0,6 м, глубина 0,3 м. В яме встречены отдельные фрагменты костей человека. Вещей нет.

Погребение №2. Размеры могильной ямы 0,7х0,7 м, глубина 0,43 м. Яма расположена в 1,2 м к СВ от погребения №1. В погребении найден

горшковидный сосуд с округлым дном орнаментированный рядами зигзага и овальными ямками. Костей человека и вещей нет.

Две значительные по размерам ямы глубиной 0,36 и 0,4 м были в площади оградок на территории СВ и СЗ секторов насыпи. Ямы пустые. Назначение их не определено. Вероятно, они являются безинвентарными погребениями.

В южной поле кургана, уже за пределами столбовых конструкций, на глубине 0,3 м, найдены обломки колоколовидного чашевидного сосуда, а на глубине 0,4 м кости животного.

23. Красногорский I курганный могильник (рис. 161-199)

Памятник находится в Мелеузовском районе, у хут. Красногорский. Курганы располагаются на первой надпойменной террасе правого берега р. Белой в 0,3 км к востоку от окраины хут. Красногорский, перед входом в ущелье (рис. 161).

Памятник открыт В.С. Горбуновым в 1972 г. В этом же году из 10 курганов было вскрыто три [Васюткин, Горбунов, 1972. С. 169-170]. В 1974 г. совместной экспедицией БашГУ и БГПИ под руководством М.Ф. Обыденнова и В.С. Горбунова было выявлено еще 4 насыпи. В этом же году могильник был доисследован, вскрыто 10 курганов, не раскопан лишь курган №10, имеющий в центре воронку грабительской ямы.

Раскопано 13 насыпей, под которыми изучено 36 местонахождений костей человека, из них 22 костяка (61%) находились в четко фиксируемых могильных ямах в материке, три (8,4%) в плохо фиксируемых могильных ямах в древней почве, в десяти случаях (27%) человеческие остатки выявлены на уровне древней почвы и в лишь единожды (3,6%) в насыпи кургана (рис. 162-198).

Курган 1. Диаметр 9 м, высота 0,2 м (рис. 162).

Погребение 1. В южной поле насыпи в древней почве скорченно на правом боку, головой на запад лежал скелет ребенка. Вещей нет.

Погребение 2 (рис. 162, 2). В центре кургана выявлена яма правильной формы простой конструкции; размер 2,3x1,3 м, глубина 0,65 м⁷. Могила ориентирована по линии С-Ю с отклонением к востоку. На дне в северо-западной части могилы обнаружены беспорядочно разбросанные кости человека. В юго-восточном углу лежали ребра барана, поверх которых находился бронзовый кинжал. В южной поле кургана на уровне погребенной почвы найдено несколько фрагментов керамики.

Курган 2 (рис. 163-165). Диаметр 6, высота 0,2 м. Южнее центра кургана выявлено два детских погребения.

Погребение 1 (рис. 164). В могиле размером 0,9x0,4 и глубиной 0,3 м лежал скелет вытянуто на спине головой на З-СЗ. Следы растительного тлена на костях и на дне ямы указывают, что умерший был обернут, возможно, лубом.

⁷ Здесь и далее глубина дается от уровня погребенной почвы.

Погребение 2 (рис. 165). Располагалось в 2 м к западу от погребения 1. Размеры могилы 1,2x0,6 и глубиной 0,35 м, обнаружен костяк лежащий на спине головой на З-СЗ. Вещей в обоих погребениях не найдено.

Курган 3 (рис 166, 167). Диаметр 7, высота 0,25 м.

Погребение (рис. 167) расчищено в центре. Размеры 2x0,8, глубина 0,65 м. На дне вытянуто на спине, головой на З-СЗ лежал скелет взрослого человека. Правая рука покойного прижата к туловищу, левая слегка отброшена в сторону. В ногах находилась большая известняковая плита правильной прямоугольной формы размером 30x30x15 см.

Курган 4 (рис. 168). Диаметр 7, высота 0,12 м. Южнее центра кургана на погребенной почве найдены три кости конечностей человека. В 1,5 м юго-восточнее на том же уровне лежал бронзовый прорезной наконечник копья. Могильной ямы под курганом не обнаружено.

Курган 5 (рис. 169-171). Диаметр 9, высота 0,2 м. В северной поле насыпи найдены два неорнаментированных фрагмента керамики. В юго-восточном секторе на погребенной почве на расстоянии 1,75 м друг от друга найдены 2 человеческих черепа. Рядом с одним находилась бедренная кость. В восточной части кургана рядом лежали берцовые кости, а поверх них - сломанная нижняя челюсть. Южнее найдена вторая нижняя челюсть.

Погребение 1 (рис. 170). В западной поле кургана в погребенной почве лежал костяк плохой сохранности, на левом боку в слабо скорченном положении, головой к югу. Восточнее этого погребения по одной линии с ним выявлены две могильные ямы, ориентированные по линии С-Ю.

Погребение 2. Могильная яма размером 1,76x0,85 и глубиной 0,25 м оказалась разграбленной. След грабительской ямы хорошо прослеживался в восточной стеке могильной ямы. Над южной частью могилы найден череп, над центром ее – кость конечности.

Погребение 3 (рис. 171). Располагалось в центре кургана. Могила имела размеры 2,3x0,95 и глубину 0,38 м, дно ее уложено крупной галькой. Скелет мужчины старше 55 лет⁸ лежал вытянуто на правом боку, головой на юг. Руки согнуты в локтях, кости у лица. Ноги перекрещены. Перед лицом погребенного найдена бронзовая бляшка с ушком на обороте.

Курган 6 (рис. 172-177). Насыпь вытянута с востока на запад, размеры 14x8,5 м. Выявлено шесть погребений.

Погребение 1. В западной части кургана на погребенной почве найден фрагмент стенки сосуда, орнаментированный двумя рядами наклонных насечек. В 2 м к северу на том же уровне в беспорядке лежали кости ног и черепа ребенка. Рядом обнаружено 10 мелких неорнаментированных обломков от одного сосуда. В 2,5 м к западу найдена часть днища от этого же сосуда. Днище без закраин диаметром 14 см.

Погребение 2 (рис. 173). Рядом с центром кургана выявлено второе подобное захоронение, в котором почти полный скелет (кости собраны в

---

⁸ Определение к.и.н. А.В. Шевченко.

кучу) лежал на уровне погребенной почвы. Южнее черепа мужчины старше 55 лет найдены крупные обломки большого сосуда.

Погребение 3 (рис. 174). Совершено в могиле овальной формы, размером 1,1x0,55, глубиной 0,35 м. Костяк ребенка лежит вытянуто на спине головой на З-СЗ. Слева от нижней челюсти лежал крупный булыжник. Второй булыжник найден в ногах.

Погребение 4 (рис. 175). Могила размером 1,25x0,62 м углублена на 0,4 м. На дне находились кости неполного детского скелета. Череп расколот надвое. Позвонки, ребра, тазовые кости отсутствовали. Вероятно, покойник был положен на спину, головой на З-СЗ.

Погребение 5 (рис. 176). Могила размером 2x0,8, глубиной 0,8 м была перекрыта поперек на уровне древней почвы, плохо сохранившимися бревнами. Над могилой в насыпи кургана выявлена площадка из светлого песка, частично провалившаяся центральной частью в могилу. На дне лежал костяк мужчины в возрасте около 50 лет, вытянуто на спине, головой на З-СЗ.

Погребение 6 (рис. 177). Располагалось между погр. 4 и 5, образуя с ними один ряд. Размеры могилы 1,8x0,75, глубина 0,52 м. В насыпи кургана над могилой сооружена площадка, подобная описанной выше. На уровне материка виден след от бревна, положенного вдоль северного края могилы. На этом же уровне найдено несколько человеческих костей, не относящихся к погребению могилы. Покойный мужчина в возрасте 35-45 лет был положен на спину, с прижатыми к телу руками, головой на З-СЗ. Вещей в погребениях 3-6 не найдено.

Курган 7 (рис. 178, 179). Диаметр 10, высота 0,3 м. В юго-западном секторе на уровне погребенной почвы выявлены лежавшие в беспорядке кости скелета. Юго-западнее обнаружены обломки разбитого сосуда. Восточнее центра кургана, в ямке диаметром 30 см, вырытой в древней почве на глубину 15 см, обнаружены мелко раздробленные кости коровы (?) и овцы (не более одной особи). Судя по цвету, возможно, кости вареные⁹.

Курган 8 (рис. 180). Диаметр 10, высота 0,26 м. В 0,5 м к востоку от центра кургана на уровне древней поверхности найдены две кости нижних конечностей человека. Юго-восточнее этой находки лежали фрагменты сосуда, обломок черепа и несколько человеческих зубов.

Курган 9 (рис. 181). Диаметр 8, высота 0,25 м. Как по внешним признакам, так и по строению насыпи этот курган не отличался от остальных. Однако ни могильных ям, ни отдельных костей или вещей в нем не было обнаружено.

Курган 11 (рис. 182-184). Диаметр 8, высота 0,2 м. Выявлено три погребения.

Погребение 1 (рис. 183). Представлено отдельными костями и частями разломанного сосуда. В южной поле на погребенной почве найдены фрагменты детского черепа и кость предплечья. Под широтной бровкой в

---

⁹ Определение д.б.н. А.Г. Петренко.

разных местах найдены обломки неорнаментированных стенок сосуда и плоского днища со слабой закраиной. Здесь же найдена часть нижней челюсти человека. В северной поле кургана выявлено два грунтовых погребения.

Погребение 2 (рис. 184). Могильная яма размером 2x0,8 и глубиной 0,45 м содержала скелет женщины старше 55 лет, уложенной на спину, головой на З-СЗ. Руки погребенной вытянуты вдоль тела, кисти уложены под бедра. В верхней части заполнения могилы прослежен тлен бревна, положенного вдоль могилы слева от костяка. Над могилой сооружена площадка из светлого песка.

Погребение 3. Располагалось в 4 м к северу от погр. 1. Могила размером 1,8x0,65, глубиной 0,45 м, ориентирована, как и предыдущая. Над могилой песчаная площадка; на уровне материка слева над костяком след бревна. Погребенный – ребенок 7 – 8 лет – лежал вытянуто на спине, головой на З – СЗ. Кисти рук уложены рядом с бедрами. Вещей в погребениях 2 и 3 не найдено.

Курган 12 (рис. 185-190). Диаметр 6, высота 0,1 м. Выявлено 6 погребений.

Погребение 1. На древней почве в северной поле кургана найдены несколько разбросанных костей скелета. Вещей нет.

Погребение 2 (рис. 186). Располагалось в юго-восточной части кургана. В могиле размером 1,1x0,55 и глубиной 0,5 м лежал костяк ребенка на спине, головой на запад с отклонением к северу, без вещей.

Погребение 3 (рис. 187). Найдено в южной поле курган. В могиле размером 0,7x0,4 и глубиной 0,35 м лежал костяк ребенка на спине, головой на З-СЗ, череп раздавлен. Вещей нет.

Погребение 4 (рис. 188). Обнаружено в северной части кургана. Яма имела размеры 1,6x0,6 и глубину 0,6 м. На дне лежал скелет ребенка 6-8 лет, ориентированный на З-СЗ. С левой стороны костяка обнаружено несколько мелких угольков.

Погребение 5 (рис. 189). Обнаружено рядом с погр. 1 и было частично перекрыто им (несколько костей от скелета из погр. 1 найдено над могилой). Яма имела размеры 1,7x0,675 и глубину 0,7 м. Над могилой прослежены остатки деревянного перекрытия, располагавшегося вдоль ямы. На дне лежал скелет подростка 16 лет, вытянуто на спине, с тесно прижатыми к туловищу руками, головой на З-СЗ. Ступни ног прижаты друг к другу. Видимо, руки погребенного были привязаны к бедрам, ноги связаны или, что более вероятно, погребенный был чем-то обернут. Вещей нет.

Погребение 6 (рис. 190). Располагалось в юго-западном секторе кургана. Могила размером 0,35x0,42, глубиной 0,3 м ориентирована по линии З-В. В центре ямы кучкой лежали человеческие кости, на них был положен череп ребенка. К западу от костей могилы обнаружено несколько угольков.

Курган 13 (рис. 191). Диаметр 7, высота 0,23 м. В центре кургана на погребенной почве найден человеческий череп и одна кость конечности. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью к северу. Под ним найдена

бронзовая подвеска и миниатюрная трубочка из свернутого листочка бронзы – часть какого-то украшения. Рядом лежали два мелких фрагмента керамики без орнамента.

Курган 14 (рис. 192-198). Диаметр 7, высота 0,22 м, располагался около кург. 2. Рядом с центром кургана на глубине 0,17 м от поверхности найдена бронзовая пластина с пробитым в центре четырехугольным отверстием. Под насыпью выявлено шесть могильных ям ориентированных по линии З-СЗ-В-ЮВ. Погребения 4-6, располагались по одной линии С-СВ-Ю-ЮЗ, в северо-западной половине курган. Над могилами 2, 3, 6 выявлены песчаные площадки в насыпи курганов, аналогичные описанным в предыдущих курганах.

Погребение 1 (рис. 193). Находилось в юго-восточной части насыпи. Могила размером 1,65x0,8 и глубиной 0,5 м содержала плохо сохранившийся костяк человека, положенного на спину в вытянутом положении, головой на З-СЗ.

Погребение 2 (рис. 194). В могиле размером 1,25x0,8, глубиной 0,63 м на дне вытянуто на спине, головой на З-СЗ лежал костяк ребенка.

Погребение 3 (рис. 195). На дне могильной ямы размером 1,8x0,73, глубиной 0,7 м лежали беспорядочно сложенные в центре кости одного человеческого скелета. Череп принадлежал мужчине 20-35 лет.

Погребение 4 (рис. 196). Совершено в погребенной почве. Размеры могильной ямы 0,75x0,4, глубина 0,1-0,15 м. Костяк ребенка лежал на спине головой на З-СЗ. Над ним в засыпке могилы найден фрагмент керамики без орнамента.

Погребение 5 (рис. 197). Могильная яма располагалась в 0,5 м к СЗ от центра кургана. Яма овальной формы имела размеры 1,2x0,55 м, глубина ямы 0,25 м. Ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. На дне в вытянутом положении лежал костяк ребенка. Вещей не обнаружено.

Погребение 6 (рис. 198). Выявлено в северной части курган. Над могилой размером 2,4x1, глубиной 0,8 м в насыпи курган расчищен один венец сруба из бревен размером 2,3x0,7 м, заполненный светлым песком. Сруб был сооружен на погребенной почве. В заполнении найден обломок днища сосуда со слабой закраиной диаметром 12 см. В глиняном тесте сосуда примесь мелкотолченой раковины. На дне могилы лежал потревоженный скелет мужчины 45-55 лет в вытянутом положении на спине, головой на З-СЗ. Вещей при всех погребениях не найдено.

24. Красногорский II курганный могильник (рис. 275)

Памятник находится в 0,4 км к северо-востоку от северной окраины хут. Красногорский на высокой коренной террасе правого берега р. Белой. С северной стороны площадка памятника ограничена глубокой балкой начинающей у входа в ущелье «Сосновый дол» и проходящей по линии северо-запад-юго-восток. С запада и юго-запада от площадки памятника проходят проселочные дороги, ведущие в хут. Красногорский (рис. 275).

Курганы были открыты разведочным отрядом БашГУ под руководством В.С. Горбунова и С.М. Васюткина в 1972 г. Ими было зафиксировано две насыпи [Васюткин, Горбунов, 1972; Васюткин, Горбунов, 1972, с.169-170]. В 1974 г. В.С. Горбуновым данный могильник был полностью изучен [Горбунов, 1974]. Разведочными работами Е.В. Русланова в 2013 г. было установлено, что площадка памятника полностью уничтожена строениями фермы хут. Красногорский, возведенной в конце 80-х гг. Дома лесника, реперного пункта в отчете В.С. Горбунова, на данный момент не существует, он также снесен при строительстве фермы.

Могильник состоял из двух курганов, находившихся в 7-8 метрах друг от друга.

Курган 1. Диаметр насыпи 6 м, высота в южной части 0,3 м, в северной 0,16 м. В восточном секторе на глубине 0,38 м был найден бронзовый колокольчик, имеющий сферический купол с отверстием в 0,3 см в центре, диаметр 7,3 см, высота 4 см. Под колокольчиком, лежащим устьем вверх, найдена согнутая в виде петельки бронзовая проволока, видимо, она предназначалась для подвешивания язычка колокольчика.

В 0,35 м к югу от колокольчика на глубине 0,64 м были обнаружены железные удила, согнутые углом и торчавшие этим углом вверх из земли. Удила изготовлены методом проковки, кольца, соединяющие половины удил круглые, диаметром 1,8 см. Одна из половин удил сломана, целая половина имеет кольцо ромбовидной формы, в которое вставлено уздечное кольцо в виде незамкнутой восьмерки. Общая длина целой половины удил равна 11 см. В западном секторе на глубине 0,23 м находился развал глиняного сосуда, снаружи темно-серого, изнутри черного цвета, изготовленный из глины с примесью песка. Сосуд тонкостенный, шейка прямая, высокая, украшенная рядами тонких прочерченных параллельных линий, опоясывающих шейку. Группа таких линий чередуется с рядами мелких полулунной формы вдавлений, нанесенных мелкозубчатым штампом, крестообразными насечками, диаметр сосуда по венчику 11,4 см. Дно сосуда округлое.

В центре кургана в радиусе 1-1,5 м встречались куски сгоревшего дерева, мелкие угли и закопченные камни.

Погребение. В центре кургана под насыпью было зафиксировано могильное пятно прямоугольной формы с закругленными углами. Длина могильной ямы 2,3 м, ширина 0,8 м, глубина 0,4 м от уровня материка. Могила ориентирована по линии северо-запад-юго-восток. В заполнении могилы в северо-западном и юго-восточных концах, прослеживались следы сгоревшего дерева и закопченные крупные гальки. По расположению древесины В.С. Горбуновым было установлено, что плахи лежали вдоль могилы. Угли встречались по всей глубине могилы до самого дна. Дно могилы плоское, выстлано камнем, на некоторые закопчены.

В могиле находились кости взрослого человека, в северо-западном углу находился череп, затылком на северо-запад. Рядом с черепом найден глиняный сосуд светло-желтого цвета со следами копти. Венчик короткий, прямой переходит в раздутое тулово. Венчик и верхняя часть украшены параллельными

прочерченными линиями, которые чередуются с рядами мелкозубчатого штампа. Примесь в глине - песок. Сосуд лежал устьем на юго-восток, а поверх него была положена нижняя челюсть погребенного. У западной стенки размещались бедренные кости, обращенные на юго-восток. У правого бедра найдены 10 бусин синего и желтого цвета и квадратная поясная бронзовая накладка. У северо-восточной стены обнаружена каплевидная подвеска с отверстием в верхней части, а чуть дальше к юго-восточному концу могилы – бронзовая накладка в виде сердечка с двумя круглыми отверстиями и шпеньком с внутренней стороны. Все вещи и кости погребенного находились на разной высоте, что затрудняет определение в ориентировке скелета. На основании черепа и сосуда рядом с ним, можно предположить, что умерший был погребен головой на северо-запад. В.С. Горбунов, предполагал, что могила не была ограблена в древности, а все вещи, найденные в насыпи были уложен над только что засыпанной могилкой до сооружения кургана [Горбунов, 1975. С. 3-6].

Курган 2. Насыпь круглая, диаметром 6 м. Высота кургана в южной части 0,25 м, в северной 0,28 м. В восточной поле насыпи на глубине 0,15 м была обнаружена бронзовая поясная накладка с двумя шпеньками с внутренней стороны.

Погребение. В центре кургана под насыпью выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы с закругленными углами. Дина могильной ямы 1,65 м, ширина в юго-восточной части 0,84 м, в северо-западной 1,06 м. Могила ориентирована по линии северо-запад-юго-восток, имеет плоское дно. Глубина 0,3 м от уровня материка. Сверху над могилой на глубине 0,2 м были найдены половина железных удил, вторая половина изделия обломана. На глубине 0,8 м найдены обломки тонкостенного сосуда серого цвета. В глине примесь песка. У северо-западной стенки могилы на глубине 0,6 м лежала кость конечности крупного животного (лошади?). По центру могилы у самого дна прослежены фрагменты сильно истлевших костей человека. Других вещей в могиле не было [Горбунов, 1975. С. 3-8].

25. Красногорский III курганный могильник (рис. 153-160)

Памятник находится в 1 км к северу-северо-востоку от хут. Красногорский на пологой надпойменной террасе правого берега р. Белой у подножия лесистых отрогов западных склонов Уральских гор, протянувшихся с севера на юг. У местных жителей данная местность носит название «Верх». С севера к курганной группе примыкает дорога, ведущая в лес, с юго-запада проходит полевая дорога на д. Береговка (рис. 153).

Курганы открыты разведочным отрядом БашГУ под руководством В.С. Горбунова и С.М. Васюткина в 1972 г., когда ими было зафиксировано 4 насыпи. В 1974 г. В.С. Горбуновым были выявлены еще 7 курганных насыпей, в расположении которых улавливается протяженность по линии СВ-ЮЗ, сам могильник был практически полностью изучен. На основании материалов, происходящих из курганов, памятник был отнесен к абашевским древностям. Курганы интересны тем, что под насыпями №5, 7, 9 были обнаружены следы деревянных оградок, аналогичных абашевским оградкам могильников Среднего

Поволжья (рис. 154 – 160). [Васюткин, Горбунов, 1972а; Васюткин, Горбунов, 1972б. С. 169-170; Горбунов, 1974; Горбунов, 1976; Пряхин, Горбунов, 1979, С. 72-98; Горбунов, 1986, С. 35-46]. За время изучения памятника было вскрыто 9 курганов. Насыпи сильно уплощены. Форма их округлая (описание исследованных курганов дано в Приложении).

Курган 1. Диаметр 14 м, высота 0,5 М. Почти под центром насыпи оказалась единственная могильная яма.

Погребение. Размеры могильной ямы 2,8x1,55 м, глубина 0,56 м (здесь и далее глубины могильных ям и столбовых ямок в других курганах даются от уровня материка). Ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На дне ямы в ЮВ конце встречен венчик от колоколовидного горшка. В СЗ ее конце находились обломки от другого горшка, имеющего ребристость в верхней части тулова. Рядом с обломками этого сосуда лежали мелкие, сильно истлевшие кости человека.

Курган 2. Диаметр 10 м, высота 0,3 м. Под северной половиной насыпи на глубине 0,45-0,55 м от нулевой точки, т.е. примерно на уровне древней поверхности, встречены обломки абашевских сосудов: горшка с ребром в верхней части тулова и двух баночных сосудов с массивным верхом. В восточной поле кургана выявлены две могильные ямы.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 1,5x1,2 м, глубина 0,25 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ближе к центру вскрыта округлая ямка диаметром 0,3 м и глубиной около 20 см, в которой стоял ребристый горшок. Сосуд на всю высоту орнаментирован ромбами, меандром, округлыми ямками, широкими треугольниками и так называемым п-образным узором. Следов костяка не обнаружено.

Погребение №2. Размеры могильной ямы 0,7x1 м, глубина 0,2 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. У восточного угла ямы на высоте 5 см от материкового основания стоял украшенный в верхней части колоколовидный баночный сосуд. Следов костяка не обнаружено.

Курган 3. Диаметр 10 м, высота 0,2 м. В СЗ секторе выявлены две могильные ямы.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 0,5x0,85 м, глубина 0,2 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. На дне ямы найден сосуд, представленный мелкими обломками. Следов костяка не обнаружено.

Погребение №2. Размеры могильной ямы 0,4x0,6 м, глубина 0,12 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Следов костяка не обнаружено.

Курган 4. Диаметр 11 м, высота 0,35 м. Под центром насыпи обнаружена одна могильная яма.

Погребение. Размеры могильной ямы 1,5x2,3 м, глубина 0,4 м. Ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ. В заполнении встречены обломки колоколовидного баночного сосуда, а над поверхностью ямы, на уровне погребенной почвы, проволочное, в три с половиной оборота, колечко. Следов костяка не обнаружено.

Курган 5 (рис. 154). Диаметр 10 м, высота 0,15 м. Под насыпью выявлено 9 столбовых ямок от внемогильной конструкции, имевших диаметр от

14 до 28 см и глубиной от 8 до 20 см. В пределах оградки в ЮЗ секторе насыпи на глубине 72 см лежал ребристожелобчатый браслет, имеющий сужающиеся, заходящие друг за друга, концы. Внутри оградки была одна могильная яма.

Погребение. Размеры могильной ямы 1,0x1,5 м, глубина 0,35 м. Ориентирована по линии ЮВ-СЗ. В заполнении оказались обломки баночного сосуда с массивным верхом (рис. 160, 18). Следов костяка не обнаружено.

Курган 6. Диаметр 9 м, высота 0,3 м. Единственная могильная яма была смещена от центра насыпи к ЮЗ.

Погребение. Размеры могильной ямы 1,1-1,5x1,7 м, глубина 0,34 м, яма неправильной формы. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В заполнении оказались обломки баночного сосуда с массивным верхом (рис. 160, 7). Следов костяка не обнаружено.

Еще одна яма непонятного назначения была под СВ сектором насыпи. Примерно на уровне древнего горизонта на глубине 0,6 м в ЮВ секторе насыпи лежали обломки баночного сосуда с массивным верхом.

Курган 7 (рис. 155). Диаметр 9 м, высота 0,2 м. От внемогильной деревянной конструкции сохранилось 27 столбовых ямок. Восемнадцать из них образовывали прерывающееся в СЗ части кольцо. Диаметр этих ямок 0,23-0,3 м., глубина 15-20 см. С ЮВ стороны к этому ряду ямок примыкало еще 9 ямок, имевших меньшие размеры. Единственная могильная яма находилась внутри оградки почти под центром насыпи.

Погребение. Размеры могильной ямы 1,2x1,8 м, глубина 0,36 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В ее заполнении найдены обломки колоколовидного горшка (рис. 160, 4). Следов костяка не обнаружено.

Курган 8 (рис. 156). Диаметр 16 м, высота 0,4 м. Под курганом №8 было исследовано 2 основных и одно впускное захоронения.

Погребение №1. Размеры могильной ямы 1,65x2,6 м, глубина 0,45 м, яма прямоугольной формы. Ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Погребение совершено под центром кургана. Кости скелета разбросаны по дну могилы. В анатомическом состоянии лежали только бедренные кости ног. Вероятно, покойник был уложен на спину с вытянутыми ногами, головой на ЮВ. В районе костей скелета лежали обломки абашевского сосуда. Развал еще одного сосуда находился у СЗ стены ямы вблизи ног погребенного. Это богато украшенный горшок, имеющий ребристость.

Погребение №2. Размеры могильной ямы 1,2x2 м, глубина 0,37 м. Яма, ориентированная по линии В-З, смещена от центра насыпи к югу. Около западной стены ямы найдены обломки горшка, имеющего слабую ребристость. Развал баночного сосуда с отогнутым венчиком находился у восточной стены. Около северной стены лежали бронзовый нож и неопределенный небольшой, сильно коррозированный, металлический предмет. Судя по могильному выкиду, погребения №№1 и 2 совершены одновременно. Они включены в единую систему, ограниченную круговой оградкой, от которой сохранилось 24, располагавшихся по кругу, крупных столбовых ямок диаметром 0,24-0,47 м, глубиной 0,27-0,42 м. С северо-западной стороны оградки зафиксировано прерывание. Еще несколько больших столбовых ям выпадали из этой линии.

Кроме общей кольцевой ограды, самостоятельное ограждение из меньших по размерам столбиков имеет погребение №1. В плане оно прямоугольное. Сепаратное ограждение имело и погребение №2. Южная стена ее оградки примыкала к основной внемогильной конструкции. Кроме того, между погребениями №1 и 2 имеется еще одна отдельно расположенная ямка, которую А.Д. Пряхин и В.С. Горбунов предположительно связывают с деревянным ритуальным столбом-идолом.

Погребение №3. Впускное, могильная яма врезалась в линию кольцевой оградки. От него сохранились, лежащие кучкой примерно на уровне древней поверхности, человеческие кости и челюсть коровы.

Курган 9 (рис. 157). Диаметр 16 м, высота 0,5 м. Под насыпью выявлено 4 захоронения. Два (№1 и №2) в могильных ямах, углубленных в материк.

Погребение №1 (рис. 158). Размеры могильной ямы 1,8-2х3 м, глубина 0,4 м. Яма ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Судя по местоположению сохранившихся костей, умерший положен на спину с приподнятыми ногами, головой на ЮВ. У его ног находились кости коровы. В районе туловища лежали обломки орнаментированного колоколовидного сосуда. Обломки от него встречены к северу вне пределов могильной ямы, примерно на уровне погребенной почвы (-0,6 м). Это погребение в кургане основное.

Погребение №2 (рис. 158). Размеры могильной ямы 1,6х2,7 м, глубина 0,4 м. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Погребённый находился в необычной позе – вытянуто на животе. Кости верхней части скелета разбросаны. Костяк ориентирован на СВ. На тазовых костях и ближе к восточной стене ямы находились части колоколовидного баночного сосуда.

Еще два захоронения №3 и №4, находившиеся под ЮВ сектором насыпи, углублены только в слой погребенной почвы.

Погребение №3. От костяка сохранились только части костей рук, с двумя браслетами на обоих запястьях. Один из них полуовальный в сечении, с приостренными, заходящими друг за друга, концами. Второй браслет округложелобчатый с несомкнутыми концами.

Погребение №4. Сохранились части черепа и некоторые другие кости скелета. Вещей не обнаружено.

На глубине 0,8 м от нулевой точки на площади между погребениями №2 и 3 обнаружена лепестковидная бляжка-розетка (рис. 159, 5). К ЮЗ от этих погребений, на отметке 0,8 м, встречены кости коровы, а на глубине 1 м – обломки скрепленного металлическими скобами баночного сосуда. Обломки еще одного баночного сосуда встречены у ЮЗ угла погребения №1. Обломки керамики, найденные к северу от этого погребения, также принадлежат сосуду из этой могилы.

Разведочными работами Е.В. Русланова в 2013 г. установлено, что площадка памятника частично уничтожена котлованом под животноводческий комплекс. Следы от раскопок большинства курганов сnivelированы, в силу чего обозначить их не удалось. Определен лишь курган 11 [Русланов, 2013].

26. Юмаковский I курганный могильник (рис. 201-205)

Памятник расположен на коренной террасе старицы правого берега р. Белой, в 2 км южнее д. Юмаково, в 57 м к югу от поймы, в 100 м к юго-западу от кладбища, в 70 м к северо-востоку от карьера, в 70 м к востоку от дороги Камбулатово-Юмаково. В этом месте промоина ручья с юга и глубокий овраг с севера образуют мысовидный выступ 2-й надпойменной террасы 5 м высотой. Курганный могильник состоит из 4 курганов (рис. 201).

Могильник выявлен в 1952 г. В.П. Викторовым [Викторов, 1952]. В 1983 г. экспедицией Института истории, языка и литературы БФ АН СССР и Башкирского педагогического института под руководством В.А. Иванова и В.С. Горбунова был изучен курган 1. К тому времени в группе насчитывалось три курганные насыпи. Самый крупный курган высотой 1 м имел в средней части глубокую воронку диаметром около 3 метров. Исходя из чего был раскопан находящийся рядом курган 1 диаметром 8 метров и высотой 0,15 м. Под курганной насыпью было выявлено два погребения по находкам керамики, бронзового ножа-кинжала абашевского типа, бронзового кольца в три оборота, трех височных подвесок и нескольких сильно деформированных спиралевидных украшений отнесенных авторами раскопок к числу памятников уральской абашевской культуры (рис. 202 – 205) [Иванов, Горбунов, 1983. С.22-23; 1985. С. 148-149; Горбунов, Иванов, 1992б, С. 206-227; Иванов, 1983].

Курган 1 (рис. 202). Диаметр 8 м, высота 0,15 м от уровня современной поверхности. Курган задернован. Заполнение насыпи состоит из темного мягкого гумуса. На профиле хорошо прослеживался могильный выкид. Погребенная почва отличается более светлым цветом (очевидно за счет содержания песчаных компонентов) по сравнению с собственно насыпью. Материковое основание представляет собой светлый гравий. В центре кургана выявлено два погребения.

Погребение №1 (рис. 203). Могильная яма правильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,5x1 м, глубиной 0,32 м от уровня материка. Стенки прямые, дно плоское. Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На дне погребения обнаружены кости овцы (?) – астрагалы и два глиняных сосуда.

Сосуд №1 (рис. 205, 8) – колоколовидный горшок высотой 15 см, диаметр по венчику 7 см. Цвет светло-серый. В глиняном тесте примесь мелкотолченой раковины. Орнамент состоит из наклонных рядов зубчатого штампа, треугольников, меандра.

Сосуд №2(рис. 205, 9) - от второго сосуда сохранилась лишь верхняя часть. Сосуд горшечной формы. Цвет светло-серый. В глине примесь толченой раковины. Орнамент выполнен мелкозубчатым штампом и представляет собой треугольные и прямоугольные фигуры.

Погребение №2 (рис. 204). Могильная яма подквадратной формы с закругленными углами. Размером 2,5x3 м, глубина 0,36 м в материк. Стены прямые, дно плоское. Погребение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. В могильной яме найдены разрозненные кости человека, бронзовый нож-кинжал

абашевского типа, бронзовое кольцо в 3 оборота, 3 височных подвески и несколько сильно деформированных спиралевидных украшений.

27. Юмаковский II курганный могильник (рис. 206-209)

Памятник находится на 10 метровом мысу коренного правого берега р.Белой, в 1,7 км к востоку от д. Юмаково, в 1 км юго-востоку от мусульманского кладбища д. Юмаково. Юмаковский II курганный могильник находится в 10 км к северу от Красногорского I курганного могильника. На высоком (более 30 м) останце коренной террасы правого берега р. Белой, примыкающей к урочищу, носящей у местных жителей название «Сугылмаяр» (топоним в переводе с башкирского языка значит «бьющий берег») (рис. 206). Мыс вытянут в направлении запад-восток. Склоны крутые в западном направлении и пологие в северной и южной частях. С севера и юга площадка примыкает через неглубокий дол к пашне. Поверхность мыса задернована, покрыта реликтовым ковылем (рис. 206).

Могильник открыт археологической экспедицией В.С. Горбунова в 1982 г., состоит из двух насыпей. В том же году раскопкам подвергся один из курганов [Горбунов, 1982].

На площадке было выявлено два кургана диаметром 6 м и высотой 0,2-0,3 м от уровня современной поверхности. Один, из них оказался потревоженным. Второй непотревоженный был исследован экспедицией БГПИ под руководством В.С. Горбунова в 1982 г. Диаметр кургана 6,3 м, высота 0,2 м. Заполнение насыпи состояло из темного гумуса перемешанного со щебнем. Материковое основание представляло собой плотный галечник светло-желтого цвета. При снятии насыпи были обнаружены каменные плиты и крупные булыжники, расположенные в виде ограды. Наибольшее скопление их отмечалось в восточном секторе, в то время как в западном камни лишь очерчивали абрис ограды.

Погребение. В центральной части кургана под набросом из камней была выявлена могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами размером 2х0,65 м, глубиной 0,3 м от уровня материка.

В погребении находился скелет взрослого человека, лежавшего на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад, лицом на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища и слегка раздвинуты. По мнению автора раскопок, правая бедренная кость носит следы перелома. Фаланги пальцев рук и ног плохо сохранились. Сильно истлел позвоночник и ребра, из которых фиксировались несколько ребер из верхнего отдела грудной клетки.

Вещей внутри могилы не обнаружено. Они были положены по юго-западному краю вдоль длинной стороны погребения. Напротив правой плечевой кости (0,6 м от края могилы) на уровне погребенной почвы найден бронзовый браслет, диаметром 55 мм, изготовленный из овального в сечении прутика (рис. 207; 208; 209, 3). Напротив берцовой кости правой ноги (0,4 м от края могилы) на уровне погребенной почвы найдено бронзовое копьё с прорезным пером. Длина наконечника 13 см, пера-10,8 см, втулки - 2,7 см. Грани копья были остро наточены, в прорезях видны заусеницы металла от литья. Во втулке имеются два

небольших сквозных отверстия для крепления наконечника к древку (рис. 209, 1). У северо-западного края могилы на уровне древней почвы найдено несколько фрагментированных трубчатых костей человека. Автор раскопа предположил, что кости происходят не из основного погребения, так как никаких следов вскрытия могилы не отмечается, и видимо отражают какой-то специфический погребальный обряд.

На площадке было выявлено два кургана, один из которых, носит следы старого грабительского вкопа. Второй непо потревоженный был исследован экспедицией БГПИ. В центральной части кургана было выявлено погребение. В погребение находился костяк взрослого человека, руки уложены вдоль тела (рис. 207, 208). На уровне правой плечевой кости был найден бронзовый браслет из овального в сечении прутика (рис. 209, 2), напротив берцовой кости правой ноги найдено бронзовое копьё с прорезным пером (рис. 209, 1). Керамики не обнаружено.

Судя по погребальному обряду и сопроводительному инвентарю В.С. Горбунов отнес погребение к числу черкаскульских и датировал последней четвертью II тыс. до н.э. [Горбунов, 1983. С. 5-37; Обыденнов, 1998. Рис. 30, 8; Горбунов, 1992. С. 67-70; Горбунов, 1995. С. 37-40] (рис. 207-209).

28. Дербеневский курганный могильник (рис. 212-266)

Могильник расположен в 5 км к востоку от д. Юмаково Мелеузовского района, на верхней террасе правого берега р. Зирган на выгоне бывшего хут. Дербеневский, недалеко от места слияния речек Тирманелга и Алмалы (с башк. Глубокий ключ и Яблонева), в 0,25 км к северо-востоку от развалин бывшего хут. Дербенева, на старообрядческом кладбище, в 180 м к востоку от пруда.

Памятник выявлен в 1982 г. В.С. Горбуновым, в 1983 г. осмотрен и частично раскопан А.Х. Пшеничноком, изучена 31 насыпь [АПБ, № 274, с. 185; Пшеничнюк, 1983], в 1989 г. осмотрен Н.А. Мажитовым [История культуры Башкортостана..., 1996. № 274. С. 185].

Курганы расположены двумя компактными группами (А и Б) на пологом покрытом негустым лесом склоне небольшой возвышенности, образованной двумя мысами, полого спускающимися к югу. Высота западного и восточного мысов по отношению к подножию составляет 6-7 м. Мысы разделяет неширокая лощина. Поверхность могильника задернована по склонам растут отдельные группы берез. Общие размеры могильника 360x100 м.

Всего к моменту раскопок насчитывалось около 100 насыпей диаметром от 3 до 15 м. В основном курганы небольших размеров 6-8 м, высотой 0,2-0,4 м, хорошо задернованы без впадин на поверхности. Курганы были расположены очень густо, полы некоторых из них сливались. На участке Б хорошо сохранились могилы погоста христиан-старообрядцев хут. Дербенево. Несколько современных могил впущено в насыпь самого большого кургана в группе.

В 1983 г. раскопан 31 курган: 14 в западной группе А и 17 в восточной группе Б.

Погребальный обряд могильника довольно однороден, небольшие земляные насыпи, как правило, одна могила в центре в виде узкой вытянутой ямы простой конструкции без подбоев и ниш. Умершие уложены на спину, вытянуто, головой на север. Сохранность костяков и сопровождающего инвентаря плохая. Инвентарь беден, главным образом он представлен плоскодонными горшками без орнамента с примесью песка в тесте. В некоторых погребениях встречены предметы женской костюмной гарнитуры: височные подвески калачиковидной формы, бусы, браслеты, фибулы.

Курган 1 (рис. 212). Диаметр 5 м, высота 0,15 м. В центре выявлена одна могила, к востоку от нее на уровне древней поверхности прослежен могильный выкид.

Погребение (рис. 212). Размеры могильной ямы 250x45 см, глубина в материк 50 см. Могила ориентирована по линии С-Ю, с небольшим отклонением к востоку. Костяк истлел полностью. В южной половине могилы лежал плоскодонный глиняный сосуд, с широким низким горлом, по венчику орнаментирован защипами, в тесте примесь песка, поверхность шершавая от выгорания растительной примеси.

Курган 2 (рис. 213). Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Выявлено два погребения. К северу и востоку от центральной могилы на уровне древней поверхности прослежен могильный выкид.

Погребение №1 (рис. 213). Размеры могилы 155x40 см, глубина 40 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север, кости средней сохранности. Справа у черепа стоял глиняный неорнаментированный горшочек, с плоским дном и примесью песка в тесте. В области шеи найдено несколько мелких стеклянных бусинок темно-синего цвета, на запястье левой руки – бронзовый проволочный браслет.

Погребение №2 (рис. 213). Центральное. Размеры могилы 195x45 см, глубина 80 см. Плохо сохранившийся костяк человека лежал на спине, вытянуто, головой на север. Глиняный плоскодонный горшочек, орнаментированный по плечикам горизонтальной елочкой и двумя рядами неглубоких ямок, стоял справа у черепа. Второй плоскодонный неорнаментированный горшочек, очень плохой сохранности стоял у южной стенки, ниже ступней ног. Справа и слева от черепа найдены два височных проволочных колечка, несколько бусин темного стекла, 2 бронзовые полусферические бляшки, бронзовая фибулы найдены в области грудной клетки. Глиняное биконическое пряслице у правого плеча, бронзовые проволочные браслеты в области запястий рук (рис. 214).

Курган 3 (рис. 215). Диаметр 7 м, высота 0,4 м. В центре выявлено одно погребение.

Погребение (рис. 215). Размеры могилы 225x60 см, глубина 45 см, ориентировка С-Ю. Могильный выкид прослеживается по обе стороны ямы на уровне древней поверхности. Костяк не сохранился, у северной стенки найдены разноцветные стеклянные и сердоликовые бусы, у южной стенки стоял раздавленный плоскодонный сосуд с примесью песка в тесте, по плечикам украшен слабо заметными сосцевидными налестками.

Курган 4 (рис. 216). Диаметр 9 м, высота 0,35 м. В центре одна могила.

Погребение. Размеры 235x85 см, глубина 0,6-0,7 м. Костяка и вещей не найдено.

Курган 5 (рис. 218). Диаметр 6 м, высота 0,25 м. В центре выявлено одно погребение.

Погребение (рис. 218, 219). Размеры 235x85 см, глубина 0,6-0,7 м. Костяка не найдено. У северной стенки могилы стоял плоскодонный широкогорлый неорнаментированный горшочек, рядом с ним лежала бронзовая длинная трубочка. В центре могилы обнаружен бронзовый браслет.

Курган 6 (рис. 220). Диаметр 8,5 м, высота 0,42 м. В центре одна могила, ориентированная по линии С-Ю с небольшим отклонением к востоку.

Погребение. Размеры могилы 240x60 см, глубина 60 см. От костяка слабо прослеживались лишь кости правой руки вдоль западной стенки ямы. Судя по их положению, погребенный был ориентирован головой на север. В области левого плеча найдена плохо сохранившаяся железная трубочка, в области правого локтевого сустава – маленький плоскодонный горшочек. В юго-западном углу могилы найден плоскодонный широкогорлый горшок черного цвета, с сосцевидными защипами по плечикам.

Курган 7 (рис. 221). Диаметр 6 м, высота 0,22 м. В центре одна могила.

Погребение (рис. 222, 223). Размер могилы 220x55 см, глубина 70 см. Плохо сохранившийся костяк человека лежал на спине, вытянуто, головой на север. Раздавленный плоскодонный горшочек с примесью песка в тесте, без орнамента найден в области черепа, слева. Также в области черепа найдены две калачиковидные серьги, стеклянные бусы в области шеи, бронзовая трубочка и фибула на правом плече, два бронзовых браслета на правом и один на левом запястьях, рядом с браслетами находился плохо сохранившийся стеклянный бисер.

Курган 8 (рис. 224). Диаметр 6 м, высота 0,2 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю.

Погребение. Размеры могилы 220x55 см, глубина 55 см. Костяк и вещи не сохранились.

Курган 9 (рис. 225). Диаметр 9 м, высота 0,67 м, один из самых больших курганов в группе А. В центре выявлена одна могила.

Погребение (рис. 226). Размеры могилы 255x80 см, глубина 80 см. Костяк не сохранился. Два плоскодонных неорнаментированных горшка с примесью песка в тесте найдены у северной стенки. Немного южнее сосудов обнаружены четыре стеклянных и одна сердоликовая крупные бусины, железный предмет похожий на обломок фибулы найден у западной стенки могилы.

Курган 10 (рис. 227). Диаметр 8 м, высота 0,25-0,3 м. Несколько восточнее центра выявлена одна могила. Выкид прослежен в 1,5 м западнее на уровне древней поверхности.

Погребение (рис. 228, 229). Размеры могилы 220x50 см, глубина 65 см. Костяк удовлетворительной сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на север. На черепе заметны следы искусственной деформации. На левом тазобедренном суставе найдена плохо сохранившаяся бронзовая фибула, ниже

правой ступни – плоскодонный неорнаментированный горшок с примесью песка в тесте.

Курган 11 (рис. 230). Диаметр 4 м, высота 0,07 м. К востоку от центра выявлена одна могила, ориентированная по линии С-Ю. Выкид прослежен главным образом с западной стороны могилы.

Погребение (рис. 231). Размеры ямы 230х50 см, глубина 70 см. Костяк истлел. У северной стенки стоял плоскодонный неорнаментированный горшок с примесью песка в тесте.

Курган 12 (рис. 232). Диаметр 6 м, высота 0,22 м. В центре одна могила, ориентированная по линии С-Ю. Незначительный выкид прослежен к западу от могилы.

Погребение. Размеры ямы 215х55 см, глубина 35 см. Костяк истлел. Вещи отсутствовали.

Курган 13 (рис. 233). Диаметр 6 м, высота 0,22 м. В центре одна могила, ориентированная по линии С-Ю.

Погребение. Размеры ямы 240х70 см, глубина 70 см. Костяк и вещи не обнаружены.

Курган 14 (рис. 234). Диаметр 8 м, высота 0,24 м. В 1 м к востоку от центра выявлена одна могила, ориентированная по линии С-Ю с небольшим отклонением к востоку. По обе длинные стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение. Размеры ямы 205х70 см, глубина 70 см. Костяк и вещи не обнаружены.

Курган 15 (рис. 235). Диаметр 7 м, высота 0,3 м. В центре одна могила, ориентированная по линии С-Ю с небольшим отклонением к востоку. По обе длинные стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 236). Размеры ямы 245х65 см, глубина 35 см. Костяк полностью истлел. У северной стенки на боку лежал плоскодонный неорнаментированный горшок с примесью песка в тесте.

Курган 16 (рис. 237). Диаметр 4 м, высота 0,22 м. В центре одна могила, ориентированная по линии С-Ю. По обе длинные стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение. Размеры ямы 210х45 см, глубина 60 см. Костяк полностью истлел. У южной стенки стоял раздавленный глиняный плоскодонный горшок с примесью песка в тесте, по венчику орнаментирован мягкими защипами.

Курган 17 (рис. 238). Диаметр 6 м, высота 0,15 м. В центре одна могила. По обе длинные стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 239, 240). Размеры ямы 250х55 см, глубина 55 см. От костяка прослеживались плохо сохранившиеся длинные кости рук и ног, а также череп. Судя по их положению, покойник был положен вытянуто, головой на север. У южной стенки стоял раздавленный глиняный плоскодонный горшок с примесью песка в тесте, по венчику орнаментирован мягкими защипами. У черепа слева стоял глиняный плоскодонный сосуд с примесью песка в тесте,

орнаментированный сосцевидными налепками, нанесенными в ряд по плечу, в области пояса найден бронзовая фибула и железный нож.

Курган 18 (рис. 241). Диаметр 6 м, высота 0,3 м. В центре одна могила. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение. Размеры ямы 215x55 см, глубина 60 см. Плохо сохранившийся костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. У южной стенки ниже ступней ног стоял глиняный неорнаментированный плоскодонный горшок с примесью песка в тесте.

Курган 19 (рис. 242). Диаметр 7 м, высота 0,42 м. В центре одна могила, длинными сторонами ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 243, 244). Размеры ямы 240x55 см, глубина 100 см. Плохо сохранившийся костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. За черепом справа стоял глиняный неорнаментированный плоскодонный горшок с примесью песка в тесте. Второй миниатюрный круглодонный горшочек найден в области таза. В области шеи костяка встречена темно-синяя стеклянная четырнадцатигранная бусина на бронзовой спиральке.

Курган 20 (рис. 245). Диаметр 8,5 м, высота 0,6 м. В центре одна могила, длинными сторонами ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 246, 247). Размеры ямы 200x75 см, глубина 70 см. Плохо сохранившийся костяк женщины (?) лежал на спине, вытянуто, головой на север с незначительным отклонением к востоку. За черепом слева стоял глиняный неорнаментированный плоскодонный горшок с примесью песка в тесте. Второй горшочек с уплощенным дном, высоким горлом, орнаментированный двумя парными мягкими желобками по шейке и тулову, стоял выше левого плеча. По обе стороны черепа найдены серебряные калачиковидные височные подвески, на шее разноцветные стеклянные бусы различных форм, на груди две бронзовые фибулы, на правой руке выше локтевого сустава – бронзовый браслет. У левого тазобедренного сустава – глиняное биконическое пряслице, между бедренными костями найдены две бронзовые полушарные бляшки.

Курган 21 (рис. 248). Диаметр 6 м, высота 0,25 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение. Размеры ямы 245x50 см, глубина 60 см. Костяк и вещи не обнаружены.

Курган 22 (рис. 249). Диаметр 5 м, высота 0,2 м. В центре одна могила, вытянутая по линии ССВ-ЮЮЗ. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение. Размеры ямы 210x60 см, глубина 35 см. Костяк и вещи не обнаружены.

Курган 23 (рис. 250). Диаметр 8,5 м, высота 0,5 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 251). Размеры ямы 260x75 см, глубина 120 см. Костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности лежал на спине, головой на север. За черепом в северо-восточном углу могилы стоял неорнаментированный глиняный горшок с уплощенным дном и примесью песка в тесте.

Курган 24 (рис. 252). Диаметр 9 м, высота 0,2 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю. По обе стороны могилы на уровне древней поверхности прослеживался выкид.

Погребение (рис. 253, 254). Размеры ямы 240x85 см, глубина 95 см. Костяк не сохранился. В северо-западном углу могилы стоял неорнаментированный глиняный плоскодонный горшок с широким горлом и примесью песка в тесте.

Курган 25 (рис. 255). Диаметр 5 м, высота 0,17 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю.

Погребение (рис. 256). Размеры ямы 190x60 см, глубина 50 см. Костяк не сохранился. В северо-восточном углу могилы стоял неорнаментированный глиняный плоскодонный горшок с широким горлом и примесью песка в тесте.

Курган 26 (рис. 257). Диаметр 6,5 м, высота 0,2 м. В восточной поле кургана обнаружено одно погребение. Могила углублена в материк всего на 5 см.

Погребение (рис. 258). Размеры ямы 230x75 см, глубина 5 см. Плохо сохранившийся костяк человека лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад, левая рука на крестце. Вещи отсутствовали. Погребение относится к эпохе позднего средневековья.

Курган 27 (рис. 259). Диаметр 5,75 м, высота 0,25 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю.

Погребение. Размеры ямы 235x60 см, глубина 30 см. Костяк не сохранился. У южной стояло 2 глиняных плоскодонных горшка, без орнамента с примесью песка в тесте, один высотой 14,5 см, второй 7,5 см.

В северо-восточном углу могилы стоял неорнаментированный глиняный плоскодонный горшок с широким горлом и примесью песка в тесте.

Курган 28 (рис. 260). Диаметр 5 м, высота 0,17 м. Погребение не обнаружено, выкид также не прослежен. Вероятно, погребение было произведено в слое чернозема и полностью истлело.

Курган 29 (рис. 261). Диаметр 5 м, высота 0,13 м. Погребение не обнаружено, выкид не прослеживался. В центре насыпи на глубине 40 см в черноземе встречено несколько фрагментов плоскодонного неорнаментированного сосуда. Видимо обломки происходят из погребения, совершенного в слое чернозема и полностью истлевшего.

Курган 30 (рис. 262). Диаметр 6 м, высота 0,25 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю.

Погребение. Размеры ямы 230x55 см, глубина 40 см. Костяк не сохранился, вещи отсутствовали.

Курган 31 (рис. 263). Диаметр 7 м, высота 0,5 м. В центре одна могила, вытянутая по линии С-Ю.

Погребение (рис. 264). Размеры ямы 240x47 см, глубина 80 см. Костяк не сохранился, судя по расположению вещей, он был ориентирован головой на север. У северной стенки стояли два плоскодонных неорнаментированных сосуда с примесью песка в тесте, высота большого – 10,5 см, маленького – 6 см. Примерно в области черепа скелета найдена плохо сохранившаяся калачиковидная серьга. Южнее в области шеи костяка – стеклянные разноцветные бусы различных форм и обломки двух бронзовых фибул с треугольными спинками, примерно в области пояса костяка найдено глиняное коническое пряслице и серебряное зеркальце-подвеска.

В 1982 г. В.С. Горбуновым раскопан еще один курган.

Курган 32 (рис. 265). Диаметр 5 м, высота 0,4 м. В центре выявлена одна могила.

В южной части кургана сразу под дерном выявлено несколько каменных плит, составляющих своеобразную оградку. В северной части на глубине 0,3 м от современной поверхности отмечался зольник, мощностью 0,2-0,3 м, уходящий в южную стенку раскопа.

Погребение (рис. 266). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами имела размеры 170x50 см, и глубину в материк 35 см. Могила ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Северный край погребения перекрывался зольником, зола заполняла и верхний слой в северном конце могилы. Могильная яма оказалась пустой [Горбунов, 1982. С. 30-31].

29. Камбулатовский курганный могильник

Памятник расположен в 0,3 км к северу от западной окраины д. Камбулатово, на коренной террасе правого берега р.Белой.

Памятник выявлен и изучен в 1983 г. экспедицией БГПИ и ИИЯЛ БФАН СССР [Иванов, Горбунов, 1983].

В состав могильника входят два кургана, оба были изучены в 1982 г.

Курган 1. Диаметр 6 м, высота 0,07 м. Насыпь земляная, состоит из однородного темного гумуса, насыпанного на погребенную почву. Мощность насыпи – 0,5 м, мощность погребенной почвы - 0,15 м. В насыпи встречены кости животных. Очертания могильной ямы выявлены на уровне погребенной почвы по линзам могильного выкида. Над могилой, в бровке, на глубине 0,35-0,4 от современной поверхности, был найден железный наконечник копья, торчащий втулкой вверх. Копье треугольной формы, с уступом в месте перехода пера во втулку. Длина пера 13 см, ширина у основания – 3,7 см, длина втулки – 13 см, диаметр – 4 см, в основании втулки – сквозное отверстие. По всей видимости, в древности копьё было воткнуто либо в насыпь, либо в могилу до засыпки кургана.

Погребение. Могильная яма прямоугольной формы, 2,75x0,9 м, углублена в материк на 0,6 м, стенки вертикальные, дно ровное. Хорошо сохранившийся костяк погребенного лежит на дне могильной ямы, вытянуто на спине, головой на СЗ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте, кисть ее покоится в районе лобковой кости. Череп завалился влево, лицом на северо-восток. Вокруг костяка прослежены куски дерева, конфигурацией

напоминающие гроб (?). Над скелетом, и под ним дерева нет. Вероятно, умерший был положен в своеобразную «раму» из досок. У правого плеча лежала часть туши животного (несколько позвонков в анатомическом порядке). В засыпи могилы встречены угольки.

Из вещей найдены: у правого локтя покойного железная В-образная пряжка без щитка с подвижным бронзовым язычком; на правом колене, железный ножичек; у левого колена выявлена бронзовая прямоугольная бесщитковая пряжка с выступающим язычком и зубчатой насечкой по краю; у черепа найдены круглая бесщитковая пряжка с выступающим язычком и рамка от круглой бесщитковой пряжки.

Курган 2. Диаметр 5 м, высота 0,07 м. Курган земляной насыпь состоит из темного гумуса без каких-либо выраженных прослоек. Мощность насыпи 0,2-0,3 м. Сооружена на слое погребенной почвы мощностью до 0,15 м. Материк глина и гравий. Очертания могильной ямы обозначились на темном фоне погребенной почвы по линзам могильного выкида.

Погребение. Яма прямоугольной формы, с закругленными углами, 2х0,65 м, углублена в материк на 0,35 м. Стенки вертикальные, дно ровное. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Кости предплечья не сохранились, но, судя по расположению отдельных косточек, левая рука была согнута в локте.

В изголовье стоял плоскодонный глиняный сосуд биконической формы, диаметр по венчику 13,5 см, высота 17 см. В тесте примесь мелкотолченой раковины. По плечикам орнамент в виде каплевидных насечек.

30. Юмаковский V одиночный курган

Курган находится вблизи дер. Юмаково Мелеузовского района. Расположен на пашне, в 1,3 км к востоку от деревни, в 0,15 км к западу от проселочной дороги Камбулатово – Красногорский, проходящей у подножья залесенной горы.

Памятник выявлен И.М. Минеевой (Ягафаровой) в 1987 г. [Ягафарова, 1988].

Размеры кургана 20х17 м, высота 2,2 м, опахивается. В центре насыпи – грабительская воронка размером 1х2 м.

31. Береговский II одиночный курган (рис. 274)

Памятник расположен в 4 км к востоку от д. Береговка, в 3 к северо-востоку от хут. Красногорский. В 0,4 км к юго-западу от пос. Кедровый, на высоком узком мысу коренного берега широкой надпойменной террасы правого берега р. Белой. Высота мыса по отношению ко второй надпойменной террасе составляет 11-15 метров. С восточной стороны площадка подступает к лесистым отрогам западного склона Уральских гор.

Памятник открыт в 1980 г. разведочным отрядом археологической экспедиции БГПУ. Курган раскопан в этом же году. При осмотре площадки памятника и примыкающей к ней территории в 2013 г. Е.В. Руслановым не было выявлено новых курганных насыпей. Следы раскопок 1980 г. представлены в

виде углубления диаметром 9 метров и глубиной 1 метр, в центре которого растет дерево (рис. 273, 274).

Курган расположен на узкой ровной площадке диаметром 6 м и высотой 0,16 м от современной поверхности (рис. 273).

Погребение (рис. 273, 274). На уровне материка выявлены очертания могильной ямы подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами ориентированной по линии северо-запад-юго-восток. Размеры могилы 2,4х0,8 м, глубина 0,2 м от уровня материка. В центре могильной ямы находился скелет человека, в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Кости скелета удовлетворительной сохранности. Левая рука согнута в локтевом сгибе, правая – вытянута вдоль туловища. Поверх левого плеча, почти вдоль руки была положена крупная кость животного (лошади?). Кости ног вытянуты, сильно сдвинуты в области колен. Фаланги ног не сохранились, фаланги рук истлели частично. С левой стороны у изголовья найден глиняный сосуд горшечной формы с округлым дном. Венчик прямой, в верхней части несколько отогнут наружу. Плечики округлые, по шейке нанесен орнамент, состоящий из параллельных прямых прочерченных линий и вдавлений полуовальной формы.

С левой стороны в области грудной клетки находилась бронзовая накладка. Верхняя часть ее состоит из двух полуокружностей, чуть ниже четыре симметрично расположенных круглых отверстия. Изнутри сохранилось два бронзовых шпенька. Третий шпенек, находившийся между ними, обломан. Снаружи у правой плечевой кости найдена бронзовая пряжка с прямоугольным щитком и подпрямоугольной рамкой, вторая пряжка обнаружена у правой ступни. В средней части грудной клетки встречена бронзовая накладка ремня. Внутри вырезано отверстие. С тыльной стороны сохранилось два коротких бронзовых шпенька. У левой тазовой кости найден сильно коррозированный железный нож, состоящий из двух обломков. Спинка лезвия прямая, сечение клинка клиновидное. К северо-западу от левой ступни обнаружены железные удила, полностью сохранилась лишь часть удил [Горбунов, 1981. С. 21-23].

3. СЛЕДЫ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Береговское I поселение

1. Кусочки меди, руда, шлак, всплески металла

Раскоп I.

1. В кв. 3/VI при зачистке найден кусочек медной зелени, вероятно, остатки какого-то небольшого медного предмета [Викторов, 1954. С. 18].

2. В на глубине 0,9 м в постройке I в заполнении очажной ямы, обнаружен небольшой кусочек медного шлака [Викторов, 1954. С. 19].

Раскоп II.

1. В кв. 4/1 штык 1 найдены кусочки руды и шлак [Викторов, 1954. С. 24].

2. В кв. 4/1 штык 4 возле развала срубного горошка найден шлак и кусочек листовой меди [Викторов, 1954. С. 26].

Раскоп IV.

1. В кв.90/шт.3 (глубина около 40 см) найдена капля металла [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 5].

2. В кв. 13/4, 85/2, 86/3 найдены кусочки руды, в 13/4, 70/3, 93/2 -3 куски шлака, в кв.12/3 и в кв. 99/1 встречены две ошлаковки [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 5].

Раскоп V.

1. В кв. 51/4, 59/3 встречены два фрагмента ошлакованной керамики, в кв. 32/2, 45/3, 50/3, 50/4, 55/3, 59/2 – 7 кусочков шлака. В кв. 56/4 найдена капля металла [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 9].

2. В котловане постройки 4 (сооружение 1) в кв. 7, 8, 14, 18, 25 на глубине 4 штыка найдено 8 кусочков шлака [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 15].

3. В кв. 43/5 встречен 1 кусочек шлака [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 18].

Раскоп VI.

1. В кв. 43/1 встречена капля металла, в кв. 11/3, 15/3, 32/4, 43/4, 50/3-5 кусочков шлака. В кв. 50/3, 66/4 – встречены скопления ошлаковок. В кв. 5/3, 32/3, 49/3, 57/2, 58/4, 59/3, 60/2, 66/3 – найдено по одной ошлаковке, в кв. 50/4 – 4 экз., в соседнем кв. 51/4 – 5 экз., в кв. 17/4 – 3 экземпляра [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 11-12].

Раскоп VII.

1. В кв. 69/2, 70/3, 83/4, 94/4, 95/4 найден шлак и ошлаковки.

2. В кв. 82/2, 66/2 в кв. 63, 66, 68, 52, 70, 72, 76, 83, 85, 96 на уровне 3 штыка, а также в кв. 1, 64, 65, 70, 79, 82, 88, 95 на уровне 4 штыка найдено большое количество окислов меди, капель металла [Горбунов, 1981. С. 11].

Раскоп VIII.

1. В кв. 114/2 и 36/4 обнаружено два кусочка окисла. [Горбунов, 1982. С. 12].

2. В кв. 114/2 и 36/4 обнаружено два кусочка окисла. [Горбунов, 1982. С. 12].

Таким образом, за время изучения Береговского I поселения выявлено более 5 кусочков меди, около 5 обломков руды, 2 окисла металла, порядка 9 всплесков и капель металла, более 57 кусочков шлака и ошлаковок.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

Раскоп II.

1. В кв. 5/1 штык 4 найден обломок тигля [Викторов, 1954. С. 25].

Раскоп IV.

1. В кв. 11/3 и 12/3 найдены обломки двух плавильных чаш. Чаши на ножках с массивным дном и толстыми стенками [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 5. Рис. 9, 2].

Раскоп V.

1. В кв. 15/4, 41/3, 53/3 найдены обломки четырех плавильных чаш на ножках [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 5].

2. В кв. 68/4 в заполнении котлована постройки 4 найден 1 обломок плавильной чаши [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 17].

Раскоп VI.

1. В кв. 13/4, 30/3, 42/3, 59/2 найдены обломки плавильных чаш [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 12].

2. В абашевской застройке 4 в кв. 24/4, 24/5 встречены обломки 6 литейных форм (помещение 1) в кв. 15/4 найден обломок верха плавильной чаши, еще один обломок происходит из заполнения постройки [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 14].

3. При изучении постройки 4 в кв. 47/4 и 60/4 найдены 6 обломков плавильных чаш [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 18].

Раскоп VII.

1. В кв. 99/2, 65/3, 88/4, 95/4, 69/4 найдены небольшие металлические слитки.

2. В кв. 61/3, 79/3, 85/3, 103/4 зафиксировано несколько кусков от плавильной чаши подпрямоугольной формы, от высокой температуры чаши, фрагменты чаши частично ошлакованы [Горбунов, 1981. С. 12. Рис. 15, 1,2].

3. В кв. 16/3 найден обломок литейной формы, изготовленный из неорнаментированного венчика сосуда баночной формы. В глиняном тесте примесь шамота. С внутренней стороны вырезано углубление диаметром 1,2 см, глубиной 0,2 см. Со стороны кромки венчика углубление соединено с узким желобом-литником [Горбунов, 1981. С. 12. Рис. 26а, 3]. По всей видимости, форма предназначалась для отливки круглых подвесок.

4. В кв. 104/3 найден еще один брусковидный обломок литейной формы. Наружная поверхность прямая, в верхней части прослеживается часть модели неясного назначения [Горбунов, 1981. С. 12. Рис. 26а, 2].

Раскоп VIII.

1. В кв. 24/4 найден массивный слиток бронзы в виде зооморфной фигуры [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, а]. Поверхность бугристая, покрыта патиной.

2. В кв. 113/3 найден небольшой слиток бронзы [Горбунов, 1982. С. 12].

В ходе раскопок обнаружено: 8 литейных форм, 20 плавильных чаш, 7 слитков металла и 1 обломок тигля.

3. Металлические орудия.

Раскоп II.

1. В постройке 2 найдены бронзовый нож, две бронзовых обоймы [Сальников, 1955. С. 16].

Раскоп III.

1. Найдена бронзовая привеска от наконечника [Сальников, 1955. С. 16].

Раскоп IV.

2. В кв. 44/шт.4 найдено длинное шилообразное орудие длиной 32 см, квадратным в сечении, один конец изделия заострен, а другой раскован в виде лопаточки [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 5. Рис. 9, 1].

Раскоп V.

1. В кв. 24/4 найден бронзовый браслет с несомкнутыми краями [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 18. Рис. 19, 4].

Раскоп VI.

1. В кв. 34/3 найдено бронзовое пластинчатое серповидное орудие с обоюдоострыми гранями. Один конец его расширен, другой сужается. Длина его более 25 см, ширина в средней части 2,4 см [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 11. Рис. 14, 2].

2. В кв. 39/4 найдено массивное клиновидное бронзовое орудие, один конец сильно раскован до образования «шляпки», другой заострен. Рабочая, прямоугольная в сечении часть расширена [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 11. Рис. 14, 1].

3. Из кв. 50/3 и 61/3 происходят два бронзовых обоюдоострых прямоугольных в сечении шила длиной 5,8 и 6,6 см [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 11. Рис. 14, 3, 4].

4. В кв. 20/4 найдено пластинчатое, слабоизогнутое орудие, в кв. 24/4 найдено еще одно пластинчатое орудие [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 14. Рис. 17, 1, 5].

5. Обломок шила происходит из кв. 26/4 [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 14. Рис. 17, 4].

Раскоп VII.

1. В кв. 64/3 найден бронзовый нож-кинжал абашевского облика. Длина его 9,9 см, ширина в средней части клинка 2,5 см. В сечении лезвие линзовидное [Горбунов, 1981. С. 11. Рис. 26, 2].

2. В кв. 96 на уровне материка обнаружено четырехгранное бронзовое шило, длиной 11 см. Ширина граней в верхней части 0,4 см [Горбунов, 1981. С. 11. Рис. 26, 7].

3. В кв. 86 на уровне материка найден обломок четырехгранного шила. Длина обломка 3 см, сечение 0,3x0,25 см. Конец прокован [Горбунов, 1981. С. 11. Рис. 26, 6].

4. В кв. 65/3 и 82/3 найдены две бронзовые сильно окисленные бусины цилиндрической формы.

5. В кв. 79/2 и кв. 68/3 отмечены находки 2 сильно окисленных предметов в виде подвесок абашевского типа.

6. В кв. 102/3 найдена бронзовая скоба, в виде изогнутой пластины с приостренными концами.

7. В постройке V на глубине 0,65 м от материка найдено пластинчатое серповидное орудие и фрагмент бронзового шила. Длина серпа 18 см, ширина у рукояти 2,2 см, у лезвийной части 1,2 см. На рукояти сохранились фрагменты сильно истлевшей костяной рукояти [Горбунов, 1981. С. 15. Рис. 26, 1]. Лезвие в сечении линзовидное.

Раскоп VIII.

1. В кв. 85/3 найден бронзовый нож-кинжал без выраженного перекрестия небольшого размера [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 4].

2. В кв. 29/4 найден нож-кинжал с выраженным перекрестием и прямым черенком для насаживания рукояти [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 8].

3. В кв. 63/3 найден нож-кинжал с выраженным перекрестием и «змеевидным навершием» [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 6].

4. В кв. 150/3 найден обломок обоюдоострого ножа-кинжала [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 3].

5. В кв. 115/4 найден обломок бронзового тесла [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 1].

6. В кв. 36/4 найдено крупное шило или тесло, поверхность тщательно отполирована и покрыта благородной патиной [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 5].

7. В кв. 25/3 происходит подделка, изготовленная из тонкой медной проволоки в виде свернутой в три с половиной оборота подвески.

8. В кв. 32/2 найден бронзовый клиновидный предмет, напоминающий миниатюрный топорик-клевец [Горбунов, 1982. С. 11. Рис. 22, 7].

Раскоп IX.

1. В кв. Г 1/3 найдено бронзовое пластинчатое орудие. Длина 20,3 см, ширина 2,3 см, толщина спинки 0,3 см [Горбунов, 1983. С. 10. Рис. 9, 1].

В результате раскопок найдено довольно много металлических орудий: 6 ножей, 5 пластинчатых серповидных орудий, 8 шильев различной длины, 2 клиновидных орудия, 1 тесло, 1 бронзовая скоба. Комплекс украшений состоит из 2 бронзовых обоймочек, 1 привески наконечника, 1 браслета, 2 бусин, и 3 подвесок «абашевского» типа. Подводя итог, можно отметить, что металлоемкость культурного слоя Береговского I поселения довольно высокая, в слоях поселения отразился весь металлургический процесс от находок кусочков руды до литейных форм и готовых изделий. На наш взгляд все это говорит в

пользу того, что насельники памятника имели представление о всем цикле работы с металлом.

Береговское II поселение

1. Кусочки меди, руда, шлак, всплески металла.

Раскоп II.

1. Из слоя раскопа происходят капли и сплески металла. Они найдены на разной глубине в кв.5, 27, 52, 56, 59, 84. В кв. 10/2, 10/3, 10/4, 11/4, 25/2, 34/4, 37/3, 49/3, 51/3, 56/4, 73/3, 77/3, 79/4, 81/3, 82/3, 84/4 найдены кусочки шлака. В кв. 51/3 на глубине 60 см в земле прослежено вкрапление меди, в кв. 78/4 на глубине 80 см найден кусочек руды [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21].

2. В 39/2, 81/3 найдены ошлаковки [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 22. Рис. 26, 1-2].

3. В постройке 2 в кв. 56/6 встречена капля металла, в кв. 10/4, 11/4, 17-зачистка найдены 4 кусочка шлака [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 25].

4. В постройке 4 в кв. 69/3 встречена капля металла [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 26].

Таким образом, при раскопках Береговского II поселения найдены 8 капель и всплесков металла, 22 кусочка шлака и 2 кусочка руды.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

Раскоп II.

1. В кв. 17/2, 42/3, 25/3, 28/3, 30/3, 31/3, 33/3, 34/3, 36/3, 40/2, 40/3, 41/2, 41/3, 46/3, 46/4, 51/3, 52/3, 51-52-зачистка, 57/4, 58/2, 58/3, 67/4, 75/4, 78/4, 84/4 найдено около 50 обломков плавильных чаш. Среди них больше всего плавильных чаш на ножках [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 22. Рис. 26, 1-2].

2. В постройке 2 в кв.22/5 найден глиняный овальный в сечении обломок вкладыша в литейную форму для отливки топоров [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 24. Рис. 27, 5].

3. В постройке 3 в кв. 68/5 найден массивный обломок стенки от плавильной чаши. [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 26].

Из этой группы находок с поселения происходит 51 обломок литейных чаш и 1 вкладыш в литейную форму.

3. Металлические орудия.

Раскоп I.

1. Кв. 5/III на глубине 60 см найдена окисленная медная подвеска размером около 1 см [Викторов, 1954. С. 35].

2. Кв. 5/III на глубине 60 см рядом с подвеской найдено массивное трехгранное шило абашевского типа [Викторов, 1954. С. 35].

3. Кв. 7/II на глубине 64 см от поверхности, на границе чернозема и глины обнаружен бронзовый нож лавролистной формы, конец ножа обломан [Викторов, 1954. С. 37].

Раскоп II.

1. В кв.38/3 найден обломок дротика с кованой втулкой [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 9].

2. В кв. 41/2 найдено бронзовое шило. Один конец его плоский, а другой заострен [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 12].

3. В кв. 46/3 обнаружен массивный рыболовный крючок с бородком. Верхняя его часть раскована и уплощена [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 8].

4. В кв. 56/4 (над постройкой 2) найдено бронзовое четырехгранное шило [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 10].

5. В кв. 65/4 найден браслет с несомкнутыми концами [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 11].

6. В кв. 74/3 найдено пластинчатое орудие [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 21. Рис. 26, 11].

7. В постройке 2 в кв. 19 на глубине 90 см возле очага обнаружен обломок бронзового шила, а в кв. 10 на глубине около 80 см – обломок тонкой бронзовой пластины прямоугольной формы [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 24].

8. Постройка 3. В кв. 68/5 найден обломок бронзовой прута, один конец его ромбический, другой несколько расплюсчен [Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 26. Рис. 28, 5].

Комплекс готовых орудий и их фрагментов состоит из 5 бронзовых шилев, ножа, дротика, рыболовного крючка, пластинчатого серповидного орудия, браслета и бронзовой пластинки.

Юмаковское I поселение

С поселения происходят только находки из первой и второй группы:

1. Кусочки меди, руда, шлак, всплески металла.

1. В кв. 39/3 – найден кусочек шлака с медистым включением.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

1. В кв. 21/4, 33/4, 42/3 – найдены обломки плавильных чаш [Горбунов, 1983. С. 26. Рис. 36а, 1].

2. В кв. 39/3, 43/4 – найдены слитки меди и бронзы.

Юмаковское II поселение

1. Кусочки меди, руда, шлак, всплески металла.

1. Куски медного колчедана небольших размеров (2х2,3х3,5х3 см) были обнаружены в кв. 20/2. По определению научного сотрудника института геологии Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР Я.Л. Шестопала, руда имеет местное происхождение.

2. Необходимо отметить большое количество кусочков руды медного колчедана. Найдены они были в кв. 40/1, 40/2, 20/2, 37/2. В изломе камни имеют бирюзовый цвет.

3. Бронзовая капля зафиксирована в кв. 43/3. Окислы металла встречены в кв. 56/5, кусочки шлака в кв. 53/1.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

1. В кв. 28/4 найдены два слитка бронзы. Один в виде крупной капли, второй слиток неправильной формы со сквозным отверстием в центре [Горбунов, 1987. Рис. 44, 5, 19]. Еще несколько мелких слитков обнаружено в кв. 33/5, 46/5, 49/4, 57/3.

2. В кв. 26/3 найден обломок одной створки литейной формы. Она представляет собой каменный брусок темного цвета длиной около 10 см, шириной около 5,5 см. На внутренней части створки, по ее центру вырезан желобок, его ширина 2 см, глубина около 1 см [Горбунов, 1987. Рис. 40, 1]. Видимо, форма предназначалась для отливки стержня.

3. В кв. 18/3 найден обломок плавильной чаши или крупной льячки [Горбунов, 1987. Рис. 25, 1; 26, 1]. Судя по сохранившейся части, ширина изделия составляет около 15 см. Высота бортика приблизительно 2,5 см. На конце имеется носик для слива металла. В глиняном тесте примесь шамота. Поверхность заглажена.

4. Обломок маленького толстостенного сосудика обнаружен в кв. 11/3. Дно плоское с закраиной [Горбунов, 1987. Рис. 26, 3]. Возможно, что он также связан с металлургическим производством.

5. Восемь обломков глиняной чаши, со следами использования в качестве тигля обнаружено в кв. 7/3, значительное их количество (более 20 фрагментов) зафиксировано также в кв. 56/3 за пределами постройки [Горбунов, 1987. Рис. 27]. Диаметр сосуда 20 см, высота 9,5 см. Стенки массивные, сильно ошлакованные. По нескольким обломкам видно, что по краю имеется носик – слив [Горбунов, 1987. Рис. 22, 12]. В глиняном тесте примесь шамота.

Таким образом, на поселении обнаружено 6 слитков металла, 3 литейные чаши и створка литейной формы для отливки стержня.

3. Металлические орудия.

1. Тонкая сильно окисленная пластика найдена в кв. 48/3.

2. Бронзовое шило обнаружено в кв. 18/3. Длина его 6,5 см. В средней части орудие имеет четырехгранное сечение, переходящее затем в коническое острие. Один конец шила загнут почти под прямым углом [Горбунов, 1987. Рис. 44, 2].

3. В кв. 21/3 найден обломок бронзового шила длиной 2,6 см. прямоугольного сечения (0,2 x 0,3 см) [Горбунов, 1987. Рис. 44, 6].

4. Обломок подпрямоугольной пластинки размером 2,7 x 0,3 см. [Горбунов, 1987. Рис. 44, 21] найден в кв. 4/3.

В итоге на поселении найдено 2 шила и две бронзовые пластинки. Хотя бронзовых изделий в раскопе было обнаружено немного, но кусочки руды, шлака, маленькие слитки бронзы, обломки плавильной чаши свидетельствуют о развитом состоянии металлургии на поселении.

Юмаковское III поселение

1. Кусочки меди, руда, шлак, всплески металла.

1. В кв. 12/2 найдены кусочки руды.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

1. В кв. 21/3 найден обломок небольшой плавильной чаши [Горбунов, 1983. С. 18. Рис. 25, 3].

2. В кв. 13/3 найдено два фрагмента плавильной чаши.

3. В кв. 4/3 найдено 5 обломков от плавильной чаши.

Раскоп IV.

В кв. 18/4 и 13/3 были найдены обломки плавильных чаш, на стенках которых фиксируются следы ошлаковки. В тесте примесь шамота с песком. Толщина стенок плавильных чаш до 1,5 см [Горбунов, 1987. Рис. 60, 1, 2; 61, 1, 2].

В результате на поселении найдены обломки более 5 плавильных чаш.

3. Металлические орудия.

1. В кв. 5/и на глубине 0,7 м от современной поверхности найдено бронзовое пластинчатое орудие [Горбунов, 1981. С. 21. Рис. 48]. Длина серпа 17,8 см, ширина в средней части 2,4 см. Лезвийная часть прокована. У основания спинки имеется сквозное отверстие.

2. В кв. 1/2 найдена бронзовая очковидная подвеска абашевского типа [Горбунов, 1983. С. 18. Рис. 25, 4].

Юмаковское IV поселение

В материалах этого поселения отсутствуют данные по 1 группе находок: **кусочки меди, руда, шлак, всплески металла.** Возможно, это связано с характером изучения памятника, когда раскапывались участки поврежденные грейдером, а не планомерно вскрывалась запланированная площадь. Возможно, также, что на поселении плавил металл из готовых слитков, полученных со стороны, а не выплавленных из руды на месте.

2. Тигли, литейные формы, слитки металла.

Раскоп I.

1. В кв. 7/3 найден обломок плавильной чаши со следами ошлаковки. Фрагмент серого цвета в тесте примесь песка с органикой [Горбунов, 1989. С. 28. Рис. 97, 2].

Раскоп II.

1. В кв. 5/3 и 1/2 найдено два днища от тиглей. Обломки серого цвета, в тесте примесь песка [Горбунов, 1989. С. 28. Рис. 98, 8].

3. Металлические орудия.

Раскоп I.

1. В кв. 8А/3 найден слабоизогнутый серп длиной 17,5 см [Горбунов, 1989. С. 28. Рис. 98, 1].

2. В кв. 4/4 найдено шило длиной 14 см, круглого сечения, рабочая часть заострена и имеет подпрямоугольное сечение [Горбунов, 1989. С. 28. Рис. 98, 2].

4. ТЕХНИКО – ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Анализ сосудов был проведен инженером археологической лаборатории БашГУ В.И. Мухаметдиновым в рамках историко-культурного подхода, по методике разработанной А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; 1999].

По причине сильной фрагментированности материала удалось получить информацию только по подготовительной стадии гончарного производства: отбор и обработка исходного сырья и составление рецептов формовочных масс. Данные изложены отдельно по пластам раскопа и по подъемному материалу, собранному на памятнике.

Для изготовления керамики, происходящей из раскопа, в качестве пластичного исходного сырья было использовано четыре вида глин, и, в трех случаях, глиняный концентрат – смесь двух глин разной ожелезненности. Первый и самый представительный (8 сосудов) вид глины – высокопластичная ожелезненная с включениями бурого железняка в концентрации от 1:7 до 1:5. Из других видов: высокопластичная ожелезненная глина с содержанием естественной примеси пылевидной слюды (2 сосуда) и высокопластичная слабоожелезненная с незначительным содержанием включений бурого железняка (1 сосуд).

Из непластичного исходного сырья использовались: шамот, дробленая сухая глина, песок и органические примеси, представленные, в основном, органическими растворами и, в редких случаях, навозом, добавлявшимся в небольшой концентрации.

По материалам из раскопа удалось выделить семь рецептов формовочных масс, полученных путём комбинации пластичного сырья с различными видами непластичных примесей, перечисленными выше: пластичное сырьё (ПС) + шамот (Ш) + органика (О) (5 сосудов); ПС + О (2 сосуда); ПС + сухая глина (СГ) + Ш + О (2 сосуда); ПС + песок (П) + Ш + О (2 сосуда); ПС + СГ (1 сосуд); ПС + П (1 сосуд); ПС + СГ + О (1 сосуд).

Набор видов исходного пластичного сырья для фрагментов керамики, собранных с поверхности стоянки, состоит из тех же видов, из которых изготовлены сосуды из раскопа, плюс из ещё двух вариантов: среднепластичной ожелезненной глины с естественной примесью бурого железняка в небольшой концентрации, и среднепластичной ожелезненной глины без примеси бурого железняка. Количественные данные о пластичном исходном сырье по подъемному материалу даны в таблице 2 и диаграмме 3.

Непластичные виды исходного сырья в подъемном материале представлены: шамотом, сухой дробленой глиной, песком, дробленой раковинной, дробленой костью и органикой.

Выделены шесть рецептов исходного сырья, состав и количество которых представлены в таблице 2 и диаграмме 4.

В качестве общих выводов можно сказать следующее. Представленные данные показывают, что существуют определенные различия в технологии изготовления сосудов из раскопа и собранных на современной поверхности памятника. И если по количеству видов исходного сырья разница ожидаема в пользу подъемного материала, вследствие несопоставимости площадей, то количество видов формовочных масс у выборки из раскопа, хоть и незначительно, но превышает их количество у выборки из «подъемки». В то же время можно заметить, что это достигается за счёт большей вариативности сочетаний видов непластичного исходного сырья. Все семь рецептов формовочных масс, зафиксированных по материалу из раскопа, по сути, комбинируются из четырех непластичных компонентов. В то время как рецепты формовочных масс сосудов собранных на поверхности получены комбинацией шести непластичных компонентов. Несмотря на это, можно утверждать, что такое большое количество рецептов на столь небольшой площади раскопа связано с активными процессами трансформации приспособительных гончарных традиций, происходившими, вероятно, в ходе межкультурных контактов. Причину локализации указанных процессов в данном месте памятника получится установить только при условии исследования всей площади селища. На данный момент можно только сделать предположение, о том, что они связаны с периферийным местоположением участка, на котором был заложен раскоп.

В целом по памятнику фиксируется определенная устойчивость приспособительных гончарных традиций, связанная с превалированием использования высокопластичной ожелезненной глины и рецепта ПС+Ш+О. Однако широкая вариативность традиций как отбора исходного сырья (особенно использование глиняных концентратов), так и составления формовочных масс указывает на какие-то внешние факторы, приводящие к изменению устойчивых технологических приемов.

Кроме того, технико-технологическому анализу подвергся керамический материал, полученный с новых поселенческих памятников открытых авторов в 2016: Юмаково-6, поселение; стоянок Юмаково-7, Юмаково-8; местонахождения Юмаково-9, и Береговка-4, селище. Все памятники расположены на береговых террасах старичных озер, оставленных меандрирующим руслом р. Белая [Русланов, 2016. С. 83-89].

Юмаково-6, поселение. В качестве исходного пластичного сырья население, оставившее памятник, использовало ожелезненные глины разной степени запесоченности. Естественная примесь песка в глинах представлена включениями не превышающими 0,5 мм. В одном случае было зафиксировано использование смеси из двух глин – неожелезненной и ожелезненной.

На памятнике выделен широкий спектр формовочных масс (8 рецептов) на основе разных сочетаний таких компонентов в глине как шамот, дробленая кальцинированная кость, органический раствор и выжимка из навоза. Основной рецепт на поселении – глина + шамот + органические примеси.

Поверхность сосудов обрабатывалась заглаживанием различными инструментами. Из инструментов выделяются деревянный нож, твердый предмет с гладкой рабочей поверхностью, ткань. На значительной части фрагментов фиксируется предварительное заглаживание гребенчатым штампом или щепой, произведенное до финишной обработки мягким или твердым гладким инструментами.

Немногочисленные орнаментированные сосуды декорировались оттисками гладкого либо гребенчатого штампа.

Обжиг керамики производился в открытом обжиговом устройстве (кострище или очаг) с непродолжительным временем воздействия температур каления в окислительной среде.

Юмаково-7, стоянка. Исходное пластичное сырье, из которого изготовлены практически все обнаруженные фрагменты относится к ожелезненным среднезапесоченным глинам. Также доминирующим можно назвать рецепт формовочной массы глина + шамот + органический раствор. Из общей канвы выбивается только один фрагмент неорнаментированной стенки сосуда, изготовленного из незапесоченной глины, содержащей естественную примесь талька в очень большой концентрации 1:3(2).

Следы на фрагментах свидетельствуют, что поверхность сосудов на памятнике в основном заглаживалась мягким предметом (ткань, кожа, пальцы?). Сосуды, также как и на поселении Юмаково-6, обжигались в открытых устройствах в окислительной среде.

Юмаково-8, стоянка. Анализ трех доступных для исследования фрагментов с памятника позволяет сказать, что у населения его оставившего было несколько источников исходного пластичного сырья. Каждый фрагмент изготовлен из отдельного его вида. Зафиксированы незапесоченная, среднезапесоченная с песчинками размером 0,5-3 мм, а также сильнозапесоченная пылевидным песком ожелезненные глины. В то же время у всех трех фрагментов один рецепт формовочной массы: глина + шамот + органический раствор.

Данные об обработке поверхности удалось получить только по одному фрагменту. Сосуд был заглажен пальцами.

Обжиг производился в окислительной среде.

Юмаково-9, местонахождение керамики. Рецепт формовочной массы одного из фрагментов: среднезапесоченная глина + шамот + выжимка из навоза. Сосуд был заглажен тканью. Обожжен в окислительной среде.

Второй фрагмент был изготовлен из формовочной массы: среднезапесоченная глина + тальковая дресва + шамот + органический раствор. Сосуд был заглажен мягким предметом и обожжен в окислительной среде.

Береговка-4, селище. Для технологического анализа были доступны 5 фрагментов сосудов. Керамика памятника изготовлена из незапесоченной ожелезненной глины. В одном случае в глине фиксируется естественная примесь талька. Доминирующим рецептом формовочной массы на памятнике является – глина + тальковая дресва + органическая примесь.

Поверхность сосудов заглаживалась твердым предметом с гладкой рабочей поверхностью. Три из пяти сосудов были обожжены в окислительной среде, два – в восстановительной.

По морфологическим признакам все обнаруженные фрагменты керамики относятся к эпохе поздней бронзы. В культурном отношении их можно определить как обломки сосудов срубной КИО. В то же время материал из раскопок памятников Береговского микрорайона свидетельствует о притоке в это время на данную территорию зауральского алакульского населения и об активных процессах срубно-алакульских контактов [Рутто, 2003. С. 37-38]. Однако сильная фрагментированность керамики, полученной в ходе настоящих разведочных работ не позволяет достоверно отделить смешанную срубно-алакульскую керамику от собственно срубной, что затрудняет изучение межкультурных взаимодействий на данном материале.

Больше возможностей для такого исследования дает технико-технологический анализ керамики. Его результаты позволяют сделать определенные выводы.

1. Широкое разнообразие приспособительных традиций, выделенных по материалу поселения Юмаково-6, а также свидетельства смешения этих традиций позволяет говорить об активных процессах взаимодействия разных групп населения срубной КИО. Во многом это напоминает ситуацию на другом поселении Береговского АМР Озерки-1 [Мухаметдинов, Русланов, 2016. С. 9-16], где также сравнительно небольшое количество компонентов формовочной массы складывается в широкий спектр рецептов путем их сочетания. Еще одним объединяющим моментом можно считать встречаемость на обоих поселениях случаев смешения в одном рецепте двух разных по ожелезненности видов глины – одного из ярких индикаторов адаптационных механизмов в гончарной технологии.

2. Интересен, в плане культурной интерпретации, материал селища Береговка-4. Все изученные фрагменты были изготовлены из формовочных масс, содержащих тальк как естественную или искусственную примесь. Исследователи уральского региона традиционно считают примесь талька зауральской традицией, характерной для обитающих там племен алакульской и федоровской культур [Кузьмина, 1994. С. 106-114].

Обнаружение в Приуралье поселенческого памятника весь керамический материал, которого содержит примесь талька, однозначно говорит о компактном проживании на данной территории зауральского населения.

В то же время, наличие керамики с тальком на других селищах Береговского АМР (Юмаково-7, Юмаково-9) говорит об участии этого населения в процессах межкультурного взаимодействия.

3. Также обращает на себя внимание традиционность гончарной технологии на селищах Юмаково-7 и Юмаково-8. Доминирование одних и тех же рецептов формовочных масс свидетельствует о существовании коллективов, участвовавших в контактных процессах менее интенсивно.

Проведенные исследования керамического материала подтвердило большой потенциал археологических материалов Береговского АМР в изучении срубно-алакульских контактов и, процессах освоения подобных микротерриторий расположенных на границе лесостепной и горнолесной зон на правом берегу р.Белой в эпоху поздней бронзы.

5. ИЛЛЮСТРАЦИИ

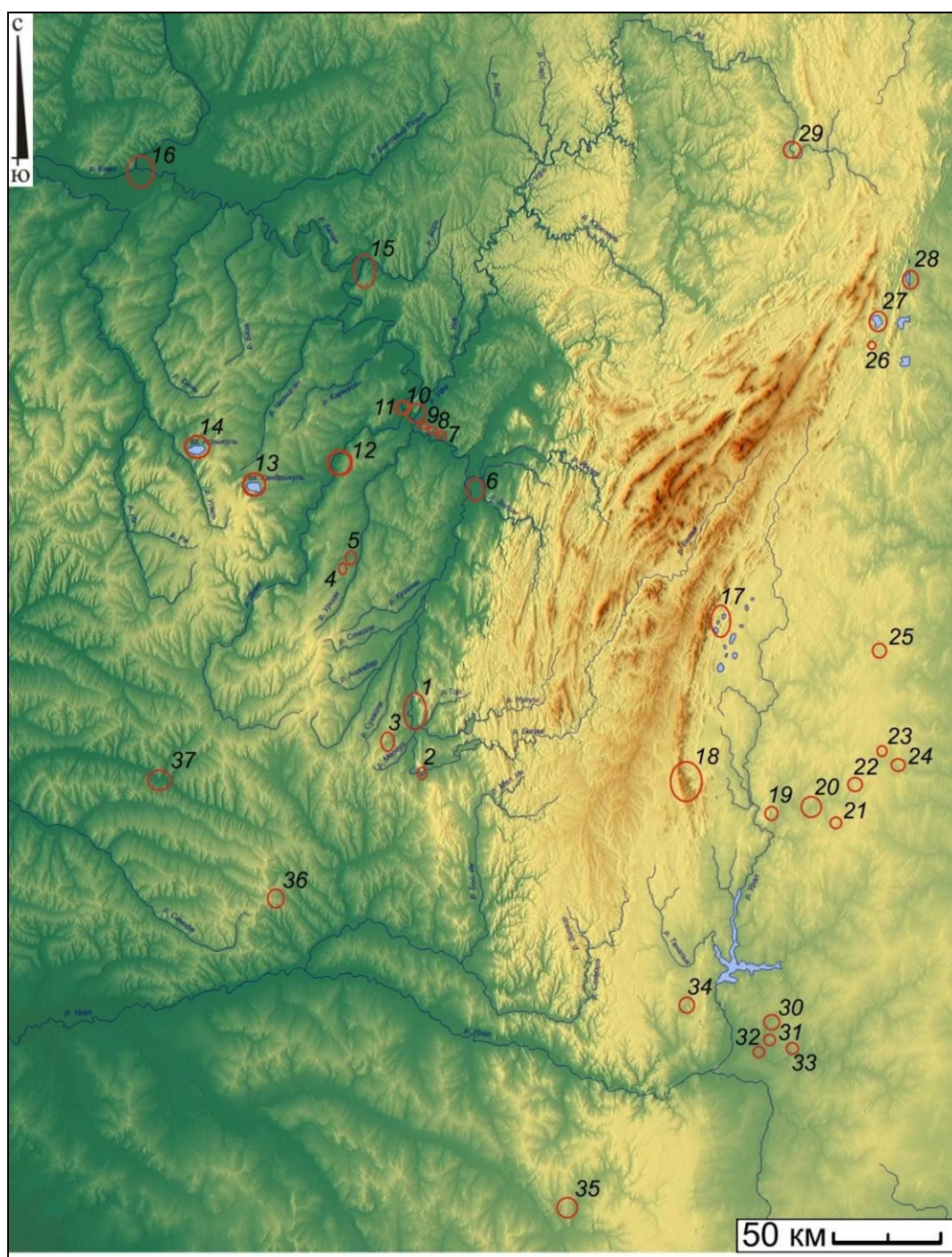

Рис. 1. Археологические микрорайоны Южного Урала
(карта составлена автором):

1-Берговский; 2-Тюбякский; 3-Загребаловский; 4-Мурадымовский; 5-Казбуруновский; 6-АМР горы Курмантау; 7-Охлебининский; 8-Шиповский; 9-Нагаевский; 10-АМР Уфимского полуострова; 11-Миловско-Романовский; 12-Ябалаклинский; 13- АМР оз. Кандрыкуль; 14-АМР оз. Аслыкуль; 15-Бирский; 16-АМР Саузовский Шихан; 17-АМР озер Банное – Сабакты – Карабалыкты; 18-Баишевский; 19-АМР г. Чека; 20-АМР Аркаимской долины; 21-Синташтинский; 22-АМР Каменный Амбар; 23-АМР Солнце; 24-Кулевчинский; 25-АМР Кривое Озеро; 26-АМР оз. Тургояк; 27-АМР оз. Аргазы; 28-АМР оз. Иртяш; 29-АМР Скаияз – Тамакского пещерного комплекса; 30-АМР р. Свистунка; 31-Еленовский; 32-Ушкаттинский; 33-Джарлинский; 34-Ишкинский; 35-Шаншарский; 36-Каргалинский; 37-Ивановский.

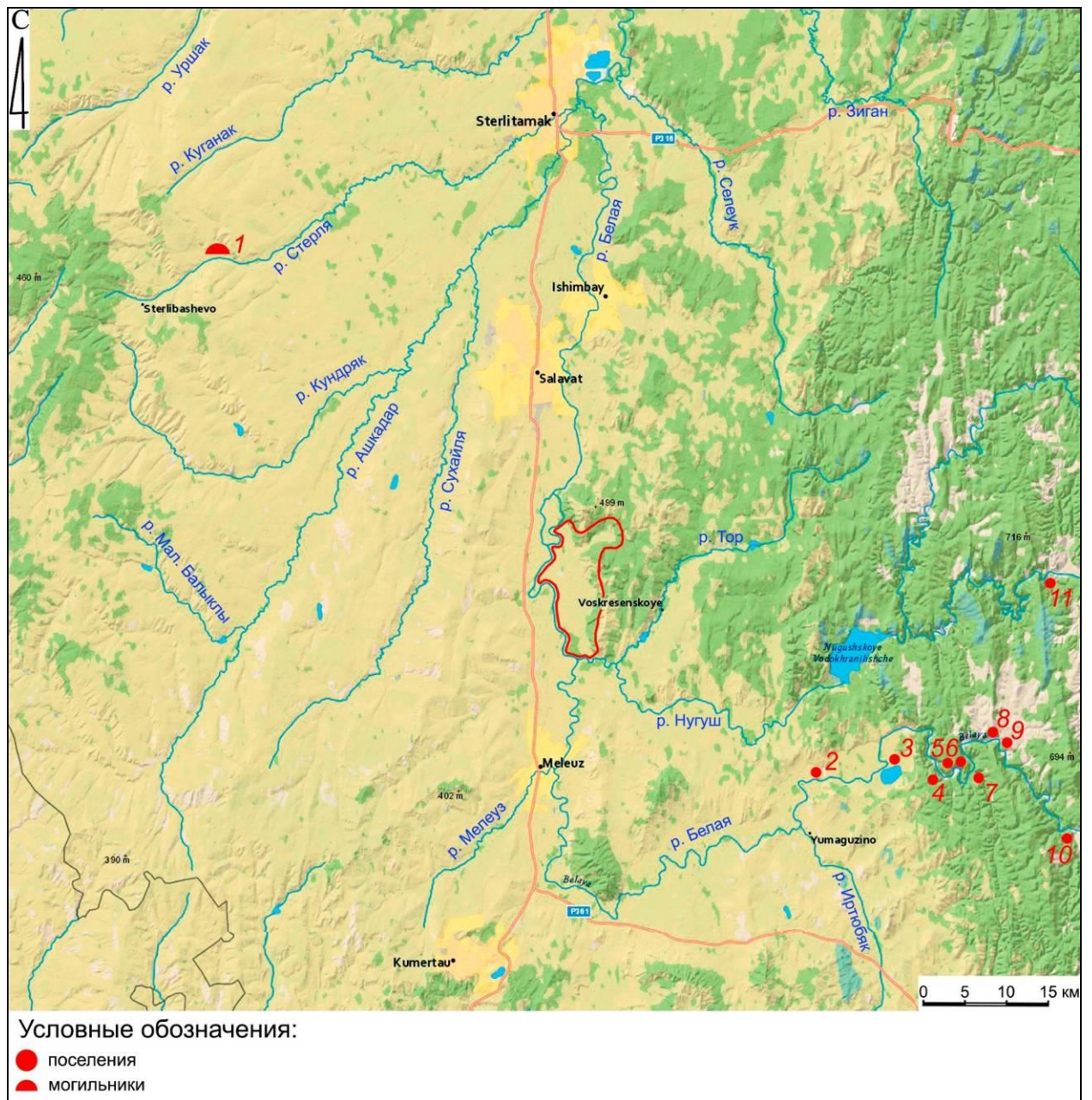

Рис. 2. Археологические памятники эпохи энеолита
 (карта составлена автором):

1 – Ново – Калкашевский II курганный могильник; 2 – Азануй – 1, поселение; 3 - Акаваз – 1, стоянка; 4 – Казамыш (Безымьянная) пещера; 5 – Байсланташ (Акбутинская) пещера; 6 – грот Археологов; 7 – Батран – 1, стоянка; 8 – Максютковский грот; 9 – Максютово – 1, стоянка; 10 – Ташмурун – 1, стоянка; 11 – Кибиз – Елга, стоянка.

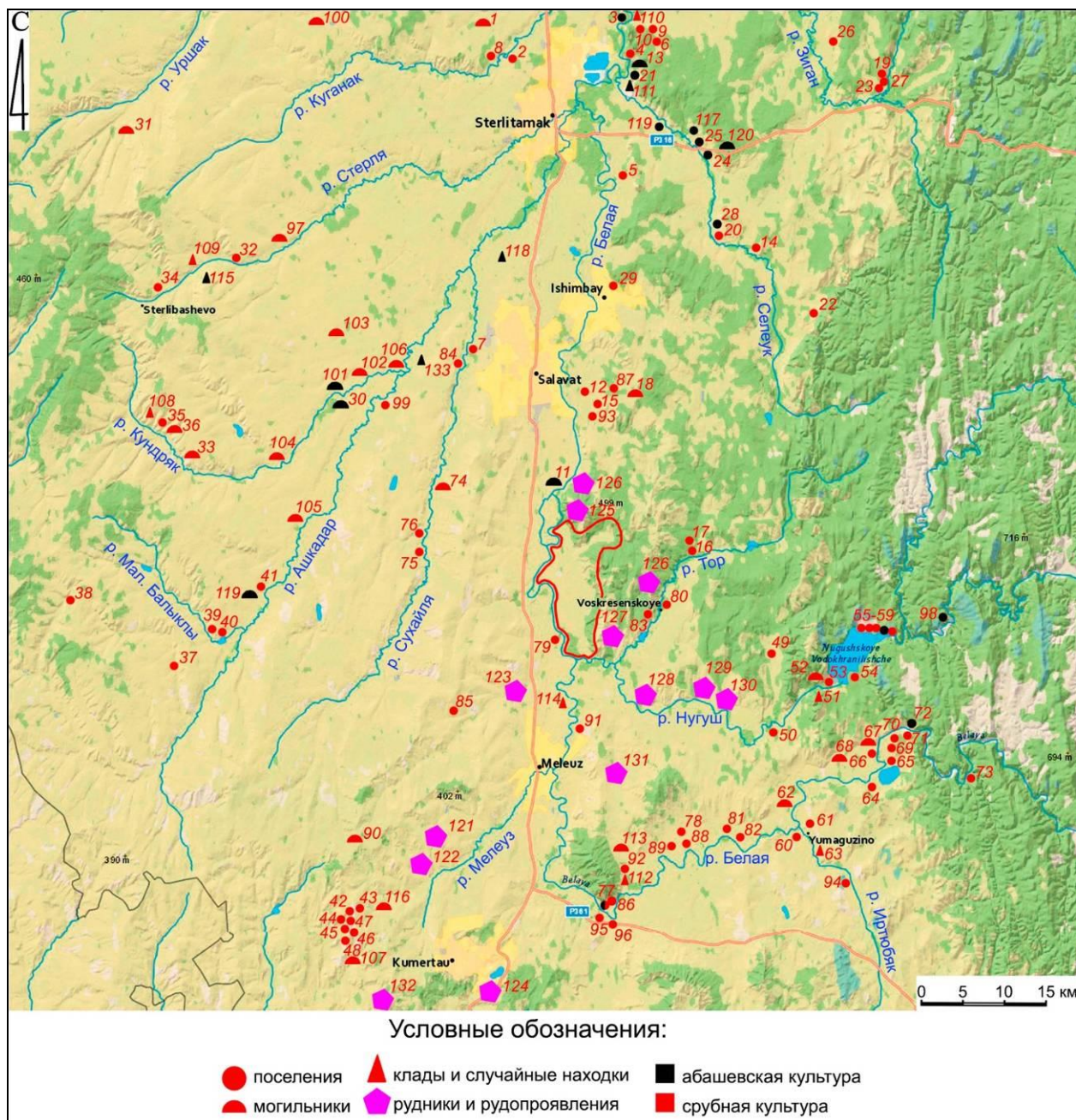

Рис. 3. Археологические памятники эпохи бронзы
(карта составлена автором):

- 1 – Ишпарсово – 1, курганный могильник; 2 – Ново – Брятино – 1, селище; 3 – селище Баланбаш; 4 – Куштау – 1, селище; 5 – Тура – Тауское II селище; 6 – Юрактауское II поселение; 7 – Озерковская стоянка; 8 – Марьевка – 1, селище; 9 – Юрактауское III поселение; 10 – Местонахождение керамики и кельта у горы Юрак – Тау; 11 – Сабашево – 1, курганный могильник; 12 – Юлдашево – 1, стоянка; 13 – Урнякский могильник; 14 – Аптиковское поселение; 15 – Кинзекеевское селище; 16 – Кузнецовская II стоянка; 17 – Кузнецовская стоянка; 18 – Кызыл – Юлдузские курганы; 19 – Нижне – Арметовская II стоянка; 20 – Салиховское III поселение; 21 – Урнякское селище; 22 – Хазинская I стоянка; 23 – Арметрахимово – 1, селище; 24 – Ахмерово – 1, стоянка; 25 – Ахмерово – 2, стоянка; 26 – Иктисад – 2, селище; 27 – Нижне – Арметово – 1, стоянка; 28 – Салихово – 1, стоянка; 29 – Смакаевское – 1, селище; 30 – Елимбетовские курганы; 31 – Каранаевские курганы; 32 – Ново – Ибракаевские курганы; 33 – Изге урын – 1, курганный могильник; 34 – Максютово – 1, поселение; 35 – Бахчинское поселение; 36 – погребение у пос. Бахча; 37 – Балыклинское поселение; 38 – Петровка – 1, поселение; 39 – Польшовка – 1, поселение; 40 – Польшовка – 2, поселение; 41 – Поляковка – 2, поселение; 42 – Сергеевское поселение; 43 – Муталовская стоянка; 44 – Сергеевская IV стоянка; 45 – Сергеевская V стоянка;

46 – Сергеевская VI стоянка; 47 – Шайтанская стоянка; 48 – Сергеевская III стоянка; 49 – Хлебодаровка – 1, селище; 50 – Иткучуково – 1, стоянка; 51 – Нугушская находка ножа; 52 – Нугуш – 1, курганный могильник; 53 – Сергеевка – 3, стоянка; 54 – Сергеевка – 2, стоянка; 55 – Нука – 2, стоянка; 56 – Нука – 1, стоянка; 57 – Башкирский переезд – 2, стоянка; 58 – Башкирский переезд – 1, стоянка; 59 – Афанасьевская стоянка; 60 – Юмагузино – 1, поселение; 61 – Юмагузино – 2, стоянка; 62 – Акназарово – 1, курганный могильник; 63 – Юмагузинская находка ножа; 64 – Нижнебиккузино – 1, стоянка; 65 – Прибельский – 1, стоянка; 66 – Сыртланово – 1, поселение; 67 – Сыртланово – 2, курганный могильник; 68 – Иштуганово – 1, курганный могильник; 69 – Верхнебиккузино – 1 (Айратово), поселение; 70 – Верхнебиккузино – 2, стоянка; 71 – Верхнебиккузино – 1, стоянка; 72 – Азануй – 1, поселение; 73 – Акаваз – 2, стоянка; 74 – Варваринские курганы; 75 – Ново – Троевская стоянка; 76 – Ново – Троевское поселение; 77 – поселение Тюбук; 78 – Бельская V стоянка; 79 – Васильевская стоянка; 80 – Воскресенская стоянка; 81 – Дерхасановская I стоянка; 82 – Дерхасановская II стоянка; 83 – стоянка Кочкари; 84 – Мурдашевская стоянка; 85 – Троицкая стоянка; 86 – Тюлякское II селище; 87 – Юлдашевская I стоянка; 88 – Бельская I стоянка; 89 – Бельская II стоянка; 90 – Зак – Ишметовский курганный могильник; 91 – Миньковская стоянка; 92 – Туманчинская стоянка; 93 – Юлдашевская II стоянка; 94 – Иртюбяк I поселение; 95 – Ялчинское поселение; 96 – Ялчинское II поселение; 97 – Николаевские курганы (Елена); 98 – пещера Неолитовая; 99 – Даниловка – 5, поселение; 100 – Верхние Услы – 2, курганный могильник; 101 – Сарайсино – 2, курганный могильник; 102 – Уметбаево – 1, курганный могильник; 103 – Стерлинский курган; 104 – Веселый – 1, курганный могильник; 105 – Кашакара – 1, курганный могильник; 106 – Уметбаево – 2, курганный могильник; 107 – Ялчикаево – 2, курганный могильник; 108 – Бахчинский клад; 109 – Ибракаевский клад; 110 – Красноярский клад; 111 – клад у Долгой горы; 112 – Туманчинская находка топора; 113 – Туманчинский курганный могильник; 114 – Айтугановская находка топора; 115 – Стерлибашевская находка топора; 116 – Новомусино – 2, курганный могильник; 117 – Ахмерово – 3, стоянка; 118 – Красноярский клад; 119 – Ишеево – 2, селище; 119 – Ишмухаметовский могильник; 120 – Ахмеровский II могильник; 133 – Тихоновский клад.

Рудники и рудопроявления: 121 – Антоновка; 122 – Конаревка; 123 – Дарьино; 124 – Старая Уралка; 125 – кордон на г. Зиргантау; 126 – Михайловское II; 126 – Воскресенское; 127 – Красногорка (урочище «Мазарный дол»); 128 – Красный Яр; 129 – Красноярское; 130 – Александровка; 131 – Самаро – Ивановка; 132 – Сандин.

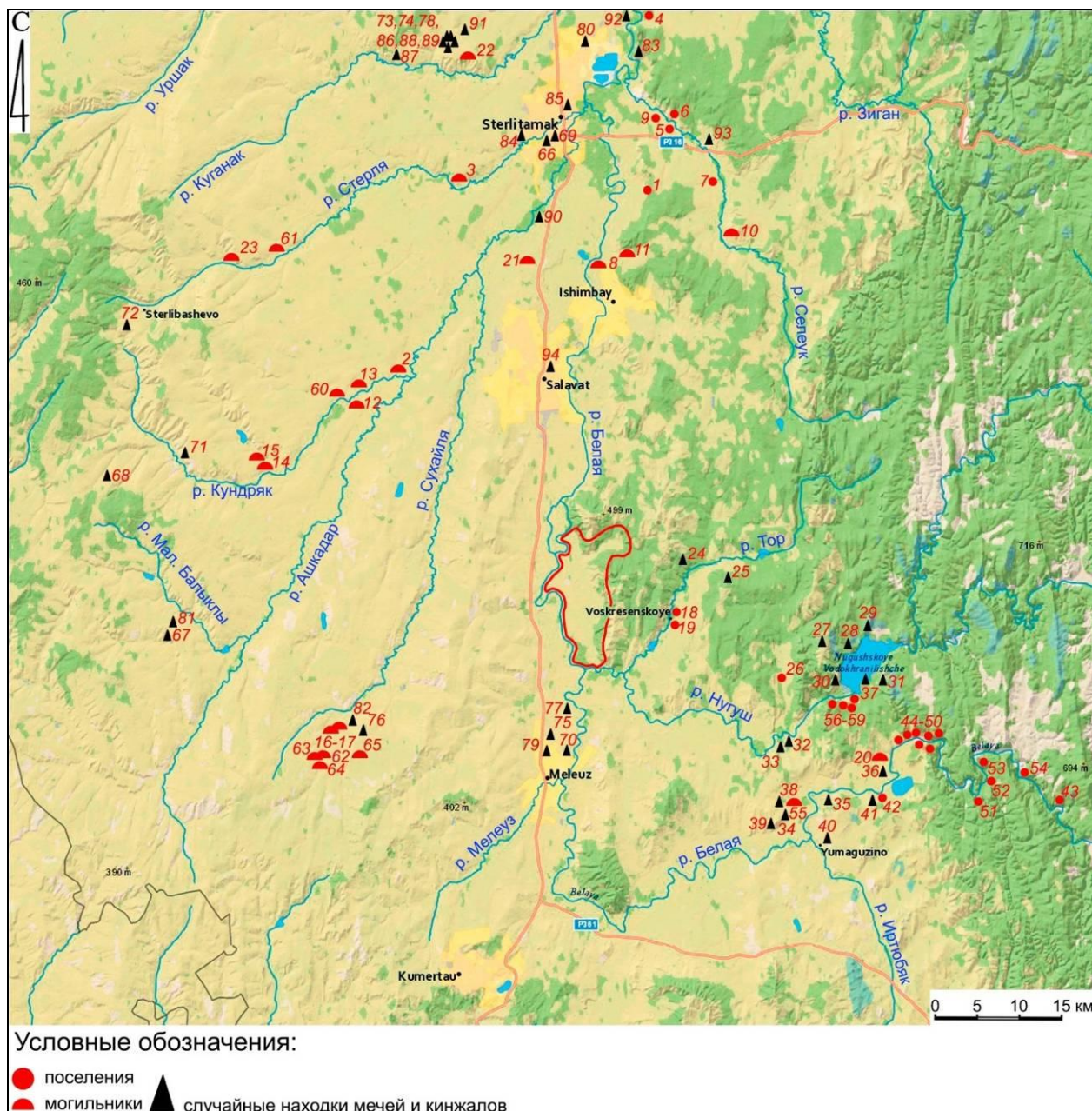

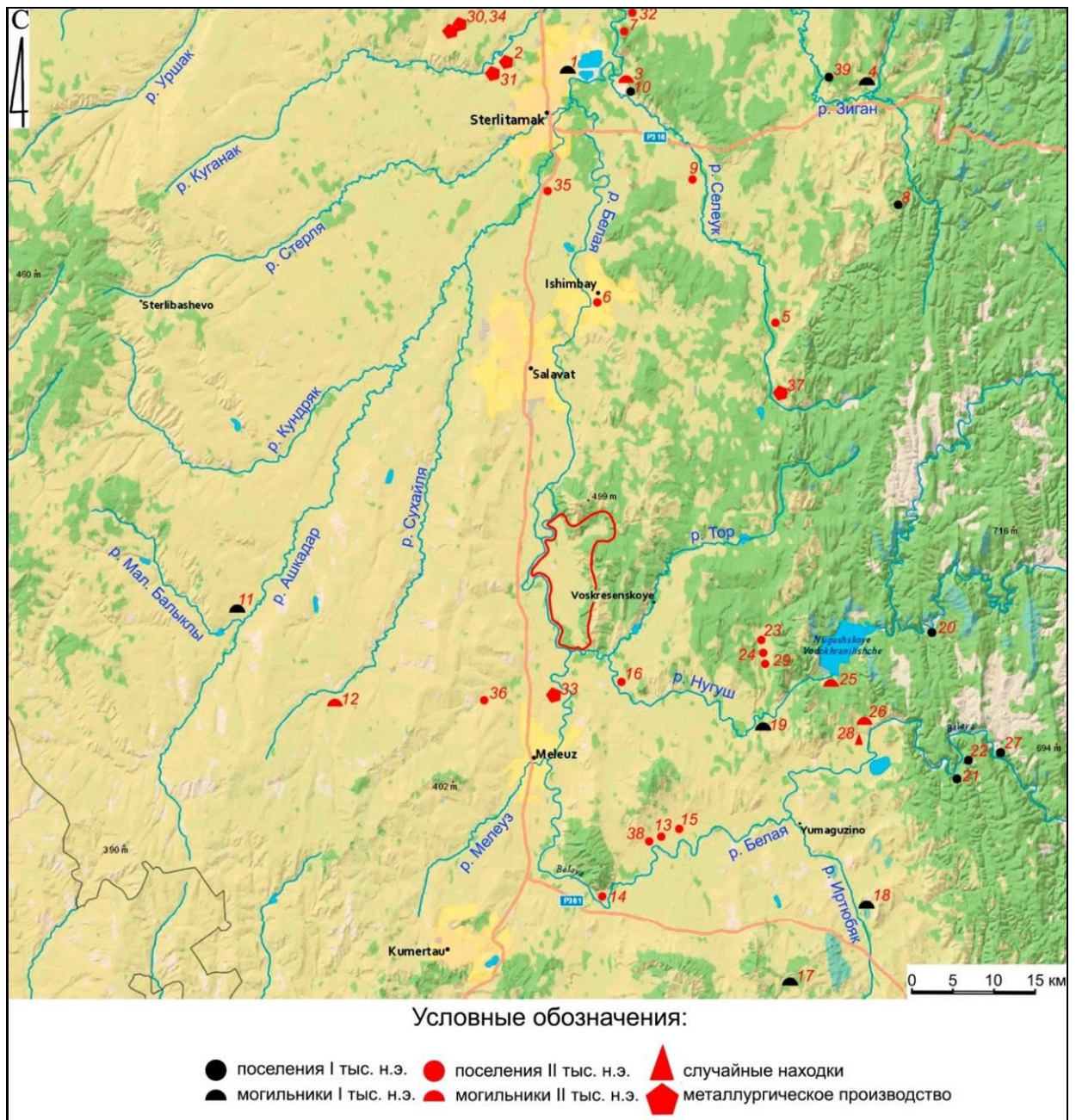
Рис. 4. Археологические памятники эпохи РЖВ
(карта составлена автором):

1 – Туратау – 1, городище; 2 – Веденовка – 1, курганный могильник; 3 – Веселый – 1, курганный могильник; 4 – Юрактау – 1, святилище; 5 – Ишеево – 2, селище; 6 – Ишеево – 4, городище; 7 – Канакаево – 1, селище; 8 – Кашкарские курганы; 9 – Михайловка – 1, селище; 10 – Салиховские курганы; 11 – Богдановка – 1, курганный могильник; 12 – Елимбетовские курганы; 13 – Уметбаево – 1, курганный могильник; 14 – Кундрякские менгиры; 15 – Уметбаево – 2, курганный могильник; 16 – Юрматинские I курганы; 17 – Юрматинские III курганы; 18 – Воскресенское городище; 19 – Воскресенское селище; 20 – Сыртлановский курганный могильник; 21 – Помряскинские курганы; 22 – Асавбашевские курганы; 23 – Ново – Калкашевский II курганный могильник; 24 – находка клинка у х. Кузнецовский; 25 – находка клинка у с. Верхотор; 26 – Хлебодаровка – 2, стоянка; 27 – находка клинка у Нугушского вдхр.; 28 – 31, 37 – находки из школьного музея п. Нугуш; 32, 33 – находки клинков между дд. Абитово и Иткучуково; 34 – Акназаовская находка клинка; 35 – Нарбутовская находка клинка; 36 – Сыртлановская находка клинка; 38 – меч из Иштуганово – 1, курганный могильник; 39 – Иштугановская находка клинка; 40 – Юмагузинская находка клинка; 41 – Находка клинка из Азана – Таш – 2; 42 – Находка клинка из Азана – Таш – 1; 43 – Ворота Аркаляна; 44 – Кузнецовский – 1, стоянка; 45 – Кузнецовский – 2, стоянка; 46 – Курянуй – 1, стоянка; 47 – Калмаш – 1, стоянка; 48 – Калмаш – 2, стоянка; 49 – Азануй – 1, поселение; 50 –

Верхнебиккузино – 2, стоянка; 51 – Каргисаар – 1, стоянка; 52 – Акаваз – 1, стоянка; 53 – Акаваз – 3, стоянка; 54 – Сакаска – 1, поселение; 55 – Сыртланово – 2, курганный могильник; 56 – Афанасьевская стоянка; 57 – Сергеевка – 1, стоянка; 58 – Сергеевка – 4, стоянка; 59 – Усть – Акаваз – 1, стоянка; 60 – Сарайсино – 2, курганный могильник; 61 – Николаевский курганы; 62 – Хитровский I одиночный курган; 63 – Хитровский II курганный могильник; 64 – Ялчикаево II курганный могильник; 65 – Илькинеево – 1, одиночный курган.

Находки клинков приводятся по: [Исмагилов, 2001. С. 117 – 147 с указанием порядкового №] 66 – Исмагилов (далее Исм.) – 7; 67 – Исм. – 10; 68 – Исм. – 16; 69 – Исм. – 27; 70 – Исм. – 34; 71 – Исм. – 39; 72 – Исм. – 41; 73 – Исм. – 42; 74 – Исм. – 56; 75 – Исм. – 67; 76 – Исм. – 69; 77 – Исм. – 74; 78 – Исм. – 78; 79 – Исм. – 82; 80 – Исм. – 84; 81 – Исм. – 90; 82 – Исм. – 95; 83 – Исм. – 96; 84 – Исм. – 111; 85 – Исм. – 118; 86 – Исм. – 121; 87 – Исм. – 125; 88 – Исм. – 128; 89 – Исм. – 130; 89 – Исм. – 130; 90 – Исм. – 135; 91 – Исм. – 138; 92 – Исм. – 148; 93 – Исм. – Ж; 94 – Исм. – Р.

Рис. 5. Археологические памятники эпохи средневековья
(карта составлена автором):

- 1 – Левашовский (Стерлитамакский) могильник; 2 – Муравьевский металлургический комплекс; 3 – Шахтау – 1, могильник; 4 – Нижнеарметово – 1, курганный могильник; 5 – Азнаевске селище; 6 – Ишимбайская стоянка; 7 – Куштау (Южное) селище; 8 – Муксимовская пещера; 9 – Канакаево – 2, селище; 10 – Селеук (Восток) селище; 11 – Старый Четырман – 1, могильник; 12 – Таймасовский курган; 13 – Бельское III селище; 14 – Тюбякский могильник; 15 – Аптраковское селище; 16 – Смаковское селище; 17 – Бекечевский курган; 18 – Калаевские курганы; 19 – Иткучуковское погребение; 20 – пещера Неолитовая; 21 – Акаваз – 1, стоянка; 22 – Каргисаар – 2, стоянка; 23 – Хлебодаровка – 3, селище; 24 – Хлебодаровка – 4, селище; 25 – Нугуш – 2, курганный могильник; 26 – Сыртланово – 2, курганный могильник; 27 – Сакаска – 1, стоянка; 28 – Сыртлановская находка копья; 29 – Хлебодаровка – 5, селище; 30 – Талачево – 1, металлургический комплекс; 31 – Новое Барятино – 1, металлургическое производство; 32 – Красный Яр селище; 33 – Бакита, металлургическое производство; 34 – Талачево – 2, местонахождение шлаков; 35 – Покровка – 1, селище; 36 – Романовка – 1, стоянка (с. Троицкое); 37 – д. Уразбаево, металлургическое производство; 38 – Апасевское селище

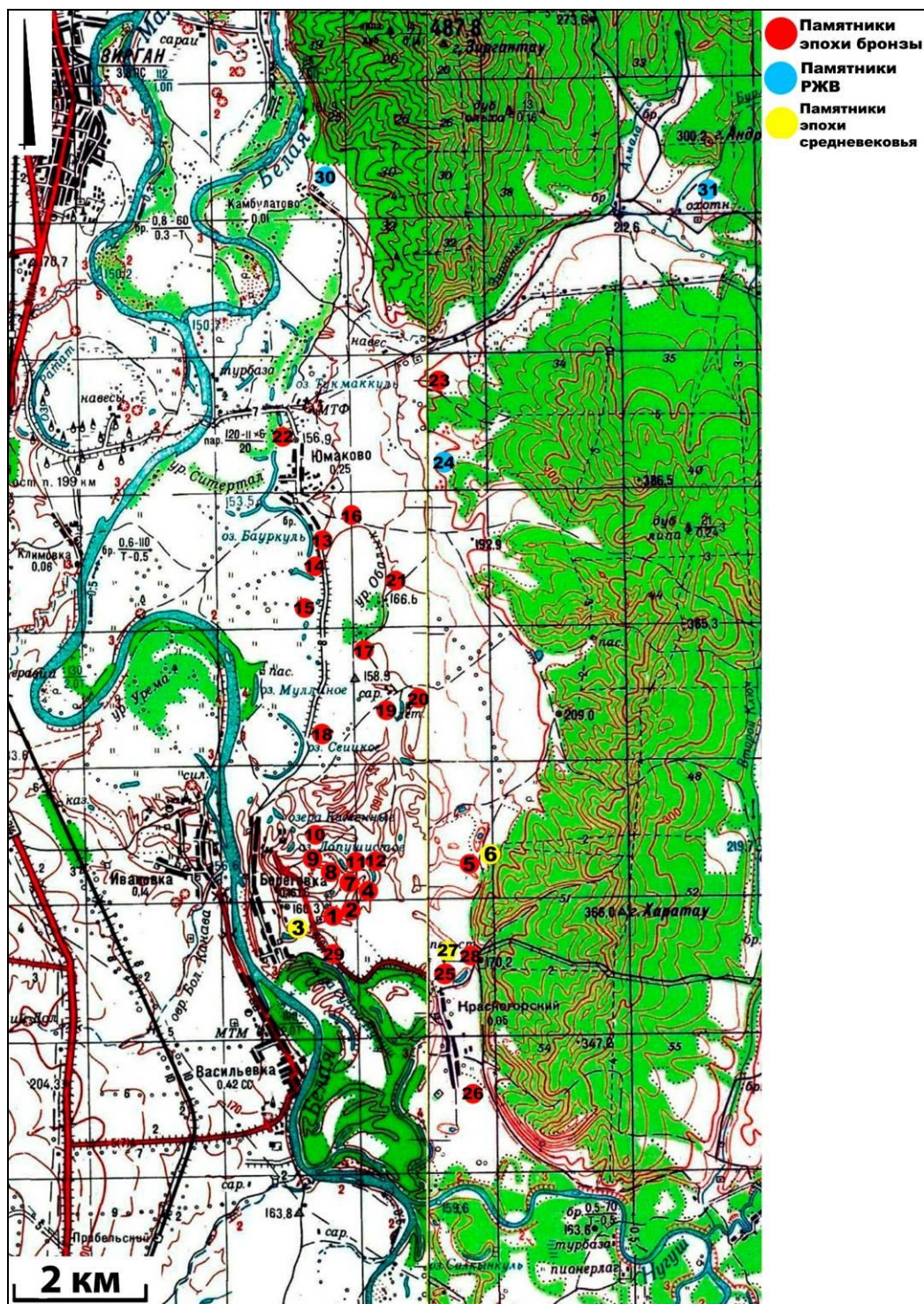

Рис. 6. Береговский АМР. Карта с расположением памятников (карта составлена автором):

1-Береговское I поселение; 2-Береговское II поселение; 3-Береговское III селище; Береговка-4, селище; 5-Береговский I курганный могильник; 6-Береговский II одиночный курган; 7-Озерки I стоянка; 8-Озерки II стоянка; 9-Озерки III стоянка; 10-Озерки IV стоянка; 11-Озерки-5, стоянка; 12-Озерки-6, стоянка; 13-Юмаковское I поселение; 14-Юмаковское II поселение; 15-Юмаковское III поселение; 16-Юмаковское IV поселение; 17-Юмаково-5, стоянка; 18-Юмаково-6, поселение; 19-Юмаково-7, стоянка; 20-Юмаково-8, стоянка; 21-Юмаково-9, местонахождение керамики; 22-Юмаковский I курганный могильник; 23-Юмаковский II курганный могильник; 24-Юмаково V одиночный курган; 25-Красногорская-1, стоянка; 26-Красногорский I курганный могильник; 27-Красногорский II курганный могильник; 28-Красногорский III курганный могильник; 29-Студеная I стоянка; 30-Камбулатовский курганный могильник; 31-Дербеневский курганный могильник.

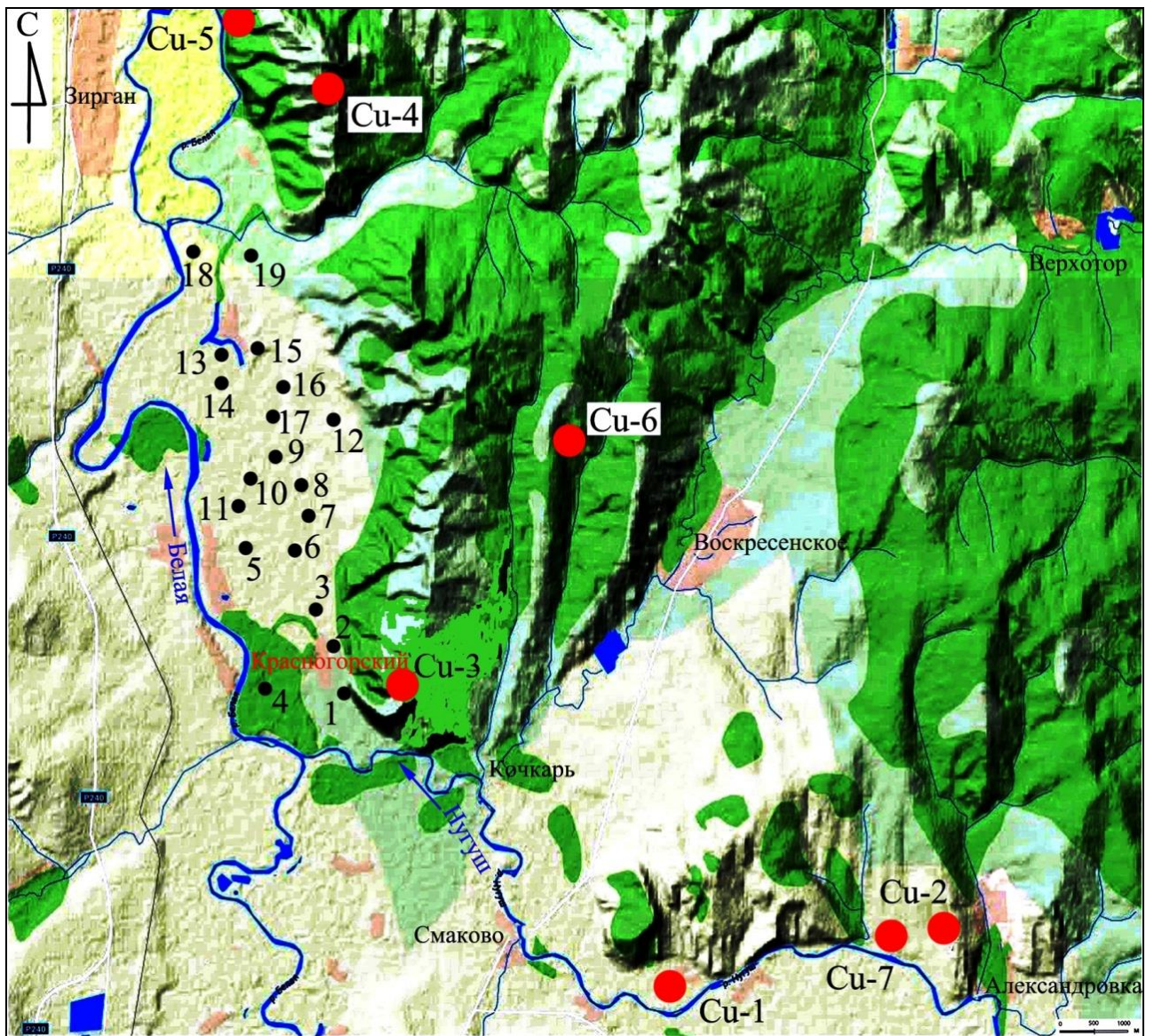

Рис. 7. Археологические памятники эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона и связанные с ними рудопроявления (карта составлена автором):

Археологические памятники микрорайона: 1. Красногорский I могильник; 2. Красногорский III могильник; 3. Красногорская-5, стоянка; 4. Студеная I стоянка; 5. Береговское I поселение; 6. Береговское II поселение; 7. Стоянка Озерки III; 8. Стоянка Озерки-5; 9. Стоянка Озерки II; 10. Стоянка Озерки I; 11. Стоянка Озерки IV; 12. Береговский I могильник; 13. Юмаковское I поселение; 14. Юмаковское II поселение; 15. Юмаковское IV поселение; 16. Юмаковское III поселение; 17. Юмаково-5, стоянка; 18. Юмаковский I могильник; 19. Юмаковский II могильник.

Рудопроявления и пункты минерализации: 1. Рудопроявление у д. Красный Яр; 2. Рудопроявление у д. Александровка; 3. Рудопроявление у д. Красногорка (урочище «Мазарный дол»); 4. Рудопроявление Кордон на г. Зиргантау; 5. Пункт минерализации Михайловское II; 6. Пункт минерализации Воскресенское; 7. Пункт минерализации Красноярское.

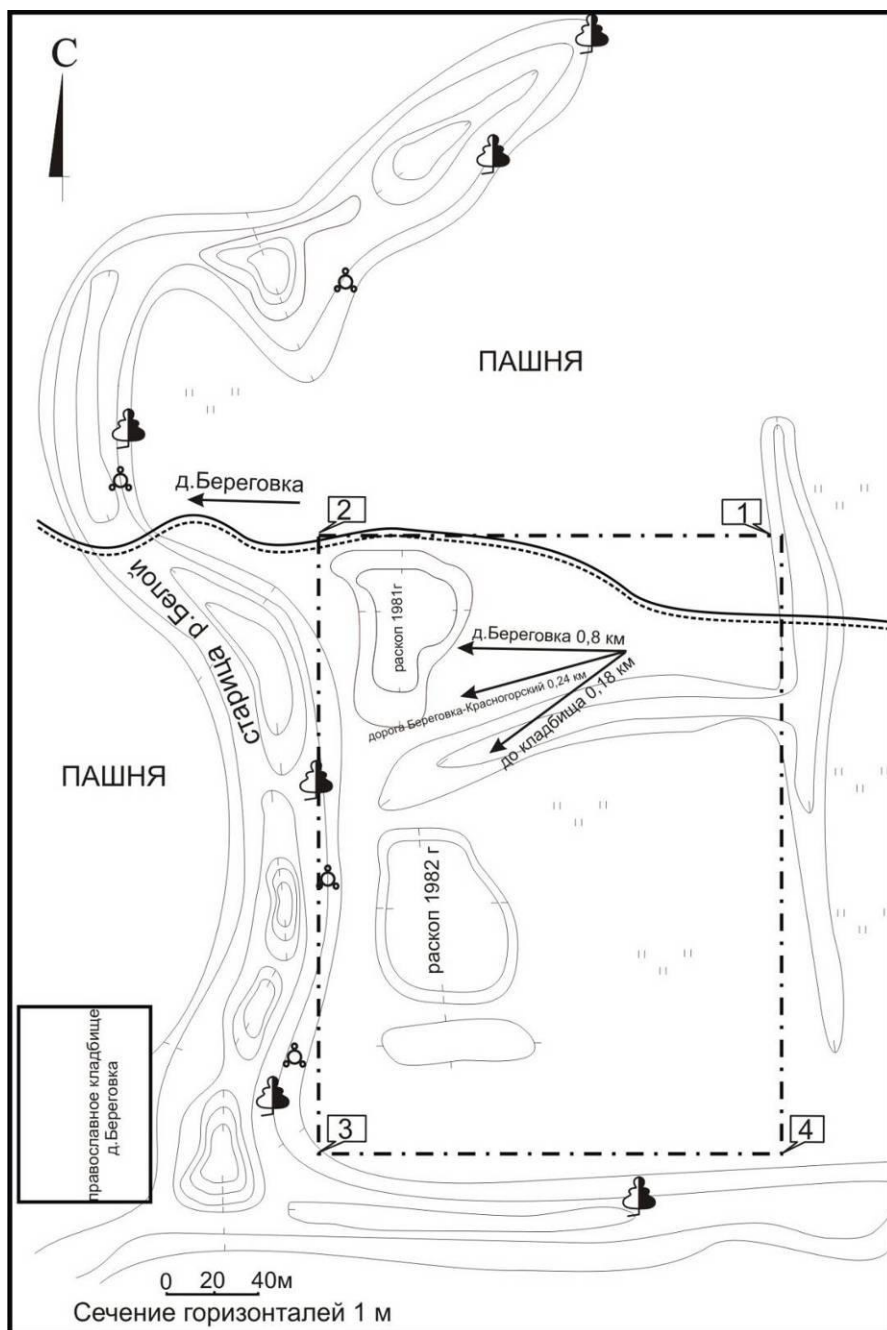

Рис. 8. Береговское I поселение. Топографический план (составлен автором)

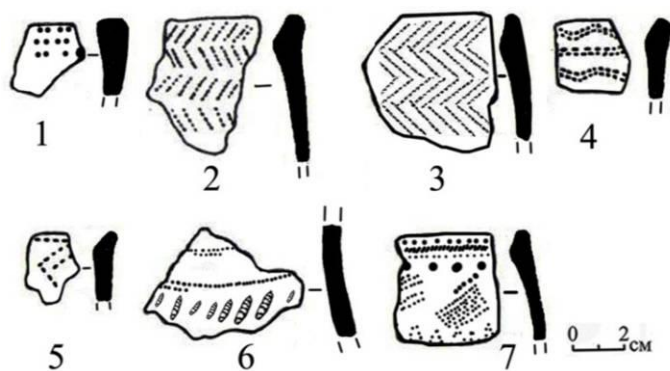

Рис. 9. Береговское I поселение. Энеолитическая керамика [по: Горбунов, 1980. С. 137-150]

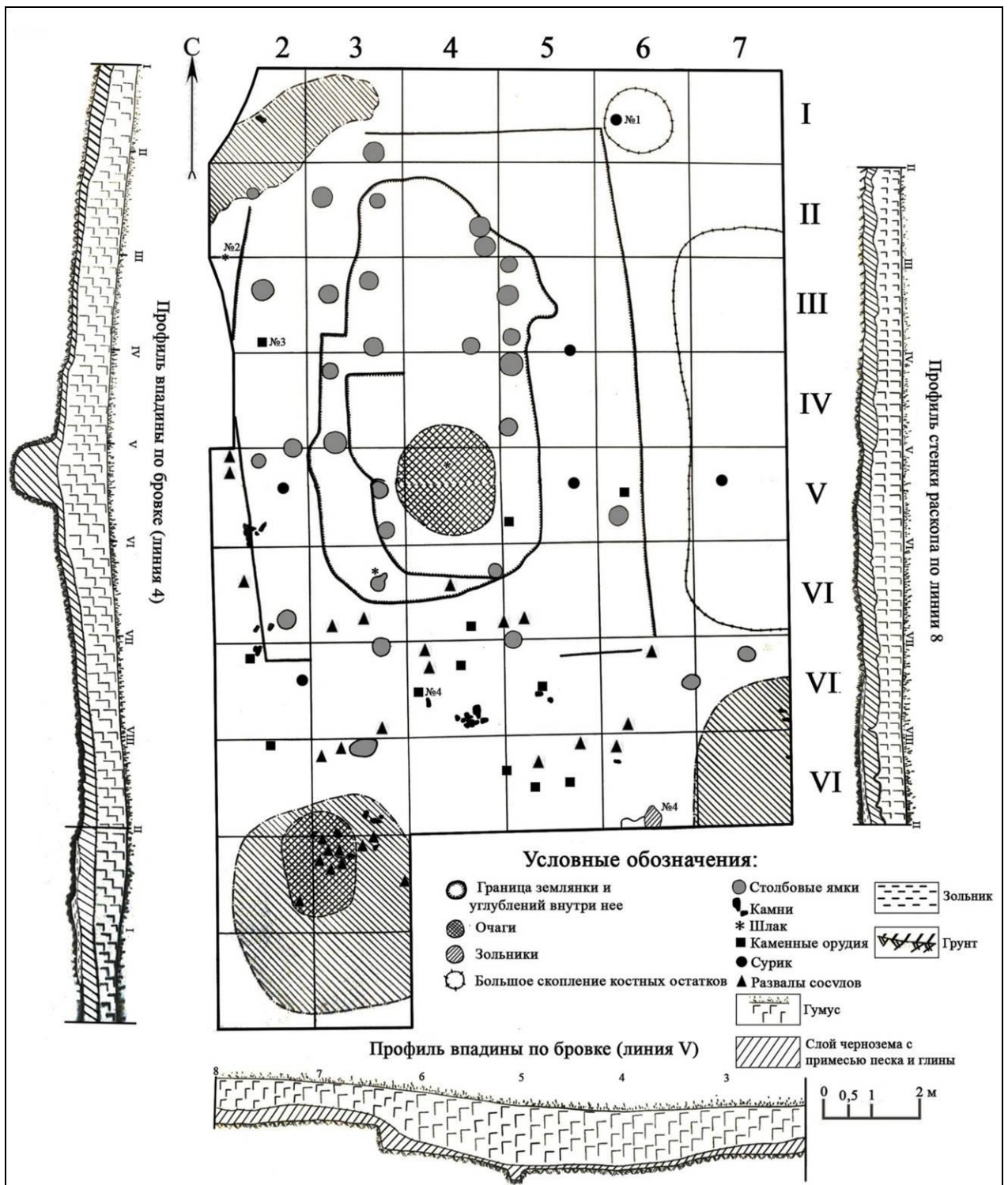

Рис. 10. Береговское I поселение. Постройка №1
[по: Сальников. Отчет, 1955]

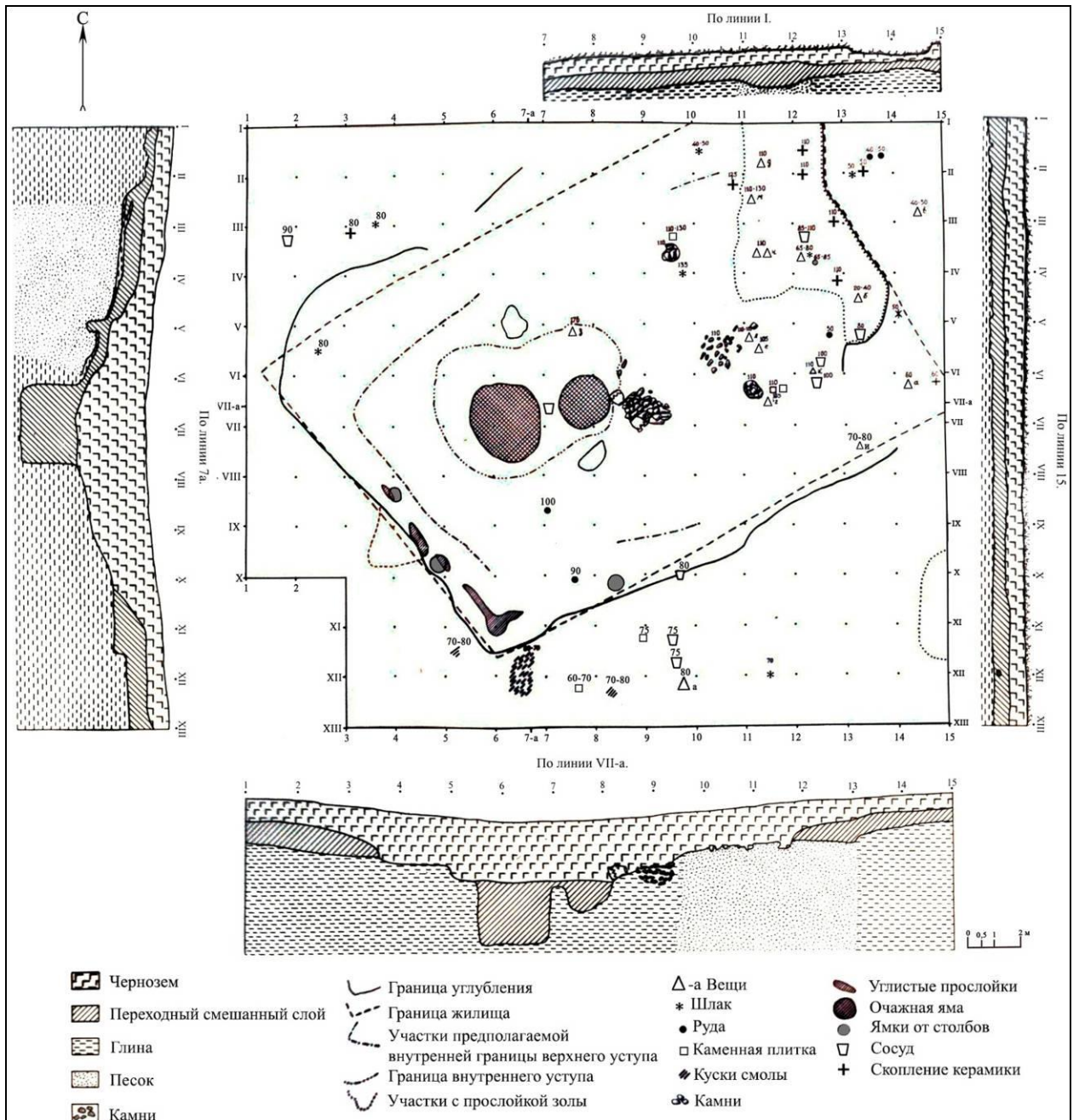

Рис. 11. Береговское I поселение. Постройка №2
[по: Сальников. Отчет, 1955]

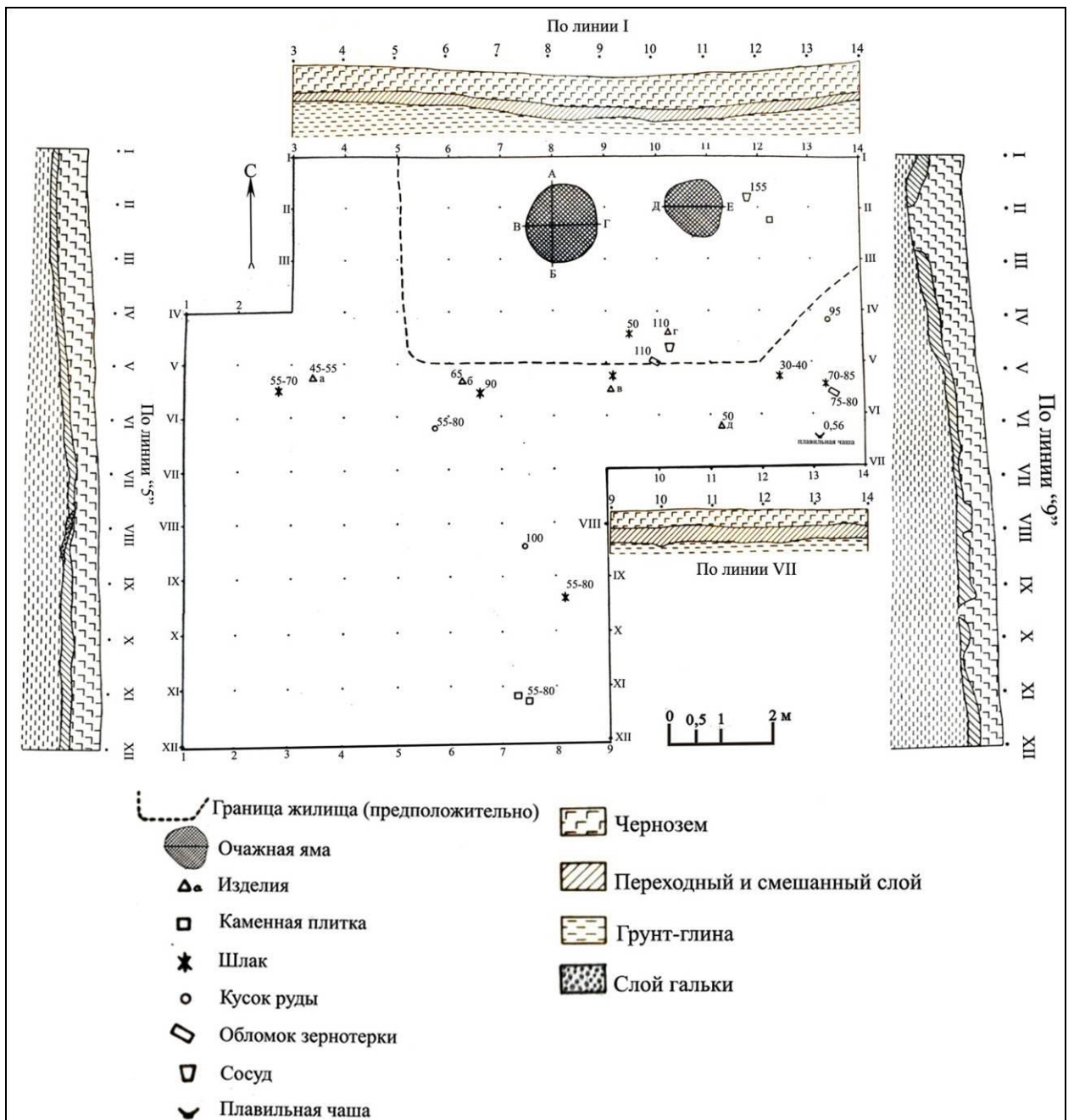

Рис. 12. Береговское I поселение. Постройка №3
[по: Сальников. Отчет, 1955]

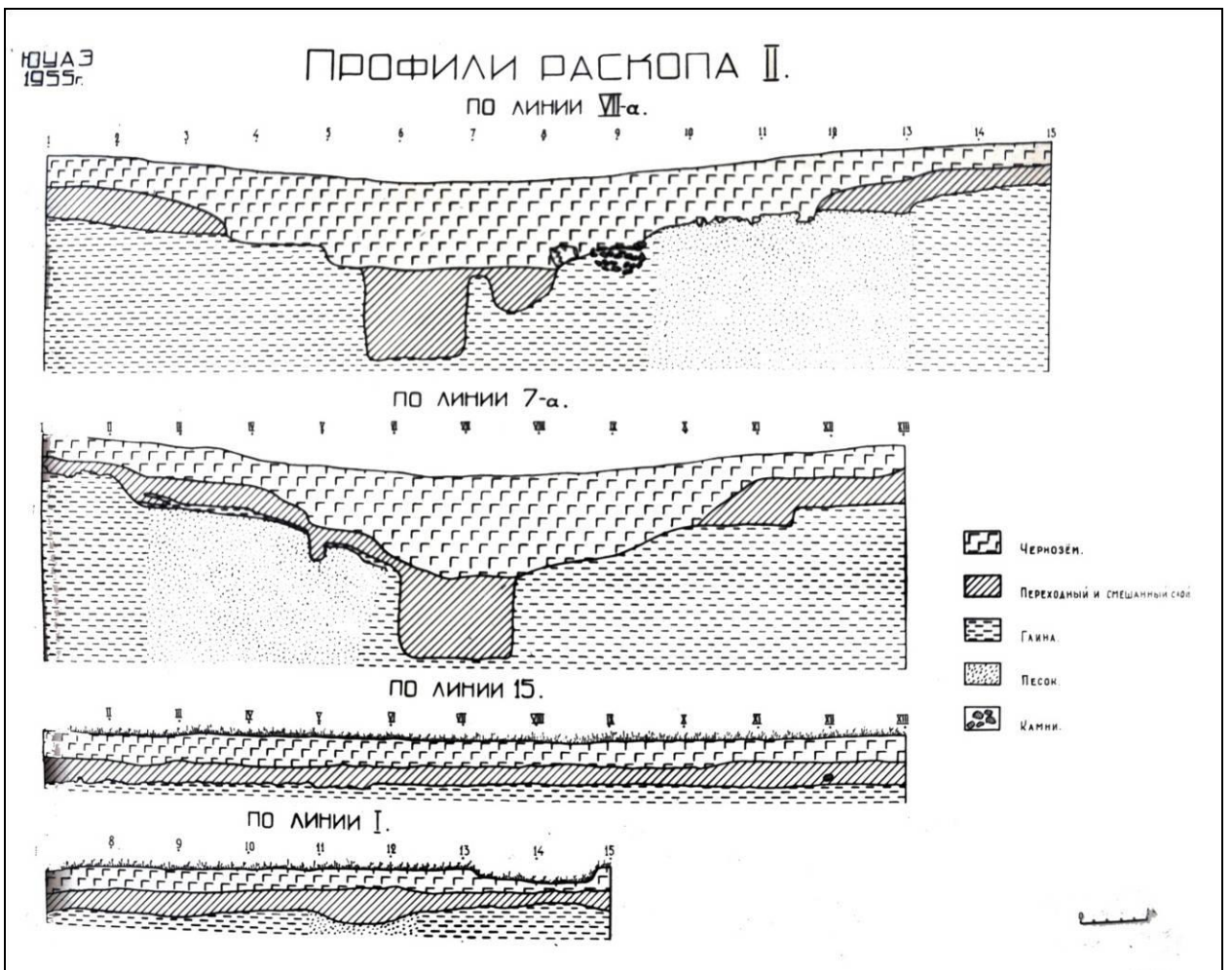

Рис. 13. Береговское I поселение. Профиль раскопа II
[по: Сальников. Отчет, 1955]

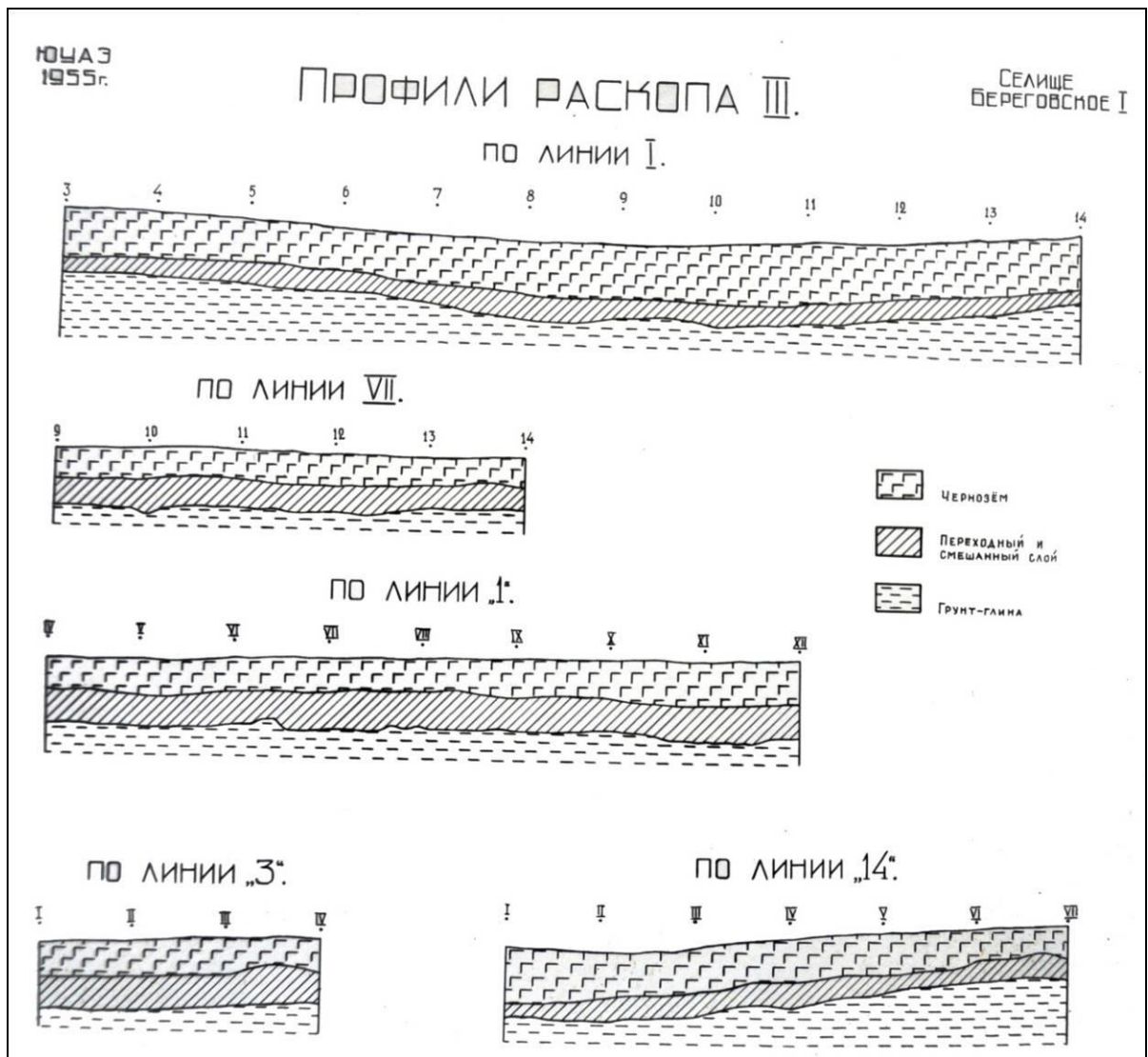

Рис. 14. Береговское I поселение. Профиль раскопа III
[по: Сальников. Отчет, 1955]

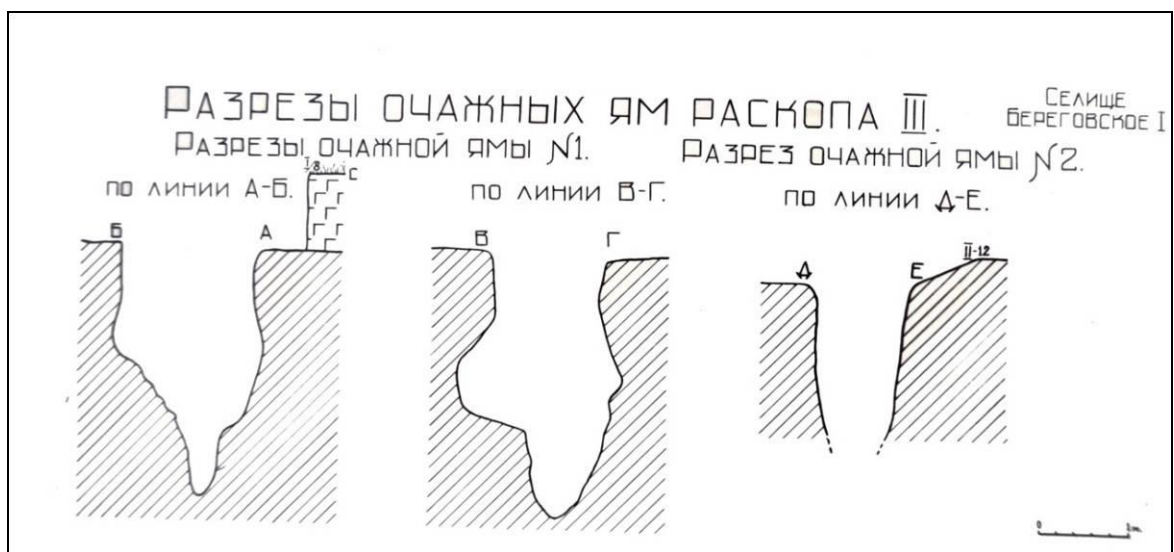

Рис. 15. Береговское I поселение. Раскоп III. Разрезы очажных ям
[по: Сальников. Отчет, 1955]

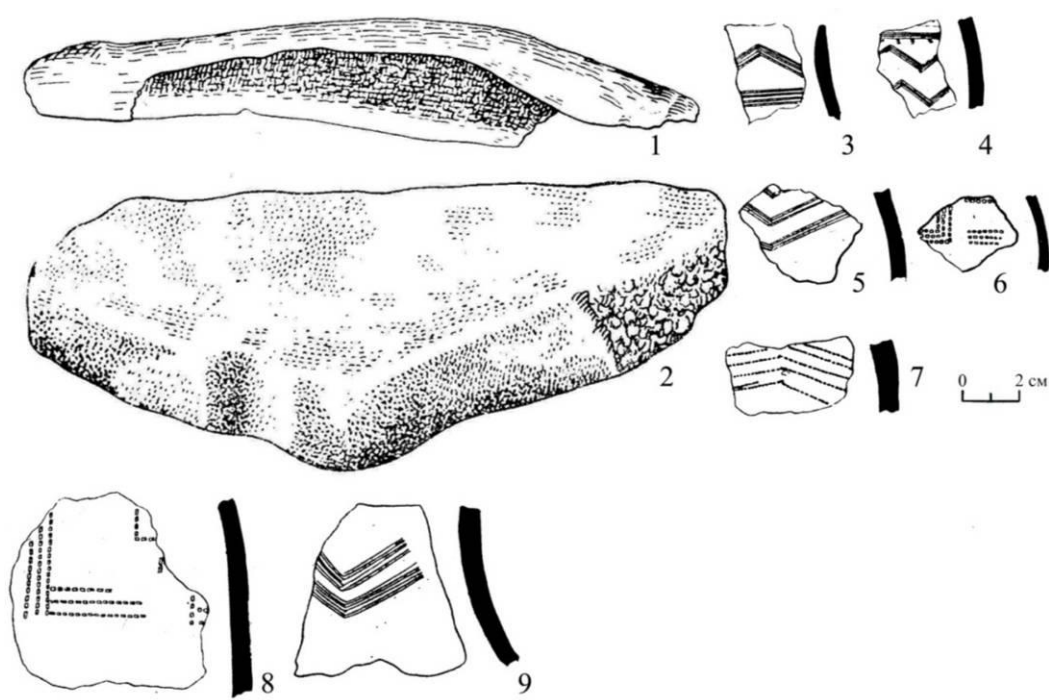

Рис. 16. Береговское I поселение. 1-тупик (кость); 2-каменная плитка; 3-9-алакульская керамика, [по: Сальников, 1967. Рис. 20; Рутто, 2003. Рис. 4]

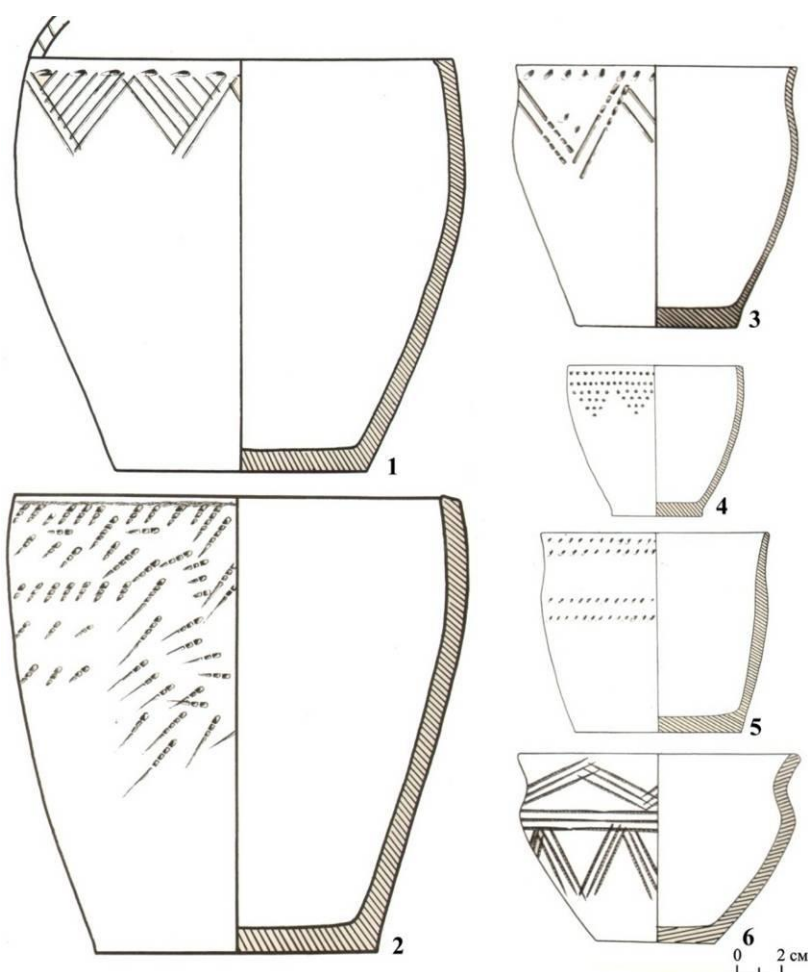

Рис. 17. Береговское I поселение. Раскоп I, бровка. Срубная культура (шифры 102, 257, 800, 2235, 902, 92) [по: Сальников. Отчет, 1955]

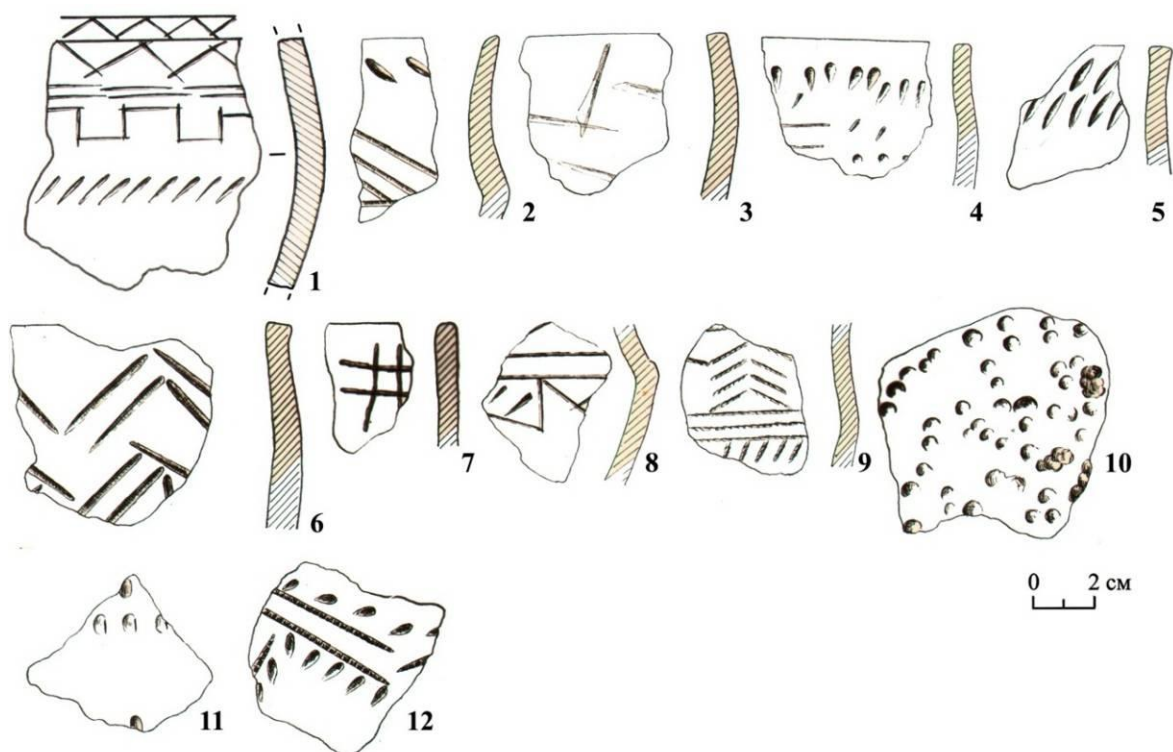

Рис. 18. Береговское I поселение. Раскоп III. Керамика срубной культуры (3-7, 10-12) и миксовая срубно-алакульского керамика (1, 2, 8), [по: Сальников. Отчет, 1955]

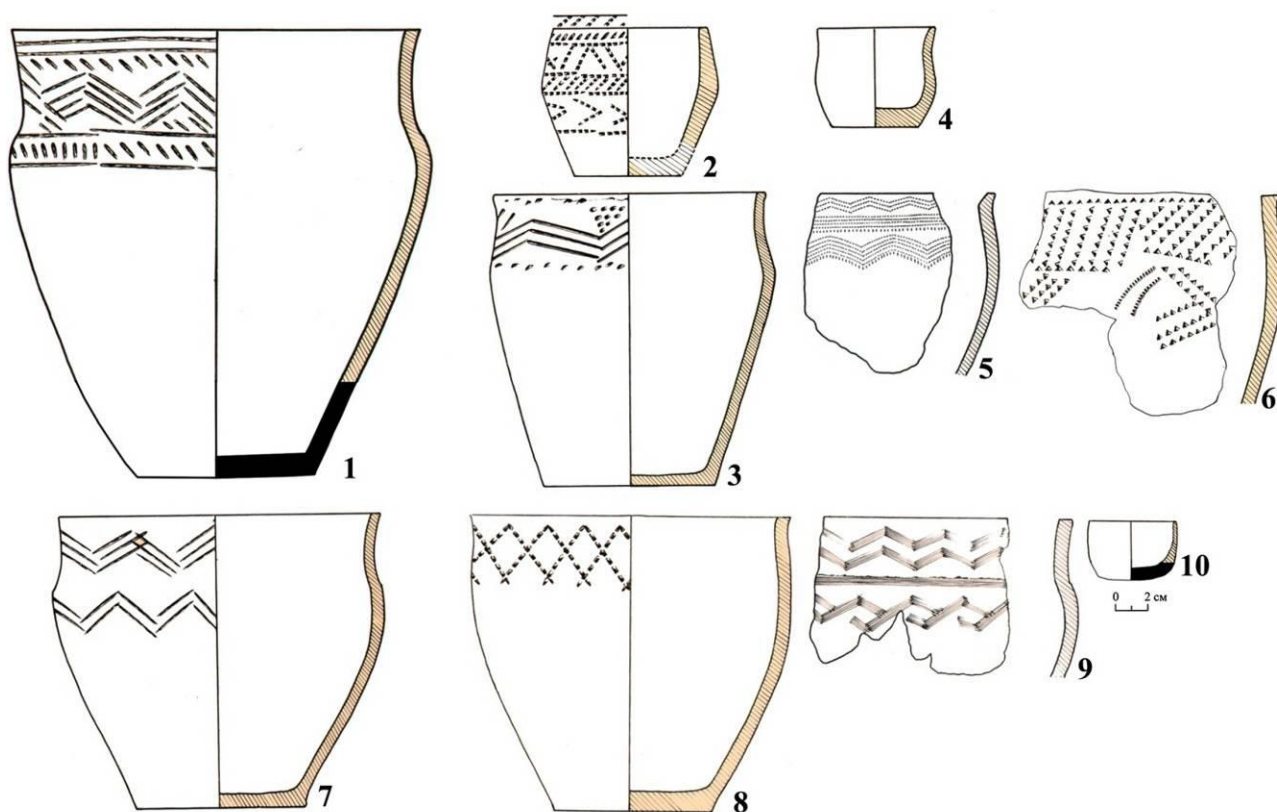

Рис. 19. Береговское I поселение. Раскоп III. Реконструкция горшковидных и баночных сосудов суртандинской (6), срубной (1-4, 7, 8, 10), абашевской (5) и алакульской (9) культур, [по: Сальников. Отчет, 1955]

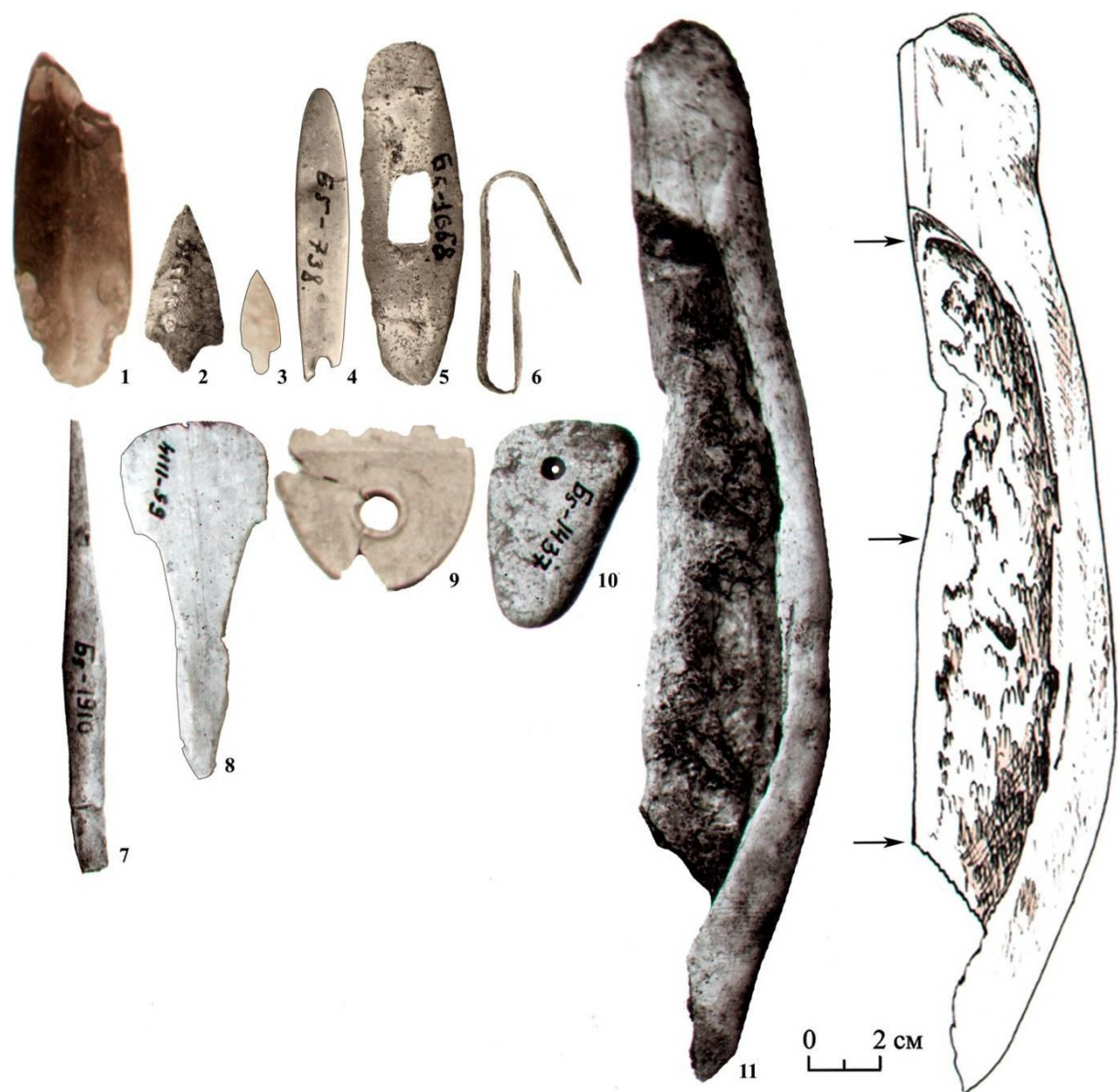

Рис. 20. Береговское I поселение. Раскоп III. Индивидуальные находки: 1-каменный наконечник копья; 2, 3-кремневые наконечники стрел; 4-бронзовая пластина от наконсника; 5-слиток бронзы; 6-бронзовая скоба; 7-костяная проколка; 8-костяная лопаточка; 9-псалий; 10-каменная подвеска; 11-костяной тупик [по: Сальников. Отчет, 1955]

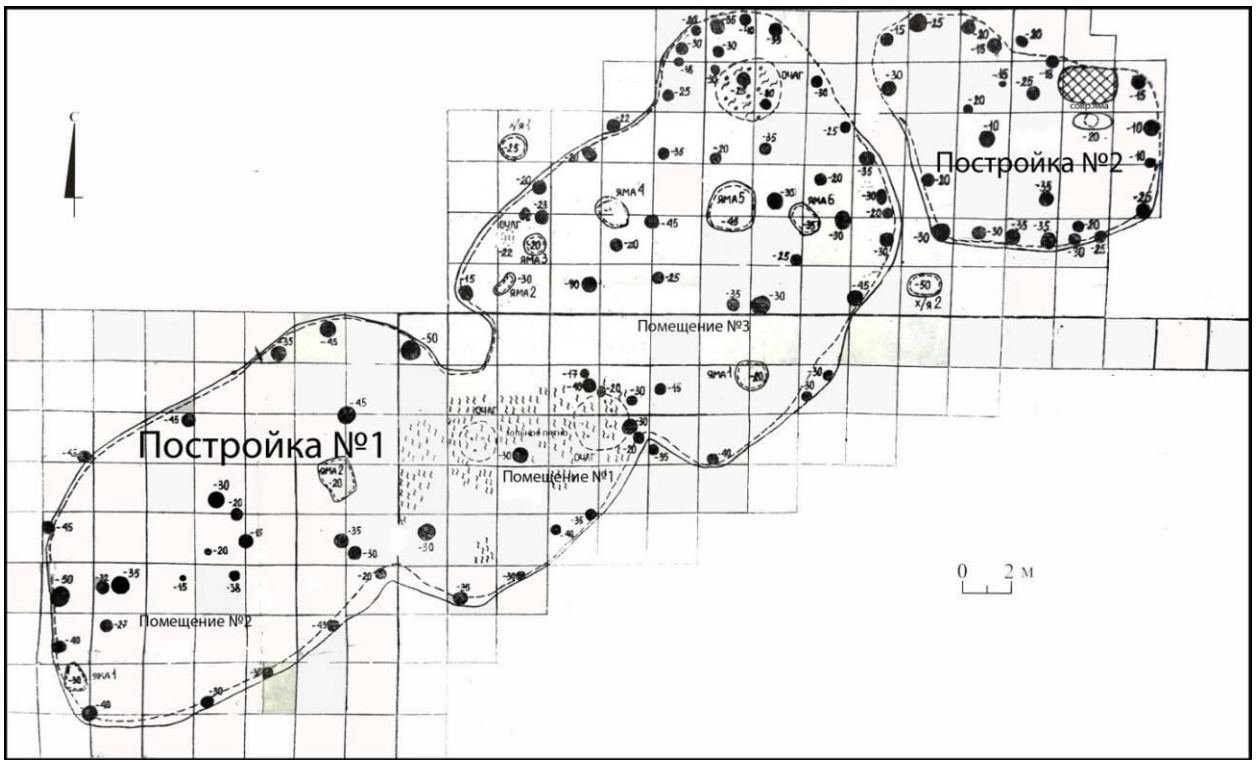

Рис. 21. Береговское I поселение. Постройка №4
[по: Горбунов, 1989]

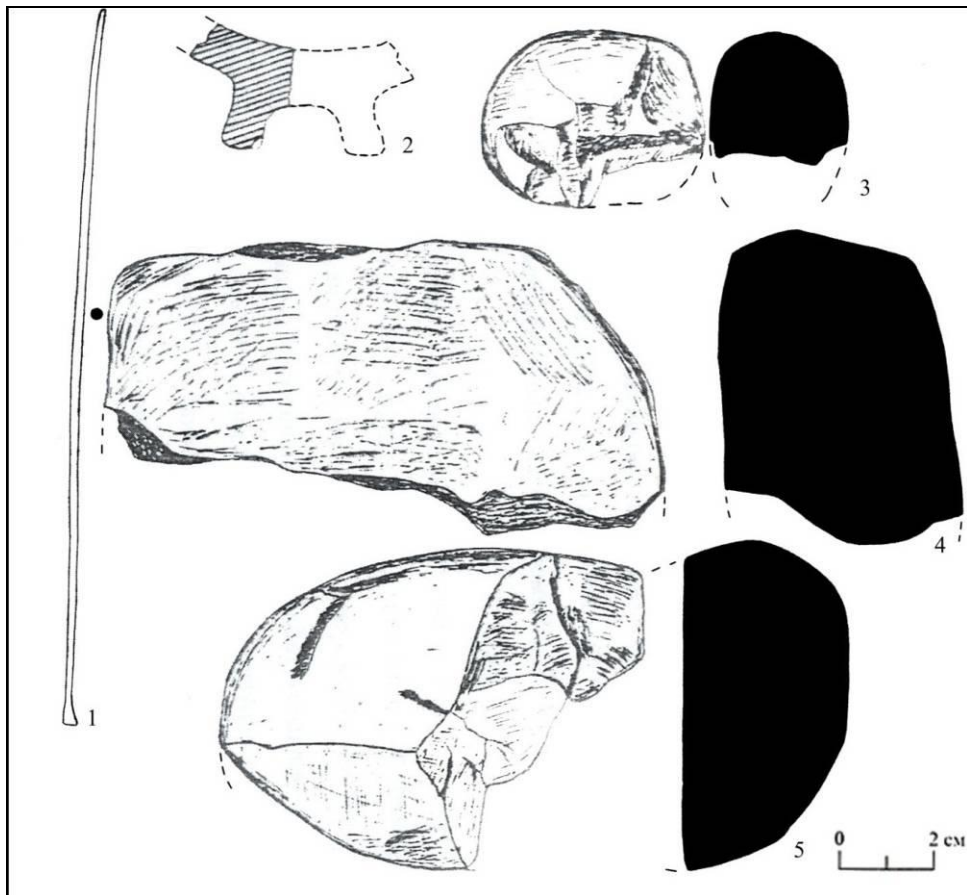

Рис. 22. Береговское I поселение. 1-5-раскоп V. Находки из слоя
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 9]

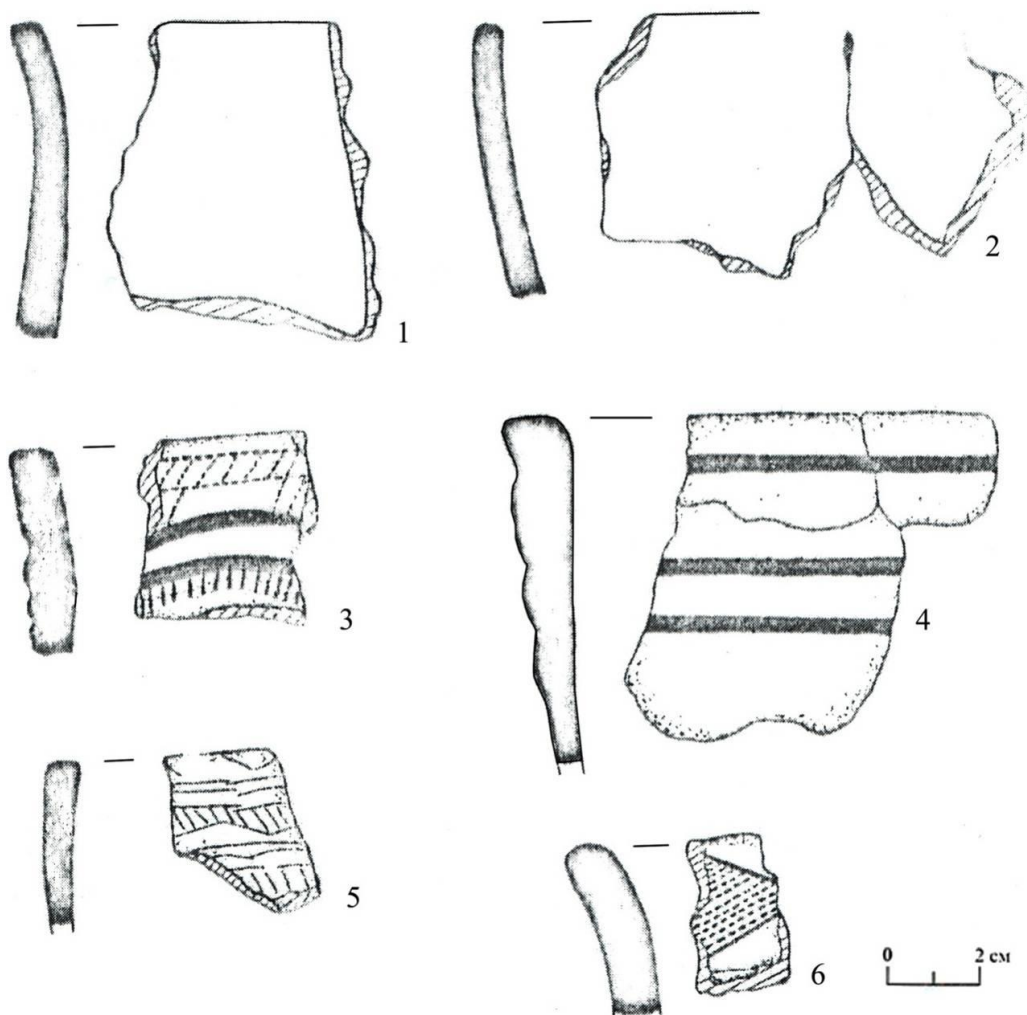

Рис. 23. Береговское I поселение. 1-6-раскоп IV
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 8]

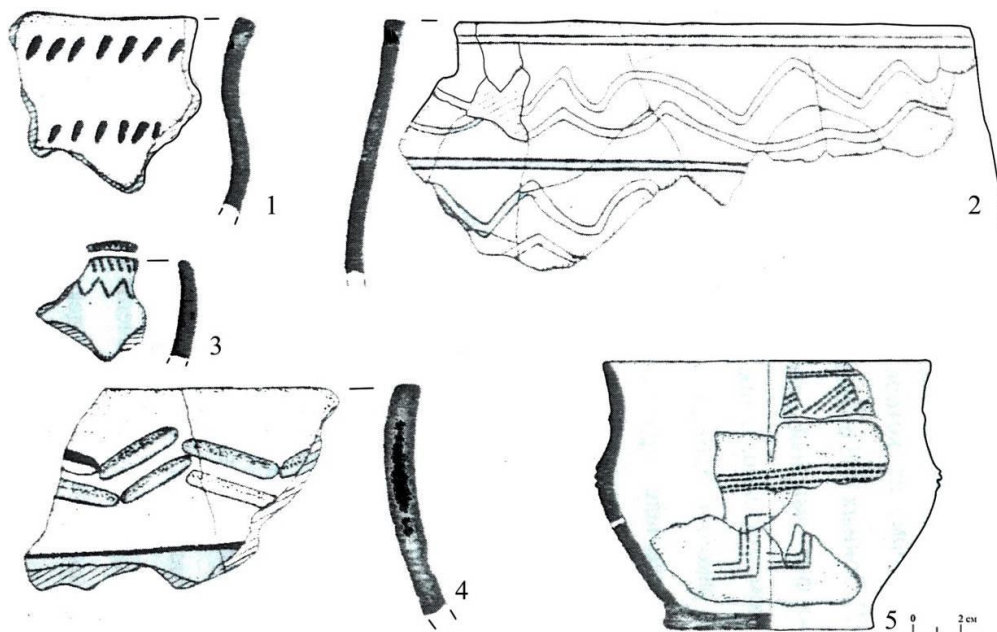
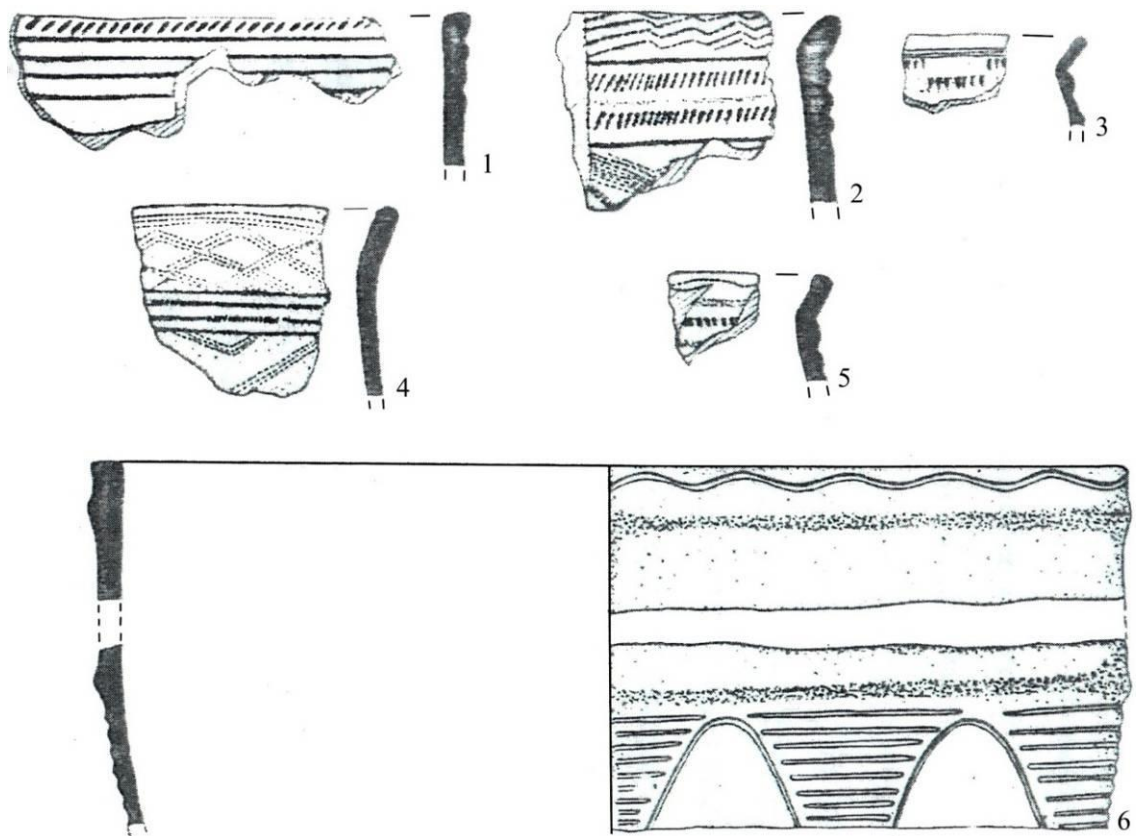

Рис. 24. Береговское I поселение. Керамика раскопа IV. Срубная культура (1-3), алакульская культура (4, 5), [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 10]

Береговское I поселение.

Рис. 25. Береговское I поселение. 1-6-раскоп IV, абашевская керамика
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 11]

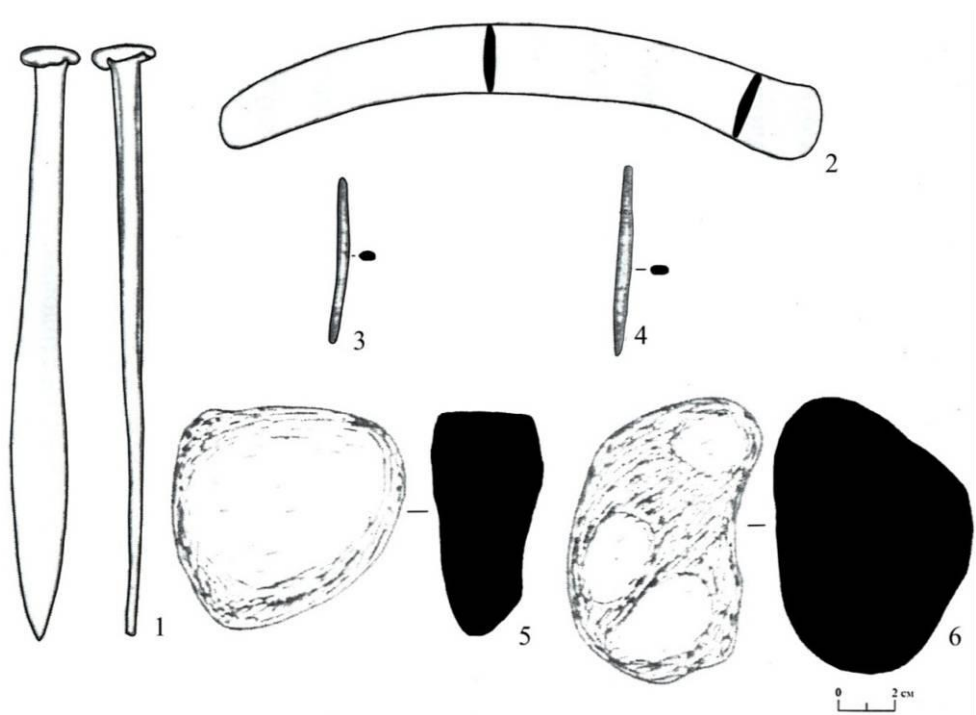

Рис. 26. Береговское I поселение. 1-6 раскоп VI, 1-4-бронза, 5, 6-камень
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 14]

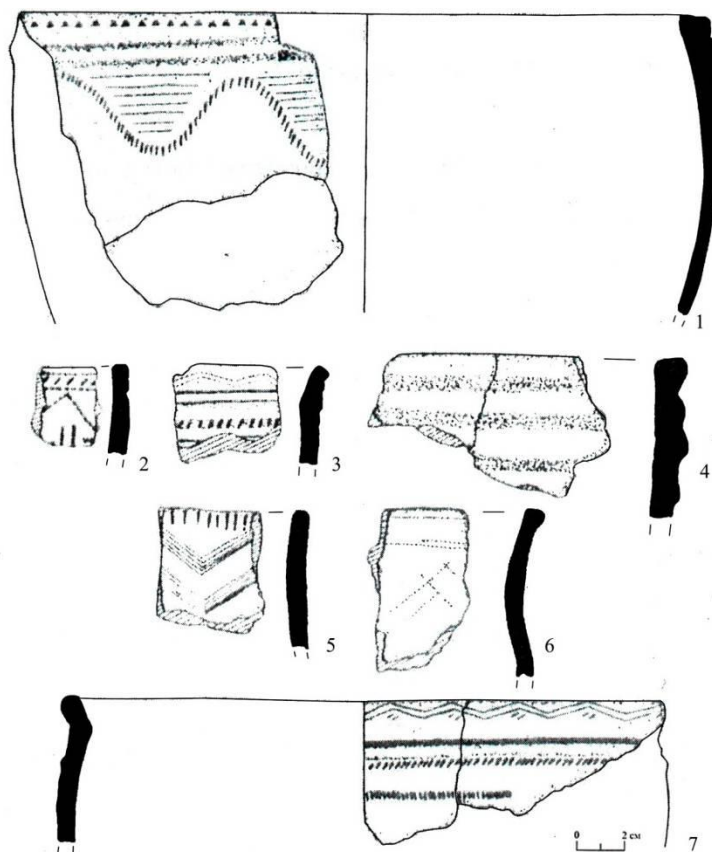

Рис. 27. Береговское I поселение. Раскоп IV, абашевская керамика [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 13]

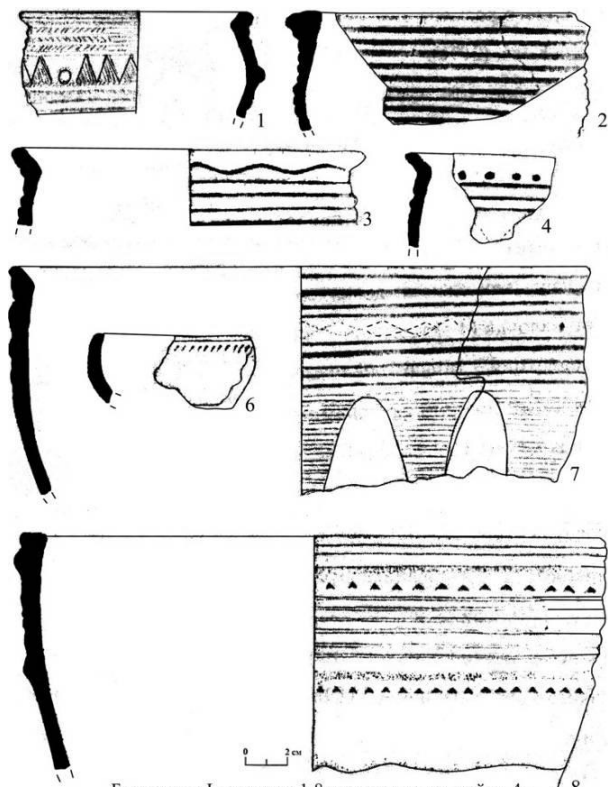

Рис. 28. Береговское I поселение. Постройка IV, абашевская керамика (3, 4, 6, 7), синташтинская керамика (1, 2, 8) [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 16]

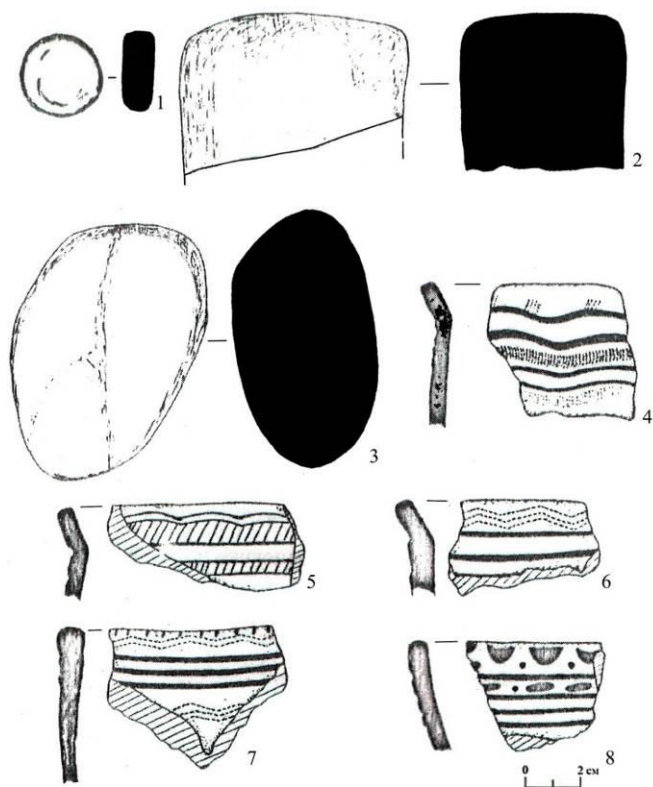

Рис. 29. Береговское I поселение. Постройка IV, абашевская керамика (4-8), каменные орудия 1-3 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 20]

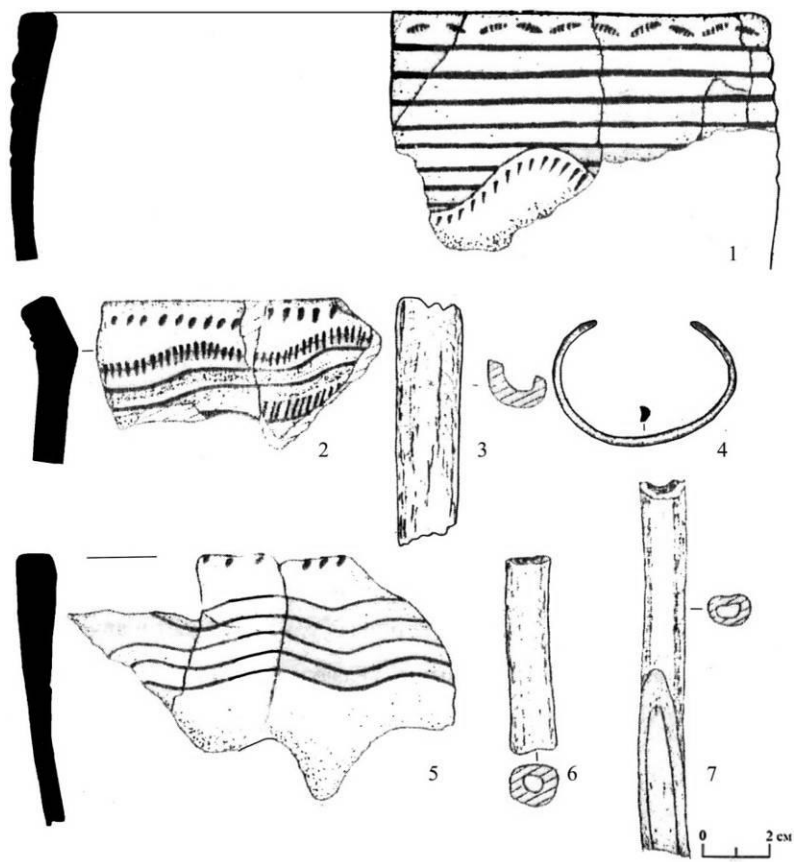

Рис. 30. Береговское I поселение. Постройка IV, абашевская керамика (1, 2, 5), костяные орудия (3, 6, 7), бронзовый браслет (4) [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 19]

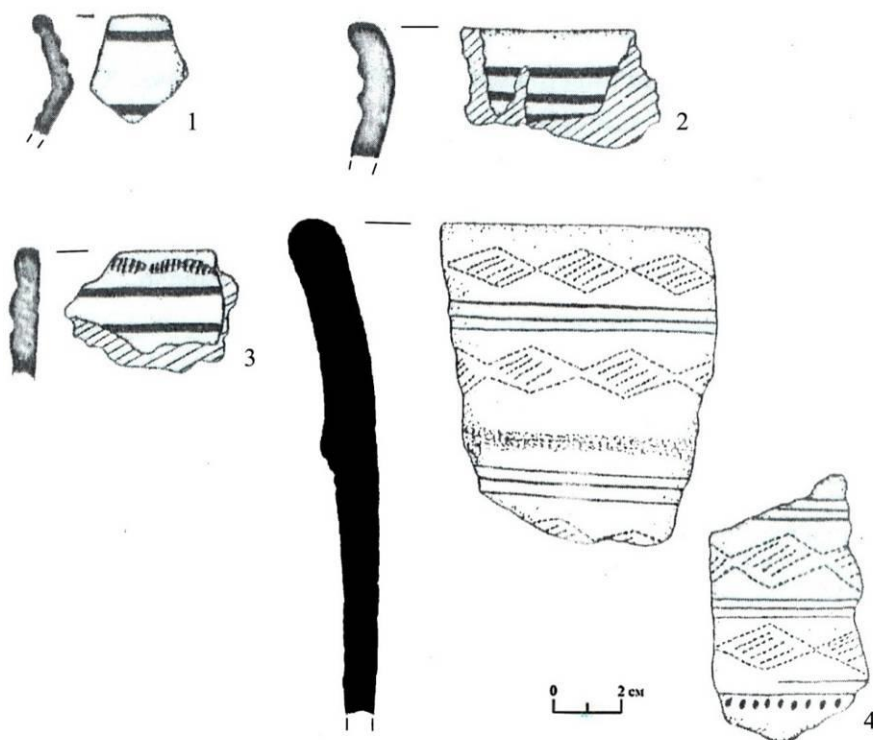

Рис. 31. Береговское I поселение. Постройка IV, абашевская керамика (1-4)
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 18]

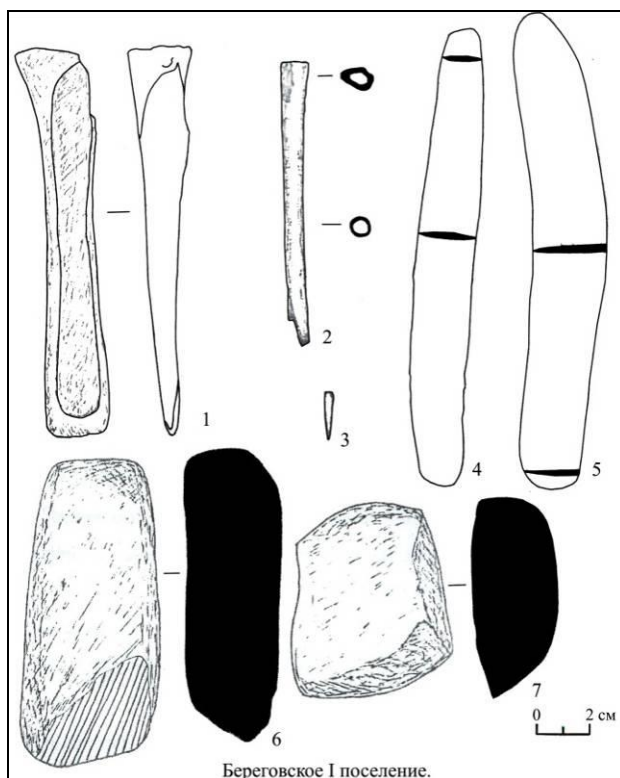

Рис. 32. Береговское I поселение. Постройка IV, костяные орудия (1-3), пластинчатые бронзовые орудия (серпы) (4, 5), каменные орудия (6, 7)
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 17]

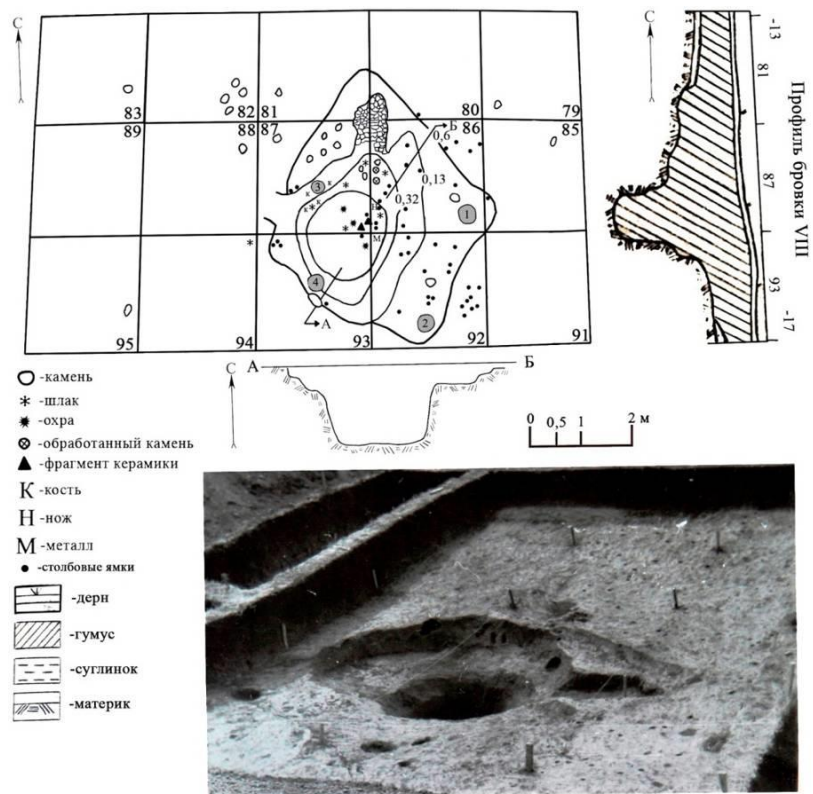

Рис. 33. Береговское I поселение. Постройка V [по: Горбунов. Отчет, 1981. Рис. 23]

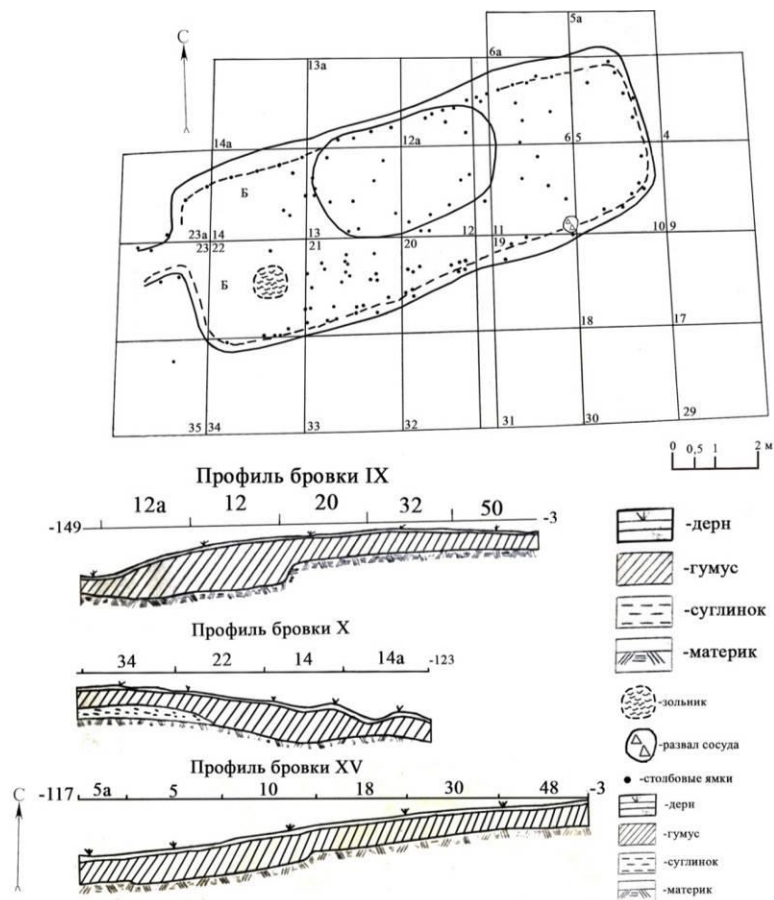

Рис. 34. Береговское I поселение. Постройка VI [по: Горбунов. Отчет, 1981. Рис. 20]

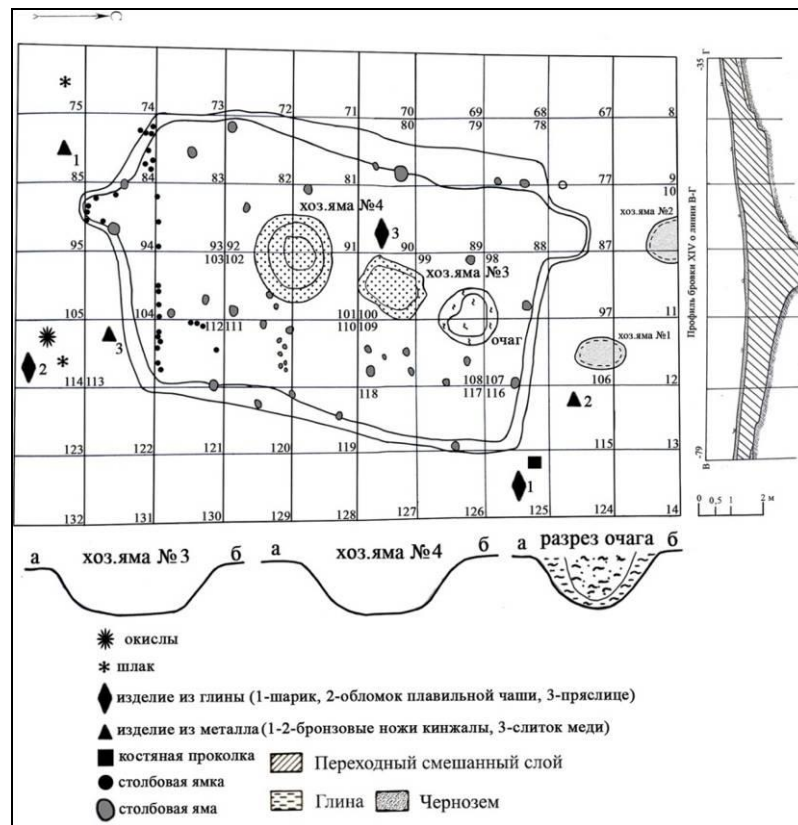

Рис. 35. Береговское I поселение. Постройка VII
[по: Горбунов. Отчет, 1982. Рис. 25]

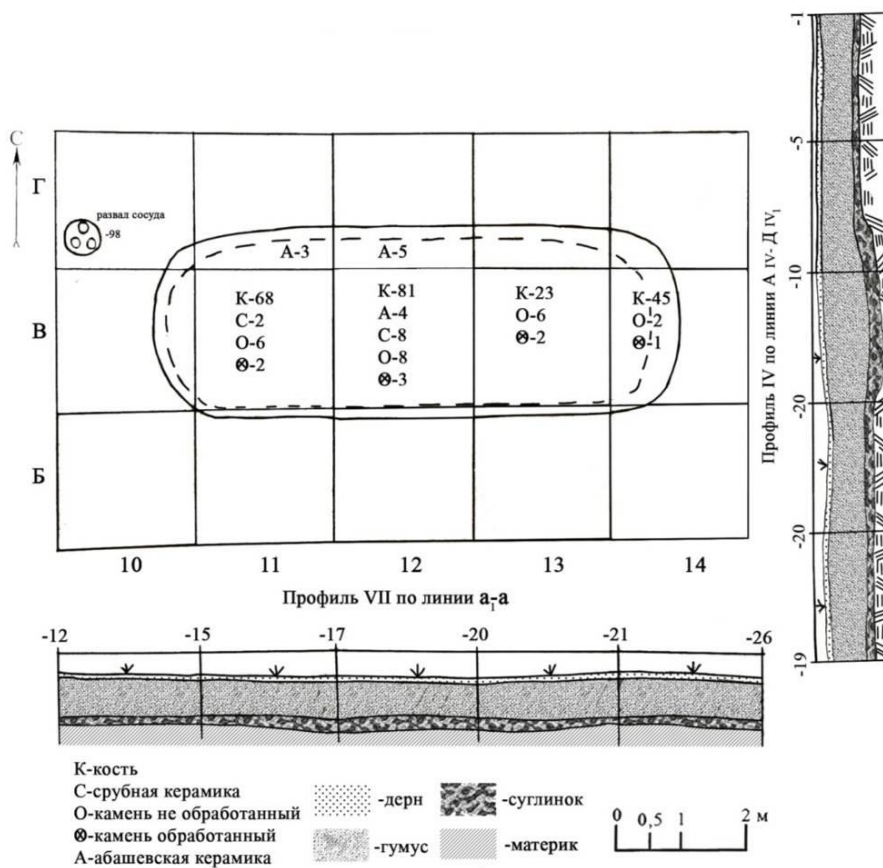
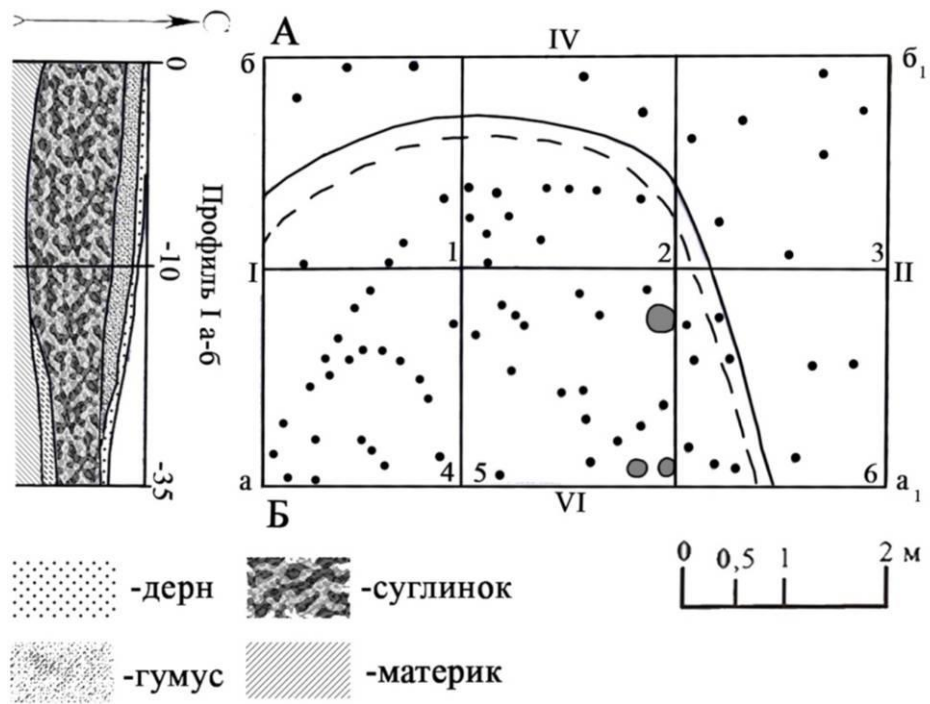

Рис. 36. Береговское I поселение. Постройка VIII
[по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 8]

● - столбовая яма

Рис. 37. Береговское I поселение. Частично исследованная постройка IX [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 15]

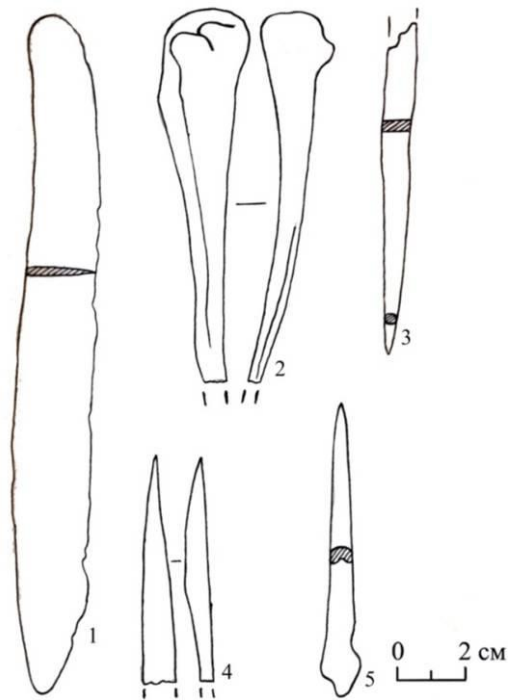

Рис. 38. Береговское I поселение. Раскоп IX. Индивидуальные находки. 1-кв.Г1/3; 2-кв.ДП/4; 3-кв.Г10/4; 4-кв.Б9/3; 5-кв.Б12/3. 1-пластинчатое орудие (серп), 2-5-костяные орудия [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 9]

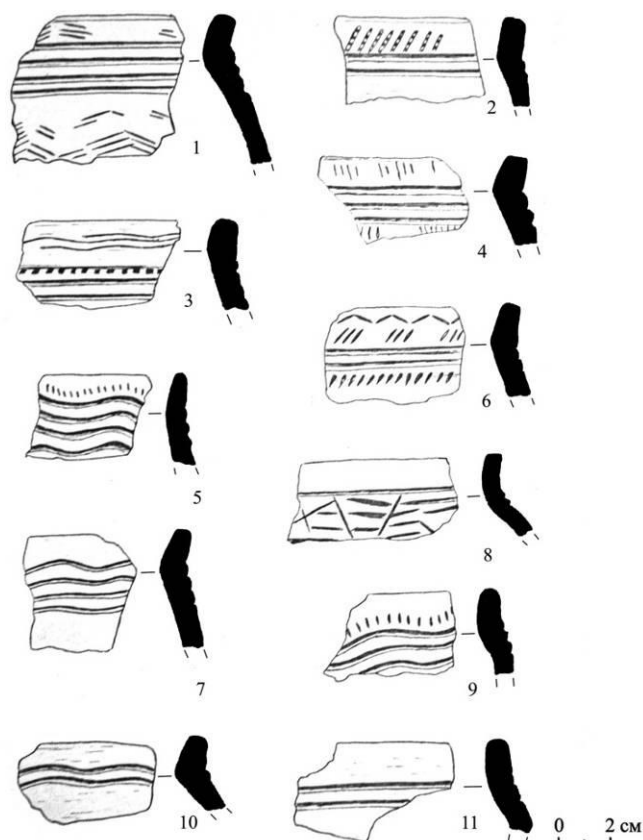

Рис. 39. Береговское I поселение. Раскоп IX, абашевская керамика.
 1-кв.Г10/4; 2-кв.В9/4; 3-кв.Г1/3; 4-кв.А20/3; 5-кв.Б1/3; 6-кв.Г1/3; 7-кв.А12/4; 8-кв.В11/3; 9-
 кв.Г2/3; 10-Д3/1; 11-кв.Д7/3. Фрагменты №1, 8 – постройка VIII
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 10]

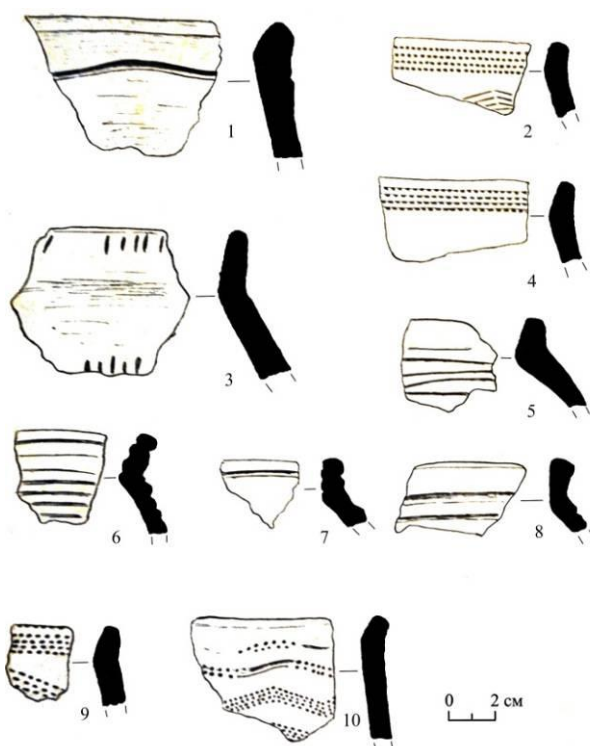

Рис. 40. Береговское I поселение. Раскоп IX, абашевская керамика.
 1-кв.В14/4; 2-кв.В16/3; 3-кв.В6/4; 4-кв.Д16/2; 5-кв.Д3/1; 6,7-кв.А22/4; 8-кв.Б11/4; 9-кв.Г1/3;
 10-кв.Д1/3. Фрагменты №1 – постройка VIII [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 11]

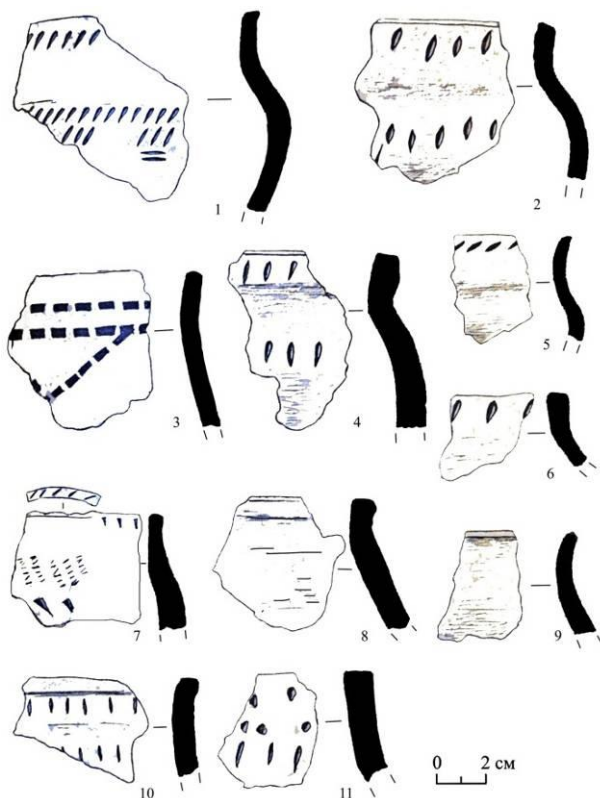

Рис. 41. Береговское I поселение. Раскоп IX, срубная керамика.
 1-кв.Д1/3; 2-кв.Б1/3; 3-кв.Д14/3; 4-кв.А3/2; 5-кв.Д2/3; 6-кв.Г1/3; 7-кв.Б22/3; 8-кв.Г14/3; 9-
 кв.Г3/3; 10-кв.Г7/3; 11-кв.Г15/3. Фрагменты 8 – постройка VIII
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 13]

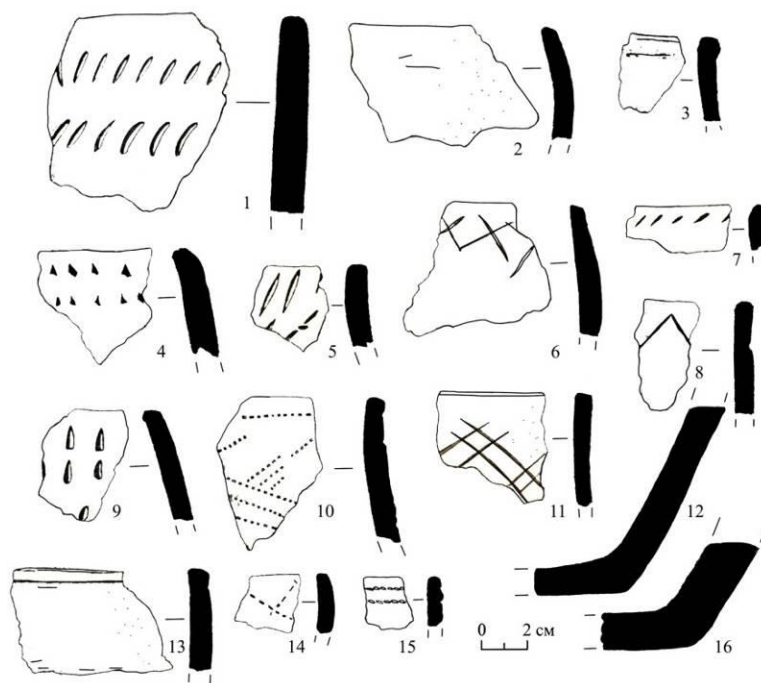

Рис. 42. Береговское I поселение. Раскоп IX, срубная керамика.
 1-кв.Г1/3; 2-кв.Д1/3; 3-кв.Г15/3; 4-кв.В3/3; 5-кв.Г18/3; 6-кв.Г13/3; 7-кв.Д30/3; 8-кв.Г12/4;
 9-кв.Б18/2; 10-кв.Г1/3; 11-кв.Г16/3; 12-кв.Б13/3; 13-кв.Г20/3; 14-кв.В22/2; 15-кв.Г12/3; 16-
 кв.Д1/3. Фрагменты 6, 8 – постройка VIII [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 14]

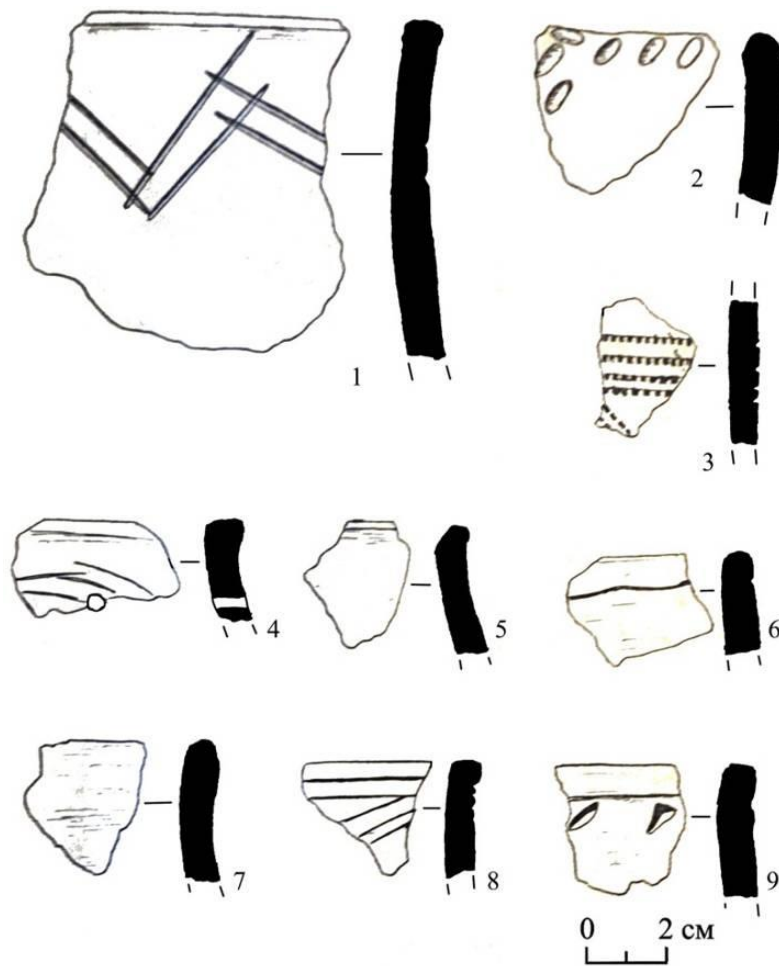

Рис. 43. Береговское I поселение. Раскоп X, срубная керамика.
 1-кв. А10/2; 2-кв. 8а/2; 3-кв. 10а/3; 4-кв. 10/2; 5-кв. 4/3; 6-кв. 7а/3; 7-кв. 9/2; 8-кв. 10/2; 9-кв. 4/4.
 Фрагменты №5, 9 – постройка IX [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 17]

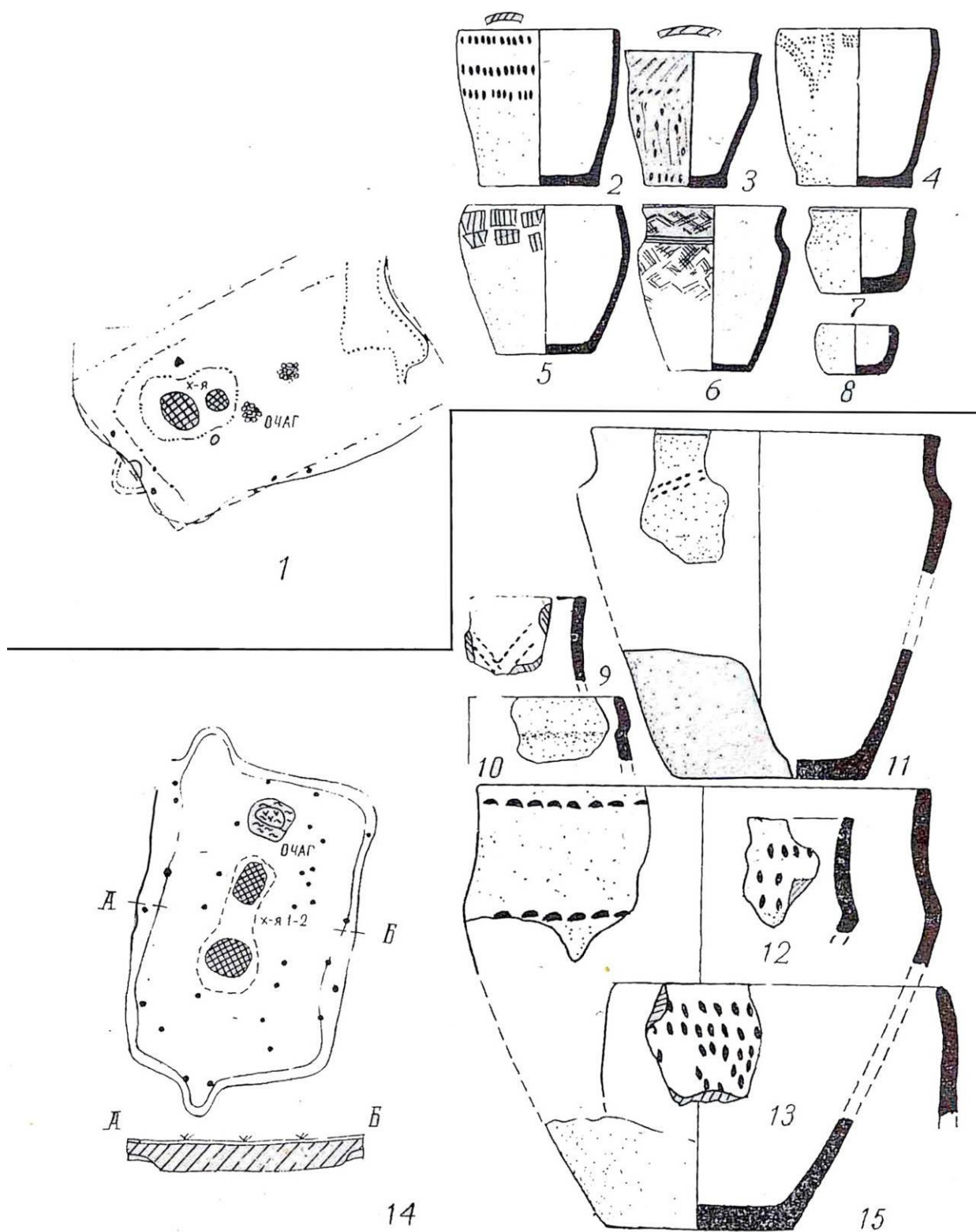

Рис. 44. Береговское I поселение. 1-8-постройка II (раскопки К.В. Сальникова); 9-15-постройка VII (раскопки В.С. Горбунова) [по: Горбунов, 1989. С. 131. Табл. VII]

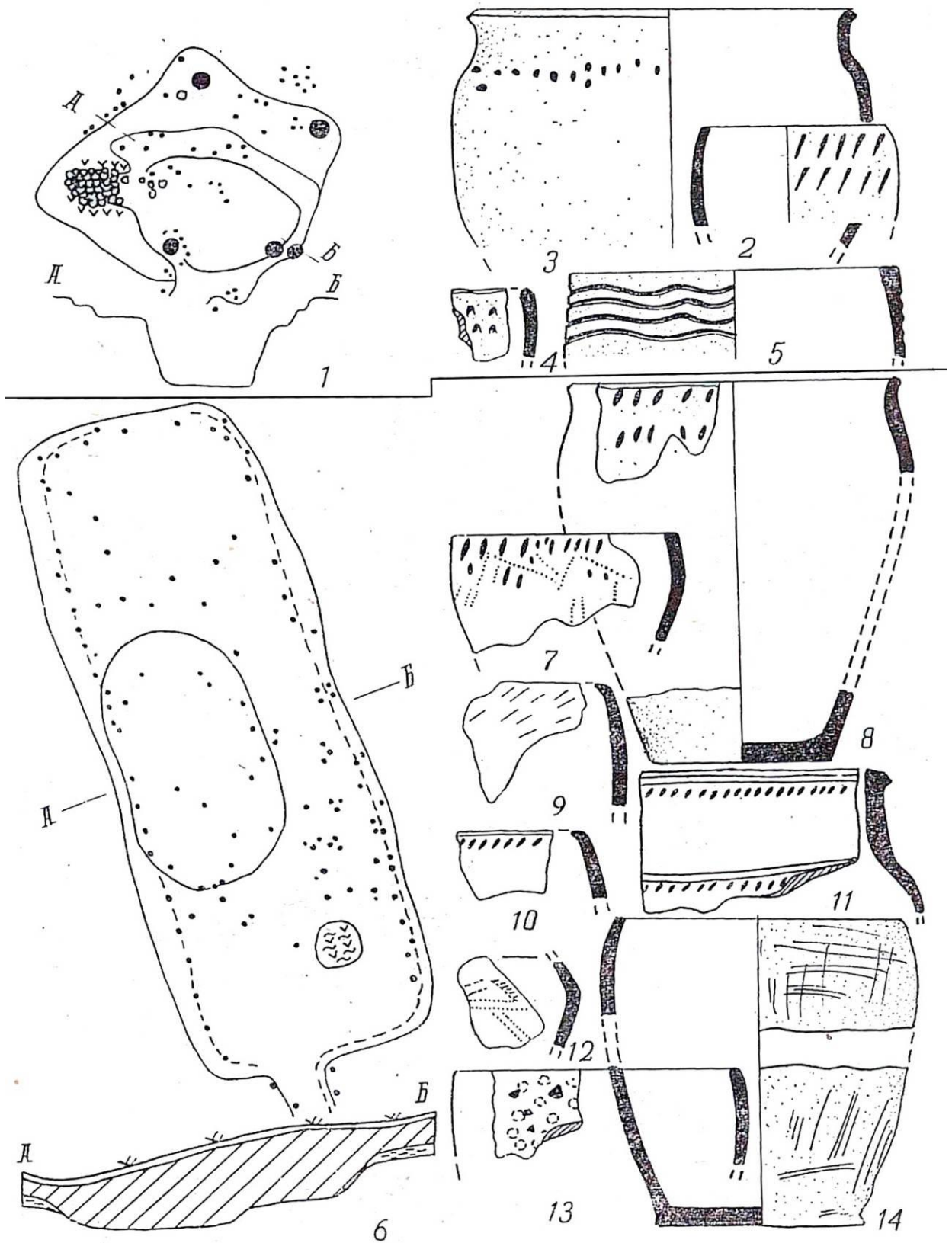

Рис. 45. Береговское I поселение. 1-5-постройка V, 6-14-постройка VI
 [по: Горбунов, 1989. С. 127. Табл. III]

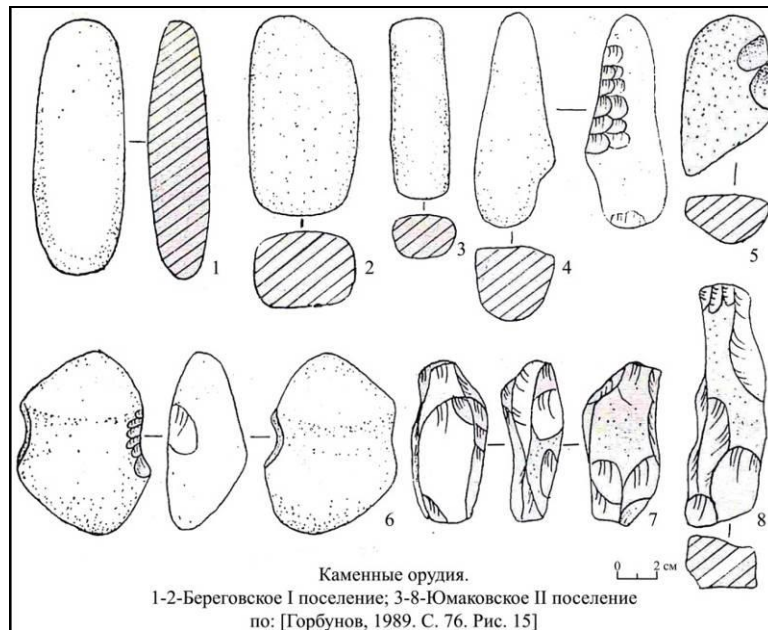

Рис. 46. Каменные орудия. 1-2-Береговское I поселение; 3-8-Юмаковское II поселение
[по: Горбунов, 1989. С. 76]

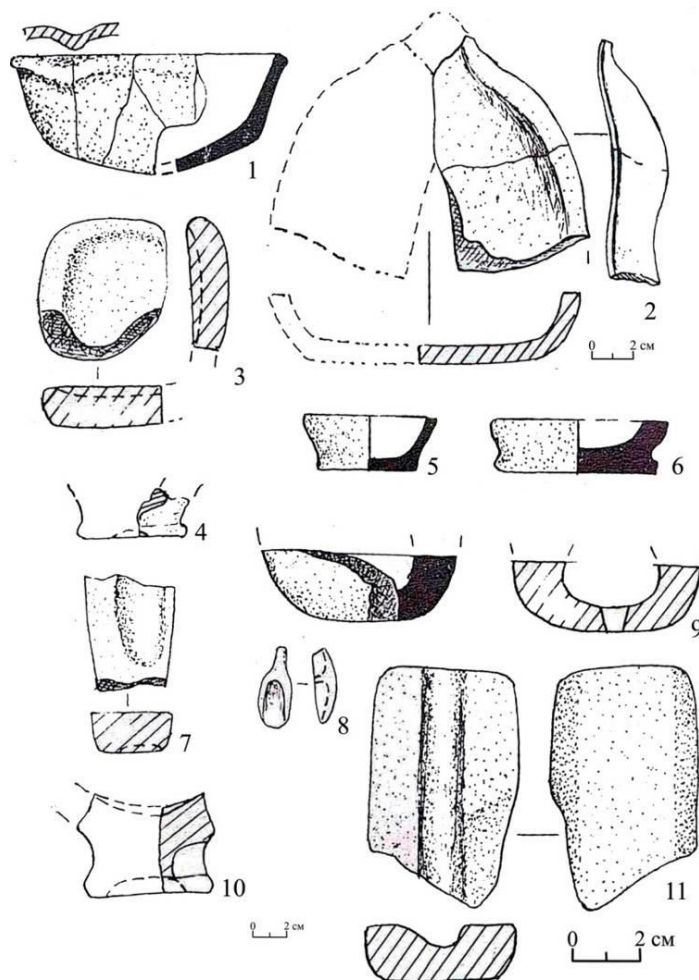

Рис. 47. Орудия плавки и литья металла. 1-3, 5-8, 11-Юмаковское II поселение;
4, 9, 10-Береговское I поселение
[по: Горбунов, 1989. С. 75. Рис. 14]

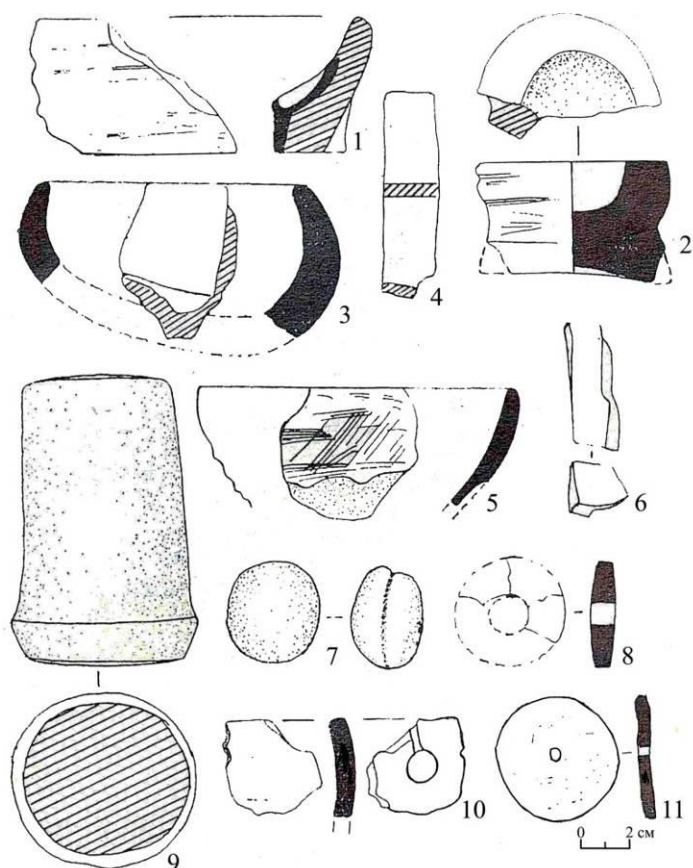

Рис. 48. Вещевой инвентарь поселений Береговского АМР.
 3, 4, 7, 8-Юмаковское I; 2, 9, 11-Юмаковское II; 1, 5, 6, 10-Береговское I
 1-3, 5, 8, 10, 11-глина; 4, 6, 7, 9-камень [по: Горбунов, 1989. С. 59. Рис. 13]

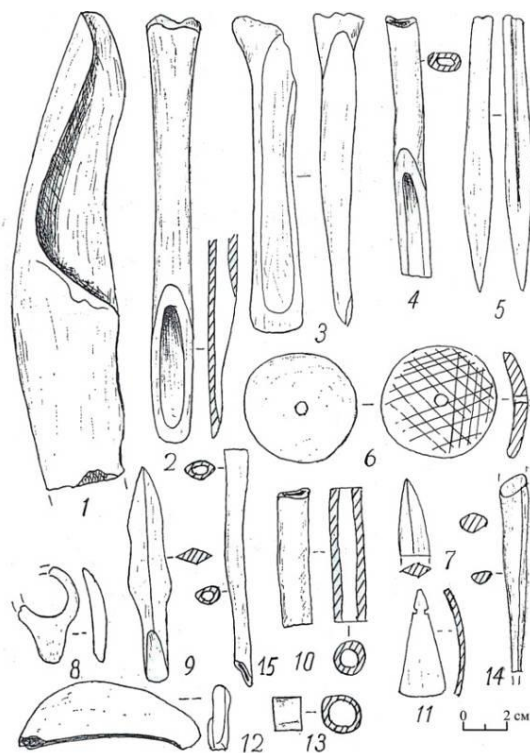

Рис. 49. Береговское I поселение. Костяные орудия. 11-12-раскоп VII;
 2-5, 8-13-раскоп VIII [по: Горбунов, 1989. С. 36. Рис. 7]

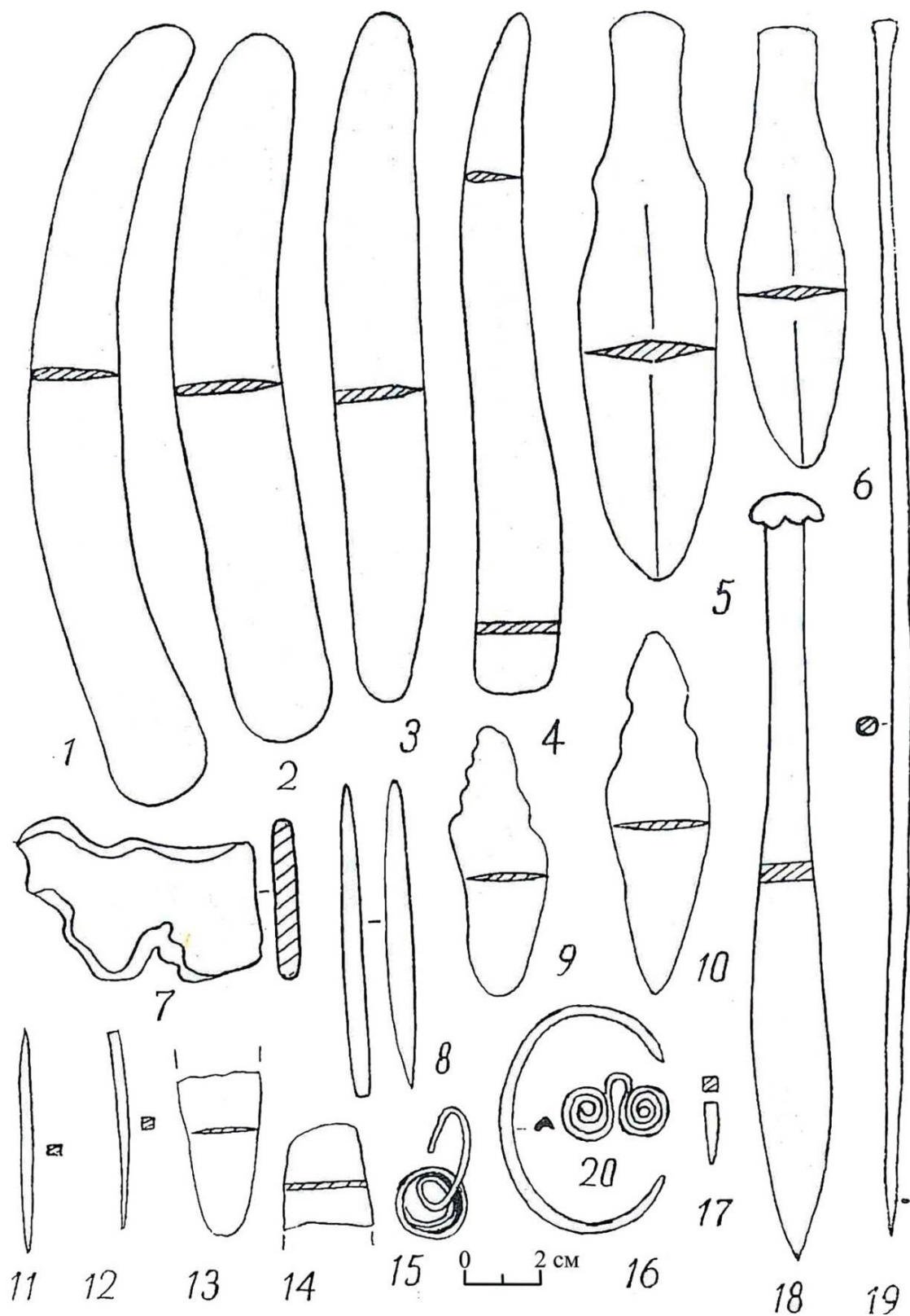

Рис. 50. Береговское I поселение. Металлические орудия.
 4-10-раскоп VII; 5, 6-9, 13-15-раскоп VIII
 [по: Горбунов, 1989. С. 35. Рис. 6]

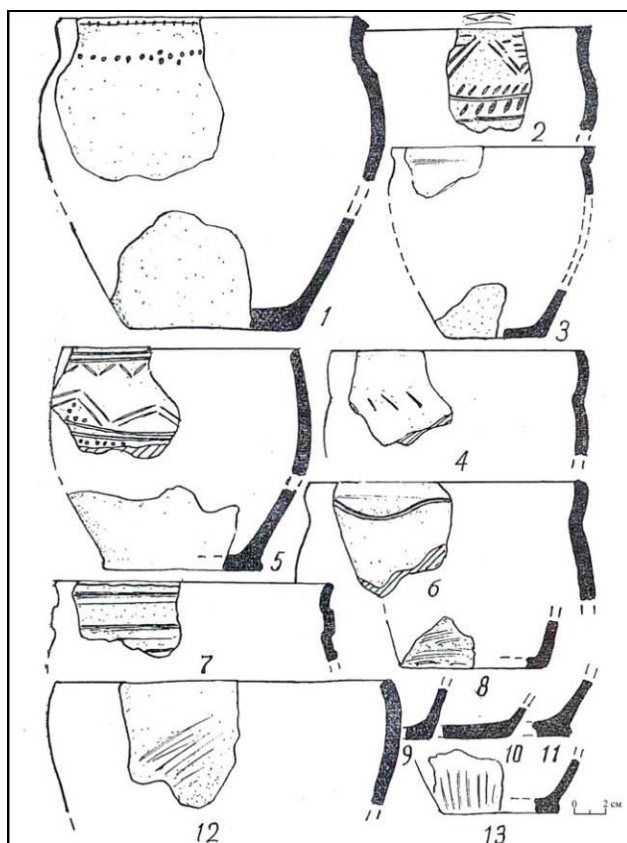

Рис. 51. Береговское I поселение. Раннесрубный керамический комплекс.

1, 5-11-раскоп VII; 2-4, 12, 13-раскоп VIII

[по: Горбунов, 1989. С. 33. Рис. 5]

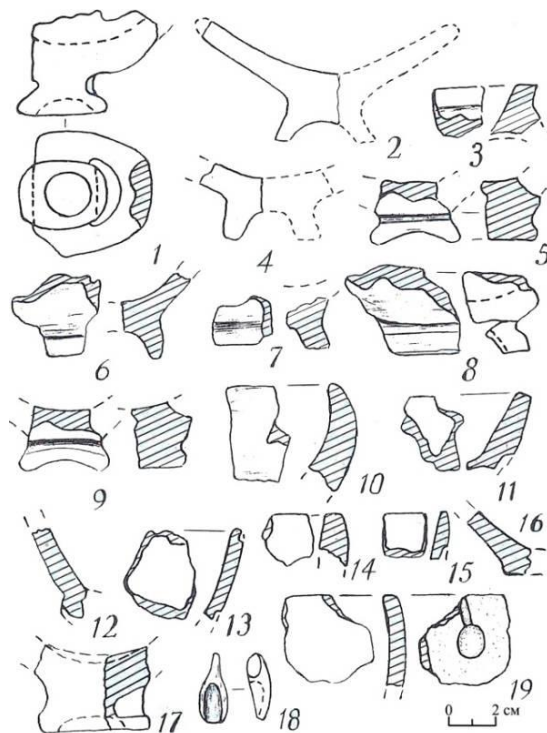

Рис. 52. Производственная керамика поселений Береговского АМР (плавильные чаши и льячки). 1-3, 5, 7, 9-11, 16-Береговское II; 4, 8, 12-14, 17-19-Береговское I

[по: Горбунов, 1986. С. 85. Табл. X]

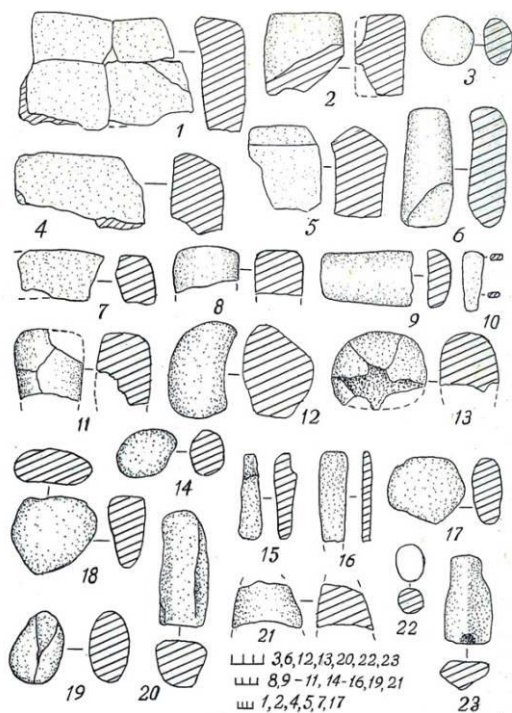

Рис. 53. Каменные орудия поселений Береговского АМР.
 1, 2, 5, 9, 10, 14, 19-Береговское II; 3, 4, 6-8, 11-13, 15-18, 20-23-Береговское I
 1, 2, 4, 5, 7, 17-наковальни; 3, 22-гальки-боласы; 6, 12, 13, 18, 20, 23-песты-куранты; 8-
 терочник; 9-точильный камень; 10, 15, 17-бруски; 11, 22-молоты; 14-галька-курант;
 19-пест-галька [по: Горбунов, 1986. С. 84. Табл. IX]

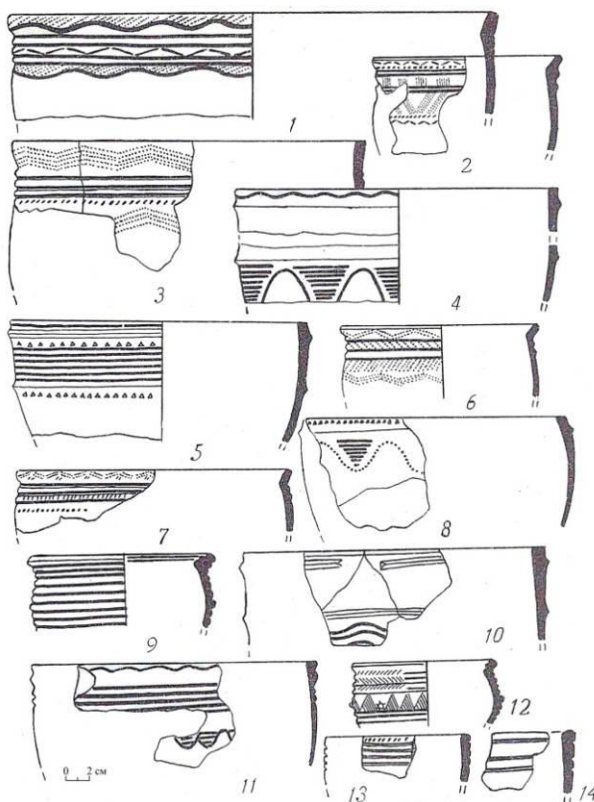

Рис. 54. Береговское I поселение. Раскопы IV-VI, 1975 г.
 1-8, 10, 11-абашевская керамика; 9, 12-14-синташтинская керамика
 [по: Горбунов, 1986. С. 81. Табл. VI]

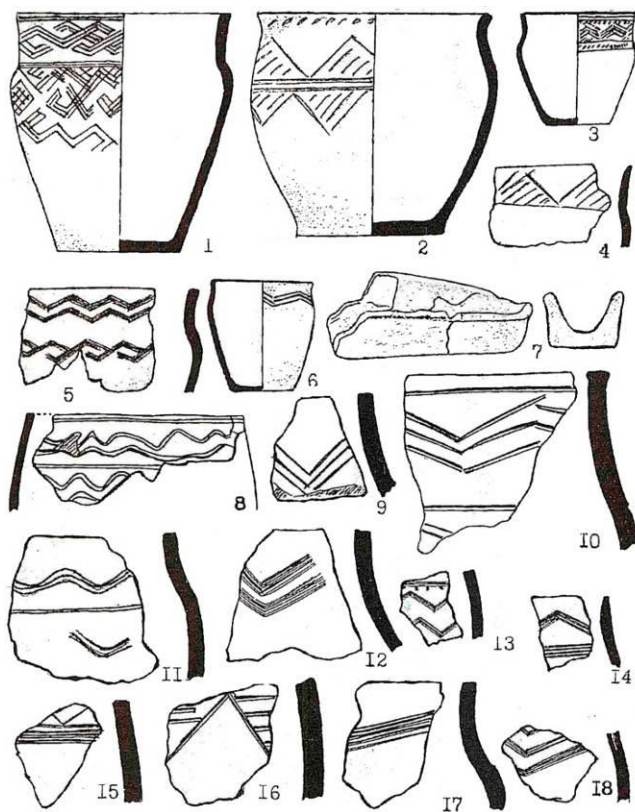

Рис. 55. Береговское I поселение. 1-18-срубно-алакульская посуда [по: Рутто, 2003. С. 144. Рис. 8]

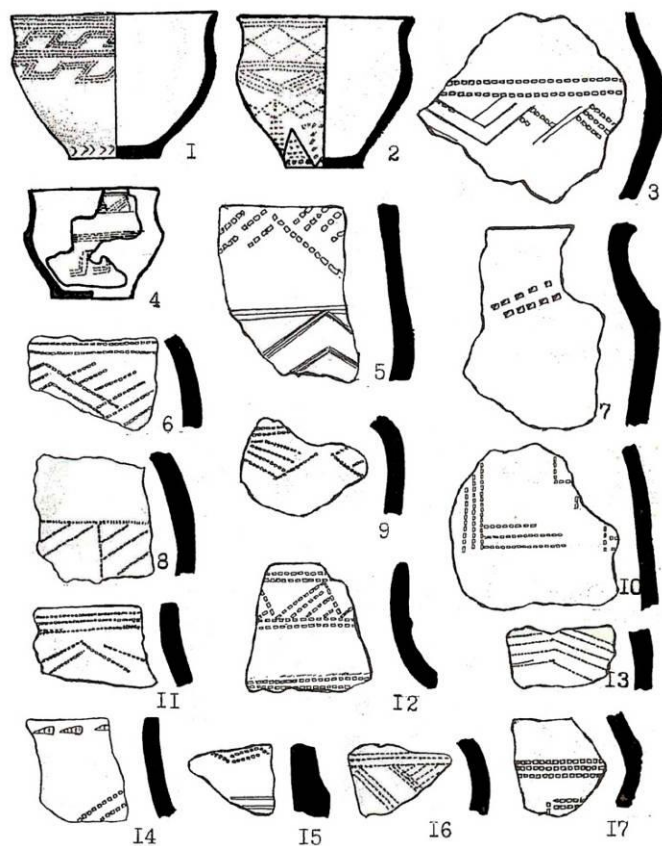

Рис. 56. Береговское I поселение. 1-кожумбердынский сосуд; 2-17-срубно-алакульская керамика [по: Рутто, 2003. С. 143. Рис. 7]

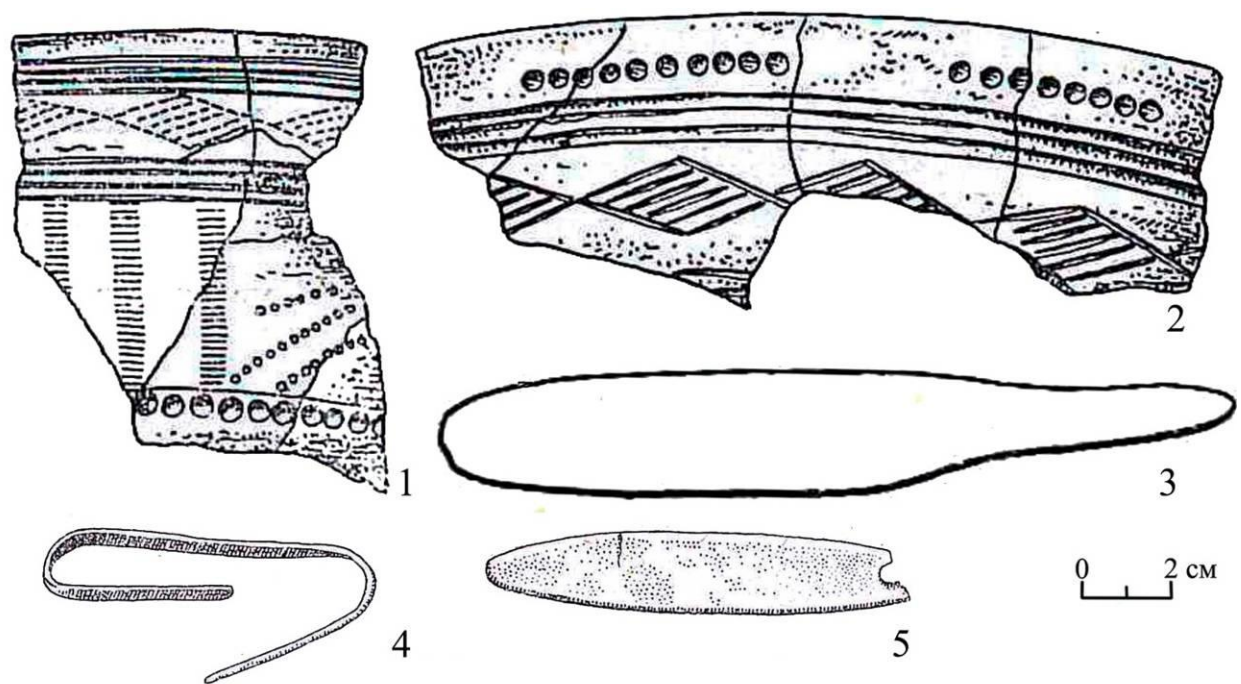

Рис. 57. Материалы поселений Береговского АМР. 1-3-Береговское II; 4, 5-Береговское I, по: [Сальников, 1967. Рис. 4, 11, 22]. 1, 2-керамика абашевской культуры; 3-пластинчатое орудие (серп); 4-скоба; 5-фрагмент наконника. 1, 2-глина; 3-5-металл [по: Сальников, 1967]

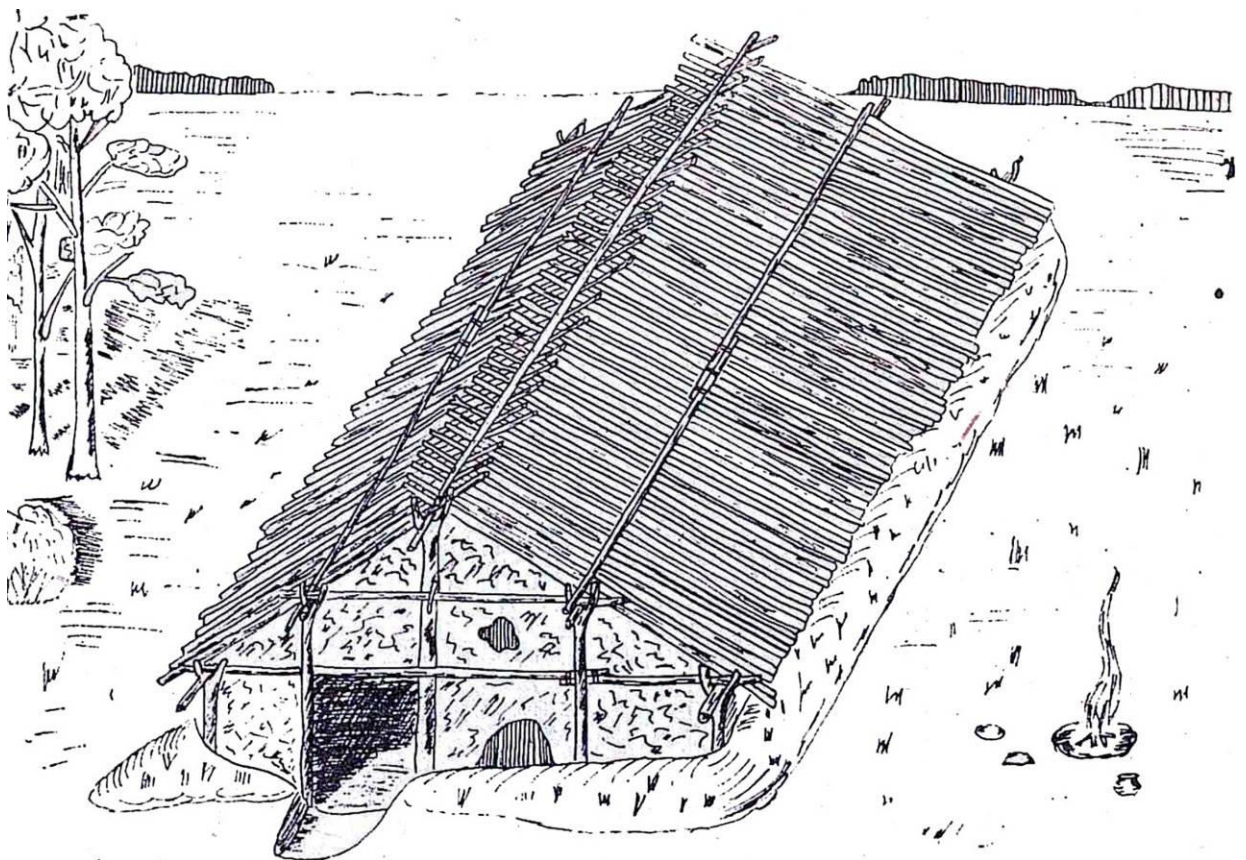

Рис. 58. Береговское I поселение. Реконструкция постройки VII [по: Горбунов, 1989. Табл. X, I]

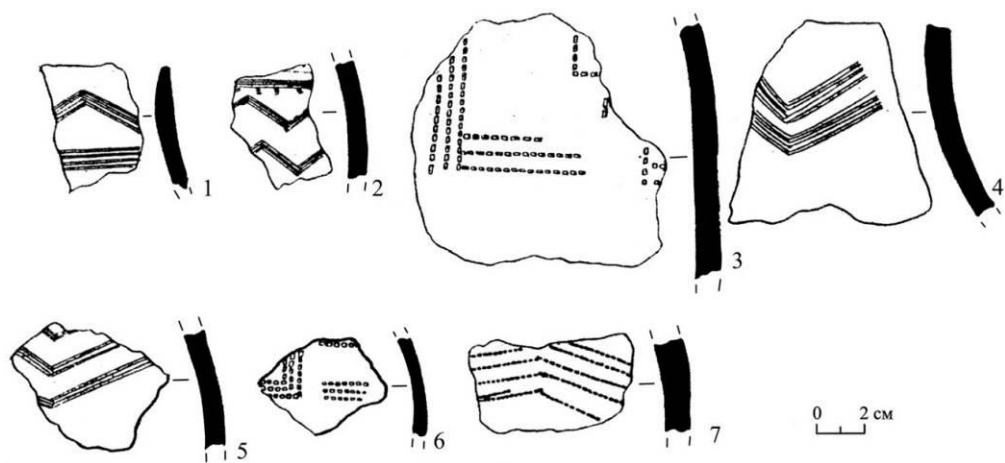

Рис. 59. Береговское I поселение. Керамика с алакульскими (3, 7) и срубно-алакульскими чертами (1, 2, 4, 5), [по: Рутто, 1987. Рис. 4]

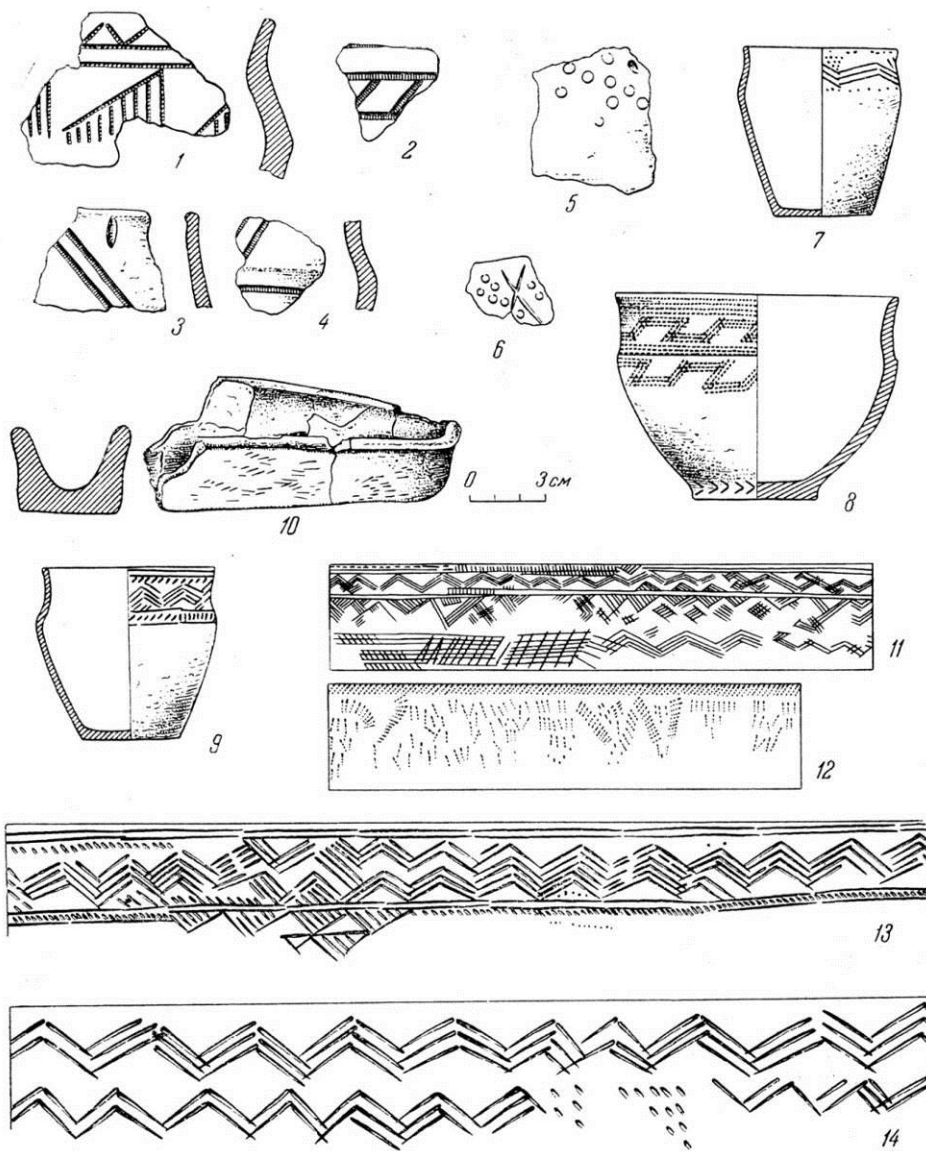

Рис. 60. Береговское I поселение. 1-6-раннесрубная керамика с веревочным и кружковым орнаментом; 7-9-реконструированные сосуды; 10-обломок блюда; 11-14-развертка ассиметричного орнамента [по: Сальников, 1967. Рис. 28]

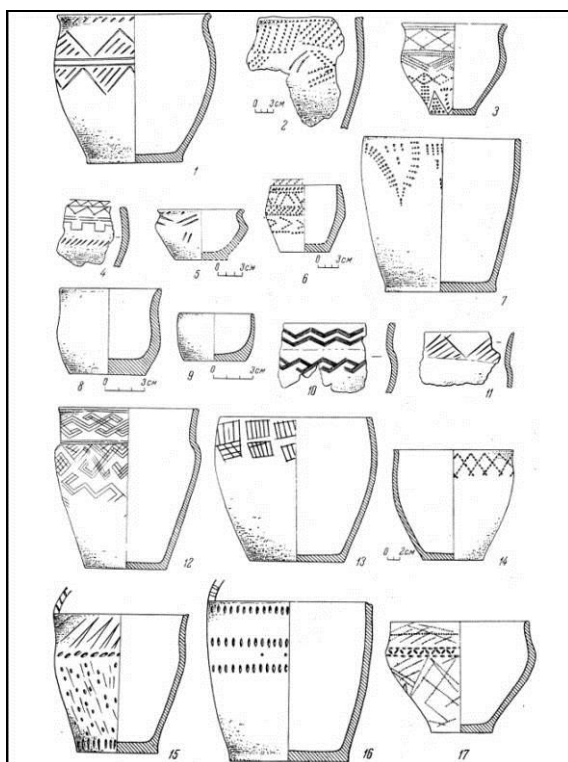

Рис. 61. Береговское I поселение. Реконструкция сосудов из раскопок К.В. Сальникова [по: Сальников, 1967. С. 202-203. Рис. 27]

Рис. 62. Береговское I поселение. Ножи. 1-2, 5-7-раскоп VIII; 3-раскоп VII. 1-кв. 63/3; 2-кв.29/3; 3-кв.64/3; 5-кв.85/3; 6-кв.115/4; 7-кв.150/3 (рисунки автора)

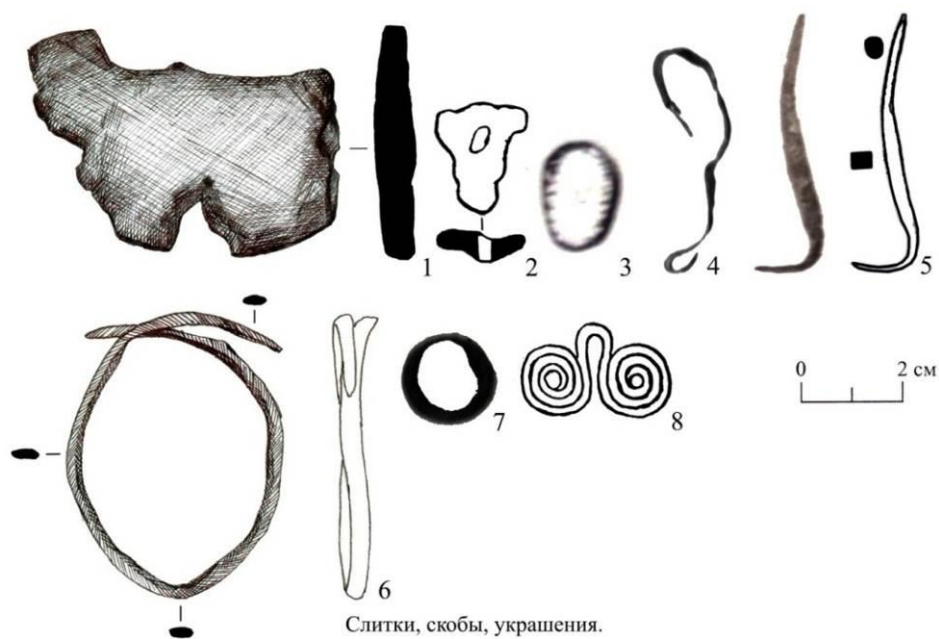
Рис. 63. Пластинчатые орудия (серпы). 1-3-Береговское I поселение, постройка V; 4-Береговское I поселение, раскоп IX, кв.П/3; 5-Юмаковское I поселение, постройка I; 6-Юмаковское III поселение, кв.5-и/4 (рисунки автора)

Проникатели, острия.

Рис. 64. Проникатели, острия.

1-3-Береговское I поселение, раскоп VIII, кв.36/4; 4-раскоп VII, кв. 86/материк; 5-Юмаковское I поселение, раскоп I, кв.4/4; 6, 7-Береговское I поселение, раскоп VII, кв. 96/материк (рисунки автора)

Слитки, скобы, украшения.

Рис. 65. Слитки металла, скобы, украшения.

Береговское I поселение: 1-раскоп VIII, кв. 24/4; 4 - кв.102/3; 6; 7 - кв.25/3; Юмаковское II поселение: 2 - кв.2/4; 3 - кв.28/4; 5 - кв.18/3; Юмаковское III поселение: 8 - кв.I/2
1-3-слитки металла; 4, 5-скобы; 6-браслет; 7, 8-подвески (рисунки автора)

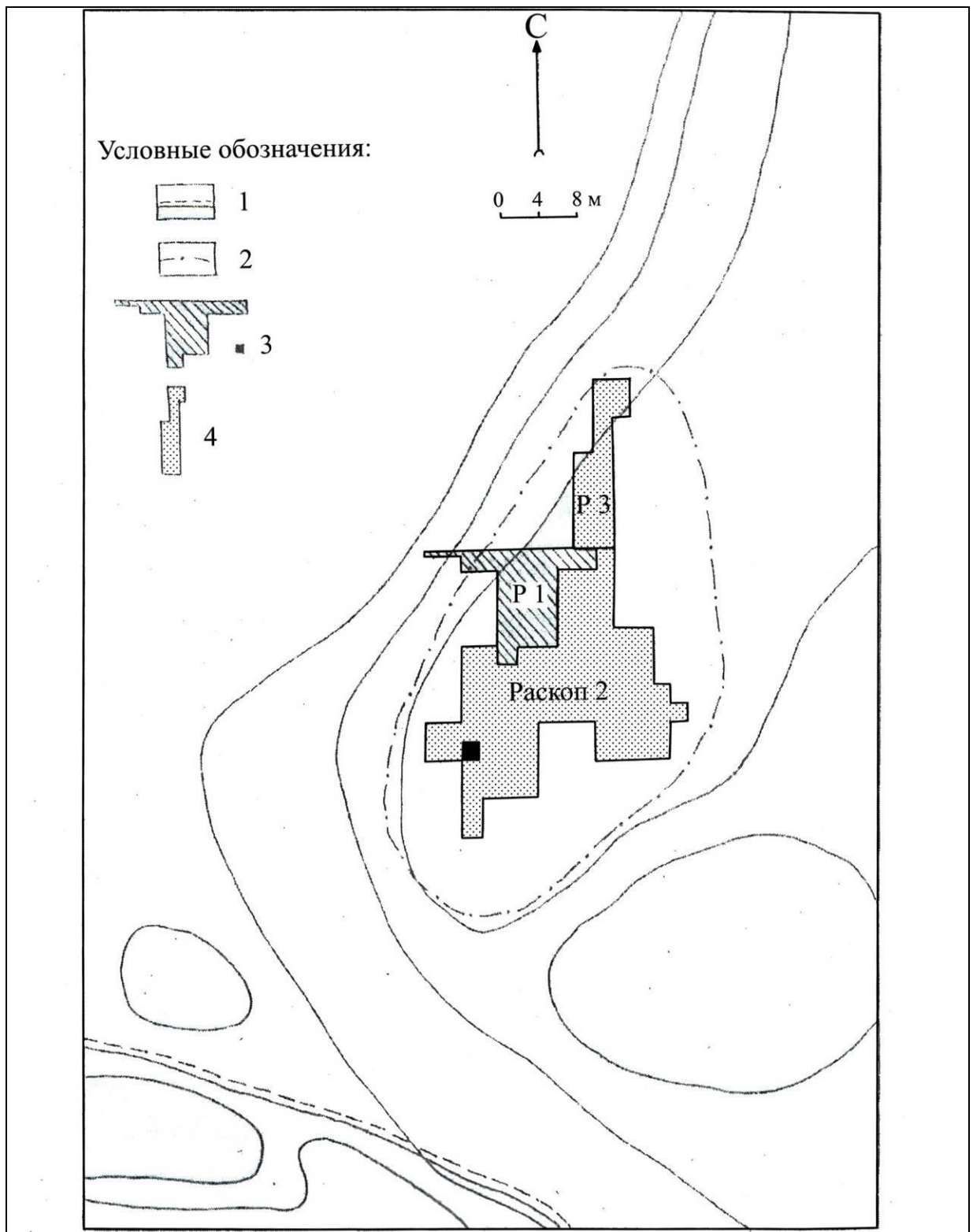

Рис. 66. Береговское II поселение. Общий план,
 1-грунтовая дорога; 2-примерные границы абашевского поселка; 3-раскопки 1954 г.;
 4-раскопки 1975 г. [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 21]

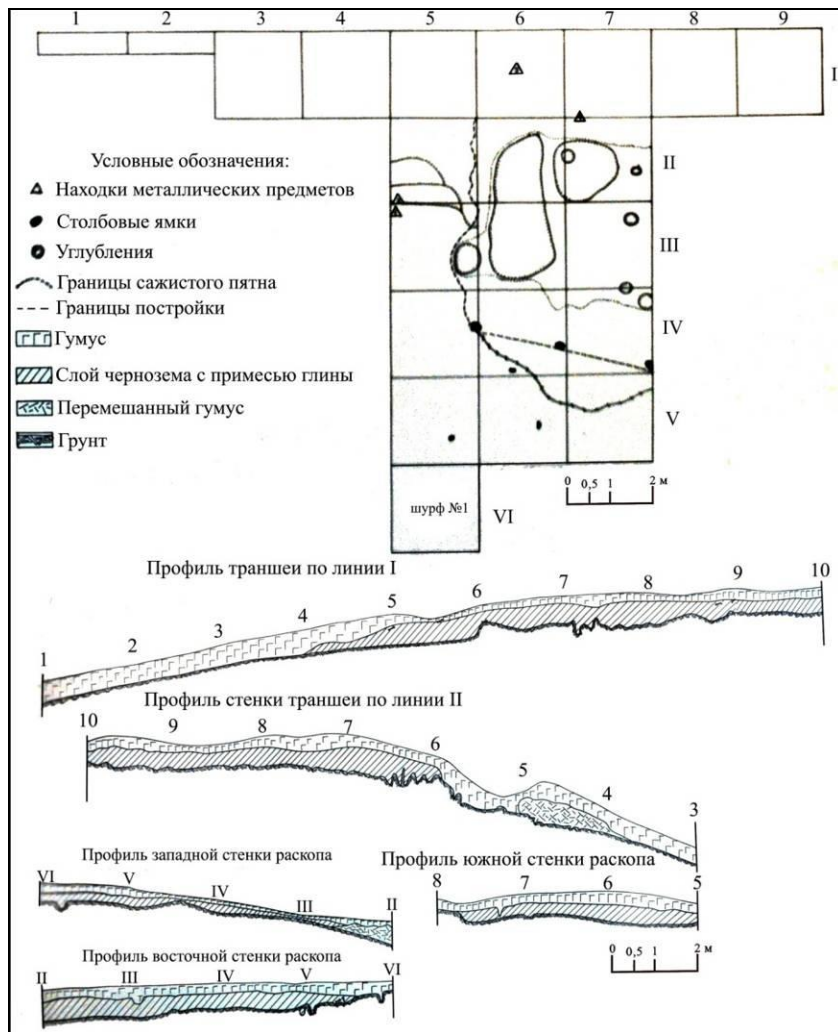

Рис. 67. Береговское II поселение. План раскопа 1954 г.
[по: Викторov. Отчет, 1954]

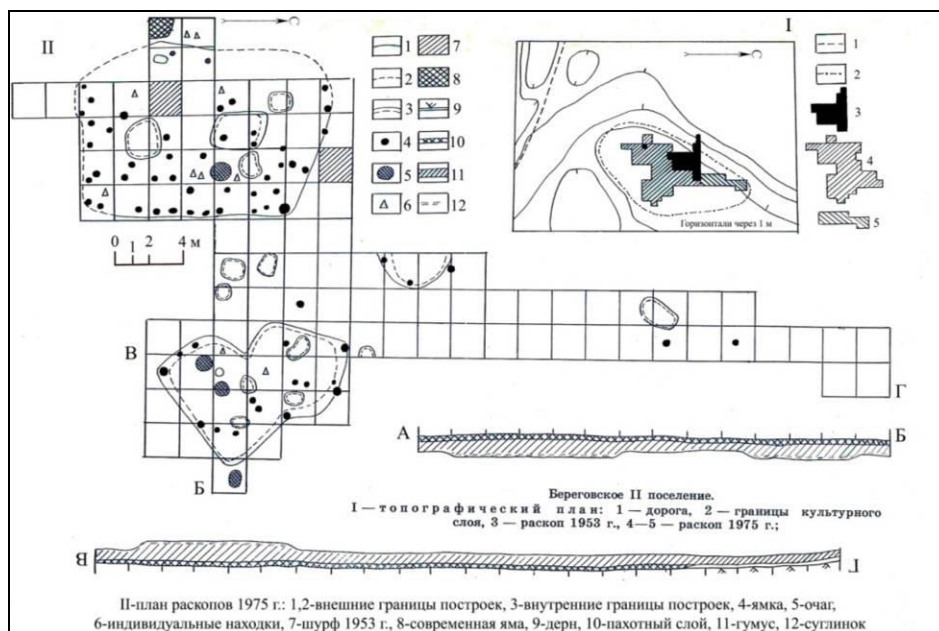
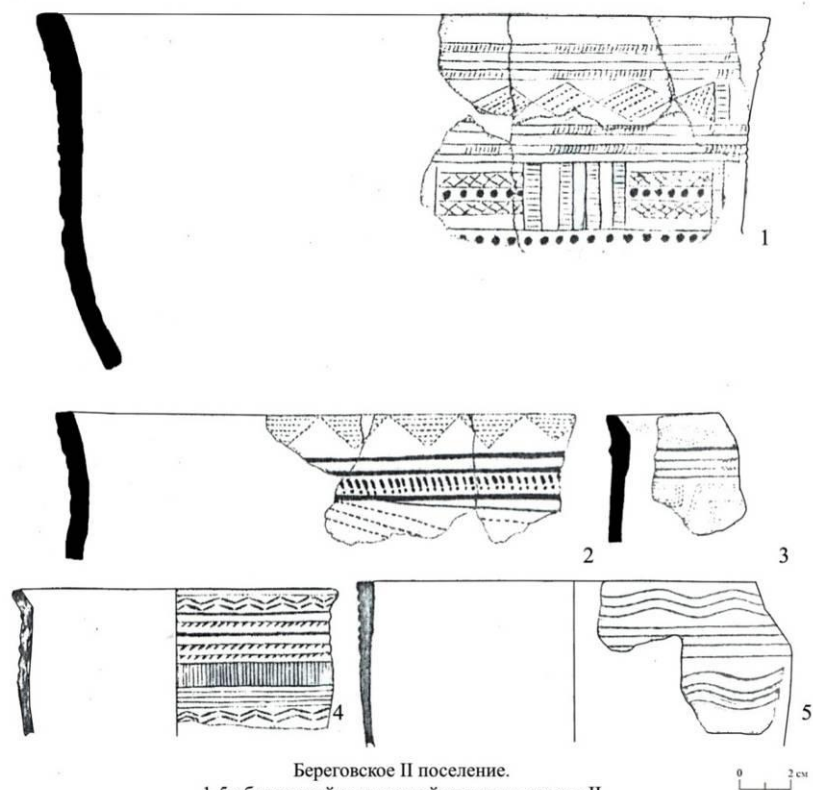

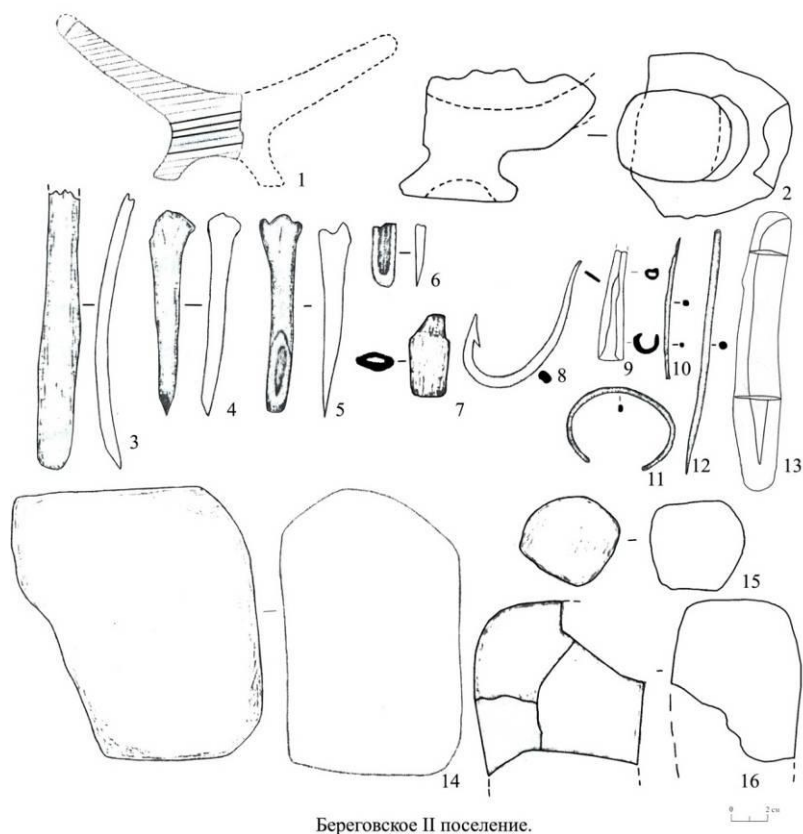
Рис. 68. Береговское II поселение. План раскопа 1975 г.
[по: Горбунов, 1989]

Береговское II поселение.

1-5-абашевский культурный горизонт, раскоп II

Рис. 69. Береговское II поселение. Раскоп II, абашевская керамика
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 25]

Береговское II поселение.

Рис. 70. Береговское II поселение. Раскоп II. Находки из слоя
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 26]

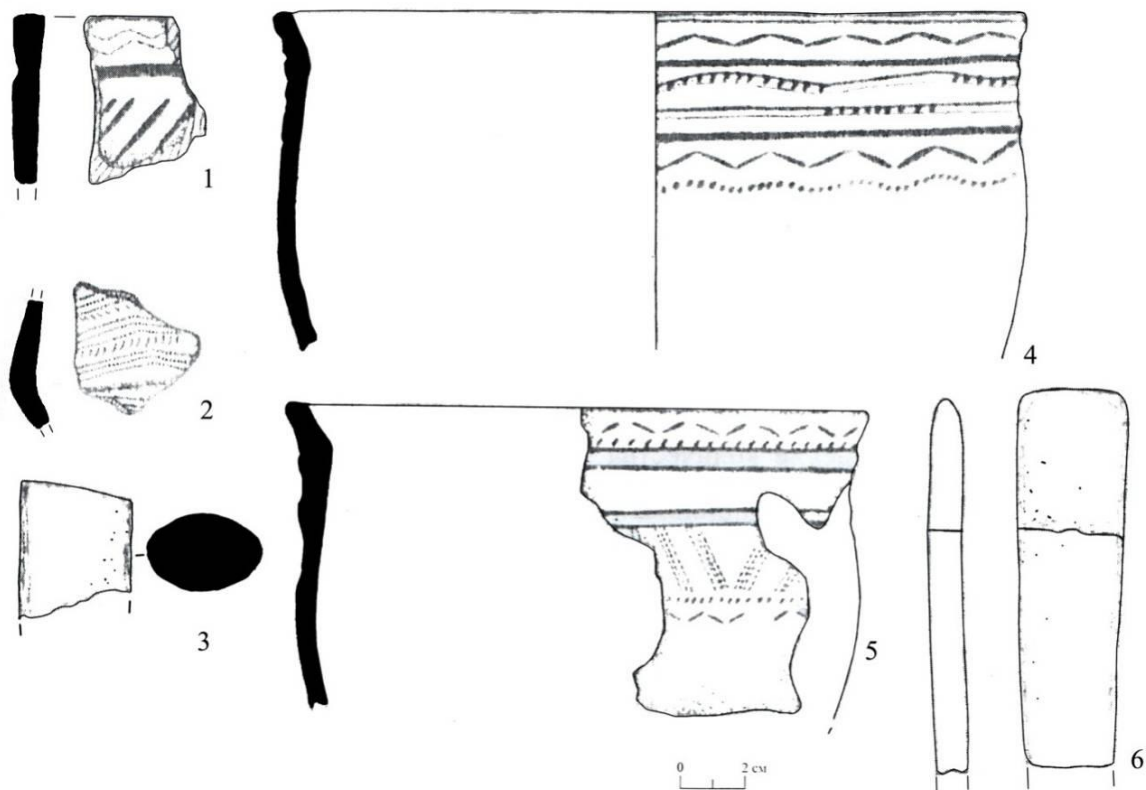

Рис. 71. Береговское II поселение. Находки из постройки 2
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 27]

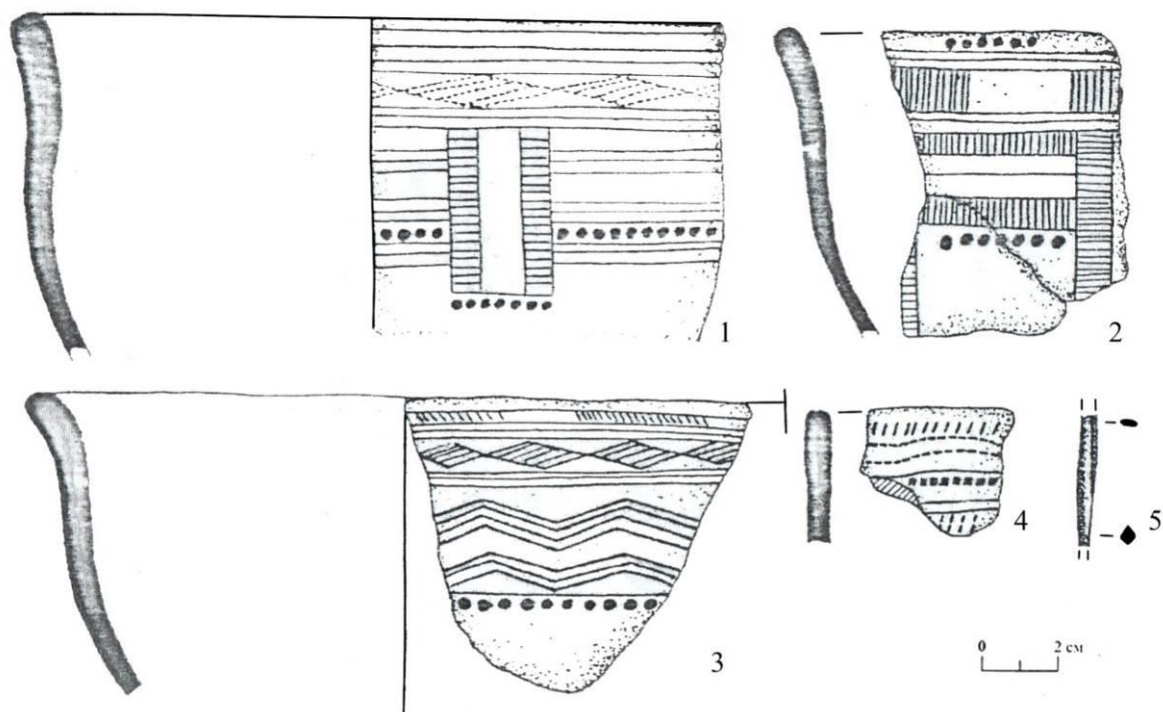

Рис. 72. Береговское II поселение. Раскоп II, постройка 3, абашевская керамика
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 28]

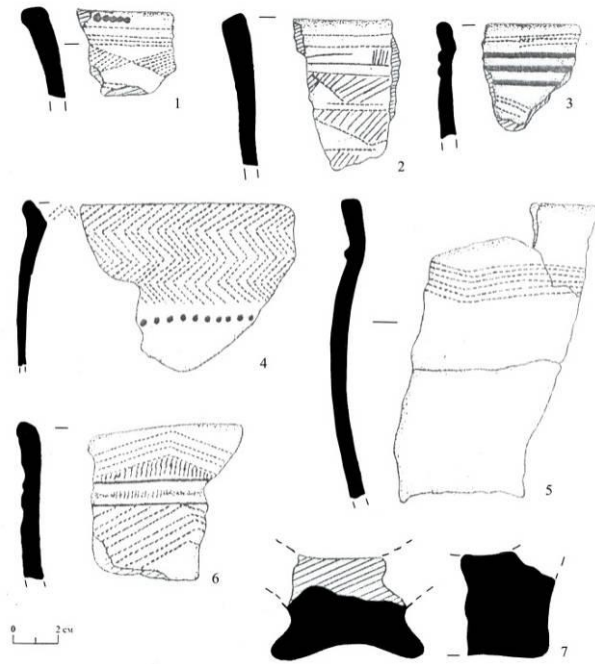

Рис. 73. Береговское II поселение. Раскоп III, абашевская керамика (1-6), литейная чаша (7) [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 29]

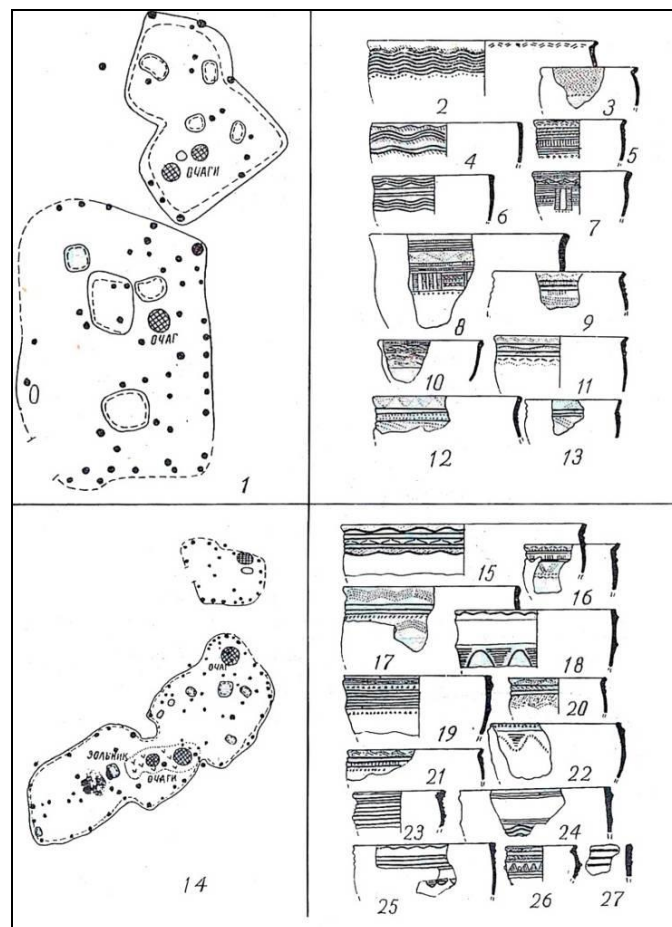

Рис. 74. Планы построек и керамика. 1-13-Береговское II поселение; 14-27-Береговское I поселение [по: Горбунов, 1989. С. 128. Табл. II]

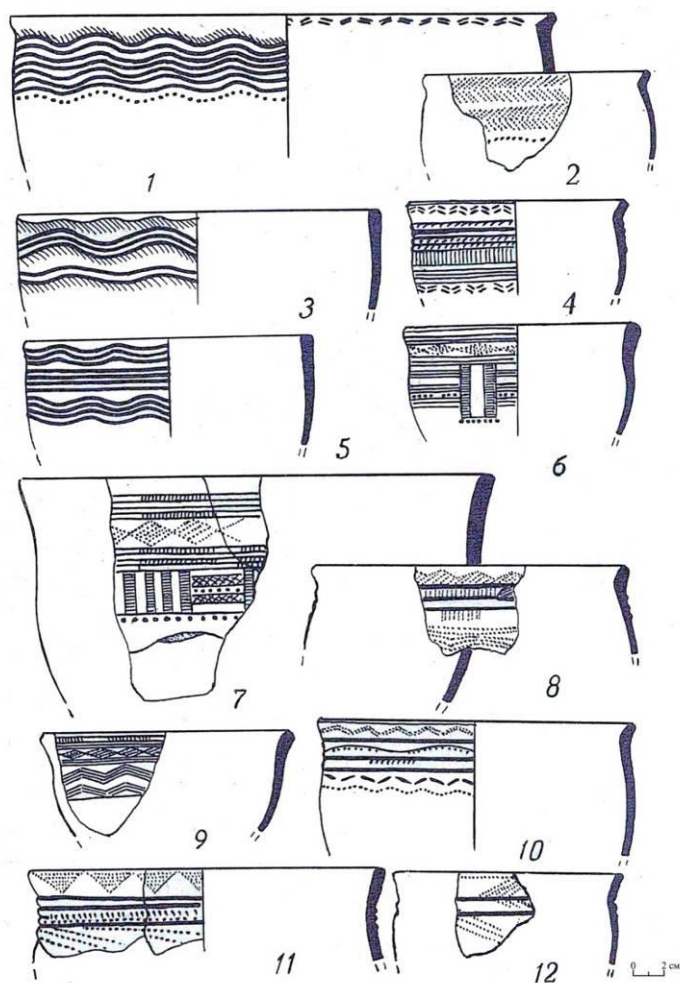

Рис. 75. Береговское II поселение. Раскопы II и III, 1975 г., абашевская керамика [по: Горбунов, 1986. С. 83. Табл. VIII]

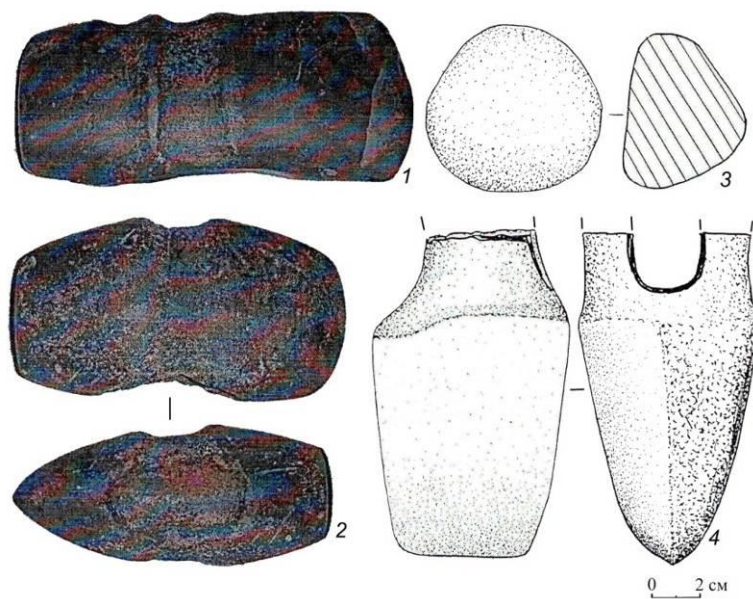

Рис. 76. Каменные молотки, проушный топор и молоток болас 1, 2 – Береговское II поселение; 3, 4 – Юмаковское IV поселение [по: Горбунов Ю., Горбунов В., 2016. Рис. 8; 18]

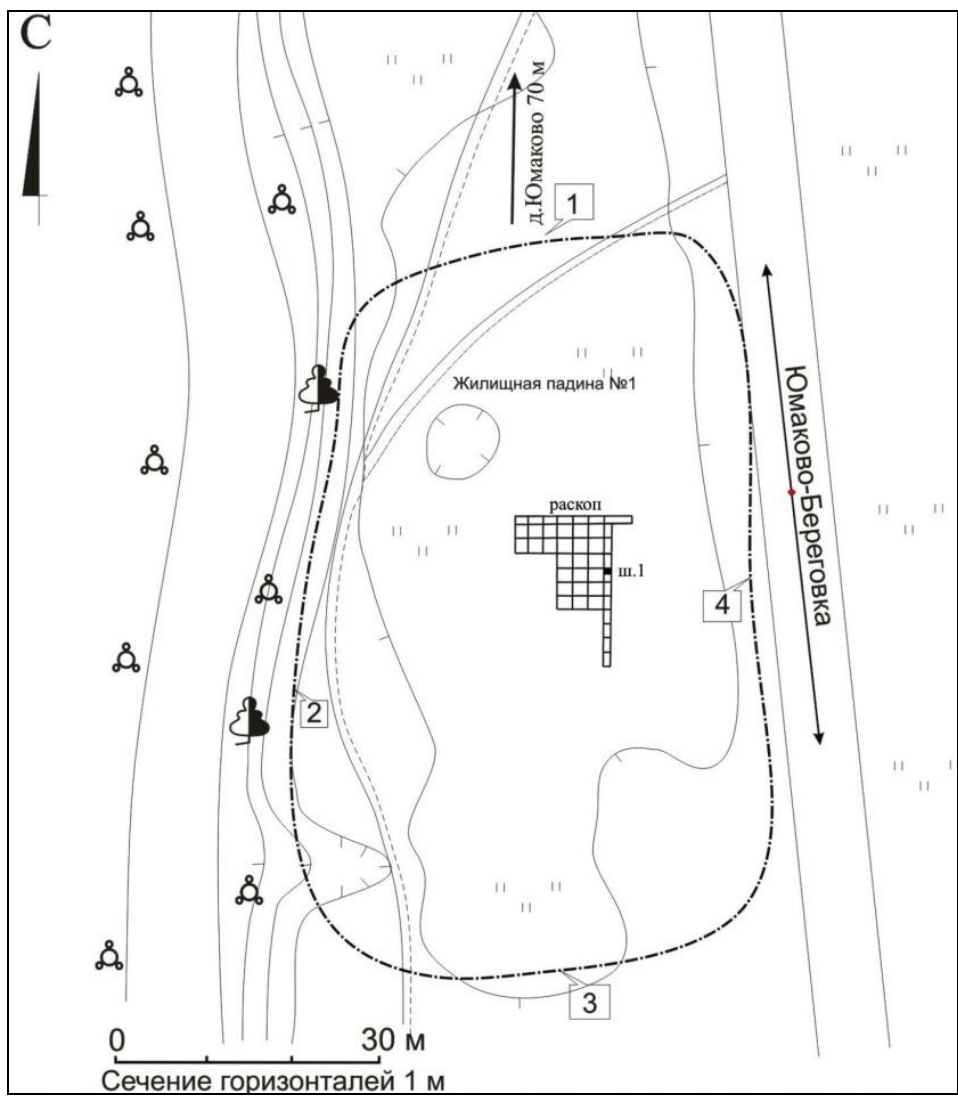

Рис. 77. Юмаковское I поселение. План (составлен автором)

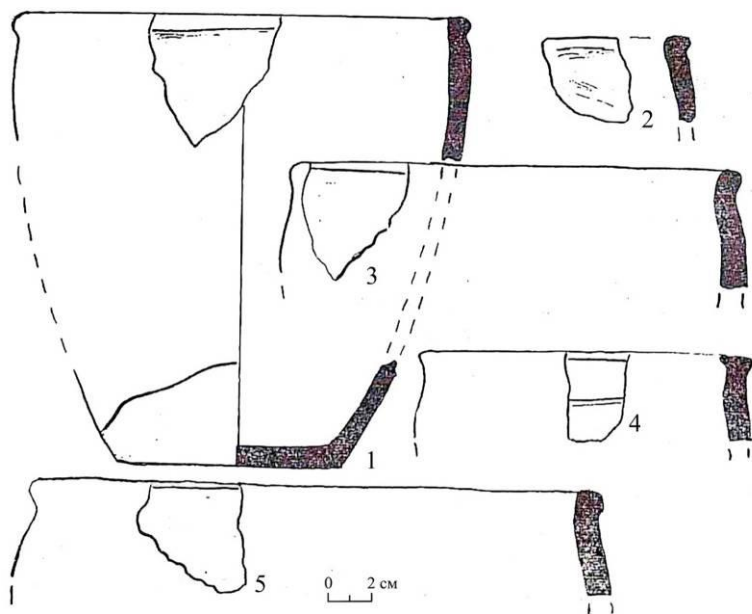

Рис. 78. Юмаковское I поселение. Керамика срубной культуры [по: Горбунов, 1989. Рис. 9]

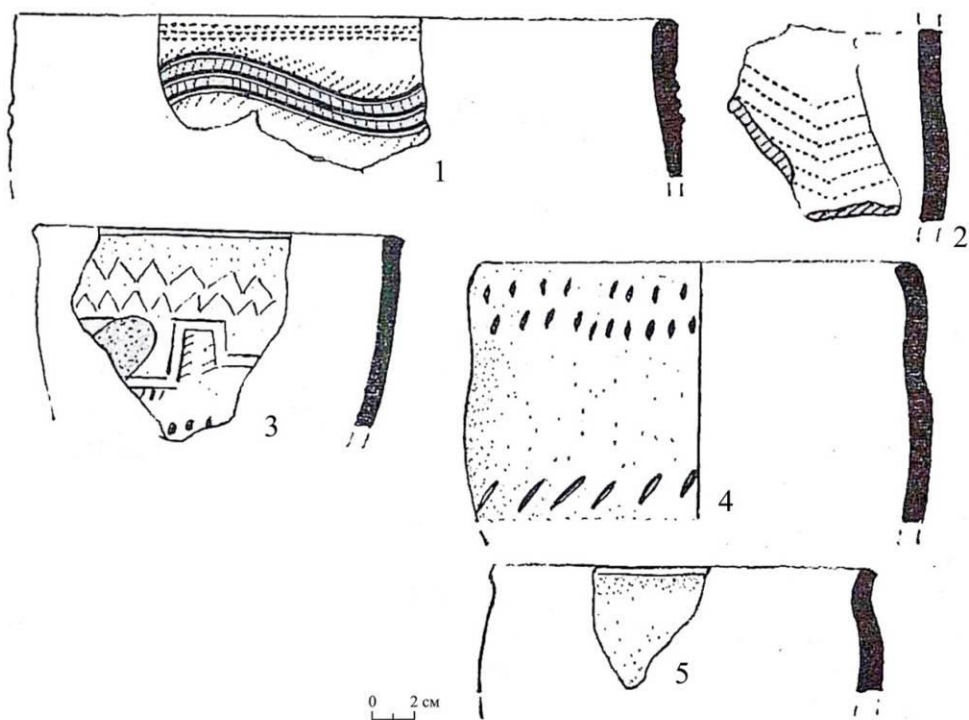

Рис. 79. Юмаковское I поселение. 1-абашевская керамика, 2-5-срубная керамика [по: Горбунов, 1989. Рис.8]

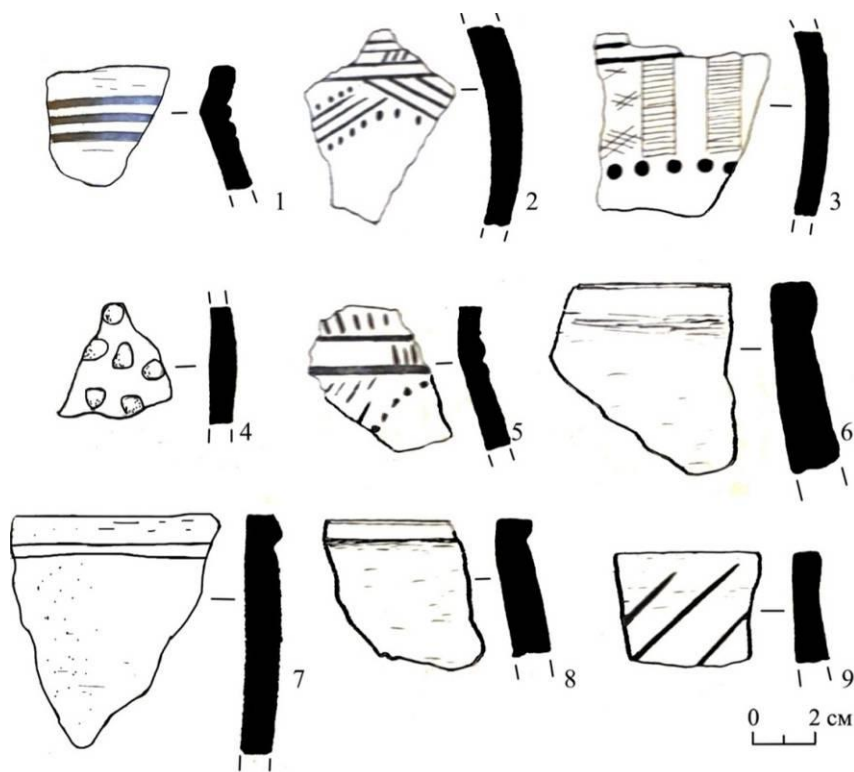

Рис. 80. Юмаковское I поселение. 1-3, 5-абашевская культура; 4, 6-9-срубная культура 1-кв.29/2; 2-кв.34/3; 3-кв.22/3; 4-кв.24/4; 5-кв.31/4; 6-кв.43/3; 7, 9-кв.41/3; 8-кв.33/4 [по: Горбунов. Отчет, 1982. Рис. 37]

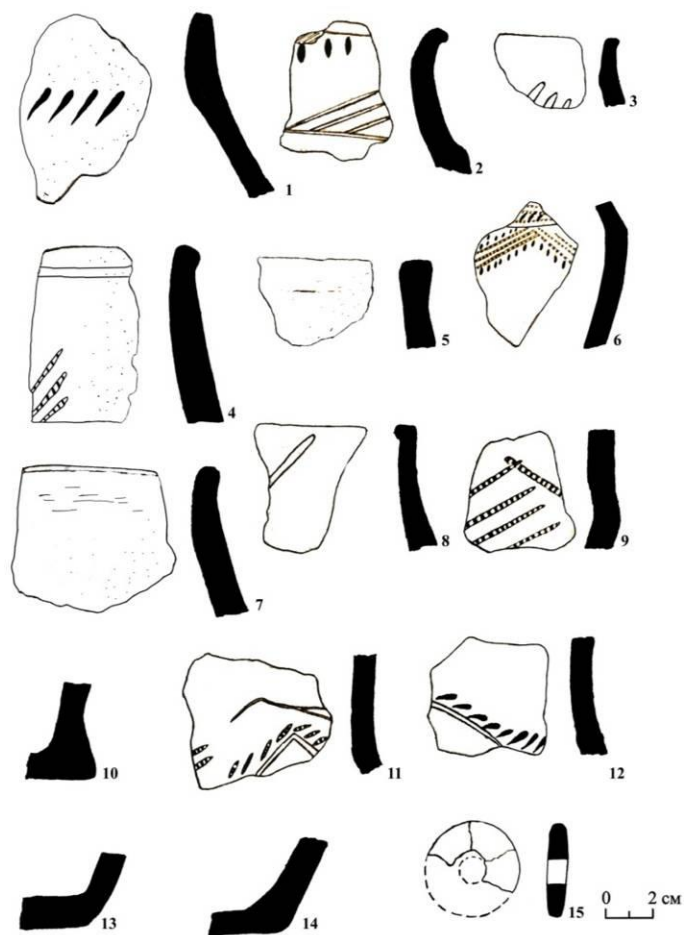

Рис. 81. Юмаковское I поселение. Срубная (1, 3-14) и срубно-алакульская (2) керамика, пряслице (15) [по: Горбунов. Отчет, 1982. Рис. 38]

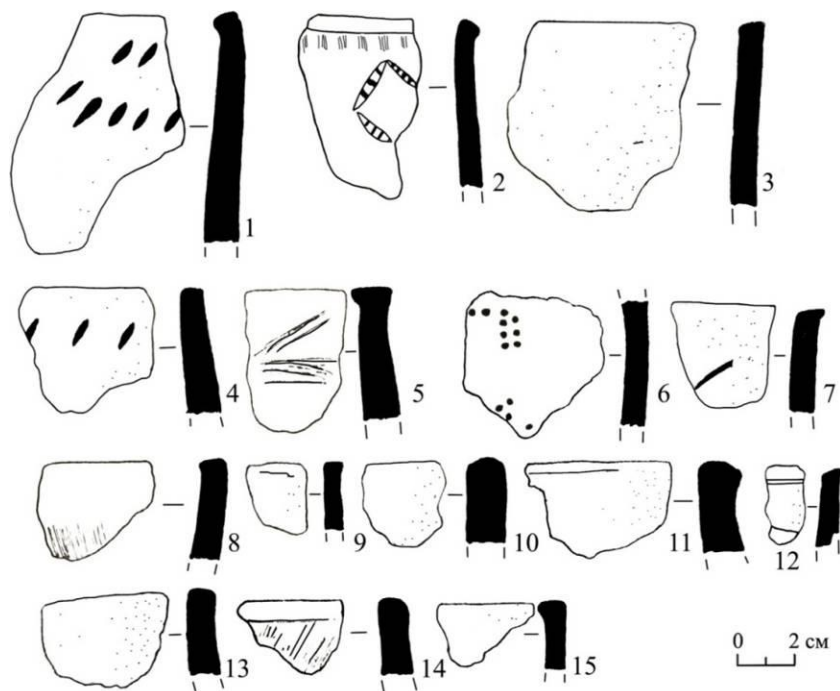

Рис. 82. Юмаковское I поселение. 1-15-срубная керамика [по: Горбунов. Отчет, 1982. Рис. 39]

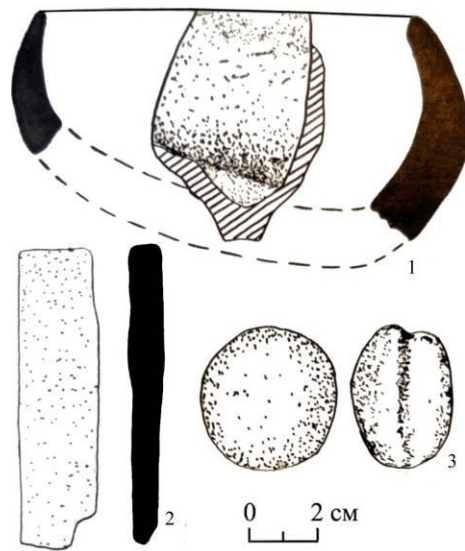

Рис. 83. Юмаковское I поселение. 1-лъячка; 2-точильный камень; 3-грузило [по: Горбунов. Отчет, 1982. Рис. 36]

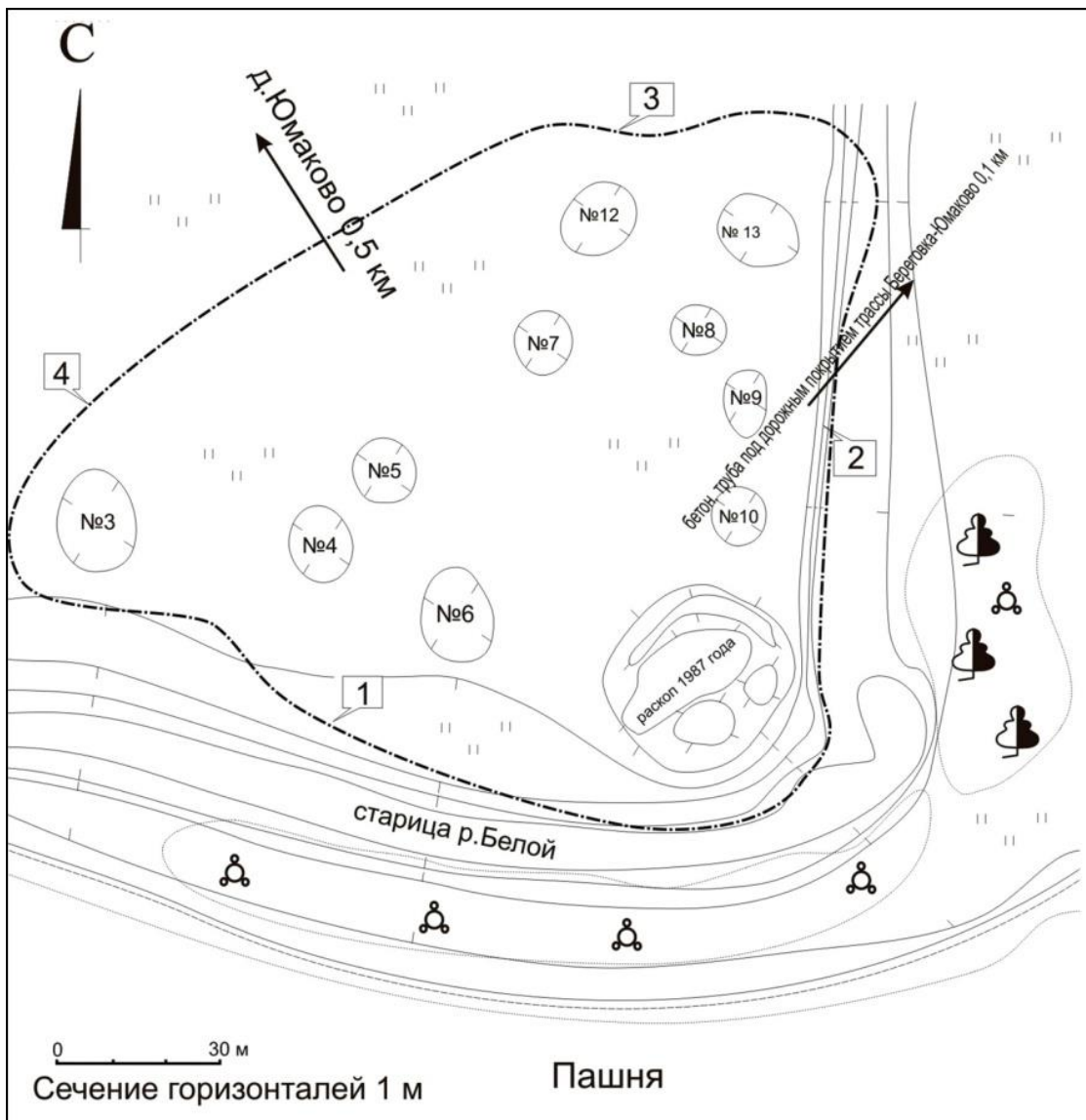

Рис. 84. Юмаковское II поселение, план (составлен автором)

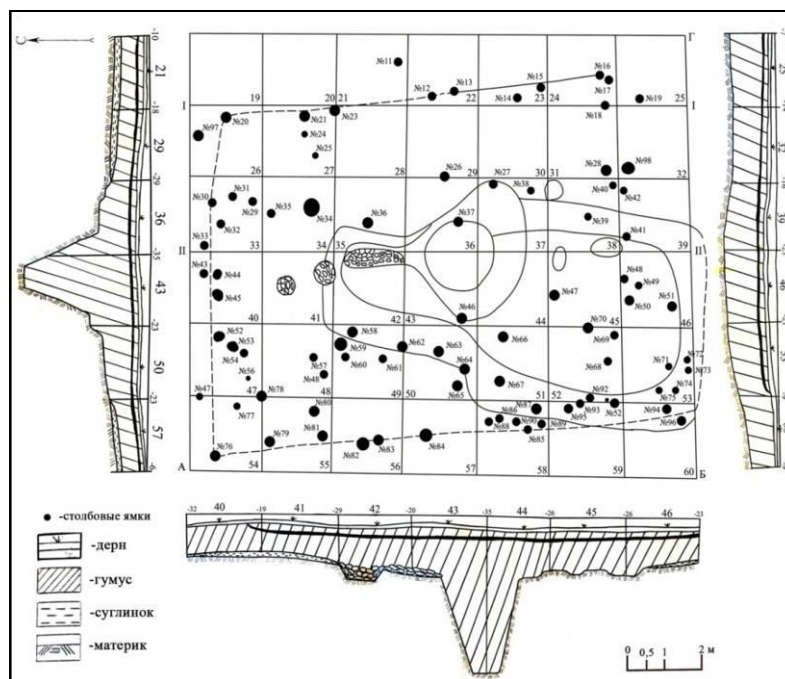

Рис. 85. Юмаковское II поселение. Постройка №1
[по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 29]

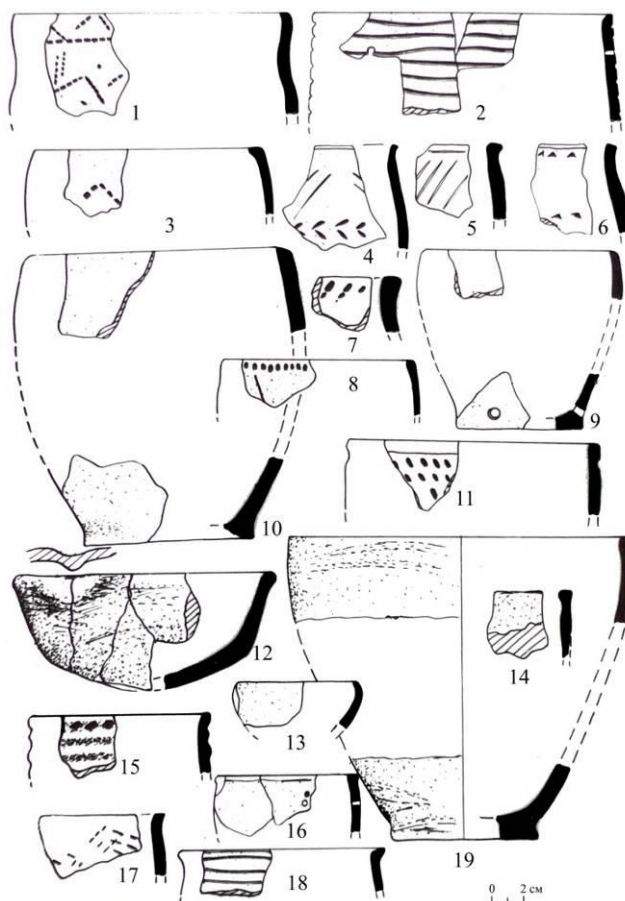

Рис. 86. Юмаковское II поселение. Керамика. 1-кв.13/3; 2, 5-кв.54/3; 3-кв.23/3; 4-кв.4/3; 6-кв.25/3; 7-кв.10/2; 8-кв.60/2; 9-кв.10/2; 10-кв.52/2; 11-кв.13/2; 12-кв.7/3; 13-кв.56/3; 14, 19-кв.18/2; 15-кв.23/2; 16-кв.15/2; 17-кв.54/2; 18-кв.9/2. 2, 5, 8, 10-постройка
[по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 22]

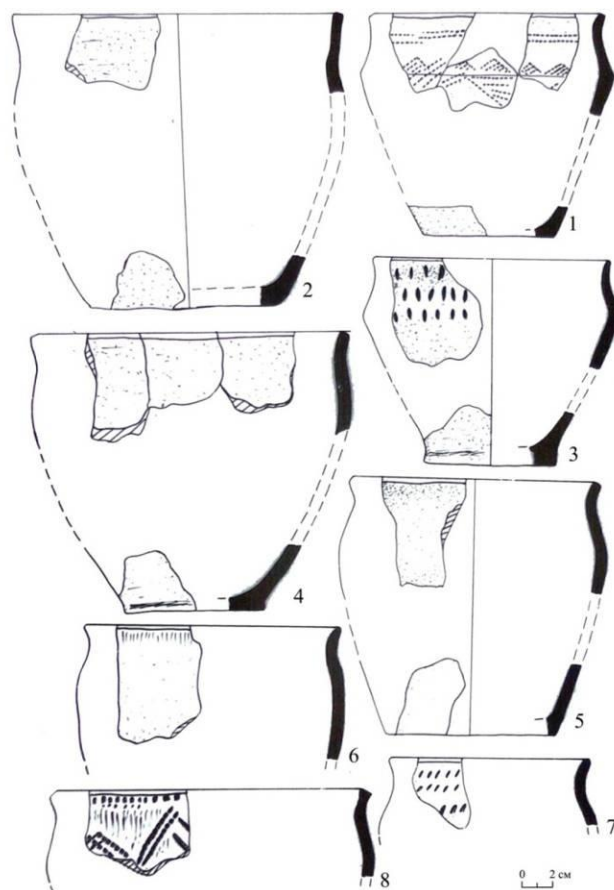

Рис. 87. Юмаковское II поселение. Керамика срубной культуры. Пласт 2.
 1-кв.3; 2-кв.54; 3-кв.7; 4-кв.27; 5-кв.41/42; 6-кв.30; 7-кв.11; 8-кв.4
 [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 20]

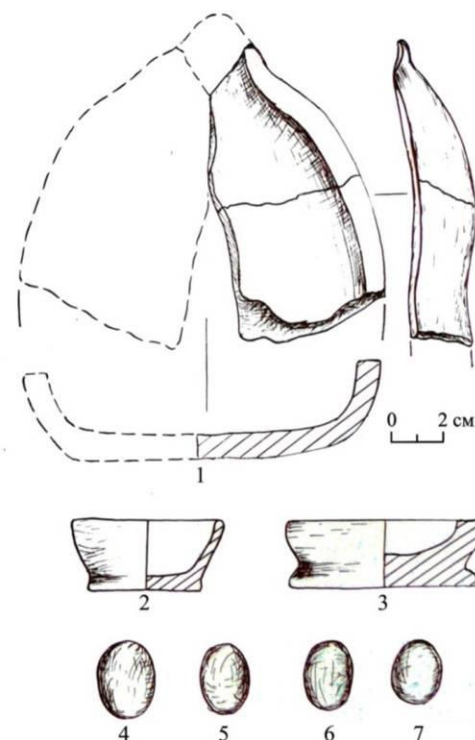

Рис. 88. Юмаковское II поселение,
 1-кв.18/3; 2-кв.54/3; 3-кв.11/3; 4-7-кв.40/4. 1-7-глина [по: Горбунов. Отчет, 1987]

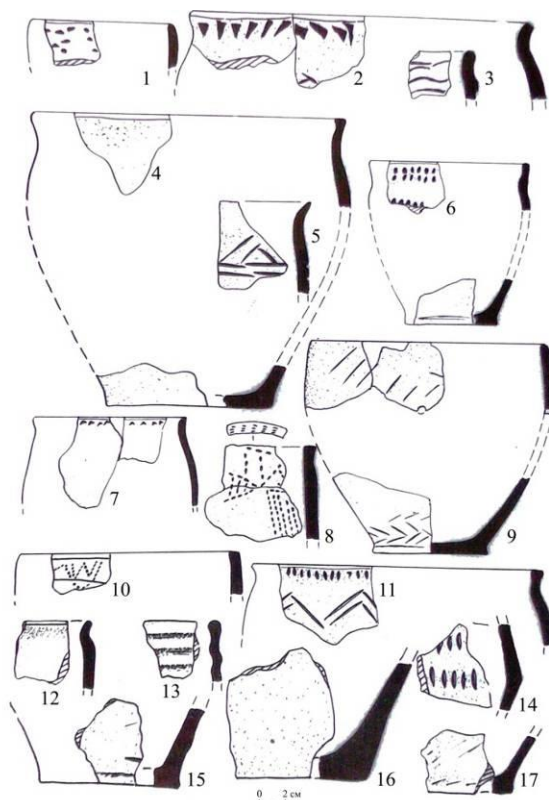

Рис. 89. Юмаковское II поселение. Керамика срубной (1-12; 14-17) и абашевской (13) культур. 1,7-кв.43/6 (колодец); 2-кв.13/3; 3-кв.14/3; 4-кв.26/4; 5-кв.16/2; 6-кв.33/3; 8-кв.26, 32/4; 9-кв.14, 44/3; 10-кв.56/3; 11, 15/кв.42/4; 12-кв.17/3; 13-кв.4/3; 14-кв.7/2.
1, 4, 6-8, 11, 15-постройка [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 30]

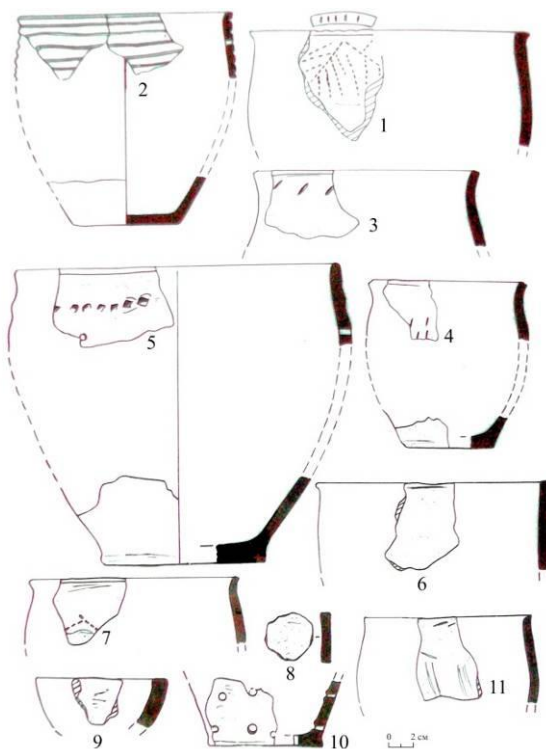

Рис. 90. Юмаковское II поселение. Синташтинская (2) и срубная (1, 3-11) керамика из постройки. 1-кв.26/4; 2-кв.32/4; 3-бровка II в постройке; 4-кв.27/3; 5-кв.44/4; 6-кв.30/3; 7-кв.47/4; 8-кв.26/3; 10-кв.54/3; 11-кв.52/4 [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 31]

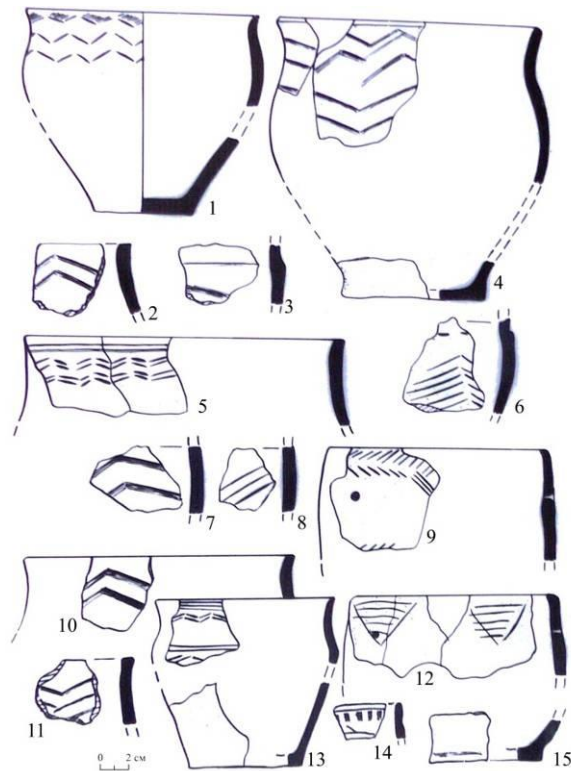

Рис. 91. Юмаковское II поселение. Керамика межовской (1, 5, 13) и алакульской (2-4; 6-12; 14, 15) культур. 1-кв.44/3 (колодец); 2-кв.33/4; 3-яма №5; 4-6-кв.16/3; 5-яма №48; 6, 7-кв.50/4; 8-кв.55/4; 9-кв.48/4; 10-кв.33/4; 11, 12-кв.42/4; 13-кв.5/2; 14-кв.19/3; 15-кв.44/4. 1-3, 5-12, 15-постройка [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 36]

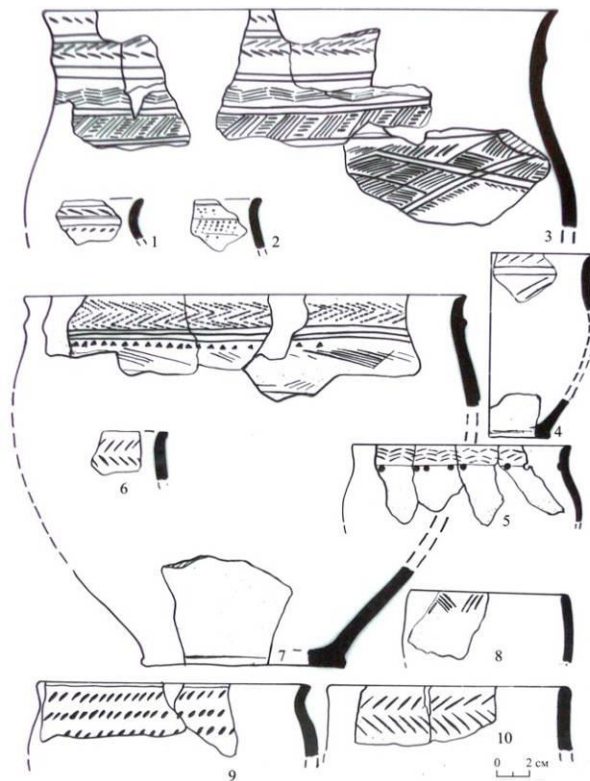

Рис. 92. Юмаковское II поселение. Межовская (1-4, 6-10) и курмантауская керамика (5). 1-кв.51/3; 2-кв.43/3; 3-кв.54/3; 4-кв.34/3; 5-кв.19/2; 6-кв.17/2; 7-кв.18/2; 8-кв.21/3; 9-кв.14/3; 10-кв.26/3. 1-4, 10-постройка [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 37]

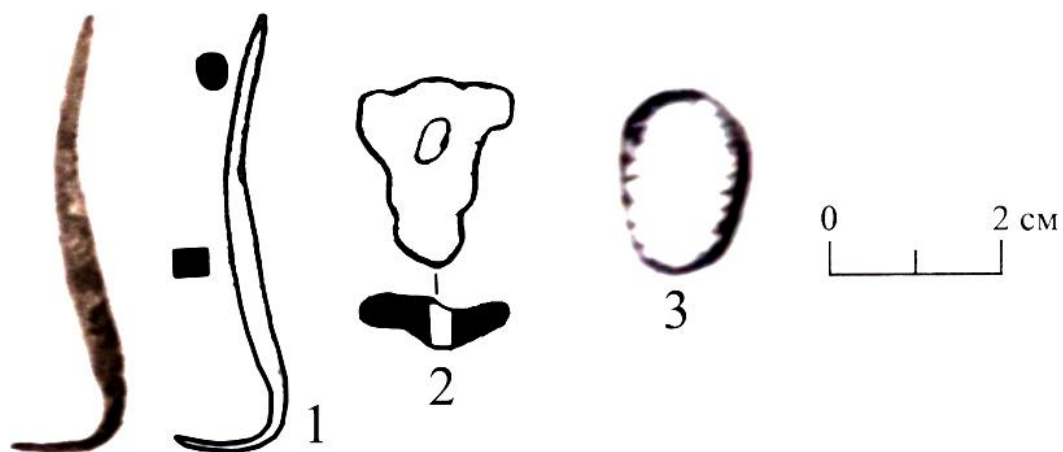

Рис. 93. Юмаковское II поселение. Металл, бронза.
1-скоба; 2, 3-слитки металла. 1-кв.18/3; 2-кв.2/4; 3-кв.28/4
[по: Горбунов. Отчет, 1987]

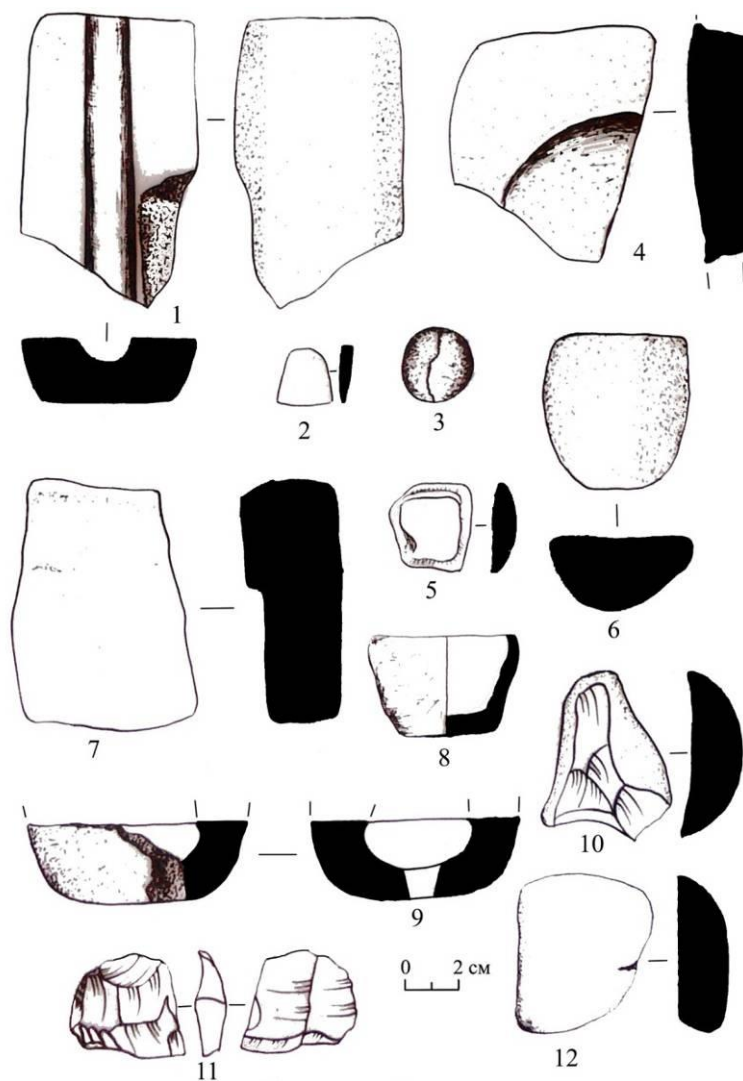

Рис. 94. Юмаковское II поселение. Изделия из камня (1, 2, 4, 7), глины (3, 8, 9, 11) и кремня (10). 1-кв.26/3; 2-постройка; 3-кв.41/3; 4-кв.42/3; 5-кв.39/4; 6-кв.56/постройка; 7-кв.21/3; 8-кв.55/2; 9-кв.12/4; 10-кв.1/3; 11-кв.41/1
[по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 41]

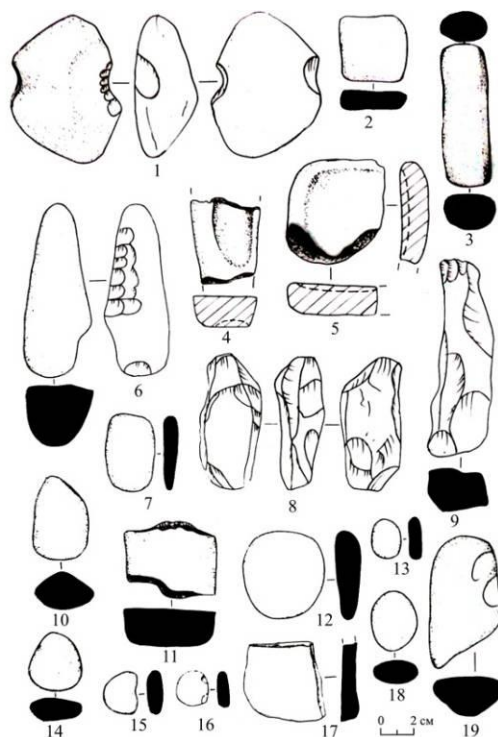

Рис. 95. Юмаковское II поселение. Изделия из камня.
 1-кв.23/3; 2-кв.29/1; 3-кв.47/4; 4, 5-кв.18/2; 6-кв.29/3; 7, 13-кв.43/5; 8-кв.54/2; 9-кв.49/4; 10,
 12-кв.17/3; 11-кв.56/4; 14, 18-кв.54/3; 15, 16-кв.23/3; 17-кв.26/4; 19-кв.13/2
 [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 42]

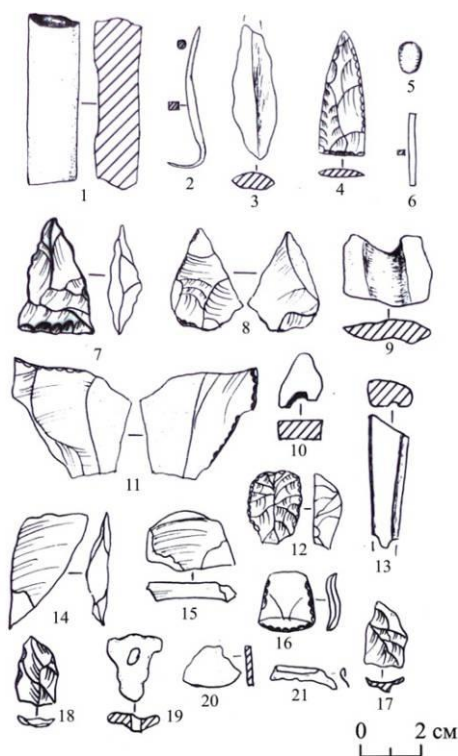

Рис. 96. Юмаковское II поселение. 1-кв.32/4; 2-кв.1/3; 3-кв.8/2; 4-кв.32/3; 5-кв.2/4; 6-
 кв.21/3; 7-кв.11/2; 8-кв.45/3; 9-кв.19/4; 10, 11-кв.57/3; 12-кв.46/5, зачистка; 13-кв.19/3; 14-
 кв.4/материк; 15-подъемный материал; 16-кв.25/3; 17, 18-кв.15/2; 19-кв.28/4; 20, 21-кв.27/4
 1, 3, 9, 10, 13, 20-кость; 2, 5, 6, 19, 21-металл, бронза; 4, 7, 8, 11, 12, 14-18-камень, кремний
 [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 44]

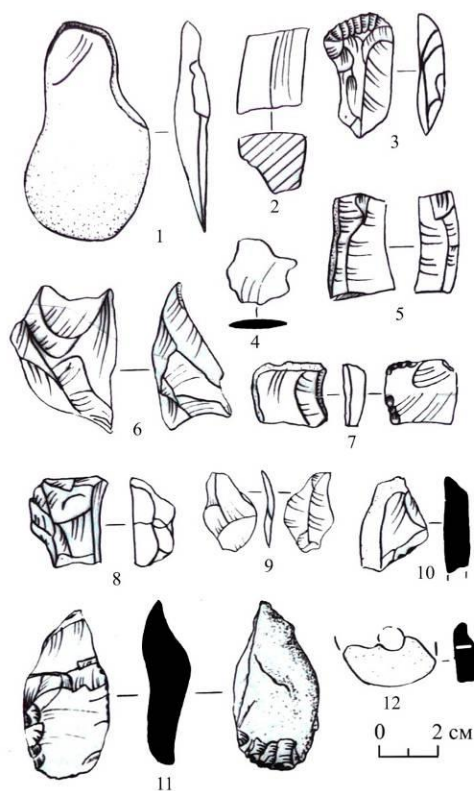

Рис. 97. Юмаковское II поселение. Изделия из кремня (1-11) и глины (12)
 1-кв.16/3; 2-кв.51/4; 3-кв.59/3; 4-кв.13/1; 5-кв.25/4; 6-кв.56/4; 7-кв.54/3; 8-кв.40/5; 9-кв.2/3;
 10-кв.47/4; 11, 12-кв.3/4. 3, 5-10-постройка [по: Горбунов. Отчет, 1987. Рис. 45]

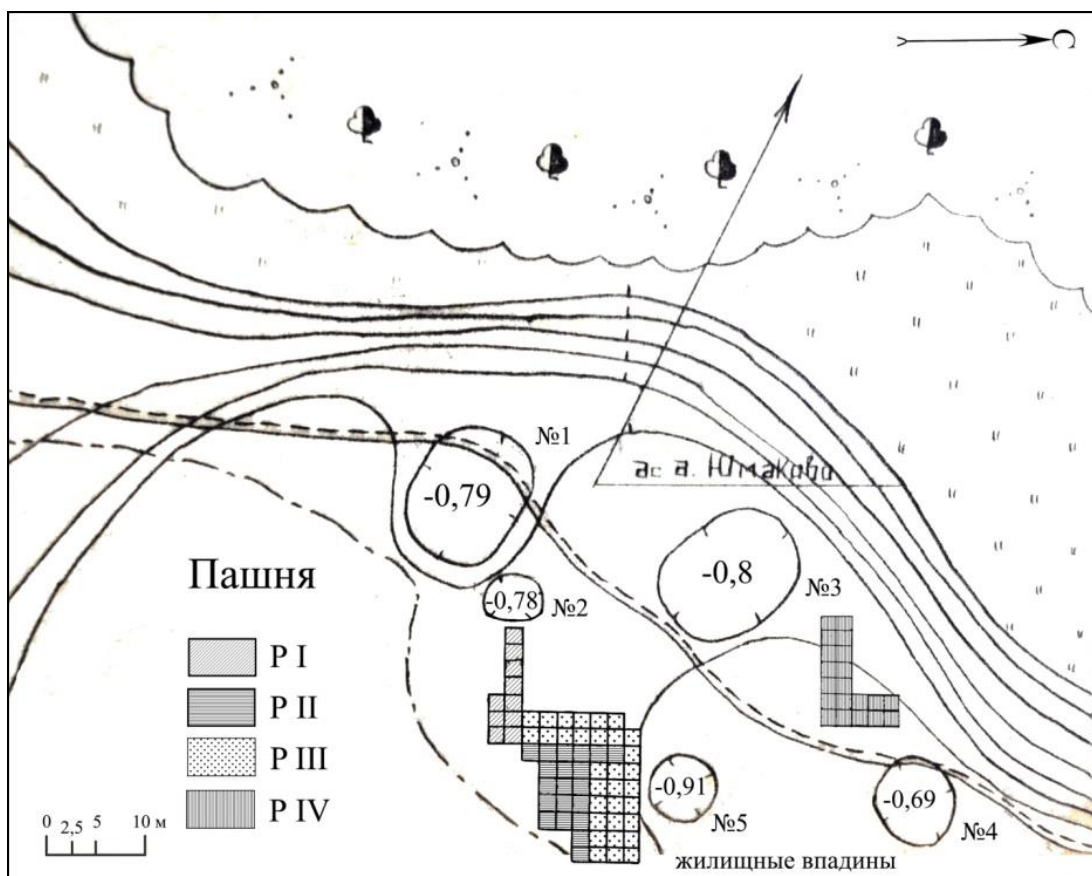

Рис. 98. Юмаковское III поселение, план (рисунок автора)

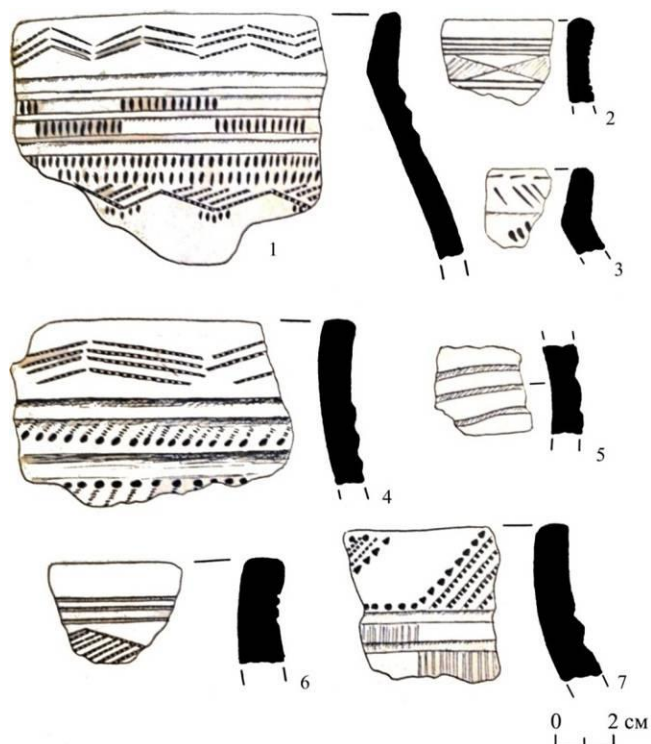

Рис. 99. Юмаковское III поселение. Абашевская керамика.
 1-кв.12/2; 2-кв.30/2; 3-кв.3/3; 4-кв.28/3; 5-кв.29/3; 6-кв.9/3; 7-кв.28/2
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 26]

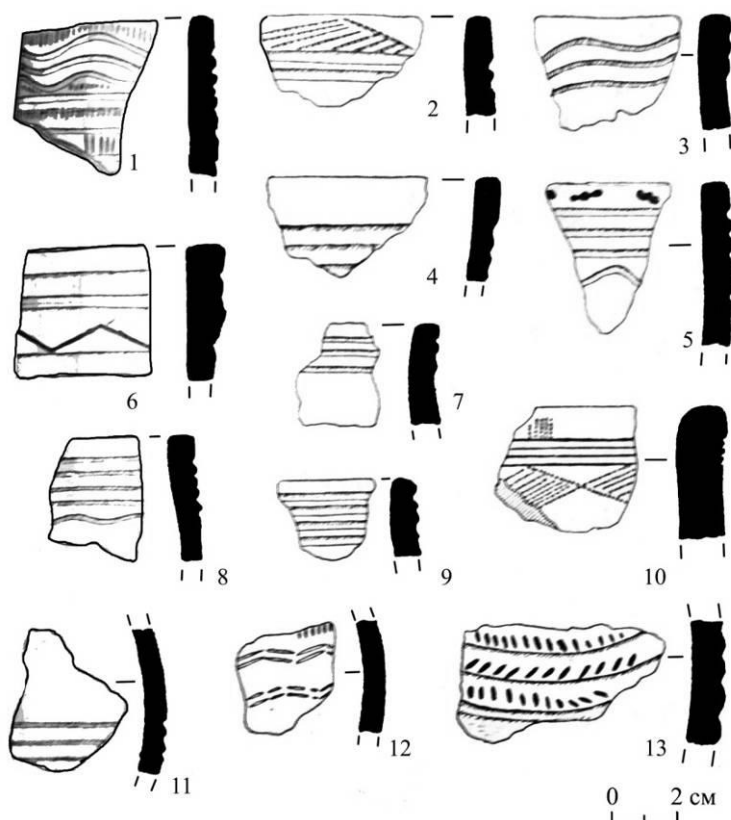

Рис. 100. Юмаковское III поселение. Абашевская керамика.
 1-кв.3/4; 2, 13-кв.13/2; 3, 8-кв.2/2; 4-кв.12/3; 5-кв.5/3; 6-кв.28/3; 7-кв.16/3; 9-кв.5/2; 10-
 кв.10/2; 11-кв.16/3; 12-кв.5/2 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 27]

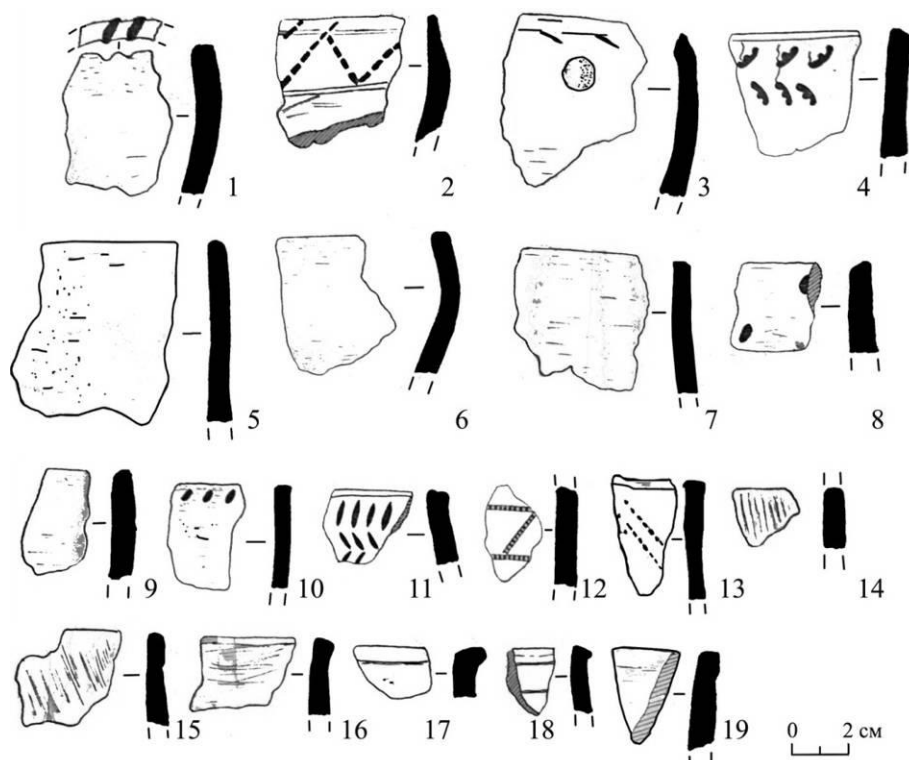

Рис. 101. Юмаковское III поселение. Срубная керамика.
 1, 2, 4-кв.23/3; 3-8, 11, 12-кв.22/1-2; 5, 6-кв.31/1; 7-кв.28/2; 9-кв.24/3; 10-кв.15/1; 13-кв.28/3;
 14-кв.21/3; 15-кв.8/2; 16-кв.20/1; 17-кв.4/1; 19-кв.24/4
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 28]

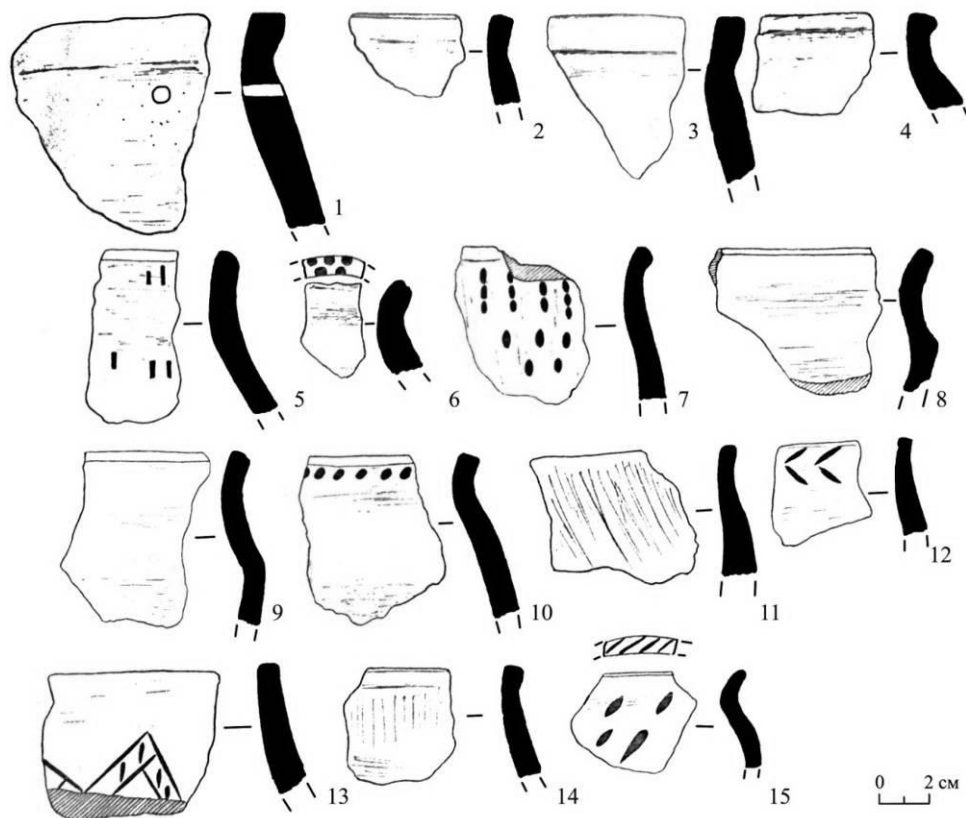

Рис. 102. Юмаковское III поселение. Раскоп III. Срубная керамика
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 29]

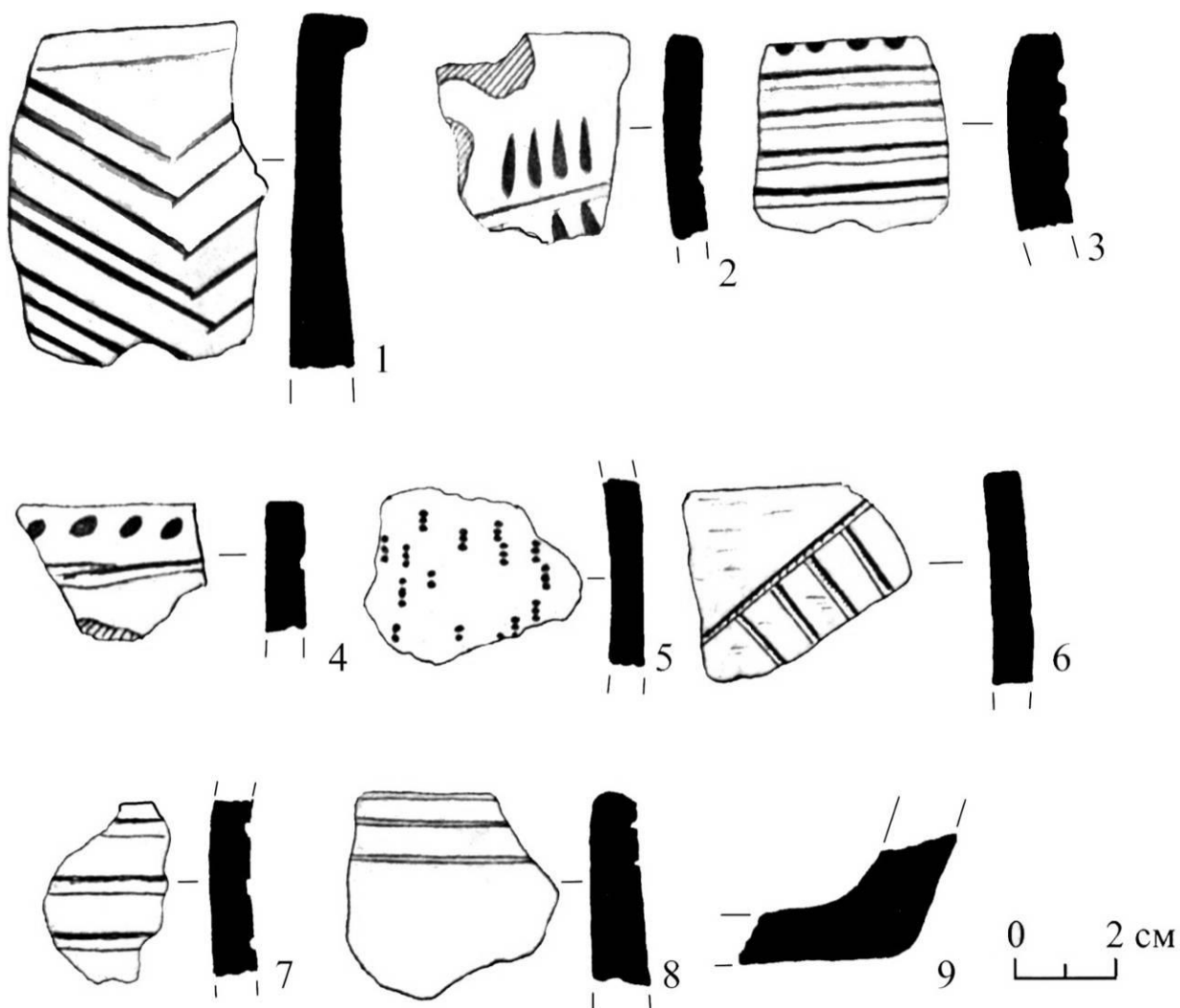

Рис. 103. Юмаковское III поселение. Раскоп III. Керамика.
 1-кв.28/3; 2-кв.20/1; 3-кв.11/1; 4, 7-кв.8/2; 5-кв.22/1; 6-кв.31/1-2; 8-кв.27/3; 9-кв.25/3
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 30]

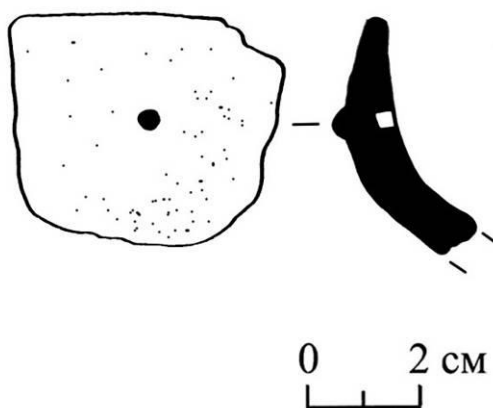

Рис. 104. Юмаковское III поселение. Раскоп III.
 Фрагмент сосуда культуры курмантау, кв.32/2
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 30а]

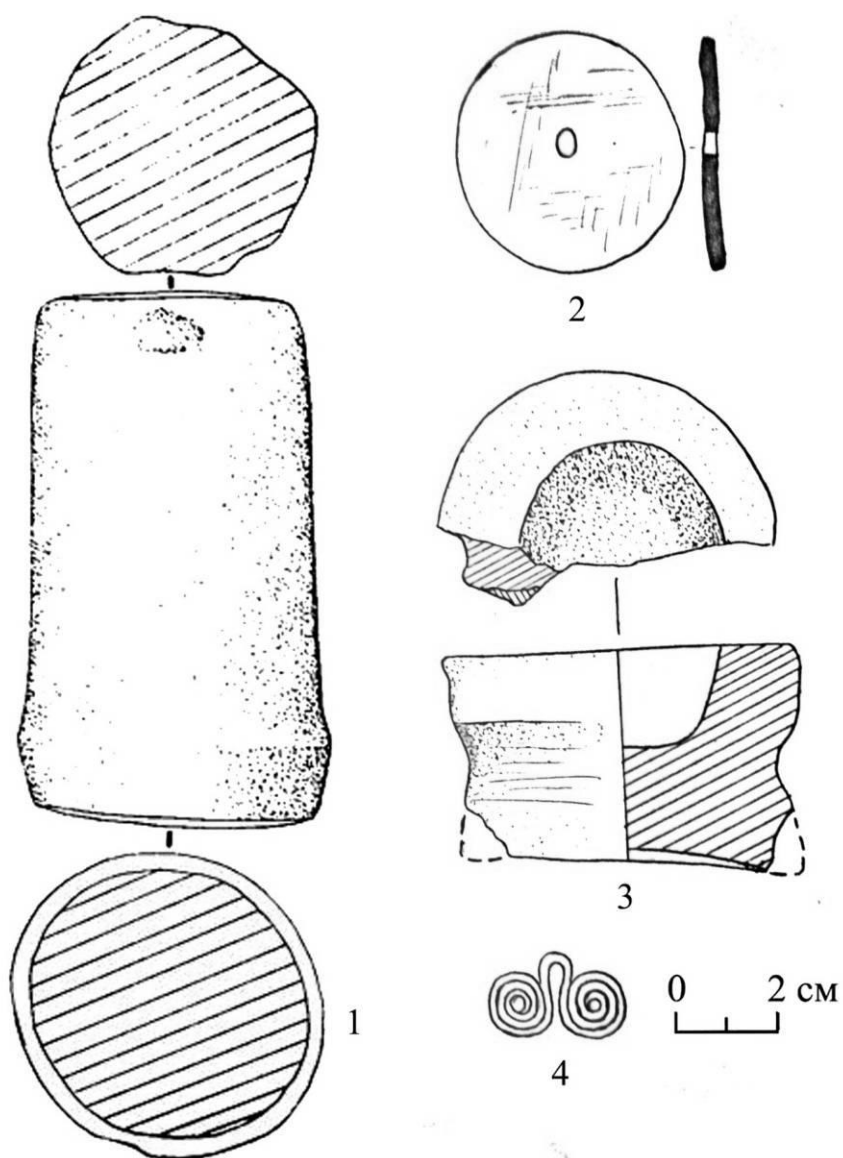

Рис. 105. Юмаковское III поселение. Раскоп III. Индивидуальные находки.
 1, 4-кв.1/2; 2-кв.28/3; 3-кв.21/3
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 25]

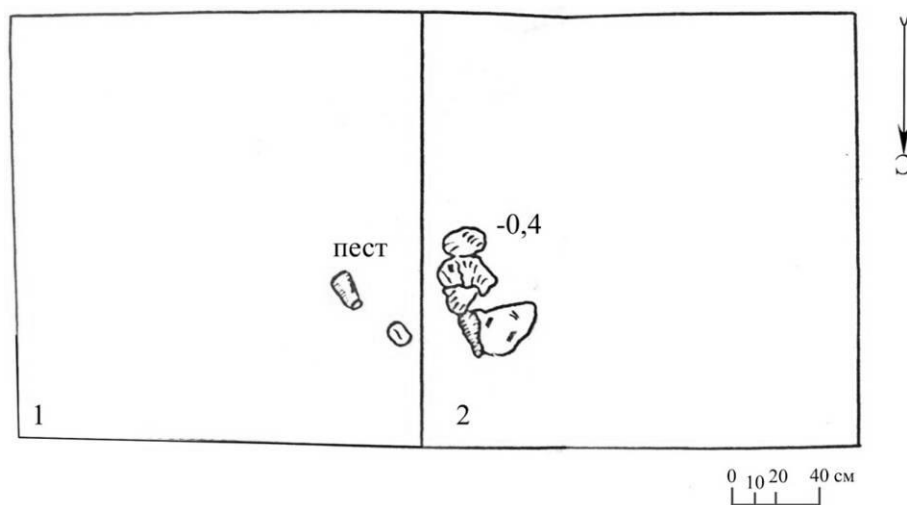

Рис. 106. Юмаковское III поселение. Скопление камней и песта из кв.1-2
 [по: Горбунов. Отчет, 1983. Рис. 24]

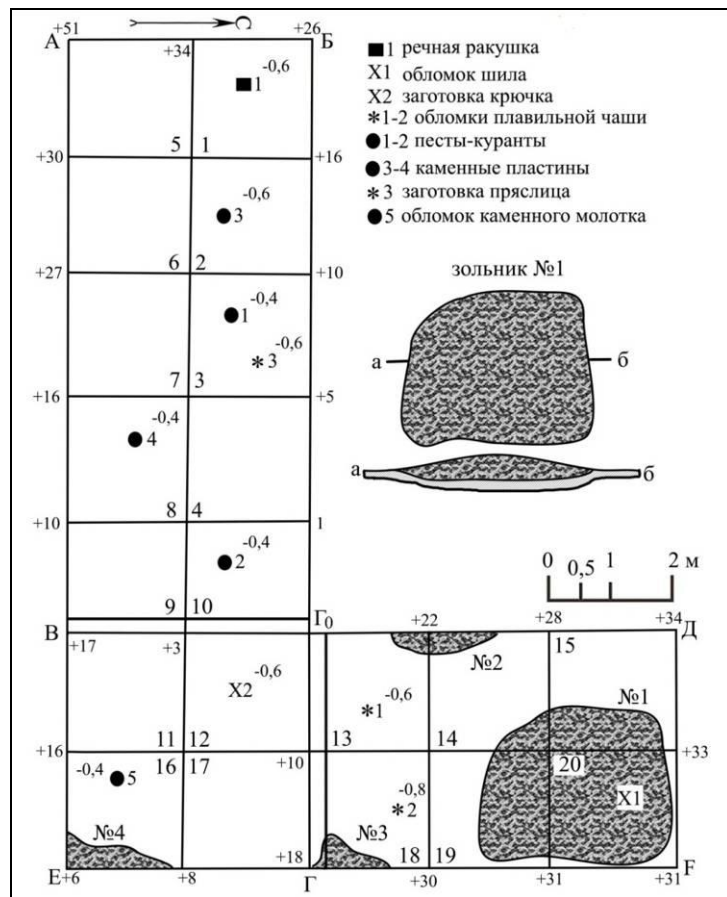

Рис. 107. Юмаковское III поселение. Раскоп IV.
Планиграфия индивидуальных находок [по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 51]

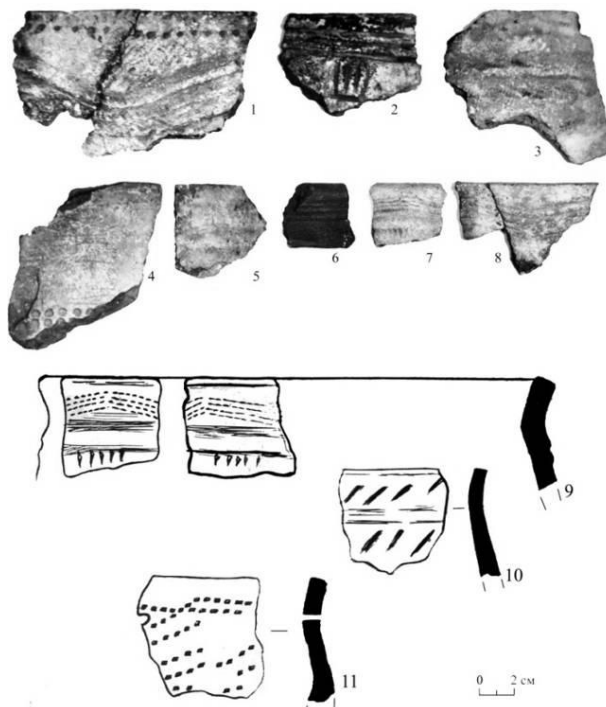

Рис. 108. Юмаковское III поселение. Раскоп IV. Абашевская керамика.
1, 2-кв.13/3; 3-кв.18/3; 4-кв.18/4; 5-кв.13/3; 6-кв.8/2; 7, 8-кв.12/3; 9-кв.7/3; 10-кв.9/2;
11-кв.6/2 [по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 55, 56]

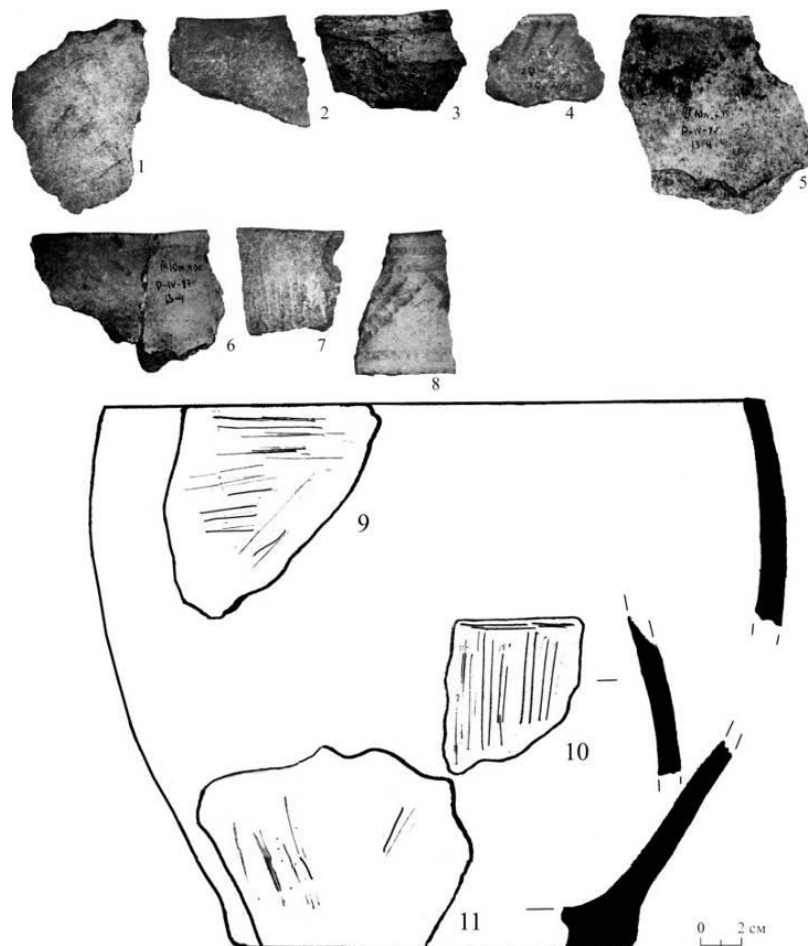

Рис. 109. Юмаковское III поселение. Раскоп IV. Срубная керамика.
 1-кв.3/3; 2-кв.5/3; 3-кв.3/2; 4-кв.12/2; 5-кв.1/2; 6-кв.18/4; 7, 8-кв.13/4; 9-кв.4/1; 10-кв.16/2;
 11-кв.12/2 [по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 54, 56, 59]

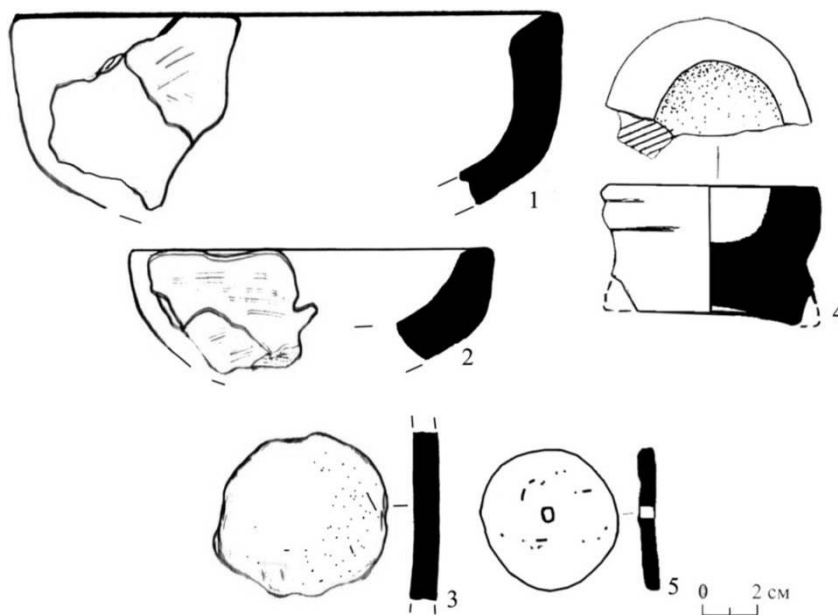

Рис. 110. Юмаковское III поселение.
 1-3-раскоп IV. 1-2-плавильные чаши; 3-заготовка керамического пряслица; 4-плавильная
 чаша; 5-керамическое пряслице. 1-кв.18/4; 2-кв.13/3; 3-кв.3/3
 [по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 61]

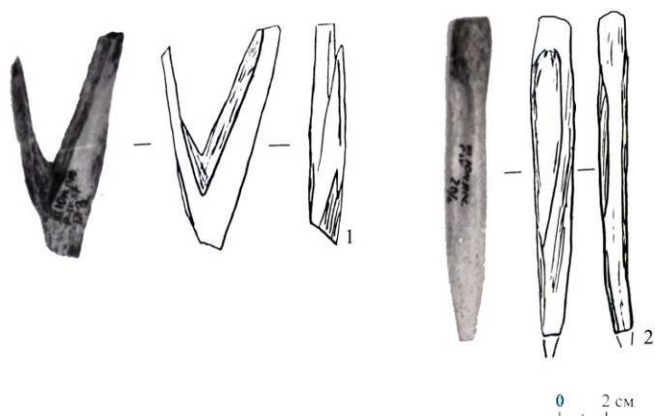

Рис. 111. Юмаковское III поселение. Раскоп IV. Костяные орудия.
1-заготовка крючка; 2-проколка. 1-кв.12/3; 2-кв.20/4
[по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 62, 63]

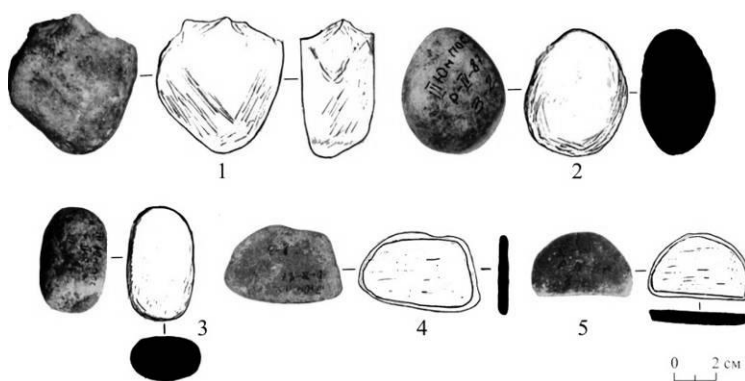

Рис. 112. Юмаковское III поселение. Раскоп IV. Каменные орудия.
1-кв.10/2; 2-кв.3/2; 3-кв.16/2; 4-кв.2/3; 5-кв.8/2
[по: Горбунов. Отчет, 1988. Рис. 64, 65]

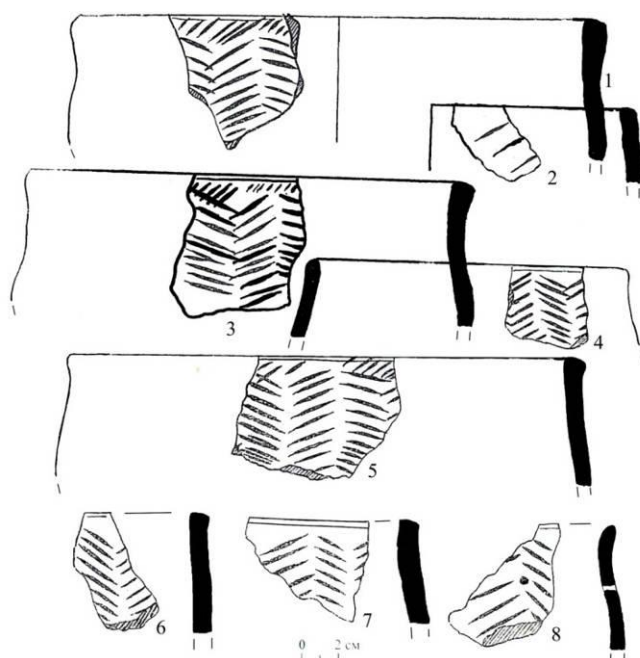

Рис. 113. Юмаковское III поселение. Алакульская керамика
[по: Горбунов, 1989. Рис. 7]

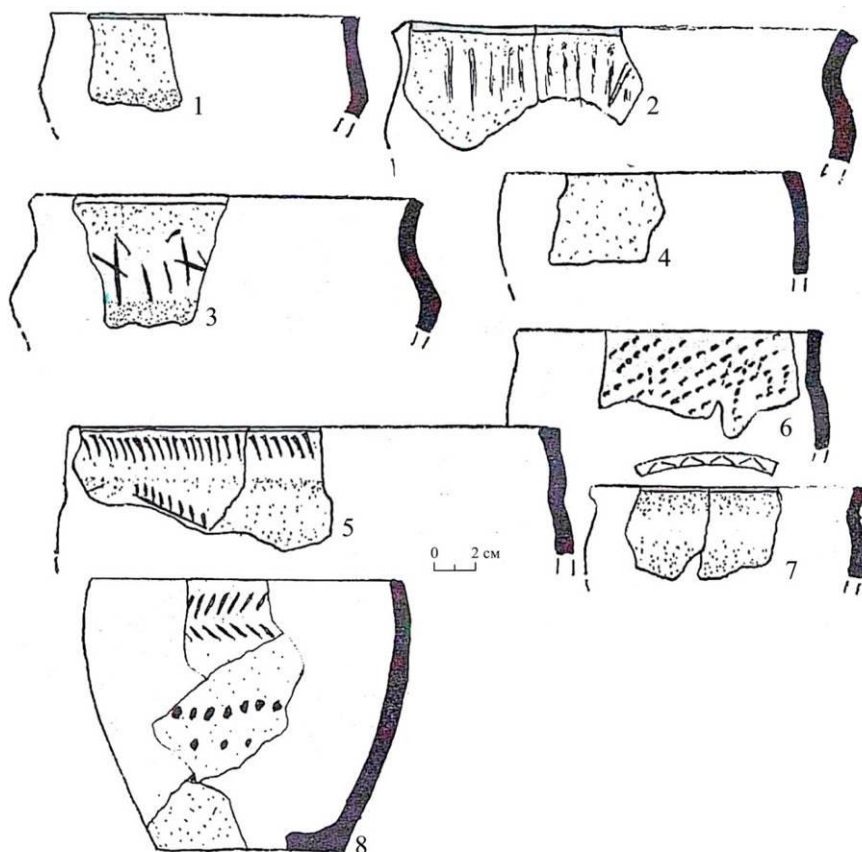

Рис. 114. Юмаковское III поселение. Срубная керамика
[по: Горбунов, 1989. Рис. 8]

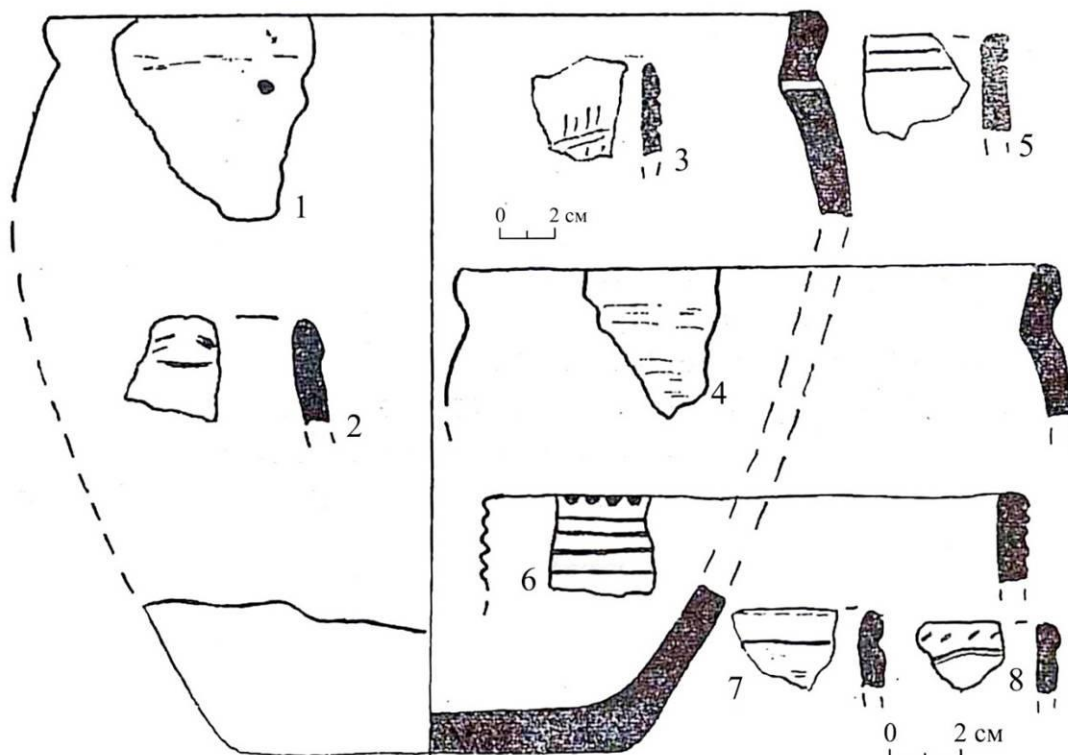

Рис. 115. Юмаковское III поселение. Керамика покровского типа (1, 2, 4, 5, 7, 8) и абашевской (3, 6) культуры [по: Горбунов, 1989. Рис. 9]

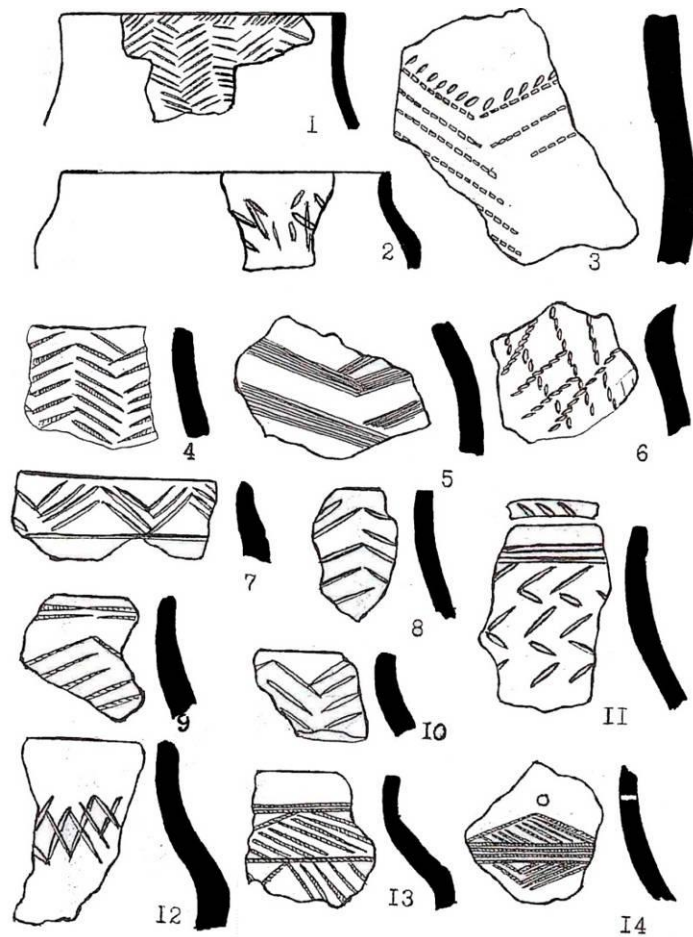

Рис. 116. Юмаковские I-III поселения. Срубно-алакульская керамика [по: Рутто, 2003. С. 145. Рис. 9]

Рис. 117. Юмаковское IV поселение (план выполнен автором)

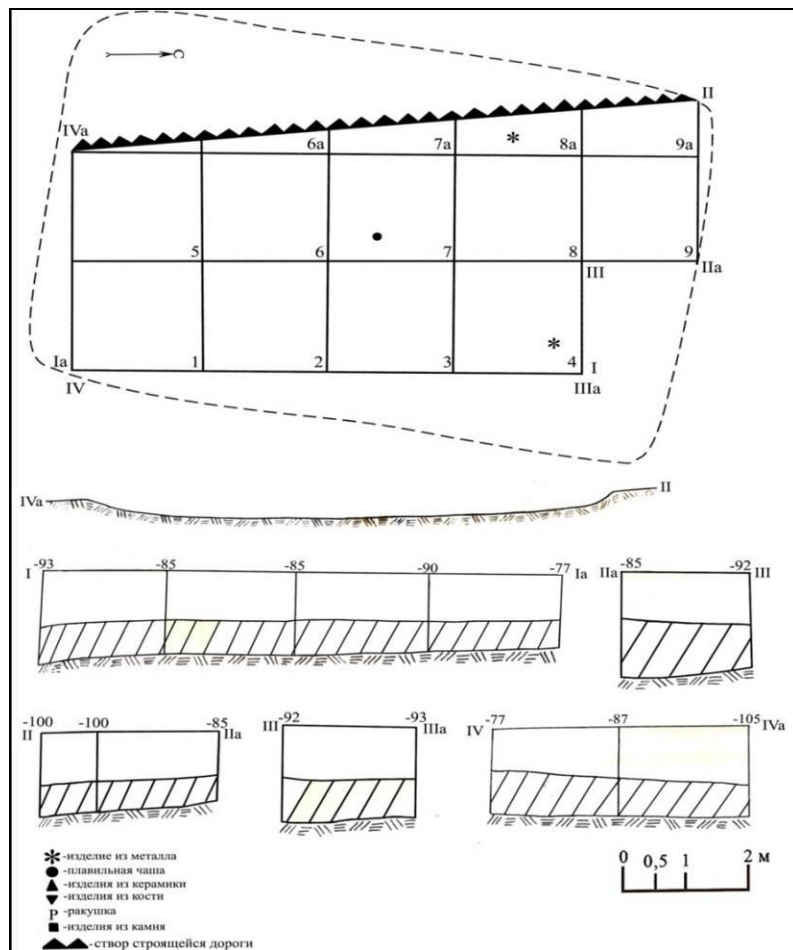

Рис. 118. Юмаковское IV поселение. Раскоп I. Постройка №1 [по: Горбунов. Отчет. 1989]

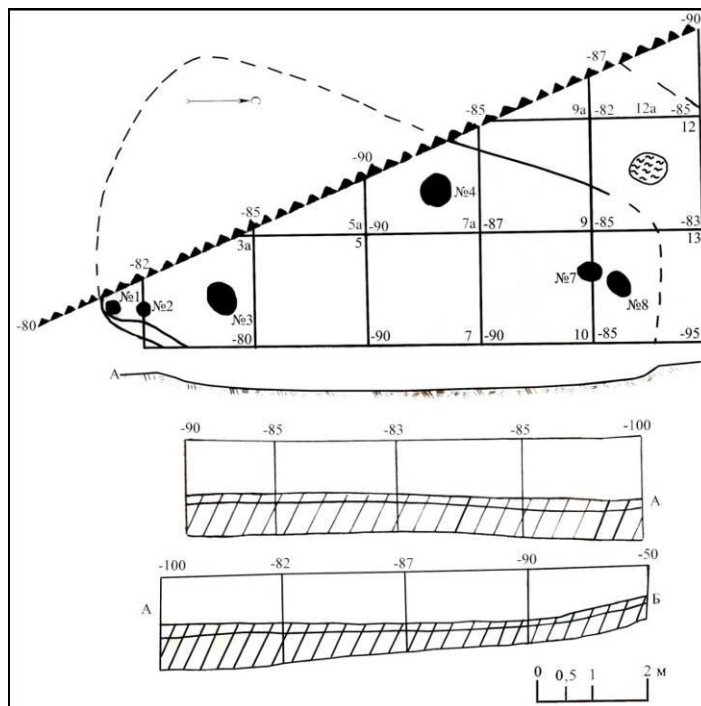

Рис. 119. Юмаковское IV поселение. Раскоп II. Постройка №2. 1-кв.7/2; 2-кв.2/3; 3-кв.7А/3 [по: Горбунов. Отчет. 1989]

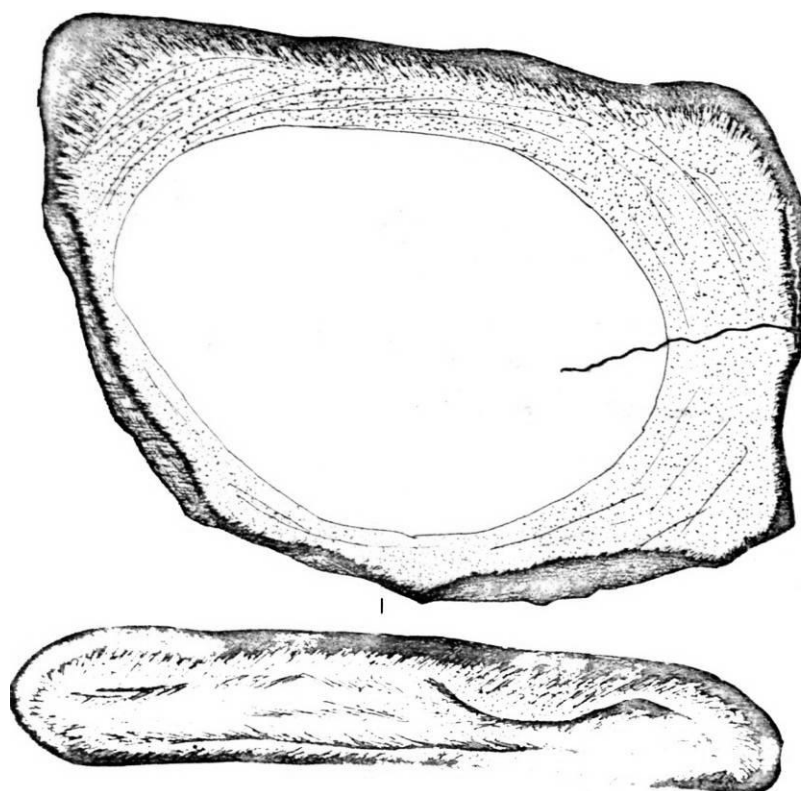

Рис. 120. Юмаковское IV поселение. Каменная плита. Раскоп II. Постройка 2, кв.4/3
[по: Горбунов. Отчет. 1989. Рис. 92]

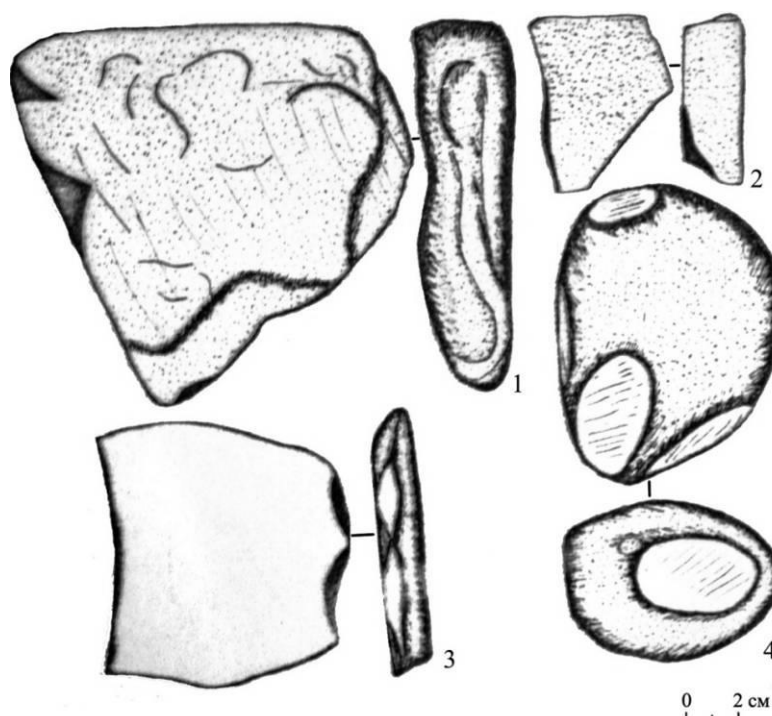

Рис. 121. Юмаковское IV поселение. Каменные орудия. Постройка 2. Пласт 3.
1-кв.6; 2-кв.5; 3-кв.5; 4-кв.11 [по: Горбунов. Отчет. 1989. Рис. 84]

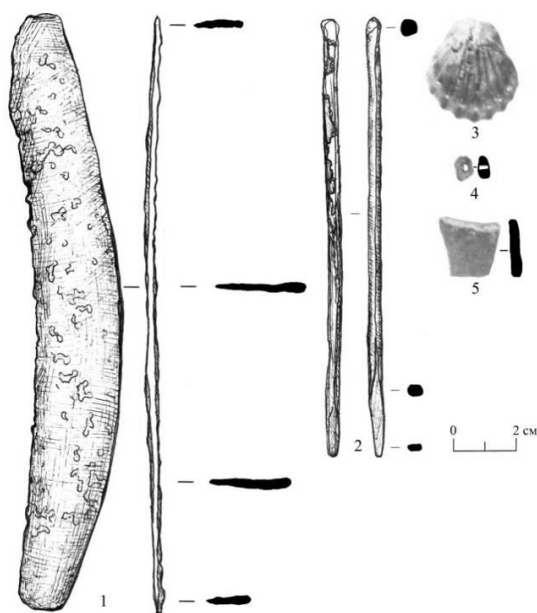

Рис. 122. Юмаковское IV поселение. Индивидуальные находки.
 1, 2, 4, 5-бронза; 3-раковина. 1-кв.8А/3, раскоп I; 2-кв.4/4, раскоп I; 3-кв.3/3, раскоп II; 4-кв.7/3, раскоп II; 5-подъемный материал
 (1, 2-рисунки автора; 3-5- по: Горбунов. Отчет. 1989. Рис.94)

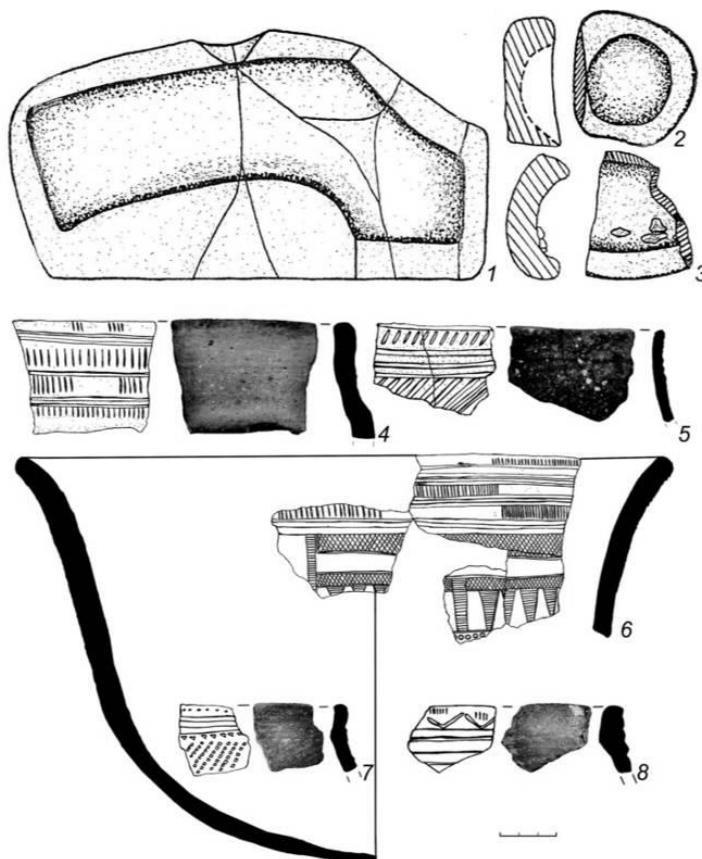

Рис. 123. Абашевские материалы горнолесной зоны Южного Урала.
 1 – 3, 7, 8 – поселение Азануй – 1; 4, 5 – Афанасьевская стоянка; 6 – пещера Неолитовая
 1 – тигель; 2, 3 – литейные формы
 (1-3- по: Морозов, 2003. С. 113-114; 4-8-рисунки автора)

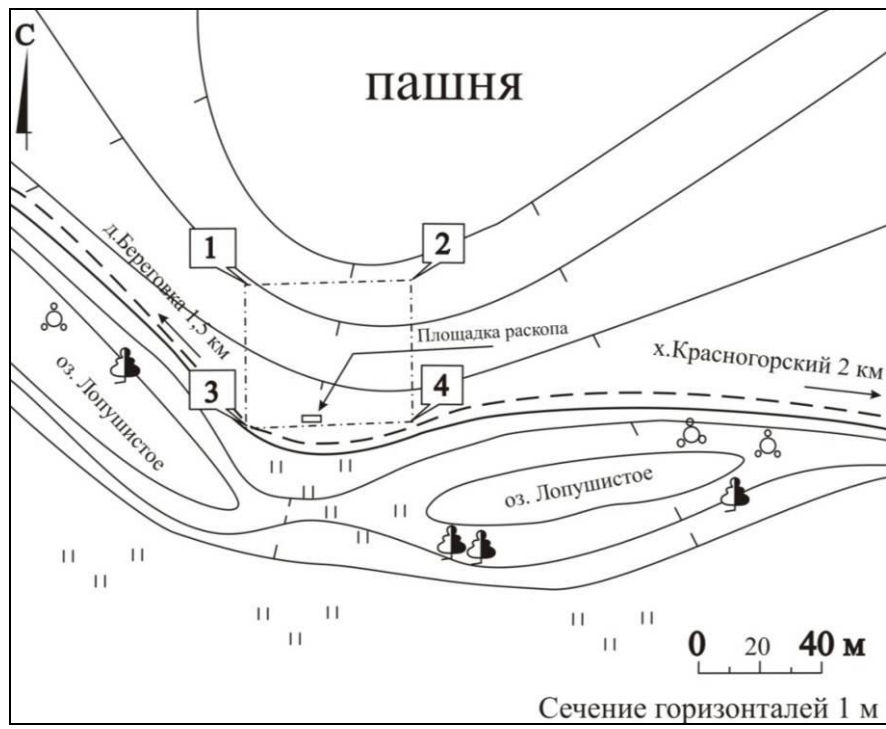

Рис. 124. Стоянка Озерки I. Топографический план (составлен автором)

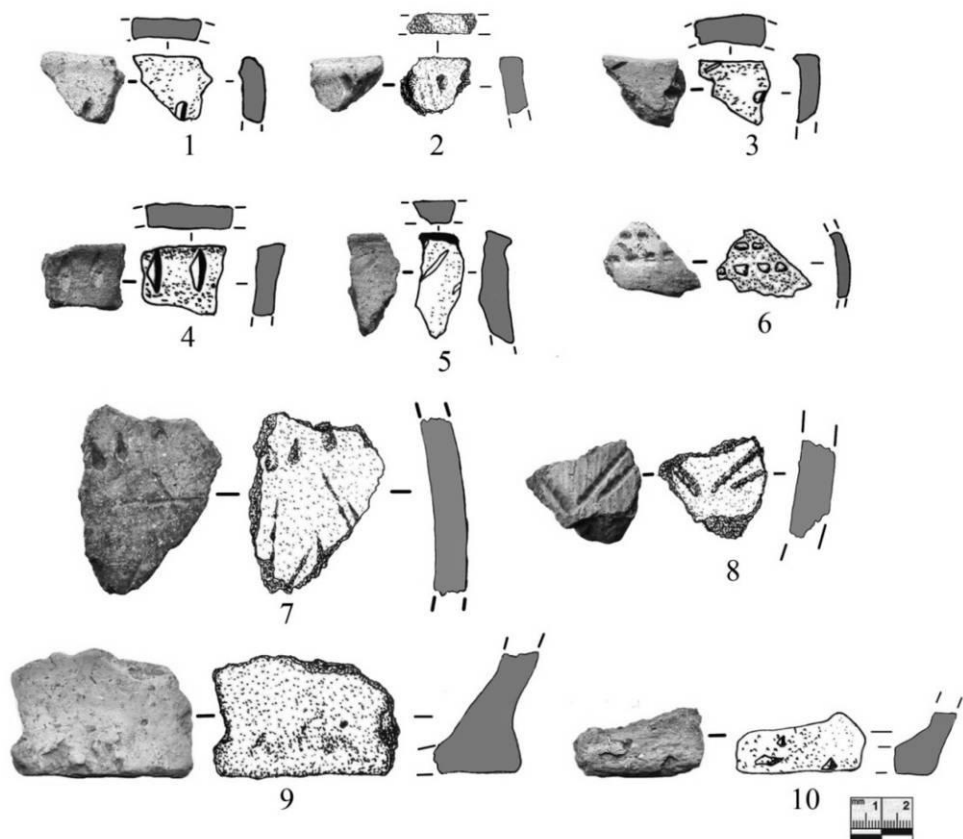

Рис. 125. Стоянка Озерки I. Подъемный материал – фрагменты керамических сосудов (рисунки автора)

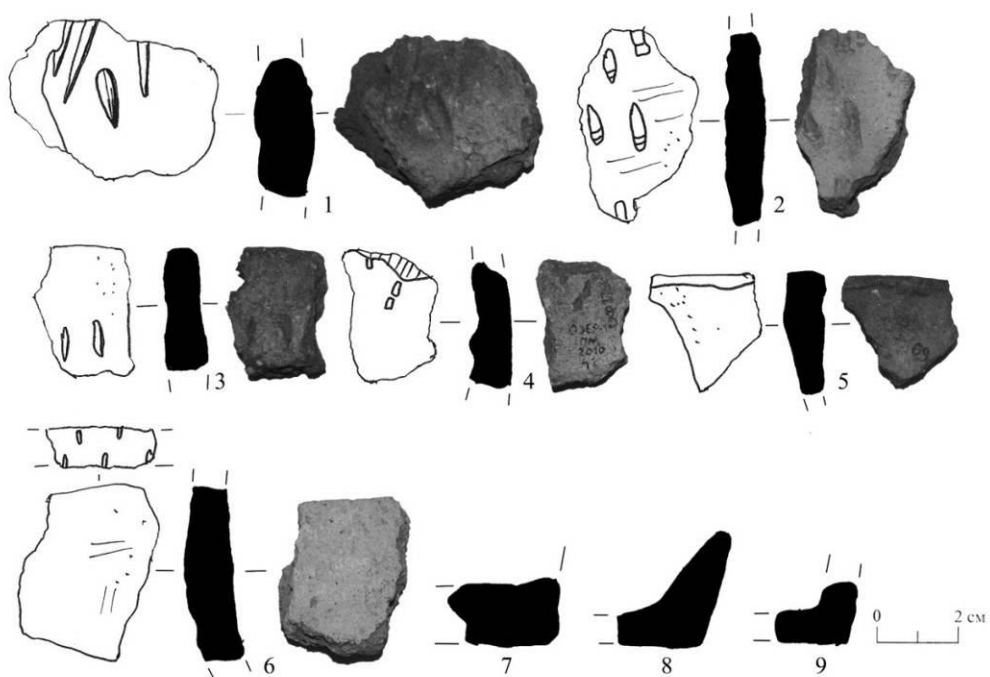

Рис. 126. Стоянка Озерки I. Фонды Национального музея РБ. Разведочные работы М.М. Румянцева, 2010 г. 8-фрагмент блюда с примесью талька в тесте (рисунки автора)

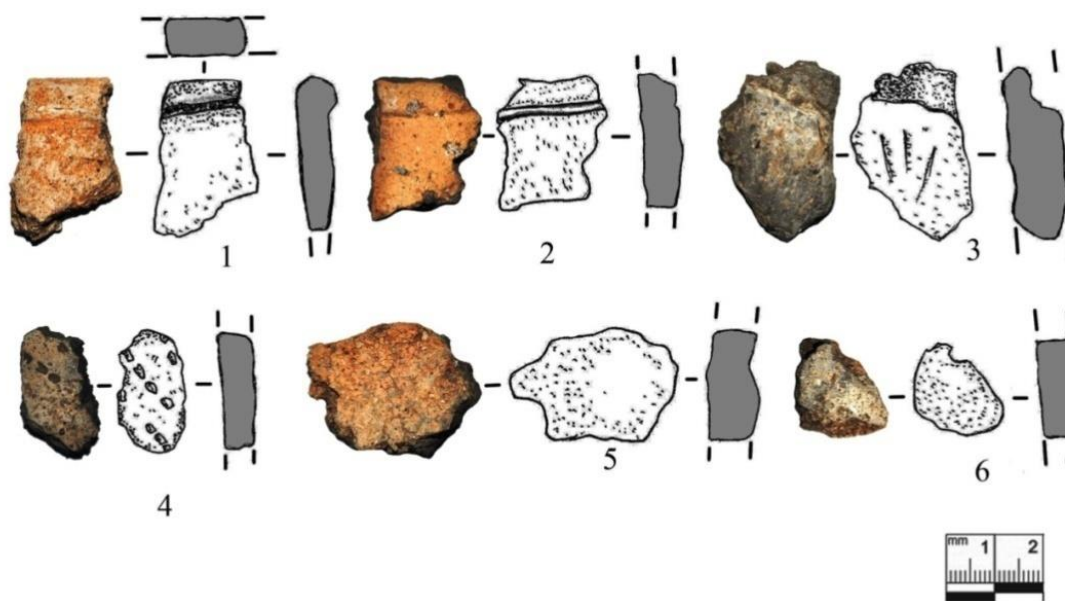

Рис. 127. Стоянка Озерки I. Керамика. Раскоп 2015 г (рисунки автора)

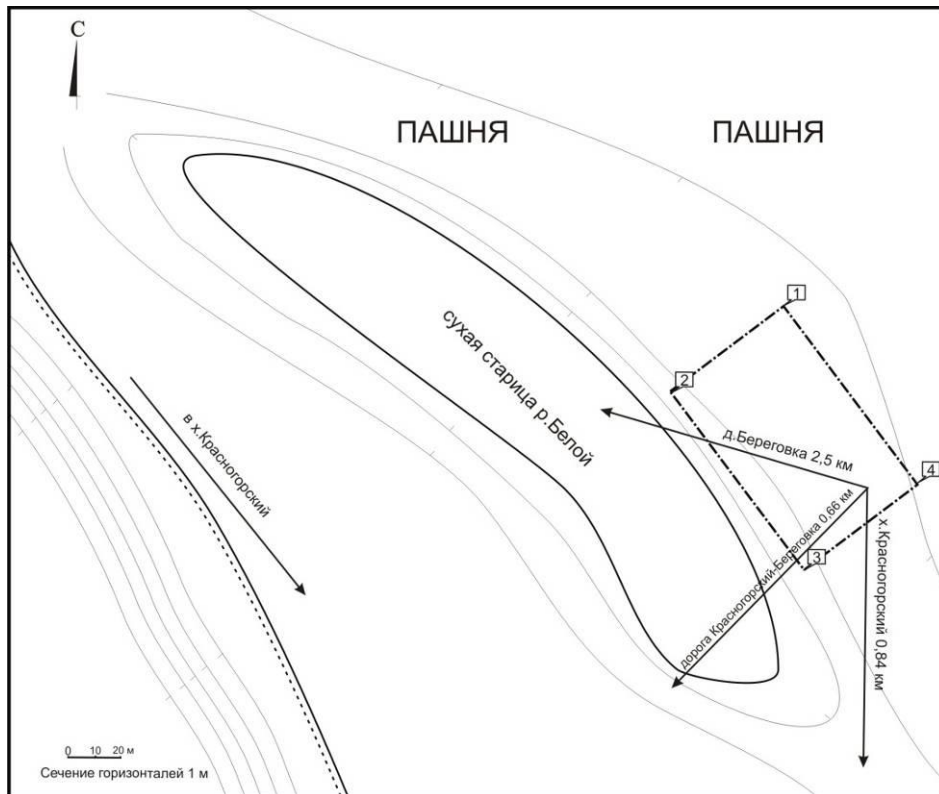

Рис. 128. Красногорская-1, стоянка, план (составлен автором)

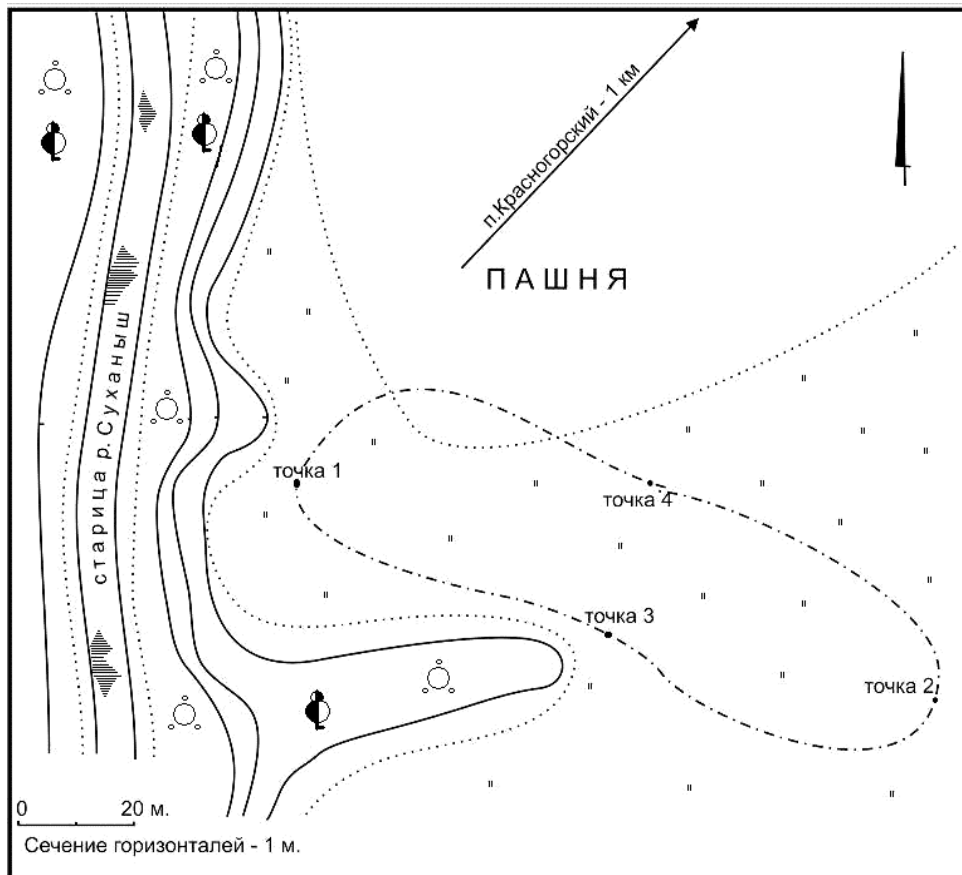

Рис. 129. Стоянка Студеная I. Топографический план М.М.Румянцева, В.Г.Котова, С.Л. Воробьевой, 2010 г

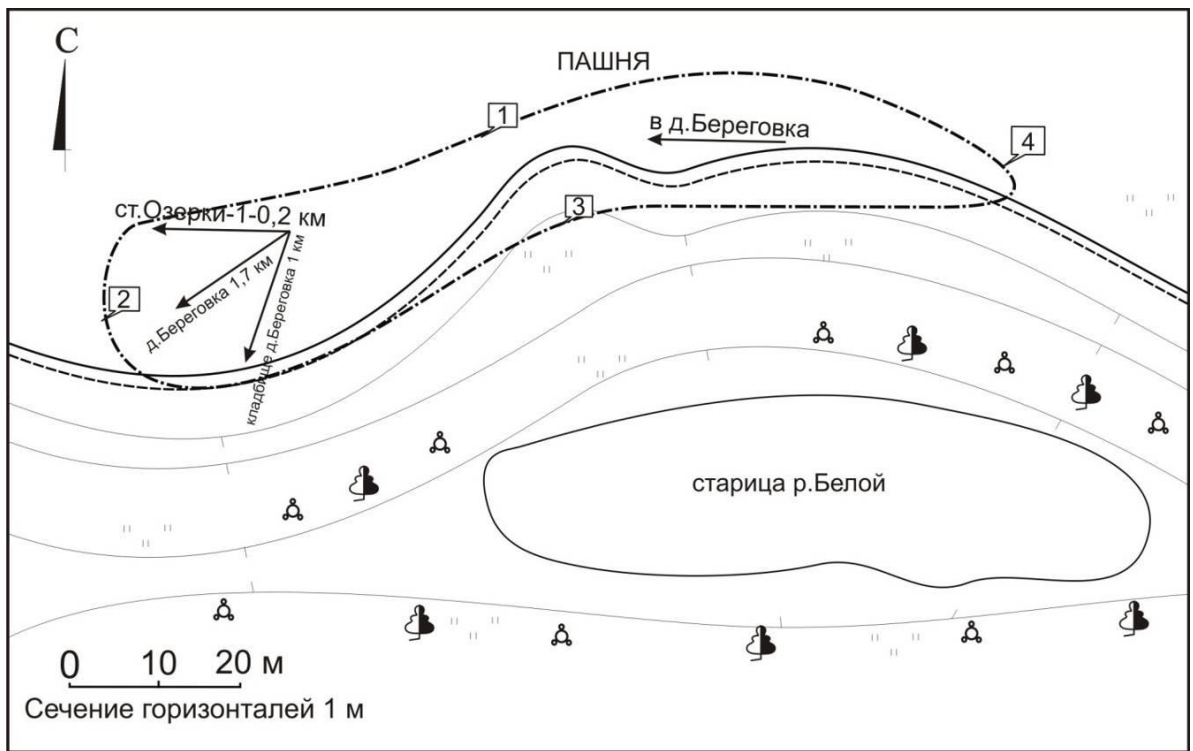

Рис. 130. Стоянка Озерки II, план (составлен автором)

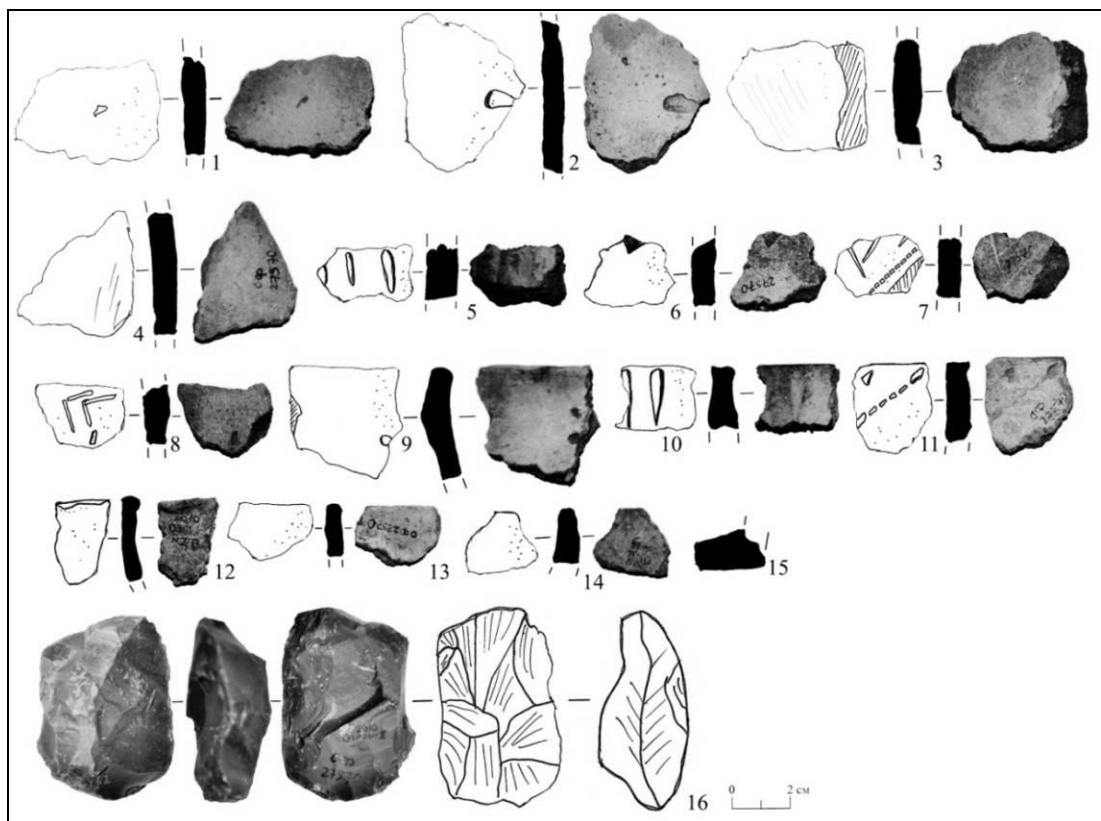

Рис. 131. Стоянка Озерки II. Фонды Национального музея РБ. Разведочные работы М.М. Румянцева, 2010 г. (рисунки автора)

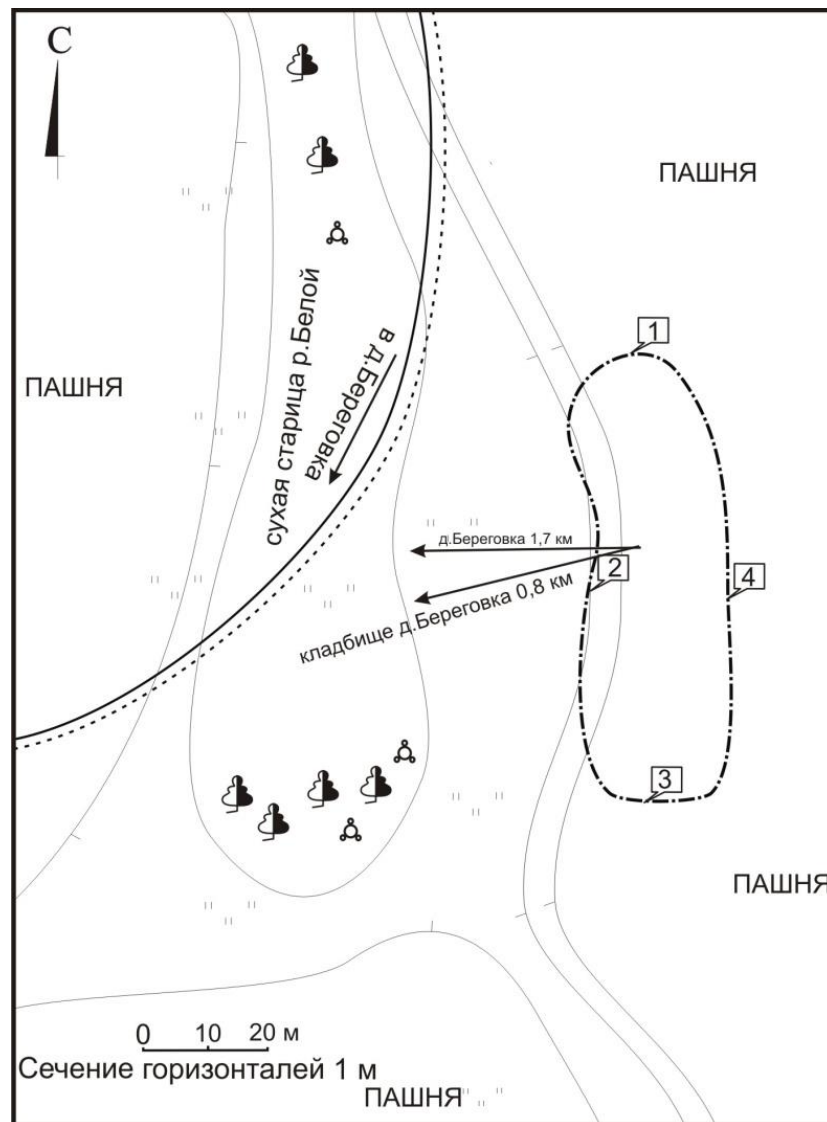

Рис. 132. Стоянка Озерки III, план (составлен автором)

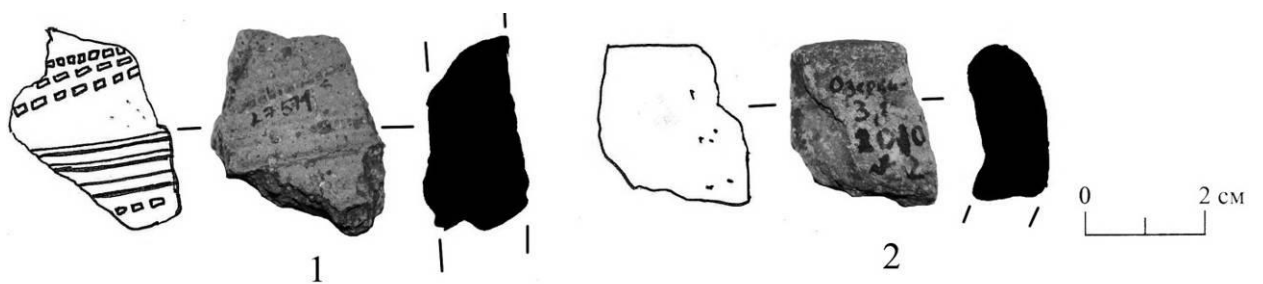

Рис. 133. Стоянка Озерки III. Фонды Национального музея РБ. Разведочные работы М.М. Румянцева, 2010 г. (рисунки автора)

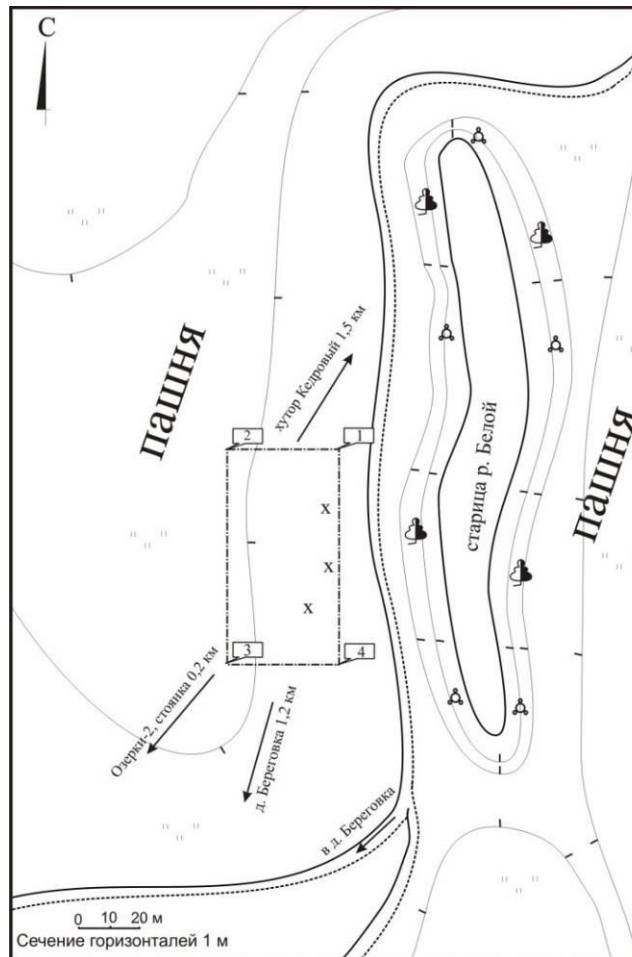

Рис. 134. Озерки V стоянка, план (составлен автором)

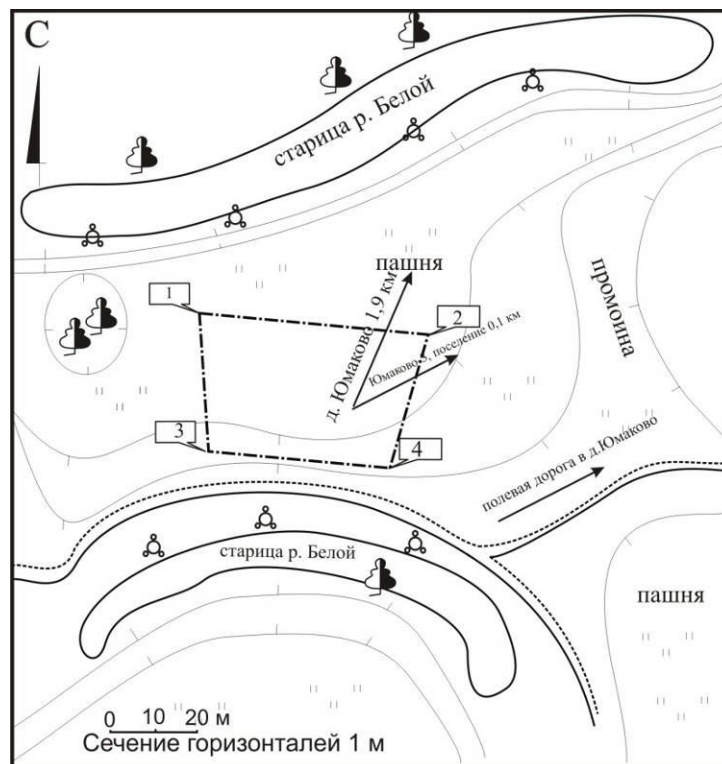

Рис. 135. Юмаково-5, стоянка, план (составлен автором)

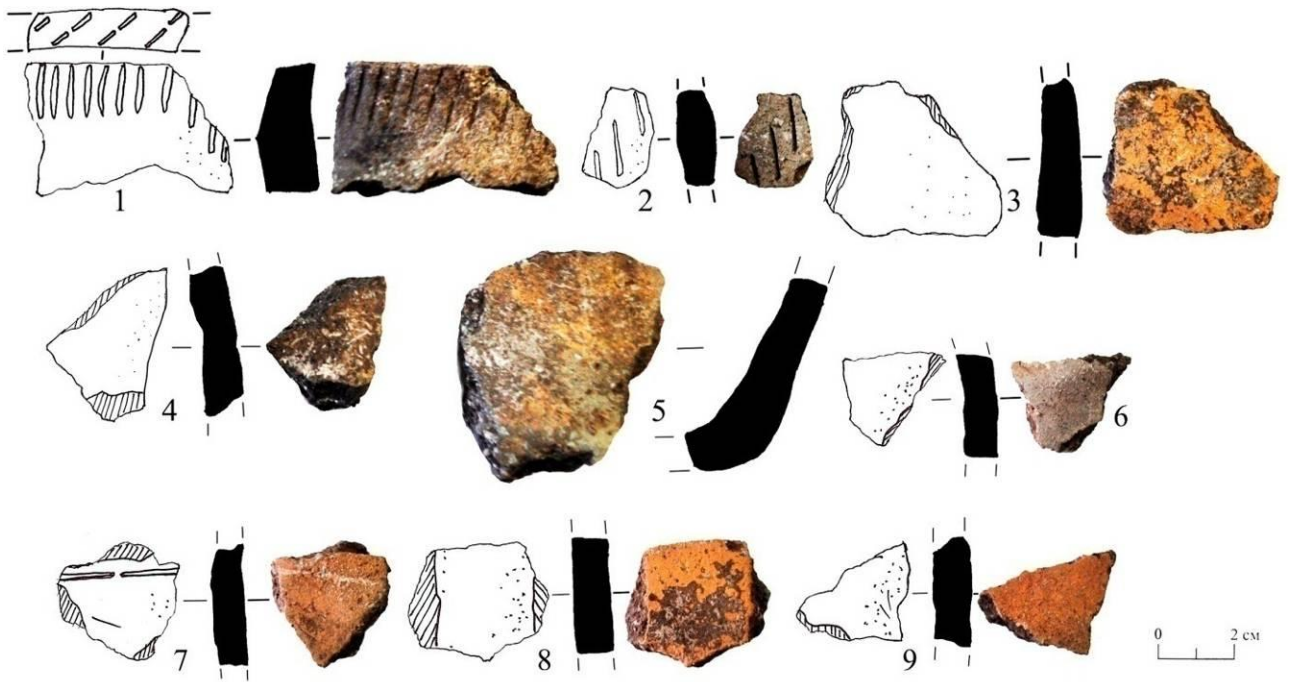

Рис. 136. Береговка-4, селище. 1-суртандинская керамика; 2-9-алакульская керамика (рисунки автора)

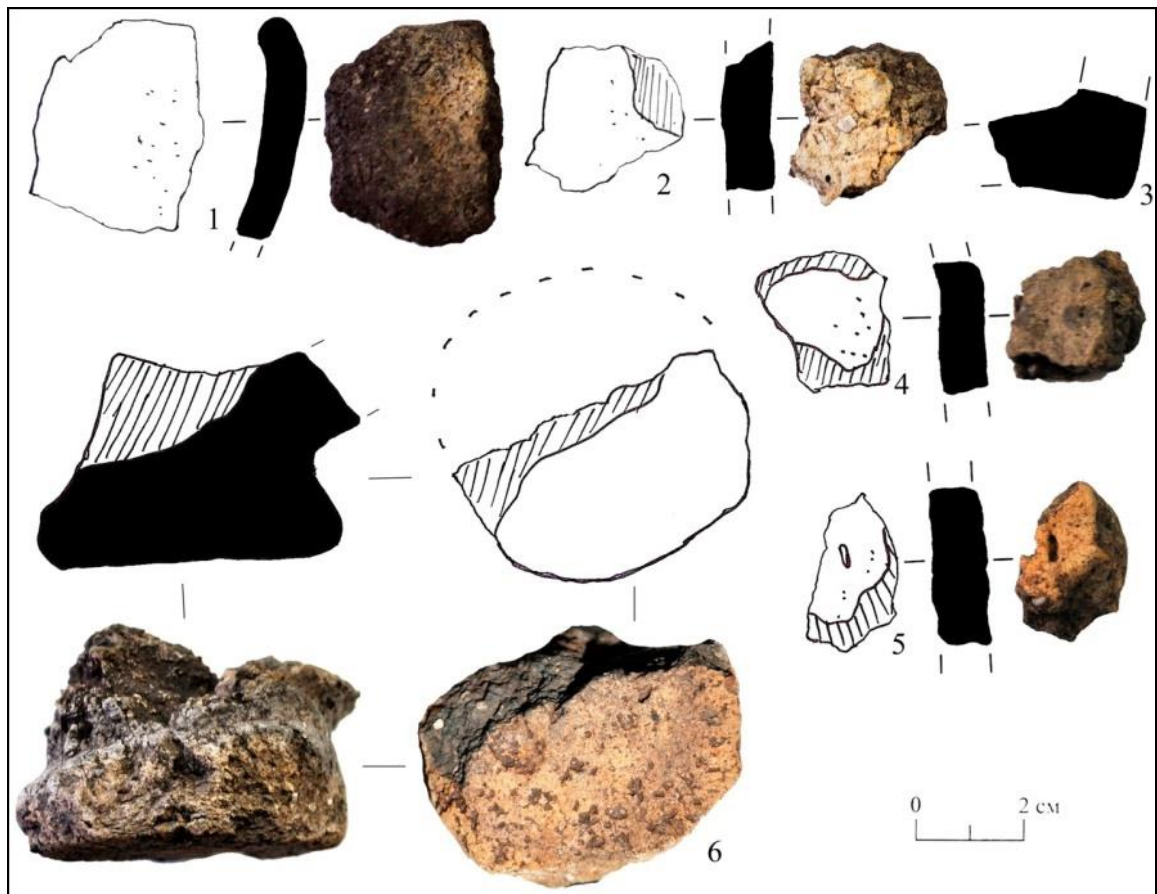

Рис. 137. Юмаково-8, стоянка (1-3); Озерки-6, стоянка (4-6) (рисунки автора)

Рис. 138. Юмаково-6, поселение. 1-23-керамика (глина); 24-каменная плитка (рисунки автора)

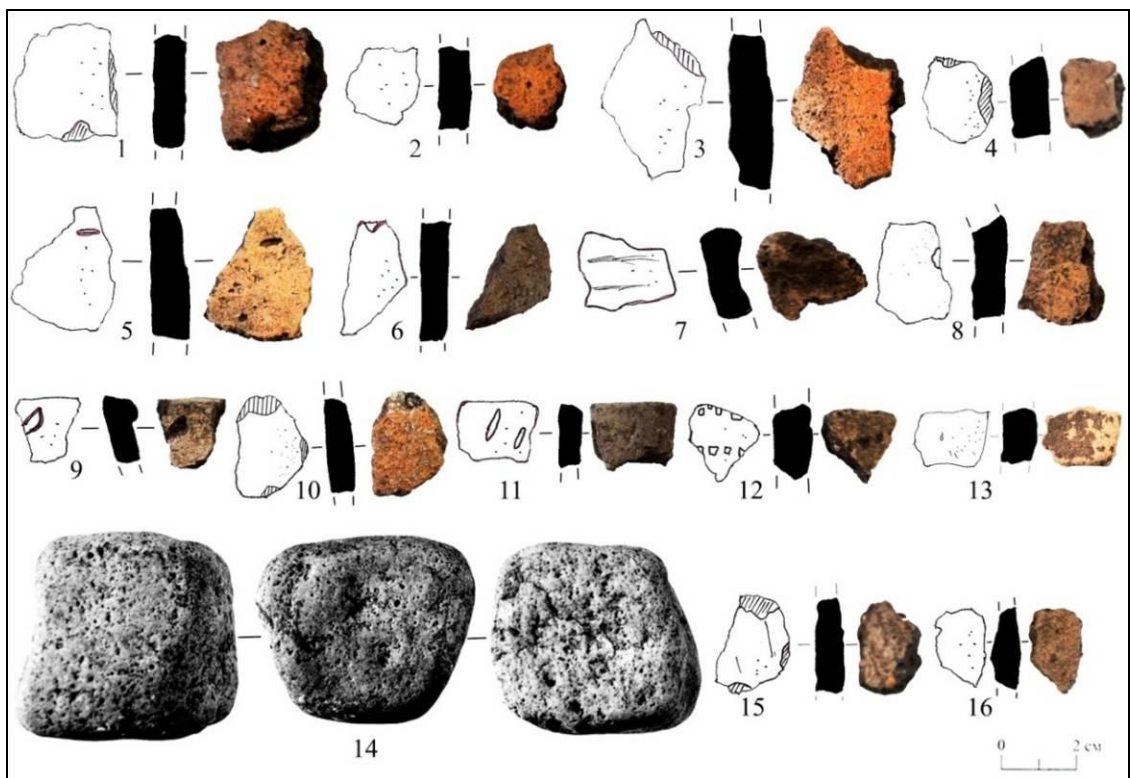

Рис. 139. Юмаково-9, местонахождение керамики (1, 2); Юмаково-7, стоянка (3-16).
1, 2-10-примесь талька в тесте (рисунки автора)

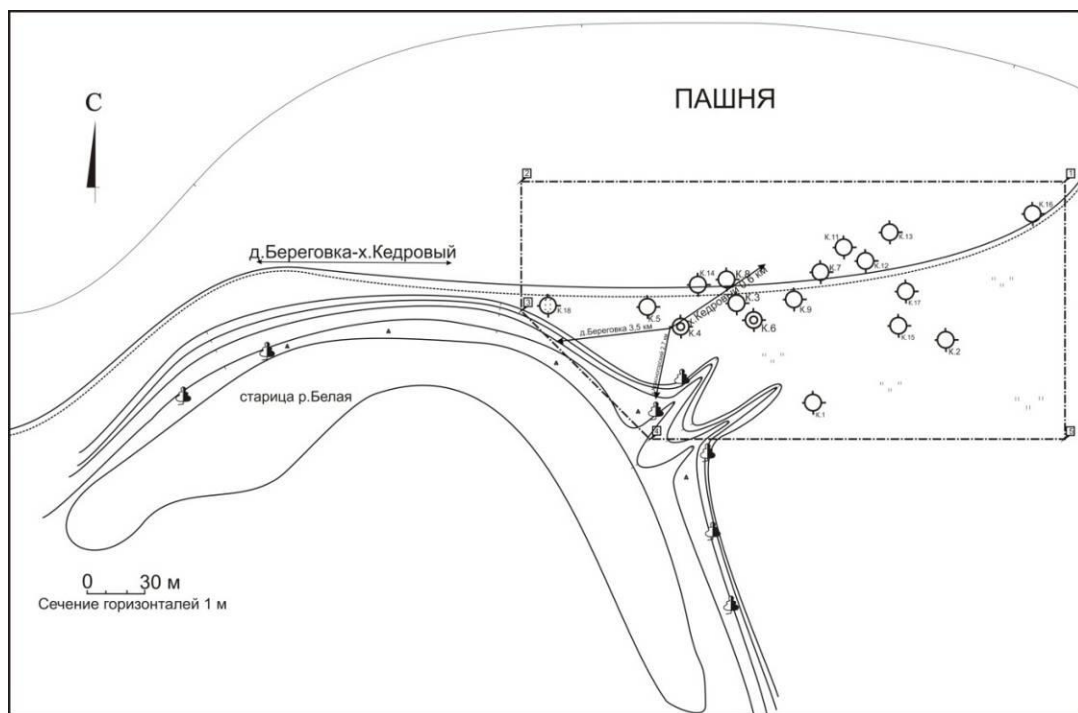

Рис. 140. Береговский I курганный могильник (по В.П. Викторов, В.С. Горбунов с добавлениями автора)

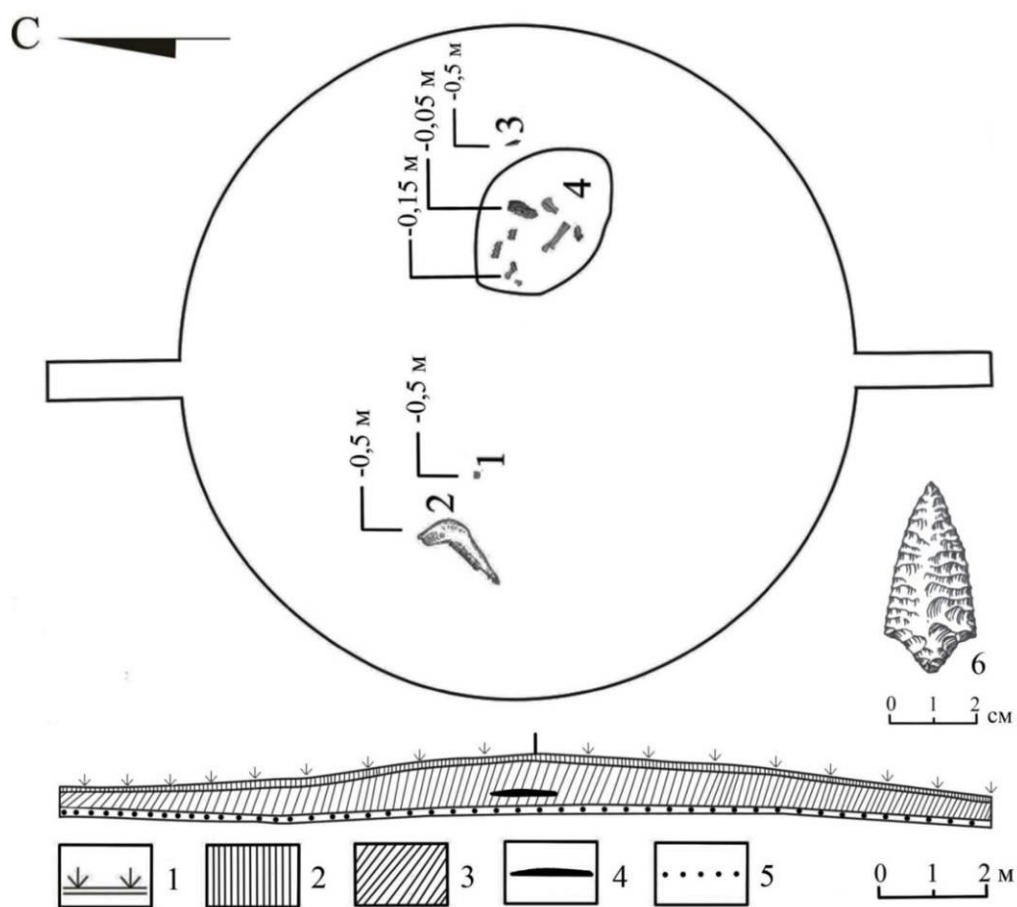
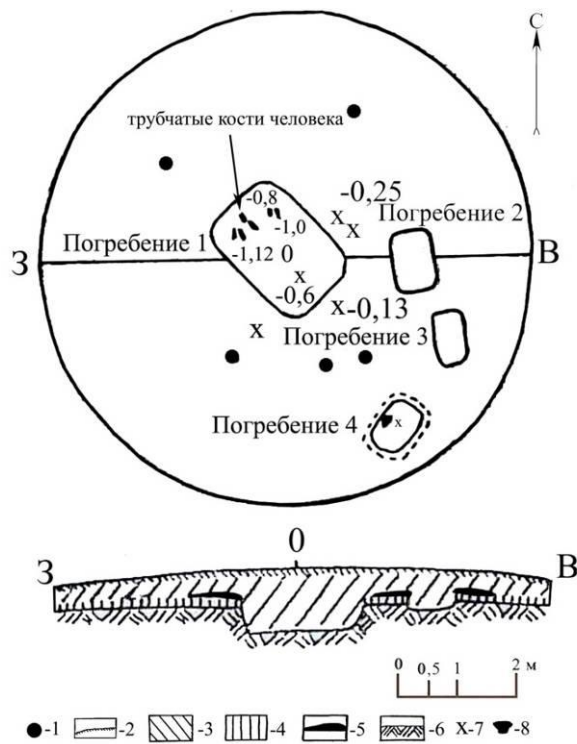

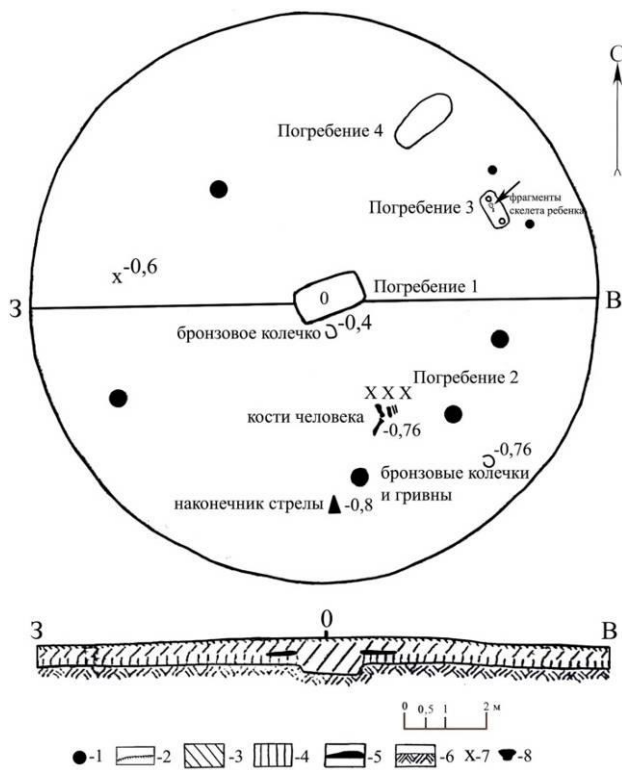
Рис. 141. Береговский I курганный могильник.
Курган, исследованный В.П. Викторовым

●-1 □-2 ▨-3 ▤-4 ▩-5 ▧-6 X-7 ▼-8

Условные обозначения:
 -столбовые ямки; 2-дерновый слой; 3-насыпь и заполнение могильной ямы; 4-погребенная точка; 5-могильный выкид; 6-материк; 7-обломки сосудов; 8-сосуды

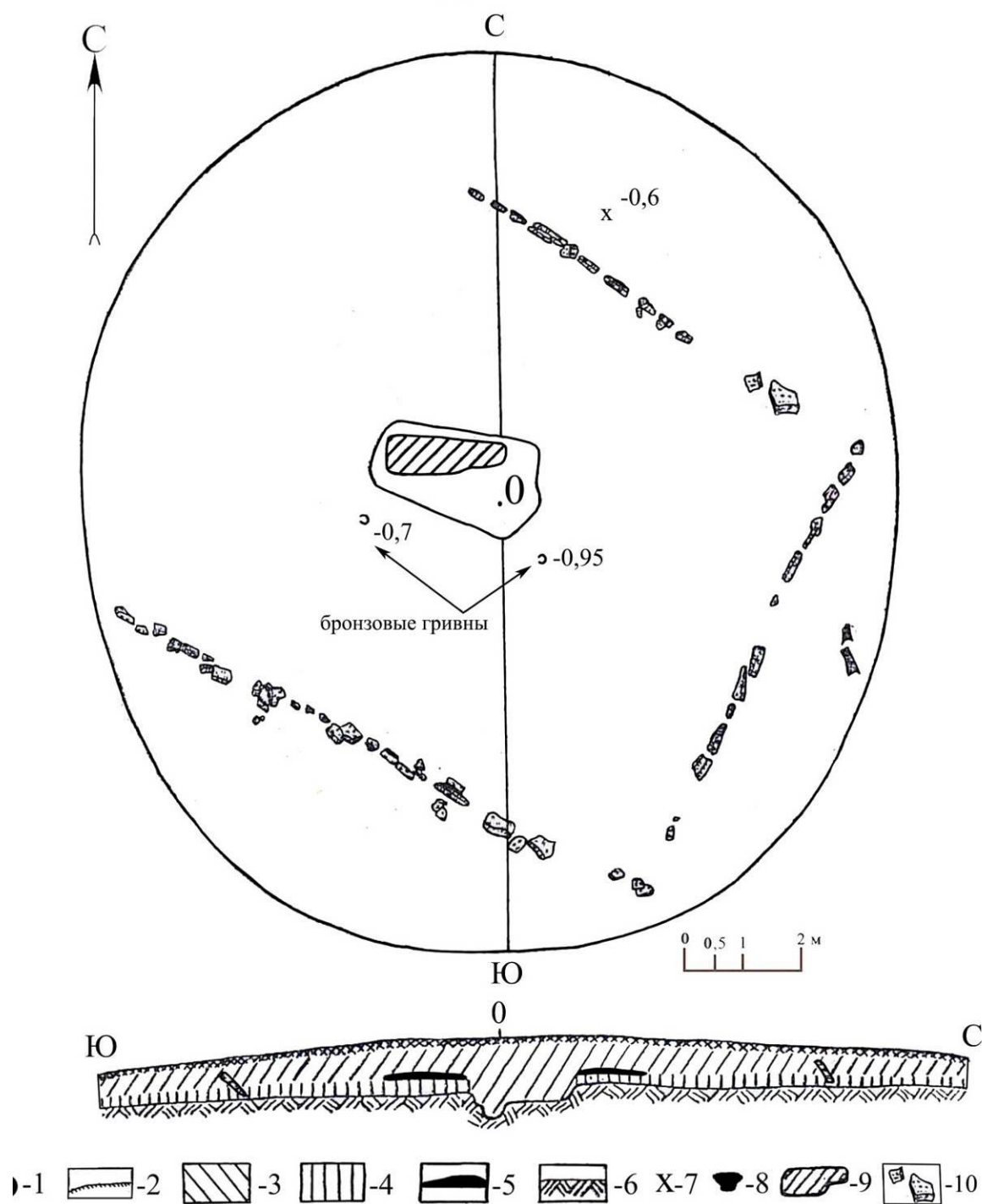
Рис. 142. Береговский I курганный могильник. Курган №1
 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 84. Рис. 7, А]

●-1 □-2 ▨-3 ▤-4 ▩-5 ▧-6 X-7 ▼-8

Условные обозначения:
 1-столбовые ямки; 2-дерновый слой; 3-насыпь и заполнение могильной ямы; 4-погребенная почва; 5-могильный выкид; 6-материк; 7-обломки сосудов; 8-сосуды

Рис. 143. Береговский I курганный могильник. Курган №2
 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 21]

Условные обозначения:

1-столбовые ямки; 2-дерновый слой; 3-насыпь и заполнение могильной ямы; 4-погребенная почва; 5-могильный выкид; 6-материк; 7-обломки сосудов; 8-сосуды; 9-погребение раннего железного века
 0-камни и каменные плиты

Рис. 144. Береговский I курганный могильник. Курган №3
 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 35]

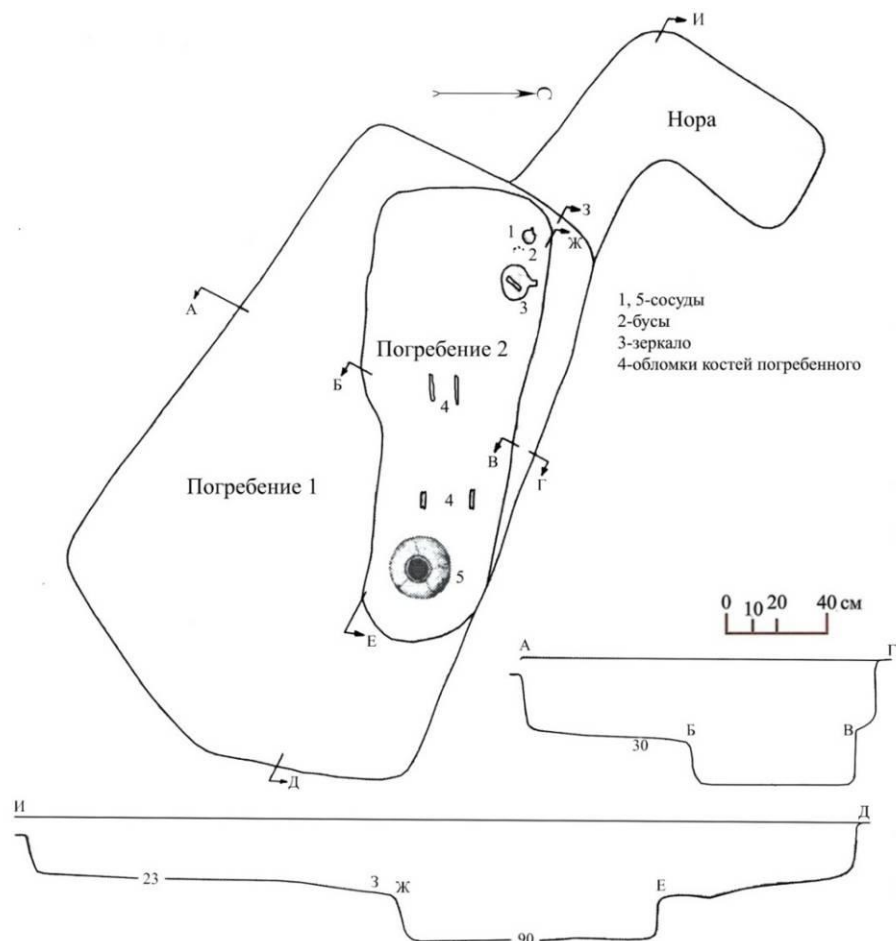

Рис. 145. Береговский I курганный могильник. Курган №3. Погребения 1 и 2
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 82. Рис. 37]

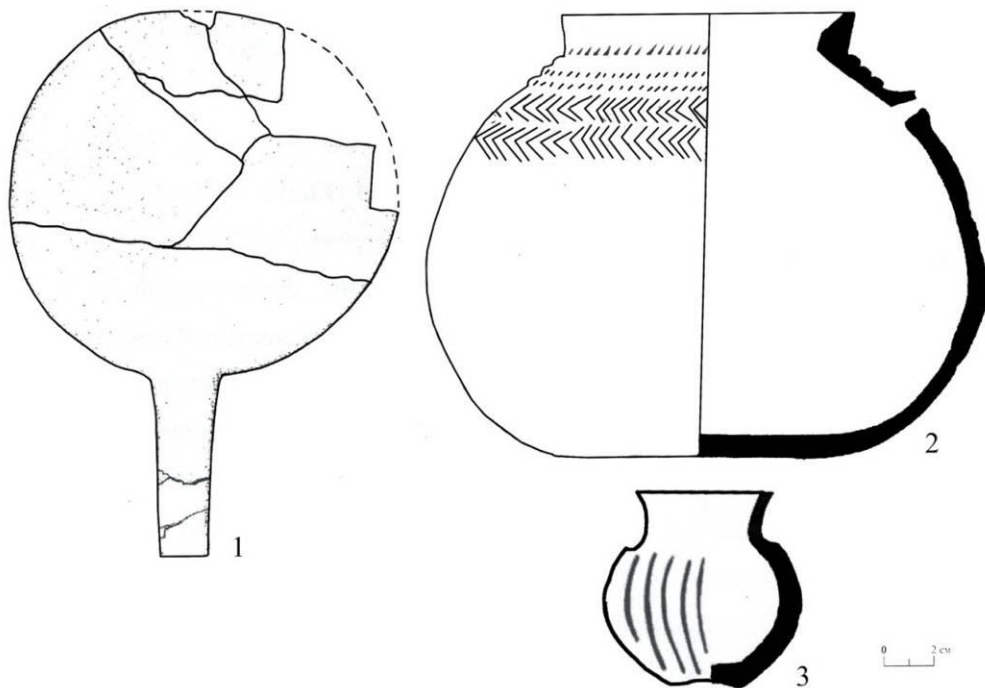

Рис. 146. Береговский I курганный могильник. Курган №3.
Материалы впускного погребения 2
[по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. С. 84. Рис. 39]

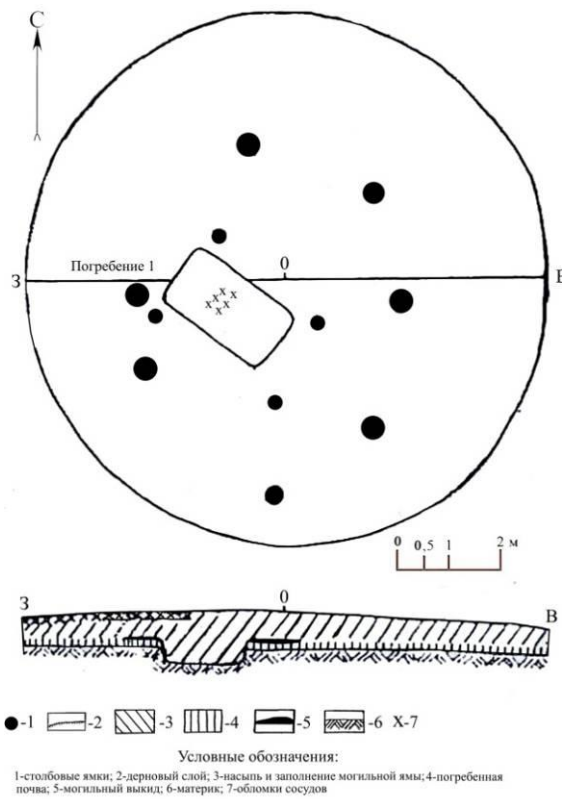

Рис. 147. Береговский I курганный могильник. Курган №4
 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 40]

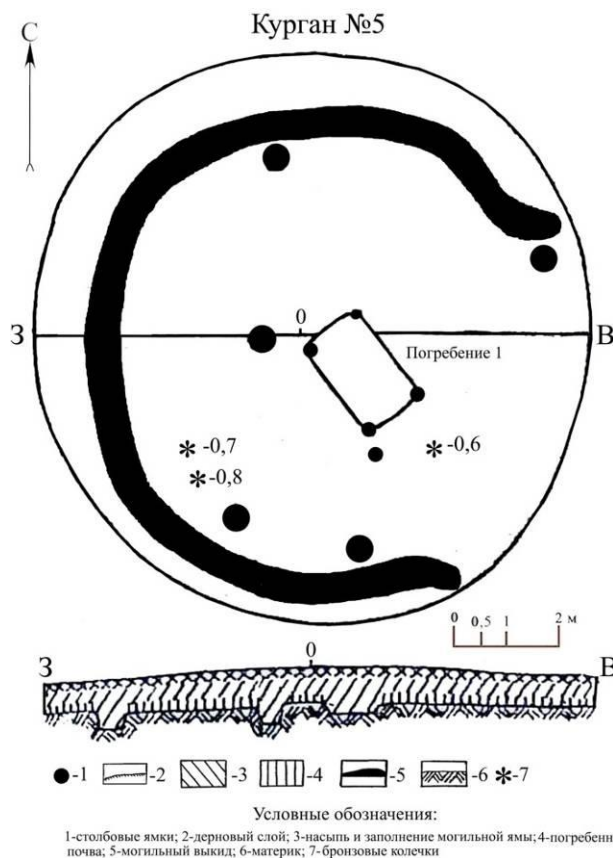

Рис. 148. Береговский I курганный могильник. Курган №5
 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 42]

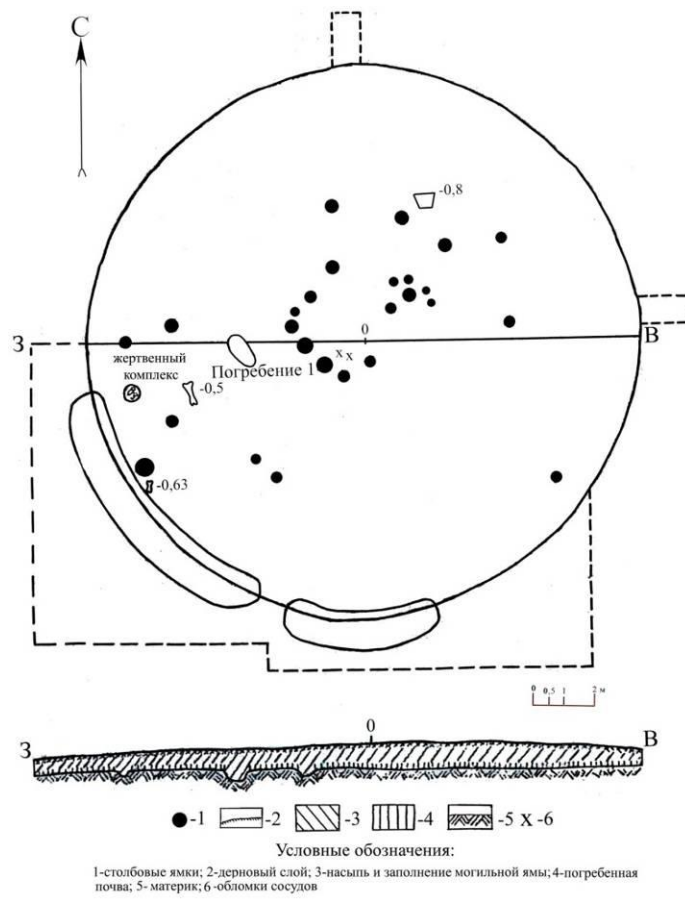

Рис. 149. Береговский I курганный могильник. Курган №6 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 45]

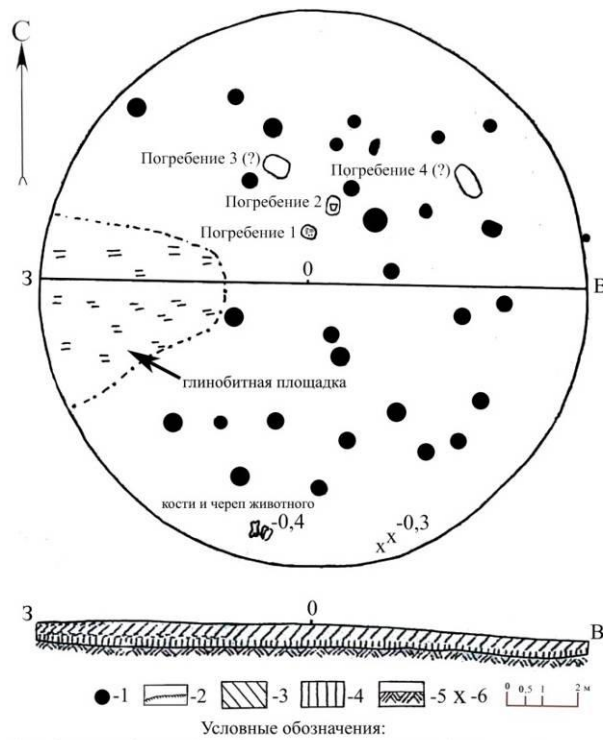

Рис. 150. Береговский I курганный могильник. Курган №7 [по: Пряхин, Горбунов, Екимов, 1975. Рис. 47]

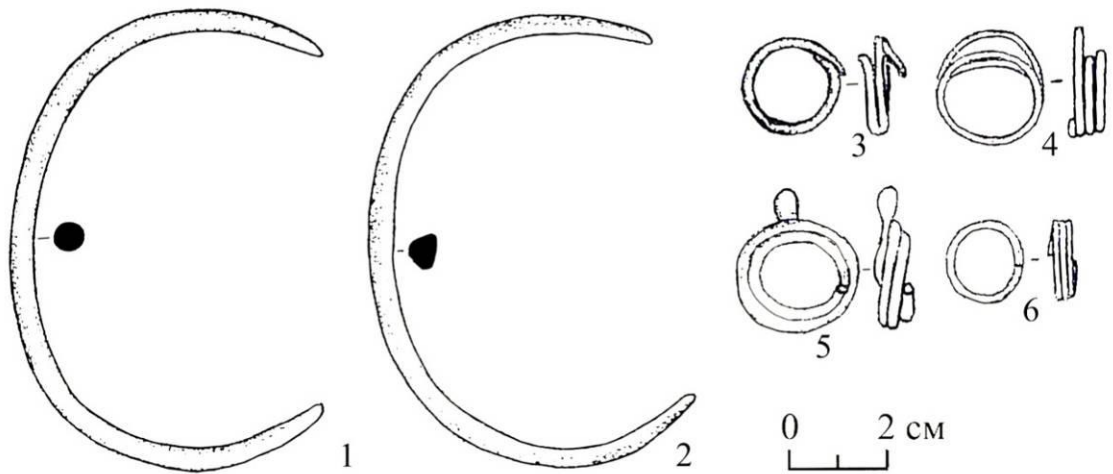

Рис. 151. Береговский I курганный могильник. Украшения.
1, 2-курган 3; 4-6-курган 5; 3-курган 2 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. Рис. 6]

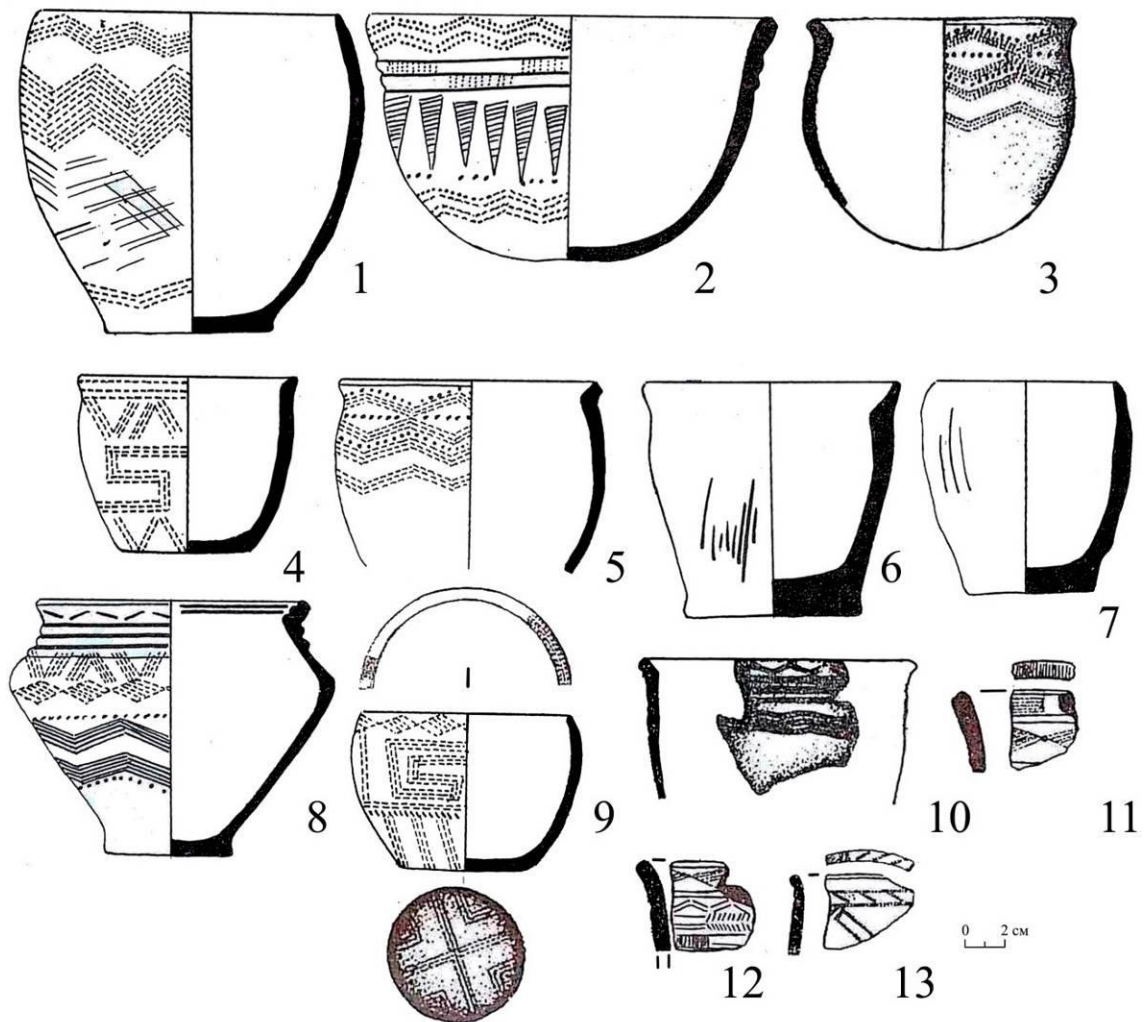

Рис. 152. Береговский I курганный могильник. Керамика.
1-п.2, к.2; 2, 4-п.3, к.3; 9-к.6; 6, 7-п.2, к.1; 8-п.4, к.1; 5, 3, 11-к.7; 10-п.1, к.4; 12-к.2;
13-п.1, к.1 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 84. Рис. 10]

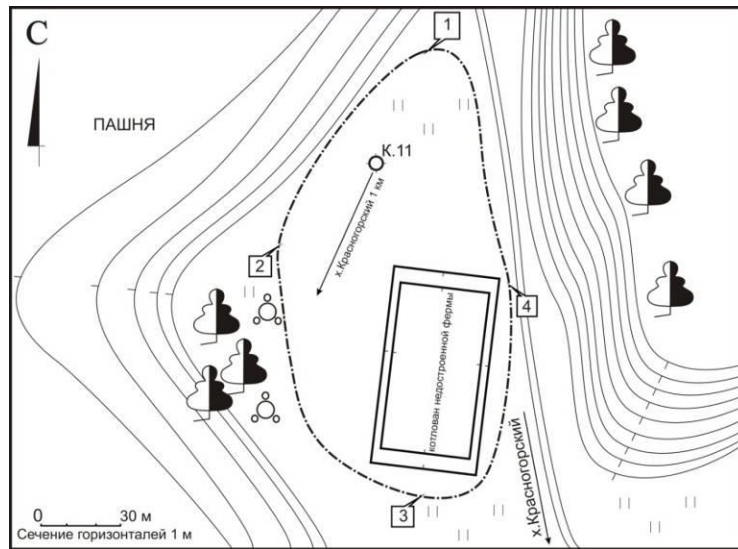
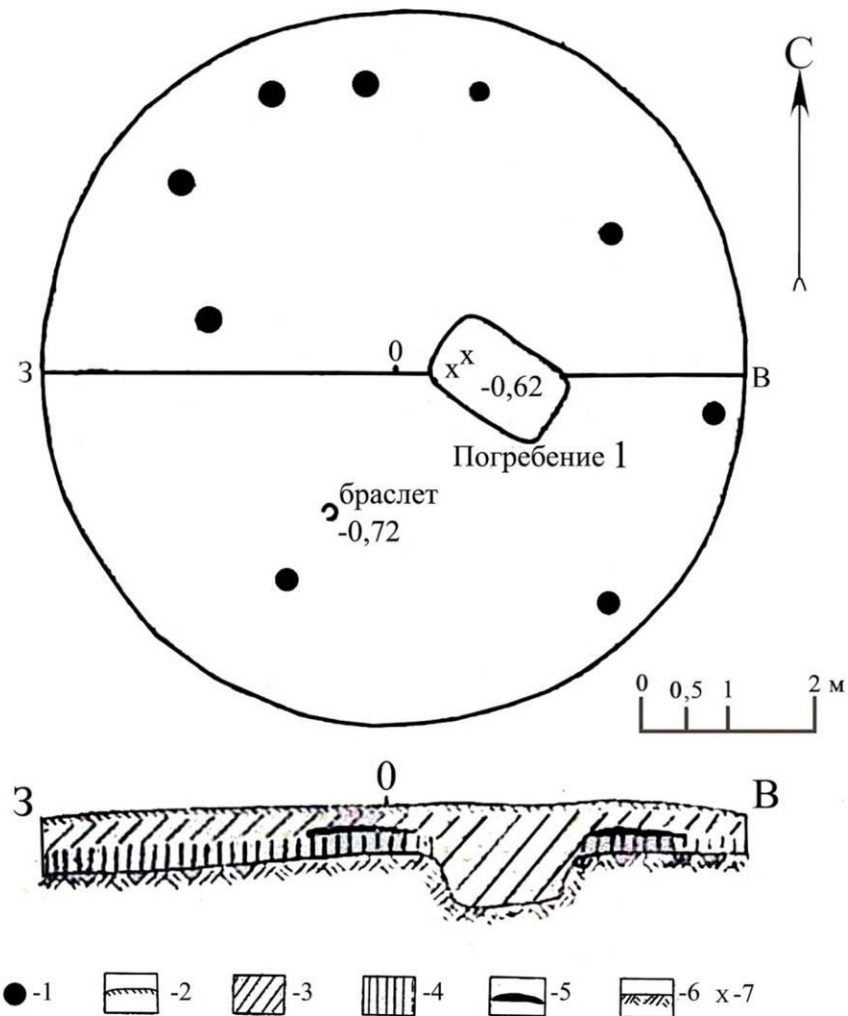
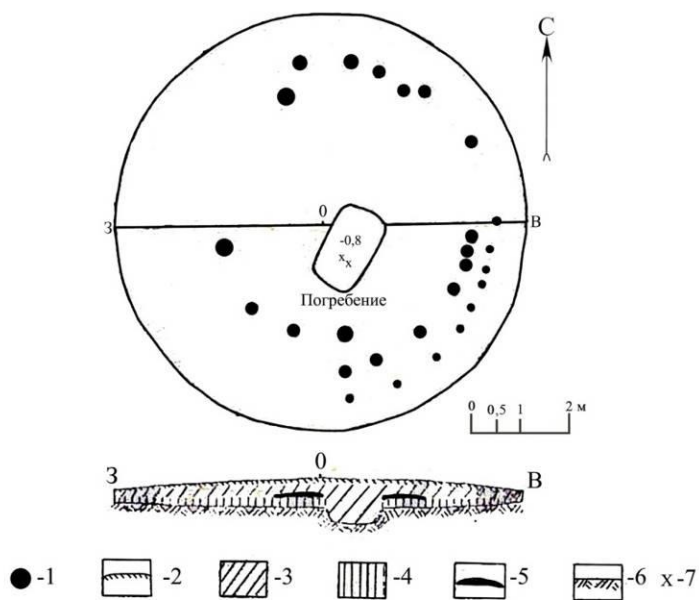

Рис. 153. Красногорский III курганный могильник, план (составлен автором)

Условные обозначения:
 1-столбовые ямки; 2-дерновый слой; 3-насыпь; 4-погребенная почва;
 5-могильный выкид; 6-материк; 7-обломки сосудов
 Рис. 154. Красногорский III курганный могильник. Курган №5
 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 76. Рис. 3, А]

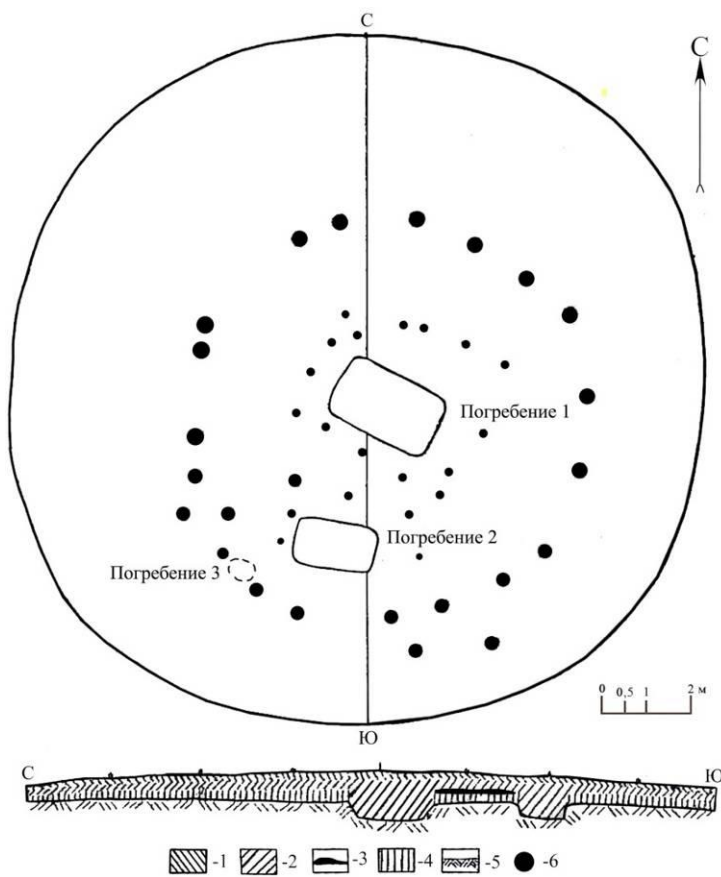

Условные обозначения:

1-столбовые ямки; 2-дерновый слой; 3-насыпь; 4-погребенная почва;
5-могильный выкид; 6-материк; 7-обломки сосудов

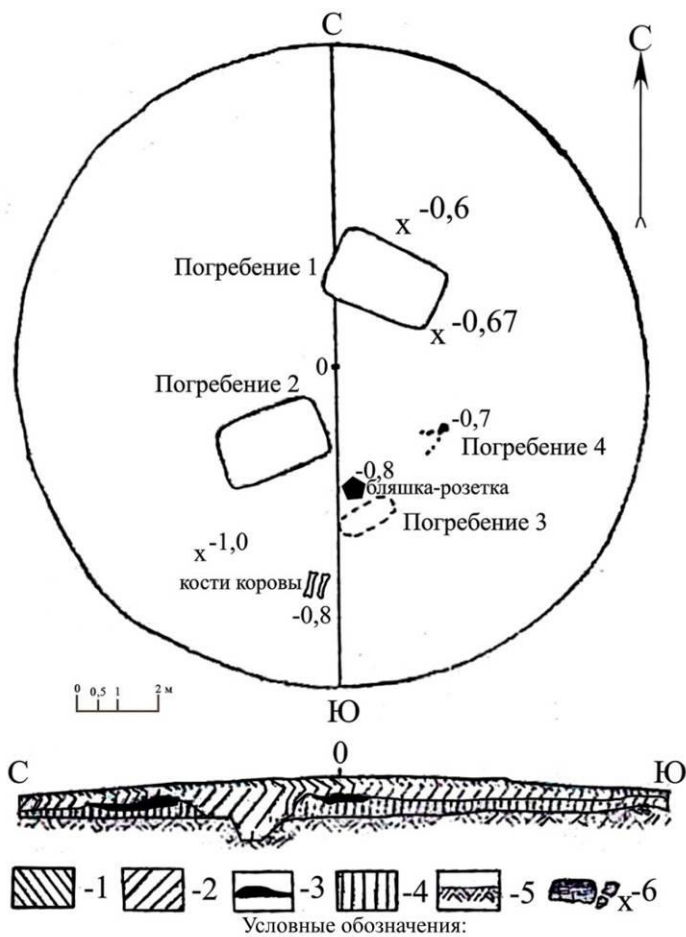
Рис. 155. Красногорский III курганный могильник. Курган №7
[по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 76. Рис. 3, Б]

Условные обозначения:

1-дерновый слой; 2-насыпь и заполнение могильной ямы; 3-могильная яма; 4-могильный выкид;
5-материк; 6-столбовая ямка

Рис. 156. Красногорский III курганный могильник. Курган №8
[по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 78. Рис. 4]

1-дерновый слой; 2-насыпь и заполнение могильной ямы; 3-могильная яма; 4-могильный выкид; 5-материк; 6-обломки сосудов

Рис. 157. Красногорский III курганный могильник. Курган №9 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 80. Рис. 5]

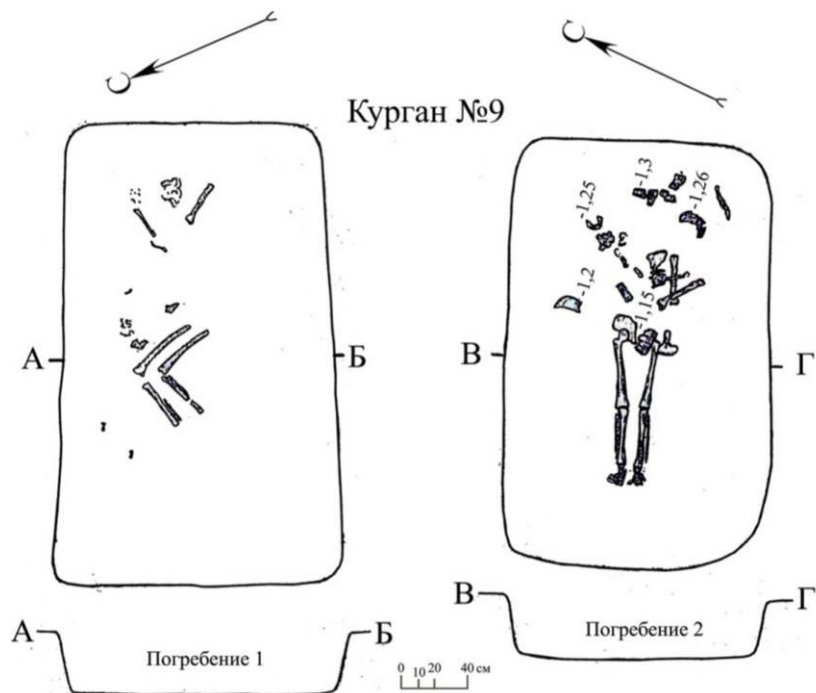

Рис. 158. Красногорский III курганный могильник. Курган №9. Погребения 1 и 2 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 80. Рис. 5]

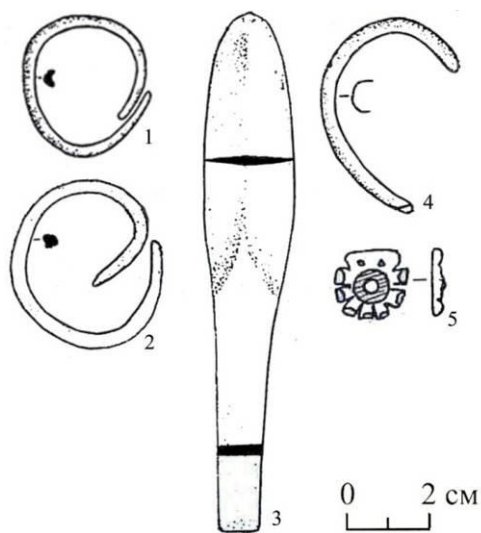

Рис. 159. Красногорский III курганный могильник.
1-к.5; 2, 4-п.3, к.9; 3-п.2, к.8; 5-к.9 [по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 82. Рис. 6]

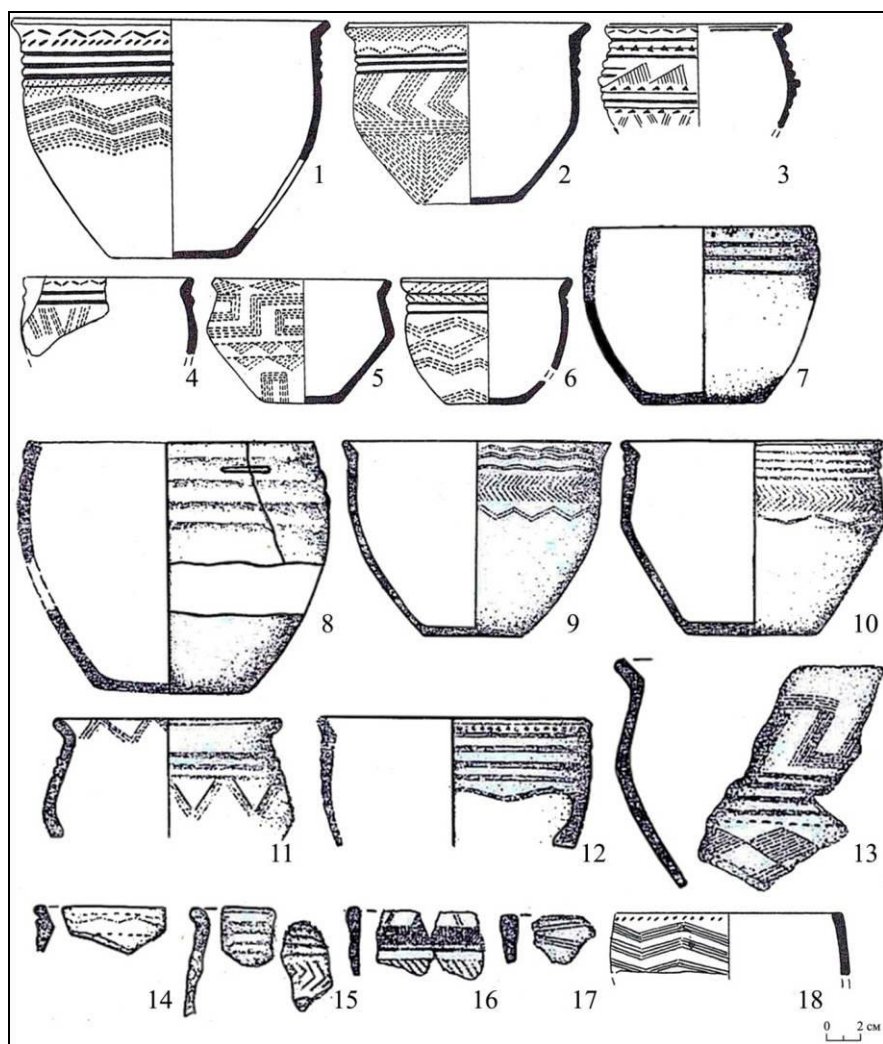

Рис. 160. Красногорский III курганный могильник.
1-п.2, к.9; 2-п.1, к.8; 3-п.1, к.9; 4-к.7; 5-п.1, к.2; 6-п.2, к.8; 7-к.6; 8-к.9; 9-п.2, к.2; 10, 16, 17-к.2; 11-п.2, к.8; 12-п.1, к.4; 13, 14-п.1, к.1; 15-п.1, к.3; 18-п.1, к.5
[по: Пряхин, Горбунов, 1979. С. 74. Рис. 2]

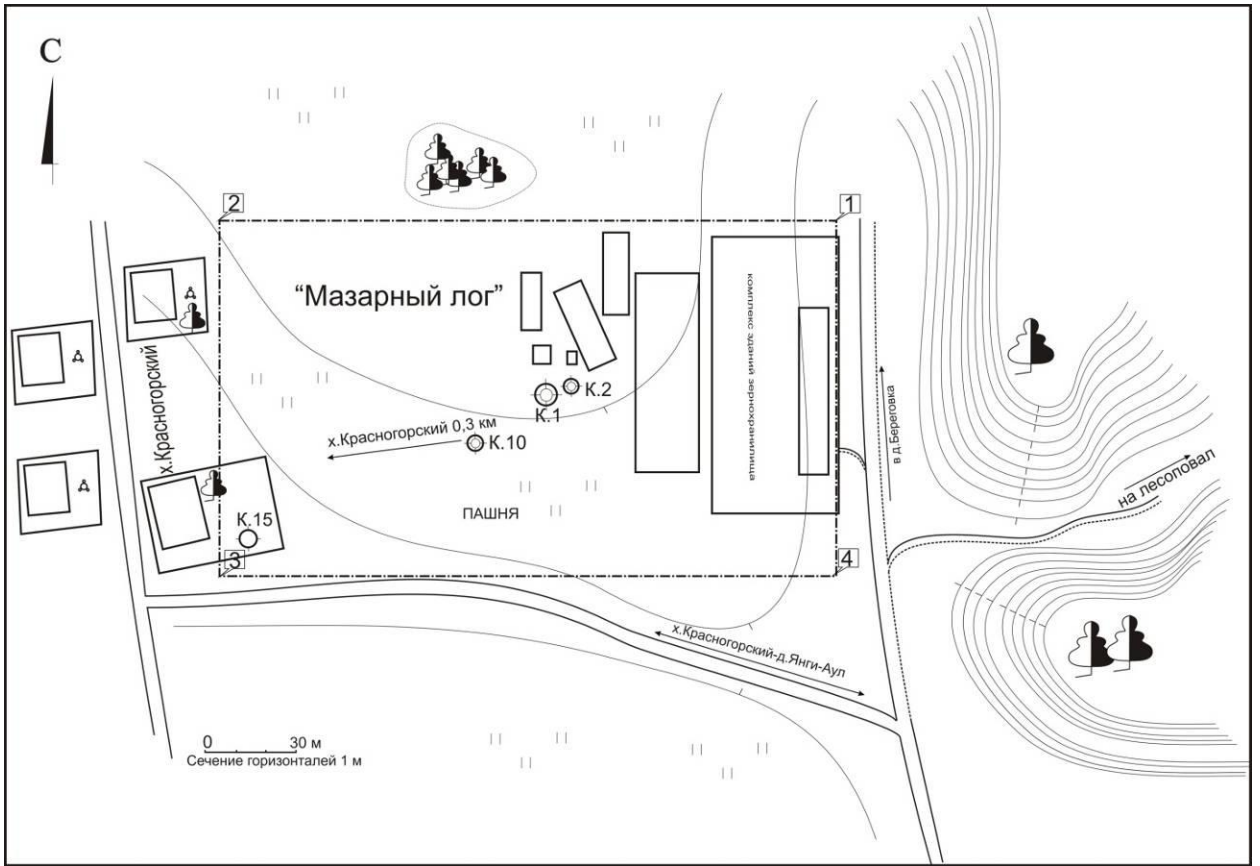

Рис. 161. Красногорский I курганный могильник, план (составлен автором)

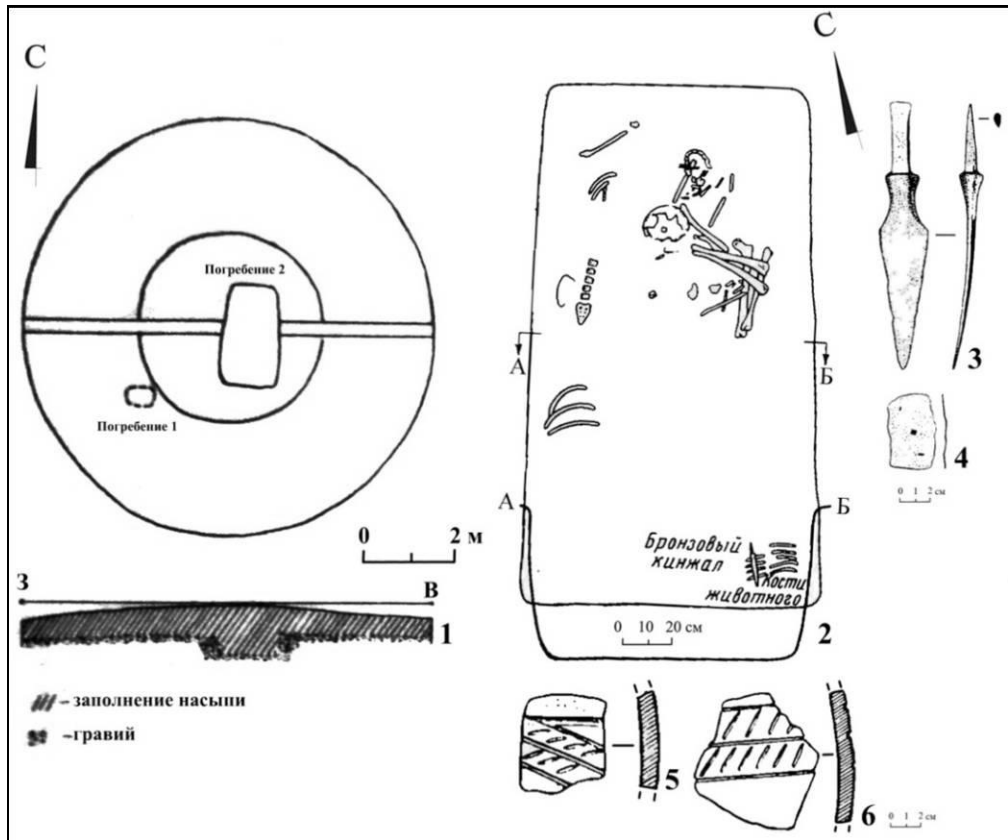

Рис. 162. Красногорский I курганный могильник. Курган 1, погребение 2 [по: Горбунов, Васюткин, 1972]

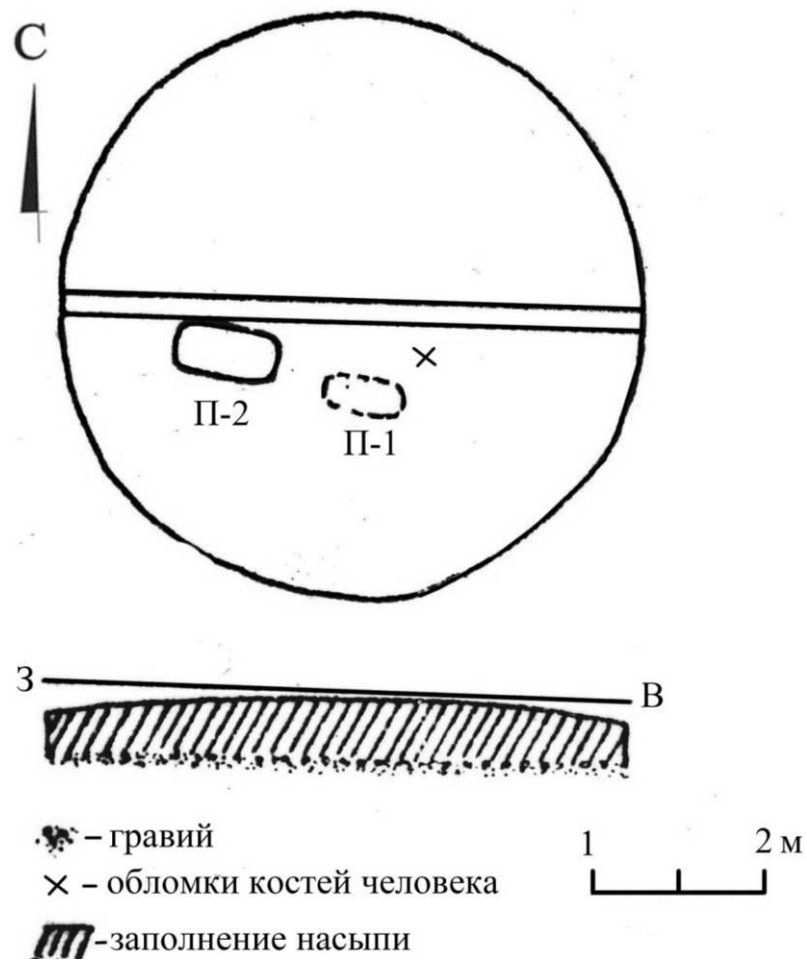

Рис. 163. Красногорский I курганный могильник. Курган 2
[по: Горбунов, Васюткин, 1972]

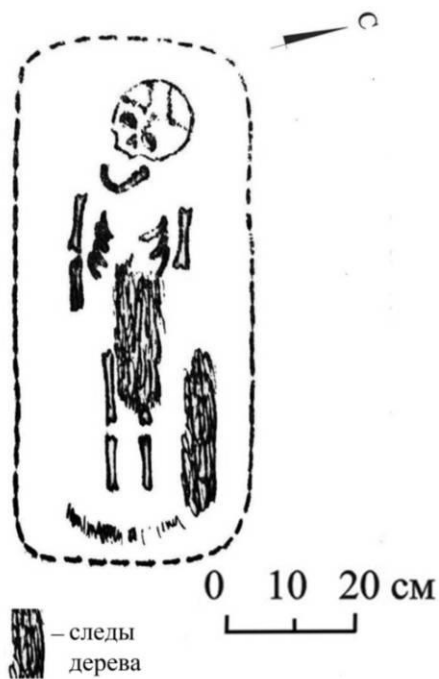

Рис. 164. Красногорский I курганный могильник. Курган 2, погребение 1
[по: Горбунов, Васюткин, 1972]

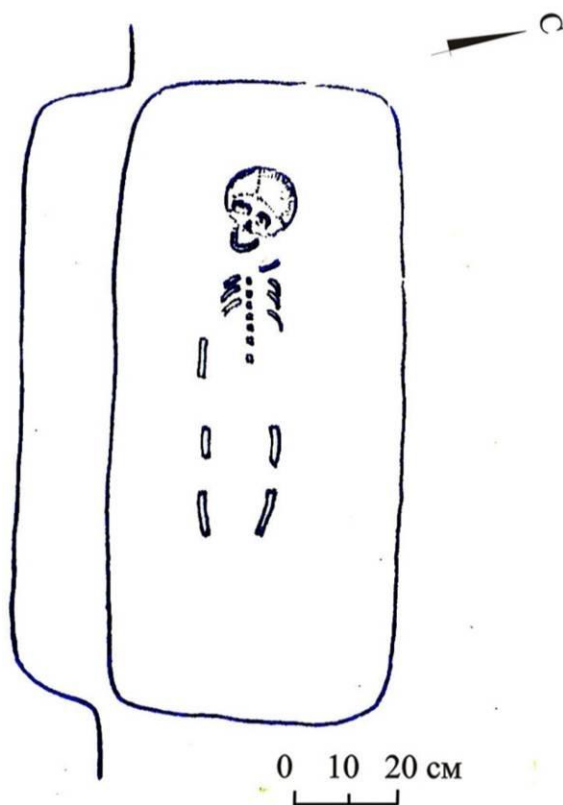

Рис. 165. Красногорский I курганный могильник. Курган 2, погребение 2
[по: Горбунов, Васюткин, 1972]

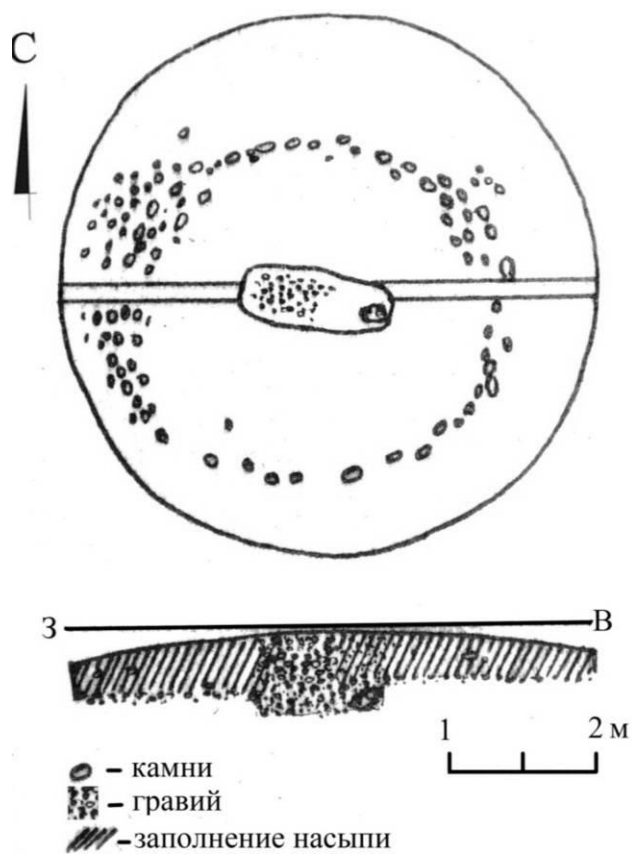

Рис. 166. Красногорский I курганный могильник. Курган 3
[по: Горбунов, Васюткин, 1972]

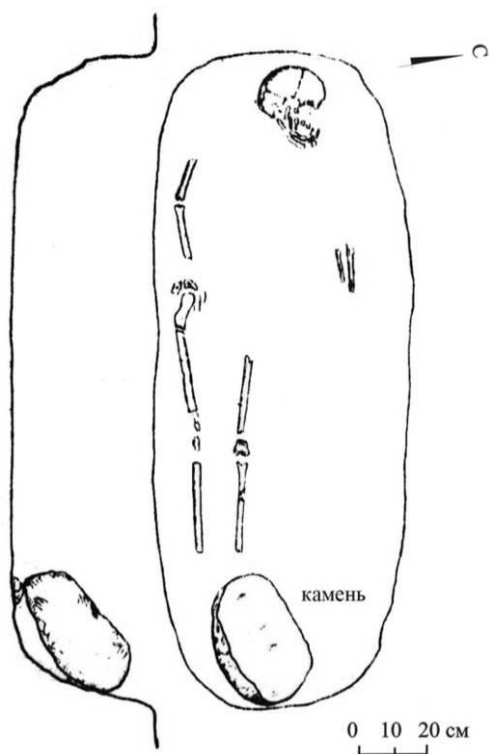

Рис. 167. Красногорский I курганный могильник. Курган 3, погребение 1
[по: Горбунов, Васюткин, 1972]

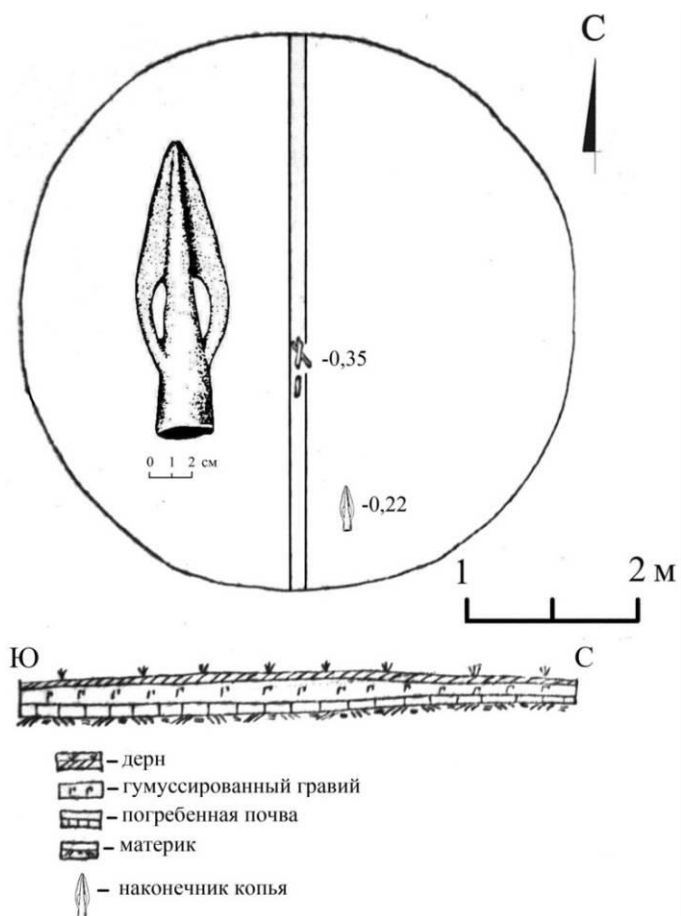

Рис. 168. Красногорский I курганный могильник. Курган 4
[по: Обыденнов, 1974]

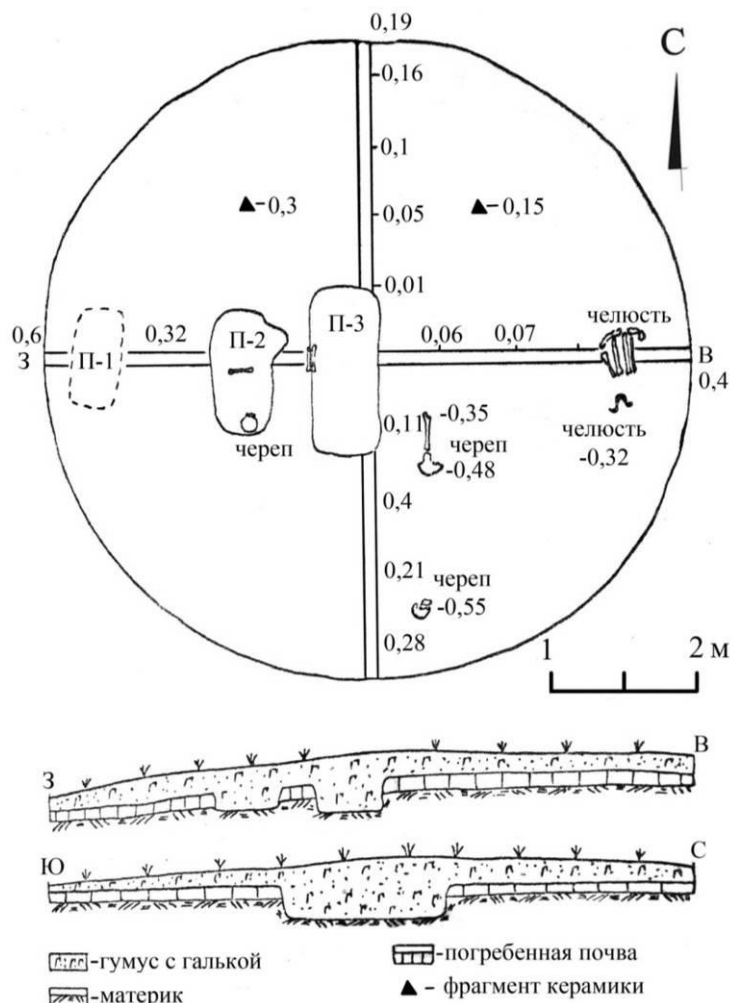

Рис. 169. Красногорский I курганный могильник. Курган 5
[по: Обыденнов, 1974]

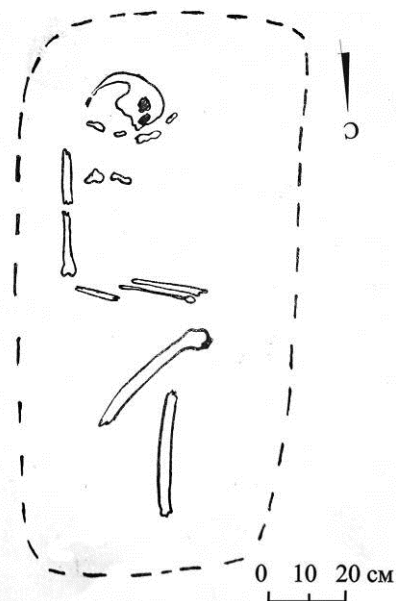

Рис. 170. Красногорский I курганный могильник. Курган 5, погребение 1
[по: Обыденнов, 1974]

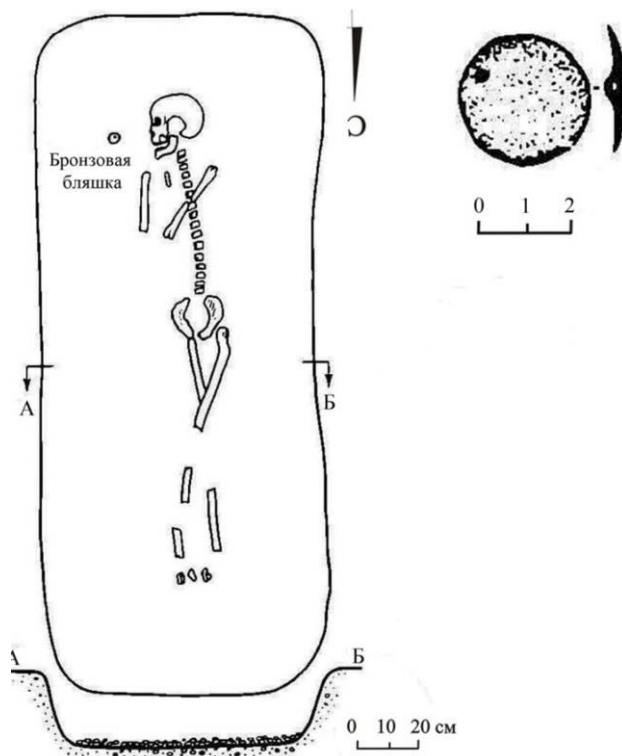

Рис. 171. Красногорский I курганный могильник. Курган 5, погребение 3
[по: Обыденнов, 1974]

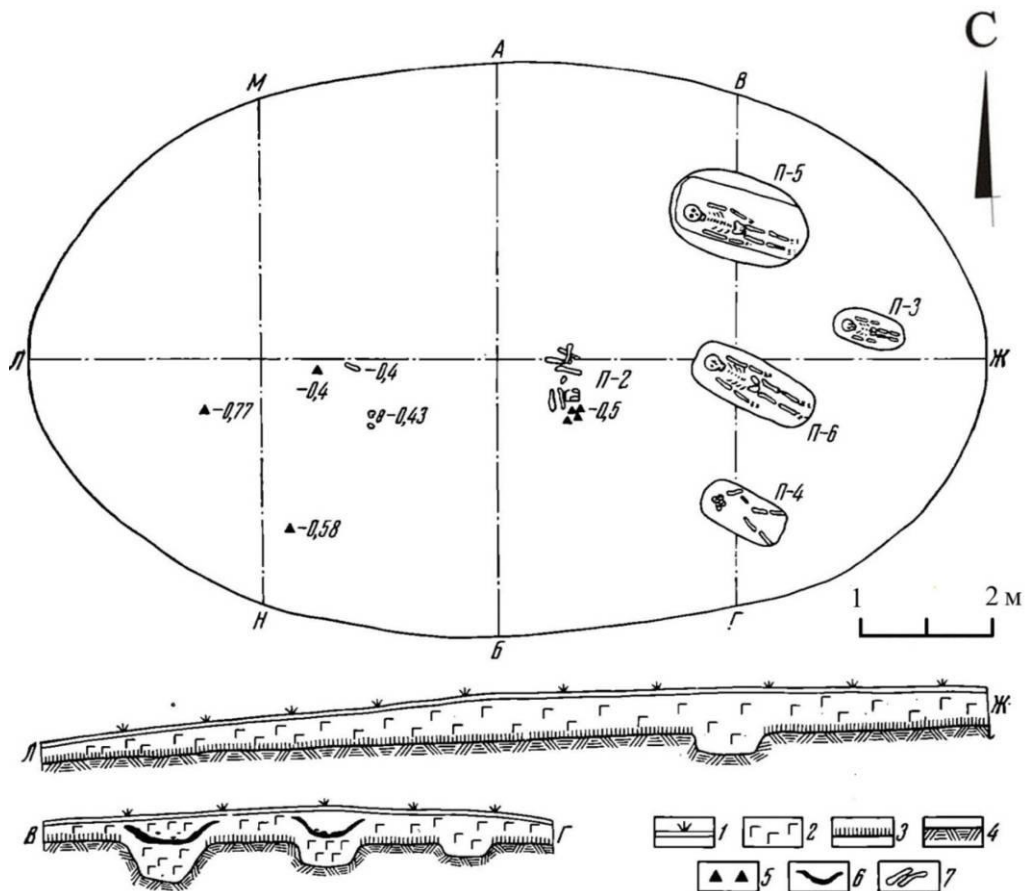

Рис. 172. Красногорский I курганный могильник. Курган 6
[по: Обыденнов, 1974]

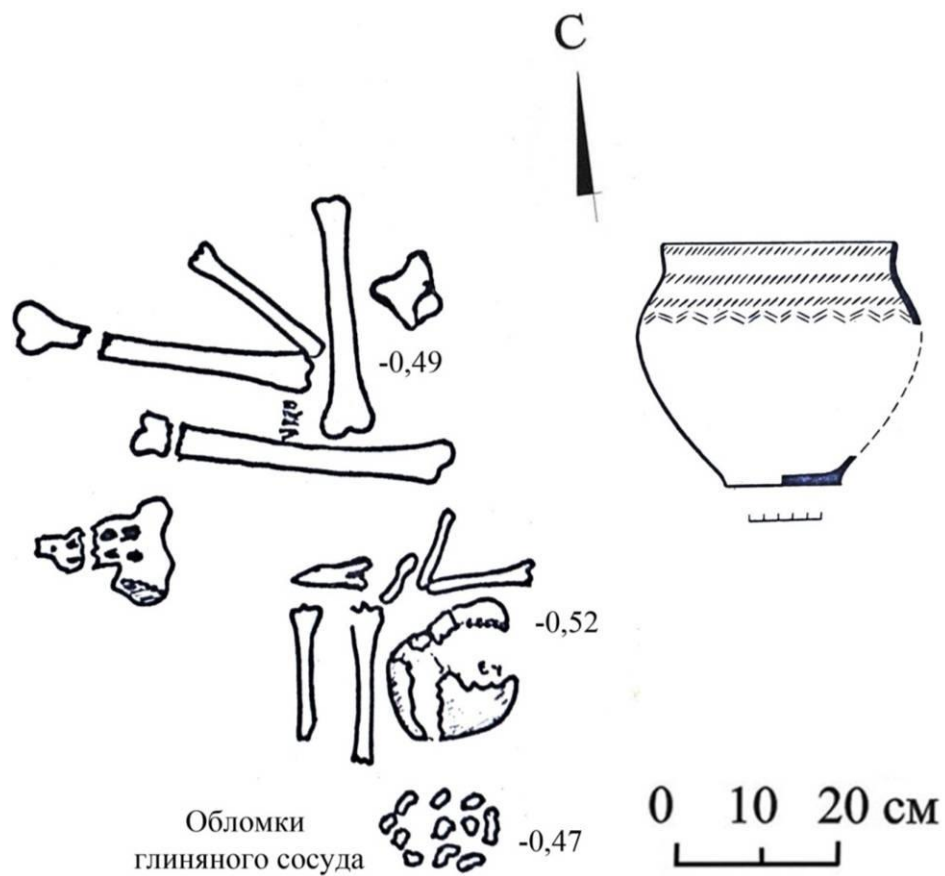

Рис. 173. Красногорский I курганный могильник. Курган 6, погребение 2
[по: Обыденнов, 1974]

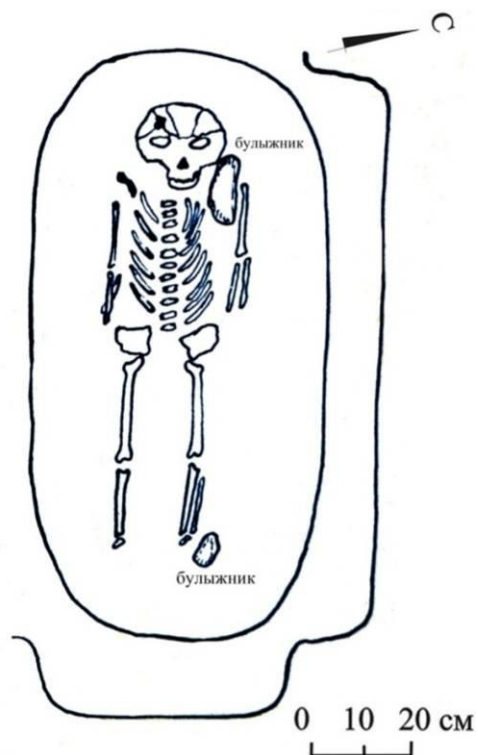

Рис. 174. Красногорский I курганный могильник. Курган 6, погребение 3
[по: Обыденнов, 1974]

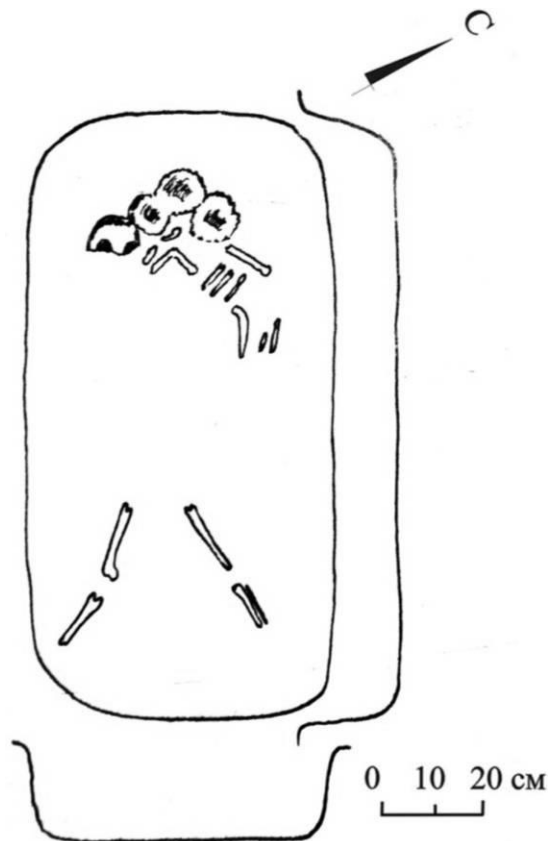

Рис. 175. Красногорский I курганный могильник. Курган 6, погребение 4
[по: Обыденнов, 1974]

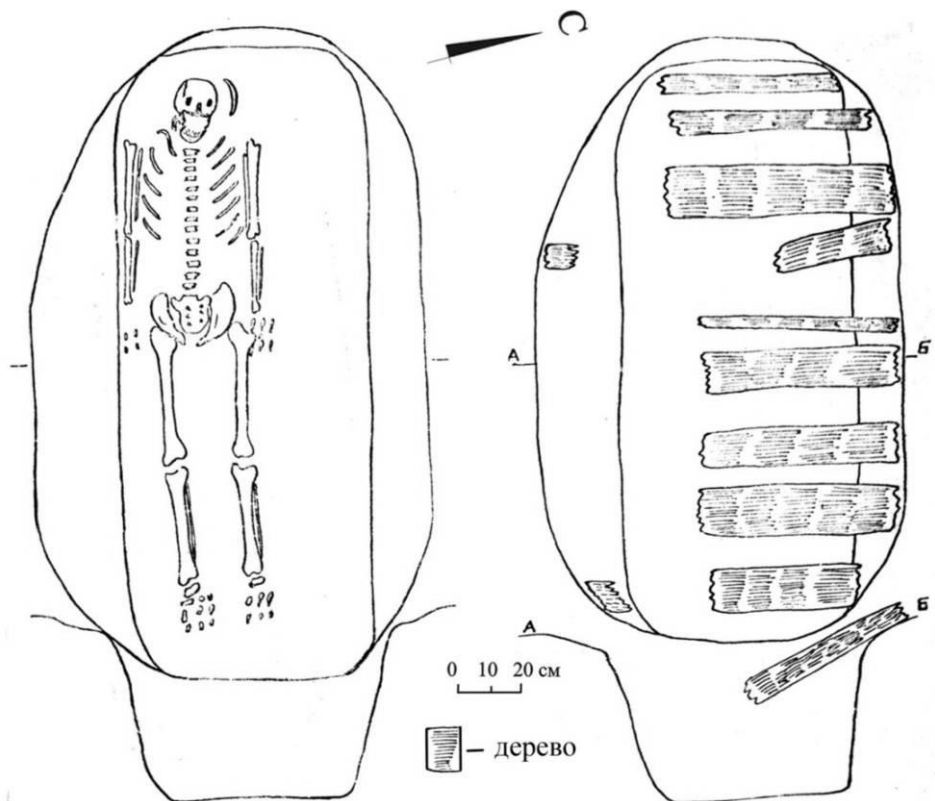

Рис. 176. Красногорский I курганный могильник. Курган 6, погребение 5
[по: Обыденнов, 1974]

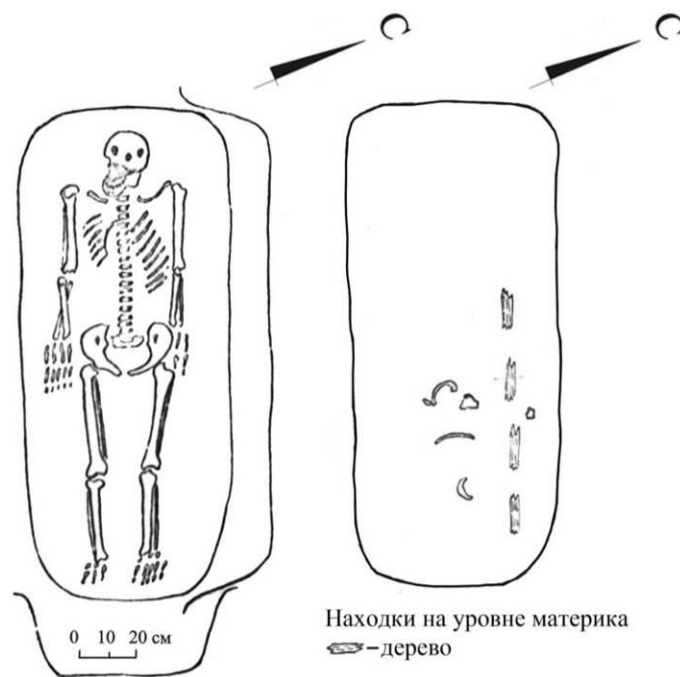

Рис. 177. Красногорский I курганный могильник. Курган 6, погребение 6
[по: Обыденнов, 1974]

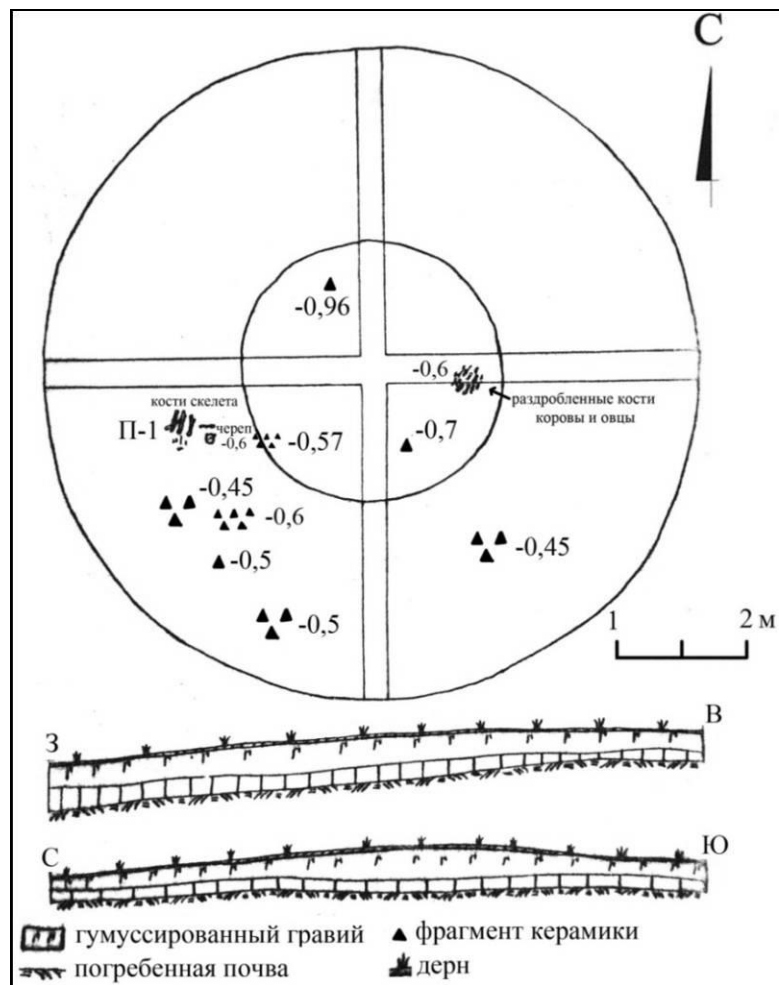

Рис. 178. Красногорский I курганный могильник. Курган 7
[по: Обыденнов, 1974]

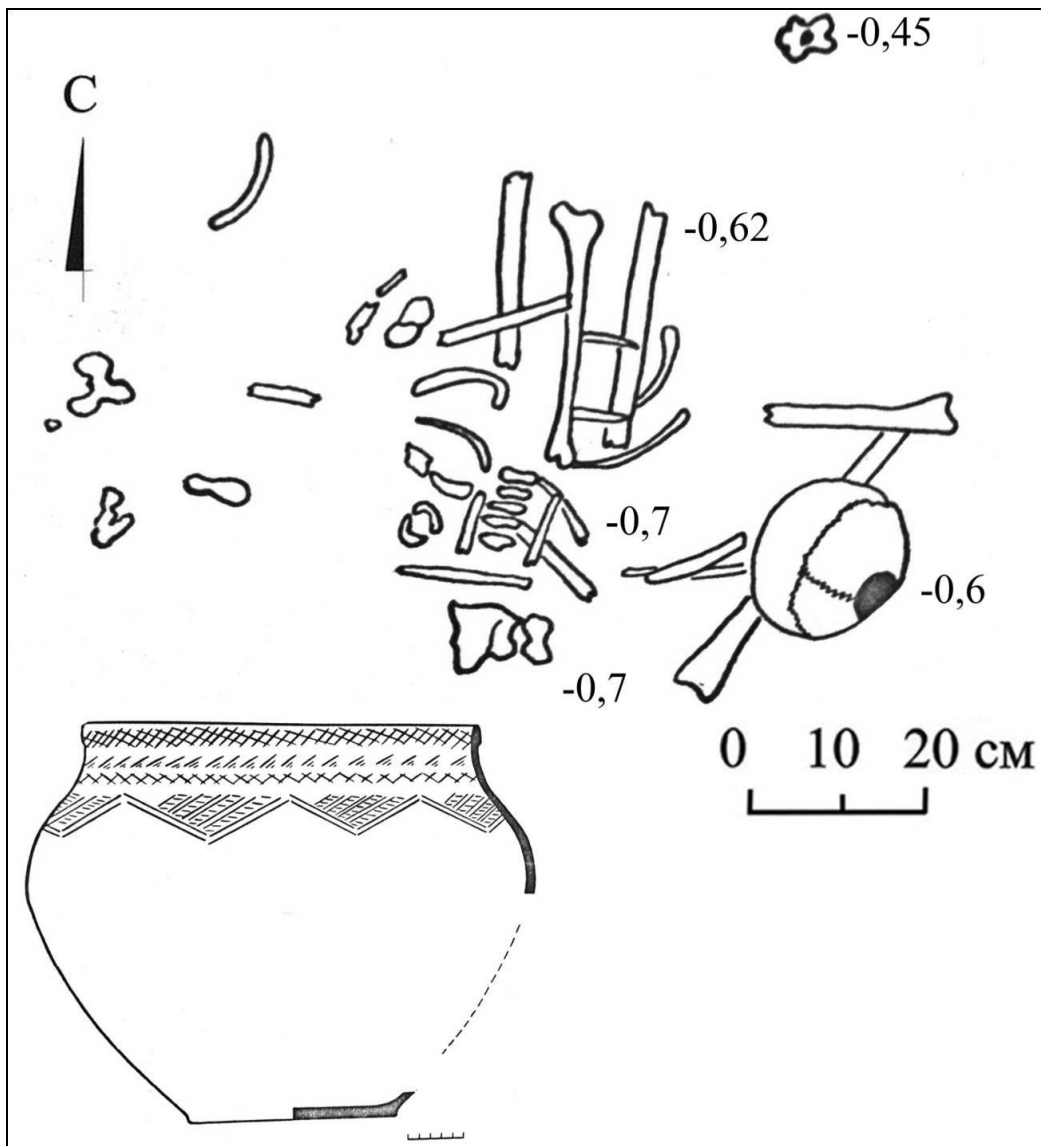

Рис. 179. Красногорский I курганный могильник. Курган 7, погребение 1
[по: Обыденнов, 1974]

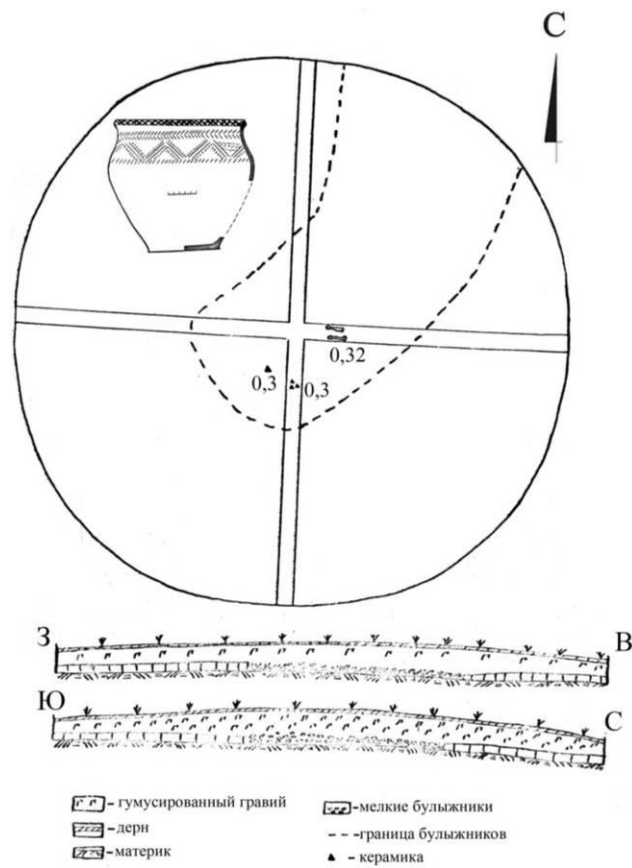

Рис. 180. Красногорский I курганный могильник. Курган 8
[по: Обыденнов, 1974]

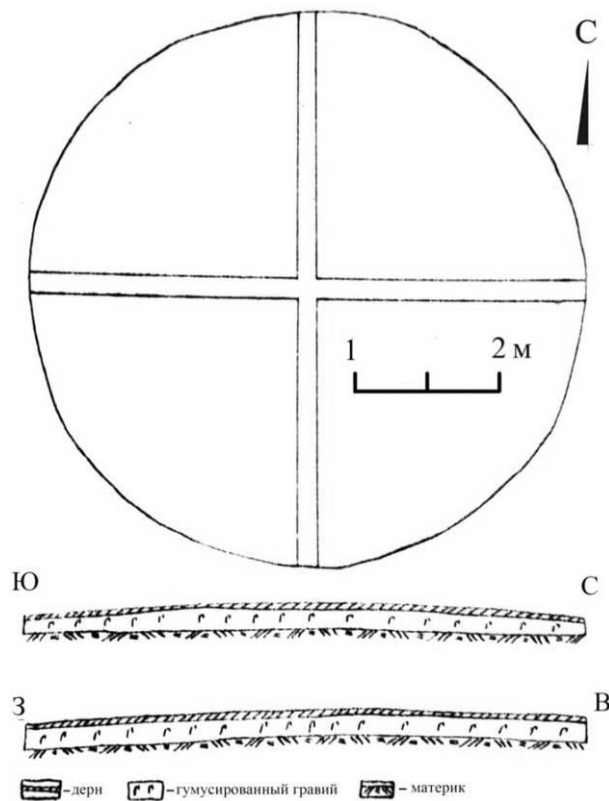

Рис. 181. Красногорский I курганный могильник. Курган 9
[по: Обыденнов, 1974]

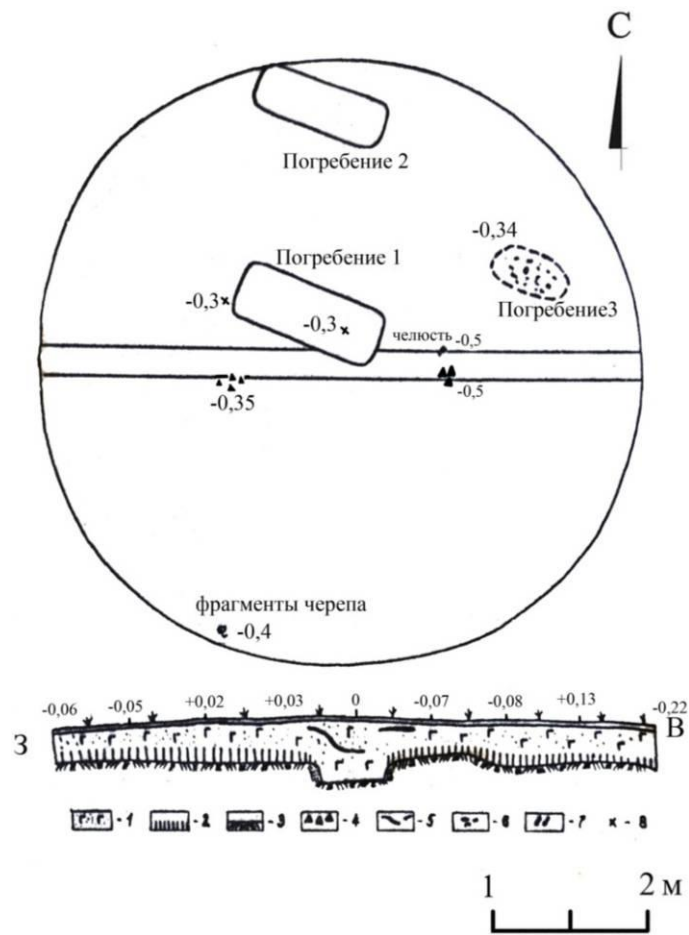

Рис. 182. Красногорский I курганный могильник. Курган 11
[по: Обыденнов, 1974]

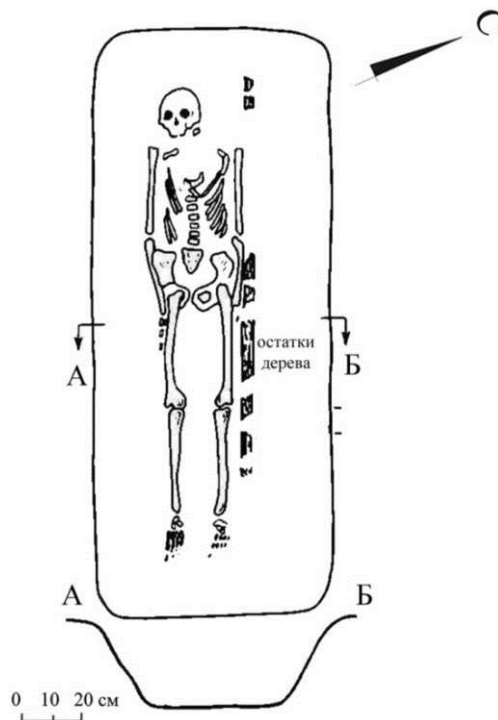

Рис. 183. Красногорский I курганный могильник. Курган 11, погребение 1
[по: Обыденнов, 1974]

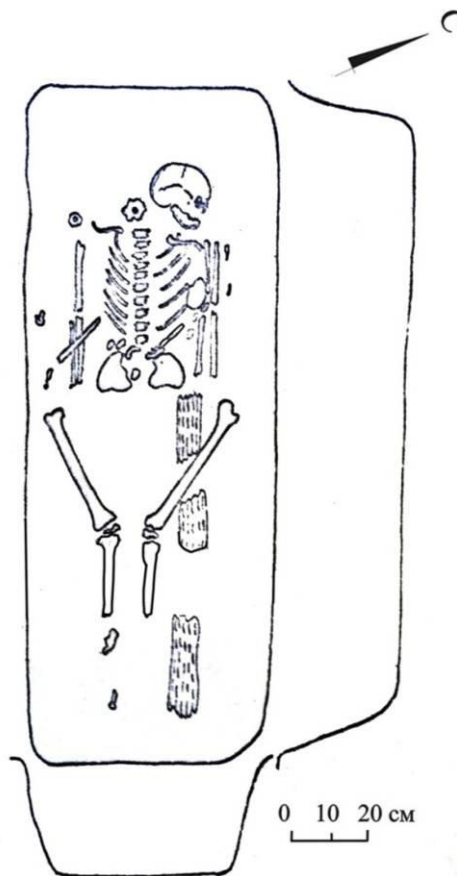

Рис. 184. Красногорский I курганный могильник. Курган 11, погребение 2
[по: Обыденнов, 1974]

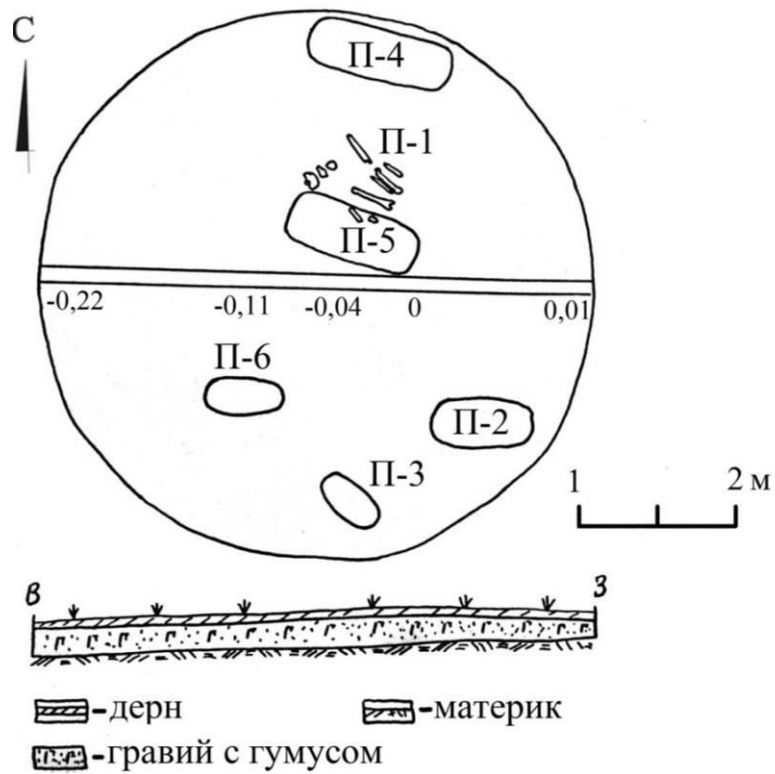

Рис. 185. Красногорский I курганный могильник. Курган 12
[по: Обыденнов, 1974]

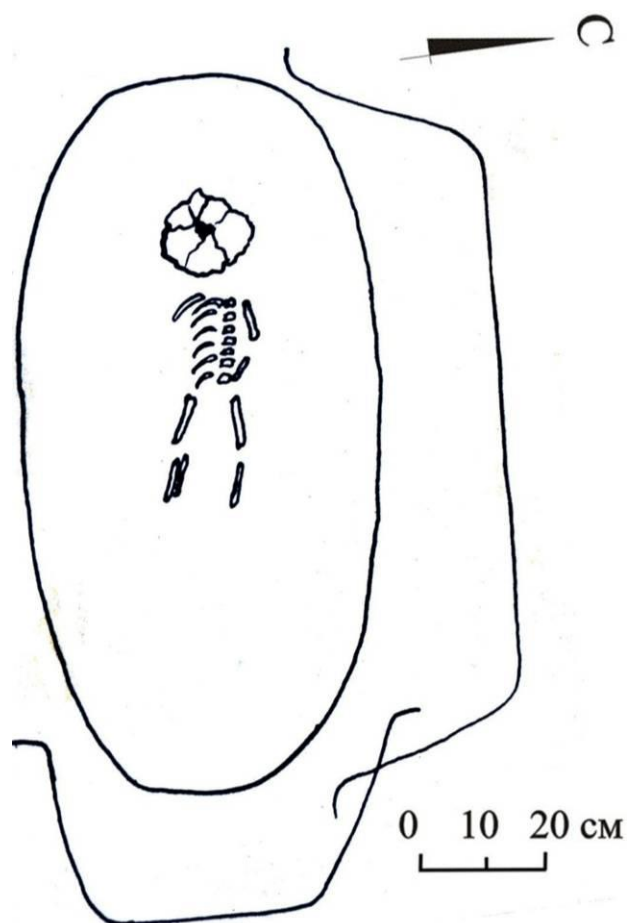

Рис. 186. Красногорский I курганный могильник. Курган 12, погребение 2
[по: Обыденнов, 1974]

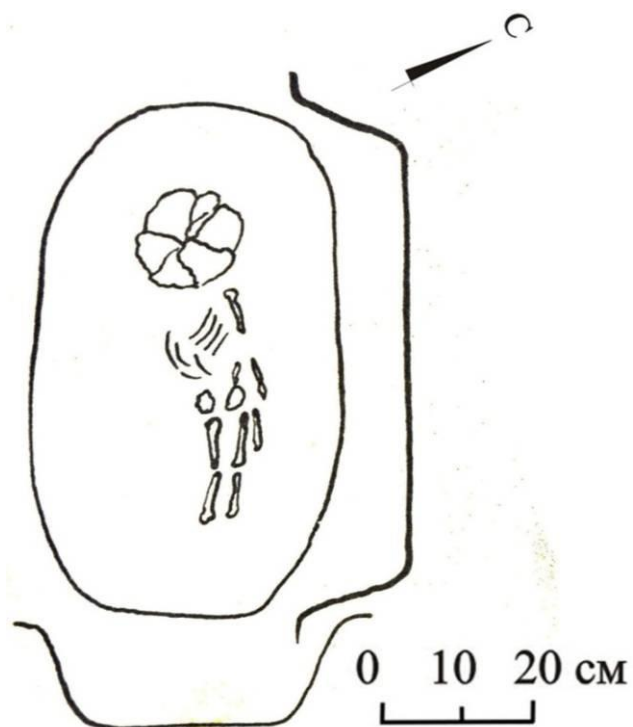

Рис. 187. Красногорский I курганный могильник. Курган 12, погребение 3
[по: Обыденнов, 1974]

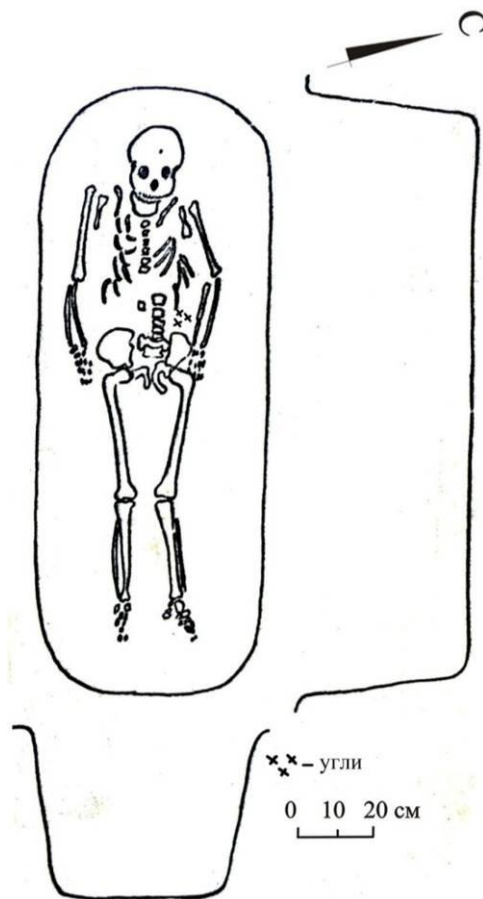

Рис. 188. Красногорский I курганный могильник. Курган 12, погребение 4
[по: Обыденнов, 1974]

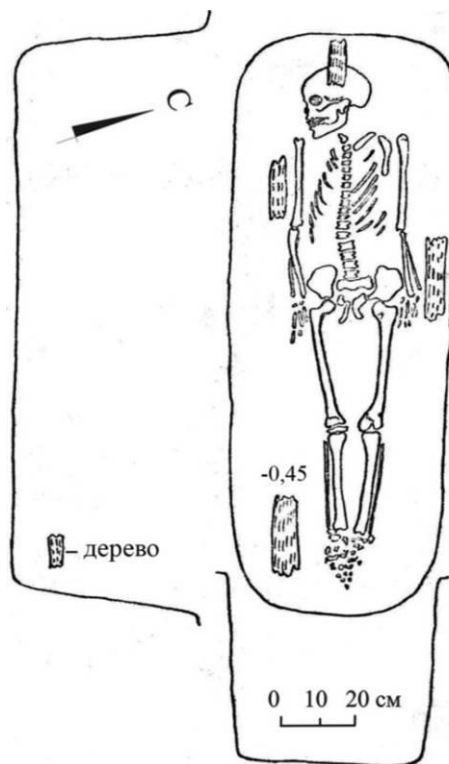

Рис. 189. Красногорский I курганный могильник. Курган 12, погребение 5
[по: Обыденнов, 1974]

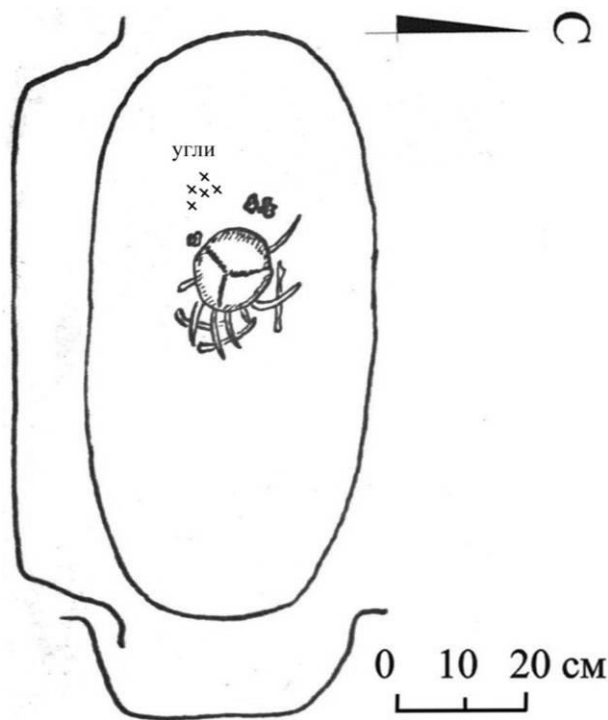

Рис. 190. Красногорский I курганный могильник. Курган 12, погребение 6 [по: Обыденнов, 1974]

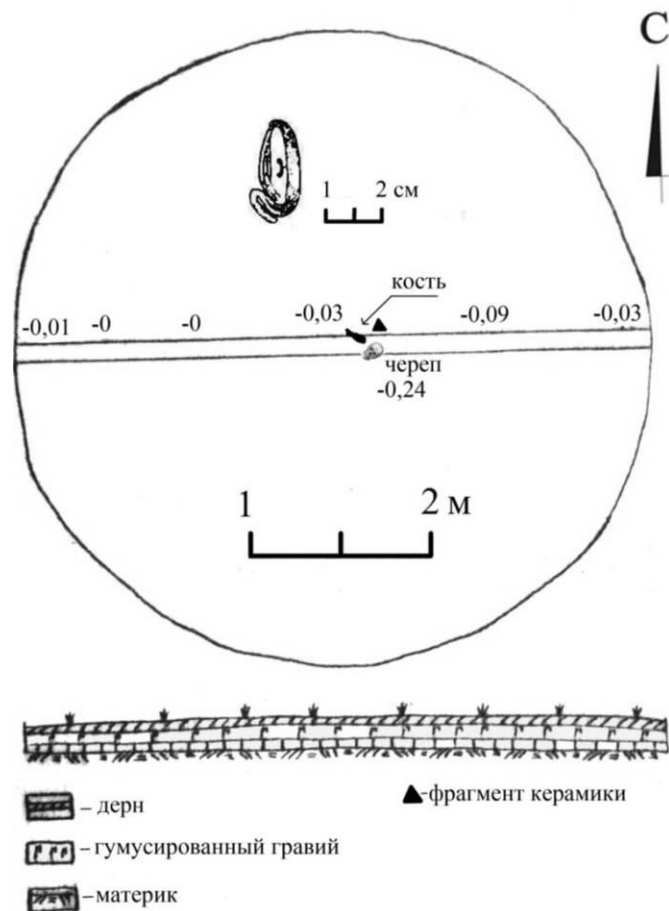

Рис. 191. Красногорский I курганный могильник. Курган 13 [по: Обыденнов, 1974]

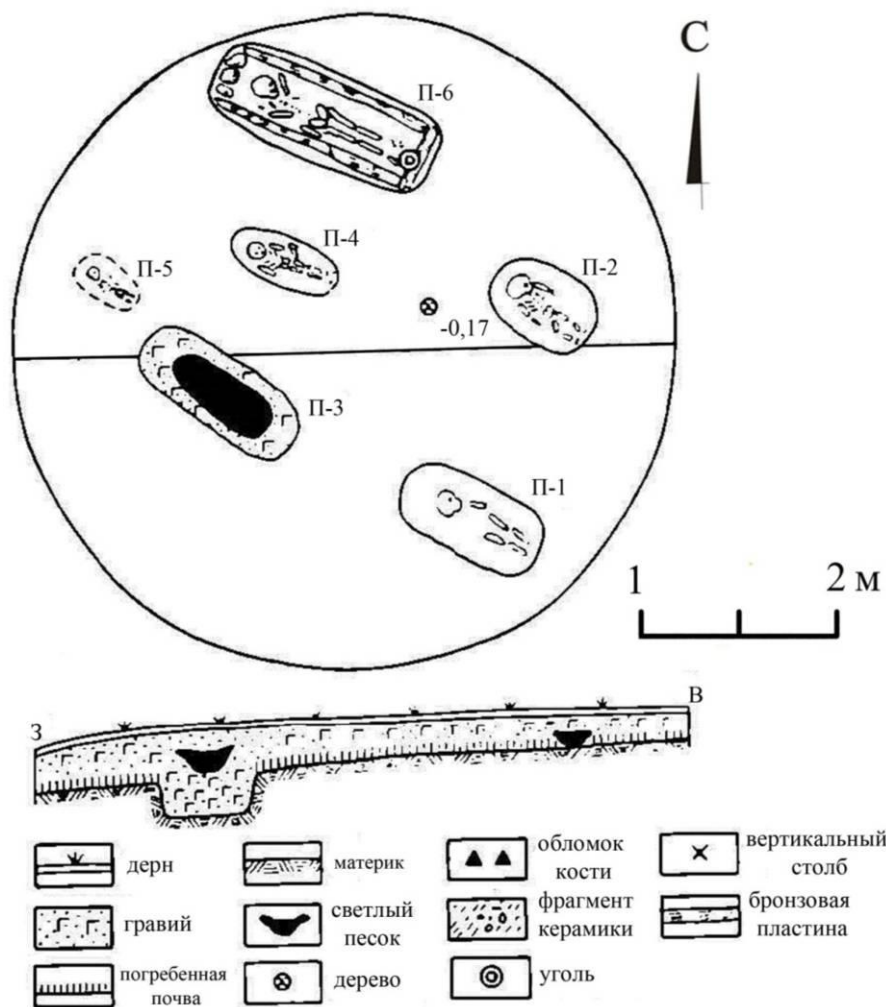

Рис. 192. Красногорский I курганный могильник. Курган 14 [по: Обыденнов, 1974]

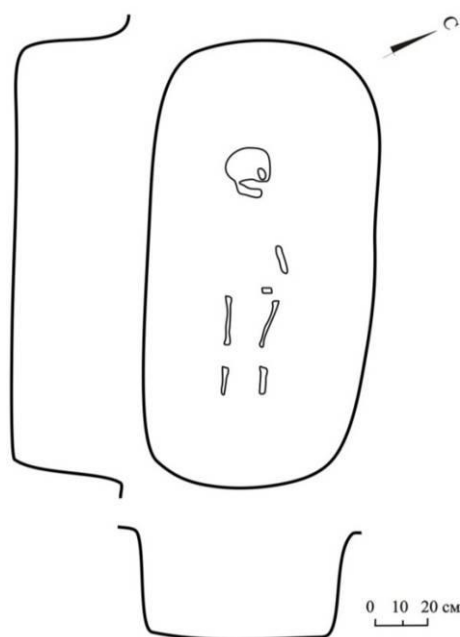

Рис. 193. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 1 [по: Обыденнов, 1974]

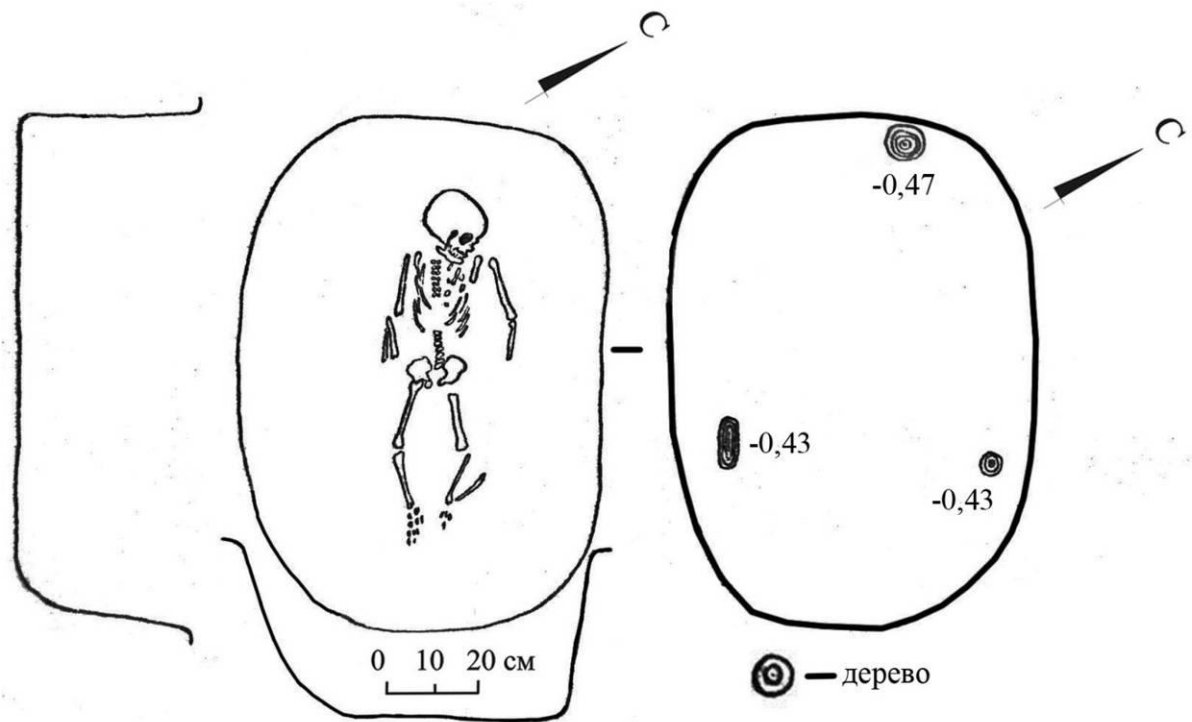

Рис. 194. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 2
[по: Обыденнов, 1974]

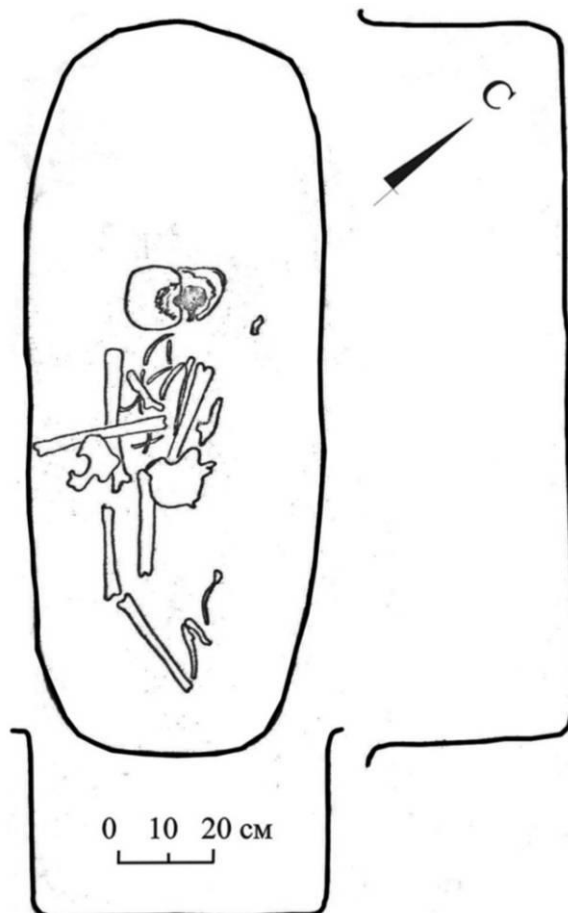

Рис. 195. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 3
[по: Обыденнов, 1974]

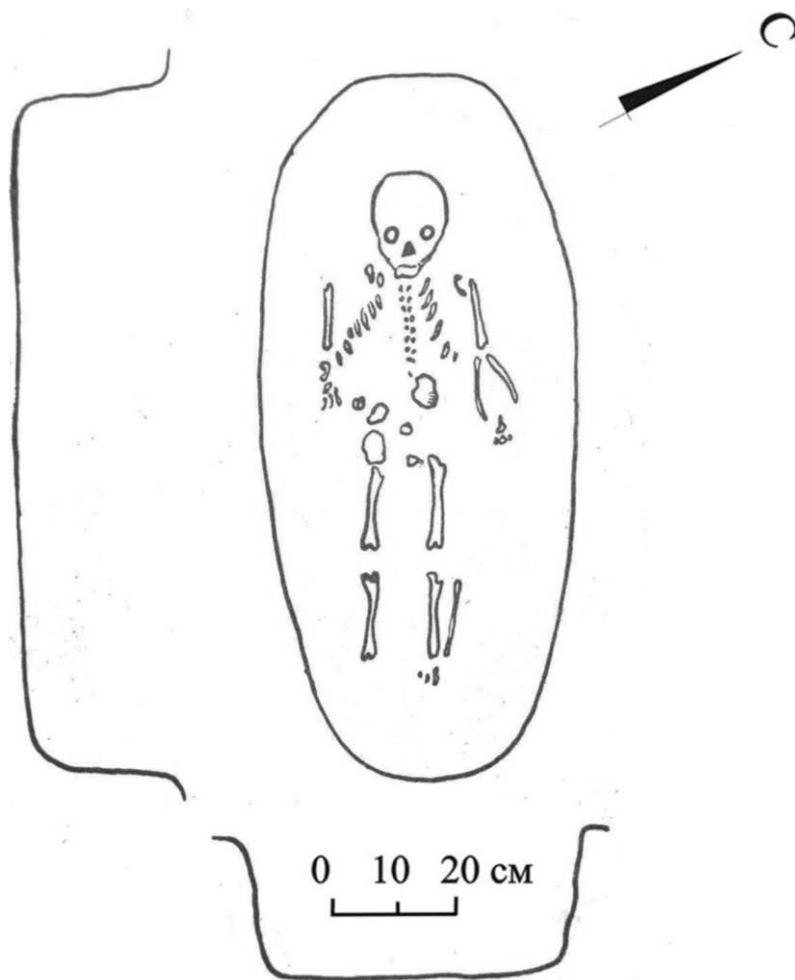

Рис. 196. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 4
[по: Обыденнов, 1974]

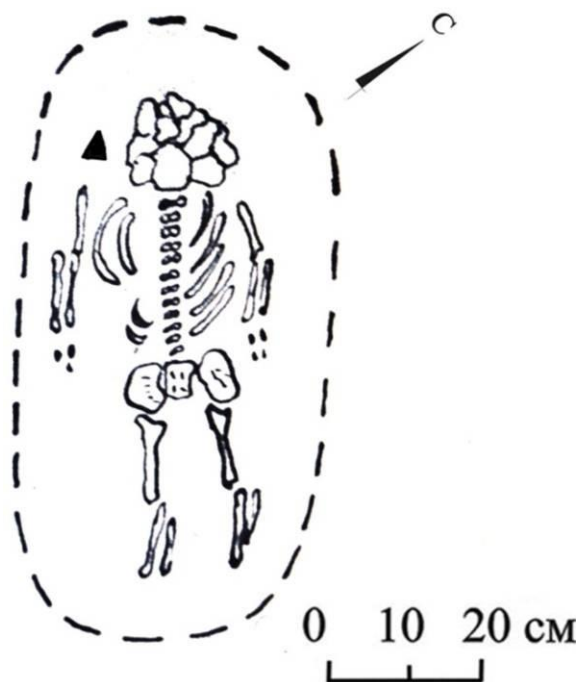

Рис. 197. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 5
[по: Обыденнов, 1974]

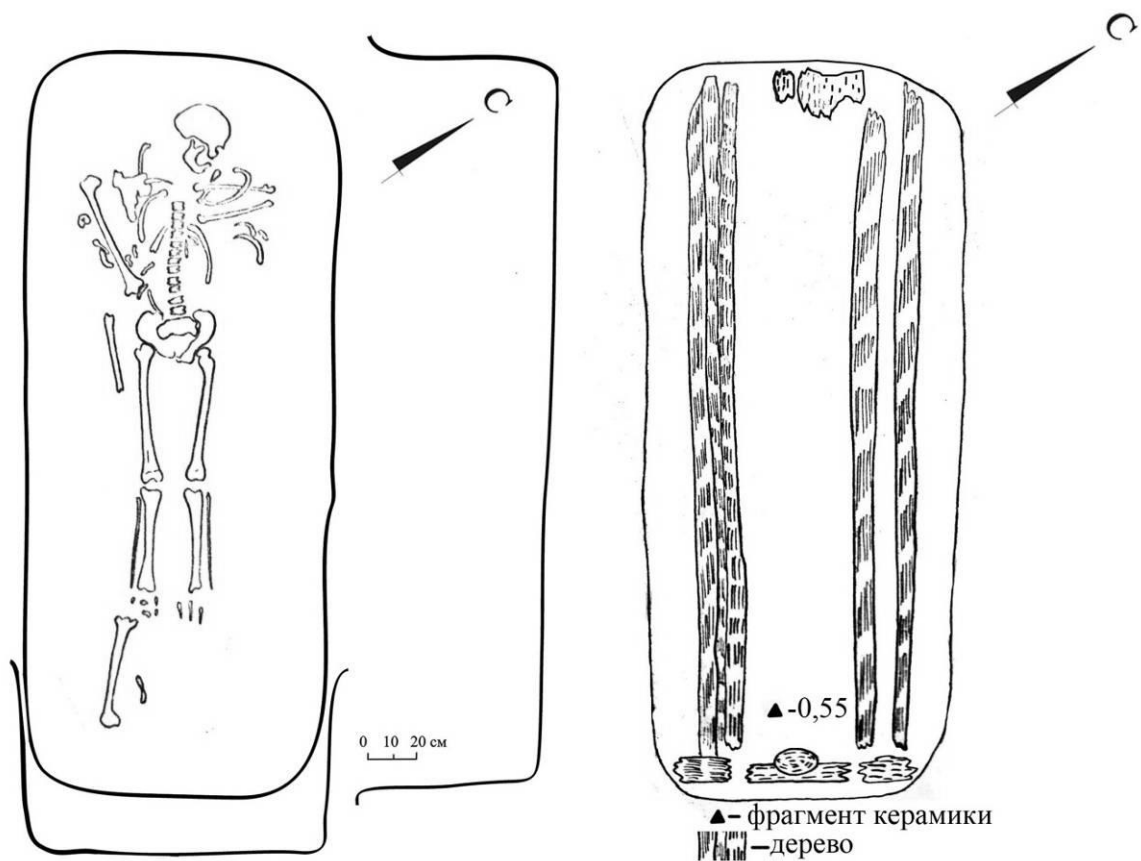

Рис. 198. Красногорский I курганный могильник. Курган 14, погребение 6
[по: Обыденнов, 1974]

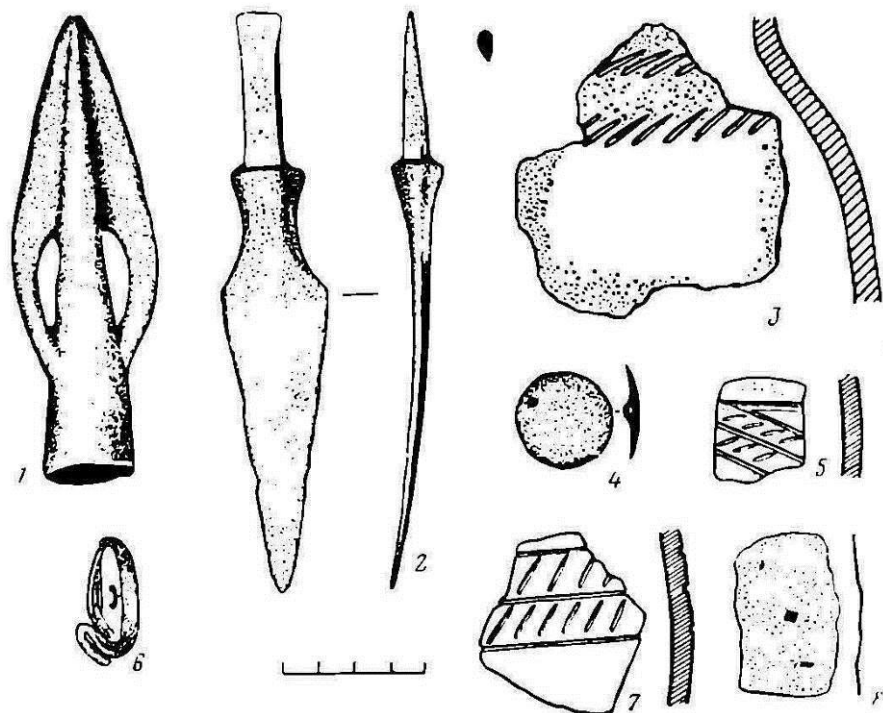

Рис. 199. Красногорский I курганный могильник. Бронзовый и глиняный инвентарь.
1-к.4; 2-п.2, к.1; 3-п.1, к.6; 4-п.3, к.5; 5, 7, 8-к.1, насыпь; 6-к.13
[по: Обыденнов, Горбунов, 1980. С. 175. Рис. 3]

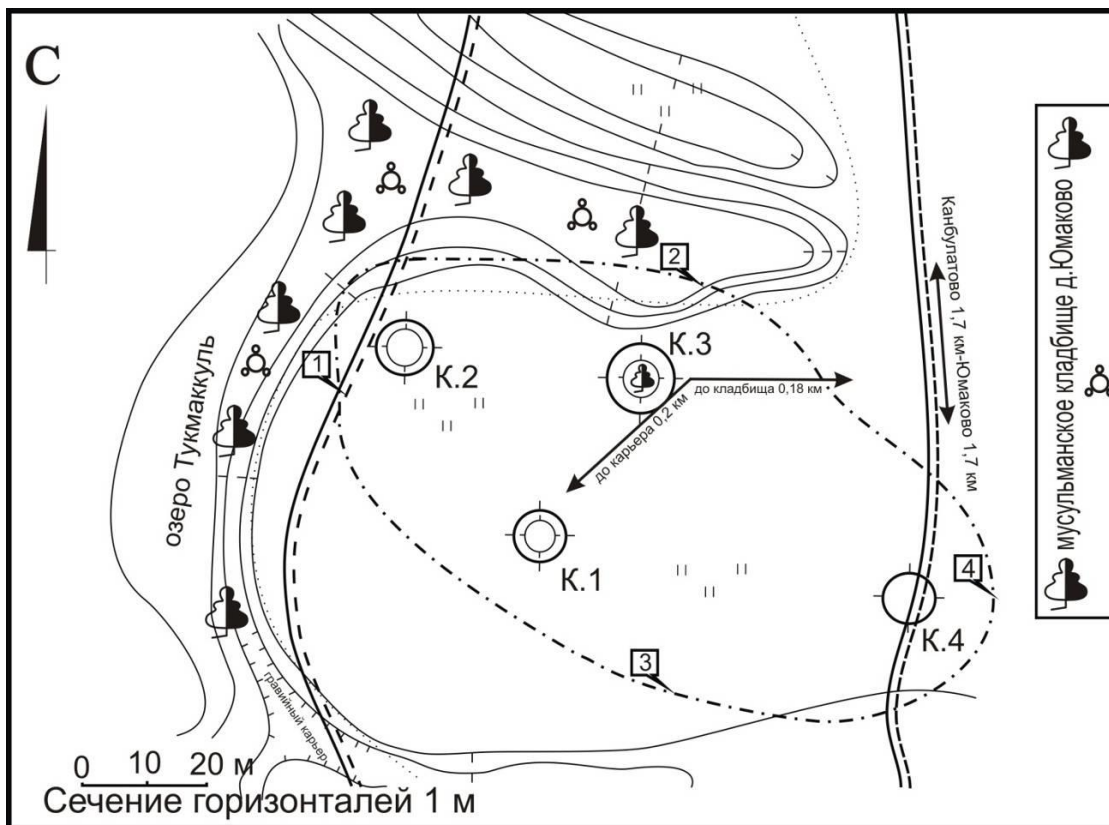

Рис. 201. Юмаковский I курганный могильник, план (по М.М. Румянцеву, дополнен автором)

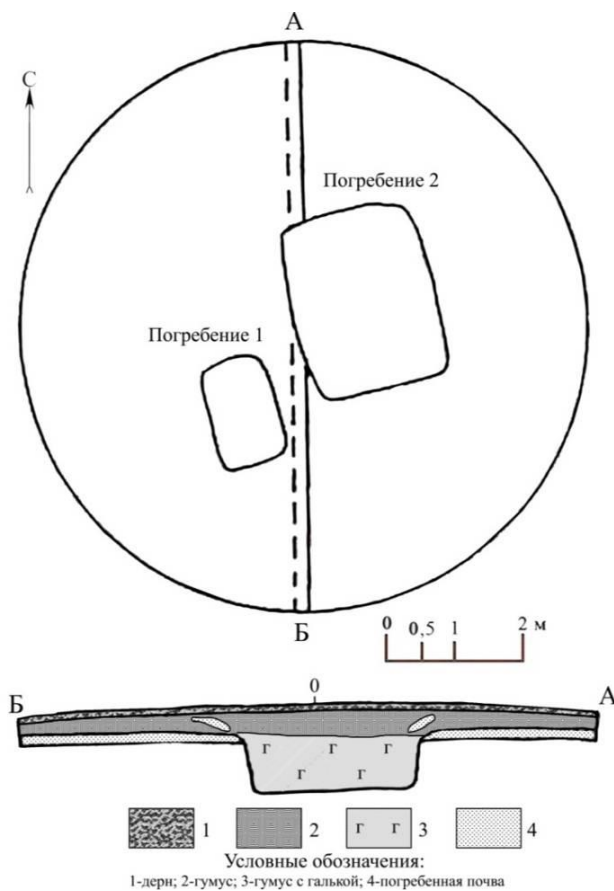

Рис. 202. Юмаковский I курганный могильник. Курган 1

[по: Иванов, Горбунов, 1983]

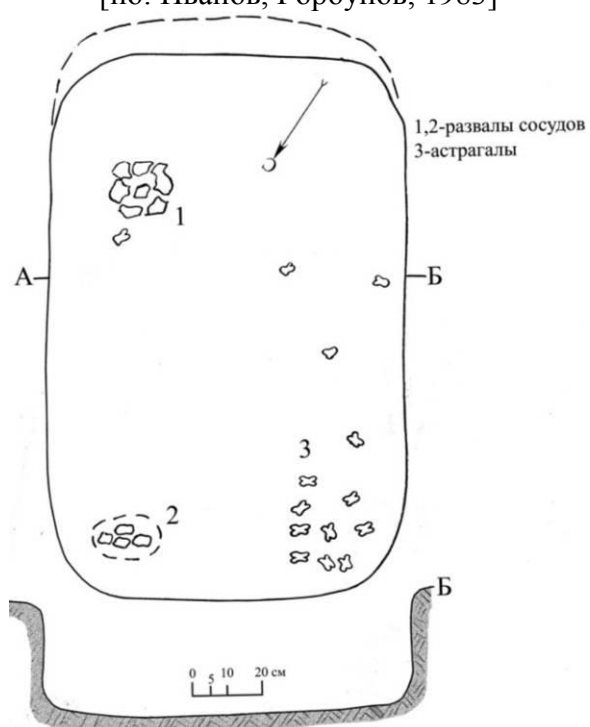

Рис. 203. Юмаковский I курганный могильник. Курган 1. Погребение 1
[по: Иванов, Горбунов, 1983]

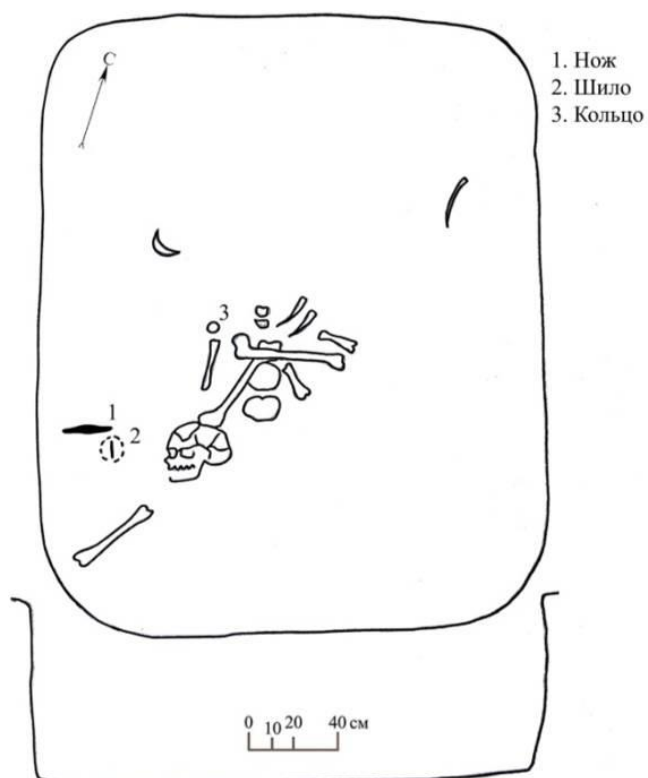

Рис. 204. Юмаковский I курганный могильник. Курган 1, погребение 2
[по: Иванов, Горбунов, 1983]

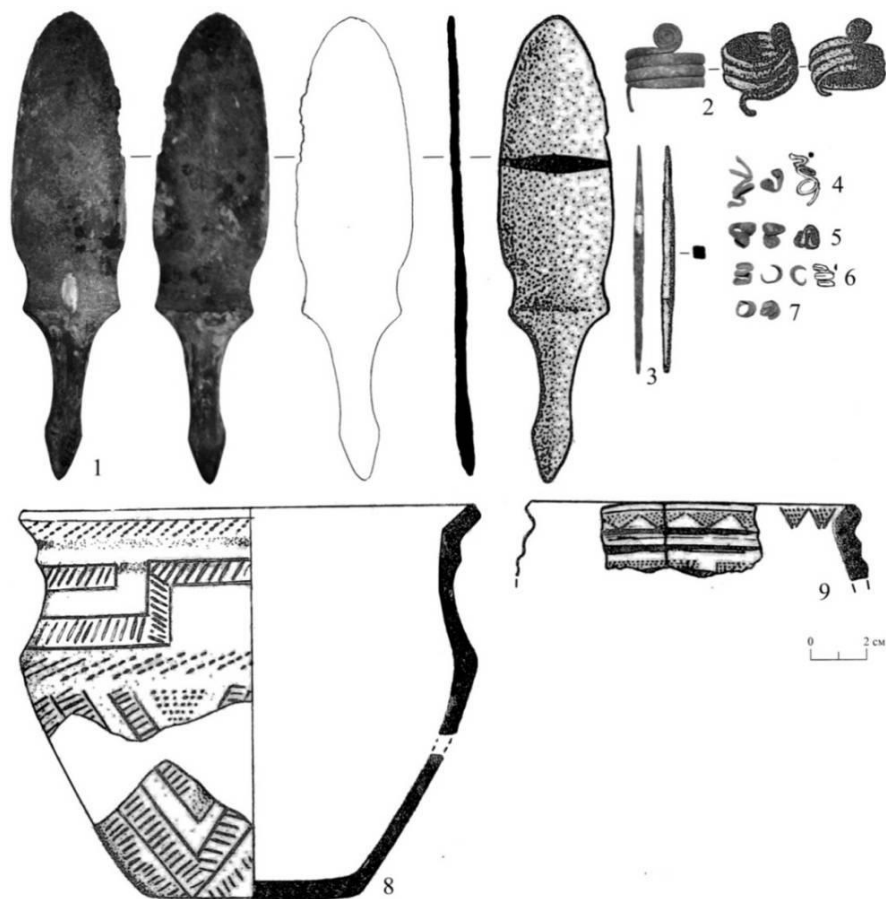

Рис. 205. Юмаковский I курганный могильник. Вещевой инвентарь. 1-7-п.2, к.1; 8, 9-п.1, к.1. Фонды МАЭ ИЭИ УНЦ РАН. Шифр 1-7-772/16-18; 8-772/1-11; 9-772/26, 28 (1-7-рисунки автора; 8, 9-по: Иванов, Горбунов, 1983)

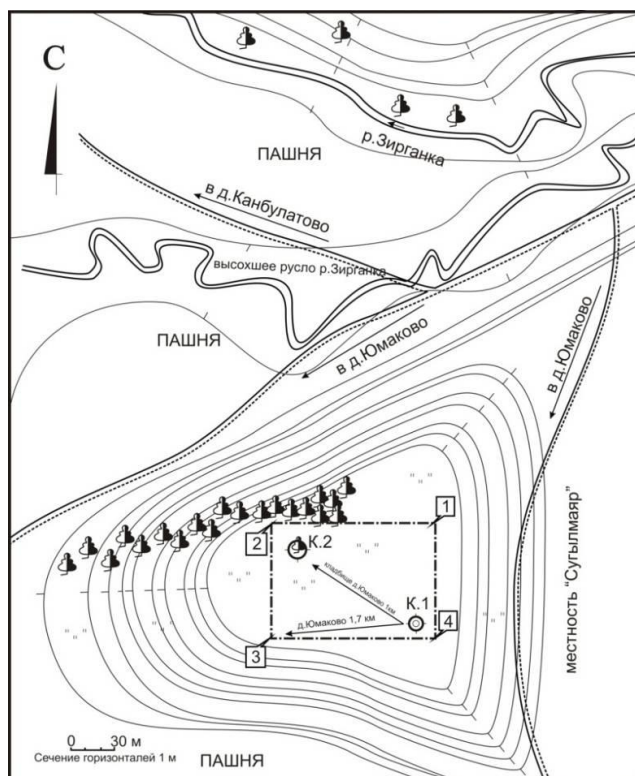

Рис. 206. Юмаковский II курганный могильник (составлен автором)

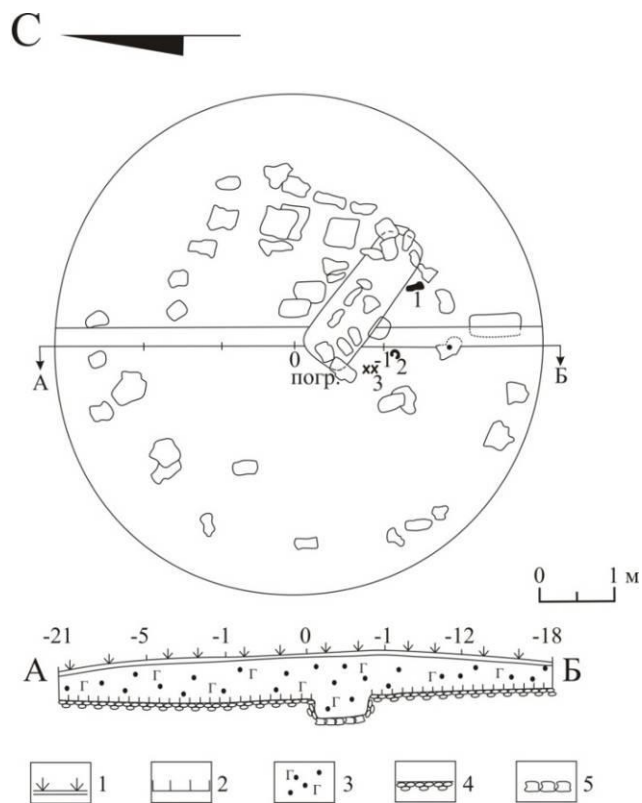

Рис. 207. Юмаковский II курганный могильник. Курган
[по: Горбунов, 1983. Рис. 43]

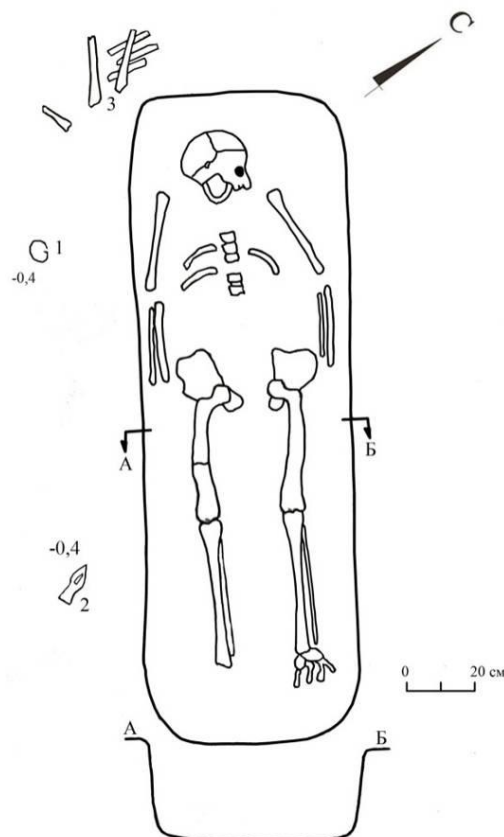

Рис. 208. Юмаковский II курганный могильник. Погребение.
1-бронзовый браслет; 2-бронзовое копьё; 3-кости человека
[по: Горбунов, 1983. Рис. 45]

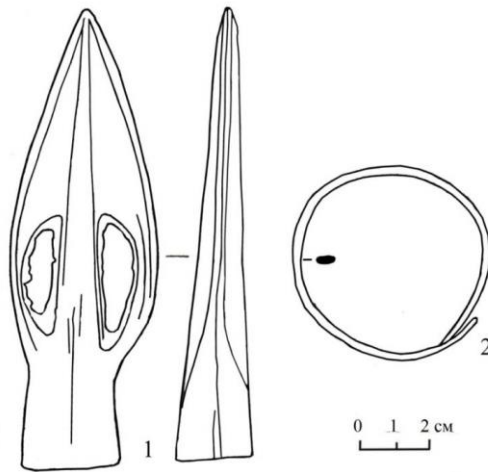

Рис. 209. Юмаковский II курганный могильник
1-прорезной наконечник копья; 2-бронзовый браслет
[по: Горбунов, 1983. Рис. 47]

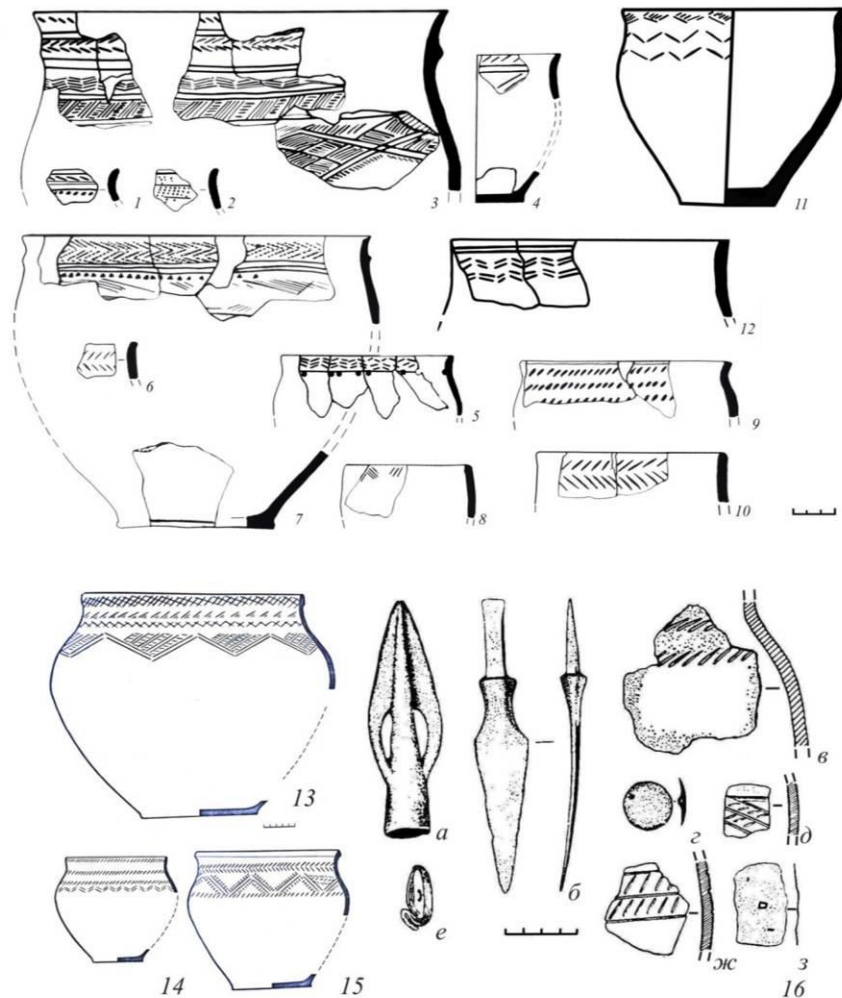

Рис. 210. Береговский археологический микрорайон. Материалы финальной бронзы. 1-12- Юмаковское II поселение; 13-16-Красногорский I курганный могильник. 13-п.1 к.7; 14 - п.2 к.6; 15 - к.8; 16, б, ж, з, д – п.2 к.1; а-к.4; з-п.3 к.5; е-к.13.

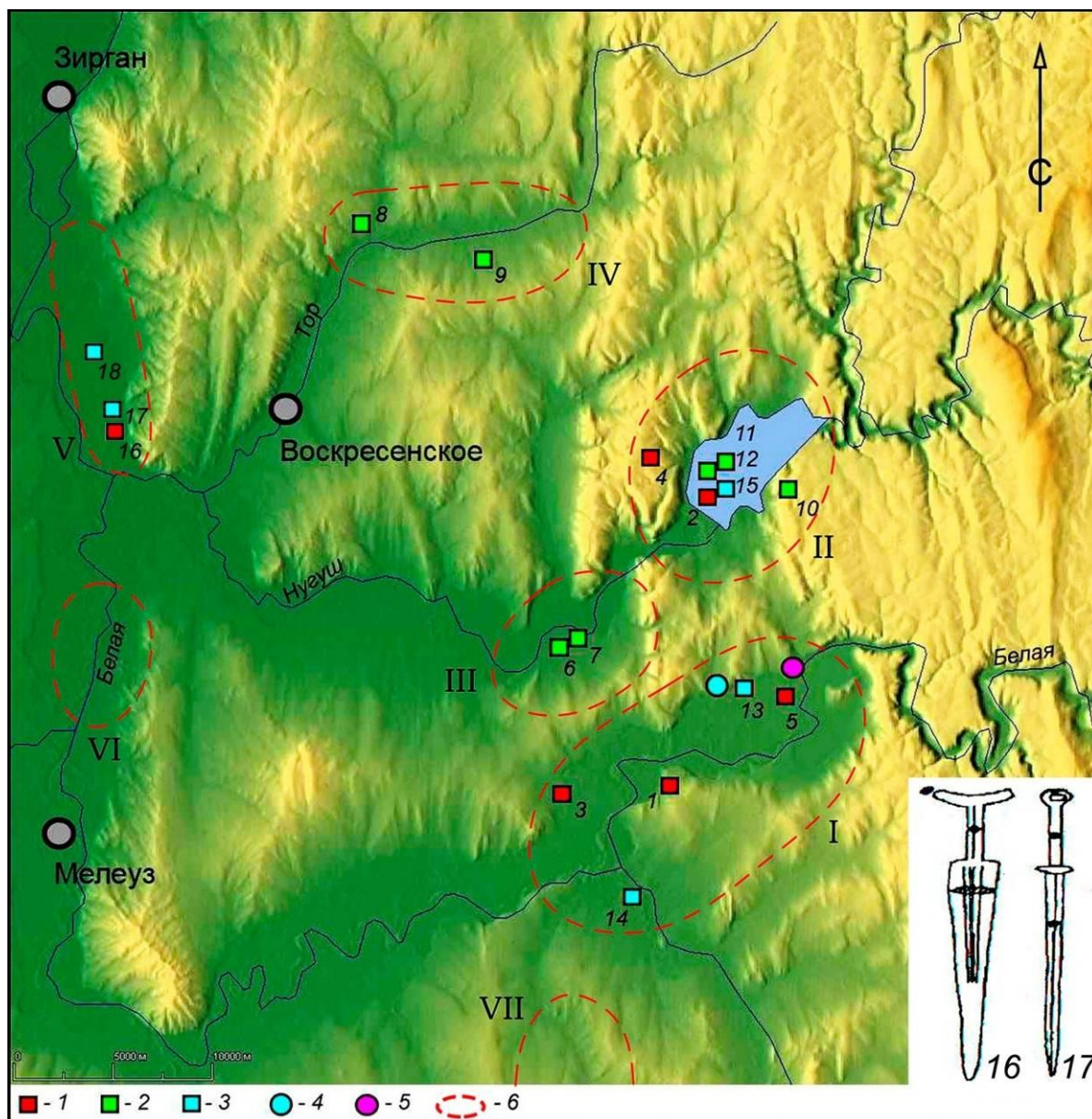

Рис. 211. Юго-западные предгорья Южного Урала. Находки мечей и кинжалов: I – Нарбутово; 2, 11, 12, 15 – Нугуш (школьный музей); 3 – Акназарово; 4 – Нугушское водохранилище (в горах); 5 – Сыртланово; 6, 7 – между Абитово и Иткучуково; 8 – Кузнецовский; 9 – Верхотор; 10 – Сергеевка; 13 – Иштуганово; 14 – Юмагузино; 16, 17 – Красногорский; 18 – Береговка.

I – мечи и кинжалы V-IV вв. до н.э.; 2 – мечи и кинжалы III-II вв. до н.э.; 3 – мечи и кинжалы II-I вв. до н.э. – I в.н.э.; 4 – Иштугановские курганы (среднесарматское время); 5 – Сыртлановские курганы (средне- и позднесарматское время).

Территориальные группы (6): I – Юмагузинская; II – Нугушская; III – Иткучуковская; IV – Верхоторская; V – Береговская; VI – Мелеузовская; VII – Воскресенская.

[по: Обыденнов, Савельев, 1994; Савельев, 2016; 2018]

Основа: Free Relief Layers for Google Maps

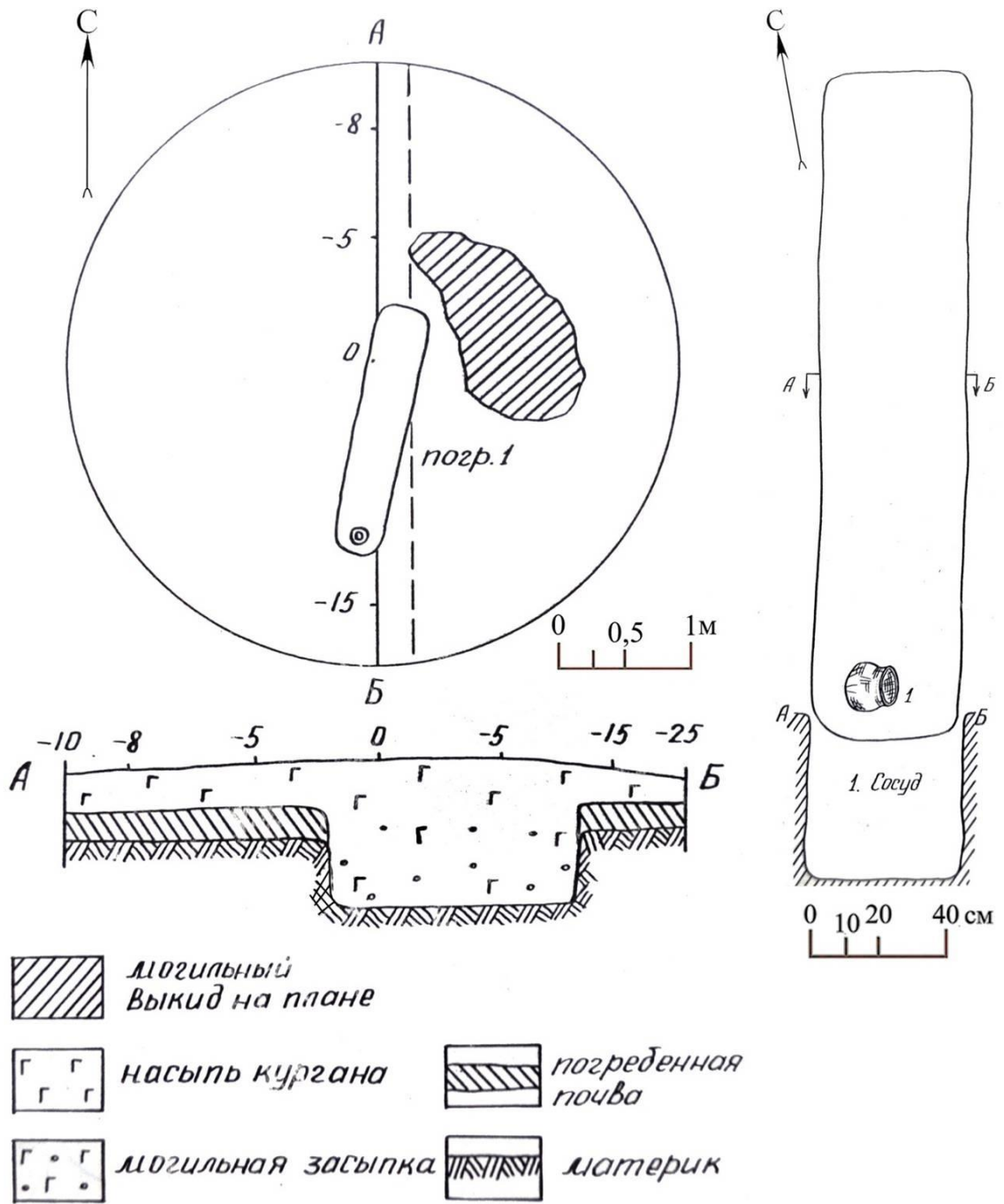

Рис. 212. Дербеневский курганный могильник. Курган 1, погребение 1
 [по: Пшеничнюк, 1983]

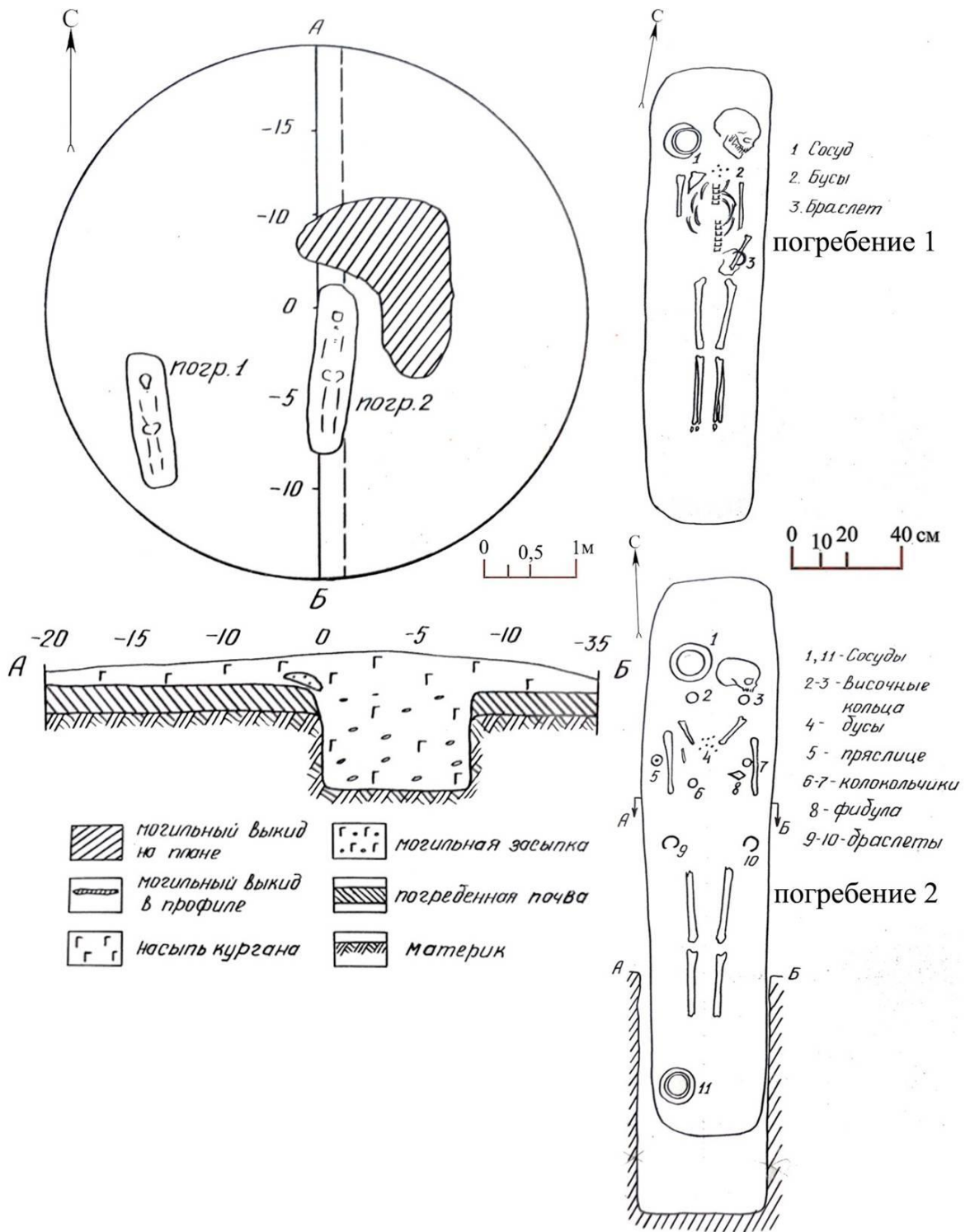

Рис. 213. Дербеневский курганный могильник. Курган 2, погребения 1, 2 [по: Пшеничнюк, 1983]

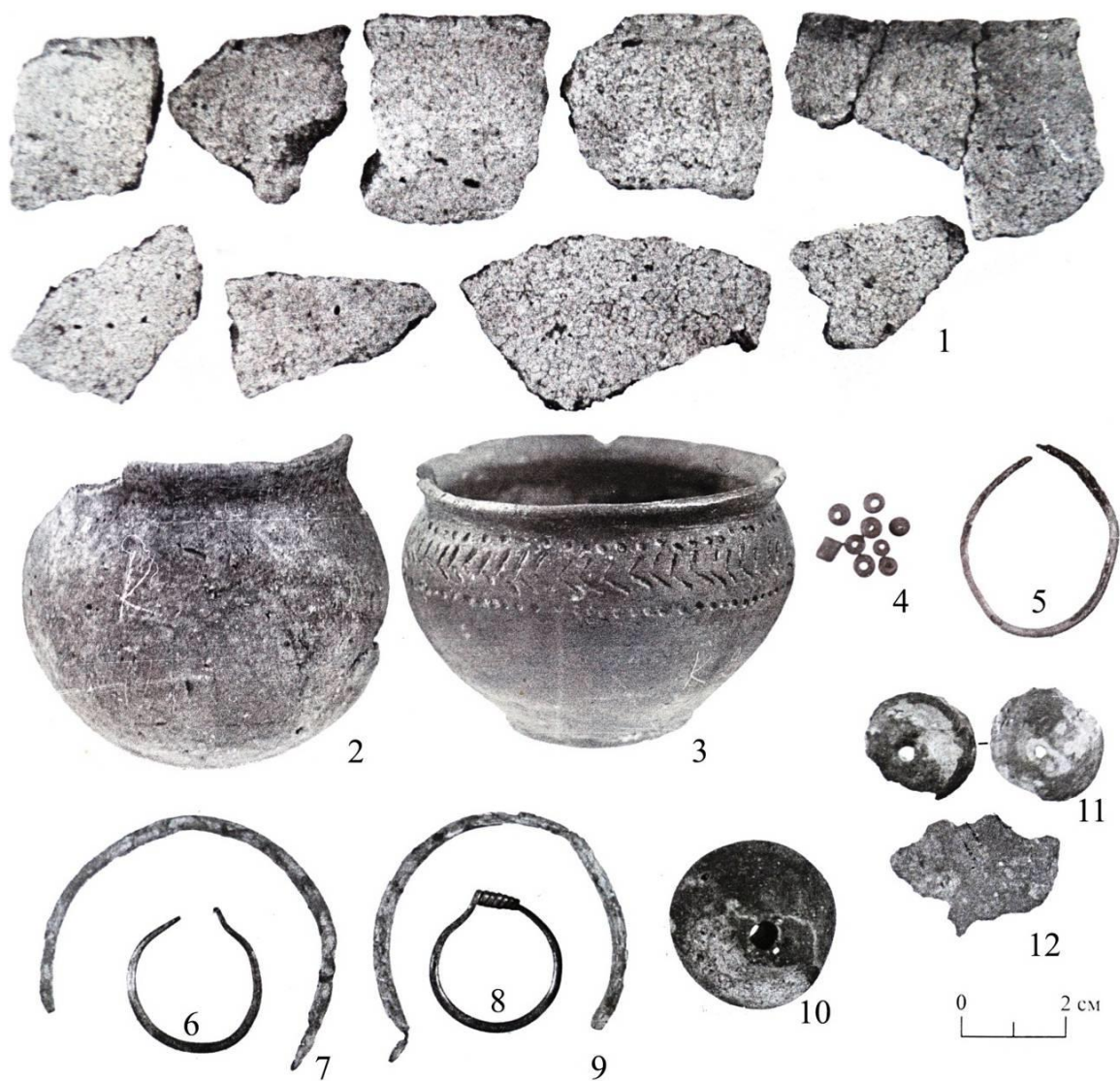

Рис. 214. Дербеневский курганный могильник.
 1-развал сосуда из к.1; 2, 4, 5-п.1, к.2; 3, 6-12-п.2, к.2
 [по: Пшеничнюк, 1983]

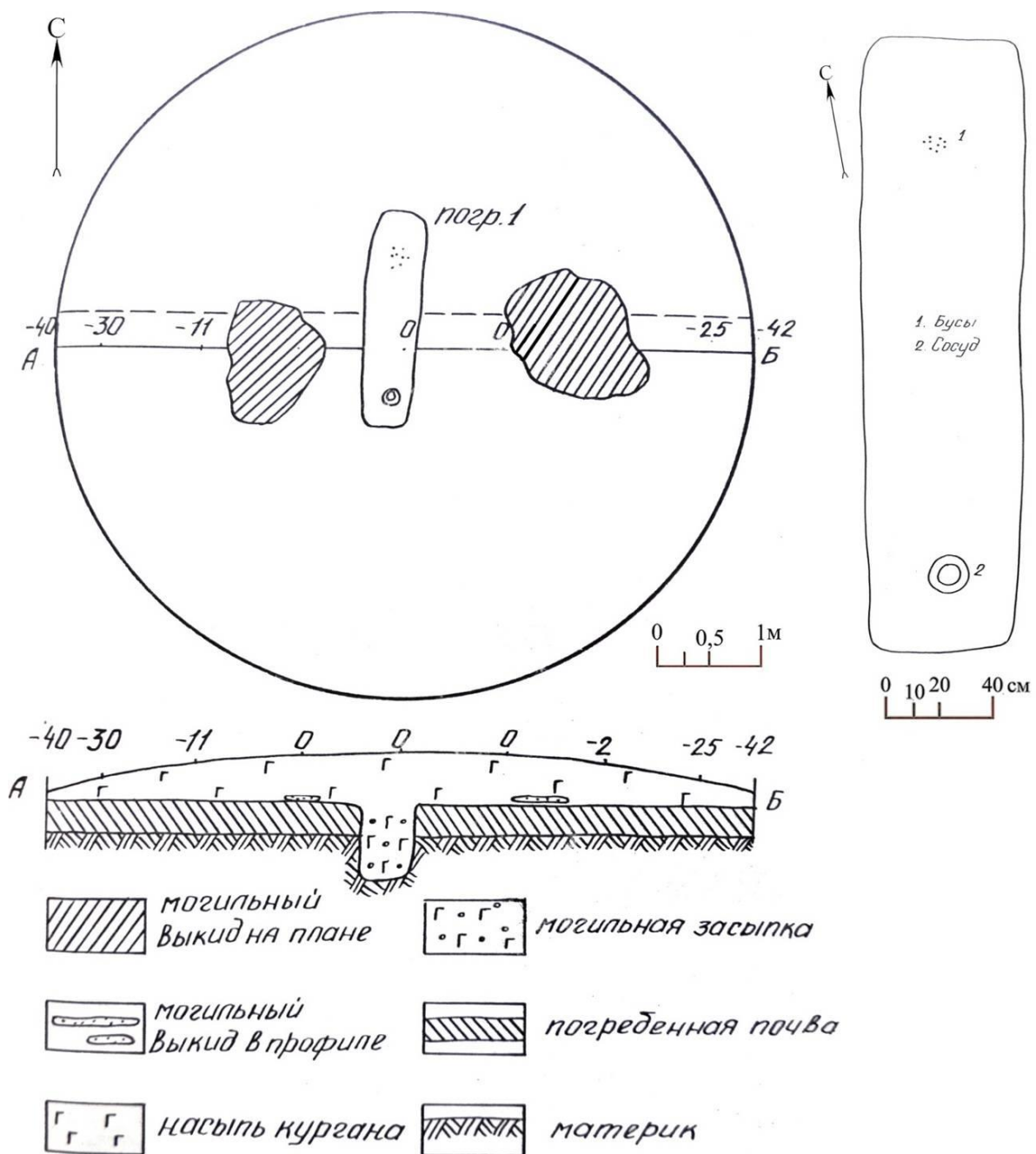

Рис. 215. Дербеневский курганный могильник. Курган 3, погребение [по: Пшеничнюк, 1983]

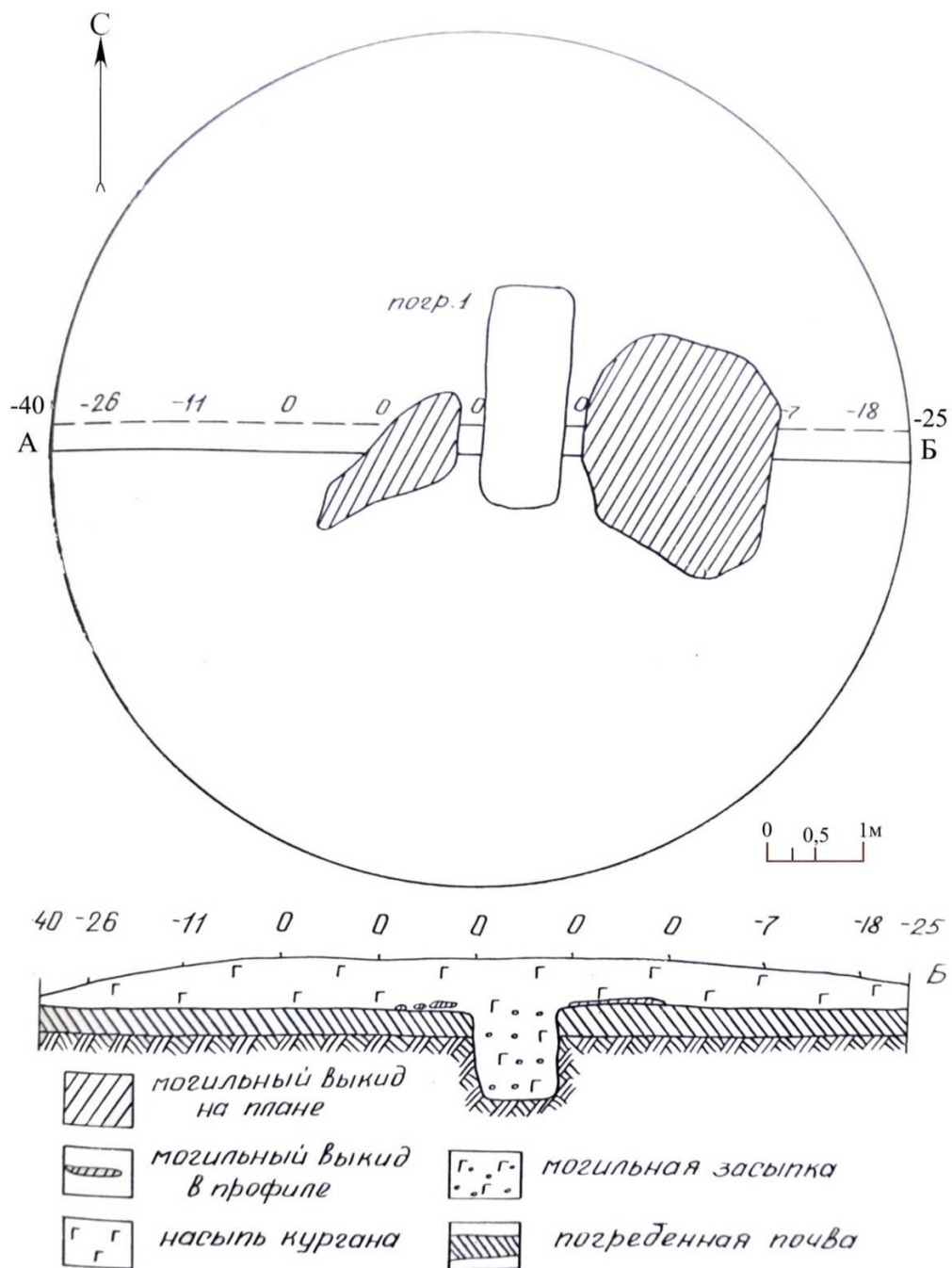

Рис. 216. Дербеневский курганный могильник. Курган 4
 [по: Пшеничнюк, 1983]

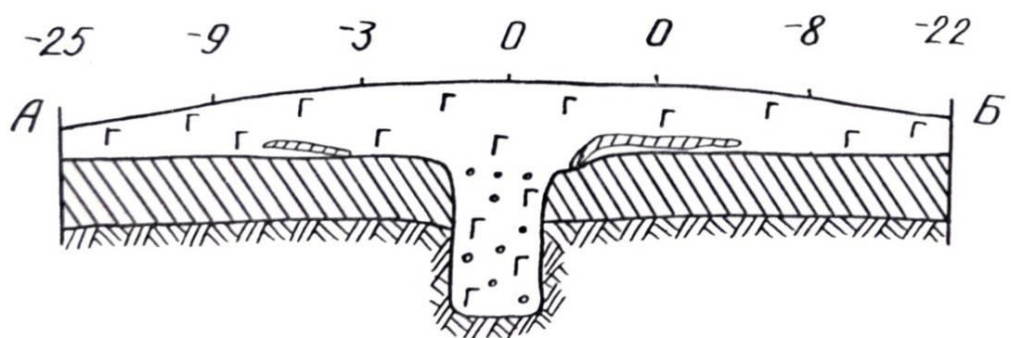
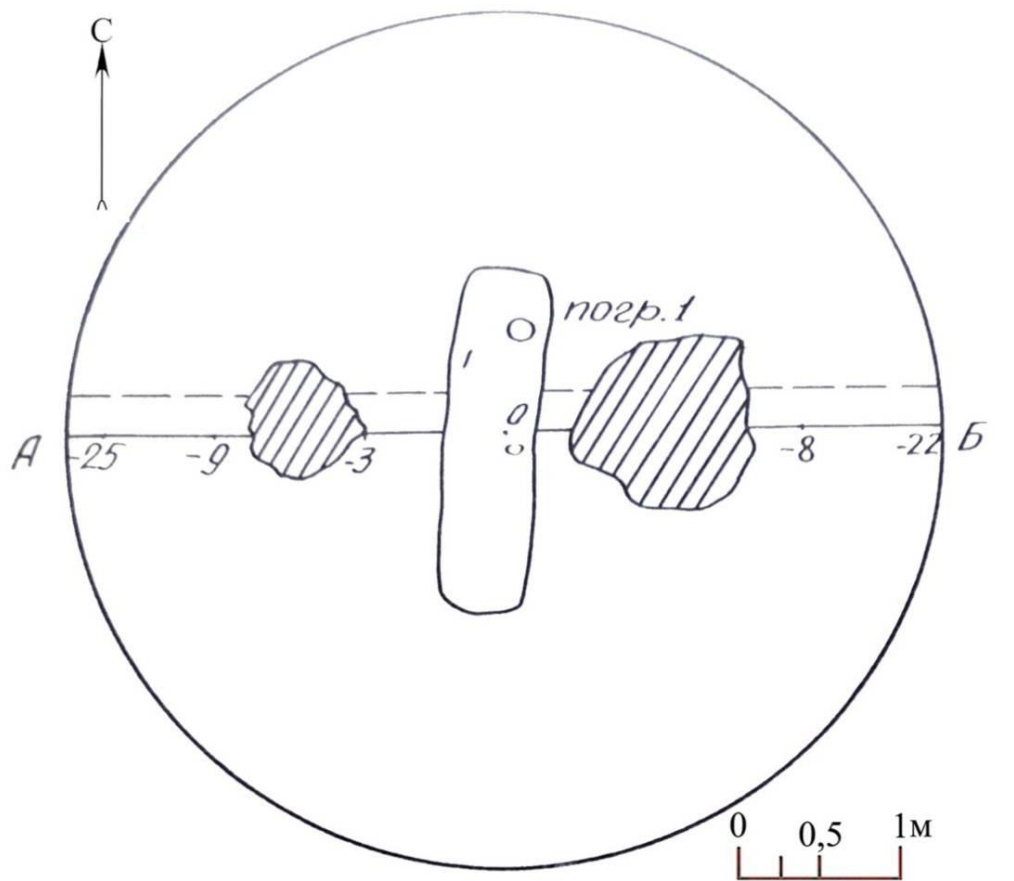
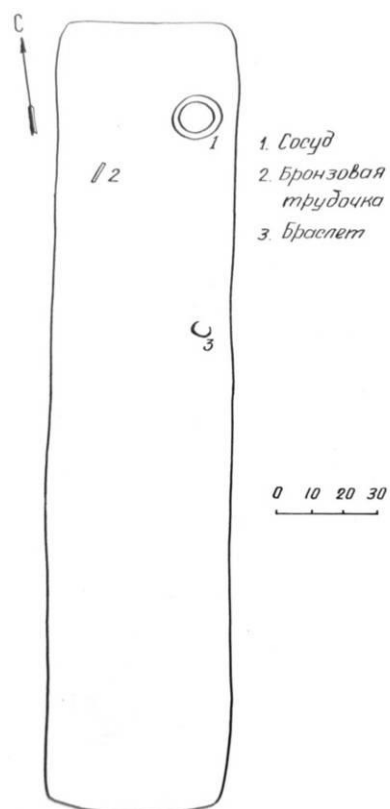

Рис. 217. Дербеневский курганный могильник. Кургan 5
[по: Пшеничнюк, 1983]

- 1. Сосуд
- 2. Бронзовая
трубочка
- 3. Браслет

Рис. 218. Дербеневский курганный могильник. Курган 5, погребение 1
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 26]

Дербеневский курганный могильник.

Рис. 219. Дербеневский курганный могильник. 1-3-к.3; 4, 6-к.5
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 28, 29, 31, 32]

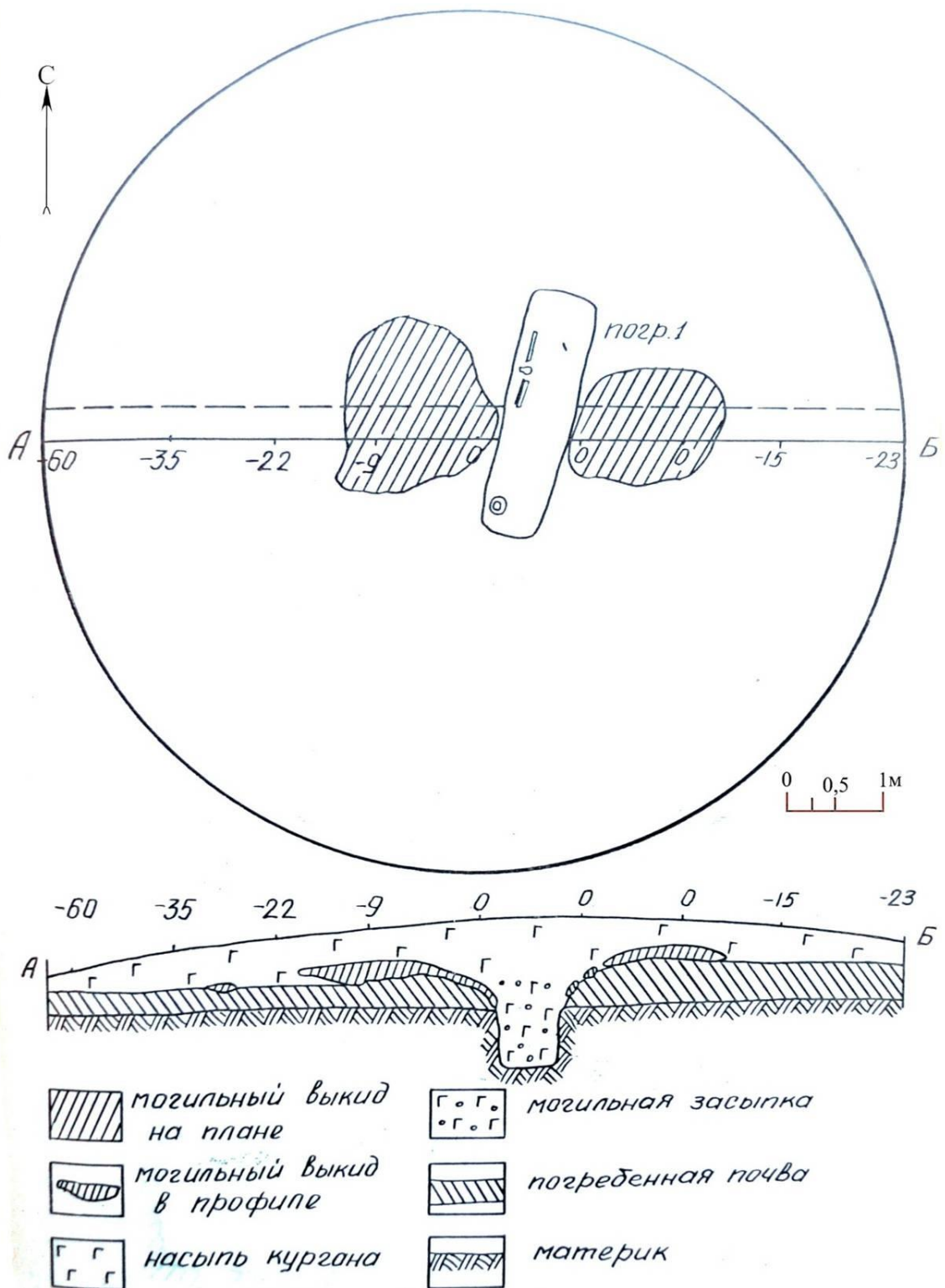

Рис. 220. Дербеневский курганный могильник. Курган 6 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 32а]

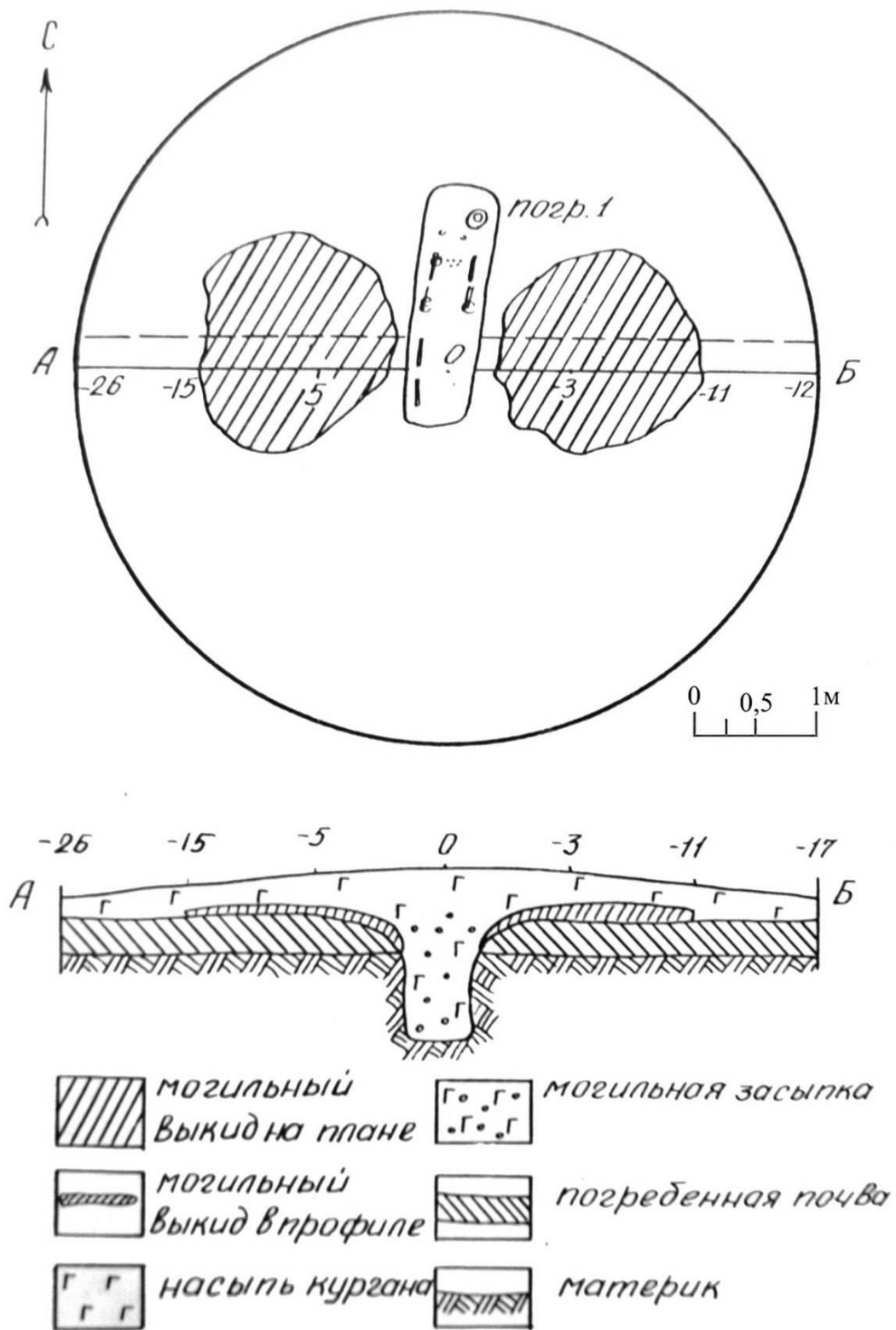

Рис. 221. Дербеневский курганный могильник. Курган 7
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 34]

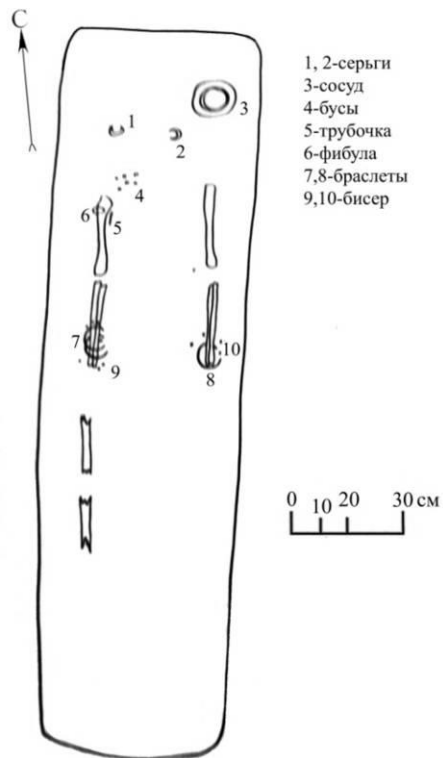

Рис. 222. Дербеневский курганный могильник. Курган 7, погребение
 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 35]

Рис. 223. Дербеневский курганный могильник. 10-12- погр., к.6; 1-9, 13-17- погр., к.7
 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 36-40]

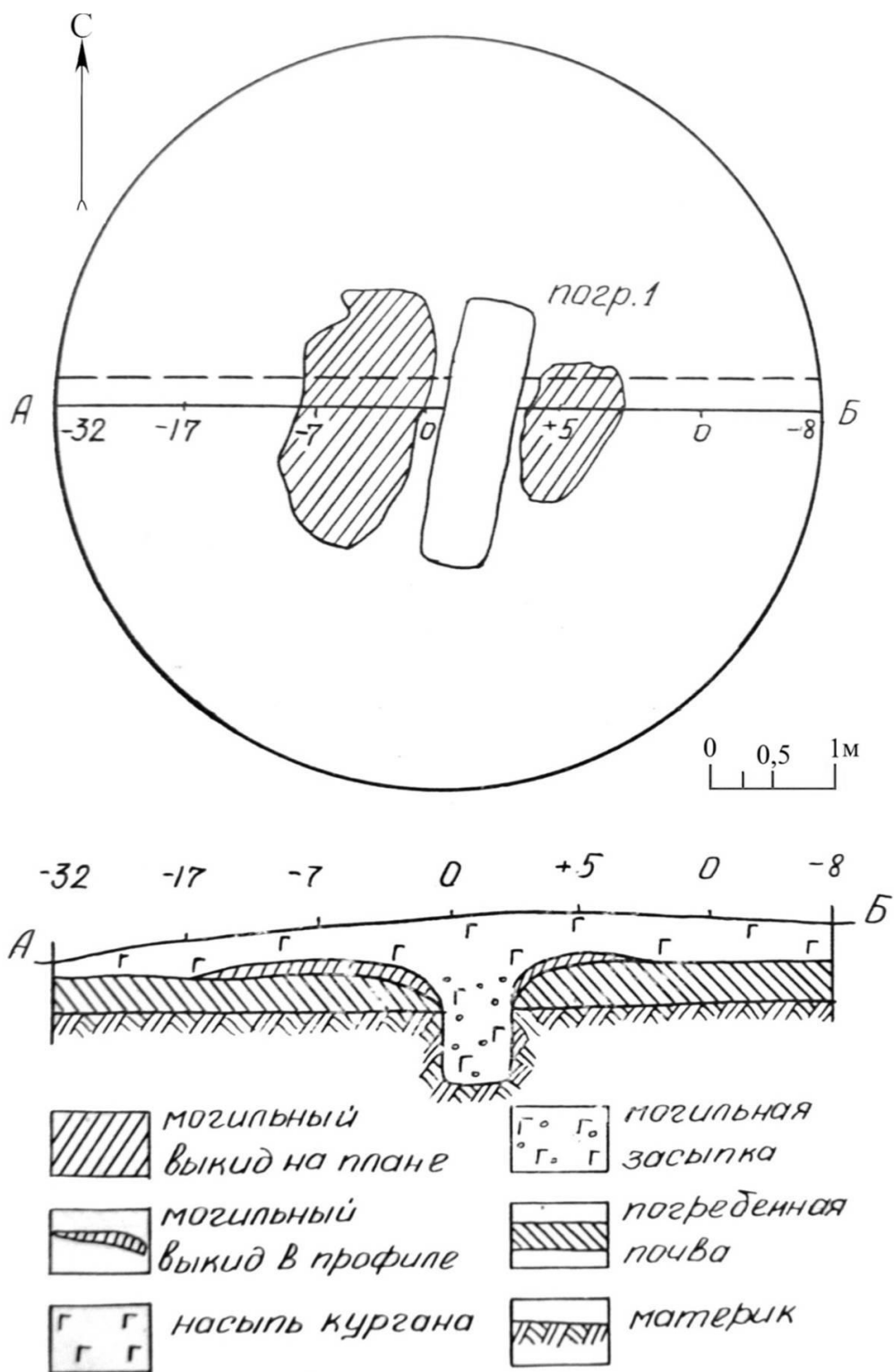

Рис. 224. Дербеневский курганный могильник. Курган 8
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 41]

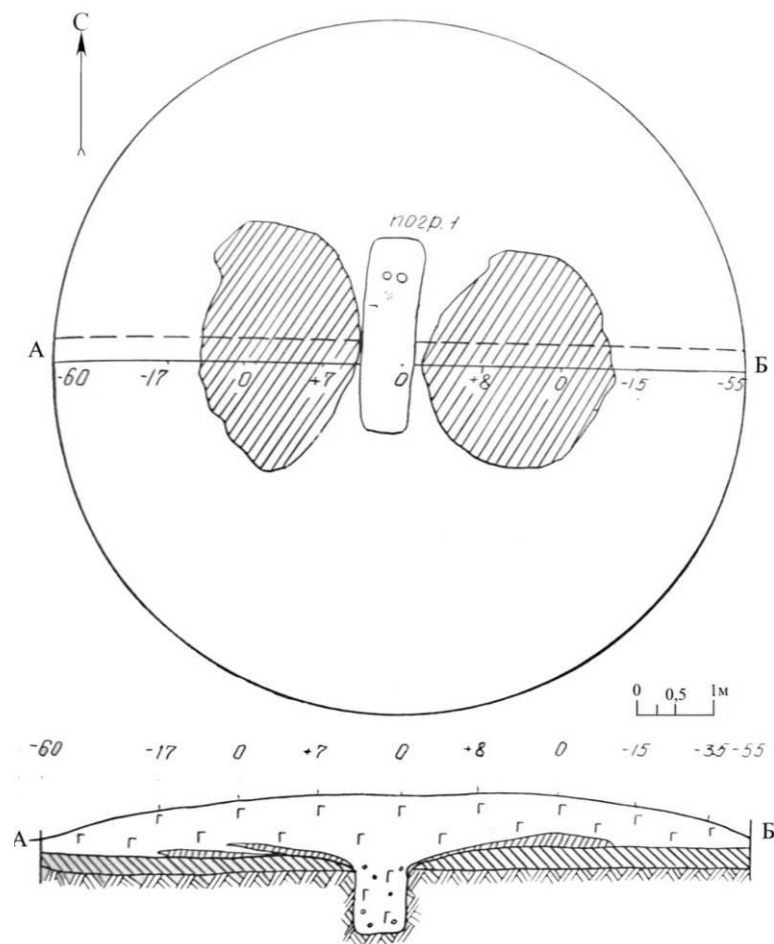

Рис. 225. Дербеневский курганный могильник. Курган 9
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 42]

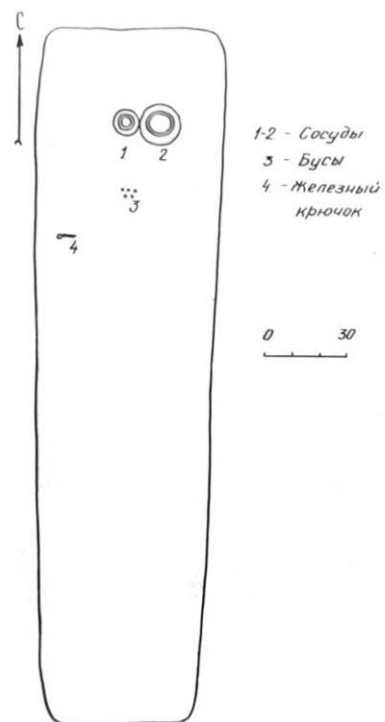

Рис. 226. Дербеневский курганный могильник. Курган 9, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 43]

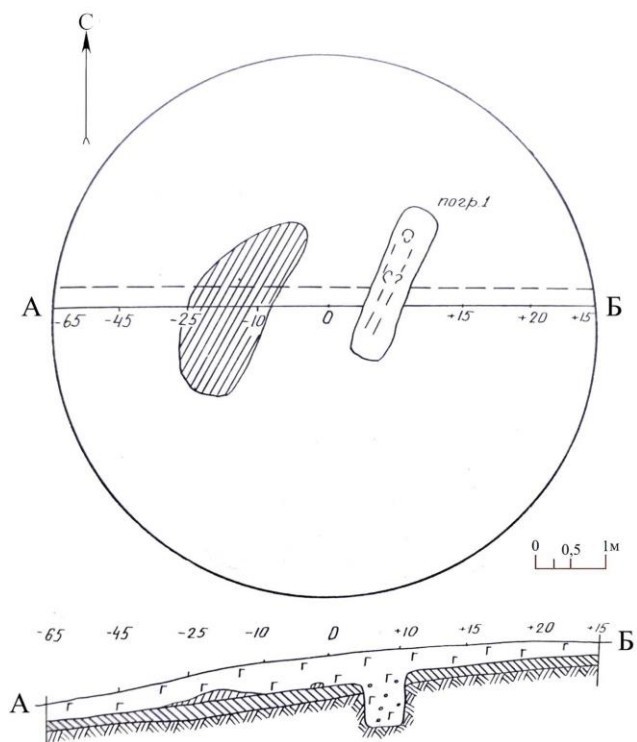

Рис. 227. Дербеневский курганный могильник. Курган 10
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 44]

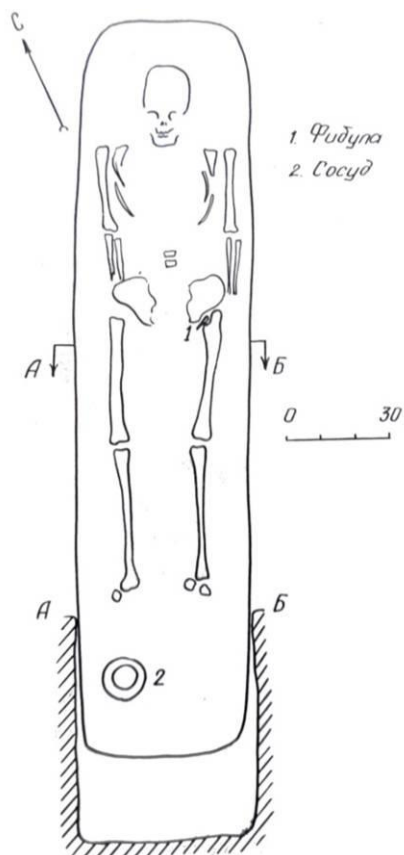

Рис. 228. Дербеневский курганный могильник. Курган 10, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 45]

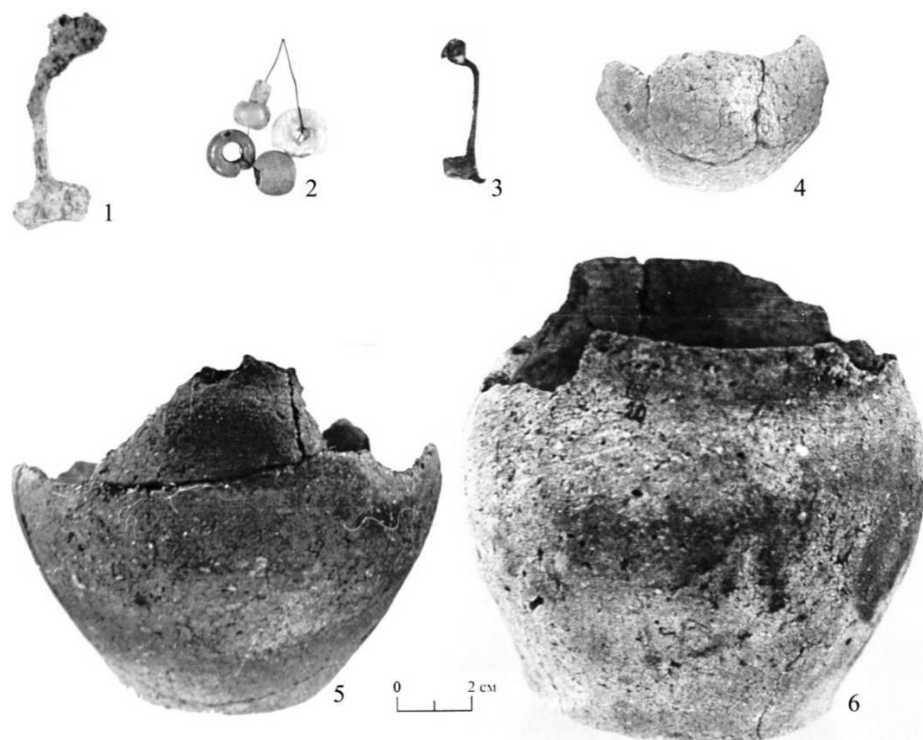

Рис. 229. Дербеневский курганный могильник. 1, 2, 4, 5-погр., к.9; 3, 6-погр., к.10
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 46-50]

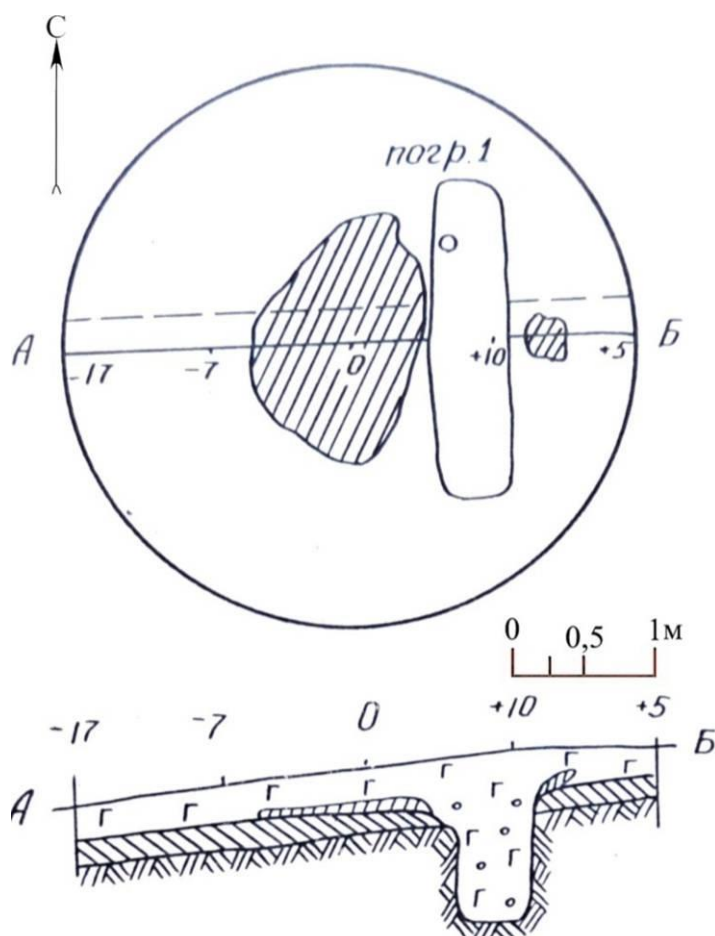

Рис. 230. Дербеневский курганный могильник. Курган 11
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 51]

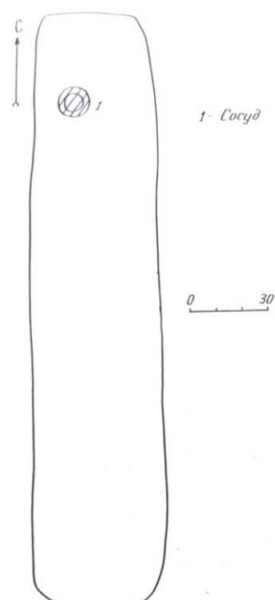

Рис. 231. Дербеневский курганный могильник. Курган 11, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 52]

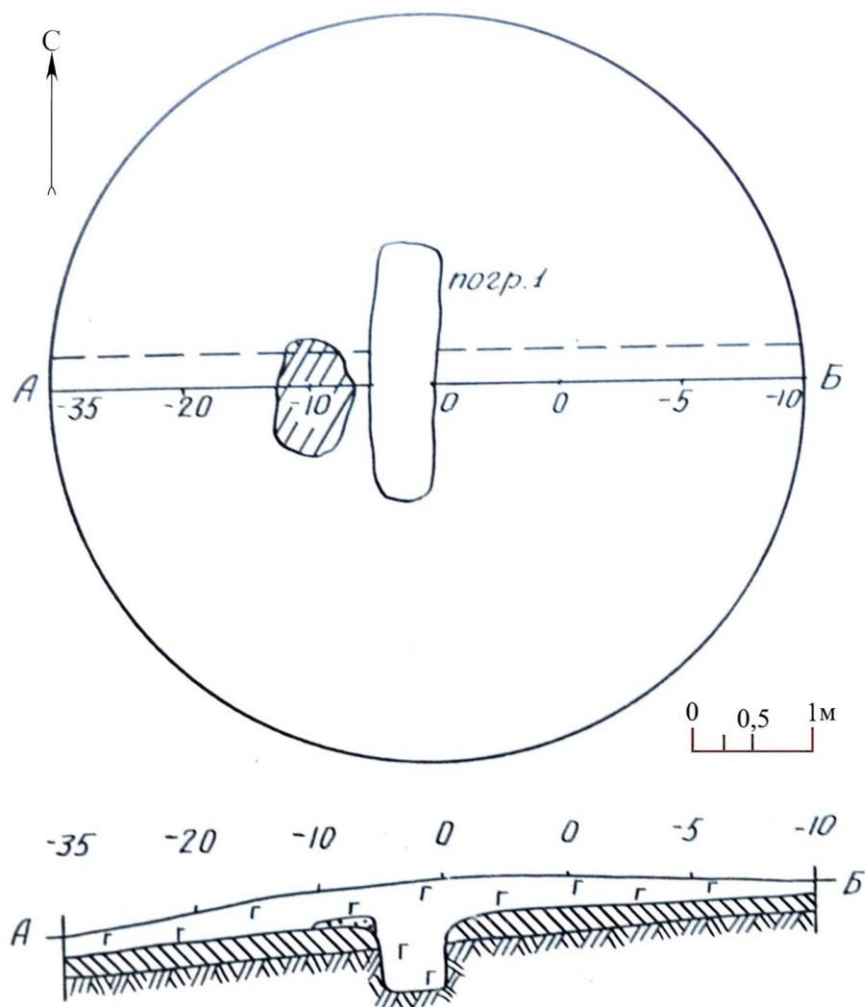

Рис. 232. Дербеневский курганный могильник. Курган 12
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 53]

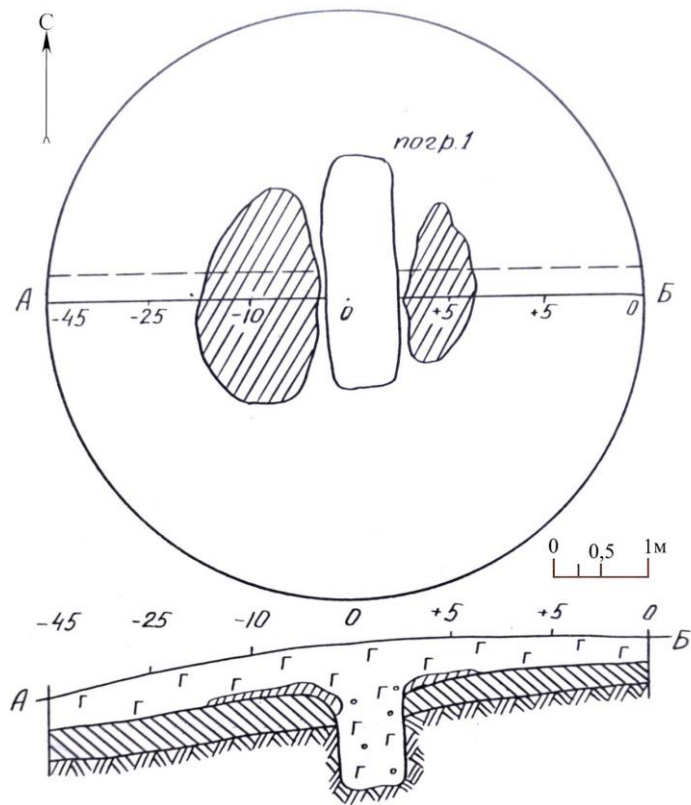

Рис. 233. Дербеневский курганный могильник. Курган 13
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 54]

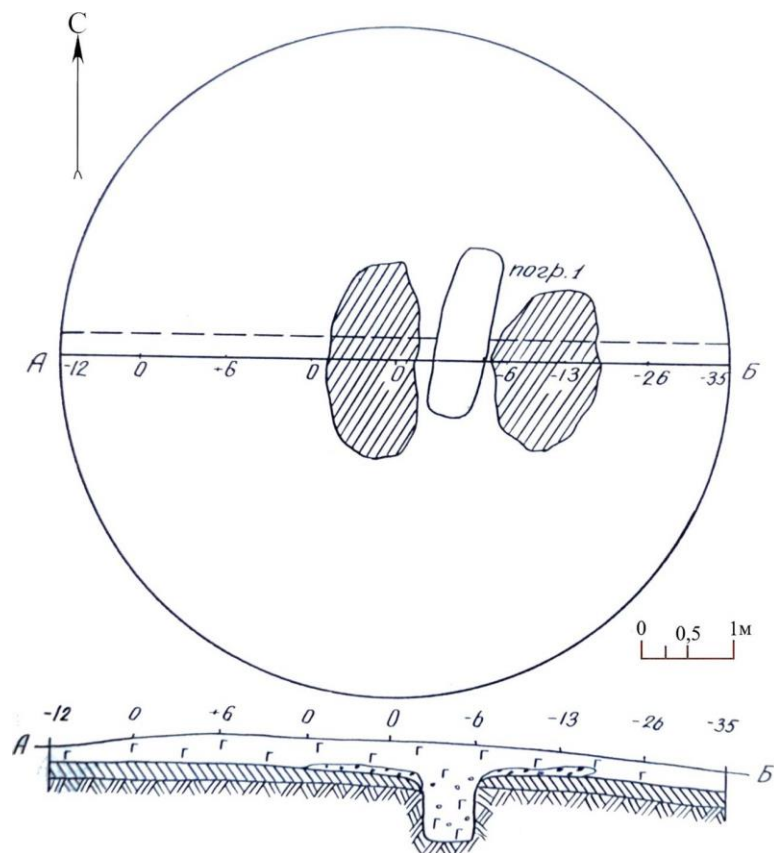

Рис. 234. Дербеневский курганный могильник. Курган 14
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 55]

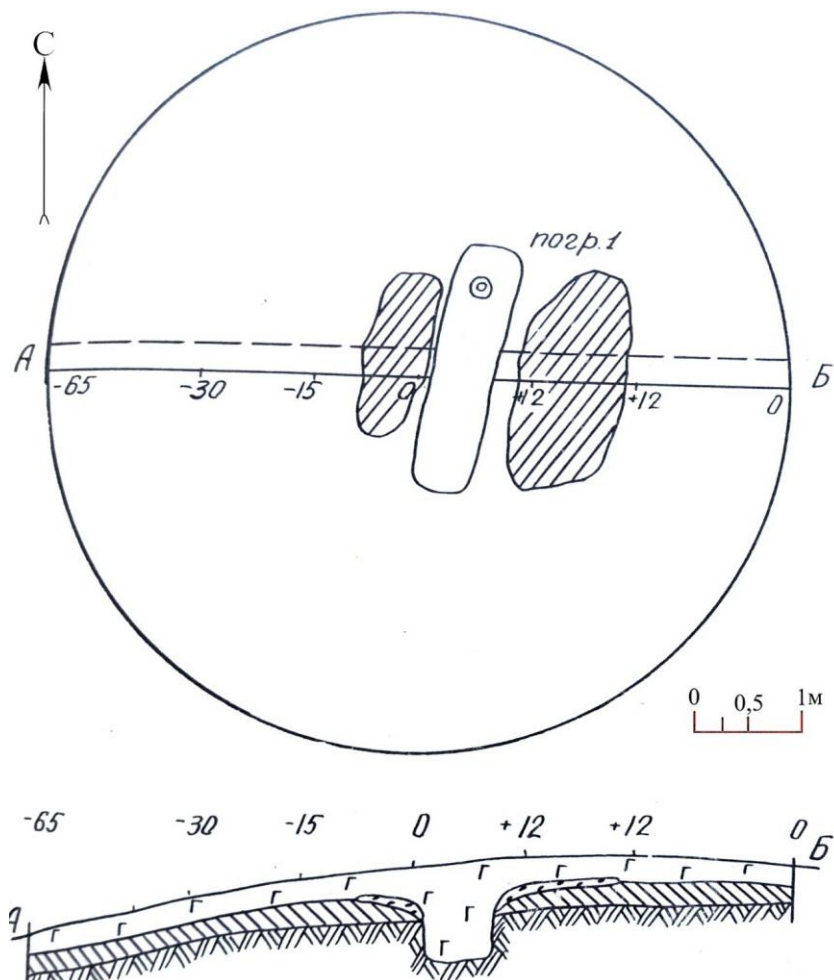

Рис. 235. Дербеневский курганный могильник. Курган 15
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 65]

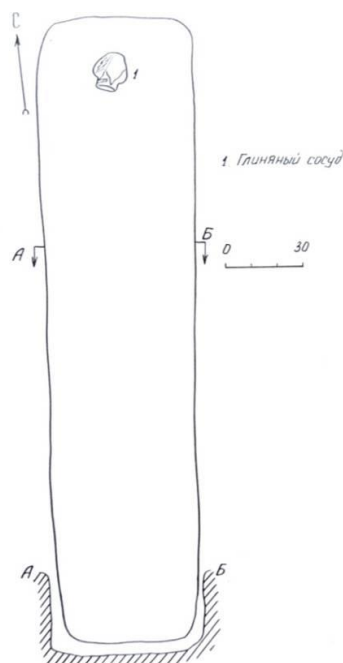

Рис. 236. Дербеневский курганный могильник. Курган 15, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 57]

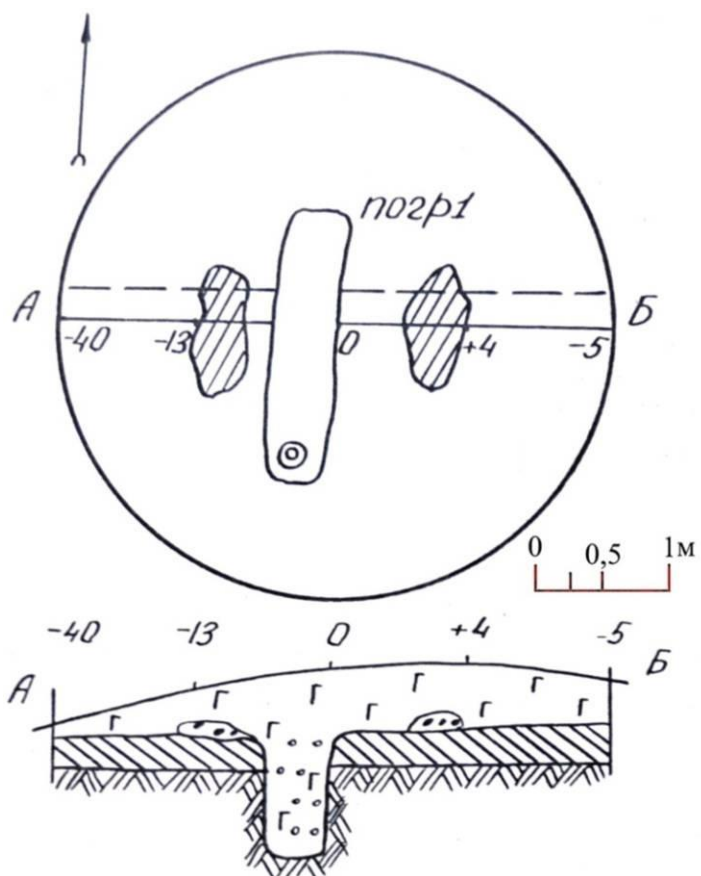

Рис. 237. Дербеневский курганный могильник. Курган 16
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 58]

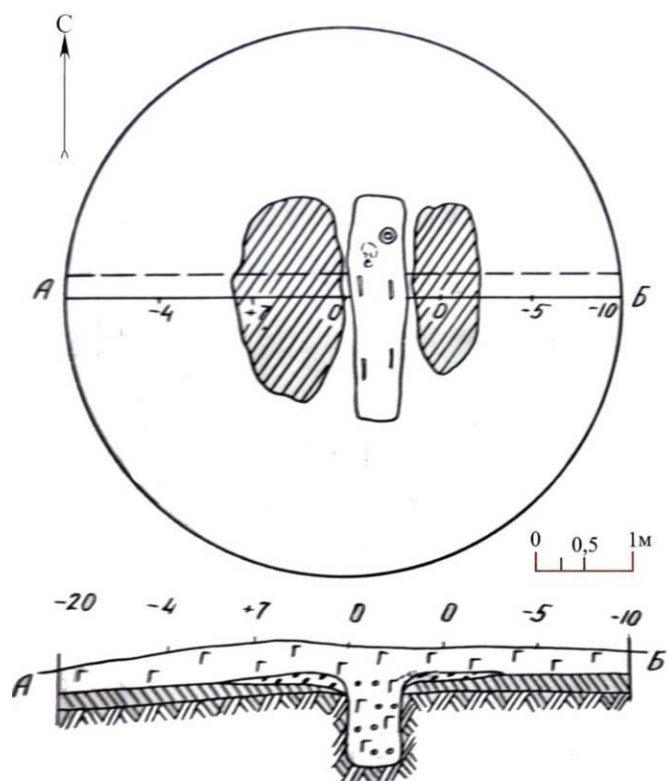

Рис. 238. Дербеневский курганный могильник. Курган 17
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 59]

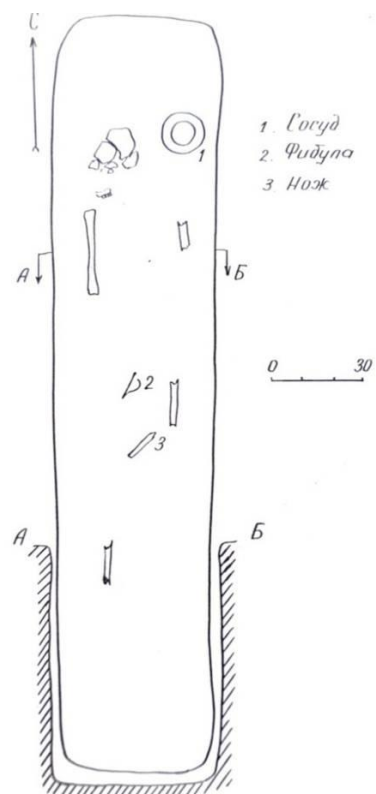

Рис. 239. Дербеневский курганный могильник. Курган 17, погребение [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 60]

Рис. 240. Дербеневский курганный могильник. 1-3-погр., к.17; 4-погр., к.16; 5-погр., к.15; 6-погр., к.11, [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 61-65]

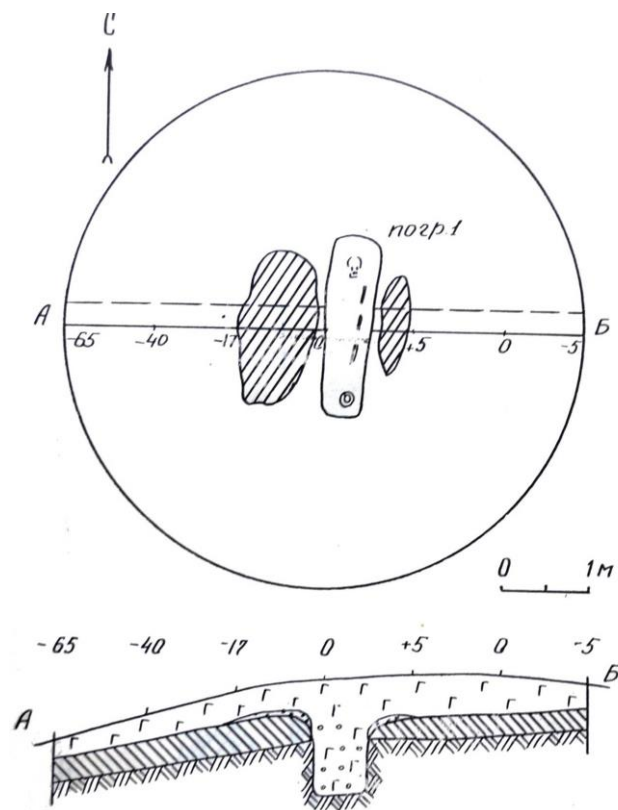

Рис. 241. Дербеневский курганный могильник. Курган 18, [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 66]

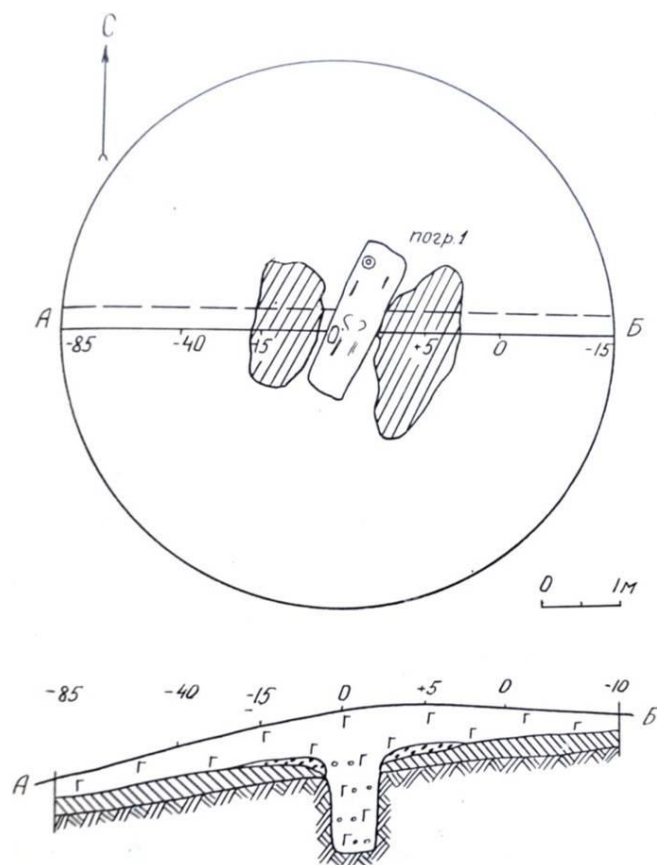

Рис. 242. Дербеневский курганный могильник. Курган 19 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 69]

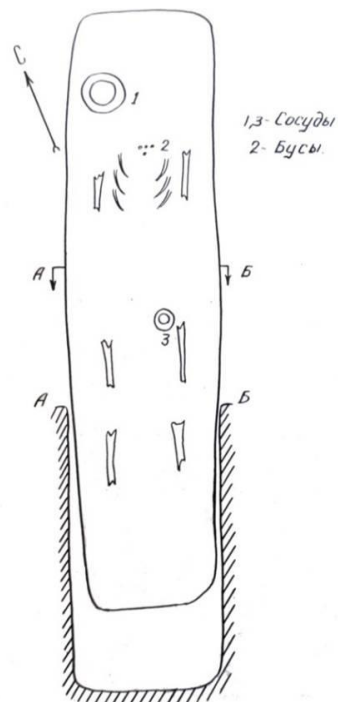

Рис. 243. Дербеневский курганный могильник. Курган 19, погребение, [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 69]

Рис. 244. Дербеневский курганный могильник. 1, 2, 4-погр., к.19; 3-погр., к.18 Курган 18 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 70, 72-74]

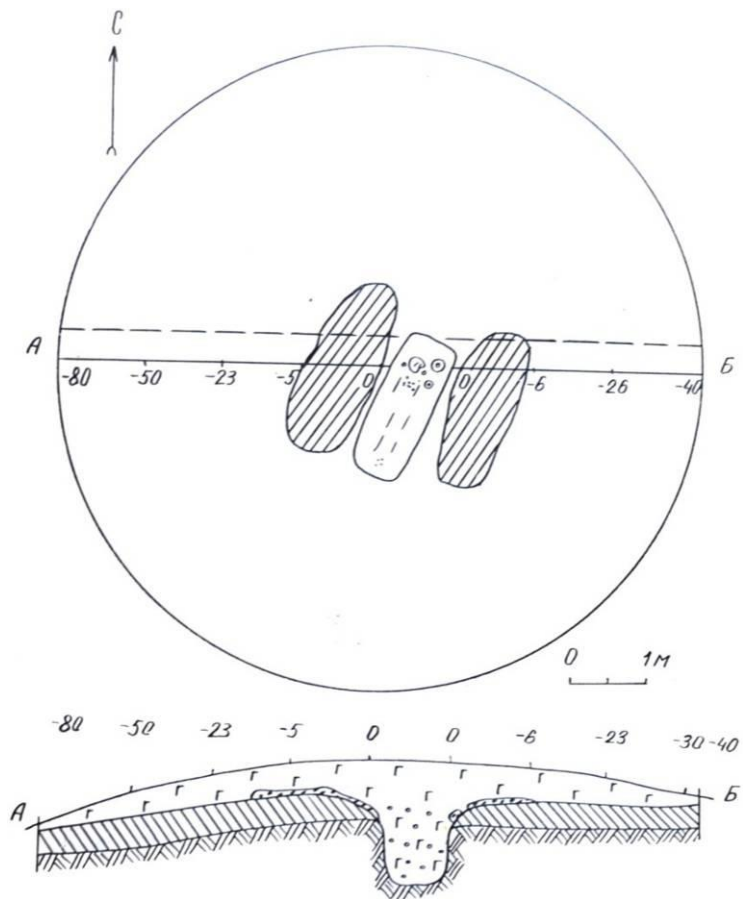

Рис. 245. Дербеневский курганный могильник. Курган 20
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 75]

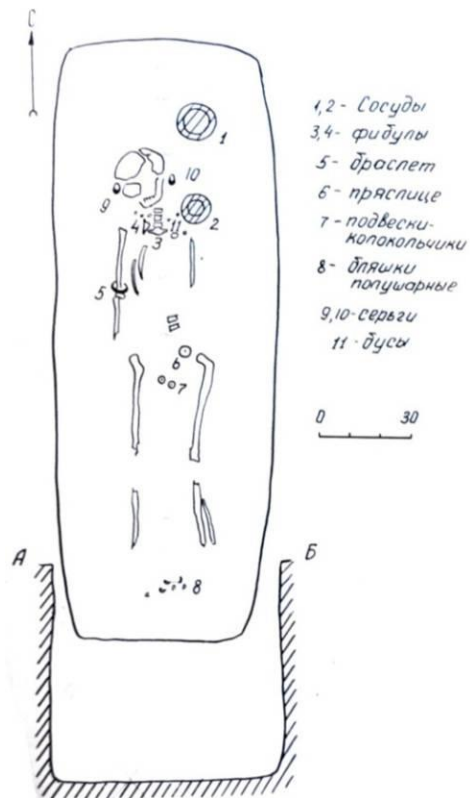

Рис. 246. Дербеневский курганный могильник. Курган 20, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 76]

Рис. 247. Дербеневский курганный могильник. Курган 20
 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 79-80]

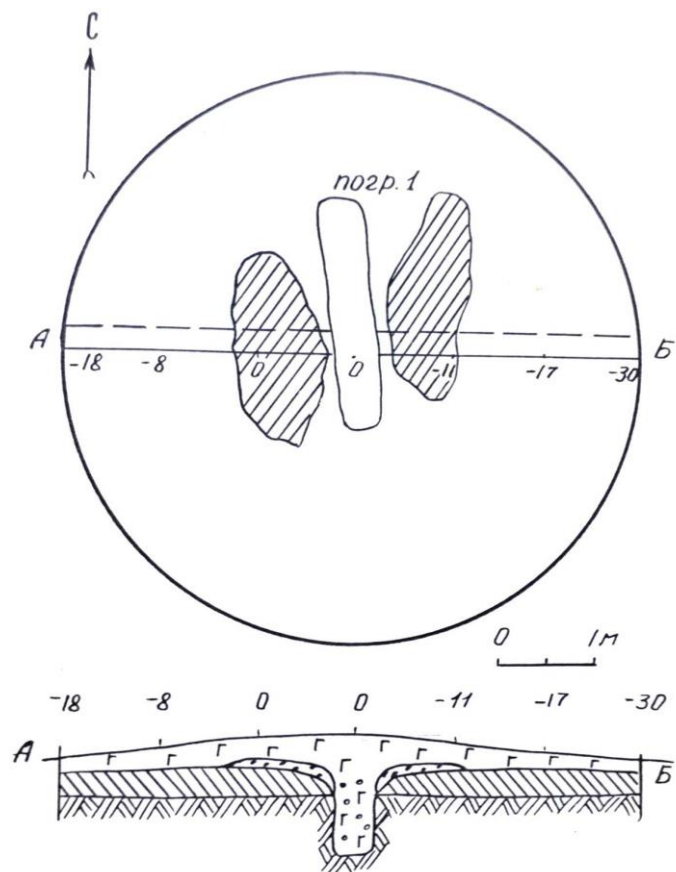

Рис. 248. Дербеневский курганный могильник. Курган 21
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 81]

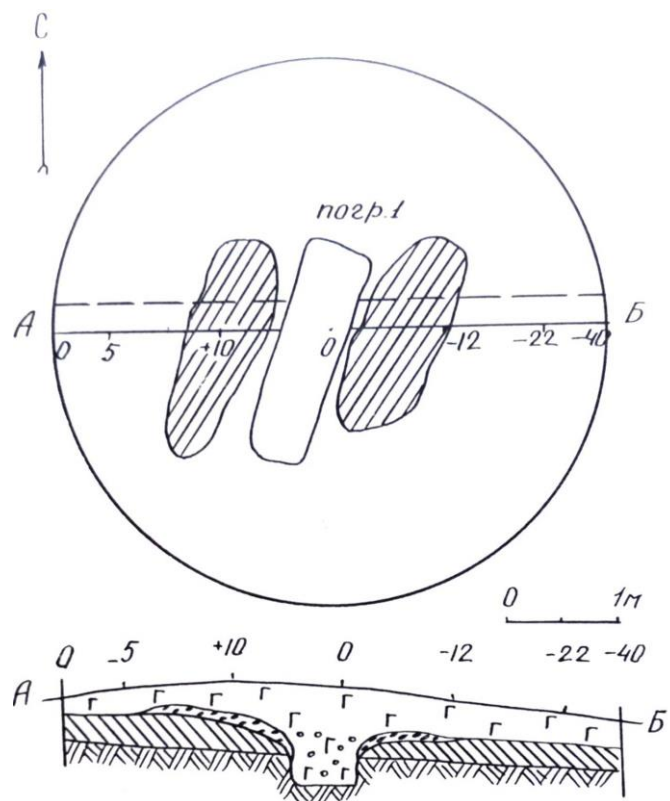

Рис. 249. Дербеневский курганный могильник. Курган 22
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 82]

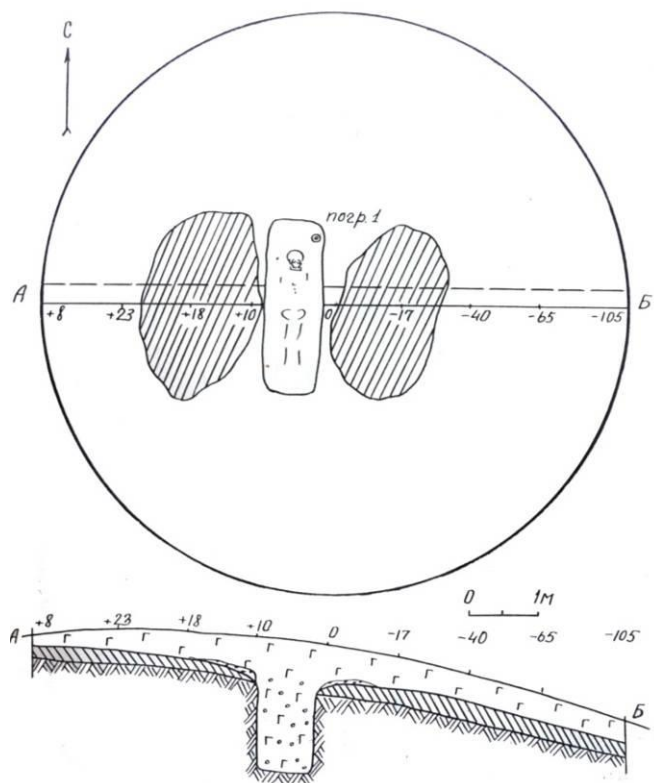

Рис. 250. Дербеневский курганный могильник. Курган 23
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 83]

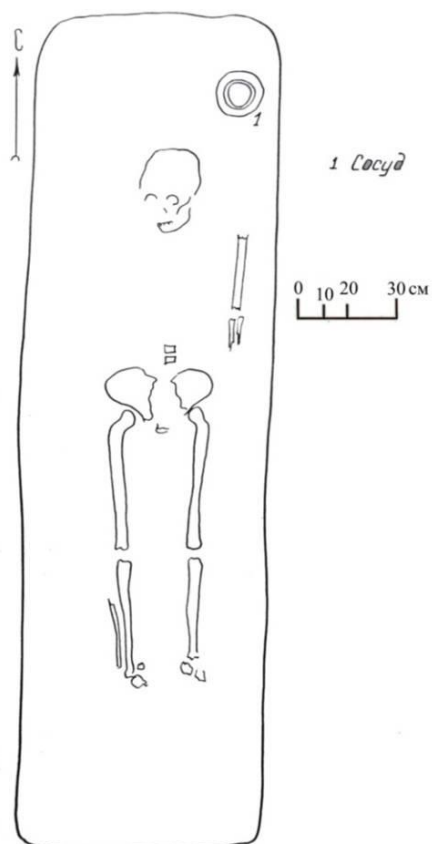

Рис. 251. Дербеневский курганный могильник. Курган 23, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 84]

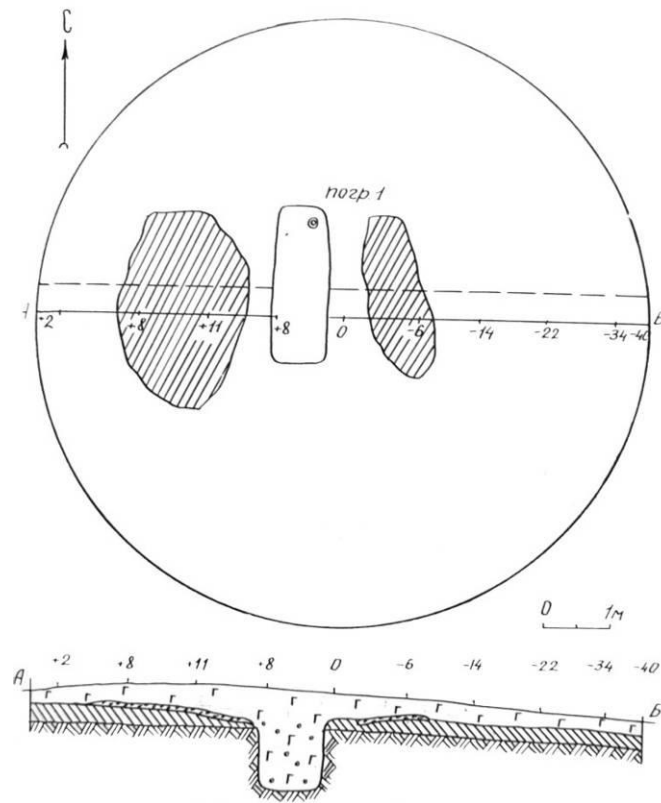

Рис. 252. Дербеневский курганный могильник. Курган 24
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 85]

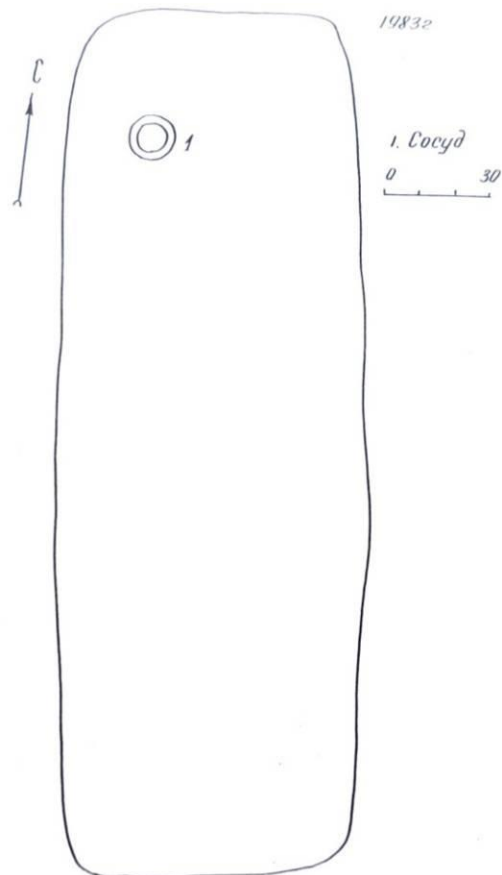

Рис. 253. Дербеневский курганный могильник. Курган 24, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 86]

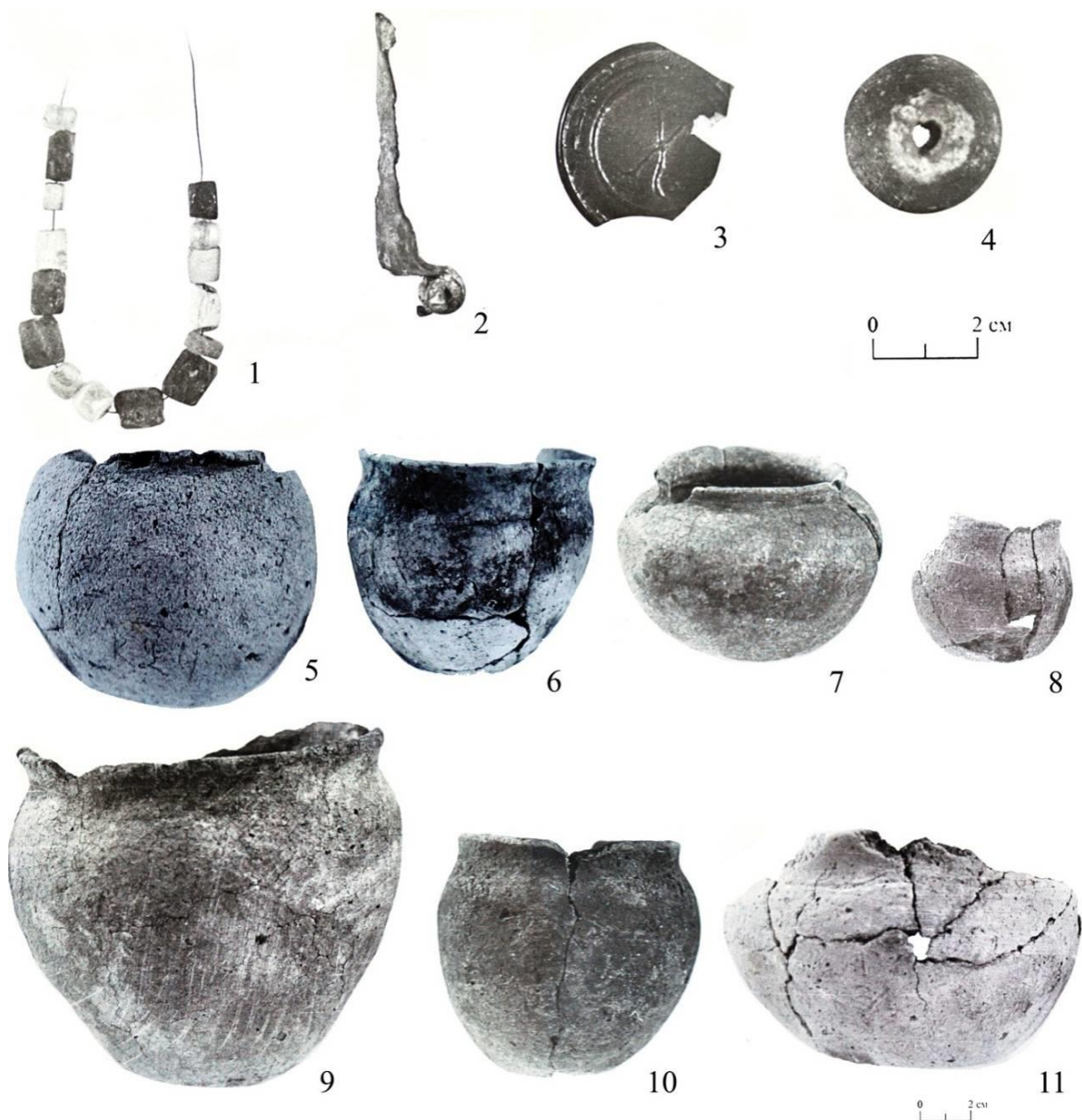

Рис. 254. Дербеневский курганный могильник.
 1-4, 8, 11-погр., к.31; 5-погр., к.24; 6-погр., к.23; 7, 9-погр., к.27; 10-погр., к.25
 [по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 89, 91, 101-106]

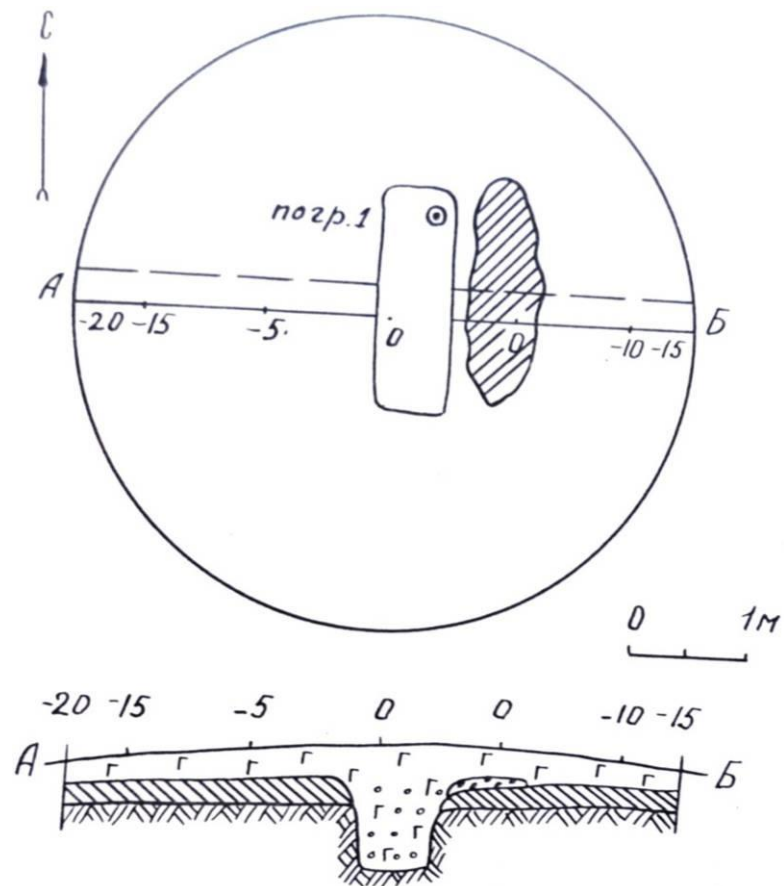

Рис. 255. Дербеневский курганный могильник. Курган 25
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 92]

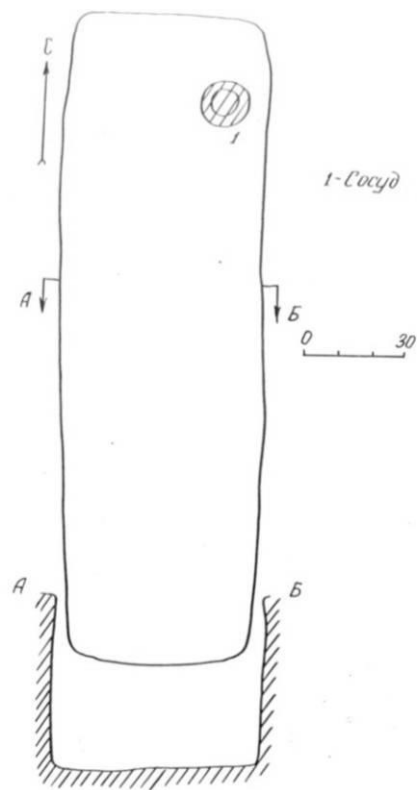

Рис. 256. Дербеневский курганный могильник. Курган 25, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 93]

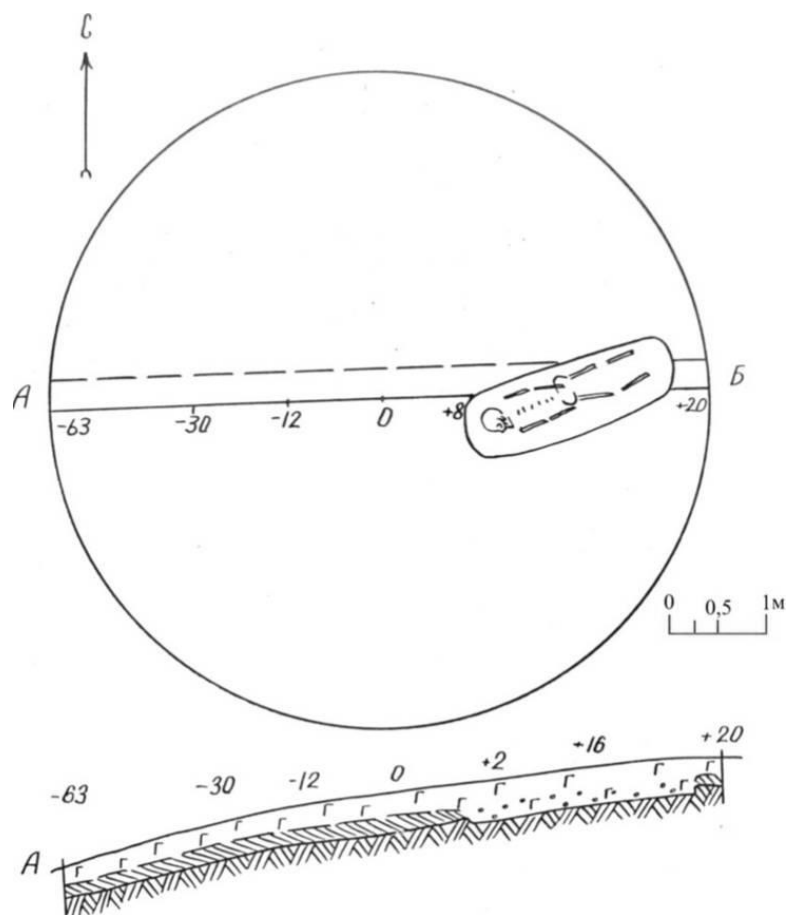

Рис. 257. Дербеневский курганный могильник. Курган 26
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 94]

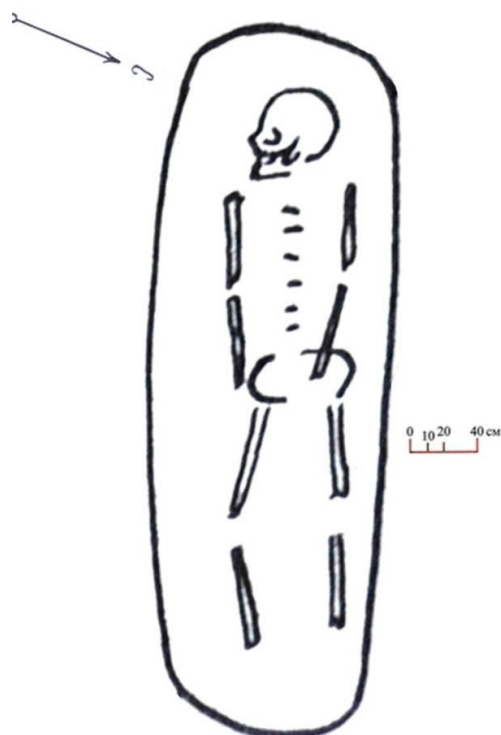

Рис. 258. Дербеневский курганный могильник. Курган 26, погребение
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 94]

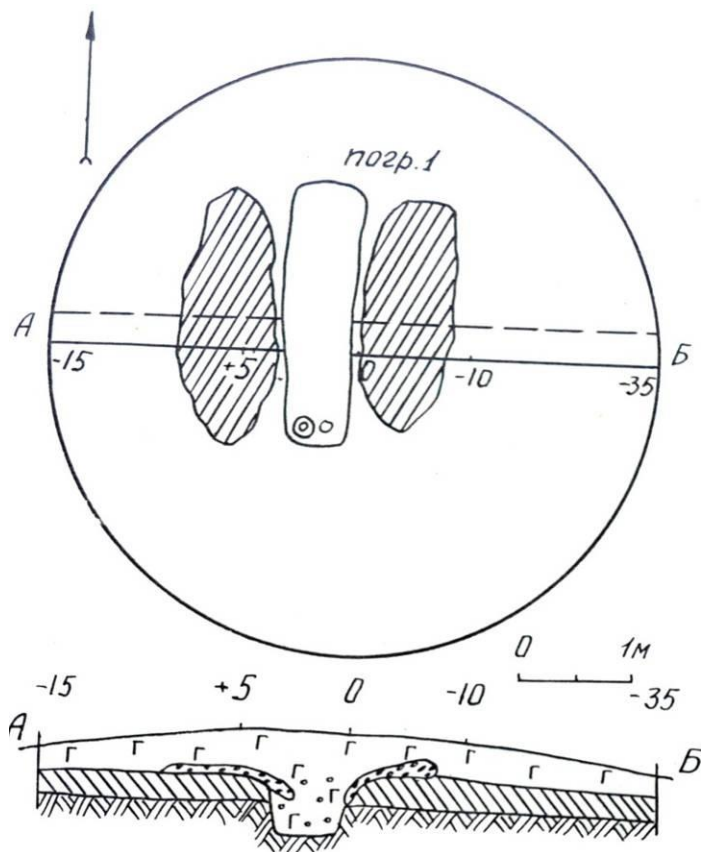

Рис. 259. Дербеневский курганный могильник. Курган 27
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 95]

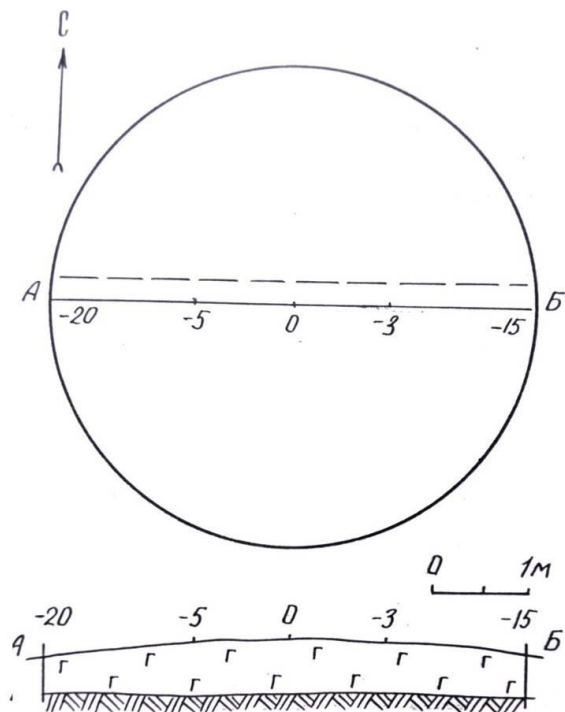

Рис. 260. Дербеневский курганный могильник. Курган 28
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 96]

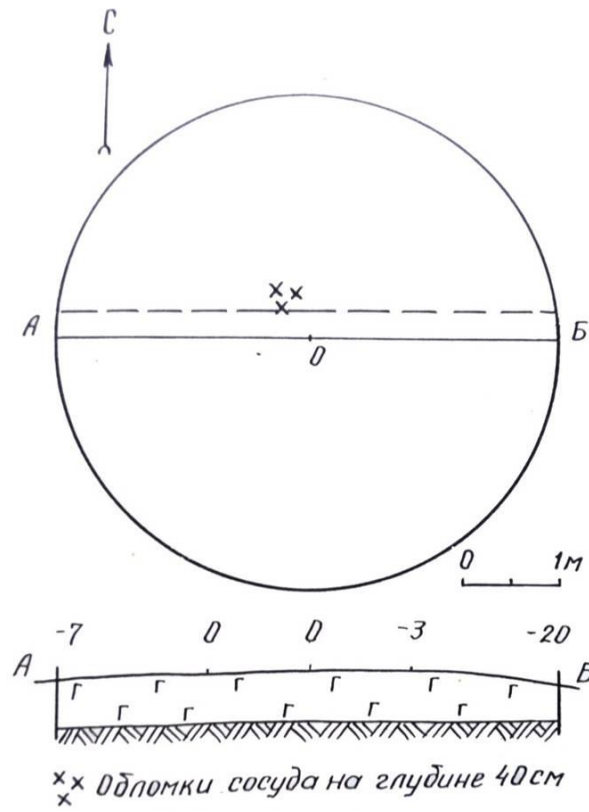

Рис. 261. Дербеневский курганный могильник. Курган 29
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 97]

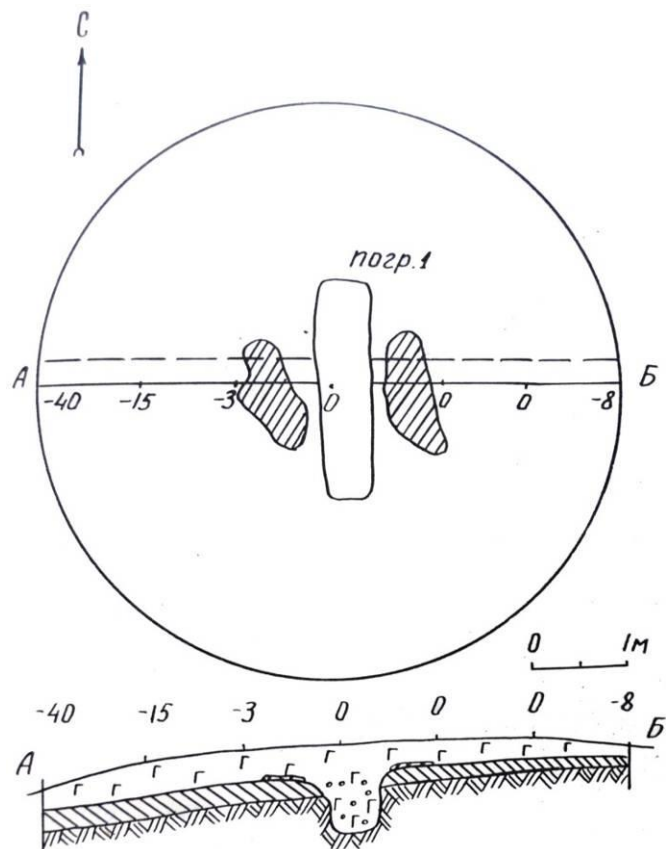

Рис. 262. Дербеневский курганный могильник. Курган 30
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 98]

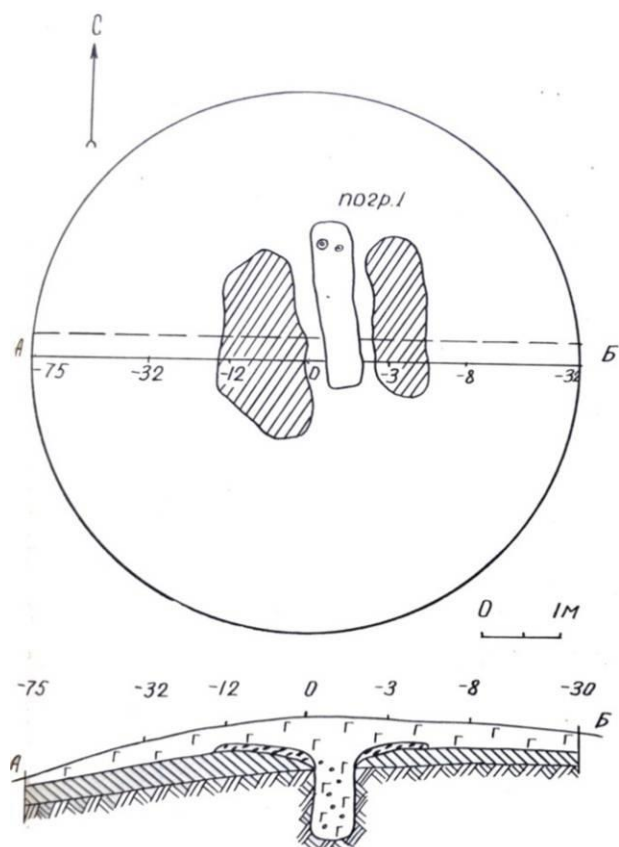

Рис. 263. Дербеневский курганный могильник. Курган 31
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 99]

Рис. 264. Дербеневский курганный могильник. Курган 31
[по: Пшеничнюк, 1983. Рис. 100]

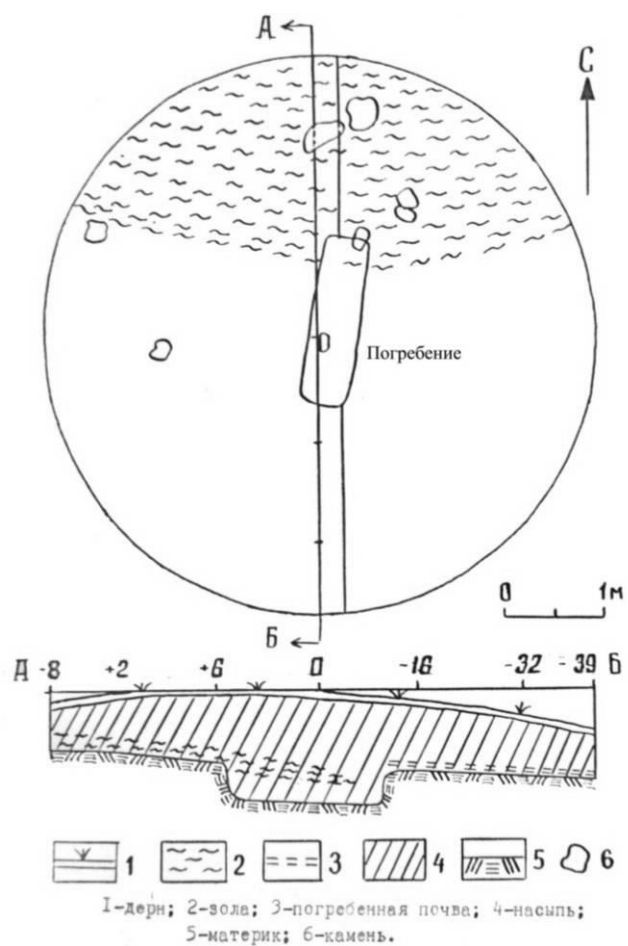

Рис. 265. Дербеневский курганный могильник. Курган 32
[по: Горбунов, 1983. Рис. 50]

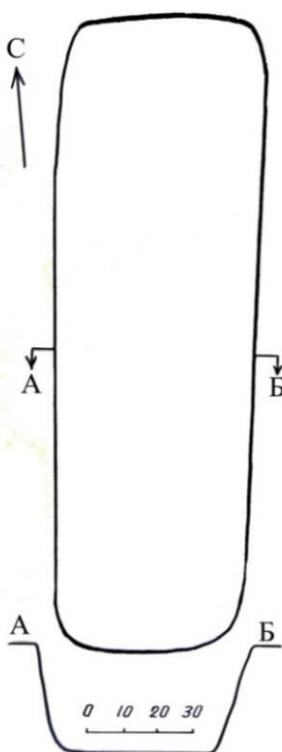

Рис. 266. Дербеневский курганный могильник. Курган 32, погребение
[по: Горбунов, 1983. Рис. 51]

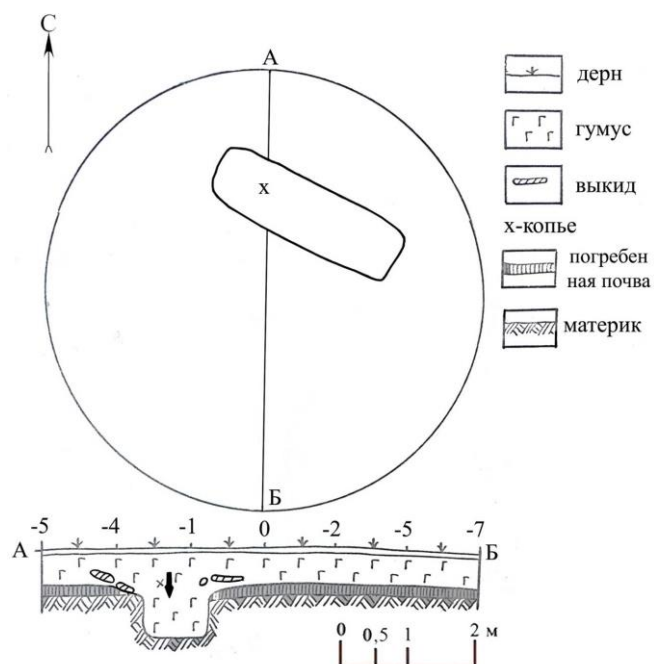

Рис. 267. Камбулатовский курганный могильник. Курган 1
[по: Иванов, 1983]

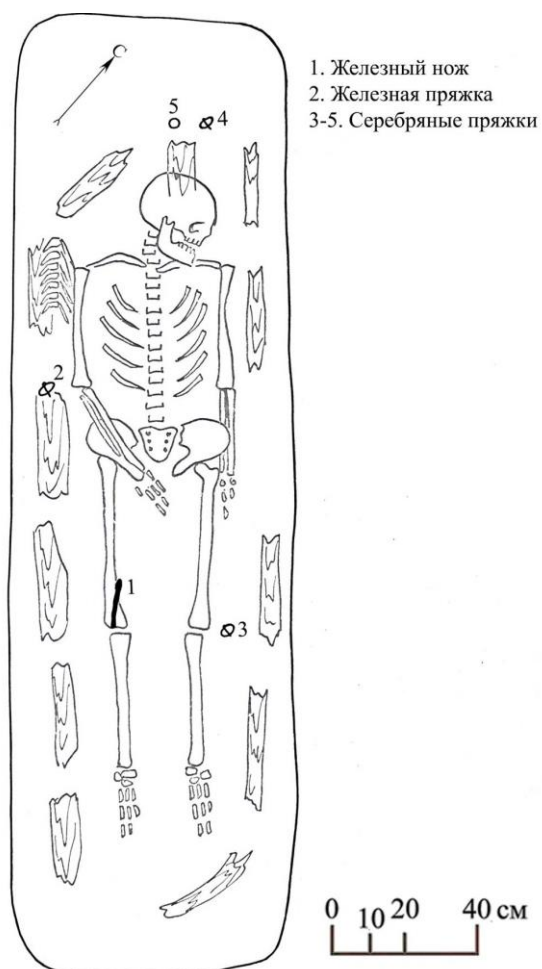

Рис. 268. Камбулатовский курганный могильник. Курган 1, погребение
[по: Иванов, 1983]

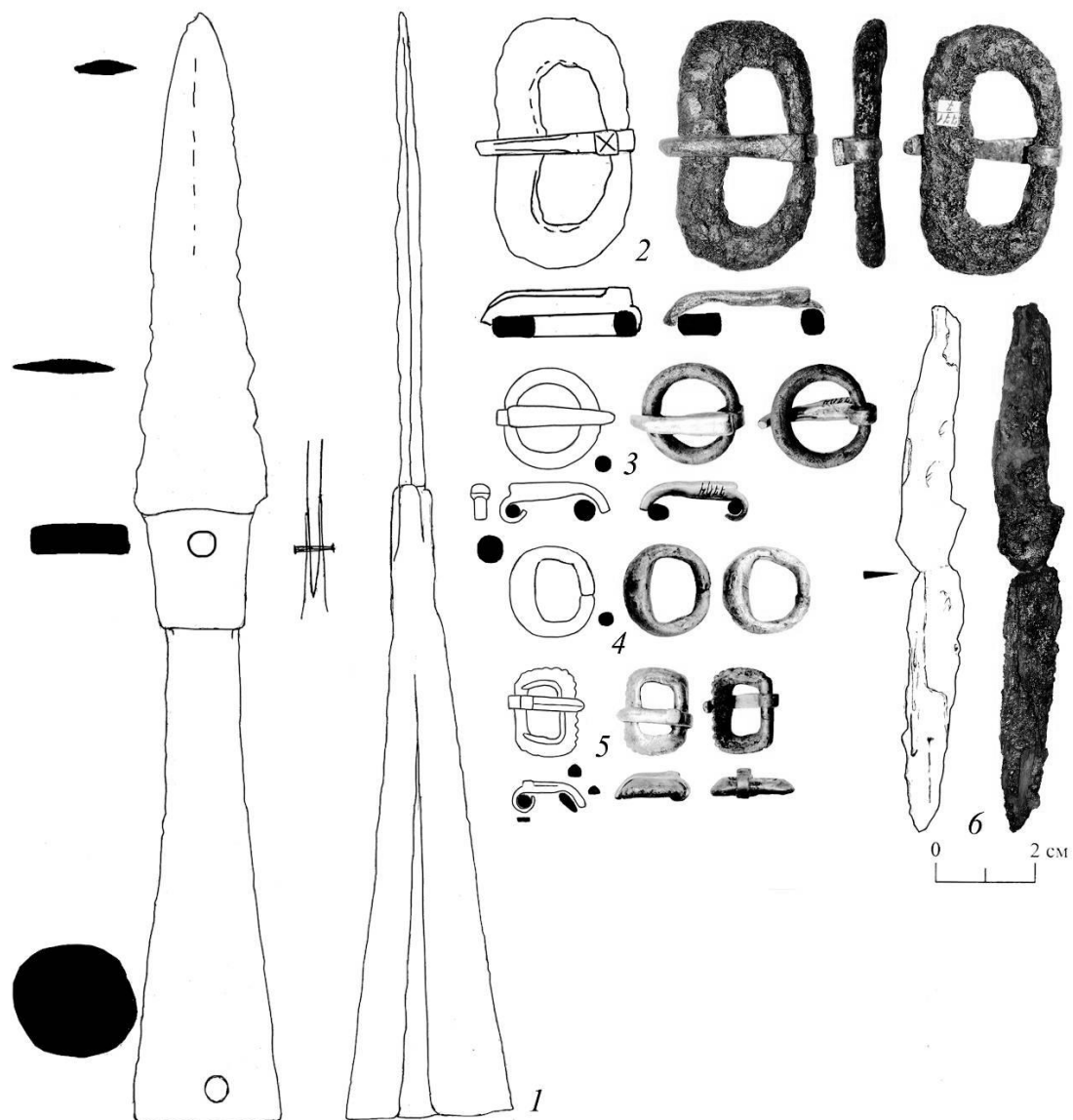

Рис. 269. Камбулатовский курганный могильник. Курган 1.
 Фонды МАЭ ИЭИ УНЦ РАН. Шифр 771/1-7.
 1, 2, 6-железо; 3-железо и серебро; 4, 5-серебро.
 1-наконечник копья; 2-5-пряжки; 6-нож
 (фотографии предметов и прорисовки выполнены автором)

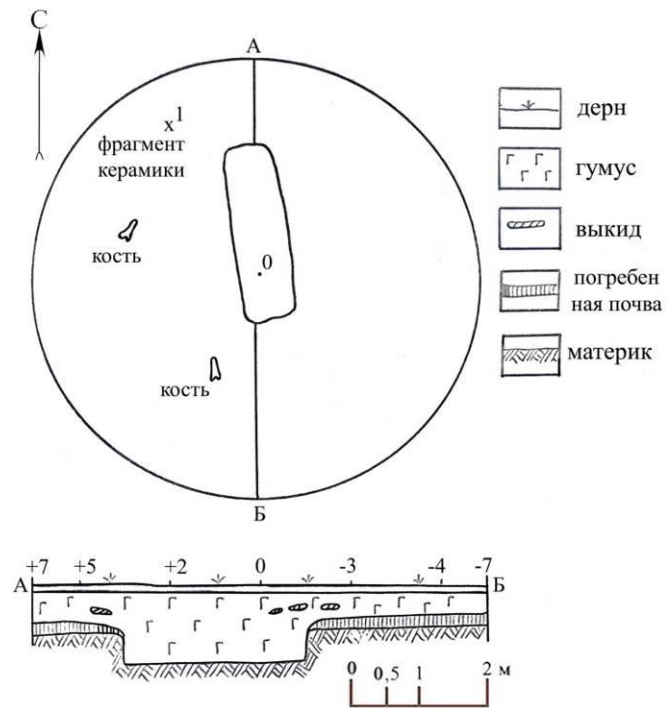

Рис. 270. Камбулатовский курганный могильник. Курган 2 [по: Иванов, 1983]

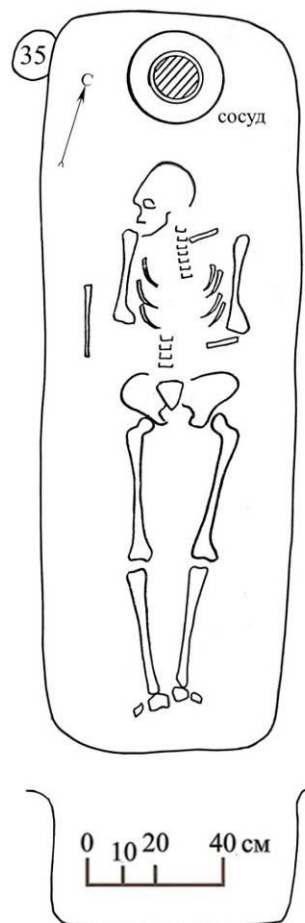

Рис. 271. Камбулатовский курганный могильник. Курган 2 [по: Иванов, 1983]

Рис. 272. Камбулатовский курганный могильник. Курган 2
 Фонды МАЭ ИЭИ УНЦ РАН. Шифр 771/1
 [прорисовка горшка по: Иванов, 1983; фото сосуда выполнено автором]

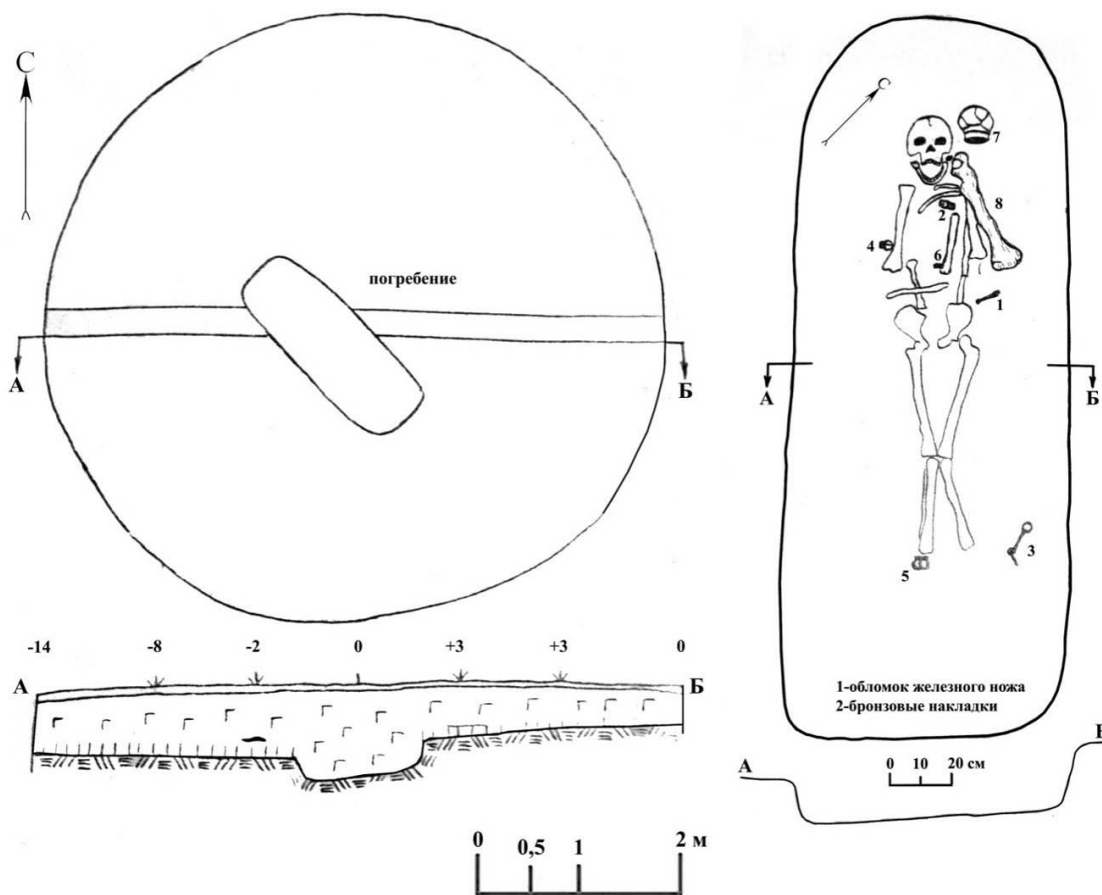

Рис. 273. Береговский II одиночный курган. Погребение
 [по: Горбунов, 1974]

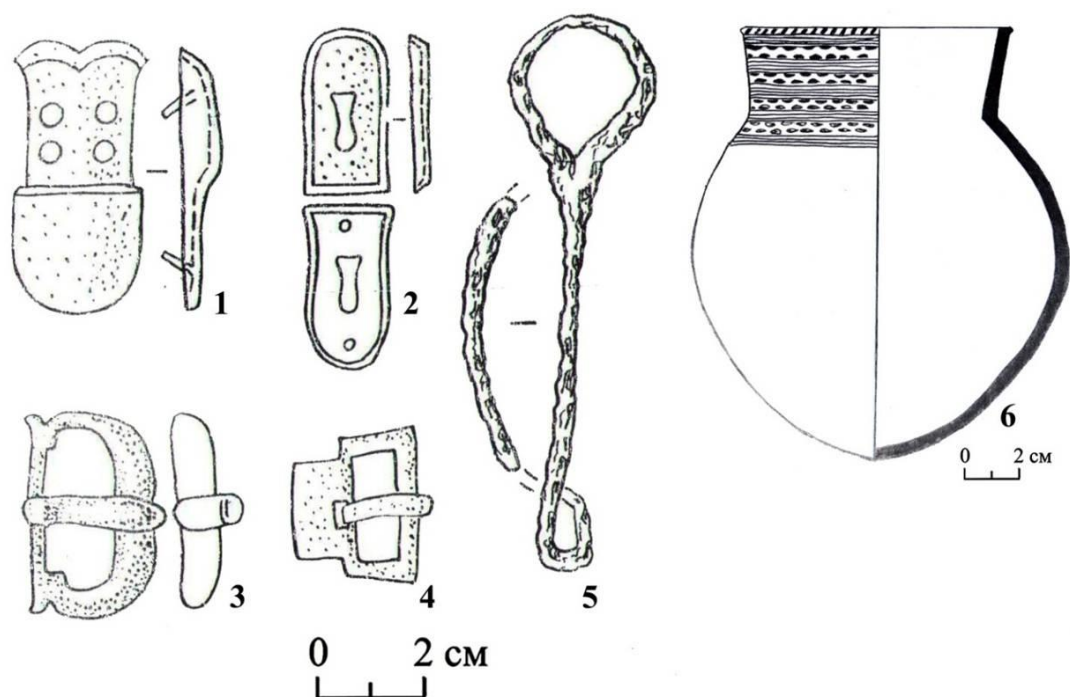

Рис. 274. Береговский II одиночный курган. Вещевой инвентарь.
1-4-бронза; 5-железо; 6-керамика [по: Горбунов, 1984. С. 55-60]

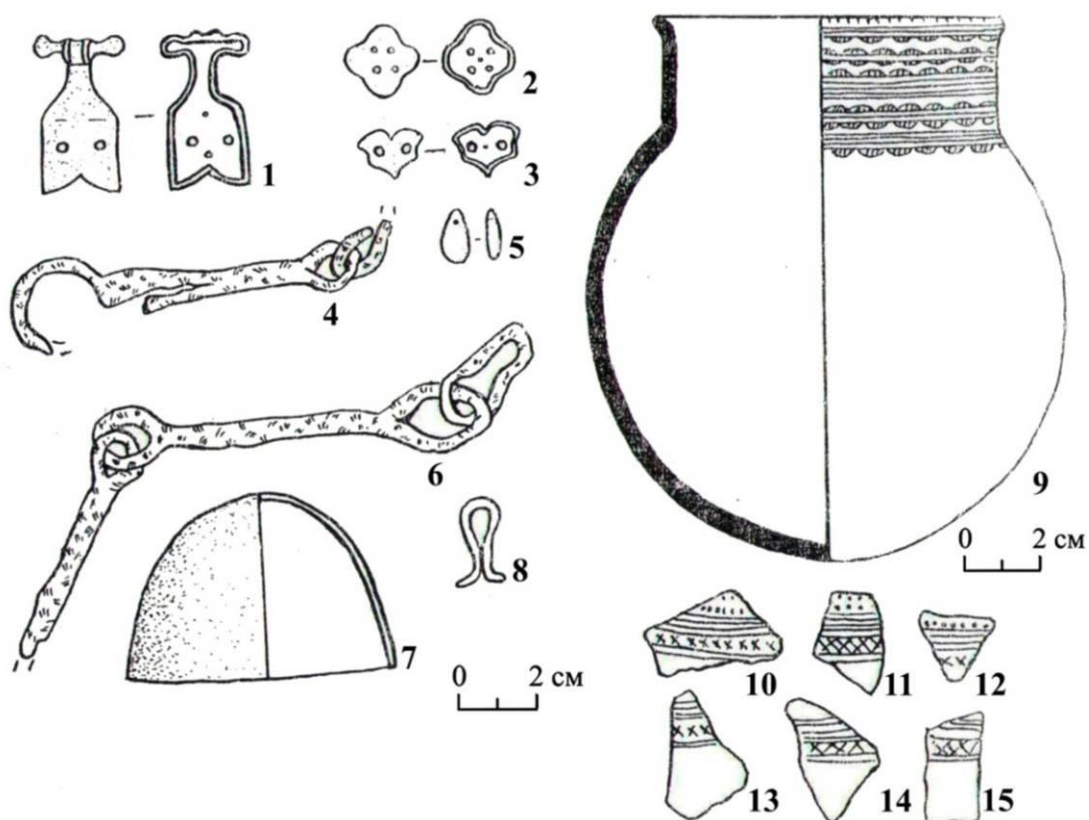

Рис. 275. Красногорский II курганный могильник. Вещевой инвентарь.
1, 4-кург. 2, из насыпи; 2, 3, 5, 6, 8, 9-кург. 1, погр.; 10-15-кург. 2, погр.
1-3, 7, 8-бронза; 4, 6-железо; 5-камень; 9-15-керамика [по: Горбунов, 1984. С. 55-60]